А. И. Погребецкий.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ДЕНЕЖНЫЕ ЗНАКИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

за период Войны и Революции (1914-1924).

A. POGREBETZKY.

Monetary circulation and currency in the Far East during the War and Revolution. (1914 — 1924).

ИЗДАНИЕ
О-ва Изучения Маньчжурского Края
и
Дальневосточно-Сибирского О-ва
„Книжное Дело“.

1924.

Типо-лит. „ОЗО“. Харбин.

ПУБЛ. БИБЛ.
имени
В. И.
ЛЕНИНА
С.С.С.Р.

От издателей.

Цель настоящей книги дать возможно полную картину всех тех изменений, которые претерпело денежное обращение на территории русского Д. Востока и в сфере влияния России за годы Великой Войны и Российской Революции.

Д. Восточная окраина на протяжении последних семи лет последовательно пережила эпоху территориального распада, гражданской войны и нового об'единения.

Опасность оторванности одних частей территории от других изжита, политическая самостийность отдельных районов вспоминается как нечто давно прошедшее, но в сфере хозяйственного и особенно денежно-финансового бытия многое еще остается неизжитым.

Понять целое можно только вдумавшись в существо частного.

Своевременнее, чем когда-либо вспомнить мудрые слова великого Менделеева в его книге „К познанию России", утверждавшего, что „для понимания совершающегося преполезно подсчитаться".

Попыткой такого именно „подсчета" всего того, что произошло в деле денежного обращения Д. Востока за эпоху последнего десятилетия является настоящий труд.

Автор сам за эти годы в качестве руководителя банковского учреждения и в качестве управляющего финансами Иркутского Политического Центра, а позднее управляющего Ведомством Финансов Вр. Пр-ва Д. Востока—Приморской Земской Управы и члена Финансовых Комиссий Учредительного и Народного Собраний Д. Восточной Республики—близко соприкасался с финансовыми проблемами Д. Востока, что позволило ему вплотную подойти ко многим вопросам д.-восточной экономики и распологать весьма обширными материалами.

Помещенные снимки дензнаков произведены из коллекции автора, исполнены фото-цинкографией Т-ва „Печать" в Харбине.

Приняв на себя выпуск настоящей книги, издательства полны желания предоставить работникам в области экономики обзор не только истекших событий, но и текущих мероприятий.

В быстром темпе современности полезно обозреть путь, пройденный предшественниками.

В этом отношении время от времени „преполезно подсчитаться" не только в области денежного обращения, но и в других областях экономики и политики.

В этом отношении издатели полны готовности оказать содействие всем тем, кто, соблюдая об'ективность изложения, взял бы на себя труд исследователя и историка.

Д. Восточный книжный рынок знает весьма ограниченное количество трудов, посвященных описанию отдельных сторон переживаемой эпохи.

Тем ценнее каждое из свидетельских показаний современника.

ИЗДАТЕЛИ.

ОТ АВТОРА.

Пора не только творить, но и изучать современность.

В период революционного sturm und Drang'а неизбежны были те или иные импровизации, которыми стремилися: одни—сохранить достижения Революции, другие повернуть вспять колесо истории.

Постепенно жизнь входит в русло. Революционная импровизация уступает место утилитарному планостроительству.

Но сами мы, наблюдатели и участники исторического процесса, как будто бы, не склонны зафиксировать и для себя и для других уходящее в даль прошлого настоящее.

Между тем, слишком много любопытного таит в себе уходящая эпоха Войны и периода Революции, и весьма неосмотрительно поступили бы мы, если бы выкинули из своей памяти все то, что за это десятилетие прошло перед нашими взорами.

Проблема денежного обращения и поиски более рационального разрешения назревшей денежной катастрофы заняли почетное место на ряду с другими вопросами экономики.

Инфляция—перенасыщенность бумажными денежными знаками—стала достоянием почти всех европейских государств.

Экономисты, исследуя мировой хозяйственный уклад послевоенного периода, единодушны в выводе, что без введения в нормальное русло денежного обращения нельзя ждать урегулирования и всех иных сторон хозяйственного бытия.

Конечно, творящая жизнь найдет нужные пути и, с теми или иными перебоями,—в процессе времени введет денежное обращение в нормальное русло.

Но чем большие выводы с'умеем мы извлечь из уроков прошлого, тем легче будет нам преодолевать казусы текущей действительности.

Автор приложил максимальные усилия к тому, чтобы в своем труде откинуть все суб'ективное.

Автор не упустил из виду, что читателю интересны не его взгляды на то или иное мероприятие, а возможно подробное изложение всего того, что имело место в области денежного обращения Дальнего Востока за эпоху Войны и Революции.

Удалось ли это—судить, конечно, не автору.

Пусть последующие исследователи обобщают факты и делают выводы,—цель настоящей книги сохранить для них все те материалы, которые удалось получить за последние годы.

Вопросы бюджета, прожиточного минимума и т. п. не составляли предмета специального исследования и затронуты лишь попутно, как фон, который делает более четким те или иные моменты основной темы—денежного обращения Дальнего Востока.

Надо полагать, что на ряду с настоящей книгой появятся и другие—охватывающие ту или иную часть обширной территории СССР.

На путь сосредоточения материалов по денежному обращению отдельных районов вступили уже центральные органы управления Республики[1]).

В результате издания трудов, преследующих аналогичные с настоящим историко-описательные задачи, станет возможно охватить все многообразие денежного обращения страны за годы Войны и Революции.

Заранее сожалея о возможной неполноте книги, автор будет признателен всем тем, кто своими указаниями и сообщениями даст ему возможность пополнить пробелы.

Автор считает долгом подчеркнуть, что без содействия многих лиц и учреждений ему не удалось бы располагать использованным в книге материалом.

Помимо *Биржевых Комитетов и Торг.-Промышл. Палат Харбина, Владивостока, Читы и Верхнеудинска*, а также *Кооперативных и Муниципальных Организаций и прессы этих и др. городов*, автор выражает глубокую признательность еще и следующим лицам, предоставившим те или иные материалы и справки[2]):

Алексину М. С., Андрееву С. А., Берлацкому Б. М., Воловникову М. П., Веремьеву П. Ф., Воронину Г. М., Гончарову И. Ф., Доброхотову Н. М., Жекулину П. З., Златоустовскому А. А., Косьминскому Б. А., Куксинскому П. Л., Курсель К. П., Лукасюку А. А., Маргойт В. В., Мариато П. А., Похвалинскому Б. А., Тимофееву М. А., Тишенко П. С., Ромм Н. Н., Халдину А. А.

Искреннюю благодарность за содействие в издании настоящей книги автор приносит: *Комитету О-ва Изуч. Маньчж. Края, Правлению О-ва „Книжное Дело"* и *Харбинскому Биржевому Комитету*, в частности—Председателю его—Водянскому Н. В. и Секретарю—Доброхотову Н. М., а также Завед. Торг.-Промышлен. Отделом Музея О-ва Изуч. Маньчж. Края—Панину И. А. и сотруднику Комитета этого О-ва—Васильеву М. В., облегчившим автору техническую работу по изданию.

С чувством глубокой признательности, автор особо отмечает длительную и весьма ценную помощь, оказанную ему его женой—Маргаритой Тадеушевной Погребецкой,—делившей с ним труд по систематизации материалов и технике издания.

А. И. Погребецкий.

г. Харбин.
Май 1924.

---

[1]) См. циркуляр НКФ СССР Наркомфинам Союзных Республик, от 18-января 1924 г. № 435 «*О представлении сведений о выпусках на местах дензнаков, бон и суррогатов ден. знаков за время с 1914 по 1923 г. г.*» и аналогичный циркуляр № 434 Валютного Управления СССР всем финработникам.

[2]) В порядке алфавита.

ГЛАВА I.

Общие условия политического и финансового бытия Дальнего Востока.

Эпоха Великой Войны и Революции не прошла бесследно для денежного оборота Дальне-Восточной Окраины.

Российский денежный знак, когда-то безконкурентный властитель рынка, испытал значительные колебания, периодами совсем выводившие его из оборота.

На протяжении последних лет бывали периоды, когда, казалось, иностранная валюта совсем уже было завладевала рынком.

История денежного обращения на Дальнем Востоке по существу является повествованием о судьбе, претерпевавшейся русским рублем.

Ослабление силы его сопротивляемости неминуемо насыщало денежный оборот другими денежными знаками, но уже иностранного происхождения.

В настоящее время эпоха дробления Дальне-Восточных областей изжита, понемногу изживается и влияние, завоеванное на рынке иностранной валютой.

События последних лет глубоко поучительны и характерны не только для описываемой нами территории, но и для всей эпохи.

Для правильного понимания этих событий необходимо припомнить, что представляла собою Дальне-Восточная окраина.

Русские области Дальнего Востока в период русской революции и еще ранее—в период великой войны оказались в положении много худшем, нежели остальные области внутренней России.

Удаленность от центра всегда являлась помехой к нормальному функционированию административного и финансового аппарата, тем затруднительнее было для окраины справляться с перебоями денежного обращения.

Дальний Восток, являясь, по существу, многотысячеверстной пограничной территорией, на протяжении всего последнего десятилетия колебаний прежних париретных соотношений—ощутительно переживал расстройство нормальной денежной системы.

Политические пертурбации и административная чересполосица еще более усугубляли создавшееся положение.

Казалось, Сибирь и Дальний Восток, получившие после 1918 года в свое распоряжение значительную часть русского золото-

го фонда и располагавшие большим остатком иных, застрявших и эвакуированных ценностей, — могли бы, относительно, легко справиться с денежным кризисом, утилизируя имевшиеся ценности на внутреннем рынке и использовывая их на внешних рынках, но и это—последнее оказалось не под силу разрозненным, а часто и воюющим между собой областям Далекой Окраины.

Политические пертурбации. Начиная с конца 1917 г. в каждой из губерний и областей Д. Востока (понимая под этим наименованием русскую территорию к Востоку от оз. Байкал) наблюдаем быстрое чередование властей.

В начале 1917 г. власть на местах осуществлялась через комиссаров Вр. Всероссийского Пр-ва, но уже с конца того-же года, с падением власти Вр. Пр-ва, окраина начинает жить совершенно самостоятельной, оторванной от центра жизнью.

Власть переходит из одних рук в другие. Земства ниспровергают Советы Раб., Крест. и Казачьих Депутатов с тем, чтобы вслед за этим вновь уступить свою власть Ревкомам, образуемым непрерывно нароставшей партизанской волной.

Высадка в 1918 г. на русское побережье интервентских отрядов и одновременное выступление прибывших с запада чеховойск — вырывают на время инициативу из рук партизан и с конца 1918 г. происходит нивеллировка.

Дальний Восток выравнивается по Омским событиям.

Омское Правительство в течение почти всего 1919 г. удерживает власть, хотя одновременно наростает новая революционная волна, предвещавшая новую смену власти.

Павшая власть Пр-ва адмир. Колчака, немедленно захватывается на местах самыми разнообразными преемниками.

Земство, Областные Комитеты, автономисты, атам. Семенов, ген. Хорват, ген. Розанов и друг. — переплетаются в тесном клубке политических событий 1920 г.

Все они осуществляют свою власть на крайне ограниченной территории, препятствуя друг другу довести до конца каждое из намечавшихся мероприятий.

Нет общего языка, нет общего понимания ни по одному из кардинальных вопросов дальне-восточного бытия, не говоря уже о вопросах общегосударственного строительства.

На этом фоне противоречий постепенно выявляется одна точка, становящаяся все более и более значительной.

Образованная в апреле 1920 г. в г. Верхнеудинске—«Дальне-Восточная Республика» постепенно и неуклонно расширяет сферу своего влияния и уже к концу года вновь об'единяет почти всю прежнюю территорию Д. Востока.

Собирание Д. Востока проходит не гладко. Интервентские войска продолжают способствовать политическому разнобою.

1921 год вновь отрывает Приморье и Камчатку от вновь образованной Республики.

Требуется новое напряжение и новые потоки крови для того, чтобы завершить дело об'единения и изжить интервенцию.

1921—1922 г. г. проходят под знаком новой гражданской войны, но конец 1922 г. приносит эвакуацию иностранных войск с побережья, а вместе с тем и об'единение Д. Востока.

На смене властей в каждом из районов мы остановимся в соответствующих главах, здесь же мы приведем схему смены властей на Русском Дальнем Востоке.

Годы	Т Е Р Р И Т О Р И Я							
	Камчат. обл.	Сахалин. обл.	Приморская обл.		Амурск. обл.	Забайкальская обл.		Полоса отчуждения К. В. ж. д.
			Владивосток	Хабаровск		Восток (Чита)	Запад В.-Удинск	
1917	Всероссийское Императорское правительство.							
	Временное Всероссийское Правительство (Львов — Керенский).							
	Временное Всероссийское Правительство					Совласть.		Вр.Всер. П-во
1918	Земвласть					Совласть.		
	Совласть.		Совласть Земвласть. Пр-во авт Сибири.	Совласть.		Земвласть.		
	Земвласть.			Земвласть.				Ген. Хорват.
	Временное Сибирское Правительство.							
			Всеросс. директория					
	Временное Российское Правительство (адм. Колчака).							
1919	Временное Российское Правительство (адм. Колчака).							
1920	Совласть	Земвласть	Ген. Розанов.			Атаман Семенов.		Ген. Хорват.
		Партизан. Японские войска	Земвласть	Земвласть. Совласть. Земвласть. Автономисты. Земвласть	Земвласть. Совласть. Д. В. Р.	Земвласть. Д. В. Р.		
	Д. В. Р.		Д. В. Р.	Д. В. Р.			Д. В. Р.	
1921	Д. В. Р. Р.С.Ф.С.Р.	Д В. Р.		Д. В. Р.	Д. В. Р.	Д. В. Р.	Д. В. Р.	Эпоха Китаизации.
			Пр. Меркулова.					
	Пр. Меркулова.			Пр. Меркулова.				
1922	Пр. Меркулова.		Правит. Меркулова.		Д. В. Р.	Д. В. Р.	Д. В. Р.	
			Пр-во Еремеева. Пр. Меркулова. Ген. Дитерихс. Д. В. Р.	Д. В. Р.				
	Д. В. Р.							
		Р.	С.		Ф.	С.		Р.
1923		Р.	С.		Ф.	С.		Р.
1924		Р.	С.		Ф.	С.		Р.

Под наименованиями «Земвласти» или «Совласти» мы объединили различные органы и учреждения, по формальным признакам хотя и относимые к одной категории, но по существу функционировавшие на основе совершенно разных принципов.

Но даже при такой классификации приведенная таблица дает достаточно полную картину политических пертурбаций, имевших место на Дальнем Востоке.

При ознакомлении в дальнейшем с положением каждой из областей—необходимо не забывать имевшие место общие условия их политического бытия.

Основы денежного обращения, унаследованные Д. Востоком.

Помимо административной структуры, не меньшее значение имело и то, уже выявившееся нарушение равновесия государственного денежного обращения, которое в обще-российском масштабе начало сказываться к концу 1916—началу 1917 г. г.

Припомним — какова была зависимость денежного рынка Дальнего Востока от обще-российского и что представлял собою этот последний.

Денежное обращение Д. Востока в довоенный период зиждилось, как и денежное обращение России вообще,—на государственных кредитных билетах. Примыкающие своими границами к Монголии, Китаю и Корее—губернии русского Д. Востока имели возможность и на внешних рынках оперировать своим государственным денежным знаком. Курс его был устойчив, экспорт контр-валютных товаро-продуктов поддерживал эту устойчивость.

Население прилежащих частей Монголии, большей частью не знало другого дензнака, кроме российских кредитных билетов. Эти же знаки были главным орудием денежного обращения и в Северной Маньчжурии.

Русско-Японская война, до некоторой степени, поставила под угрозу финансовую устойчивость России, а следовательно и ее государственных денежных знаков.

Денежная реформа, осуществленная 3 января 1897 года приучила население страны к разменности обращавшихся кредитных билетов. Закон 29 августа 1897 г. точно регламентировал выпуск кредитных билетов. Право эмиссии Госбанка ограничено было суммою в 600 миллионов рублей, при обязательном условии, чтобы общая сумма находящихся в обращении билетов не превышала более, чем в два раза золотой наличности. В случае выпуска на сумму свыше 600 миллионов руб.—весь излишек должен был быть обезпечен золотым запасом рубль за рубль.

Основы денежной реформы 1897 г. подверглись некоторому колебанию в период русско-японской войны, когда государство в более форсированном порядке, нежели ранее, приступило к выпуску кредитных билетов.

Но напряжение финансовых сил, несмотря на неудачное завершение войны, помогло государству не прекращать размена и тем самым сохранить устойчивость своих кредитных билетов.

Для ограждения золотого запаса, расширены были выдачи кредитными билетами. Последним об'ясняется, что в свое время отмечал проф. Мануилов, — появление в обороте мелких кредитных билетов, в особенности в Сибири. Кроме того, расходы на мобилизацию и платежи в Маньчжурии производились исключительно кредитными билетами.[1])

Рынки Китая без'отказно принимали русские дензнаки и им, казалось, ничто не угрожало.

Мировая война 1914—1917 г.г. резко нарушила былое соотношение.

Положение Совета Министров от 23 июля 1914 г., впоследствии подтвержденное законом Государственной Думы от 27 июля того же года, приостанавливало размен кредитных билетов на золото и одновременно увеличивало на сумму 1200 милл. рублей право выпуска Госбанком непокрытых золотом кредитных билетов.

Гос. Казначейству предоставлено было производить выпуск своих краткосрочных обязательств для учета их в Госбанке.

По существу, это вводило параллелизм в дело денежного обращения и колебало его устои.

Законами 17 марта и 22 августа 1915 г. эмиссионное право Госбанка было увеличено еще на сумму 2 миллиарда рублей.

В общем уже к 1916 году сумма обращавшихся в населении кредитных билетов увеличилась по сравнению с довоенным периодом на 3.928 милл. руб., а золотой запас всего лишь на 1.034 милл. рб.

К 23-му октября 1917 г. по балансу Государственного Банка уже значилось:

Кредитных билетов в обращении на сумму	18.917 милл. рб.
Свидетельств Казначейства „ „	207 милл. рб.
Золота же в слитках, а также золотой, серебряной и медной монеты всего на сумму . .	3.779 милл. рб.

Кроме того, имелась задолженность России по внутренним и, главным образом, по внешним займам. Задолженность эта—

[1]) См. проф. А. А. Мануилов. „Учение о деньгах" стр. 224. Москва, 1916 г.

на 1 января 1914 г., не считая гарантированных правительством железно-дорожных и других займов, составляла 8.824 милл. рб. Сумма эта к 1-му января 1918 г. возрасла до 12.750 милл. рублей.

С 1917 г. в денежный оборот, помимо государственных кредитных билетов, вводятся серии Государственного Казначейства.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 24 января 1918 г. аннулирует процентные бумаги, но аннулирование это не распространялось на краткосрочные обязательства и билеты (серии) Государственного Казначейства.

Последнее обстоятельство особо подчеркивалось циркуляром № 3 от 30-го января 1918 г., изданным Департаментом Государственного Казначейства.

В отношении Сибири и Дальнего Востока образовавшееся в 1918 г. в Омске Вр. Сибирское Пр-во сохранило установленную в России систему денежного обращения и, более того, — с первых же недель своего функционирования ввело в обращение новые суррогаты денег.

Так, циркуляром от 20-го июня 1918 г. за № 329 Вр. Сибирское Пр-во узаконяет хождение наравне с денежн. знаками серий гос. казначейства, а также купонов от различных государственных процентных бумаг. Циркуляром за № 449 от 24-го того же июня дается указание на хождение наравне с дензнаками также и гос. казначейских обязательств.

Постановление административного Совета Вр. Сибирского Правительства пополняет денежный рынок облигациями Займа Свободы и расширяет категорию допущенных к обращению купонов от °/₀ °/₀ бумаг.[1])

Изложенные выше обстоятельства неуклонно вели к колебанию курса русских денежных знаков, утрачивавших постепенно свое доминирующее влияние на заграничных рынках.

Эмиссия Омских Правительств.

В перечне явлений, отразившихся неблагоприятно на денежном рынке Дальне-Восточных областей, одно из наиболее значительных мест приходится отвести финансово-эмиссионной политике омских правительств—сначала—Временного Сибирского, а позднее Российского—адмирала Колчака.

Исследование всех последствий эмиссии этих правительств не входит в задачи настоящей работы, мы коснемся их лишь в пределах поставленной цели — выяснения всего того, что имело отношение к проблеме денежного обращения на Дальнем Востоке.

---

[1]) „Собрание Узаконений и Распоряжений Вр. Сибирского Пр-ва", № 14 от 12 октября 1918 г., ст. 126.

Припомнить же сумму выпуска «сибирских обязательств», это тем более необходимо, что до сего времени, т. е. вот уже более 5-ти лет с момента первого выпуска их, сводки этого выпуска нигде еще не опубликованы и сами,—сообщаемые нами, полученные непосредственно из архива Омского пр-ва, сведения явятся новыми не только для широкого круга читателей, но и для экономистов, интересующихся вопросами денежного обращения[1]).

Временное Сибирское Правительство вначале своего существования пыталось удовлетворить денежный голод введением в обращение государственных %% бумаг, облигаций займов и купонов от них, а также узаконением хождения денежных суррогатов, ранее выпущенных на территории Комуча, Оренбурга, Екатеринбурга и советских выпусков Забайкалья и Дальнего Востока.

Но это не разрешало денежного кризиса для самой казны и последняя вынуждена была вступить на путь эмиссии.

Следуя примеру императорского правительства, предоставившего Государственному Банку право учета краткосрочных обязательств Гос. К-ва «в размере, вызываемом потребностями военного времени»[2]), а позже узаконившего в качестве денежных знаков эти, по существу, процентные обязательства по займам казны у населения[3]),—Временн. Сиб. Пр-во также приступило к выпуску в обращение своих «5%% краткосрочных обязательств Гос. Казнач. Сибири».

Начало эмиссии было положено постановлением Админ. Совета Вр. Сиб. Пр-ва от 1-го октября 1918 г., дополнительное постановление от 5-го того-же октября устанавливало, что обязательства эти «имеют хождение по нарицательной стоимости наравне с денежными знаками и подобно последним обязательны к приему в платежи как в казну, так и между частными лицами на неограниченную сумму[4]).

В ноябре Вр. Сиб. Пр-во было реорганизовано на новых основаниях и почти одновременно власть перешла к верховному правителю—адмиралу Колчаку.

Но в эмиссионной политике ничего не изменилось.

В результате, за период времени с 1-го октября 1918 г. по 16 декабря 1919 г. в порядке государственной эмиссии были разрешены следующие выпуски:

---

[1]) Более подробные сведения об этих обязательствах будут помещены нами в подготовляемой к печати монографии „Омские обязательства и их судьба на внутреннем и внешнем рынках“.

[2]) Собр. Уз. и Расп. Пр-ва, издав. при Прав. Сенате. № 196. 24 июля 1914 г. Отдел I, ст. 2063.

[3]) См. „Правила производства платежей из казны краткоср. обязат. Гос. К-ва“, установленные особым междув. Совещанием при Мин. Фин. 30 янв.—4 фер. 17 г.

[4]) Постановление Адм. Совета Вр. Сиб. Пр-ва. № 16 от 26 октября 1918 г. ст. 146.

	Краткосрочных обязательств К-ва	Казначейских знаков	Облигаций займа 1917 г. и купонов
Вр. Сиб. Правительством .	300.000.000	250.000.000	— —
Вр. Российск. Правительств.	12.200.000.000	400 000.000	1.740.000 000
Итого .	12.500.000.000	650.000.000	1.740.000 000

Всего эмиссия за период омской государственности достигла 14.890 милл. рублей.

Фактически знаки указанных образцов, выпущены в обращение:

1. Вр. Сиб. и Вр. Российским Правительствами за период с 1 октября 1918 г. по 4 января 1920 г.

2. Иркутским Политическим Центром—за период с 5 января по 25 января 1920 года.

3. После передачи власти Политическим Центром—Иркутскому Военно-Рев. Комитету — последним с 25 января по 17 февраля 1920 г.

Всего было выпущено в обращение:

	До 5-го января 1920 г.	С 5-го по 25 января 1920 года	С 25 января по 17 февр. 1920 г.	ВСЕГО
1. а) 5 %краткосрочн. обязат. Госуд. К-ва Сибири. б) 5% краткоср. обязат. Гос. Казначейства. в) Краткосроч. обязат. Гос. К-ва	12.731.095.625[1])	375.000.000	675.850.000	13 781.945.625
2. Казначейск. знаковъ .	638.707.553	7.652.110	3.151.525	649.511.188
3. Билетов облигацій 1917 г. 1, 2, 3 разрядов	1.009.999.800	138.000.000		1.147.999.800
4. Купонов к ним	454.499.910	621.000.000		1.075.499.910
ИТОГО	14.834.302.888	1.820.653.635[2])		16.654.956.523

[1]) В эту сумму не входят, выпущенные в обращение, в период эвакуации из Омска, в Ново-Николаевске и в Томске, краткосрочные обязательства, заготовленные, но еще не занумерованные Екатеринб. экспедицией до момента ее эвакуации. По частным сведениям, этот выпуск не превысил 1-го миллиарда рублей.

[2]) Не включая краткоср. обязат. и казнач. знаков, напечатанных на сетчатой бумаге в 1920 г., во Владивостоке. Речь о них будет особо.

Итак, за период омской государственности фактическая эмиссия достигла почти 15-ти миллиардов рублей, помимо коих еще более 1 миллиарда руб., знаками таких же образцов «по инерции», автоматически продолжали наводнять денежный рынок еще в течении полуторых месяцев после падения пр-ва адм. Колчака.

Но этой суммой также не ограничивалось количество обращавшихся на рынке «сибирских». В оборот проникало еще неизвестное, но не малое количество фальшивых обязательств Казначейства, по сведениям, массами—на десятки и сотни миллионов заготовлявшихся на Востоке.

Не имея возможности улучшить качество выпускаемых обязательств, Государственный Банк, в соответствии с указаниями Министерства Финансов вынужден был «снисходительно относиться к поступившим в кассы сомнительным обязательствам, если они не далеко отступали по исполнению от настоящих и не вызывали прямой уверенности в подделках».[1])

Фальшивые обязательства не давали возможности самому государству точно определить сумму обращавшихся знаков, в этом с полной откровенностью признавался и сам глава Ведомства Финансов.

«Сумма действительно обращавшихся в населении казначейских обязательств *значительно* больше (стоящей на балансе) в виду огромного количества фальшивых обязательств, для изготовления коих, вследствие чрезвычайной легкости подделки, беспрерывно появляются в Сибири и за границей особые фабрики»—отмечал в своей докладной записке, от 31-го октября 1919 г. Верховному Правителю—Управл. Мин. Финансов—Л. Фон-Гойер.

«Единственным выходом из создавшегося положения—читаем мы в этой записке—Управл. Мин. Финансов считает из'ятие этих, уже скомпрометированных знаков из народного обращения с заменою их другими, технически совершенными, которые могли бы приобрести доверие на внутреннем и внешнем рынках.

Вполне естественно,—писал Минфин,—что такое огромное количество бумажных денежных знаков вызвало повсеместное крайнее обесценение русского рубля, принявшее за последнее время катастрофический характер, в особенности на Дальнем Востоке и Сибири».

Пр-во широко использовало право эмиссии и залило всю Сибирь и Дальний Восток потоком бумажных денег. Это влекло за собой совершенное обесценение денег. Сибирский рубль

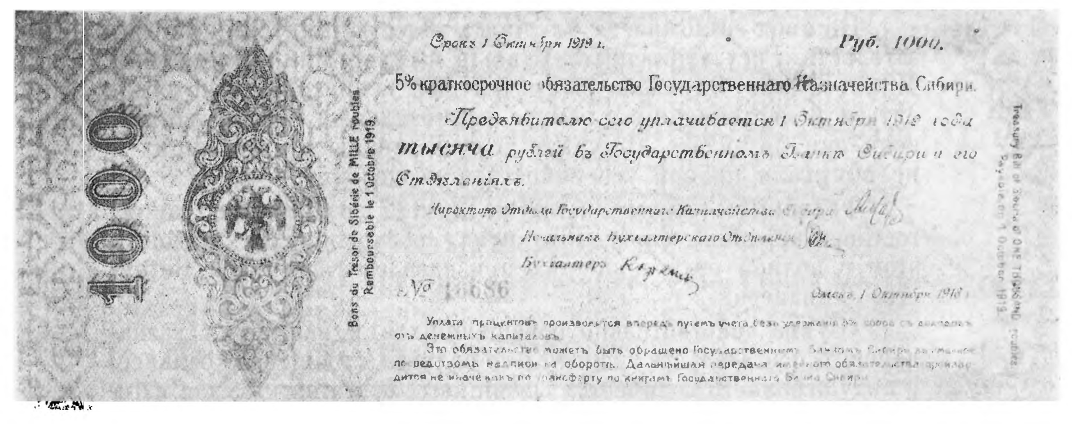
---

[1]) Цитируем из докладной записки руководителей Центрального Управления Государственного Банка.

раздуваясь и умножаясь,—как писал один из экономистов-обозревателей,—погубил сам себя и подошел к той грани, за которой начинается нулификация.[1])

Прогрессивно возраставшая эмиссия не успевала угнаться за спросом рынка на денежные знаки, так как покупательная способность их отставала от роста цен на товаро-продукты и валюту.

Повторялось явление, констатированное многими из исследователей судьбы ассигнатов Французской Революции.

5% краткоср. обязат. *Гос. Казн. Сибири.* Омск. 1918 г. (до адм. Колчака) Вр. Сиб. Пр во.
(Натур. величина 322x123 мм.).

Каждая новая эмиссия—отмечал один из таковых исследователей—создавала стремление продавца предвосхитить темп грядущего обесценения денежной единицы путем автоматического перечисления товарных цен *до того*, как для очередного повышения их явится опора в расширении денежного спроса на товары. В результате товарные цены вместо того, чтобы отставать, начинают *обгонять* бумажные эмиссии.

Поскольку рост товарных цен перегоняет рост денежной массы, последняя оказывается недостаточной для оплаты данного уровня цен. При этих условиях товарный оборот выискивает и поглощает всяческие денежные суррогаты, которые могут быть использованы в качестве циркуляторных средств, в частности, весьма благосклонно относится к фальшивым экземплярам бумажных денег, которые против воли законодателя легализируются общественным сознанием.[2])

[1]) См. «Известия Центросоюза» № 4-5 за 1920 г. ст. «Фин.-эконом. наблюден. за 1919 год».

[2]) См. С. Фалькнеръ «Бумажные деньги Французск. Революции» стр. 227. Москва 1919 г.

Действие инфляции, по выражению одного французского экономиста, можно уподобить действию на человеческую жизнь известных ядов. Первоначально они вызывают некоторое искусственное возбуждение, но чем больше их принимают, тем более они разрушают организм, в конце концов дальнейшее их употребление неминуемо кончается катастрофой.

При инфляции валютность национальных денег осуждена на постоянное понижение, в виду фатально продолжающагося выпуска в обращение безвалютных банкнотов. Не подлежит никакому сомнению, что катастрофа неминуема.[1])

Судьба сибирских обязательств одинакова на всем протяжении имевшей место циркуляции их. Это, тем более, любопытно, что пути, пройденные этими обязательствами, весьма различны: на территории от Урала до Байкала судьба их проста— постановлением советской власти они в феврале 1920 года были аннулированы, без какой-либо компенсации держателей. Сложнее обстояло дело на территории на Восток от Байкала,—здесь они подверглись различным манипуляциям и некоторое время царили еще на денежном рынке.

Попытаемся возможно подробнее осветить судьбу этих обязательств на Д. Востоке, так как с нею тесно переплетаются все последующие мероприятия и эмиссии Дальнего Востока, а также и наблюдавшиеся успехи неизжитого еще и по сейчас внедрения иностранной валюты.

Судьба золота, «депонированного» заграницу пр-вом адм. Колчака.

Не маловажным является вопрос и о судьбе сумм российского золотого запаса и др. общегосударственных ценностей, оказавшихся за границей.

В самом деле, наличие этих сумм являлось как бы базой для той или иной денежной реформы окраинных правительств.

Посмотрим же какое было происхождение этих сумм и какова была их судьба.

После многократных и не удачных попыток совершить государственный заем на внешних рынках правительство адмирала Колчака достигло соглашения с японскими и англо-американскими финансовыми группами, за которыми фактически стояли их правительства, об оказании поддержки Омскому правительству.

Но форма этой «поддержки» по существу являлась обычon call'ным счетом, обеспечивающимся *вывезенным за границу* общероссийским золотым запасом из числа, хранящихся в Омске, эвакуированных из Казани, государственных запасов.

---

[1]) См. Н. Н. Зворыкин—«Крушение золото-валютной монетн. системы» стр. 68. Берлин. 1922 г.

Условия займа были таковы, что не оставляли сомнения в полном переходе собственности на золото к иностранцам, ибо на возврат его (оплатив долг) не было и не могло быть никаких рессурсов.

В октябре 1919 года, накануне своего падения, Омским правительством заключены были следующие займы:

1) 50.000.000 иен у Йокагама Спеши Банка и у Чосен Банка. В Японию, в Осака, в депозит этих банков было отправлено золота на 30.535.434 иен (преимущественно русской золотой монеты). В счет обусловленного займа получено было валюты 29.500.000 иен.

2) 7.500.000 фунтов стерлингов у англо-американского синдиката (Киддер-Пободи—в Нью-Иорке, Бр. Беринг - в Лондоне и др.).

В Гонконг,—в Гонконг-Шанхайский Банк депонировано было золото (преимущественно в разной иностранной монете и в слитках) на сумму—8.621.171 фунтов стерлингов, т. е. по паритету 9,4575 на сумму свыше 81,5 милл. рублей золотом. Часть этого займа была использована, а часть зачислена была на счета представителей Правительства за границей.

В последние дни своего существования Омское Правительство, опасаясь возможного перехода этих ценностей к революционной власти, сделало распоряжение за-границу о перечислении всех сумм на личные счета финансовых агентовъ.

Распоряжение это немедленно было приведено в исполнение и, последовавшие после падения правительства Колчака, протесты пр-ва Политического Центра (Январь 1920 г.) результата не дали.

Самим агентам также дано было распоряжение произвести сторнирование по этому перечислению. Но распоряжение осталось без исполнения.

Вследствие этого на личных счетах финансовых агентов оставалось к моменту падения Омского Пр-ва и, в лучшем случае, остается до сего времени:—

В Токио—у К. К. Миллер: 6.940 т. иен; 170 т. амер. долларов; 25 тыс. фунт. стерлинг..; 424 т. фр. франка; 450 т. мекс. долл.

В Лондоне—у К. Е. Замен—517 т. фунт. стерл.; у профессора Бернацкого—607 тыс. ф. стерл.

В Нью-Иорке—у С. А. Угет—27.227 тыс. амер. долл.

В Париже—у Рафаловича—21.439 тысяч франков, у А-ва «Унион» 256 т. фран.

В Шанхае—у б. консула Гроссе—40 тыс. фунтов стерлингов.

Кроме того, по Владивостокской Кред. Канцелярии числилось за Банками:

Бр. Беринг—2.000.000 ф. стерл; Ландманс Банком—9 м. дат. крон; Русско-Азиатским—113 000 иен, 8.000 ам. долл. 4.000 фунт. стерл.; Индо-Китайским—15.680.000 ф. франков.

Общая сумма всех этих остатков достигла почти 100 мил. зол. рублей, но ими не ограничивались переброшенные за-границу российские ценности.

Таковыми Омск снабдил и Лондонский «Русский Комитет по освобождению», и Нью-Иоркское «Русское Информационное Бюро» и др. аналогичные организации.

К моменту падения власти адм. Колчака в распоряжении Омского Пр-ва оставалось: у ген. Юденича—свыше 8.053 тыс. франков; у военного агента в Японии—ген. Подтягина—свыше 6.275 тыс. иен; последняя сумма была выдана ему на военные заготовки еще в 1919 г., но оставалась неиспользованной.

Пр-вом Д. Востока—Прим. Зем. Управой в 1920 г. была сделана попытка непосредственно и через посредство японского пр-ва получить эту сумму, но попытка успеха не имела.

Столь же безуспешной была и другая попытка—получить от Чосен и Йокогама Спеши Банков причитавшуюся с них сумму по реализации золота, депонированного в Японию Омским Пр-вом в обеспечение своего там займа.

Не имея возможности оплачивать проценты по этому займу, Ос. Канц. по Кред. Части в мае 20 г. вынуждена была согласиться на реализацию золота по ценам, обусловленным договором. Разница въ пользу Кред. Канц. превышала 818 тыс. иен.

Представления о необходимости вручить русской власти как эту, так и др. перечисленные выше суммы делались неоднократно, но правительствами иностранных государств не только не было оказано в этом содействия, но не были даже приняты меры к охране всех этих сумм.

Судьба их остается неизвестной и внушает опасения.

Некоторые из указанных сумм много раз были обещаны к выдаче Владивостокской Особ. Канц. по Кред. Части. Много раз в предположении получения, строились различные финансовые проэкты по укреплению в крае русской ден. единицы, но каждый раз все предположения и проэкты разбивались новым отказом в выдаче, оставшихся без хозяина, ценностей б. власти.

Долги за союзным командованіемъ.

Как видим, находившиеся за-границей суммы оставались вне пределов влияния местных властей и не могли быть использованы ими на укрепление своих финансов.

Правительства иностранных государств, отказавшись содействовать предоставлением застрявших на их территории российских средств, не спешили и с оплатой расходов, явившихся последствием предпринятой ими военной интервенции.

Пребывание союзнических экспедиционных сил являлось не только само по себе злом, нарушающим правильную хозяйственную жизнь края, но и вызывало расходование сумм за счет сметных ассигнований или недополучек разных ведомств.

Особенно обременительно было пребывание и передвижение экспедиционных войск для русских железных дорог. Доходная эксплоатационная смета была чрезвычайно незначительна, эксплоатационные же расходы при повысившемся темпе работы оставались прежними, если исчислять их золотым рублем и многократно возрасли, если считать рублем номинальным—кредитными билетами.

Главной расходной статьей оставалось содержание личного железнодорожного персонала. Значительная часть каждой эмиссии поглощалась именно железнодорожными служащими и рабочими.

При этих условиях безвозмездное пользование иностранным командованием русской железно-дорожной линией—являлось обстоятельством, вызывавшим новое деньго-творчество, новую эмиссию, т. е.—по существу—новое понижение стоимости русских кредитных билетов.

Фактически, уже с 1918 года каждое из русских правительств, допустившее на свою территорию иностранные войска, брало на себя непроизводительные расходы, в том числе по содержанию железно-дорожных перевозок.

Особенно тяжелыми были непосильные расходы для Уссурийской железной дороги, являвшейся тяжелым бременем для бюджета Приморья.

Затрата на перевозки союзных командований, при почти полном прекращении коммерческих перевозок, требовали от государства многомиллионных доплат в покрытие дефицитности.

Владивостокский Фин.-Экономический Совет еще 22-го апреля предложил русскому представителю в Бюро Меж. Союзного Совета представить счета по указанным перевозкам.

Но, приходится отметить, что лишь в конце 1920 года с большими трудностями и то не непосредственно Упр. Жел. Дороги, а поставщикам угля, под угрозой прекращения движения удалось добиться взноса 400 тысяч золотых рублей из общей миллионной задолженности японского командования.

Мы считаем не без‘интересным привести имеющие непосредственное отношение к вопросу бюджета Приморья, а следовательно и его финансовой системы слѣдующие данные:

Сведения

о задолженности союзных командований Управлению Уссурийской железной дороги на 1-ое сентября 1921 года. (в зол. рублях).

Командование:

Чехо-Словацкое	. 891.847.14
Японское .	. 482.119.52
Американское	94.014.16
Китайское	64.145.56
Румынское	29.136.36
Французское	26.384.80
Польское .	22.810.90
Английское	18.958.02
Сербское	9.623.66
Латышское	4.268.16
Итальянское .	. 1.544.26
Итого	1.644.852.56.

— сумма равная месячному бюджету Приморья и, в случае своевременного взноса, имевшая внести известное улучшение в денежный оборот.

Японское командование, помимо задолженности Уссурийской железной дороге после эвакуации японских войск с Амура, оставалось должным Амурской железной дороге, согласно ее о том справки от 14-го февраля 1921 года, 2.910.697 рублей золотом и 70.164.605 рублей без указания какими именно рублями.

Сальдо задолженности иностранных командований Читинской железной дороге с декабря 1919 г. по август 1920 г. (эвакуация японовойск из Читы) выражалась в сумме—4.518.605 зол. рубля, не считая задолженности Забайкальской железной дороге за весь период с 1918 года.

Если принять во внимание задолженность союзных командований Китайской Восточной железной дороге, с финансовым положением которой в прямой зависимости находилось денежное обращение в Полосе Отчуждения,— диктовавшее курс русскому кредитному рублю, то выводы будут еще более разительными.

По сведениям на 1-ое октября 1921 года Японское командование было должно К. В. ж. д. — 600.000 зол. рублей.

Британское . — 42.000 » »

Наконец, по тем же сведениям задолженность остальных командований на 1-ое сентября 1920 год., т. е. за период русской эксплоатации и влияния на К. В. ж. д., составляла:

Чехо-Словацкого	командования.	6.944.787,02	зол.	рублей
Французского	»	903.221,48	»	»
Польского	»	188.887,86	»	»
Румынского	»	177.848,08	»	»
Американского	»	132.353 —	»	»
Сербского	»	40.905,16	»	»
Латышского	»	26.984,94	»	»
Итальянского	»	20.220,26	»	»
	Итого	8.435.207,80	»	»

Задолжали союзные командования К. В. ж. д. за перевозки, связанные, главным образом, с их экспедицией в Западную Сибирь.

По сведениям Французской миссии долги эти еще значительнее: так, на то же 1-ое сентября французская миссия считает должными находящихся под французским покровительством:

Польское	командование	в	сумме	— 320.800,00	зол.	рублей
Румынское	»	»	»	— 221.064,42	»	»
Сербское	»	»	»	— 79.498,26	»	»
Латышское	»	»	»	— 33.572,98	»	»

т. е. еще на 220.309,62 руб. больше.

К этой сумме связанных с военной интервенцией в России непроизводительных расходов можно добавить еще 220 тыс. рублей зол. задолженности Кит. Вост. жел. дор. Китайского командования на 1-ое сентября 1920 г. за перевозку китайских войск, находившихся, в связи с интервенцией, в Приморской области.

Остальную часть задолженности Китайского командования на это число — 6.780.000 зол. рублей мы не считаем хотя и она ухудшала финансовое положение К. В. ж. д.

Таким образом, можно сделать вывод, что около 20 миллионов золотых рублей, составлявшие задолженность иностранного союзного командования, не были внесены. Это, несомненно, сказалось на денежном обращении Дальнего Востока, усугубляя и без того тяжелое, понижающее стоимость кредитного рубля,— финансовое положение.

Необходимо подчеркнуть, что мы говорим о задолженности по перевозкам только жел. дор. Д. Востока, не затрагивая многочисленных долгов, накопившихся по перевозкам Сибирск. жел. дор.

Помимо задолженности железным дорогам союзные командования остались должны русскому правительству значительные суммы за выпущенные льготным порядком из таможни грузы, которые несомненно поступали не только воинским ча-

стям экспедиционных корпусов, но и иностранным торговцам, лишая русское правительство сметных поступлений.

По справке Владивостокской таможни о суммах таможенных и акцизных сборов за выпущенные льготным порядком грузы видно, что причиталось зол. рублей:

	С Великобританского		С Канадского	
	Военн. команд.	Кр. Креста	Военн. команд.	Кр. Креста
За 1918 г.	3.603.624.05	36.243.50	11.137.70	262.880.35
За 1919 г.	3.917.639.24	343.810.51	301.024.47	2.017.21
За 1920 г.	20.533 72	—	—	—
Итого з. р.	7.541.797.01	380.054.01	312.162.17	269.897.56

Всего же, лишь с этих командований и «Красных Крестов» причиталося получить 8.498.910.75 зол. рублей, не считая весьма значительных, на сумму в несколько миллионов золотых рублей, долгов японского и других командований. [1])

Общая же сумма долга по жел. дор. перевозкам и таможенным и др. сборам превысила *сорок миллионов золотых руб.*

Все эти цифры еще более подтверждают сделанные нами выводы о нарушении бюджета русских правительственных учреждений.

По утверждению прессы, характерным для японской интервенции являлось то, что японцами всюду, где это было возможно, уничтожались таможенные учреждения. Одна из иностранных газет —«Джапан Кроникль» в своей сводке убытков, причиненных японской оккупацией Дальнему Востоку, приходит к следующим выводам:

«Стоимость рыбной промышленности Приморской области, Сахалина и Камчатки в 1919 г. определялась в 43 милл иен и 55 % ее была русской. В течении 1920 г. вслед за оккупацией края японцами и внесенной оторванностью одних частей области от других, русские должны были прекратить рыболовство, что повело к убыткам, достигшим в течении 1920—1923 г. г.—68.550 тыс. зол. рублей ежегодно. К этому нужно

---

[1]) См. материалы, врученные при письме Упр. Фин. Экон. Ведомством от 26-го октября 1921 года за № 7553 Управляющему Иностранными Делами Приамурского (Меркуловского) Правительства при его отъезде в Вашингтон, к моменту открытия международной конференціи там.

добавить убытки, понесенные охотничьими промыслами до 5.500 тыс. рублей ежегодно и убытки лесного промысла — до 2.400 тыс. руб. в год».

Добавляя сюда стоимость причиненных интервенцией, разрушений и таможенных недоборов, газета склонна исчислить сумму убытков, причиненных за 1919—1922 г.г. русскому Дальмему Востоку в 239 милл. зол. рублей.

Хотя приведенная цифра и является чрезмерной, но все же факт остается фактом: интервенция обошлась русскому Дальнему Востоку слишком дорого и повлекла за собой полное истощение его денежных рессурсов, нарушив общий хозяйственный уклад.

Перемещение центра хоз. интересов. Приведенные нами справки имеют целью указать те общие для всех областей обстоятельства, которые одинаково неблагоприятно влияли на каждую из областей в отдельности.

Необходимо отметить еще одно явление общего значения— перемещение центра хозяйственных интересов с запада на восток.

Это явление, наблюдавшееся с конца 1918-го года, начало испытывать колебания лишь к концу 1923 года, когда под влиянием естественного центростремительного процесса, а также побуждающих мероприятий власти, начал замечаться обратный процесс—равнения на запад.

Настоящая работа охватывает территорию от оз. Байкала на Восток.

Мы нарочно не включили описание событий денежного рынка к западу от Байкала, считая, что это нарушило бы целостность картины в отношении Забайкалья и Дальнего Востока, переживших одни и те же события и об'единенных в одной и той же системе хозяйственного бытия.

Постепенное ознакомление с жизнью каждой из составных частей указанной территории дает нам возможность охватить всю картину полностью.

Наше описание мы подразделяем не только горизонтально— в отношении территорий, но и вертикально — в соответствии с периодами политических смен, пережитых частями этой территории.

Материалы этой книги охватывают Приморскую, Сахалинскую, Камчатскую, Приамурскую, Амурскую, Забайкальскую и Прибайкальскую области и район северной Маньчжурии — полосу отчуждения Кит. Вост. жел. дор.

По мере об'единения отдельных из указанных областей, — главы книги получают наименование по признаку государственного единства. Вместо былых Забайкальской и Прибайкальской,

Амурской и Приамурской областей—приходится иметь дело с новым об'ектом—Дальне-Восточной Республикой.

В следующий период границы охватывают почти всю территорию прежнего Дальнего Востока и в соответствии с этим появляется новый об'ект нашего исследования —«Д. В. О.» — Дальневосточная область в границах прежних, ранее перечисленных нами областей-губерний.

С Востока на Запад — от Приморья к Чите — таков путь отступления русской валюты в первую половину описываемой эпохи. Эту эпоху мы могли бы назвать — от рубля к иене и даяну.

С Запада на Восток — таков, в соответствии с тенденциями денежного рынка, путь второй половины эпохи. Этот путь характерен поворотным моментом — от иены и даяна к рублю.

ГЛАВА II.

Приморье.

(г. Владивосток и его район).

Приморье — плацдарм экономической интервенции.

Приморье, являясь аванпостом России на Дальнем Востоке, требовало на себя и в обычный, довоенный период, нормальной жизни особых расходов.

Владивосток, как крепость, Приморье, как база резервных военных сил и в то же время как колонизационный фонд — пользовались особым вниманием метрополии, которая в течении последних десятилетий через Амур и полосу отчуждения настойчиво тянулась к берегам Великого океана в предвидении того значения, которое приобретает побережье.

Гавань Владивостока, его морской порт до войны имели, по преимуществу, военное значение. Быстрый рост крепостных сооружений, форсирование колонизации и протекционизм в отношении переселяющихся—все это a'priori создавало такое положение, когда «торговый баланс» области являлся отрицательным: область—мало производя, предприятия—мало зарабатывая, не оправдывали себя и требовали от метрополии не только забот, но и материальной поддержки.

Бюджет Приморья.

Размер этой поддержки выражался в довоенное время почти в шесть седьмых общего бюджета области. Правильнее, следовательно, сказать, что центр содержал область, а сама область лишь до некоторой степени оказывала поддержку центру, облегчая бремя его материальных забот.

Согласно «Приложений к всеподданнейшему отчету за 1912 год», поступило по Приморской области различного рода доходов (монополия, таможня, налоги и т. п.) на сумму—12.291.320 руб. Государственные же расходы по области достигли за этот год суммы—86.086.807 рублей.

Следовательно, лишь менее чем одна седьмая часть расходов покрывалась местными доходами, считая и таможню, доходы коей, конечно, нельзя признать — носящими областной характер.

По тем же данным аналогичную картину рисует и отчет за 1913 год. Доходы разного рода по области достигли 14.295.437 р., а расходы составили — 96.124.352 рубля, т. е. лишь одна седьмая расходов была покрыта местными поступлениями.

1914—1917 годы войны, конечно, оживили порт и создали на Дальнем Востоке темп жизни совершенно иной, нежели он был до второй половины 1914 года. Пропускная способность порта возросла во много раз, два пути железной дороги: на Хабаровск и на Харбин не в силах были обслужить импортируемые грузы и их морем приходилось экспортировать на Николаевск н/Амуре для переотправки далее по Амуру на Стретенск и Благовещенск.

Ожила местная промышленность, возрасла сельская производительность.

Но весь этот новый облик Приморья не только не изменил, но еще более ухудшил соотношение между двумя частями бюджета.

Милитаризованные порт и область еще менее, чем прежде, могли покрывать стоимость своего существования, и если пухли доходные сметы, то это была лишь бухгалтерская видимость, так как почти во всех случаях плательщиком являлось само же государство в лице того или другого ведомства или их контрагента.

Специфичность импортируемого груза служит лучшим доказательством отмечаемого явления.

Приморье за годы войны развилось, окрепло; избавленное от значительной части обще-российских тягот войны и территориально не затронутое войной, оно на льготных основаниях несло и жертву крови и жертву людьми... Но за эти же годы Приморье, как бы, лишилося и еще одной особенности прошлого—изолированности от за-океанских соседей, ранее весьма неохотно допускавшихся в крепостной район и прибрежную полосу.

Совместное участие в военных действиях на западе и единство противо-германской коалиции, nobless oblij,—повело к необходимости не только вступить в торговые (вернее поставщи-

ческие) сношения с Америкой и Японией, но и не упорствовать в соблюдении прежних норм допустимого проникновения подданных этих стран на русский материк. В меньшей степени воспользовалась этим, занятая внутри себя, а позже и на действительном фронте запада—Америка. Япония же не преминула использовать всех открывшихся возможностей и несвязанная с фронтом Европы, легко продемонстрировав участие в военном союзе занятием Циндао, все остальное время войны, подобно нейтральным странам Севера: Швеции, Дании, Норвегии, но с большим правом и льготами, нежели они, использовала все, что могла.

Февральская революция 1917 года получила в наследство русский Дальний Восток ослабленным в способности сопротивляться международным поползновениям и уже привлекшим к себе внимание «союзных» соседей, один из которых—Япония не ожидая далекого журавля на далеком западно-европейском небе будущих Версалей, полагала, что, пока что, надлежит не упускать из рук синицы азиатских возможностей.

Внутри русские пертурбации периода с 1917 года, нарушая связь между собой отдельных центров русской территории и уменьшая сопротивляемость каждого из этих административно-территориальных центров,—лишь облегчали осуществление попыток алчущих и жаждущих.

Как магнит притягивает к себе железо, так притягивали приморские возможности дельцов Японии и к моменту Великой Русской Революции соседи прекрасно были ориентированы в жизни, деятельности и возможностях Приморья.

Колебания курса. Не испытывая бедствий, несомых войной, пожиная лишь выгоду войны, Япония укрепила свой денежный знак и паритетное соотношение иены и рубля — 96,86:100 — уже со второго года войны стало изменяться в пользу иены. Иена превысила курс кредитного рубля и продолжала рости в цене.

Быть может, правильнее сказать, что русский кредитный рубль падал в цене по отношению к русскому же золотому рублю, но мы говорим о росте цены иены, так как не только золотая иена, но и кредитные билеты Японии — боны Иокогама Спеши Банка и Чосен (Корейского) Банка расценивались равноценно с зол. иеной.

Для уяснения себе выгодности производства торгово-финансовых операций на валюту и невыгодности ведения их на русский кредитный рубль, имеющий тенденцию к неуклонному понижению в стоимости, мы остановим внимание читателя на следующей таблице:

Таблица
курса иены на кредитные рубли за 1916—1918 г. г.
(на частном рынке Владивостока).

	1916 год	1917 год	1918 год
Январь .	1 р. 75 к.	1 р. 77 к.	8 р. 00 к.
Февраль .	1 » 65 »	1 » 80 »	6 » 50 »
Март .	1 » 60 »	1 » 84 »	4 » 00 »
Апрель .	1 » 62 »	1 » 75 »	3 » 63 »
Май .	1 » 63 »	1 » 85 »	3 » 45 »
Июнь .	1 » 64 »	2 » 00 »	5 » 70 »
Июль .	1 » 63 »	2 » 50 »	5 » 60 »
Август . .	1 » 63 »	3 » 00 »	5 » 20 »
Сентябрь . .	1 » 60 »	4 » 00 »	5 » 87 »
Октябрь .	1 » 63 »	5 » 50 »	5 » 94 »
Ноябрь .	1 » 73 »	7 » 50 »	4 » 87 »
Декабрь .	1 » 80 »	8 » 20 »	5 » 07 »
Ср. курс за год	1 р. 66 к.	3 р. 47 к.	5 р. 32 к.

Как видим, уже к месяцу революции, русский кредитный рубль упал в цене почти в два раза. С этого времени кривая его падения продолжает снижаться, испытывая наиболее резкие колебания в моменты наиболее значительных потрясений русской политической жизни.

Русский Октябрь отмечается Владивостокским сейсмографом сделок понижением курса кредитного рубля более, чем на 50%, несмотря на то, что до средины декабря форма местной власти остается без изменения.

Политические смены в Приморье. Для уяснения характера денежного обращения и финансовых мероприятий Приморья—необходимо, хотя бы бегло, остановиться на датах приморских политических трансформаций.

В течении 1917 года Приморье, как и вся Россия, была управляема Петроградом. Октябрьская катастрофа Временного Всероссийского Правительства (Керенского) не сразу сказалось

на Приморье, как не сразу вызвала она изменение в формах управления на окраинах вообще. Но необходимость централизовать управление Дальне-Восточных областей повела к созыву комиссаром Вр. Всероссийского Правительства—А. П. Русановым в г. Хабаровске с'езда представителей городских и земских самоуправлений Приморья и Амура.

11-го декабря 1917 года с'езд этот принял от Комиссара полномочия на управление окраиной и передал их «Земскому Бюро» во главе с Хабаровским земцем М. А. Тимофеевым. Резиденцией Бюро был избран—Благовещенск, но ровно через месяц—12-го января 1918 года новый земский краевой с'езд, с преобладающим среди участников его большинством сторонников советской власти, ликвидировал «Земское Бюро».

Как сказалось это на Хабаровске и Благовещенске мы укажем в соответствующих главах, здесь же остановимся лишь на событиях, имеющих непосредственное отношение к Владивостоку.

После ликвидации «Земского Бюро», в течении трех месяцев Приморьем (без Хабаровского уезда) управляла Областная Земская Управа.

25-го апреля 1918 года земство было разогнано и власть перешла к «Совету Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов». Но через два месяца — 29-го июня власть Совета вновь должна была быть передана Земскому и Городскому Самоуправлению.

8-го июля 1918 года Земство признало власть Правительства Автономной Сибири (т. н. «Дерберовское»).

23-го июля того же года генерал-лейт. Хорват на ст. Гродеково Уссурийской жел. дор. об'явил себя верховным правителем России, но жест этот не осуществился даже в Приморском масштабе.

29-го августа 1918 года Правительство Автономной Сибири приняло власть от самоуправлений.

13 сентября власть перешла к Вр. Сибирскому правительству (Омскому), а 23-го сентября Верховная власть перешла к Всероссийской Директории, сконструированной в г. Уфе.

Не зная об этом, 27-го сентября ген.-лейт. Хорват подчинился Правительству Автономной Сибири. Через неделю после этого—3-го ноября 1918 года власть во Владивостоке перешла к Директории, а 18-го ноября Верховным Правителем России, свергнув Директорию, об'явил себя адмирал Колчак. Имевшее место во Владивостоке 17 ноября 1919 года восстание против Омска чешско-русского ген. Гайда—результатов не дало.

С этого времени в течении более года Владивосток оставался под властью правительства адмирала Колчака.

В последних числах декабря 1919 года в Сибири адмирал Колчак фактически был ниспровергнут, а 4-го января 1920 г. он и формально сложил свои полномочия, передав «всю полноту власти» в отношении Дальнего Востока «Главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины»—атаману Семенову.

По инерции, власть Верховного Правителя держалась во Владивостоке до конца января 1920 года.

31-го января с изгнанием командующего войсками генерала Розанова, власть перешла к Приморской Областной Земской Управе, об'явившей себя Вр. Правительством Дальнего Востока.

4-5 апреля 1920 года Японское командование, якобы, в ответ на Николаевские н/Амуре события, производит захват города, вмешивается во внутреннюю жизнь края и фактически берет край, ценности и пути сообщения под свой контроль.

12-го декабря 1920 года Вр. Правительство Дальнего Востока—Областная Земская Управа, согласно постановления Приморского Народного Собрания передало власть, образовавшемуся в начале ноября на Читинской конференции представителей Д.-Восточных областей—Правительству Д. В. Р.

За период с 31-го января по 12-е декабря 1920 г. управление Приморьем, номинально оставаясь за Областной Земской Управой, фактически претерпевало ряд изменений.

С 12-го декабря 1920 года Правительство Д. В. Р. осуществляло свою власть в Приморье через своего областного эмиссара и через Областное Народное Собрание и избранное им Областное Управление, образовавшее Совет Управляющих Отделами.

Собравшееся в начале 1921 г. в Чите Учредит. Собрание Д.В.Р. декларировало конституцию Дальне-Восточной Республики, включавшей в свой состав и Приморье.

26-го мая 1921 г. новый владивостокский переворот, санкционированный «фактическими хозяевами» Приморья позволяет захватить власть «Временному Приамурскому Правительству», (т. н. Меркуловскому).

Власть эта фактически распространялась на города—Владивосток и Никольск-Уссурийск и на некоторые уезды Приморской области. Военные действия позволили захватить Хабаровск, но захват этот продолжался лишь несколько недель, после чего территория Приамурского Государства вновь сократилась до немногих уездов.

30-го мая 1922 года сделана была внутренняя попытка ниспровергнуть власть «Вр. Приамурского Правительства» и передать ее новому Вр. Правительству, избранному Приамурским (Меркуловским) Народным Собранием.

Попытка эта успеха не имела и после двухнедельного фактического безвластия, власть вновь была возвращена «Вр. Приамурскому Правительству», которое сложило ее на созванном им во Владивостоке 23 июля «Земском Соборе».

8 августа 1922 года Земский Собор, превозгласив принцип единоличной власти и постановив призвать на царство законного наследника из династии Романовых, пока-что, избрал Верховного Правителя ген.-лейт. Дитерихса, принявшего титул— «Верховный Правитель и Воевода Земской Рати».

Само «Государство» было наименовано «Приамурский Край».

Верховный правитель принял на себя управление краем, вскоре перенес свою резиденцию в г. Никольск-Уссурийск и об'явил о предстоящем походе на запад. Почти одновременно— 4-го сентября 1922 года в Чань-Чуне, по инициативе японского императорского правительства, открылись переговоры с Правительством Р.С.Ф.С.Р. и Д.В.Р.

Переговоры эти наряду с другими вопросами имели целью способствовать возвращению Приморья Дальне-Восточной Республике; конференция эта результата не дала, но предпринятое, вслед за разрывом ее, наступление Нар.-Рев. Армии в конце октября 1922 года вернуло Приморье Дальне-Восточной Республике.

16 октября «Воевода» созвал в Никольск-Уссурийске национальный с'езд, а 25-го октября войска Д. В. Р. вошли во Владивосток, власть пр-ва ген. Дитерихса пала и Приморье вошло в колею сначала обще-девееровских норм, а с ноября 1922 г. по присоединению Д.В.Р. к Р.С.Ф.С.Р., постепенно стало переходить на обще-российско-советское положение.

Таков краткий калейдоскоп событий, происшедших как в самом Приморье, так и вне, но оказавших влияние на хозяйственную жизнь Приморья. Если бы изобразить их графически, то, надо полагать, колебания кривой было бы и любопытно и назидательно сопоставить с колебаниями кривой курса денежных знаков.

Сообщенные факты пусть не улетучиваются из памяти читателя при ознакомлении с последующим.

Денежное обращение за период 1917-1919 годов.

За годы войны денежное обращение обслуживалось исключительно кредитными билетами общероссийских образцов и разменными обще-российскими марками.

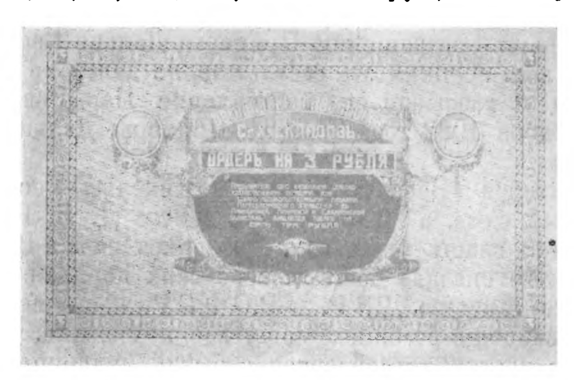
Звонкая монета, постановлениями правительства, была из'ята из обращения.

Центр усиленно снабжал окраину денежными подкреплениями.

Революция 1917 года и последующие события нарушили правильную связь с центром и Приморье сразу же ощутило недостаток в денежных знаках, особенно нисших купюр.

Казенные, кооперативные, муниципальные и частные боны.

Как и по всей России инициативу разрешения денежного кризиса взяли на себя кооперативные организации. Союз Приамурских кооперативов в течение 1918—1919 г. г. выпускал в обращение «Билеты» достоинством в 1, 3 и 5 рублей, приобретшие массовое обращение, несмотря на имеющуюся на них надпись «настоящий билет предназначен для обращения в Союзе и входящих в его состав организациях». Выпущено их было на сумму до 300.000 рублей. Почти одновременно «Организация казенных сельско-хозяйственных скадов» выпустила в обращение свои ордера в 1, 3, 5, 10, 20, 40 и 100 руб., на которых хотя и

Ордер организации каз. с.-хоз. складов.
(Нат. велич. 125 х 78 мм.).

значилось, что «пред'явителю сего казенными сельско-хозяйственными складами или товаро-продовольственными лавками переселенческого управления в Приморской, Амурской и Сахалинской областях выдается товар на такую то сумму», но которые фактически пользовались населением, особенно сельским, как орудие обмена при различных торговых сделках.

Широкое распространение имели, выпущенные в 1918 г. боны-обязательства «Торг. Дома Кунст и Альберс» от 50 коп. и выше. Кроме того, различными торговыми фирмами, кафэ и собраниями выпускались свои боны, имевшие хождение в определенном кругу лиц.

Еще ранее, во время войны, большой концентрационный лагерь военнопленных в Никольск-Уссурийске выпустил свои боны, имевшие лишь внутри-лагерное обращение.

Эти боны, а также «расписки» офицерских, гарнизонных

и полковых собраний явились первыми денежными суррогатами местного значения.

Помимо билетов, Приамурский Союз Кооперативов выпустил в 1919 году «заемные письма» на сумму до 80.000 р. достоинством в 25, 40, 100, 250 и 500 рублей. Но письма эти были именными и никакого влияния на денежный рынок не оказали.

Вопрос о выпуске бон городского самоуправления возникал не раз, но соответствующее разрешение от Вр. Правительства было получено Владивостокским Городским Управлением лишь в июне 1920 года.

Разрешение это предусматривало выпуск Городским Управлением своих знаков до десятирублевого достоинства на сумму 10.000 рублей. Предполагалось, что правительство впоследствии выдаст Городской Управе дополнительное разрешение на право выпуска этих знаков на 1 миллион рублей. Но Городское Управление не воспользовалось и первым разрешением. Разменные знаки выпущены не были.

Денежные суррогаты.

К июню 1917 года недостаток денежных знаков во Владивостоке повел к задержке в выплате переводов и нарушил правильность снабжения Владивостоком полосы отчуждения К. В. ж. д. денежными знаками.

Телеграфно Владив. Отделение Госбанка осведомило Петроград о создавшемся положении и возбудило ходатайство перед управляющим Госбанка о срочном подкреплении. В ответ была получена следующая телеграмма:

«В виду возможности перерыва правильных почтовых сообщений и ограниченности работ экспедиции заготовления государственных бумаг, снабжение контор и отделений кредитными билетами может временно еще более расстроиться. В случае необходимости, согласитесь с местными кредитными учреждениями, крупными клиентами и властями о выдаче взамен кредитных серий, краткосрочных обязательств государственного казначейства и облигаций займа Свободы. Рекомендуйте получателям по операциям открывать текущие счета зачислением на них причитающихся им сумм и расчитываться со своими клиентами посредством чеков, по мере необходимости. Положение это временное и в непродолжительном времени учреждения банка будут безостановочно снабжаться кредитными билетами. Управляющий Шипов.»

К сожалению оптимистическому предположению телеграммы не суждено было осуществиться, «временное положение» все более и более ухудшалось и с конца 1917 года в обращение стали вводиться различные суррогаты.

Появлялись они, как проникая из-вне, так и выпускаясь в обращение местным Отделением Государственного Банка. Последним были выпущены: облигации займов, свидетельства, рента, серии казначейства и купоны, в соответствии с распоряжениями центральной власти о выпуске последних.

Благодаря близости Харбина, где происходил оживленный денежный ажиотаж, последний передавался и во Владивосток и Владивостокская «кокинка»— черная биржа—кофейная Кокина, где нашли себе убежище маклера и разн. дельцы не уступала во влиянии на местный рынок Харбинской, хорошо известной на Д. Востоке — черной бирже — «зазуновке»—кофейная.

Из'ятие „керенок". С появлением на рынке в 1919 году сибирских знаков, последние, естественно, завоевывают рынок, так как романовские и «думские» к этому времени с рынка уже исчезли, а мелкие керенки, единственные ден. знаки, конкурировавшие с сибирскими денежными знаками, постановлением Омского Российского Правительства из'емлются из обращения.

После этого „сибирские" становятся почти единственными денежными знаками, обращавшимися на денежном рынке.

Курс на кредитные билеты на протяжении с января по 15-ое апреля 1919 года колеблется в пределах 5 руб. 18 к.— 12 рублей. 15-го апреля курс иены во Владивостоке был фиксирован в 9 рублей 90 копеек.

15-го апреля 19 года Совет Министров в Омске постановил „из'ять из обращения казначейские знаки 20-ти и 40 руб. достоинства (так называемые керенки)"[1]). Через пять дней это постановление, а также положение о порядке из'ятия было распубликовано в Правительственном Вестнике и сообщено на места телеграфом.

О впечатлении от распубликования этого закона можно судить по реагированию рынка: 26-го апреля курс во Владивостоке упал до 18-ти рублей за иену, т. е. на 100% по отношению к курсу 15-16 числа. Такого резкого скачка не было еще за весь период с 1914 года.

Техника из'ятия „керенок" в Приморье мало чем разнилась от из'ятия их на остальной территории Сибири, с тою лишь разницей, что японские банки и негоцианты во Владивостоке сразу же по опубликовании закона об из'ятии, не ожидая назначенного для из'ятии срока, прекратили прием „керенок". Их примеру последовали и другие иностранные фирмы. Потребовались особые переговоры с иностранцами для возобновления приема. В момент этого замешательства Владивостокские га-

[1]) «Правительственный Вестник» № 118, 20 апреля 1919 г. г. Омск.

зеты сообщали, что Управляющий Владивостокского Отделения Госбанка вошел в соглашение с Управляющим Японским Банкирским Домом Мацуеда о приеме последним керенок до 15-го мая. Вследствие этого Мацуеда возобновил прием керенок, такие же аналогичные соглашения предполагалися и с остальными иностранными банками.[1])

Казначейские обязательства Омского Пр-ва.

Дальнейшее, за период 1919 года, денежное обращение Приморья зиждется и формально и в значительной мере и фактически на сибирских знаках, хотя торговый мир, а иностранцы особенно, неукоснительно проявляют тенденцию к переходу во взаимоотношениях на валюту.

Тенденция этих поползновений и успех их становятся обратно пропорциональны падению курса сибзнаков, т. е., иначе говоря, фактический переход на валюту все время усиливается.

Средний курс иены на сибзнаки был:

В первой половине апреля 1919 года 10 руб. 80 коп.

Во второй „ „ „ „ 17 „ 33 „

Начиная с мая месяца и по конец 1919 года, хотя и наблюдаются колебания, но все же общая тенденция остается понижательной, доказательством чего являются две нижеприводимых таблицы.

Таблица

стоимости иены на сибзнаки за период V-XII 1919 года.

	Минимум.			Максимум.		
Май	. 31	13	руб.	17	18	руб.
Июнь	2	12,5	руб.	30	18,8	руб.
Июль	2	17	руб.	31	38	руб.
Август	11	35	руб.	30	40	руб.
Сентябрь	. 1	40	руб.	29	65	руб.
Октябрь	3	58	руб.	31	90	руб.
Ноябрь	. 1	91	руб.	19	180	руб.
Декабрь	. 24	120	руб.	18	168	руб.

Отмеченное нами влияние из‘ятия керенок, а также наблюдаемая в приведенной таблице зависимость курса от событий, как на Востоке, так и в Омске, отмечаются многими компетентными учреждениями.

Особенно определенным было суждение об этом Харбинского Биржевого Комитета, с материалами коего мы встретимся в главе о полосе отчуждения К. В. Ж. Д, и из доклада которого мы черпаем ниже сообщаемые курсы.

Приведем сравнительные данные о курсе на иену во Владивостоке и Харбине.

---

[1]) Газета „Приамурская жизнь“, 8-го мая 1919 года г. Владивостокъ.

Таблица

средней месячной стоимости иены на сибирские денежные знаки в 1919 г.

	г. Харбин.[1])	г. Владивосток.[2])
Апрель	11.96	12.58
Май	17.42	15 86
Июнь	16.63	16.83
Июль	30.25	26.97
Август	42.37	37 19
Сентябрь	48.40	47.74
Октябрь	75.40	72.92
Ноябрь	158.00	142.91
Декабрь	152 20	153.11
Средний курс за 9 месяцев	61.40	58.45

Из приведенных цифр можно сделать тот вывод, что русский город на русской территории под присмотром, регламентирующей сделки администрации, ценил свои денежные знаки, равняясь по торговому центру Северной Маньчжурии, хотя последний позволял себе большие «манипуляции» с этими денежными знаками.

Нет необходимости доказывать, что, как указали мы, колебания курса сибирского рубля были тесно связаны с перепетией Сибирской государственности.

Успехи и неудачи последней быстро отражалися на курсе омских обязательств.

Май, июнь и июль 1919 г. были решающими месяцами в жизни пр-ва адмир. Колчака. Как указывал один из обозревателей владивостокского денежного рынка того времени[3])—поражение под Кинелью, паническое отступление сперва Уфимских армий, а затем северных, занимавших Камский фронт,—весьма отрицательно отражалося на курсе рубля. Не помогали и многократные попытки власти улучшить этот курс муссированием в прессе слухов о предстоящем признании Омского Пр-ва союзниками и о предполагаемом внешнем займе.

Возможное признание союзниками—наивно рассматривали, как их готовность бланкировать сибирские обязательства, и вокруг этого шел биржевой ажиотаж. Между тем, чья то невидимая рука усердно снижала курс сибирского рубля.

Почти всегда прием был один и тот же: неожиданно возрастало предложение русского рубля, а одновременно валюта, главным образом, иены исчезали с рынка. Это сразу же вызы-

[1]) См. Отчет Харбинского Биржевого Комитета за 1919 г.

[2]) По отметкам Ос. Канцелярии по Кред. Части. Отметки эти несколько выше факт. рыночного курса при частных сделках.

[3]) «Русский Рубль», ст. И. А. Панина в газ. «Свободная Мысль», г. Чита, № 23—24—1920 г.

вало резкое понижение курса рубля. Держатели рублей сперва, некоторое время, выдерживали их, предполагая, что это обычный прием японских коммерсантов, но проходил день-два положение оставалось прежним и держатели вынуждены были бросать на рынок сразу десятки миллионов сибирских рублей.

Тогда начиналась скупка их, откуда то вновь появлялась валюта и несколько дней проходили в ажиотаже.[1])

Так как при возраставшей эмиссии предложение рубля все время усиливалось,—понятно, что курс его, даже задерживаясь в падении, не мог уже подняться до прежняго уровня.

Держатели валюты прекрасно учитывали это.—Еще в сентябре 19 г., при курсе иены в 50 сиб. руб. японская газета «Владиво-Ниппо», издававшаяся тогда на одном лишь японском языке, авторитетно заявляла, что не далеко то время, когда иена дойдет до 100 рублей и выше.

Осведомленная в политических событиях и финансовых манипуляциях—газета не ошиблась—уже в октябре курс сибирского рубля упал ниже 72 рб., а в ноябре достиг почти 150 рб. за иену.[2])

Помимо использования политических перебоев, внимание рынка было обращено и на «делание курса» ден. знакам разных наименований. Так напр., в течении 1919 г. особый интерес был проявлен к выпущенным в обращение Омским Пр-вом полтинникам американской заготовки, в конце же года особое внимание привлекли, выпущенные как в Сибири, так в частности и во Владивостоке облигации Госуд. внутр. $4^1/_2$% выигр. займа 1917 года первых трех разрядов, достоинством в 200 рублей и купонам от них по 4 р. 50 коп.[2])

Как новое явление, берущее свое начало в Харбине, необходимо отметить фактически установленный и твердо привившийся лаж на «романовские» и «керенки». Это повело к полному исчезновению их с Владивостокского рынка и обращение их из денежных знаков в обычный товар—предмет купли и продажи.

Многочисленные распоряжения власти с требованием устранить это явление—результата не имели.

Закон о сделках с валютой.

Не имело результата и другое предписание закона—прекратить или, по крайней мере, регламентировать сделки с валютой.

В целях сохранения в пределах Государства и по возможности у самого государства запаса золота еще в первые дни

---

[1]) См. газ. «Свободная Мысль». г. Чита. №№ 23–24 от 9 и 10 декабря 1920 г. Ст. И. А. Панина—«Русский рубль».

[2]) См. там-же.

[3]) Постановление Совета Министров от 19 ноября 1919 г.

войны—в июле 1914 года приостановлен был размен кредитных билетов на золото.[1])

Позже введен был разрешительный принцип сделок с валютой и чрезвычайно определенно и жестоко было ограничено право передачи принадлежащей российским гражданам валюты в руки иностранцев путем ли продажи или путем вывоза ее из пределов своего государства.[2])

Временным Всероссийским Правительством (Керенского) были подтверждены эти постановления и распоряжения и 5-го июня 1917 года вновь было издано постановление о запрещении по всей России сделок с валютой.

Правительством адмирала Колчака также были повторены все имевшие место ранее распоряжения по указанному вопросу и было введено лишь послабление—предоставляющее право вывоза за границу на каждое лицо не до 500 рублей, как установлено было ранее, а до 2.500 рб. «кредитными билетами или иными денежными знаками».[3])

Ясно, что это «послабление», при существовавшем тогда курсе не являлось разрешением валютно-обменной проблемы.

Не разрешил ее и новый закон того же правительства от 7-го июня 1919 года, запрещавший торговые сделки на иностранную валюту.

В конце марта—начале апреля 1919 года во Владивостоке состоялось чрезвычайное финансово-экономическое совещание под председательством помощника ген. Хорвата по гражданской части. Несмотря на сложность обсуждавшихся этим совещанием вопросов оно практического значения не имело, все суждение его, как материал, поступили на рассмотрение глав соответствующих ведомств. Но власть определенно интересовалась Владивостоком.

За Владивостоком по условиям времени было признано особое значение, как за рынком валюты. Учрежденная во Владивостоке с февраля 1919 года постановлением Омского Правительства—Особенная Канцелярия по Кредитной Части вместо урегулирования сделок с валютой втягивается бесчисленными уполномоченными Пр-ва в торговые сделки и теряет свое значение. Через несколько месяцев после учреждения Особой Канцелярии по Кредитной Части по распоряжению министра финансов уполномоченным ведомствами предлагалось приостановить покупку иностранной валюты. Такое же распоряжение по-

---

[1]) Собр. Узаконений и Распор. Пр-ва от 24-го июля 14 года, № 196, ст. 2063.
[2]) Ibidem 1914 года ст. 2923 и 1915 года ст. 1384.
[3]) Собр. Узак. и Распор. Пр-ва, издав. при Правит. Сенате г. Омск I/IX 19 г. № 12, ст. 147. Постановление от 14-го апреля 1919 года.

лучили представители частных фирм и кооперативов во Владивостоке, Однако, не считаясь ни с какой ценою, покупка иен и долларов продолжалася.[1])

Общая вакханалия с грузами, товарами, подрядами, отправками обуяла Владивосток периода второй половины 1919 года; к сожалению, мы не имеем возможности останавливаться на этом подробно, так как эта тема вне плана нашей работы, но необходимо отметить, что все это самым непосредственным образом сказывалось на курсе сибзнаков, а также, в существе своем, таило противоречие со всеми постановлениями о запрете сделок на валюту.

И, не смотря на все запреты всех властей периода 1914—1919 г. г., понадобилось вновь административное вмешательство: 1-го ноября 19 года Командующий Приамурского Военного округа—ген. Розанов издал обязательное постановление за № 54 о воспрещении сделок на иностранную валюту на сумму свыше *100 иен* без разрешения Особенной канцелярии по Кредитной Части.

Нужно ли доказывать, что в условиях имевшей место во Владивостоке иностранной интервенции это обязательное постановление с указанной им мизерной суммой осталось без всякого внимания.

Жизнь шла своей дорогой.

Японские денежные знаки для России. Экспедиционные войска японского Императорского Правительства сошли в 1918 году на русский берег не только прекрасно экипированными и снабженными аэропланами, ружьями, пушками и пулеметами, но и... особыми денежными знаками. Предусмотрительность готовящейся интервенции была велика. Интервенция, по форме военная, таила в себе интервенцию экономическую; и понимая, что лучшим символом экономической оккупация являются обращающиеся в крае денежные знаки оккупанта, японские экспедиционные войска привезли с собой изготовленные по особому заказу иены с надписями на русском языке для более скорого усвоения и приятия их русским рынком и широкими массами. Эти денежные знаки были изготовлены купюрами разного достоинства, но, главным образом, разменная разно-сеновая мелочь, так как правильно было учтено, что при недостатке русских разменных знаков этой мелочью наиболее легко будет приучить население к переходу в счете на японскую денежную единицу.

В дальнейшем японские банки и администрация принимали все зависящие от них меры к внедрению этих иен в финансово-хозяйственный оборот.

[1]) Газета «Приамурская Жизнь», г. Владивосток, 8-го мая 1919 г.

Увеличивающееся количество этих знаков на рынке и увеличивающееся разнообразие купюр, служили наилучшим доказательством успеха японской валютной оккупации. Агрессивные действия японцев в отношении русских денежных знаков— их желание во чтобы то ни стало скомпрометировать предпринимавшиеся в дальнейшем все мероприятия русской власти по улучшению своих финансов — являлись оборотной стороной их собственных мер по укреплению в качестве денежной единицы,—своего денежного знака— иены.

Японские ден. знаки, выпущеные одновременно с прибытием экспедиционного корпуса.
(Натур. велич. 135 х 97 мм.).

Впоследствии на это систематическое завоевание денежного рынка обращали особое внимание правительства руководящие финансовые круги Приморья, предваряя об опасности, грозящей в крае русскому денежному знаку.[1])

Это же констатировали и общественные деятели края. Выводы их были чрезвычайно пессимистичны. Так, например, на заседании группы экономистов, обсуждавших 4-го июня 20 г. проект правительственной денежной реформы, известный Завойко утверждал, что «выхода из создавшегося положения нет. Край обречен на переход на иены. Выход один—это создание государственного эмиссионного банка без участия государства с передачей его в руки компаний с привлечением для этого иностранного капитала».[2]) По сообщению из Токио, уже в 1922 г., со слов заведывающего Владивостокским Отделением Чосен-Банка, выясняется, что к августу 1922 г. во Владивостоке находилося в обращении банкнот этого Банка на сумму 10 миллионов иен.[3])

Этой же суммой определял впоследствии количество обращавшихся на рынке Приморья иен—один из обозревателей хозяйственного положения края в 1923 году.[4])

---

[1]) См. «Докладную записку Совета представителей акционерных коммерческих банков». Май 1920 г.

[2]) Газета «Воля» № 40. г. Владивосток от 6-го июня 1920 года.

[3]) «Дальта» Токио. Газ. «ДВ Путь». № 218, 1922 г. г. Чита.

[4]) См. «Приморье, его природа и хозяйство» изд. Примгубвыстбюро. Владивосток 1923 г. Ст. А. Д. Орлова. стр. 288.

... Медленно, но неуклонно, под напором экономической агрессивности соседей и в результате своего собственного обессиления, край терял свой денежный знак.

1920 г. был героической попыткой во что бы то ни стало сохранить свою русскую денежную единицу.

Прежде чем перейти к изложению последующих мероприятий, надлежит уяснить себе причины катастрофы, постигшей, наиболее проникшие во все поры хозяйственно-экономической жизни Сибири,—денежных знаков, так называемых—«Сибирок».

Катастрофа «Сибирских».

Начало конца сиб. знаков. В конце 1919 года, когда, казалось бы, неудачи сибирской государственности Пр-ва Адмирала Колчака должны были бы вызвать соответствующее ухудшение в курсе сиб. денеж. знаков—последние совершенно неожиданно на Дальнем Востоке и в частности в Приморье начали крепнуть. Рубль начал сначала скачками дорожать, а затем постепенно неизменно крепнуть. На рынке появилась иностранная валюта в крупных суммах, рублями стали дорожить, их придерживать, искать. Казалось денежная система государственности должна была разделить печальную участь Правительства, а между тем произошло явление прямо противоположное.

Как в свое время отмечала пресса, причины этого нужно было искать в первоначальной уверенности рынка, что на смену ушедшей власти идет другая, способная об'единить Сибирь, достичь соглашения с Совроссией и принять на себя обязательства прежней власти. Кроме того рынок Дальнего Востока, привыкший к непрерывному притоку сибирских знаков,—вдруг, из-за перерыва сообщения оказался без подкрепления, банки отказывались, не имея чем, оплачивать чеки по текущим счетам вкладчиков,—между тем все сделки конца 1919 года совершались в сибирских знаках, подходили сроки платежей,—денежных знаков на рынке не оказалось, рынок же, по инерции денежно-торгового оборота, продолжал нуждаться в этих знаках. Спрос на них повысился, имея тенденцию к все большему увеличению—впредь до фактического прекращения новых сделок на сибирские и до окончания платежей по прежним обязательствам. Временное повышение сибзнаков людей недостаточно дальнозорких заставляло поверить в их устойчивость и на будущее, и фактически сделки на эти знаки были не только в процессе ликвидации, но и совершались заново.

Но уже март 1920 года произвел значительные колебания курса. А с апреля началось и катастрофическое падение курса сибзнаков.

Об'яснение этому можно найти, главным образом, в полученных на Востоке твердых сведениях об аннулировании сибирских знаков советской властью, фактически продвинувшейся в то время до Верхнеудинска. Это, в случае об'единения русского Д—Востока, грозило полной аннуляцией сибзнаков и здесь. Кроме того продвигающиеся эшалоны эвакуируемых с Запада иностранных войск, главным образом чехов, везли несметные количества сибирок, везли их и пробиравшиеся на Восток в чешских вагонах русские беженцы, а также через Монголию из Троицкосавска на Калган и Хайлар экспортировались целые транспорты сибзнаков. По совершенно точно установленным автором,—непосредственно в Троицкосавске и Урге в 1920 г. сведениям,—можно утверждать, что экспорт сибзнаков через Монголию длился с января по июнь и достиг нескольких сот миллионов рублей. Предположенное в Верхнеудинске в мае месяце аннулирование сибзнаков стимулировало экспорт их.

4—5 апреля 20 года японцы своим выступлением вбили клин в дело об'единения русского Д—Востока, расчленили его и тем полностью поставили рубль в зависимость от случайных, районных условий существующего политического положения.— Вот как оценивала в конце апреля месяца Владивостокская пресса события 4—5 апреля: «События 4—5 апреля внесли полный хаос в финансовую и экономическую жизнь края. Нарушилась связь между районами, прекратилась товарная циркуляция; экономическая жизнь остановилась. Естественно, сопротивляемость денежной единицы всякого рода воздействиям и неблагоприятным факторам упала до минимума. Спекуляция, имея перед собой ограниченные изолированные центры, сделалась хозяином положения вещей, для нея до чрезвычайности благоприятным. При этом положении Владивосток оказался в особенно тяжелом положении, а между тем его денежный рынок, как наиболее значительный, оказывает сильное влияние на положение всей Дальневосточной денежной системы. Колоссальные суммы денежных знаков, имеющиеся во Владивостоке, были, хотя отчасти, заняты работой по товарообмену. Деньги были нужны для отправки товаров в область, приобретения в области сырья и концентрации его во Владивостоке; деньги были заняты в торговом обороте самого Владивостока, а также по обслуживанию спекуляции.

Денежные потоки имели свои русла, правда с мелями, порогами, с приливами и отливами, и вот события 4—5 апреля поставили механически плотину: деньгам некуда стало течь, они стали ненужными, и их потоки грозили затопить, расстроить всю экономическую жизнь, уничтожив, аннулировав самих себя.

... Жернова вертятся, энергия затрачивается, а продукта нет, жизнь города замирает, а с ней вместе и нерв экономической жизни — денежные единицы, и над всем этим царит безудержная спекуляция, спокойно делающая свое дело под охраной японских штыков.[1])

Апрель 1920 года, как мы сказали, принес катастрофическое падение сибзнаков и соответствующее этому медленное, но неуклонное падение знаков и других образцов — романовских и «зеленых», которые до этого времени, как будто бы, не подвергались колебаниям в зависимости от политических пертурбаций.

Первые же колебания рубля способствовали отказу иностранцев от продажи товаров иначе, как на валюту. Спрос на последнюю возрос, предложение сибирских достигло планетарных размеров и тенденция, преломившись, вновь выявила силу инерции, но уже в сторону катастрофы сибирского рубля.

Иностранцы, опасаясь остаться с сибирскими на руках, сами начали скупать на них, не считаясь с ценами, те товары, которые, обычно, сами же продавали. Это совершенно нарушило обычный рынок и создавало панику.

Японский суд об изготовлении фальшивых сибзнаков.

Между тѣм, помимо привоза «сибирок» их печатала и Владивостокская Экспедиция Загот. Гос. Бумаг. Кроме того рынок наводнялся фальшивками.

По отношению к последним (фальшивкам) нелишне будет вспомнить постановление Осакского (Япония) Кассационного Департамента, который 11 июня 20 года по делу двух японских коммерсантов, живущих во Владивостоке — Инуое и Сосики,—привлеченных к ответственности за фабрикацию 10.000 штук 250 руб. знаков сибирского пр-ва—вынес оправдательный вердикт.

В первой инстанции — в Вакоямском Окружном Суде — обвиняемые были присуждены к каторге, затем подали аппеляцию, причем выставили в качестве мотива то обстоятельство, что Омское Правительство, с точки зрения международного права, нельзя признать государственной единицей: оно не находится в дружественных отношениях с Японией. Это заявление было кассационным департаментом принято во внимание и, при вторичном разборе, были приглашены специальные эксперты от Министерства Иностранных Дел.

Соображения к вынесению оправдательного вердикта кассационным департаментом были следующие: «Омское пр-во не представляло Россию, не возглавляло государственное целое и не являлось дружественным Японии государством, чьи инте-

[1]) Газ. «Воля», 26 апреля 1920 г.

ресы должны быть защищаемы, а поэтому обвиняемые не могут быть привлечены к ответственности за подделку иностранных денег».

Владивостокский Государственный Банк в начале 1920 года об'явил об отказе принимать 1.000 рублевые обязательства сиб. казначейства, выпущенные в Омске, срока 1-го июня 1920 года. Впоследствии под влиянием иностранцев, даже это, казалось бы, оберегающее общие интересы постановление,— как увидим мы ниже, — пришлось отменить, но регистрация этих обязательств отметила, что наибольший остаток оказался в кассе штаба «одной державы».

Владивостокская эмиссия конца 1919 и начала 1920 года.

Выпуск облигаций $4^1/_2$ % внутреннего с выигрыш. займа 1917 года.

Как мы отметили, недостаток денежных знаков, ощущавшийся на территории всей Сибири, несмотря на широкую волну омской эмиссии особенно остро ощущался на русском далеком востоке — в Приморье, где наличие сделок, работа железной дороги и порта требовали непрекращающегося притока подкреплений.

Эвакуация Омска нарушила денежное обращение и на окраине.

Закон Омского Правительства 19 ноября 1919 года,[1]) разрешивший выпуск в обращение как денежные знаки-облигации внутреннего $4^1/_2$ % выигрышного займа 1917 г. (облигации по 200 рублей, а также купонов от них всех сроков),—до некоторой степени разрешал остроту денежного кризиса.

Владивостокское Отделение Госбанка на основании этого закона заштемпелевав штемпелем «Владивостокское Отделение Государственного Банка», выпустило в обращение еще в период до 31 Января 1919 г. указанные облигации первых трех разрядов и купоны к ним на сумму: облигаций—178.000.000 р. и купонов — 75.420.000 рублей.

Впоследствии, при из'ятии и обмене этих суррогатов, выпущенных как во Владивостоке, так и др. городах Сибири, поступило их во Владивостокскую Контору Госбанка на сумму: облигаций — 6 милл. рублей и купонов 2,7 милл. рублей.[2])

Возможно, что еще некоторое количество этих облигаций и купонов фактически было из'ято, но находится неподсчитанным в неразобранных и до настоящего времени пакетах.

---

[1]) Об этом, уже из Иркутска телеграммами от 22-го и 23-го Декабря 1920 г. известило Управление Гос. Банка.

[2]) См. акт ревизии в 1922 г. Владивостокского Отделения Государственного Банка.

Чеки Владивостокского Отделения Государственного Банка.

За почти полным исчерпанием денежных знаков, как Омской заготовки, так и выпущенных в обращение во Владивостоке на основании распоряжения Омского Правительства $4^1/_2$ % облигации Владивосток, оторванный от Омска и Иркутска, вынужден был прибегнуть к выпуску суррогатов.

В начале 1920 года выпущены в обращение чеки Владивостокского Отделения Госбанка достоинством в 1000 руб.

Чеки эти были выпущены на белой бумаге с водяными знаками — ромб с керенским орлом, — но вскоре же появилось много поддельных знаков, изготовленных на этой же, выкраденной из экспедиции, бумаге. Отличительным признаком от настоящих являлась точка над буквой Т, в вертикальной надписи «Государственный Банк»; она была иной формы, нежели над всеми остальными буквами этих двух слов.

Чек Владивостокского От-ния Гос. Банка,

г. Владивосток. 1920 г.

(Натур. величина 17 x 89 мм.).

На чеках имелась надпись — «пред'явителю сего уплачивается с 1-го апреля 1920 года одна тысяча рублей государственными денежными знаками». Чеков этих было выпущено на сумму 502.050.000 руб.

Законом 5-го июня 1920 г. чеки эти, как и сибзнаки, обменивались за 200 рублей — 1 рубль новыми знаками и подлежали из'ятию из обращения.

Количество и сумма из'ятых чеков нигде не зафиксированы и нет данных определить эти величины, но так как срок их хождения истекал еще 1-го апреля, можно предполагать, что

некоторое количество чеков, остававшихся на руках у держателей, так и не поступило в казну.

По балансу Владивостокской Конторы Государственного Банка на 1-ое июля 1920 года в пассиве по счету «чеки, выпущенные Владивостокским Отделением» значится сумма в 360.940 рублей, надо полагать, в новых денежных знаках; умножая ее на двести, получим—72.188.000 рублей, что, как видно, и составляет номинальную сумму несданных обратно, выпущенных, как денежные знаки, чеков Государственного Банка, т. е. примерно около 14% всей суммы выпуска.

Сибзнаки на «сетчатке».

Вслед за выпуском чеков Владивостокским отделением Госбанка новая власть приступила к печатанию на этой же сетчатой бумаге сибирских денежных знаков — 5 % обязательств Государственного Казначейства и казначейских знаков.

Обязательства печатались достоинством в 50 рублей, 250 р., 1000 р. и 5000 р. Все они датированы 1-м октяб. 1919 г. и срок всех указан 1-го окт. 1920 года. Местом выпуска указан г. Омск. В остальном — по форме и тексту—обязательства эти совершенно тождественны с изготовлявшимися в Омске и Иркутске.

Казначейские знаки изготовлялись и были выпущены достоинством лишь в три рубля, того же образца 1919 года, что изготовлялись и Омским Правительством.

Курс на сетчатки установился выше, нежели на обычные сибзнаки. и рынок быстро установил на них лаж, доходивший до 10-15%%.

Последнее обстоятельство вполне понятно, принимая во внимание крайнее несовершенство изготовления обычных «сибирок» и громадное количество фальшивых, трудно отличимых от «взаправдышных».

По сравнению с «сибирками» владивостокские «сетчатки» действительно явились вполне приличными и солидными знаками.

Но выпуску их сопутствовала упорная тенденция определенных кругов—уронить курс их во что бы то ни стало.

Оппозиционно настроенная пресса повела кампанию против этих обязательств; суть опорочения будет ясна из нижеприведенной одной из заметок харбинской прессы.

В одном из банков, — значилось в газете, — при выдаче вкладов, упорно стараются вручить обязательства государственного казначейства, так называемые «владивостокские». Бумажки эти некоторые считают фальшивыми, потому что они печатались во Владивостоке с датой задним числом (октябрь 1919 г.,

Омск); на самом же деле тогда уже Омского правительства не существовало, следовательно подписи на этих обязательствах подложны. Приметы их: водяные знаки в виде клетки с орлами. Если, Бог даст, наступит порядок, то возможно, что держатели обязательств государственного казначейства получат хоть какой-нибудь платеж. Держатели же обязательств владивостокских фабрикаций — в лучшем случае — ничего не получат, в худшем же случае — могут быть привлечены к уголовной ответственности, как сбытчики фальшивых денег.[1])

Вначале предполагалось ограничиться выпуском сибзнаков на сетчатке и именно на них обменять омские сибзнаки, но, как увидим мы из последующего, — произвести девальвацию одних сибирских на другие, отличающиеся лишь качеством бумаги, признано было невозможным, а заменять одними другие, не ограничивая количество, выброшенных Омском на денежный рынок свыше 15-ти миллиардов рублей, признано было нецелесообразным.

В общем можно утверждать, что в значительной степени владивостокская власть за период 31 января—5-го июня 1920 года существовала и правительственный аппарат функционировал благодаря печатному станку, изготовлявшему «владивостокские-омские» денежные знаки.

Нужно помнить, что курс иены на сибзнаки в 1920 г. во Владивостоке был:

	Минимум	Максимум
В феврале .	102 руб.	115 руб.
В марте .	110	270
В апреле .	230	455
В мае .	480	1200
В июне (по 9-ое) .	1600	2500 „

Стоимость же «сетчатых» была несколько выше.

[1]) Газ. „Свет“. № 352, 1-го июля 1920 г., г. Харбин.

Таблица

изготовления и выпуска «сибзнаков» во Владивостоке.

	Изготовлено рубл.	Выпущено рубл.	Осталось невыпущенными рубл.
I. Кратк. обяз. Гос. К-ва достоинством в: 50 руб.	92.713.400	92.713.400	—
„ 250 „	224.032.500	208.057.500	15.975.000
Тоже 5% кратк. обязат. Госуд. К-ва в: 1000 „	1.019.580.000	1.019.580.000	—
„ 5000 „	4.235.675.000	4.090 675.000	145.000.000
II. Казнач. знаки достоинств. в 3 руб.	25.981.323	25.981.323	—
Всего . .	5.597.982.223	5.437.007.223	160.975.000

Если принять во вниманіе, что среднiй курс сибзнаков на иену в 1920 г. был:

в феврале руб. 106.78
„ марте 159.19
„ апреле 352.90
„ мае „ 727.50,

а за первые 8 дней июня руб.—2010.71, то можно будет сделать вывод, что при среднем курсе, за весь этот период, в 491.97 руб. вся эмиссия сетчатых сибирских, даже не принимая во внимание лаж на них, была эквивалентна почти 11 милл. иен, т. е. превысила 10 милл. зол. рублей.

Впоследствии, законом 5-го июня 1920 г. «сетчатки» были девальвированы и из'яты на общем основании со всеми сибзнаками.

Последний период хождения сибзнаков. Во Владивостоке сибирский рубль, встретившись с валютой, как бы держал экзамен на свою зрелость, а не на условную покупательную силу. В январе 1919 г. иена стоила в среднем 6 руб., в марте—9 рб., в мае—15,8 р., в июле—26,9 р., в сентябре до 47,7 р., в октябре—72,9 р., в ноябре до 142,9 р., в декабре последовало падение иены до 153,1 рубля. Отсутствие сделок и другие, отмеченные нами причины повысили несколько курс рубля,—до 4—5 апреля курс колебался от 100—350 р., а затем стремительно стал падать и к началу июня упал до 2000 рублей.

Денежная реформа 5-го іюня 1920 года.

В начале мая через Кяхту-Пекин стало известно о происшедшем аннулировании Советским Правительством Сибзнаков и о предполагаемом обмене их в Верхнеудинске Временным Пр-вом Д. В. Р. на буферки и совзнаки. Это послужило последним толчком к катастрофе сибирского рубля и последним стимулом к принятию и Владивостокским «Временным Пр-вом Дальнего Востока—Прим. Обл. Земской Управой» аналогичного решения, контуры которого смутно обрисовывались еще в марте и апреле месяцах.

Совет Акционерных Банков о предстоящей реформе.

Когда о предрешенности вопроса о принудительном об'мене, а затем аннулировании «Сибирок» стало известно, Совет Представителей владивостокских акционерных коммерческих банков, за подписью своего председателя Н. Д. Буяновского, бывшего тов. мин. финансов в Омском П-ве, обратился со следующей докладной запиской к финансово-экономическому совещанию:[1])

Совет акционерных коммерческих банков, принимая во внимание чрезвычайно сложное и неопределенное политическое положение, когда правительство не может определить даже той территории, на которой оно должно производить реформу, когда в силу различных обстоятельств разорена вся народохозяйственная жизнь, когда создана атмосфера неуверенности в завтрашнем дне, и самые, даже нелепые, слухи отражаются не только на настроении граждан, но влияют на финансово-экономическую жизнь, когда не только не определены, но даже и не намечены экономические взаимоотношения между Дальневосточным государственным образованием и Советской Россией, когда осуществление какой бы то нибыло денежной реформы невозможно из-за растройства транспорта и отсутствия даже телеграфного сообщения, когда отсутствуют действительно хорошо технически изготовленные денежные знаки, и наконец, когда даже этих несовершенных знаков нет в достаточном количестве, Совет Банков признает, что по всем указанным выше соображениям в данный момент никакие крупные коренные мероприятия в области денежного обращения невозможны, нецелесообразны и вредны.

Совет Банков отвергает целесообразность коренных изменений в денежном обращении.

Одни слухи об аннулировании Сибирских денежных знаков Сов. властью оказали чрезвычайно пагубное влияние на финансовую жизнь края в смысле понижения стоимости рубля, подтверждение же этих слухов усугубило это влияние. Не только наш край, но Советская Россия за это аннулирование заплатит чрезвычайно дорого, во всяком случае дороже стоимости всех Сибирских денежных знаков.

Поэтому Правительству следовало бы возможно скорей *войти в переговоры с Советской властью о немедленной отмене закона об аннулировании сибирских денежных знаков и придании* им силы платежного средства не только в Сибири, но и в Советской России. Эта мера будет полезна не только Дальнему Востоку, но и всей России.

Аннулирование Советской Властью сибирских денежных знаков вызвало среди широких слоев населения подозрительное отношение к намечавшейся правительством денежной реформе, слухи о которой все же в публику проникли. Оно усиливалось благодаря известному бывшему стремлению краевого правительства налаживать всю жизнь по образцам Советской России. Естественно, что население стремилось избавиться от денежных знаков, судьба которых так неопределена, и заручиться более устойчивой денежной единицей в виде иены. Отсюда выбрасывание на рынок рублей и повышение курса валюты. Необходимо, чтобы Правительство ныне же официально заявило, что никакие коренные изменения в денежном обращении проводиться не будут, в частности сибирские денежные знаки аннулированны не будут и даже девальвация в ближайшем будущем невозможна и неосуществима.

---

[1]) Приводим в выдержках.

С осуществлением как выше указанных мероприятий, так и изложенных в поданной уже записке от имени представителей русских банков, а также с искренним проведением той политики в области финансово-экономической жизни, которая об'явлена уже правительством, надо полагать, что население постепенно откажется от того глубокого недоверия к кредитным учреждениям, которое вселено ему некоторыми мероприятиями предшествующего периода и свои средства в рублях и валюте не станет держать у себя дома или в некоторых иностранных банках, а понесет деньги в русские банки. При этих условиях государственный банк, концентрируя в себе все капиталы русских кредитных учреждений, перестанет испытывать недостаток в денежных знаках, ибо приток их будет весьма значителен и банк путем позаимствования будет в состоянии удовлетворять требования государственного казначейства из своей наличности. Таким образом, естественным путем будет сокращена, а в скором времени и совсем прекращена эмиссия государственного банка, что в свою очередь благоприятно отразится на курсе рубля.

Однако изготовление денежных знаков в виде обязательств государственного казначейства должно итти своим обычным темпом, но не для выпуска на рынок для увеличения сумм денежных знаков, а для замены ими обветшавших, еще менее технически совершенных знаков правительства адмирала Колчака.

Резюмируя вышесказанное, Совет Банков находит:

1) Коренные реформы денежного обращения в данный момент невозможны.

2) Просить правительство войти в переговоры с советской властью о немедленной отмене закона об аннулировании Сибирских знаков и придании им характера всероссийских денежных знаков наравне с советскими.

3) Просить правительство заявить публично, что аннулирования Сибирских денежных знаков не будет и что даже девальвация их в близком будущем невозможна.

4) Сократить, а затемъ, по осуществлении ряда мероприятий, и окончательно прекратить эмиссию государственного банка.

5) Продолжать печатание на сетчатке для замены ими сибирских денежных знаков, путем удержания последних в кладовых государственного банка и выпуска из государственного банка на рынок только обязательств на сетчатках.

6) Принятие всех мер к строжайшей экономии государственных средств.

7) Уничтожение рабочего контроля в торговопромышленных предприятиях.

Записка Совета Коммерческих банков не помешала члену дирекции одного из частных акционерных банков, почти одновременно с нею, выступить со своим проектом консолидации, т. е. по результатам той же принудительной девальвации.[1])

Первые шаги на пути денежной реформы.

В конце марта Исполнительное Бюро Финансово-Экономического Совета, заслушав доклады об оздоровлении денежного обращения в Приморской области, постановило:

«а) Признать, что в связи с политическим положением на Дальнем Востоке меры принимаются паллиативные, не рассчитанные на радикальное оздоровление денежной системы;

б) принять к сведению заявление т. Виленского о том, что денежная система, которая будет принята бюро Финансово-Экономического Совета будет признана центральной советской властью;

в) сибирских денег тех образцов, которые идут из советской России, не принимать, о чем оповестить население;

г) основным денежным знаком признать деньги сибирского образца с сеткой, а вспомогательным денежным знаком —деньги американского изготовления (25 р., 100 р. и т. д.), рассматривая последние в качестве квитанций с принятием их ценности в пропорции—10 рублей Сибирских=1-му рублю американскому;

---

[1]) См. докладную записку от 22 апреля 20 г. чл. дирекции Волжско-Камского Банка В. П. Аничкова, поданную им в Кредитную Канцелярию.

д) признать необходимым установление нормировки основных продуктов питания и предметов первой необходимости (хлеба, мяса, топлива, рыбы), предложив Управлению Продовольствия и Снабжения срочно разработать положение о нормировке означенных четырех предметов;

е) поручить Управлению Делами Государственных финансов представить к следующему заседанию Бюро подробно разработанное положение о проведении указанных мер в жизнь;

ж) при обмене изымаемых денежных знаков (Сибирских без сетки) установить предельную норму такого обмена, с принятием остальных на текущий счет или, при желании, с частичным обменом на американские деньги».[1])

Постановления эти осуществлены не были, но позже легли в основу денежной реформы.

Период, предшествовавший ден. реформе 5 июня 20 г.

Как видим, еще с марта 1920 года в умах руководителей правительства созрела идея деноминации—замены сибирских денежных знаков и суррогатов знаками нового выпуска по установленному курсу. Правительство отдавало себе отчет, что основным отличительным признаком нового знака должен являться не его внешний вид, а степень фактического обеспечения. В этом отношении большим преимуществом Прим. правительства явились те значительные ценности обще-российского происхождения, которые в момент переворота 1-го января оказались во Владивостоке.

Правда, позже, в предвидении возможности захвата японцами, значительная часть ценностей была 15 марта и 3 апреля вывезена в Благовещенск на хранение Амурскому правительству,—но формально они оставались в распоряжении Приморского правительства и последнее именно эти ценности брало за основу фонда обеспечения предполагаемой эмиссии.

Впервые Пр-во обсуждало вопрос о контурах будущей ден. реформы на расширенном Финансовом Совещании в помещении Обл. Земск. Управы 22 апреля 20 г.

В общество проникали сведения о готовящихся мероприятиях, но никто не был уверен в точности имевшихся у него сведений, и все сделки проходили под знаком боязни за будущее.

Правительство тщательно скрывало подготовлявшуюся реформу.

В беседе с представителями прессы 7 мая председатель Финансово-Экономического Совета—П. М. Никифоров,—по вопросу о финансовом положении того времени, заявил: ...«Финансовое положение бесспорно тяжелое. Может быть и в ущерб

---

[1]) См. протокол № 2 заседания Исполнительного Бюро Фин.-Экон. Совѣта 26 марта 1920 года.

для себя Временное Правительство вынуждено будет прекратить закупку в большом масштабе иностранных товаров на иностранную валюту.

Имеющиеся в распоряжении Вр. Пр-ва русские предметы будут реализоваться на «сибирские» рубли.

Единственным подготовительным шагом, пока, является: принятие срочных мер по спросу «Сибирских» рублей, а также и энергичная борьба со спекуляцией рублем во всех ее видах. Предполагается издать закон о запрещении магазинам торговать на иностранную валюту. Нарушение этого поведет к репрессивным мерам.

Также предполагается из'ять из обращения систематическим порядком «Сибирские» (Колчаковские) денежные знаки и заменить их деньгами, печатающимися во Владивостоке (с водяными знаками)».

Между тем к последним числам мая основы реформы были предусмотрены, дело оставалось за осуществлением, но решиться на него было не легко, принимая во внимание то иностранное окружение, в котором находилось Прим. Правительство.

Ожидавшаяся оппозиция осуществлению реформы удерживала от форсирования проведения ее в жизнь.

Большой интерес представляет происходившее 4-го июня 20 года, в канун реформы, заседание группы экономистов при Обществе изучения Приамурского Края.

Группой был заслушан доклад о денежной реформе Н. М. Изергина,—члена Фин.-Экон. Совета.

Он указал, что в Приморье в наличности имеется ничем не обеспеченных сибирских денежных знаков на сумму до 12 миллиардов рублей, о девальвации которых и приходится говорить. Докладчик утверждал, что в государстве нет ничего, что могло бы держать новый рубль на постоянной высоте, и особенно в предвидении нажима со стороны внешних банков. Кроме того трудно расчитывать, чтобы иностранный капитал пошел в страну с бумажным денежным обращением. Все это приводит докладчика к мысли о целесообразности непосредственного перехода на металлическое денежное обращение или на выпуск разменных знаков, абсолютно обеспеченных. Для обмена 12 миллиардов сибзнаков при курсе их около 2000 рублей за иену понадобилось бы 6,5—7 миллионов золотых руб., что обеспечивало бы эмиссию на два месяца; за этот период ликвидация грузов и имеющихся в распоряжении правительства товаров увеличит наличность до 20 миллионов рублей, что, даже при эмиссии в 30 миллионов, обеспечивает оборот в крае, а приток средств извне и за товары создаст благоприятный торговый баланс.

Выступавшие ораторы: Л. А. Кроль, А. Ф. Адамчик, проф. Кохановский в общем поддерживали докладчика, хотя и вносили некоторые замечания; первый из них возражал против предполагаемой принудительности обмена,—рекомендуя имеющимся фондом валюты регулировать курс «сибирских», что способствовало бы—по его мнению—установлению устойчивого на них курса. Проф. Кохановский также возражал против девальвации,—рекомендуя выпуск параллельных валют и знаков: золото, серебро, медь, романовские, сибирские, и установление обязательного курса на них.

Любопытно отметить пессимизм одного из оппонентов, известного Завойко, который утверждал, что выхода из создавшагося положения нет. Край обречен на переход на иены. Единственный выход — это создание *государственного* эмиссионного банка *без участия* государства, с передачей его в руки компании и с привлечением иностранного капитала. За поздним временем совещание не было закончено, и вынесение резолюции было отложено до следующего раза. Но назавтра,— на состоявшемся 5-го июня заседании бюро финансово-экономического совета по денежной реформе по докладу директора Кредитной Канцелярии Ф. С. Мансветова приняты были следующие положения:

1) В основу денежной реформы должно быть положено создание собственной денежной единицы, дабы резко отграничить ее от единицы соседних или прежних государственных образований.

2) К моменту проведения денежной реформы должен быть образован за счет казенных запасов, товаров валютный «фонд-регулятор».

3) Одновременно с денежной реформой должен быть в порядке финансовой диктатуры составлен государственный бюджет с подразделением его на обыкновенный и чрезвычайный на следующих основаниях:

а) Эмиссия для целей государственного казначейства не производится.

б) Размер эмиссии определяется только в законодательном порядке с непременным прохождением законопроэкта через пленум финансово-экономического совета, а с момента созыва предпарламента через него и с его лишь одобрения, при чем государственный банк периодически публикует свой баланс.

г) Все хозяйственные предприятия казны (железной дороги, ведомства снабжения и пр.) переводятся на коммерческие начала, каковые проводятся самым решительным образом, вплоть до закрытия и отдачи на концессии.

д) Все расходы государственные не хозяйственного характера приводятся в соответствие с налогами, с каковой целью все налоговые ставки пересматриваются.

е) Дефицит по чрезвычайному бюджету может покрываться исключительно за счет чрезвычайных налогов, займов, концессий и пр.

4) Должно быть установлено регулирование ввоза и вывоза на основах исключительно эквивалентности, при чем комитет по ввозу и вывозу непосредственно подчиняется ведомству торговли.

Денежная реформа 5 июня 1920 года.

В этот же день — 5 июня состоялось экстренное заседание финансово-экономического совета. Заседание открылось речью предсовмина П. М. Никифорова, который отметил, что хотя, казалось бы, политическая обстановка и целый ряд условий, создавших катастрофическое падение сибрубля, будут неблагоприятны и для новой реформы, тем не менее предпринимает-

ся она в уверенности, что она будет содействовать упорядочению и оздоровлению хозяйственно-экономической жизни края и что она встретит поддержку не только со стороны населения, но и иностранцев, так как падение курса бьет и их.

Управляющий делами государственных финансов С. А. Андреев в своем докладе финансово-экономическому совещанию констатировал, что в области хозяйственной и промышленной жизни край переживает агонию и что сибирский рубль, особенно после аннулирования его в западной Сибири, почти уже превратился в бумажный хлам, «сетчатка» же владивостокского выпуска при курсе дня 2800 3000 рублей за иену «почти выпала из торгового оборота». Все это по наблюдениям С. А. Андреева внедряет в сферу торгового оборота иностранную валюту. Требуются героические усилия для сохранения в крае русского денежного знака. Переход непосредственно к золотой валюте не возможен, необходим иной денежный знак. Катастрофа рубля грозит катастрофой и фирмам и предприятиям, а это в свою очередь поведет к гибели национальной идеи и политической самостоятельности.

При этих условиях приходится говорить о денежной реформе, как об акте, удачное проведение которого в жизнь знаменует собой подведение прочного базиса не только под хозяйственную, но и под политическую самостоятельность буферного государства. Этим реформа превращается в национальный подвиг.

Идя по намеченному пути — говорил С. А. Андреев — мы можем погибнуть, но это будет гибель в борьбе за спасение края, а не бесславная смерть от наметившегося паралича хозяйственно-экономической жизни.

Деловая, финансовая сторона намеченной реформы обосновывалась управляющим ведомством финансов следующими аргументами: обычно в крае обращалось около 10 миллионов золотых рублей. В настоящее время обращается на рынке до 20 миллиардов рублей сибирскими, следовательно об'ективно стоимость золотого рубля равна примерно 2000 рублей сибирскими. Вновь выпускаемый рубль приравнивается к 10 коп. золотом, т. е. один золотой рубль будет соответствовать 10 рублям новыми, в совершенстве изготовленными и обеспеченными знаками. Это дает возможность установить соотношение между новыми и сибирскими знаками, как 1 : 200, т. е. предпринять двухсоткратную девальвацию,[1]) это тем более легко, что психология населения подготовлена к девальвации даже 1 : 1000.

[1]) Должно отметить, что предпринятая реформа неправильно называлась «девальвацией», в то время, как по существу она была «деноминацией», т. е. условным переименованием некоторой суммы прежних бумажных денег в бумажные же деньги (а не в разменные знаки) другого наименования и коэфициента.

Свое сообщение Управляющий Ведомством Государственных финансов закончил таким оптимистическим прогнозом:

«Достижение поставленных задач нам может быть обеспечено единодушной поддержкой всего населения. Мы уже располагаем соответствующими заверениями со стороны продовольственных организаций и кооперативов, Биржевого Комитета и Торгово-Промышленной Палаты, Совета Кредитных Учреждений, кроме того всей организованной общественности: политических партий, профессиональных союзов и т. д.

Одновременно мы уверены в том, что проводимая реформа находится в полном соответствии с правильно понятыми интересами иностранного капитала, и потому будет им встречена благожелательно. Эта уверенность основывается на том, что лишь в странах с устойчивой денежной системой и нормальной хозяйственной жизнью капитал может найти себе приложение».

Предполагаемая эмиссия равна была 150 миллионам рублей новыми знаками (американской заготовки) и обеспечивалась металлическим запасом в виде неприкосновенного фонда, а именно: 2.200 пудов золота, 60 пудов платины и 16.000 пудов серебра — всего на сумму свыше 70 миллионов золотых рублей, т. е. около 40 % суммы эмиссии.

Предложенный Управл. Ведомствами Финансов проект денежной реформы являлся—текстом соответствующего закона единогласно принятого Финансово-Экономическим Советом. Закон этот на завтра после совещания—в воскресенье 6-го июня был распубликован.

Актуальными задачами новой реформы Управляющий Вед. Финансов ставил, что он заявил на этом же заседании: 1) втолкнуть новый знак в товарный оборот, 2) сообщить новому денежному знаку в 200 раз высшую против сибирского покупательную способность, 3) расширить район обращения нового рубля.

Позже—уже после реформы—в интервью с представителями прессы Управляющий Ведомством Финансов заявил, что новым законом ведомство пыталось достичь:

1. Унификацию денежных знаков и введение более совершенных технически, исключающих возможность, или, по крайней мере, понижающих возможность подделки.

2. Прекращение доступа в край из Сибири потерявших там всякую ценность колчаковских знаков.

3. Строгий учет обращающихся знаков в населении.

Как видим, эти задания унификации аналогичны тем, которые за год до того и еще ранее поставило перед собой «Российское Правительство»—адмирала Колчака, изъемля 20 и 40 рублевые керенки, а еще ранее и Вр. Сибирское Правительство—выпуская в обращение свои обязательства Казначейства Сибири.

Кредитн. билет Вр. Пр-ва Д. Востока—Прим. Зем. Управы, г. Владивосток 1920 г.
(Натур. величина 155 х 89 мм.).

Кредитн. билет. Вр. Пр-ва Д. Востока—Прим. Зем. Управы, г. Владивосток 1920 г.
(Оборотная сторона).

Закон 5-го июня 1920 года.

На основании представления Финансово-Экономического Совета 5-го июня 1920 года Временным Правительством Дальнего Востока был принят закон:

№ 352. 5 июня 1920 года.

О выпуске государственных кредитных билетов и об обмене на них ныне имеющих обращение платежных знаков.

«В видах упорядочения пришедшего в расстройство денежного обращения на территории Временного Правительства Дальнего Востока и об'единения и упрочения денежной системы этой территории на твердых финансовых началах, Временное Правительство Дальнего Востока—Приморская Земская Управа узаконяет:

Кредитн. билет Вр. Пр-ва Д. Востока-Прим. Зем. Управы г. Владивосток 1920 г.

(Натур. величина. 148 х 87 мм.).

Ст. 1. Со дня распубликования настоящего Закона государственным платежным средством на территории Временного Правительства Дальнего Востока признаются выпускаемые на основании сего закона кредитные билеты образца 1918 г., достоинством в 50 коп., 25 руб. и 100 руб. (рис. на стр. 50) описание коих приведено в приложении к настоящей статье.

Примечание: Управляющему Делами Государственных Финансов предоставляется право выпускать в обращение, с особого каждый раз разрешения Вр. Пр-ва, кредитные билеты также и иных, кроме указанных в сей статье,—достоинств.

Ст. 2. Выпуск кредитных билетов производится в размере, строго ограниченном действительными потребностями денежного обращения, при чем каждый последующий выпуск, сверх определенной настоящим законом эмиссии, имеет производиться в установленном законодательном порядке.

Ст. 3. Размер первого выпуска кредитных билетов определяется в сто пятьдесят миллионов рублей, причем соотношение, в указанных пределах, достоинств выпускаемых билетов устанавливается Управляющим Делами Государственных Финансов.

Кредитн. билет Вр. Пр-ва Д. Востока. г. Владивосток 1920 г.

(Натур. величина 93 х 57 мм.).

Ст. 4. Выпускаемые на основании настоящего закона кредитные билеты обеспечиваются всем достоянием, возглавляемого Временным Правительством Дальнего Востока государственного образования и ближайшим образом имеющимися в распоряжении Вр. Пр-ва металлическими запасами в золоте и серебре, а именно: золото в слитках 2.200 пудов на сумму—50 миллионов руб., золотой монеты на сумму—2.517.000 руб., платины 60 пудов на сумму—2.350.000 руб., серебра и мелкой разменной монеты на сумму—16.000.000 руб., а всего на сумму—70.867.000 рубл. зол.

Означенные металлические запасы составляют неприкосновенный фонд обезпечения кредитных билетов и ни на какие иные надобности расходуемы быть не могут.

Ст. 5. Нижепоименованные платежные знаки из'емлются из обращения порядком и в сроки, устанавливаемые настоящим законом:

а) Краткосрочные 5% обязательства Государственного Казначейства всех достоинств, выпущенные во время войны бывшим царским пр-вом и правительством Керенского;

б) Обязательства Гос. Казначейства достоинством в 25, 50, 100, 250, 500, 1000, 5000 руб. и выше, всех сроков, как выпусков быв. пр-ва адмирала Колчака (на простой бумаге), так и выпуска Временного Правительства (сетчатка с орлами);

в) Казначейский знак в 300 руб. и чеки Владивостокского Отделения Госбанка достоинством в одну тысячу рублей;

г) Казначейские знаки, выпущенные Временным Сибирским Пр-вом достоинством в в 1, 3, 5 и 10 рублей;

д) Разменные знаки (марки и проч.) достоинством от одной коп. до 50 коп.

е) Облигации Займа Свободы 1917 г., достоинством в 20, 40, 50 и 100 р.;

ж) Билеты Государственного Внутреннего 4½% выигрышного займа 1917 г. всех разрядов, достоинством в 200 руб. и купоны к этим билетам достоинством в 4 р. 50 коп. всех сроков;

з) Купоны от всяких Государственных Займов всех достоинств и выпусков.

Ст. 6. Означенные в предыдущей (5) статье платежные знаки принимаются к обмену без ограничения суммы на указанные в статье 1-ой кредитные билеты по рассчету одной двухсотой обозначенной на них суммы, т. е. считая 200 р. в обмениваемых знаках за 1 руб. в кредитных билетах.

Ст. 7. Указанный в статье 6 обмен производится в г. Владивостоке и других городских местностях в течение 10 дней, а в прочих местностях в течение 20 дней со дня распубликования на местах настоящего закона через подлежащие органы местной власти.

Примечание: Сроки обмена в полосе отчуждения Китайской Восточной жел. дороги определяются по соглашению Управляющего Делами Государственных Финансов с Уполномоченным Временного Пр-ва.

Ст. 8 По истечении указанных в ст. 7 сроков из'емлемые из обращения на основании настоящего закона, перечисленные в ст. 5 платежные знаки к обмену не принимаются и считаются недействительными.

Ст. 9. Суммы, значащиеся ко дню распубликования настоящего закона во вкладах и на текущих счетах в кредитных и сберегательных кассах, исчисляются сими учреждениями и кассами в указанных в ст. 1 кредитных билетах, согласно изложенному в настоящем законе расчету, без всякого заявления о том со стороны владельцев вкладов и текущих счетов.

Ст. 10. Со дня издания настоящего закона все счеты, условия и вообще всякого рода сделки, как в делах казны с частными лицами и учреждениями и частных лиц и учреждений с казною, так и во всех вообще делах частных лиц между собою производятся и совершаются в указанных в статье 1-ой кредитных билетах, причем в тех же билетах, согласно установленному в статье 6-ой расчету, производятся платежи и по ранее заключенным сделкам, договорам и обязательствам.

Эмиссия была определена законом (см. ст. 3-ю) в сумме 150 миллионов рублей; в счет ея были выпущены в обращение денежные знаки в 50 копеек, 25 рублей и 100 р.—американской заготовки, заказанные там еще омским правительством и случайно оказавшиеся во Владивостоке.

Опубликованный закон повлек за собой новое исчисление фискальных статей: гербовые сборы, тарифы, акциз и пр. стали исчисляться по довоенным ставкам 1913—1914 г.г. и умножались на десять.

Закон о запрещении сделок с валютой.

Одновременно с распубликованием этого закона Времен. Правительство Дальнего Востока распубликовало за № 353 следующий *закон о запрещении сделок с валютой*:

«5-го июня 1920 года. Временное Правительство Дальнего Востока—Приморская Земская Управа постановляет: в виду тяжелого финансового и экономического состояния Дальнего Востока и необходимости принятия мер к восстановлению хозяйственной жизни края, в изменение и дополнение подлежащих узаконений, в виде временной меры:

1. Предоставить Совету Управления при Временном Правительстве Дальнего Востока издание обязательных постановлений, воспрещающих совершение без надлежащего разрешения всякого рода сделок, имеющих своим основанием расчеты на иностранную валюту, а равно и сделок по купле и продаже иностранной валюты вообще, с установлением для нарушителей сих обязательных постановлений наказание в пределах до трех месяцев заключения в тюрьме, до 100.000 рублей штрафа, закрытия предприятия и высылки виновных лиц из пределов Д. В.

2. Установить, что всякого рода сделки, заключенные с нарушением указанных в § 1 сего закона обязательных постановлений, являются ничтожными.

3. Закон сей вступает в силу до опубликования его в установленном порядке».

На основе этого закона Совет Управляющих Ведомствами при Вр. Правительстве издал следующее постановление о запрещении сделок с валютой.

„1. Воспрещается свободная торговля всякого рода иностранной валютой.

Примечание: постановление не распространяется на те кредитные установления, список коих будет утвержден Управляющим Делами Государственных Финансов.

2. Воспрещается производство торговли всякого рода товарами с расчетом на иностранную валюту.

3. Воспрещается взимание арендной платы за помещения торговые и жилые с расчетом на иностранную валюту.

4. За нарушение, установленных в § 1-м сего постановления, правил виновные подвергаются: в 1-й раз штрафу до 5.000 руб., а в случае не уплаты в суточный срок—заключению в тюрьме на срок до 1-го месяца. Во 2-й раз—штрафу до 15.000 рублей и т. д.

7. Налагаемые на лиц, виновных в нарушении сего обязательного постановления, штрафы взыскиваются в денежных знаках, установленных В. П. Д. В. от 5-го июня с. г. за № 352 и обращаются в доход казны.

8. Всякого рода сделки, заключенные с нарушением сего обязательного постановления Временного Правительства Д. В. признаются ничтожными.

9. Упр. Внутренними Делами Временного Правительства Д. В. предписывается иметь наблюдение за исполнением сего обязательного постановления.

10. Постановление сие входит в законную силу со дня его опубликования“.

Борьба с нарушениями закона.

В предвидении возможного нарушения закона о денежной реформе и постановлений, издаваемых в развитие этого закона, правительство предрешило вопрос о судебном преследовании нарушителей.

Желая привлечением к судебной ответственности не только выполнить букву закона, но и дать благоприятный результат в процессе осуществления денежной реформы в первые же дни ее, Управляющим делами юстиции 11-го июня отдано было распоряжение, чтобы дела по нарушению закона 5-го июня и обязательного постановления Сов. Управл. ведомствами о воспрещении сделок на иностранную валюту рассматривались мировыми судьями не позднее одного дня со времени поступления к ним подобнаго рода дел. Вследствие этого тогда же чинам милиции было отдано распоряжение о приводе обвиняемых в нарушении этого постановления в камеры мировых судей единовременно с направлением к ним протоколов об означенных нарушениях.

Отношение к денежной реформе.

Назавтра после издания законов от 5-го июня, вновь состоялось заседание группы экономистов при Обществе изучения Приамурского края. Было заслушано и обсуждено сообщение директора Кредитной Канцелярии о законе о денежной реформе.

Присутствующий на заседании Управляющий Ведомством финансов сообщил, что «*полученная телеграмма из Советской России говорит, что центральная советская власть санкционирует нашу реформу*».

Общее мнение присутствующих склонялось к необходимости постепенного перехода на золотую валюту. В результате собранием была принята следующая резолюция: «Собрание экономических и финансовых деятелей, созванное по инициативе О-ва изучения Приамурского Края, обсудив в заседании своем от 6-го июня с. г. закон Временного Правительства о денежной реформе, признало, что денежная реформа, проведенная Временным Правительством, является своевременной и диктуется необходимостью сохранения политической и экономической устойчивости и возможности успешного развития нашего края. Поэтому собрание призывает всех граждан к активной поддержке денежной реформы Временного Правительства и его мероприятий, имеющих целью обеспечить новому денежному закону подобающее значение, как единственному государственному платежному средству, чтобы тем оградить край от закабаления иноземными денежными знаками.

Со своей стороны собрание из'являет готовность принять деятельное участие в научной и практической работе финансово-экономических начинаний, связанных с осуществлением денежной реформы».

Консульский Корпус и денежная реформа. В первый день опубликования закона произошло и первое осложнение с иностранцами, чреватое последствиями и обрекшее на неудачу самую денежную реформу Приморской власти.

На состоявшемся 8-го июня заседании Консульского Корпуса Упр. Делами Гос. Финансов — С. А. Андреев ознакомил их с основами денежной реформы, после чего ему был задан ряд вопросов. Протокол дает следующую картину заседания:

Присутствуют: Полномочный Министр Чехо-Словакии, Японский Генеральный Консул, Китайский Генеральный Консул, Датский Генеральный Консул, Швейцарский Консул, Норвежский Консул, Американский Консул, Шведский Консул, Польский Консул, Бельгийский Консул, Французский Консул, Великобританский Консул (действующий, как консул для Италии), представители иностранных банков: Иокогама Спеши Банк — г. Иеово, Чосен Банк — г. Гендо, Мацуда Банк — г. Н. Такио, Гонконг-Шанхайский Банк — г. Стьюар, Индо-Китайский Банк — г. Де-Ла-Бушири. Китайский Промышленный Банк — г. Брауский; представители Временного Правительства: г. Андреев — Управляющий Департаментом Финансов, член Комиссии по обмену, учрежденной согласно закона 5 июня 20 г., г. Изергин, — Консультант по финансовым вопросам.

Представителям Правительства предлагаются двенадцать вопросов, составленных в утреннем заседании, ответы на которые при сем прилагаются.

Вопросы, предложенные Временному Правительству Консульским Корпусом в заседании в помещении Японского Генерального Консульства в 3 часа дня 8 июня 1920 года:

1. Что взято за основание расчета 200 к 1?

Ответ: За основание мы приняли старые русские золотые рубли, исчислив отношение нашего рубля к тому в одну десятую. Таким образом, взяв последний курс — 2000 рублей за иену или золотой рубль, мы пришли к соотношению — 200.

Фиксированный курс нового рубля в действительности 9 р. 50 к. за иену.

На заданный вопрос, будет ли правительство доставлять новый рубль по этому курсу, если частные банки откажутся это делать, г. Андреев заявил, что по его мнению, при настоящих условиях, эта возможность имеется.

2. Где был депонирован золотой запас. Где он находится. Как они его приобрели. Какими располагают средствами для надежной охраны его. Об'ясните право на него. Кто охраняет золото?

Ответы: Золотой запас находится в г. Благовещенске под должной местной охраной.

Он представляет собой часть золотых запасов, эвакуированных из Европейской России и доставленных во Владивостокскую Контору Государственного Банка (недавно увезенный обратно в Благовещенск).

Правительство не имеет ничего против посылки Консульским Корпусом делегатов для осмотра этого золота в Благовещенске и окажет им всяческое содействие к выполнению этого. Равным образом, правительство готово вложить это золото в какой-либо частный банк в нейтральной стране для надежности хранения, в том случае, если оно (правительство) будет защищено известным международным соглашением.

Платина находится в Благовещенске. Серебро во Владивостоке под охраной японцев.

3. Сколько было выпущено колчаковских денег?

Ответ: Правительство не имеет точных сведений об эмиссиях Колчака, но последние данные, полученные им по этому поводу таковы: от 16 до 18 миллиардов. Кроме того, около 6-ти миллиардов было выпущено во Владивостоке с Января 1920 года и 2 миллиарда в Хабаровске, итого в общем около 25-ти миллиардов.

4. Полагают ли они, что падение курса рубля будет продолжаться. Какие меры они думают предпринять для предотвращения обесценения.

Ответы: Нет. Правительство будет предпринимать обычные предохранительные меры, если потребуется.

5. Каково отношение новых бумажных денег к золотому рублю.

(Уже отвечено—см. вопрос 1-й и ответ).

6. Представляется ли возможным обмен нового выпуска на золото или серебро.

Ответ: Нет. Русские представители заявляют, что по их мнению это не является возможным ни в одной стране в настоящее время.

7. Приняли ли они меры к урегулированию цен.

Ответ: Да. В кооперативных и иных обществах предметы продовольствия будут получаться по низким ценам (хлеб 15 центов за фунт).

8. Предприняты ли меры к установлению размера правительственных налогов в соответствии с курсом нового рубля.

Ответ: Да. Правительственные налоги будут установлены, исходя из ставок до военного времени, помноженных на десять в соответствии с соотношением нового рубля к золотому рублю.

9. Полагают ли они, что они могут обменить все сибирские деньги во Владивостоке в течение этих 10 дней.

Ответ: Да.

10. Обязательно ли это для всех.

Ответ: Да.

11. Почему Государственный Банк и Казначейство отказываются от выплат сибирскими деньгами в продолжении 10-ти дней.

Ответ: Русские представители были готовы согласиться с тем, чтобы выплаты производились.

12. Сколько денег уже обменено со времени опубликования закона.

Ответа не дано.

Кроме вышеизложенного, русскими представителями были даны следующие сведения:

Советское Правительство одобрило настоящий новый закон, и временным правительством немедленно будет сделано заявление по этому поводу.

Керенские и романовские рубли, как признанные к обращению деньги в Советской России, были из'яты из этого закона».

Ответы представителя Временного Правительства не удовлетворили Консульский Корпус и последний во главе со своим старейшиной—японским консулом г. Кикучи занял позицию явно враждебную об'явленной правительством реформе.

Отношениями своими от 9-го июня Консульский Корпус, за подписями представителей указанных выше государств опро-

тестовал оба закона от 5/VI. В этих письмах Консульский Корпус писал на имя председателя Приморской Областной Земской Управы:

«Консульский Корпус протестует против краткости срока, предоставленного для обмена, а именно, 10 дней, и предлагает изменение закона в том смысле, что таковой не будет применен к иностранцам до тех пор, пока не пройдет достаточно времени для предоставления Правительствам, представленным в Консульском Корпусе, возможности выяснения рода гарантий, указанных в § 4 постановления, от каковых зависит устойчивость нового денежного знака. Кроме того, иностранным держателям денежных знаков, обращающихся до сих пор на здешней территории, должно быть предоставлено достаточное время для производства обмена уже по установлении взглядов соответствующих Правительств.

По мнению Консульского Корпуса срок, предоставленный иностранцам для обмена, должен быть не менее трех месяцев со дня опубликования постановления».[1])

«Консульский Корпус протестует против введения постановления за № 353 от 5 июня с. г., воспрещающее все местные сделки на иностранную валюту.

По мнению Консульского Корпуса действие этого постановления должно быть приостановлено до тех пор, пока устойчивость нового денежного знака не будет доказана в течение достаточного продолжительного времени, причем этот срок должен быть не менее трех месяцев.

Далее Консульский Корпус полагает, что немедленное проведение вышеуказанного постановления вызовет в результате полную остановку заграничной торговли, что непременно будет во вред местному населению».[2])

Ответ Правительства от 11-го июня раз'яснял, что:

«Временное Пр-во Дальнего Востока, в силу суверенных прав, представляемого им государственного образования, полагает своею неот'емлемою прерогативою — установление законодательных норм, регулирующих хозяйственную и общегражданскую жизнь населения подвластной Пр-ву территории.

Столь же несомненно, что установление той или иной денежной системы, замена одних денежных знаков другими, девальвация их, запрещение обмена денежных знаков на иностранную валюту и прочие возможные реформы в области денежного обращения, относятся к сфере внутреннего законодательства, имеющего своим единственным источником суверенные права того или иного государственного образования, на территории коего эти реформы вводятся.

Исходя из этого, надлежит признать, что законы 5-го июня с. г. за № 352 и 353 имеют совершенно нормальный правовой источники в соответствии с этим безусловную обязательную силу для всех, живущих на территории Временного Пр-ва Дальнего Востока.

Управление Делами Государственных Финансов полагает, что интересы отечественной и иностранной торговли могут терпеть ущерб не от регулирования сделок на иностранную валюту, а от неустойчивого курса рубля, колебания коего в платежных знаках, ныне из'емлемых из обращения, достигли небывалых размеров, парализовавших всякую здоровую хозяйственную деятельность.

Поэтому, поскольку законы 5-го июня за №№ 352 и 353 имеют своею задачею установить новый кредитный рубль, вполне обеспеченный, с устойчивым курсом, Управление Делами Государственных Финансов твердо уверено, что Консульский Корпус в г. Владивостоке, обсудив все вышеизложенное, пойдет навстречу мероприятиям Временного Пр-ва, обеспечивающим нормальные условия хозяйственной деятельности как русским, так и иностранным подданным, проживающим на подвластной Пр-ву территории».

Ответ Временного Правительства вызвал новое заявление Консульского Корпуса, подчеркивающее, что «в данном случае необходимо считаться с фактом, что новые денежные знаки пока обеспечены только гарантией учреждения, которое еще не стало достаточно устойчивым, чтобы получить от иностранных держав официальное признание в качестве правительства. Поэтому Консульский Корпус должен настаивать на своем первоначальном предложении, что, прежде чем упомянутые поста-

---

[1]) Отношение за № 88.

[2]) Отношение за № 87.

новления будут применяемы к иностранцам, должно быть их правительствам предоставлено достаточно времени для выяснения рода гарантий устойчивости нового денежного знака».

Управляющим Делами Государственных Финансов было направлено Консульскому Корпусу в ответ на его настояние о необязательности для иностранных подданных, письмо следующего содержания:

«Управление имеет честь уведомить, что по полномочию временного правительства Дальнего Востока, оно подтверждает свое согласие на предоставление проживающим в городе Владивостоке гражданам и подданным срока для регистрации, принадлежащих им, сумм в из'емлемых из обращения денежных знаках, а именно для японских и китайских подданных с 22-го по 26-ое июня включительно и для всех остальных иностранных подданных с 22 по 24 сего июня включительно. Регистрация может производиться как в русских, так и иностранных банках, при том непременном условии, чтобы при регистрации были представлены в натуре и надлежащим образом опечатаны все регистрируемые суммы. Порядок и сроки обмена таких зарегистрированных сумм на государственные кредитные билеты временного правительства имеют быть установлены по соглашению с консульским корпусом».

Но, конечно, ответ Управл. Делами Гос. Финансов не исчерпывал существо поднятого иностранцами вопроса об обязательности производимого обмена и аннулирования денежных знаков сибирского выпуска.

Вслед за суждением консульского корпуса последовали осложнения с консулами и резидентами, выбившие из колеи осуществление нового закона.

Так например, можно указать, на обращение китайского консула, ходатайствовавшего о прекращении репрессивных мер, в отношении китайских подданных за отказ в приеме новых денежных знаков. Ходатайство это мотивировалось неурегулированием вопроса о денежной реформе с консульским корпусом.

Ведомство финансов вместо того, чтобы твердой рукой разрешить этот вопрос, вынуждено было, по условиям места и времени, передать его на усмотрение Управления иностранными делами.

Одновременно, руководимые чьей то рукой, иностранные резиденты, главным образом и почти исключительно японцы и китайцы организуют сопротивление реформе, подготовляя дипломатические протесты и забастовку-протест торгово-промышленных фирм.

Совласть и денежная реформа.

8-го июня агентством «Руста», в порядке оффициального сообщения было опубликовано: «Уполномоченный Советского Правительства на Д. В.—Виленский сообщает: в силу состоявшегося соглашения между Верхнеудинским и Владивостокским правительствами и Советским правительством, на основании полученного мною сообщения от 17-го мая за № 943/2 от уполномоченного народного комиссариата по иностранным де-

лам Р. С. Ф. С. Р. в Сибири—Якова Янсона, осведомляю, что выпускаемые в обращение на Дальнем Востоке, на основании закона Временного Правительства от 5-го июня 1920 года, кредитные билеты образца 1918 года достоинством в 100 рублей, 25 рублей и 50 копеек, Правительством Р. С. Ф. С. Р. признаются. Соотношение выпускаемых кредитных билетов к общероссийским денежным знакам будет установлено по взаимному соглашению представителей обоих правительств».

Позже—24 июня сообщение это было в порядке особого «постановления за № 420» *принято к сведению* Пр-ом Д. Востока—Прим. Земск. Управой.

Неясность текста этого сообщения породила недоразумения: инициатор всяческих интерпеляций—«Владиво-Ниппо» в конце июня писала:

«При обнародовании закона о новых деньгах было об'явлено, что они признаны советским правительством в Москве и что в ближайшее время будет об'явлен курс на них на советские деньги. Так как до сегодняшнего дня этот обещанный курс все еще не об'явлен, — возникает вопрос относительно обоснованности сообщения о признании новых денег советским правительством».

Отношение к реформе торгово-промышленных и финансовых групп.

7-го июня соединенное заседание всех организаций торгово-промышленного класса и совета частных банков, подавляющим большинством голосов постановило обратиться к Вр. Пр-ву Д. В. с указанием готовности торгово-промышленного класса и банков оказать всяческую поддержку Вр. Пр-ву в деле осуществления финансовой реформы, проведение которой, по мнению заседавших, стояло в прямой зависимости от исполнения правительством следующих гарантий:

1) Все ценности, служащие обеспечением эмиссии, должны находиться во Владивостоке в непосредственном распоряжении правительства.

2) Должна быть учреждена контрольная комиссия с участием в ее составе более половины представителей торгово-промышленных организаций.

3) Ведению контрольной комиссии подлежат: а) металлический фонд эмиссии, б) товары, принадлежащие казне, средства их реализации, служащие для пополнения обеспечения размена, в) выпуск новых денежных знаков.

4) Возобновление отчетности Государственного Банка, опубликованием его месячных балансов.

5) Реорганизация учреждений, ведающих ввозом и вывозом, с участием в них с решающей ролью представителей торгово-промышленных организаций.

Кроме вышеуказанных обязательных условий, признавались желательными следующие меры: 1) Продление об'явленного законом о финансовой реформе срока принудительного представления мелких денежных купюр, впредь до изготовления достаточного количества денежных знаков, соответствующих купюр для их замены. 2) Изменение закона в смысле необязательности представлений, наравне с денежными знаками царского правительства и правительства Керенского, как 5°/₀°/₀ обязательств Государственного Казначейства, выпущенных при этих правительствах, так и всех государственных займов, их купонов, в виду того соображения, что вопрос о девальвации всех этих денежных знаков должен быть решен в общегосударственном масштабе.

Одновременно с декларацией торгово-промышленников, председатель Совета частных банков, директор Владивостокского Отделения Русско-Азиатского Банка—В. Я. Исакович в данном им сотруднику одной из местных газет интервью заявляет, что хотя банки и предоставили свой аппарат и не отказывают в содействии по проведению реформы, но при этом представитель банков считает, что «успех проведения реформы обусловлен определенными гарантиями со стороны Временного Правительства. Такими гарантиями представители банков считают: 1) строгий контроль и учет по эмиссии, с участием в организации такого контроля представителей общественных заинтересованных кругов, 2) гарантию сохранности всех ценностей, которые служат обеспечением эмиссии и 3) тех грузов, путем реализации которых предполагается создать особый фонд, 4) контроль за поступлением, хранением и расходованием только на специальные цели поступающих от реализации грузов сумм».

Ведомство финансов, охраняя изданный правительством закон от посягательства торгово-промышленных групп, направило в ответ на их представления нижеследующее заявление:

«Обсудив изложенные в записке условия, Управление Делами Государственных Финансов сообщает по содержанию их следующее: по пункту 1-му, что сосредоточение во Владивостоке всех ценностей всецело соответствует видам правительства и несомненно будет осуществлено при первой возможности. Сейчас, однако, принимая во внимание, что большая часть обеспечивающих эмиссию ценностей находится в г. Благовещенске, в кладовых местного отделения Государственного Банка и под надлежащей охраной, правительство признает более безопасным оставить временно эти ценности в месте настоящего нахождения, пока известные всем условия сообщения с г. Благовещенском не улучшатся настолько, чтобы перевозка таковых ценностей во Владивосток могла произойти без всякого риска для полной их неприкосновенности. До этого же времени целость обеспечена на месте всеми необходимыми для сего средствами и может во всякое время быть проконтролирована.

По пунктам второму и третьему—Управление не только принципиально признает желательность образования контрольной комиссии, но согласно требованию ст. 12 закона 5-го июня о выпуске государственных кредитных билетов, уже образовало в своем составе с ут-

верждения правительства, комиссию по проведению денежной реформы, в круг ведения которой входят все вышеуказанные предметы. Управление выражает полную готовность войти к Вр. Правительству с предложением о пополнении означенной комиссии, состоящей ныне из трех лиц, одним представителем от торгово-промышленных организаций и одним от совета банков. Что же касается изложенного в выписке из протокола пожелания о том, чтобы представители торгово-промышленных организаций составляли более половины членов Комиссии, то поскольку в круг ведения последней входят исключительно вопросы, всецело относящиеся по характеру своему к компетенции правительственной власти, как таковой, то Управление не видит ни законных, ни иных достаточных оснований для исполнения такого пожелания, удовлетворение которого было бы равносильным переложению на торгово-промышленные организации чисто государственных функций и не имело бы прецедентов в правительственной практике современных государств».

Кооперация и ден. реформа. Представитель кооперации, Член Правления Центросоюза—В. К. Вахмистров в своем интервью также отмечает шероховатости реформы, сказавшиеся, по его мнению, в «несогласованности технической подготовки распространения нового закона с об'емом этой задачи». По его мнению «привлечение к проведению реформы в области крупных специалистов даже из буржуазных групп, оказало бы много продуктивности и пользы, политическое же положение в области, как и политическое положение Советской России на русско-польском фронте благоприятствует проведению реформы. За три дня, со дня проведения реформы в жизнь, можно отметить твердое положение нового рубля. Высокое качество и ограниченность выпуска могут служить гарантией и обеспечением более устойчивого их положения. Центросоюз будет прибегать к самым энергичным мерам, чтобы союзы и кооперативы принимали новые деньги за товары. Подготовляется выпуск товара для одного только Владивостока на сумму до одного миллиона рублей».

Правительство и иностранные Банки. 8-го июня Правительство направило иностранным банкам следующее распоряжение о запрещении валютных сделок. «Во исполнение постановления Вр. Пр-ва Приморской области—Земской Управы от 23-го февраля с. г. о приведении в действие законом установленного фактического контроля над деятельностью банков и банкирских контор, особенная канцелярия по кредитной части сим предлагает вам в трехдневный срок представить подписку на имя отдела государственных финансов, что ваш банк, желая продолжать дальнейшую свою деятельность на территории Временного Правительства Приморской области—Земской Управы, будет подчиняться всем существующим законам о кредитных учреждениях, а равно и тем, которые будут изданы Правительством».

Ответы на изложенное предложение получены были от Нью-Иоркского Национального Сити Банка, который сообщал, что его Владивостокское агентство закрыто формально уже 13-го, марта с. г., от Китайского Промышленного и Индо-Китайского

из коих Индо-Китайский банк уведомлял, что «будучи преисполнены готовности подчиниться законоположениям правительства, коими регулируется деятельность наша, мы вынуждены для дачи требуемой вами расписки выяснить вопрос о том, как подлежит понимать «фактический контроль», как проверку операций банка по документам или как наличность правительственного контролера в самом банке». Аналогичный ответ прислан Китайским промышленным банком. Гонконг-Шанхайский банк сообщил, что предложение кредитной канцелярии передано им на обсуждение правления банка. Не получены были ответы от Йокогама Спеши банка и от Чосен банка.

11-го июня Чосен банку, доказавшему, что ряд его вкладчиков проживает за границей и не сможет в установленные сроки произвести обмен,—удалось пробить первую брешь в постановлении правительства, которое, в соответствии с обещанием, данным Консульскому Корпусу, вынуждено было предоставить для этой категории—держателей сибзнаков льготный месячный срок сверх срока, установленного для обмена денег в г. Владивостоке, т. е. после 18-го июня.

Иностранные резиденты и реформа.

Представление Консульского Корпуса, а также «условия», пред'явленные правительству со стороны торгово-промышленных организаций и Совета банков, дали богатый материал прессе определенного направления к дескридитированию мероприятий правительства. Особенное старание в этом направлении проявила японская «Владиво-Ниппо», ведшая усиленную пропаганду за забастовку протеста. На пути к поставленной цели газета не остановилась и перед извращением фактов и умудрилась опубликовать не существовавшую резолюцию русской торгово-промышленной Палаты и Биржевого Комитета с призывом к забастовке. Это вызвало со стороны последних следующий призыв к торговому классу: «в связи с возможным бойкотом новых русских денежных знаков иностранными резидентами вплоть до закрытия ими торговых помещений, Торгово-Промышленная Палата и Биржевой Комитет об'являют, что нормальное течение жизни нашей русской торговли отнюдь не должно быть этим нарушено и призывают торгово-промышленный класс во имя сохранения русского денежного знака на всемерную поддержку выпущенных новых кредитных билетов». Печатая настоящий призыв, «Голос Родины» добавляет: «Об'яснение Биржевого Комитета и выпущенное им об'явление дают нам право обвинить «Владиво-Ниппо» в сознательной лжи, направленной к тому, чтобы обмануть японцев и китайцев и придать им духу известием о присоединении также и русских фирм к бойкоту новых денежных знаков. Очевидно резолюция торгово-про-

мышленной Палаты и Биржевого Комитета выдумана редакцией «Владиво-Ниппо» с определенной целью.

Другие русские газеты также отметили злостный характер измышления «Владиво-Ниппо».

9-го июня в виде протеста против денежной реформы японцы и китайцы на несколько часов закрыли магазины и лавки. Но особенного впечатления это обстоятельство ни на кого не произвело.

Чрезвычайно колоритно то «условие», которое было составлено в результате обсуждения вопроса о реформе собранием японцев в г. Владивостоке 15 июня 1920 года.

Приводимый нами ниже текст его был опубликован в японском издании «Владиво-Ниппо»:

«1. Цель настоящего условия заключается в соблюдении содержания и духа резолюции и декларации общего собрания японских резидентов г. Владивостока от 15-го июня 1920 года, в отказе от приема новых денежных знаков, выпущеных Временным Правительством русского Дальнего Востока на основании законов №№ 352 и 353 от 5 июня 1920 г. и в проведении этого дела до конца.

2. Участники этого дела расписываются с приложением своих печатей в книге протеста против новых денежных знаков.

3. За поведение членов семейств и служащих участников этого условия несут ответственность сами участники условия.

4. Нарушители этого условия заносятся в список нарушителей об'единенного условия, о чем публикуется на страницах «Владиво-Ниппо», и лишаются как активного, так и пассивного избирательного права на выборах в находящиеся во Владивостоке общественные организации. Подобного рода нарушителям не оказывается никакая поддержка ни со стороны японского торгово-промышленного общества (Биржевого Комитета), ни со стороны каких бы то ни было других общественных организаций.

5. Срок наказания, налагаемого предшествующим пунктом, определяется соответственно тяжести вины, сроком до трех лет.

6. При общем собрании японских резидентов учреждается дисциплинарный комитет, в состав которого из большего президиума исполнительного комитета общего собрания резидентов избираются 5 членов дисциплинарного комитета.

7. Члены дисциплинарного комитета рассматривают нарушения условия и в результате произведенного следствия докладывают малому президиуму исполнительного комитета, выносящему по делу окончательное решение.

8. Настоящее условие вступает в силу в 21-го июня 1920 г.»

Новое собрание японских резидентов, происходившее 16 июня уже на основании предварительного «условия», оформленного, лишь в 20-х числах июня,—в целях оказания давления на Консульский Корпус, выносит резолюцию, протестующую против закона, раззоряющего иностранное купечество.

Помимо резолюции вынесена была и декларация, соответствующего содержания. После принятия резолюции протеста все собрание в полном составе отправилось к японскому штабу для доклада главнокомандующему японским экспедиционным корпусом—генералу Ой. Так как, однако, генерала в штабе не оказалось, то вместо него члены собрания были приняты начальником штаба генералом Инагаки, который заявил, что сочувствует содержанию резолюции. После этого члены собрания отправились к генеральному консульству, где генеральный консул

Кикучи со своей стороны заявил, что и он сочувствует содержанию резолюции, при чем присовокупил просьбу о соблюдении хладнокровия.

Участники собрания, провозгласив перед зданием консульства «банзай» в честь японского императора, разошлись по домам.

Вся японская колония, как сообщил экстренный выпуск «Владиво-Ниппо», одобряла решение собрания местных японских резидентов. Японские обыватели в общей массе стали вносить сибирские знаки на хранение в Японское Кредитное Общество во Владивостоке, перед помещением которого образовалась длиная очередь.[1])

Компетентное в оценке японского настроения—«Владиво-Ниппо» дает следующее резюме критики денежной реформы:

1. Реформа неудачна в отношении момента обнародования закона о ней.

2. Реформа неудачна в отношении предварительной подготовки ее и обследования вопроса о реформе обращения денежного.

3. Новых денежных знаков имеется всего только три купюры, в виду чего унификация денежного обращения фактически представляется невыполнимой.

4. По вопросам о металлическом обеспечении новых денег и сроке обмена предварительно не было достигнуто соглашения с местным консульским корпусом.

Все это обуславливает, по мнению газеты, «провал закона о реформе денежного обращения».

Под давлением наиболее многочисленной японской колонии новое заседание консульского корпуса вновь выносит протест по существу денежной реформы и отношенеим своим за № 98 от 16-го июня требует от правительства подтверждения действительного обеспечения новых знаков металлическим фондом и делает нажим, в целях отмены обязательности для иностранцев производить обмен, отмечая, что в своем первом ответе правительство уклонилось от ответа по существу—(о необходимости оставить вопрос открытым до обсуждения его в полном об'еме консульским корпусом) и ограничилось согласием на частичное продление обмена.

Не ограничиваясь дипломатическими сношениями через Консульский Корпус, резиденты готовят «прямое действие» протест—забастовку.

18-го июня Управляющего делами Гос. Финансов посетили представители японской колонии в лице «исполнительного комитета», избранного упомянутым выше общим собранием—г. г. Яманоуци, Ирпе, Накамура, Сато, Хаясии, Хосои и Ямаучи.

[1]) См. «Новости Жизни № 126. 22/VI 1920 г. Корреспонд. из Владивостока.

Председателем японского общества было сделано заявление следующего характера:

«Прежде всего председатель Японского общества просит управляющего ведомством принять к сведению сумму сибирских денежных знаков, принадлежащих японским гражданам, проживающим во Владивостоке.

В Иокогама Спеши банке и Чосен Банке имеется вкладов японских граждан на сумму около ста милл. рублей. В Японское Общество Взаимного Кредита доставлено японскими гражданами, согласно предложения председателя японской колонии, в закрытых пакетах с указанием на них фамилии владельца и суммы—около ста миллионов рублей сибирскими знаками, кроме того, значительное количество сибирских денег, еще не зарегистрированное, имеется на руках местного японского населения и весьма значительные суммы сибирских знаков имеются в самой Японии. Эти деньги накоплены в течение десятков лет тяжелым и упорным честным трудом и запасены на черный день, причем некоторые из этих сумм получились путем обмена золота сначала на общероссийские деньги, а помом на сибирские.

В заключении председатель японского общества просил управляющего делами государственных финансов позаботиться о судьбе японских граждан, поставленых законом о денежной реформе в весьма тяжелое положение. Он очень сожалеет, что сейчас японские граждане, при всем желании лойяльно относиться к законам Врем. Пр-ва, не могут подчиниться закону о денежной реформе».

Министр Финансов сделал раз'яснение, после чего последовал следующий диалог:

Вопрос. Что предполагает предпринять ведомстео финансов, если будет замечено падение курса новых денег.

Ответ. Так как денежная реформа устраняет главные причины, вызывающие обесценение сибирских денег, а именно наплыв их из Западной Сибири, подделку, а также выпуск их правительством для извлечения дохода, то ведомство финансов полагает, что нет основания бояться понижения курса. В тоже время предположено предпринять все меры к усилению из края вывоза, что несомненно будет содействовать устойчивости курса. Кроме того, мы готовы продать часть товаров, находящихся во Владивостоке, чтобы таким образом создать фонд, который сможет поддерживать курс на должном уровне и обеспечить обмен рублей на валюту.

Назавтра после этой беседы, вновь созванное общее собрание японских резидентов направило через своего консула Управляющему Делами Государственных Финансов новый меморандум, выдержки из которого мы приводим.

Все об'яснения, данные Вами в ответ на запросы, предложенные Вам нашими представителями 18-го числа с. м. относительно настоящей денежной реформы почтенного Временного Правительства Дальнего Востока, к великому нашему сожалению, оказываются далеко недостаточными для того, чтобы они могли дать нам удовлетворение по интересующим нас вопросам.

2) Вы считаете Ваше Правительство вынужденным произвести денежную реформу в виду чрезмерного наплыва обесцененных денежных знаков и явившегося в результате этого катастрофического падения курса денежных знаков. Тем не менее Ваше Правительство до сих пор не принимало никаких мер против такого наплыва денежных знаков, а напротив, имея запас золота, платины и серебра, тщательно скрывало его и без конца печатало и отпускало чрезмерное количество таких же самых знаков, как и от Омского Правительства. И вдруг теперь Ваше Правительство решило аннулировать все эти знаки, безразлично какого достоинства каждый из них в действительности. Кто может не увидеть в этом крайней несправедливости. Мы решительно идем против такой обманчивой политики.

Мы решили категорически протестовать против обманчивой денежной реформы, ныне осуществляемой Вашим Правительством. А так как те разные денежные знаки, ныне аннулируемые Вашим Правительством, доселе имели повсеместное обращение по всей Сибири, то они могут подлежать отмене не иначе, как по велению такого Правительства, которое пользуется авторитетом и компетенцией, достаточной для об'единения всей Сибири под своей мощной властью.

При всем том, если Ваше Правительство желает во что бы то ни стало осуществить данную реформу, то оно должно произвести вознаграждение за аннулируемые знаки из золотого запаса новых знаков, потому что этот запас действительно имеющийся в руках Правительства, очевидно, является всецело таким запасом и для старых знаков.

На основании всего этого мы смеем пред'явить Вашему почтенному Правительству свое законное требование о вознаграждении убытков, которые мы теперь вынуждены понести за обмену денежных знаков, составляющих состояние каждого из нас. И так, имеем честь покорнейше просить Вас немедленно дать нам ответ Ваш и Вашего почтенного Правительства на наше заявление.

Представители Общего Собрания Японских резидентов города Владивостока. 19-го июня 1920 года.

Международный Комитет по протесту против денежной реформы.

По сведениям, опубликованным „Владиво-Ниппо“, первоначальная резолюция общего собрания японских резидентов нашла живой отклик прежде всего в местной английской колонии, по инициативе которой, повидимому, и возник «Международный Комитет по протесту против денежной реформы», в состав которого вошли представители от всех 13-ти колоний иностранных национальностей. В заседаниях этого комитета участвовало, обычно, по два представителя исполнительного комитета общего собрания японских резидентов.

Международный Комитет поддерживал контакт с консульским корпусом, снабжая его материалами по содержанию его протестов пр-ву.

На первом заседании Международного Комитета участвовало 11 человек: от Англии—Гэд, от Америки—Рейкок и Фридлендэр, от Франции—Баррат, от Бельгии—Хассак, от Китая—Па-Ле-фын, от Японии—Яманоуци и Набесима, от Дании—Мартенс и от Швеции—Альбом.

Затем число участников возросло до 17-ти человек. На заседании 24-го июня представителем Англии г. Гэд был внесен проект того содержания, что «в случае, если временное правительство не признает свободы сделок внутренней и иностранными валютами в течение срока обмена, то должно при-

бегнуть к прекращению всеми государствами каких бы то ни было торговых сделок с Россией».

Нажим Консульского Корпуса возымел свою силу — Правительство вынуждено было шаг за шагом удовлетворить новые домогательства иностранных банков, в частности, о продлении льготного срока до 3-х месяцев.

16-го июня Консульский Корпус вновь обратился к представ. Земской Управы, заявив, что последовавший на прежние протесты ответ правительства,

«является неудовлетворительным, ибо совсем незатрагивает вопроса, рассматриваемого в письме Консульского Корпуса. Вопрос, поставленный Консульским Корпусом, писали они в своем новом письме,—не касается времени требуемого для обмена настоящих денег на новые, а относится к сроку, необходимому нашим Правительствам, чтобы убедиться в гарантиях обеспечивающих устойчивость новых денег.

До тех пор, пока такие гарантии не будут найдены удовлетворительными для наших Правительств и непродолжительность срока, данного для обмена не дает возможности нашим Правительствам расследовать этот вопрос, нельзя ожидать от Консульского Корпуса поощрения иностранцев обменивать со скидкой имеющиеся у них деньги на новые деньги, которые могут оказаться не более ценными, чем до сих пор существующие.

Пока не будет достигнуто решения по этому поводу иностранными Правительствами иностранцам должно быть предоставлено право из'ять из Банков и держать свои деньги (с правом обмена на новые деньги) до тех пор, пока не будет достигнуто решение.

Только при таких условиях права иностранцев могут считаться защищенными, и если протесты Консульского Корпуса будут игнорироваться в дальнейшем, ответственность за непринятие мер для защиты интересов иностранцев должна всецело ложиться на местные власти».

Консульскому Корпусу на его новое от 16-го июня представление Управл. Делами Государственных Финансов 17-го июня ответил:

«Управляющий Делами Гос. Финансов, обсудив представление Консульского Корпуса, полагает, что вопрос о денежной реформе, который служит в настоящее время предметом переписки между Вр. Правительством и Консульским Корпусом, должен быть поставлен в плоскость вполне конкретных предложений и мероприятий. Исходя из этого, Управляющий Делами Гос. Финансов имеет честь довести до сведения Консульского Корпуса о желательности комиссии, состоящей из представителей Консульского Корпуса, каковой комиссии надлежит поручить обследовать металлическое обеспечение, указанное в законе от 5-го июня с. г. за № 352, как в части, находящейся в г. Владивостоке, так и в Отделении Государственного Банка в г. Благовещенске.

Наряду с этим Управляющий Делами Гос. Финансов, в соответствии с раз'яснениями данными его представителями на заседании Консульского Корпуса, находит возможным войти с представлением к Вр. Пр-ву о доставке в г. Владивосток или в иное место металлического обеспечения, находящегося в г. Благовещенске, но при условии предоставления Временному Правительству достаточных гарантий международного характера, обеспечивающих неприкосновенность металлического запаса, как в пути следования, так и в городе Владивостоке или ином местонахождении.

Вполне отдавая себе отчет в положении, создавшемся в связи с денежной реформой для иностранных подданных, Упр. Делами Гос. Финансов, в случае согласия Консульского Корпуса, но считало бы возможным войти к Вр Пр-ву с обычным представлением об издании дополнительного закона о предоставлении тем иностранным подданным, которые не обменяют имеющихся у них платежных знаков до 18-го июня с. г. права до 21-го июня того же года через иностранные кредитные установления зарегистрировать оставшиеся у них суммы с тем, что для обмена таких сумм будет, по взаимному соглашению, установлен вполне достаточный срок.

Все вышеизложенное по глубокому убеждению Управляющего Гос. Финансами разрешает все поставленные в письме Консульского Корпуса, вопросы к обоюдному удовлетворению, вследствие чего Управляющий Делами Гос. Финансов надеется, что ответное письмо Консульского Корпуса будет столько же благоприятно и определенно, как и настоящее отношение».

В адрес Председателя Приморской Обл. Земской Управы на это последовал следующий ответ Консульского Корпуса:

«Консульский Корпус настоящим имеет честь сообщить, что по отношению сделанного предложения, а именно:

а) образовать комиссию с целью осмотра металлического запаса во Владивостоке и Благовещенске,

б) перевести металлический запас во Владивосток или другое место,

Консульский Корпус не может дать ответа до получения инструкций от своих правительств.

Пользуясь настоящим случаем, Консульский Корпус обращает Ваше внимание, что до сих пор им неполучено удовлетворительного ответа на протест, сделанный им относительно постановления Земской Управы от 5 июня с. г. за № 353, запрещающего торговать на иностранную валюту, поэтому считает, что иностранные граждане и подданные должны иметь право торговать на иностранную валюту до тех пор, пока не будет оказана возможность со стороны местного Правительства получения иностранной валюты в обмен на новые деньги по курсу, установленному Земской Управой, 9-50 за иену».

В день вручения этого ответа вновь состоялось заседание Консульского Корпуса совместно с Управляющим Делами Гос. Финансов и последний поставлен был перед необходимостью согласиться на продление обмена для иностранных подданных, *причем, фактически, сам обмен откладывался на неопределенный срок и заменялся регистрацией*, о чем ведомством финансов и издано было вынужденное циркулярное распоряжение, текст которого мы приводим несколько ниже, и которое нужно считать фактическим срывом Консульским Корпусом денежной реформы.

Отношение русских демократических групп к денежной реформе.

В момент, когда иностранцы и банки оказывали давление на правительство, принимая свои резолюции протестов, другая часть Владивостокской общественности так же выявляла свое отношение к денежной реформе.

7-го июня междупартийным совещанием левых фракций, по заслушании доклада и заявлений всех фракций о готовности всемерно поддержать реформу и содействовать ее проведению в жизнь,—было вынесено постановление:

«Обсудив доклад председателя комиссии по проведению денежной реформы—Ф. С. Мансветова, междупартийное совещание считает необходимым обратиться ко всем рабочим и социалистическим организациям с призывом поддержать проводимую Временным Правительством реформу и всеми силами способствовать проведению ее в жизнь.

Считая, что успешность осуществления реформы в известной степени зависит от неуклонного проведения новой денежной единицы в качестве единственного платежного средства, междупартийное совещание твердо уверено в том, что организованные рабочие будут бороться со всеми спекулятивными тенденциями в этой области и будут всемерно поддерживать новый знак, как единственный денежный знак, при всех платежах и расчетах».

9-го июня заседание об'единенной конференции профессиональных союзов г. Владивостока, посвященное вопросу о денежной реформе, в результате заслушания докладов и прений, приняло резолюцию:

«Заслушав доклад председателя комиссии по проведению денежной реформы,—собрание центрального бюро совместно с правлениями профессиональных союзов постановило:

1) признать, что закон о денежной реформе является единственным способом остановить неудержимое падение курса рубля и громадный рост дороговизны, всей тяжестью своей, обрушивающейся, прежде всего, на пролетариат.

2) Призвать пролетариат дружно и организованно поддержать новый рубль, сделав его единственным денежным знаком, причем каждый организованный рабочий должен, понятно, раз'яснить другим всю важность реформы, от успеха коей зависит все завоевания революции и судьба русского дела на Дальнем Востоке.

3) Оплату своего труда рабочие должны получить только в новых рублях. Для покупки товаров пролетариат должен пресекать всеми силами куплю и продажу другими группами и классами населения на иностранную валюту на русской территории.

4) Призвать пролетариат к дружной и организованной поддержке реформы правительства и, принимая на себя большие тяготы, каковые неизбежно связаны с такими мероприятиями на первое переходное время, центральное бюро настаивает перед правительством, чтобы оно потребовало и заставило принять новый денежный знак, как полноценный, также и имущие классы и в этом отношении правительство должно быть решительно и последовательно, беспощадно карая всех, пытающихся сорвать реформу.

5) Считая денежную реформу первым шагом в деле упорядочения хозяйственной жизни края, центральное бюро призывает подвести под нее фундамент увеличением производительности труда и установлением силой пролетариата трудовой дисциплины.

6) Устроить ряд митингов о денежной реформе. Просить социалистические организации, заинтересованные в проведении новой реформы, послать ряд лиц, которые раз'яснили бы населению значение денежной реформы» (Ц. И. Б.)

11-го того же июня наиболее влиятельный «Индустриальный союз тружеников морского транспорта Дальнего Востока» дал следующую оценку денежной реформы:

«1) Закон временного правительства Д. Востока о денежной реформе продиктован национальной необходимостью в переживаемое тяжелое время,

2) денежной реформе должна быть оказана со стороны трудящихся полная поддержка, какие бы жертвы не понадобились для поддержки,

3) трудящиеся всеми мерами должны продвинуть внедрение в жизнь и закрепление русской денежной единицы в новых знаках, об'явленных Народным Временным правительством; должны самым энергичным образом бороться с хождением среди нас иностранной валюты и с оплатой нашего труда иностранной валютой,

4) внедряя и закрепляя русскую единицу в новых знаках, трудящиеся выполняют историческую роль в борьбе с интервенцией, пытающимися оторвать Д. Восток от России, пытающимися подавить стремление трудящихся России к свободной, трудовой, независимой жизни».

Резиденты готовятся.

29-го июня Совет Управляющих Ведомствами был реорганизован на основе привлечения в коалицию представителей торгово-промышленных групп. Это обстоятельство заставило иностранцев предположить, что ослаблены первоначальные позиции инициаторов денежной реформы и что теперь легче будет добиться либо полной отмены ее, либо введения «поправок» по существу аннулирующих самую реформу. Все же 30-го июня японцы, опасаясь, как видно, принятия по отношению к ним репрессивных мер, хотя, конечно, правительство не могло об этом и думать,—решили передать свою наличность денежных знаков в сумме до 150 миллионов рублей под непосредственную охрану своей экспедиционной армии, не довольствуясь общей охраной ею японских резидентов.

Денежные знаки, в двух громадных сундуках, из японского Кредитного Общества были перевезены в японский штаб.[1])

Впоследствии, более чем через два года, в связи с эвакуацией японских войск в 1922 году знаки эти были возвращены владельцам: «с 30-го сентября 1922 г. в яп. колонии начался выем русских бумажных кредиток, сданных на хранение разн. лицами. К октябрю 1922 г. еще не явилось за получением названных кредиток, 193 человека». (В. А.).[2])

В июне 1920 года не довольствуясь организацией и сплочением своих резидентов, японцы решили сплотить вокруг себя и зависящие от них группы. Общее собрание японских резидентов приняло меры к привлечению к протесту против денежной реформы также и местных корейцев. Для этой цели 1-го июля общее собрание командировало своих парламентеров в Корейскую слободку для переговоров с корейским старостой Г-Ри. Были сообщены для сведения пункты протеста, выработанные общим собранием японских резидентов, и выражена надежда на об'единенное выступление. В результате этого, означенный корейский староста в сопровождении своего заместителя немедленно же направился в канцелярию общего собрания, где от имени Корейской слободки принес благодарность за завязание с ним сношений, причем клятвенно заявил, что корейцы во всем будут действовать в согласии с японцами, и просил не оставлять эти действия надлежащим руководством.[3])

Одновременно японский консул предложил, находящимся под его покровительством, греческо-подданным воздержаться от обмена сибирок на новые деньги и представить ему список греков-держателей сибирских билетов с указанием наличности у каждого из них. Список этот был консулу представлен, при чем наличность денежных знаков у членов греческой колонии во Владивостоке выражалась суммой в 165 милл. рублей.

Регистрация вместо из'ятия. 1-го июля Комиссия по проведению денежной реформы через Центральное Инф. Бюро об'явила, что по соглашению с Консульским Корпусом для иностранных подданных вместо из'ятия сибирских и иных денежных знаков, предусмотренных законом 5-го июня, вводится лишь регистрация этих знаков.[4])

2-го июля было опубликовано и само постановление Вр. Правительства Д. Востока—Приморской Земской Управы:

«О порядке регистрации иностранными подданными из'ятых из обращения на основании закона 5-го июня 1920 года за № 352 платежн. знаков».

---

[1]) Газ. «Новости Жизни», № 140, от 8-го июля 1920 г.
[2]) Газ. «Далекая Окраина», Харб., № 13, от 10-го окт. 1922 г.
[3]) Газ. «Новости Жизни», № 140, 1920 г., корреспонденция из Владивостока.
[4]) Бюллетень Циб'а от 1-го июля 1920 года.

«Во изменение и дополнение закона 5-го июня с. г. за № 352 и Постановления Временного Правительства от 18-го июня с. г. за № 405 Врем. Пр-ва Дальнего Востока—Приморская Земская Управа постановляет:

Предоставить право иностранным подданным все оставшиеся у них не обмененными платежные знаки, из'ятые из обращения по закону 5-го июня с. г. за № 352, зарегистрировать в следующем порядке:

1) Регистрация производится во Владивостокской Конторе Государственного Банка и в нижепоименованных частных русских банках: Русско-Азиатском, Московском Народном, Сибирском Торговом, Петроградском Международном Коммерческом, а равно в тех иностранных банках и учреждениях, с которыми может быть заключено по сему предмету особое соглашение.

Регистрация может производиться или непосредственно в перечисленных учреждениях или через посредство подлежащих консульских представителей, которые передают зарегистрированные ими суммы в таковые учреждения для хранения порядком, установленным настоящими правилами.

2) Срок для регистрации устанавливается с 2-го по 10-ое июля включительно.

Примечание: Харбинской Комиссией по проведению денежной реформы срок для регистрации в г. Харбине назначается с 28 июля по 5-ое августа включительно и по линии жел. дор. с 1-го по 9-ое августа включительно.[1])

3) При регистрации должны быть пред'явлены в натуре соответствующие суммы в из'ятых из обращения денежных знаках счетом или в запечатанных пакетах.

Числящиеся за иностранными подданными ко времени регистрации суммы в из'ятых из обращения знаках на текущих счетах или во вкладах регистрируются в означенных знаках на общем основании настоящих правил.

4. Зарегистрированные суммы подлежат хранению в принявших их банках как вклады на имя владельцев этих сумм, впредь до вырешения вопроса о последующей судьбе последних, после чего зарегистрированные суммы или обмениваются на кредитные билеты образца 1918 года, или, по желанию возвращаются их владельцам в первоначально представленных знаках.

5. До вырешения вопроса о последующем обмене зарегистрированных сумм владельцы этих сумм могут во всякое время востребовать их, полностью или в части, в из'ятых из обращения знаках денежных или кредитных билетах образца 1918 года. В первом случае владелец утрачивает право обмена востребованной суммы на означенные кредитные билеты. Во втором случаѣ владельцу может быть выдано, по его желанию, удостоверение Банка о произведенной выдаче зарегистрированной суммы в кредитных билетах.

Примечание: Во время течения срока регистрации, т. е. с 2 по 10 июля, никакие востребования зарегистрированных сумм не допускаются».

Нет сомнения, что приведенное выше постановление, нарушающее общий порядок из'ятия, намеченный реформой 5-го июня 20 г., явилось вынужденным.

Общая обстановка жизни Приморья не позволяла Правительству игнорировать настояния Консульского Корпуса и, конечно, главным образом лиц японской администрации во Владивостоке.

Правительство, протестуя, вынуждено было все же искать путей примирения основ денежной реформы с притязаниями резидентов. Именно как таковую попытку и приходится рассматривать постановление о регистрации.

К сожалению, оно, пробив брешь в законе о денежной реформе, не спасло ее, и, ближайшие же дни, вслед за опубликованием постановления—доказали, что иностранцы не удовлетворились полумерами. Правда, отношением от 1-го июля за № 114 Кон. Корпус выразил согласие на производство регистрации, а появившееся 3-го июля в местной прессе обращение Консульского Корпуса на английском и русском языках, как бы содействовало об'явленной Пр-вом регистрации. Вот текст этого обращения: «Консульский Корпус сим обращает внимание ино-

---

[1]) О порядке и результатах регистрации в Харбине см. особую главу.

странцев, проживающих во Владивостоке, на об'явление русских властей, помещенное в местной печати от 2-го сего июля, относительно регистрации денежных знаков. За более подробными сведениями иностранцы благоволят обращаться в соответствующие консульства. Старшина Консульского Корпуса Г. Кикучи».[1])

Как видим, в обращении к резидентам отсутствовала необходимая категоричность, а предложение обращаться за справками в соответствующие консульства — давало понять, что оставлены еще какие то лазейки для обхода и этого постановления Правительства; и действительно, как мы увидим ниже, настроение в кругах иностранных резидентов не улеглось даже и после распоряжения Ведомства Финансов о предварительной регистрации сибзнаков у иностранных держателей их. Не помогло этому успокоению и об'явление Консульского Корпуса.

Подготовка иностр. резидентами забастовки-протеста.

Застрельщиком новой волны протестов вновь оказались японцы. Еще первого июля ими было распространено по Владивостоку следующее «Воззвание японских резидентов»: «Прежде чем решиться устроить бойкот, который, в силу печальной необходимости, вынуждены согласно и коллективно устроить с 3-го июля сего года подданные иностранных государств, живущие здесь, по поводу введения закона о денежной реформе, мы считаем своим долгом провозгласить всем истинный мотив этого решения. Вот он: мы позволяем себе настоящее чрезвычайное действие именно только оттого, что нам нет никакой возможности безусловно подчиняться необдуманному закону о денежной реформе, недавно изданному временным правительством Дальнего Востока, и что это вовсе не обозначает противодействия по отношению к русскому народу вообще. Последнее ясно из того, что бойкот настоящий касается одинаково как русских, так и японских жителей города.

Допуская такое выступление, мы желаем протестовать против необдуманного закона, отрицать новые денежные знаки и тем самым побудить Временное Правительство Дальнего Востока пересмотреть свой ошибочный шаг».

«Владиво-Ниппо»,—лейб-орган протестантов, одновременно дает такое освещение вопросу о причинах протеста: «Со стороны Временного Правительства»,—пишет японская газета, —не последовало удовлетворительного ответа на 2-3 запроса Консульского Корпуса по вопросу о денежной реформе и несмотря даже на протесты, раздающиеся как со стороны всех

[1]) Газеты: «Голос Родины» № 227 от 3-го июля 20 г., «Воля» № 62 от того же числа и др.

вообще иностранных резидентов, так и со стороны японских резидентовъ, это Правительство не показывает никаких признаков, чтобы оно готовилось пересмотреть свои действия. Напротив того, оно ухватывается за еще более обманчивую позицию, настаивает изо всех сил на проведении несуразного закона, пренебрегает интересами местных иностранных резидентов и приписывает даже падение курса, вновь выпущенных денег протесту иностранных резидентов. Во всем этом—нельзя найти даже крупинку искренности». Падение курса, по словам газеты, — об'ясняется ничем иным, как самой сущностью выпущенных денег, не имеющих за собой никакой гарантии и представляющих собой обычную макулатуру, годную для оклейки стен, что ясно и без отзывов специалистов.

При таком неискреннем поведении Временного Правительства,—повторяет газета свои прежние утверждения,—для иностранных резидентов не остается другого выхода, как прибегнуть к крайним мерам, несмотря на все отвращение, которое эти резиденты питают к мерам разрушительного характера, почему они и сокрушаются по поводу того, что вынуждены действовать так, а не иначе. Но имеется неизбежная необходимость—заставить Временное Правительство пересмотреть свои действия.

Вся ответственность за торговую забастовку,—заканчивает газета свои ламентации,—лежит на плечах Временного Правительства, причем необходимо запомнить, что также и выход из создающегося положения зависит всецело от позиции Временного Правительства—пересмотрит оно свои действия или нет.

В предвидении *забастовки протеста* в японской местной прессе появляется следующее: «Срочное об'явление О-ва японских резидентов». «В виду того, что в настоящее время местные иностранные резиденты начинают торговою забастовку, нижеподписавшееся Общество, принимая во внимание возникающие для отдельных лиц неудобства, приняло меры к учреждению распределительного пункта предметов первой необходимости и к отпуску из него следующих предметов: рис, соль, овощи, мясо, чай, сахар, топливо, яйца, свечи, спички, табак и другие предметы, которые распределительный комитет признает необходимыми.

Распределительный пункт помещается в помещении б. магазина Сиоми, по Пекинской улице, напротив магазина Кабаяси».

2-го июля появилось об'явление японского Биржевого Комитета: «На основании резолюции об'единенного общего собрания иностранных граждан японские местные резиденты вместе с китайскими закрывают 3-го июля в полдень все магазины и лавки о чем доводится до всеобщего сведения. Подробные справки

выдаются в Торгово-промышленном Обществе (Биржевом Комитете)».

3-го июля началась столь долго подготовлявшаяся забастовка протеста; большинство иностранных фирм примкнуло к ней.

Председатель упомянутого нами выше «Международного Комитета по защите иностранных торговых фирм г. Владивостока» — г. Ф. Теодор Гейд опубликовал во Владивостокской прессе письмо о мотивах забастовки, которое мы, в виду его особого интереса, и приводим полностью:

«Во избежание неправильного и обоюдно нежелательного толкования причин, побудивших иностранные фирмы закрыть торговлю, я в качестве председателя Международного Комитета настоящим довожу до сведения широких слоев населения г. Владивостока, что принять такую меру нас побудили следующ. обстоятельства: закон о запрещении сделок на иностранную валюту поставил торговый класс, как русский так и иностранный, в совершенно безвыходное положение, т. к. новый русский денежный знак уже показал свою неустойчивость и, если признать его как единственную платежную единицу, то это значит итти на полное разорение, чего иностранные фирмы допустить не могут.

Что касается циркулирующих слухов о том, что иностранцы желают уронить русский рубль, то такие слухи могут быть распространяемы, с одной стороны, лицами, непонимающими истинного положения, а с другой теми, кому этот слух выгоден, ибо иностранцы, торгующие во Владивостоке также, как и русские коммерческие круги, отлично понимают, что ронять русский рубль в первую очередь, главным образом, невыгодно им самим, так как это равносильно полному прекращению их коммерческой деятельности, ибо, привозя товары из-за-границы и платя за них валютой, они заинтересованы тем, чтобы и получить за них денежный знак определенной и устойчивой ценности.

Закрытие торговли не можем назвать бойкотом или забастовкой, т. к. это ни то, ни другое, а только и исключительно шаг к сохранению интересов торговли, вызванный неумолимыми обстоятельствами, ясно говорящими каждому здравомыслящему человеку, что продолжение торговли при данных условиях повлечет за собой полное банкротство торговых фирм, что мы, само собой разумеется, допустить не можем, и мы глубоко верим, что мы нашим поступком являемся как бы на помощь также и русскому торговому классу, который иначе рано или поздно, окончательно разорившись, вынужден будет прекратить торговлю, если, конечно, Временное Правительство не сознает своей ошибки и не отменит своей незрелой и столь пагубной для всего края реформы. Повторяя, что иностранцы крайне заинтересованы в создании в крае устойчивой денежной еденицы, имеющей твердую платежную стоимость и потому всегда готовы в лице Международного Комитета приложить все усилия для выработки мер, могущих улучшить хаотическое положение, и я предлагаю свои услуги и услуги каждого из членов Международного Комитета для выполнения этой задачи.

Мы готовы работать рука об руку с Временным Правительством в интересах упорядочения данного вопроса и тем помочь не только иностранным фирмам, но и всему русскому населению края, поставленному ныне в еще более тяжелое положение, нежели раньше, так как последствием реформы явилось неимоверное повышение цен и еще более расцвела самая безудержная спекуляция, чего отнюдь не могло быть, если бы рубль имел за собой существенную стоимость. Я надеюсь, что настоящее об'яснение будет понянто и русское общество признает, что перед нами стояли два пути: или продолжать торговлю до полного нашего раззорения, отнюдь не оказав этим населению края никакой пользы, или закрыть торговлю, защищая свои интересы и просить Временное Правительство пересмотреть вопрос и облегчить положение края. Мы остановились на последнем и верим, что здравый смысл подскажет каждому, что иначе поступить мы не могли.

В заключение считаю нужным присовокупить, что иностранные фирмы, продолжающие, вопреки закона, тайно или явно торговать на иностранную валюту, не достойны уважения или симпатии. Ф. Теодор Гейд—Председатель Международного Комитета по защите иностранных фирм г. Владивостока».

Как реагировала на бойкот организованная русская общественность.

Бесцеремонное вмешательство иностранцев в вопросы русской компетенции вызвало единодушный отпор со стороны русской общественности, принявший характер какого то патриотического единого фронта сопротивляемости.

Первая имела суждение и вынесла свое отношение к назревавшей забастовке протеста Владивостокская Городская Дума.

На заседании думы от 2-го июля с внеочередным заявлением выступил городской голова Б. А. Косминский, зачитавший об'явление японских резидентов относительно закрытия ими своих магазинов в знак бойкота новых денежных знаков.

После непродолжительного заседания межфракционной комиссии по выработке резолюции о бойкоте новых денежных знаков принята была единогласно следующая резолюция:

«Ознакомившись с воззванием японских резидентов от 1-го июля с. г. о бойкоте новых денежных знаков, Владивостокская Городская Дума, считая закон о денежной реформе вполне целесообразным, своевременным и необходимым актом Временного Правительства и расценивая указанное выше воззвание, как акт, враждебный русскому народу,—обращается к гражданам города Владивостока с призывом стать на защиту авторитета и достоинства Временного Правительства и в защиту коренных интересов всего населения Дальнего Востока и об'единиться для закрепления денежной реформы—одного из главнейших условий сохранения края за Россией. Граждане должны итти на все жертвы для достижения этой великой цели и не останавливаться перед отказом покупки товаров у тех иностранных фирм, которые будут бойкотировать новые денежные знаки. Кроме того, Владивостокская Городская Дума призывает всех граждан проявить необходимые в данный момент выдержку и спокойствие и не поддаваться провокационным призывам в связи с выступлением японских резидентов».

По этому же вопросу Приморская Торгово-Промышленная Палата и Биржевой Комитет, опубликовали следующее постановление: «в связи с возможным бойкотом новых русских денежных знаков иностранными резидентами, вплоть до закрытия ими торговых помещений, Торгово-Промышленная Палата и Биржевой Комитет об'являет, что нормальное течение жизни нашей русской торговли отнюдь не должно быть этим нарушено и призывает торгово-промышленный клас, во имя сохранения русского денежного знака, на всемерную поддержку выпущенных новых кредитных билетов».

Одновременно и Краевое Кооперативное Об'единение — «Союз Приамурских Кооперативов» 2-го июля опубликовал свое воззвание:

«Японские и некоторые другие капиталисты своим бойкотом желают добиться отмены закона о денежной реформе, желают, чтобы в обращении находились обесцененные сибирские бумажки, те самые, которые на кануне денежной реформы сами японские купцы и лавочники отказывались получать. Своим бойкотом они желают вообще уничтожить русские деньги и вместо них установить иены Они желают, чтобы русское население находилось в полной зависимости от них. Т-щи кооператоры, для вас, проводивших в жизнь лозунг «в единении сила», наступил момент проверить нашу стойкость, наше единение. Мы заявляем, что бойкот русских денег мы расматриваем, как акт, направленный против русского народа. Враждебный нам акт мы должны встретить спокойно и встать в полном единении со всеми трудящимися Дальнего

Востока на защиту наших интересов, на защиту денежной реформы, для осуществления чего мы должны итти на все жертвы и не останавливаться перед отказом от покупки товаров у тех фирм, которые будут бойкотировать новые деньги.

На бойкот денег мы должны ответить бойкотом товаров».

6-го июля состоялась общегородская конференция представителей профессиональных союзов Городского и Земского Самоуправлений, продовольственных и кооперативных организаций. В результате — после продолжительных речей, единогласно была вынесена резолюция[1]):

«Общегородская Конференция констатирует, что поход, поднятый иностранцами на русской территории против русской денежной единицы—есть незаконное посягательство на суверенность русской государственности на Дальнем Востоке, вмешательство в сферу деятельности русского народа и его правительства и грубое нарушение соседско-гостеприимных отношений, которые издавна установились и которыми пользовались иностранцы в России.

Усматривая в этом вмешательстве один из этапов борьбы представителей империалистических стран и их желание навязать России и русскому народу чуждые ему влияния, чуждую денежную единицу и экономическое порабощение его, — представители перечисленных выше организаций заявляют, что проводимому иностранцами бойкоту будет противопоставлена организационная мощь и дисциплина широких слоев населения и рабочих организаций и безусловная поддержка Народному Собранию и Временному Правительству и его мероприятиям и что ни на какую провокацию русское население не поддастся и не пойдет и сохранит полную выдержку и само-дисциплину».

Аналогичные резолюции с протестом против бойкота широкой волной выносились различными организациями города и области; так, на об'единенном собрании почт.-тел. служащие 9-го июля постановили:

«Признавая, что увеличение минимума действительно не улучшает экономического положения трудящихся, а наоборот является одной из причин понижения курса рубля—одобрить постановление конференции и оставить на июль месяц июньский минимум, призвав членов союза отнестись к этому вполне сознательно и спокойно, не боясь временных и вынужденных лишений.

Перед лицом экономического, а также в связи с этим политического закабаления нашего края, каждый трудящийся должен принять самоограничение, памятуя, что этим он отстаивает независимость нашего края и делает национальное русское дело».

Рабочие временных мастерских также, подробно остановившись на общей хозяйственной обстановке Приморья,— так закончили свою резолюцию протеста: «ставя себе целью укрепление русского денежного знака и вытеснение иностранной валюты с рынка Дальнего Востока, русский рабочий пойдет сознательно на еще худшие условия своего существования и первый, как везде и всегда, подаст пример, искренне выполнив задачу. Общее собрание трудящихся временных мастерских, как часть русского пролетариата Д.-Востока, сознательно идя на такие решения, отнимает последний козырь из рук спекулянтов в целях поднятия цен на продукты, поручает палате труда распространить заработную плату июня на июль».

---

[1]) Газ. «Воля» № 65 от 7-го июля 1920 года.

Но протестовали не одни только рабочие: волна «протеста против протеста» резидентов захватила различные по своему социальному и партийному положению группы русских граждан.

Русское общественное мнение всколыхнулось.

Справедливость требует отметить, что от былого, — в начале реформы—разнобоя,—не осталось и следа. Быть может в этом отношении сослужило службу и недавнее вхождение в Правительство представителей торгово-промышленного класса.

«Коалиция» по противодействию бойкоту нашла организационное отражение в создании—«*Комитета общественного содействия проведению денежной реформы*».

Инициативная группа по созданию этого Комитета 7-го июля опубликовала воззвание, подписанное: Председ. Нар. Собрания, Городским Головой, Председ. Биржевого Комитета, Предс. Ц. Б. Профсоюзов, Председ. Торгово-Промышленной Палаты, Центросоюза, Союза Приамурских Кооперативов, Русского Технич. Общества, Областного Комитета Производствен. Союзов, Приамурского Окружного Комитета П.-Тел. служащих, Совета Кредитных Учреждений. В своем воззвании инициативная группа «приглашает на организационное собрание всех общественных работников кооперации, профессиональных союзов, политических партий, деятелей промышленности и торговли, работников науки, искусств и вообще всех желающих работать в настоящий, тяжелый момент по спасению экономического и финансового положения края. Предмет заседания — бойкот иностранными торговыми предприятиями новых денежных знаков».

В дни забастовки по городу в разных направлениях сновали закрытые автомобили, из которых разбрасывались воззвания — резолюция собрания японских резидентов, кроме того, японцами делались многократные попытки организовать летучие митинги, агитируя против реформы. Митинги привлекали исключительно их же соотечественников, так как русское население старательно обходило их. Правительство бессильно было запретить эти митинги.

Действия резидентов и японо-командования.

Факт малой лойяльности резидентов был настолько вопиющим, что Управл. Иностранными Делами Прим. Правительства нашло возможным обратиться к японскому генеральному консулу со следующим письмом: «По поводу предпринятого бойкота, в связи с денежной реформой, японские резиденты разбрасывали 1-го июля печатные воззвания, призывающие русских граждан к бойкоту, чтобы побудить Правительство пересмотреть свой ошибочный шаг. Как представитель Японии, с которой существуют дружественные, добрососедские

отношения, вы, конечно, согласитесь с тем, что подобное выступление японских резидентов, призывающих русских граждан к сопротивлению власти, нельзя считать актом дружественным и что оно способно внушить русскому населению чувство крайнего неудовлетворения, что является крайне нежелательным.

Я полагаю, что ваше веское влияние на «японских резидентов» даст вам возможность приостановить подобное выступление, во избежание обострения взаимоотношений русского населения к японскому, и питаю уверенность, что вы не откажете на это обратить самое серьезное внимание. За Управляющего Иностранными Делами—Б. Сквирский».

5-го июля письмо это было заслушано в заседании Консульского Корпуса, на котором члены его высказывали свое отрицательное отношение к этому выступлению японских резидентов и подчеркнули, что оно имело место без санкций и согласия членов консульского корпуса и в частности — японского консула,—о чем и постановили осведомить Управл. Иностранными делами в ответ на его письмо.

Несмотря на столь категорическое ответственное заявление, 10-го июля Городской Голова, ссылаясь на то, что чинами милиции было зарегистрировано несколько случаев препятствования торговли русским со стороны японских солдат,—послал протест японскому и китайскому консулам с просьбой принять соответствующие меры к выяснению указанных фактов и устранению в будущем подобных явлений.

Не довольствуясь непосредственным соучастием, а иногда и инициативой в деле организации противодействия денежной реформе во Владивостоке, японская пресса соответственно обрабатывала и общественное мнение своей страны. Из многочисленных заметок телеграфного агентства и периодической прессы мы приведем, как достаточно характерную, «корреспонденцию», появившуюся в номере «Осака Майничи» от 10-го июля 1920 года. Под заголовком «Весь Владивосток в ужасе от бойкота японских магазинов» газета сообщает: «Продовольствия не хватает, жизнь находится под страхом нужды; если оставить в таком положении, то возникнет бунт. Курс рубля пал до 30-ти, на-днях дойдет до сорока за иену. Доверие к новым деньгам падает с каждым днем. Русское население, благодаря бойкоту японских и китайских торговцев, находится в критическом положении. Если такое положение продлится несколько дней, возможно возникнет ужасный бунт на почве недостатка продовольствия. Русские газеты считают, что бойкот является следствием подстрекательства со стороны японского правительства».

Начавшаяся во Владивостоке забастовка протеста перекинулась и в область. В селе Раздольном 10-го июля закрылись

примкнувшие к бойкоту все китайские магазины и лавочки[1]. На Сучане (район угольных копей) произошла тоже своеобразная «забастовка» лавочников китайцев и японцев.

Меры борьбы с последствиями противодействия.

Как было уже указано выше, об‘явленная иностранцами забастовка торговцев вместо того, чтобы внести в население панику и понизить бойкотируемый «резидентами» знак—повела к под‘ему национального чувства, вызвавшему в свою очередь упругость сопротивляемости. Вместе с тем, под влиянием предпринятой валютной интервенции крепнет курс буферок. Стоимость иены, с 28-ми рублей новыми знаками—30 июня, понизилась до 25-ти рублей в день начала забастовки 2—3 июля, постепенно колебалась от 22 до 20-ти рублей, а затем понизилась к 15-му июлю до 23-х рублей. Справедливость требует отметить, что в повышении стоимости буферок главную роль сыграло не столько общественная организованность, сколько предпринятая правительством валютная интервенция.

Скупка правительством на местном рынке новых денежных знаков обошлась ему, за две недели начала июля, в сумму до 60000 иен.

Еще раньше, с первых же дней реформы Ведомством Финансов проводились уже аналогичные меры, правда, в форме несколько отличной от прямой скупки своих знаков на валюту.

Помимо мер внутри-организационного и финансового характера со стороны как ведомства финансов, так и Городского Самоуправления последовал ряд мер административного вмешательства в происходившее. Так Комитет по проведению денежной реформы, учитывая появившуюся тенденцию к увозу, подлежащих обмену сибирских из Приморья на рынки, где они продолжали еще сохранять ценность—в полосу отчуждения К. В. Ж. Д. и в Забайкалье,—пришел к выводу о необходимости воспрепятствовать вывозу, так как он удорожал стоимость остающихся сибирок и тем понижал стоимость новых знаков.

В этих целях, на основании предложения Комитета, Областной инспектор милиции в своем приказе обратился к начальникам городской и уездной милиции с предложением «следить за недопущением вывоза за-границу сибирских денег».[2])

Городское самоуправление со своей стороны также делало попытки ослабить забастовку резидентов—купцов, перекинувшуюся и на китайцев—рабочих в предприятиях города.

Под угрозой замены русскими рабочими в первые же дни забастовки возобновили работу китайцы—пекаря.

---

[1]) «Руста». Никольск, 11-го июля 1920 года.

[2]) Газета «Воля» от 2-го июля 1920 года, № 61.

Китайцы—арендаторы огородов были предупреждены о прекращении договоров с ними на будущее, но самый чувствительный удар нанесло китайцам—владельцам торговых предприятий—приостановление Городской Управой подписания договоров с ними на дальнейшее арендование ими на II-ое полугодие базарных лавок.

Неуспех «забастовки». Так же, как и другие резиденты, китайцы присоединились к забастовке на основе общего соглашения.—Фактическим руководителем забастовки среди китайцев, являлся комитет местного, китайского купеческого общества «Шан-у-гуй», пославший всем китайским купцам циркулярное предложение закрыть свои магазины.

В первые дни бойкота под влиянием запроса довольно многочисленной группы китайских купцов, требовавших пересмотра вопроса о присоединении китайского купечества к бойкоту, тот же комитет, в экстренном заседании, постановил бойкот продолжать и ввести особые меры наказания против нарушителей дисциплины бойкотисткого движения. В ряде этих мер главными являлись штрафы в иностранной валюте. Несмотря, однако, на таковое постановление комитета, группа китайских купцов, находящих, что бойкот противоречит элементарным интересам китайского населения и направлен исключительно на достижение эгоистических целей определенной группы иностранцев,—вновь поставила вопрос о прекращении китайцами торговой забастовки и, с этой целью, потребовала созыва общего собрания членов китайского купеческого общества.

Китайское купеческое общество осаждалося ежедневно толпами китайцев, преимущественно уличных торговцев, требующих возмещения торговых убытков от забастовки.

Получение продуктов из организованных японцами продовольственных распределительных пунктов сопряжено было для китайцев с многими трудностями и даже неприятностями.

Сильное движение против бойкота наблюдалося также в среде местной китайской интеллигенции,[1]) находящей движение с точки зрения китайских национальных интересов, совершенно нецелесообразным.[2])

Правительство, допустив еще в июне в отношении иностранцев значительные послабления в первоначально установленной обязательности обмена сибирских знаков, и фактически отменившее для иностранцев обмен, заменив его условной

---

1) Из сообщения «Циб'а»—Центр. Информ. Бюро от 9-го июля 1920 года.

2) Газ. «Воля» № 68, от 10-го июля 1920 года.

регистрацией и отсрочкой этой регистрации,—в вопросе о новых домогательствах резидентов заняло твердую позицию, что, как видно, не входило в их расчеты.

В результате, сопротивление, поскольку оно вылилось в демонстративную форму забастовки, было сломлено: 15-го июля состоялось бурное совещание Китайского Купеческого Общества, постановившее открыть магазины 16-го июля.

Вслед за этим «Международный Комитет по защите иностранных фирм» об'явил, что, якобы, ввиду достигнутых удовлетворительных результатов в переговорах относительно свободной торговли в иностранной валюте, предлагается иностранным фирмам 16-го июля возобновить торговлю.

Фактически это об'явление не соответствовало действительности—свобода торговли на валюту правительством предоставлена не была, были даны лишь некоторые обещания поставить этот вопрос на обсуждение.

В поисках, если и непочетного, то, хотя бы, сносного выхода из создавшегося положения, японские резиденты, заканчивая свою забастовку, ссылались также на это, якобы, твердо обещанное правительством послабление.

В своем «заключительном» воззвании, датированным 16-м июля, японская колония, в лице Исполнительного Комитета общего собрания японского населения во Владивостоке, писала:

«Протестуя против закона о денежной реформе, опубликованного временным правительством от 7-го июня с. г. резиденты союзных держав, об'единившись в союз, закрыли свои торговые места. Ныне временное правительство, сменив состав своего кабинета, намечает новый курс внешней и внутренней политики и не только выявляет признак введения умеренной политики в экономических задачах, но и дало возможность достигнуть соответствующего понимания в вопросе денежного обращения. Поэтому, согласно постановления Международного Комитета, решено прекратить приостановление занятий, оставляя, однако, за собой право настаивание основного вопроса о денежной реформе и уважением поддерживая требование Консульского Корпуса, представленное Временному Правительству.

Японским местным торговым местам предлагается возобновить с сего числа свое занятие, приняв во внимание вышеизложенное».

16-го июля с утра открылись все иностранные магазины и лавки. Как сообщали местные газеты, «по открытии иностранных лавок на базаре и магазинов в городе, публика посещала последние очень неохотно, несмотря на то, что цены на продукты у них были сравнительно ниские. Публика, как и вчера, продолжала осаждать городские продовольственные лавки и русских торговцев. Общее впечатление от забастовки для русского населения вполне благоприятное, а для китайцев и японцев—достаточно незавидное».[1])

Безрезультатность предпринятой забастовки-протеста, громадные убытки иностранного купечества, явившиеся результатом прекращения, почти на пол месяца, торговли, а также опасность, что русское население само продлит свой протест-

[1]) Газ. «Воля» № 73, от 17 июля 1920 г.

бойкот иностранных магазинов—вызвало сильное замешательство в кругах резидентов. Среди них начались поиски «зачинщиков»—инициаторов столь неудачной затеи.

18-го июля состоялось общее собрание резидентов, созванное по инициативе группы недовольных результатами бойкота и действиями самостоятельного комитета по проведению бойкота. После выступления защитников комитета, прения приняли угрожающий характер; поднялся сильный шум, в результате чего собрание было сорвано.[1])

Таковы итоги «прямого действия» резидентов.

В дальнейшем мы увидим, что вслед за общественным под'емом наступил период реакции. Иностранцы, не добившись прямой отмены закона 5-го июня, фактически своей понижательной тактикой как бы аммортизировали реальную ценность новых денежных знаков и на ряду с другими причинами устраняли русский денежный знак с Приморской территории.

Результаты обмена. Определяя размер эмиссии в 150 милл. рублей, правительство предполагало примерно 2/3 ее использовать на обмен сибирских, каковых, следовательно, ожидалось к поступлению на сумму—примерно—в 20 миллиардов рублей. Иначе говоря, правительство предполагало, во-первых, что фактически почти вся сумма омской эмиссии и сибирок владивостокского изготовления окажется в пределах Д.-Востока и во-вторых, что все они будут пред'явлены к обмену. Оба эти предположения оказались неправильными.

Обмен и регистрация имели место в г. Владивостоке, Ник.-Уссурийске, Хабаровске, в отдельных пунктах Приморской области, была сделана попытка осуществить денежную реформу 5-го июня в г. Харбине, и вообще в полосе отчуждения К. В. ж. д. Оставляя вопрос о судьбе реформы в полосе отчуждения до особой главы, здесь приведем сводку достигнутых реформою цифровых результатов.

Всего по городу Владивостоку и его близлежащему району было представлено к обмену сибирских денежных знаков на сумму—1.910.245.033 рублей, всего же по Приморской области на сумму—2.210.944.976 рублей.

Кроме того, во Владивостокском Отделении Госбанка было пред'явлено к обмену:

200 рублевых билетов $4^1/_2$ выигр. займа 1917 года (первых трех разрядов) на сумму	. 6.000.000 р.
купонов к ним на сумму	. 2,700.000 р.
разменных марок » »	37.000 р.
купонов разных » »	. 1.478.461 р.
Впоследствии, сожжено было на сумму руб . .	1.194.131.454-68.

[1]) Газ „Воля" № 76 от 21 июня 1920 г.

Всего, включая нерассортированные до сего времени знаки, принятые общим счетом, Владивостокская Контора Госбанка считает, что фактически принято к обмену разных знаков на сумму—3.191.935.706 руб. 31 коп.[1])

В Хабаровске обмен дал 74.530.155 руб. сибирскими знаками.
На Имане « « 32.228.866 « « «[2])
В Сучане « « 25.000.000 « « «[3])

На Сахалин хотя и было отправлено на производство обмена 50000 руб. буферными, но суммы этой оказалось недостаточно и обмен проведен не был, хотя новые знаки и были выпущены в обращение. Обмен на Камчатке дал незначительные результаты и был проведен не по всей области.

По Ник.-Уссурийскому уезду Приморской области не удалось провести денежную реформу даже к концу июля. В ряде пунктов уезда обмен не был закончен и был отсрочен, что об'яснялось невозможностью организовать одновременный обмен во всем уезде, из за отсутствия регулярного сношения и разрушения во время гражданской войны почтовых, телеграфных и других учреждений.

Вообще отмечалось благожелательное отношение крестьян к новым знакам, что об'яснялось, главным образом, невозможностью подделки их. Фальшивые сибирские были, прямо таки, бичем крестьянства.[4])

Обмен в Харбине достиг лишь суммы 97.917.104 руб., следовательно, общий, хотя и недостаточно точный подсчет обмена сибзнаков дает (2.210 944.976 руб.+74.530 155 руб.+32.228.866 руб.+25.000.000 руб.+97.917.104 руб)—2.440.621.101 руб.

Помимо того, было зарегистрировано пред'явленных иностранцами сибзнаков:

во Владивостоке на сумму	9.097.256—
во Владивостоке было сдано в запечатанных пакетах кит. ген. консульству на сумму	1.501.544.015.47[5])
в Харбине зарегистрировано было на сумму	168.597.406.66
Итого рублей	1.679.238.678.13

К сожалению, сведений о регистрации в других пунктах мы не имеем, но с уверенностью можно сказать, что она выразилась не более, чем в сотнях тысяч рублей.

Следовательно, всего было обменено и зарегистрировано сибирских денежных знаков, примерно, на сумму 4.120 миллио-

[1]) См. акт. ревизии Владивостокской Конторы Госбанка в III—IV 1921 года.
[2]) Тел. «Руста». Хабаровск 22-го июля 1920 года.
[3]) Обмен закончился 18-го июля. «Руста». Сучан 20 июля 1922 года.
[4]) Газ. «Воля» за № 83 от 29-го июля 1920 г.
[5]) Сообщение Китайск. Ген. Консула от 22 июля 1920 г. за № 422.

нов рублей, т. е приблизительно менее одной пятой части общего количества выпущенных в обращение этих знаков.

Кризис ден. реформы. Как мы уже упоминали выше,—в дни резидентской забастовки правительство израсходовало на прямую скупку новых денежных знаков до 60000 иен. Но с 16-го июля скупка бумажных денежных знаков прекратилась и с того же числа можно констатировать начавшееся безудержное падение курса нового рубля, хотя, казалось, неудачно закончившаяся забастовка должна была укрепить его положение на рынке.

Курс на иену (по справке Особенной Канцелярии по Кредитной Части) 16-го июля достиг 30-ти рублей новыми знаками и постепенно возрастал, достигнув к 20-му июля—36 рублей, к 26-му числу—54 руб. 50 коп. и к тридцатому—75 рублей, т. е. упал за две недели более чем в $2^1/_2$ раза.

Назревавший кризис денежного знака ясно всеми сознавался. Забастовка резидентов и неудача ее подняли дух власти, широких кругов населения, но это обстоятельство само по себе не укрепляло курса новых знаков.

Сразу же, вслед за окончанием забастовки протеста, правительство вынуждено было обратить внимание на рост купли-продажи иностранной валюты с нарушением всех существовавших и не отмененных правил, изданных как Правительством Дальнего Востока, так и закона 5-го июня 1917 года Всероссийского Правительства и постановления от 1-го ноября 1919 года—командующего Приамурским Военным Округом.

Вместе с тем, правительство должно было притти к выводу, что не имея своей твердой денежной единицы, одним постановлением о воспрещении сделок на иностранную валюту нельзя достигнуть цели. Правительство вынуждено было вступить на путь разрешения сделок и введения формального исчисления на золотой рубль.

В средних числах июля возникают соответствующие проекты, живо дисскуссируются, становятся достоянием печати, что, конечно, способствовало потери последнего доверия к бумажным денежным знакам.

Само правительство,—понимая, что вынужденным постановлением о регистрации иностранцами денежных знаков, вместо обмена этих знаков на общих основаниях,—все равно нанесена брешь самой денежной реформе,—ослабляет несколько первоначальную энергию и идет на дальнейшие уступки.

На новое домогательство Китайского Генерального Консула о продлении срока регистрации, комиссия по проведению денежной реформы отвечает:

«Считая невозможным по некоторым обстоятельствам оффициальное продление срока регистрации сибирских денежных знаков, Комиссия в виду значительных технических затруднений регистрации среди китайских подданных не видит препятствий к регистрации Консульством тех сумм, кои не могли быть зарегистрированы в установленный срок, при условии, что Консульство втечение ближайших дней сообщит Комиссии сведения об этих суммах и подтвердит, что регистрация не могла быть совершена своевременно по обстоятельствам, не зависящим от держателей этих сумм.

Равным образом Комиссия не встречает препятствий к регистрации Консульством отдельных сумм, поступивших от китайских подданных, проживающих в отдаленных местностях, не имеющих постоянной связи с населенными местами, но опять таки при условии удостоверения Консулом наличия исключительных условий, препятствовавших своевременной регистрации таких сумм.

Что касается срока регистрации в области, то Комиссия полагает возможным установление такого срока в течении месяца, считая со дня окончания регистрации во Владивостоке, т. е. с 20-го июля, при чем регистрация на местах производится либо китайскими обществами, либо консулами, а зарегистрированные суммы ко времени окончания срока регистрации, т. е. к 20 августа с. г. должны быть переданы учреждениями, производившими регистрацию, на хранение или соответствующим кредитным учреждениям, или же китайскому консульству во Владивостоке».[1])

Неудача, постигшая правительственные мероприятия в полосе отчуждения К. В. ж. д., на чем подробно мы останавливаемся особо, — также предрешала кризис денежного знака, устраняла всяческую надежду на укрепление курса нового рубля и на возможность заменить им твердую денежную единицу. Это понимал и Совет Управляющих Ведомствами, проведший денежную реформу 5-го июня, и сменивший его — новый коалиционный Совет Управляющих Ведомствами.

Декларация обновленного Совмина. Реконструированный Совет Управляющих Ведомствами программной декларацией, зачитанной новым премьером на заседании Народного Собрания Приморья в июне 1920 года высказал соображения о предстоящей деятельности Совета в области финансовой политики:

...«В области народно-хозяйственной жизни Совет Управляющих первоочередным вопросом считает восстановление нормального денежного обращения. Без разрешения этого вопроса, без создания устойчивой денежной системы,—невозможно восстановление нормальной экономической деятельности народно-хозяйственного организма... В этих целях правительством прежнего состава были приняты определенные шаги.

Выявившееся к тому времени стремительное падение курса сибирских знаков, грозившее полной утратой ими покупной способности и обнаружившаяся решительная тенденция к вытеснению русского рубля иностранной денежной единицей заставили правительство предпринять решительные шаги в деле упорядочения нашей денежной системы, не ожидая даже открытия Народного Собрания. Поставив своей целью создание самостоятельной денженой единицы, ограниченной от денежных единиц соседних или бывших государственных образований и придание этой денежной единице возможной устойчивости, закон о денежной реформе определил первоначальный выпуск билетов нового образца лишь в размере 150 миллионов рублей, установив вместе с тем, что размер последующей эмиссии должен определяться только в законодательном порядке. Отчетливо сознавая, что проведенная реформа отнюдь не является окончательным шагом на пути восстановления нормального денежного обращения, Совет Управляющих вместе с тем считает необходимым отметить те положительные результаты, которые, благодаря реформе, уже достигнуты: изгнан из обычного оборота окончательно скомпрометированный сибирский знак, унифицировано денежное обращение, введен новый технически совершенный, трудно подделываемый денежный знак и дана возможность правительству предпринимать более активные и действительные меры к укреплению курса нашей валюты. Все изложенное позволяет полагать, что, несмотря на многие неблагоприятные факторы, при совместных энергичных усилиях правительства и общества, новый денежный знак постепенно окрепнет и, во всяком случае, поможет нам пережить теперешний

[1]) Отношение «Комиссии по проведению денежной реформы» от 23 июня 1920 г., № 443.

крайне неопределенный политический момент, когда Владивосток с небольшим, относительно прилегающим районом, вынужден играть роль обособленного государства. С своей стороны правительство предпринимает все необходимые и возможные меры для достижения поставленных денежной реформой задач, причем, в частности, считает необходимым заявить, что имея намерение пользоваться установленным эмиссионным правом лишь в крайних случаях, правительство предпримет шаги для создания к моменту об'единения всех областей Д. Востока еще более устойчивой денежной системы путем использования для этой цели иностранного кредита и образования эмиссионного банка».

Вышеприведенная декларация является лучшей характеристикой момента. Она вполне определенно констатирует отсутствие в крае твердой денежной единицы.

Это обстоятельство послужило к резким колебаниям в бюджетах, что особенно сильно сказалось на наименее обеспеченных категориях населения Приморья.

Борьба за повышение заработной платы.

Резкое понижение курса новых знаков, начавшееся со 2-ой половины июля поставило перед населением, особенно его рабочей частью, вопрос о пересмотре ставок заработной платы в направлении согласования ее с колеблющимся курсом нового денежного знака.

30-го июля Центр. Совет Профессиональных Союзов препроводил в Совет Управляющих Ведомствами заявление следующего содержания:

«В момент об'явления бойкота денежной реформе иностранными резидентами представители Профсоюзов Владивостока на конференции профессиональных и общественных организаций 6 сего июля отказались от увеличения ставок на июль месяц, хотя таковые и неудовлетворяли минимума потребностей.

Трудящиеся г. Владивостока, считая своим гражданским долгом поддержать Народное Правительство несмотря на всю тяжесть их материального положения, пошли на эту жертву с полным сознанием протеста против деяний иностранных резидентов, так и с целью мощного проявления своей солидарности с Народным Правительством. Вместе с тем, трудящиеся, идя на этот шаг, имели в виду, что цены на самые необходимые продукты питания останутся на июль месяц неизмененными, но как министерство продовольствия, так и частные фирмы, по неизвестным причинам, увеличили цены на продукты свыше, чем на 400%, благодаря чему рабочие массы в ожидании, что Правительство учтет всю трудность положения их, примет своевременно все надлежащие меры.

В последнее время, благодаря росту дороговизны, на почве голода среди рабочих масс создалась накаленная атмосфера, готовая ежеминутно вылиться в форму стихийных выступлений, чреватых всевозможными эксцессами, на лучший случай, в форму всеобщей забастовки, от которой Совет Профсоюзов до сих пор сдерживает трудящихся своим авторитетом. На основании изложенного Сов. Професс. Союзов г. Владивостока выражает твердую уверенность, что Вр. Правительство пойдет навстречу трудящимся и утвердит выдачу дополнительного к июльскому жалованью вознаграждения в сумме месячного оклада для всех категорий труда.

Кроме того, Совет Профессиональных Союзов считает необходимым настаивать перед Советом Управл. Ведомствами о принятии срочных мер к обеспечению трудящегося населения предметами первой необходимости по нормировочным ценам и установления прожиточного минимума на август месяц не позже 5-го августа, вполне обеспечивающего существование рабочих.

Вместе с тем Совет Профессиональных Союзов считает своим долгом поставить в известность Совет Управляющих Ведомствами, что неполучение разрешения поставленных вопросов до 2-го августа с. г. ставит в необходимость Совет принять все доступные ему меры к достижению законных требований рабочего населения г. Владивостока».

5-го августа Союз Металлистов вынес постановление о начале с 6-го августа стачки с лозунгами борьбы на увеличение заработной платы.

В день, назначенный как начало стачки,— 6 августа, Со-

вет Управляющих Вѣдомствами постановил удовлетворить требование Центрального Совета Профессиональных Союзов, выдав служащим и рабочим 100 % пособие в размере июльского содержания.

Валютная интервенція. Необходимость выбросить на рынок, в связи с удовлетворением требования служащих и рабочих, чрезвычайно большое количество денежных знаков, побудило правительство вновь сделать попытку улучшить курс их. Курс, хотя оффициально в течении всего июля и продолжает фиксироваться в 9 р. 70 коп. за иену, но, фактически, к концу июля приблизился к 90 рублям.

Предпринятая новая валютная интервенция в течение первых дней августа понизила курс иены последовательно до 65,-60,-57,-55,-54 рублей, а к 7 августа даже до 53 рублей.

Удовлетворение требования о пересмотре ставок, что означало новое наводнение рынка новыми знаками, вновь сказывается понижательно.

Несмотря на продолжающуюся скупку правительством на валюту своих знаков, последние постепенно уменьшаются в цене и к 21-му августа, вновь курс их падает до 83 рублей за 1 иену.

После оплаты жалованья и слухов о предстоящей, якобы, новой эмиссии курс в течении последней недели августа понижается со 100 рублей — 23 августа до 153 рублей — 30 августа.

К этому времени первая эмиссия была уже исчерпана. Одновременно исчерпываются и валютные средства Кредитной Канцелярии и затратив, примерно, до полумиллиона иен, ведомство финансов вынуждено было вновь временно отказаться от влияния на рынок.

В день наихудшего за август курса (160 рублей) — 26-го августа, по инициативе Управл. Ведомством Финансов, в зале фондовой биржи было созвано обширное совещание представителей торгово-промышленного класса, политических партий и различных организаций для обсуждения создавшегося положения.

Большинство высказалось против эмиссии и предлагали или скупку денежных знаков на валюту на местном рынке, с тем. чтобы повысив курс, снова выпускать их в обращение или же использование, возвращенного японским командованием мелкого биллонного серебра.[1])

---

[1]) См. № 1 «Известий Центросоюза». Владивосток, 1921 г., ст. Е. Е. Яшнова.

Слухи об этом совещании, предположение, что новой эмиссии не будет и что возможен переход на золотой рубль, а также, прекратившееся за исчерпанием эмиссии, поступление на рынок больших партий новых денежных знаков,—вновь повысили курс со 160-ти рублей 26 августа до 115 рублей к 31-му числу.

Опубликованная во владивостокской прессе 27-го августа 1920 года беседа с управляющим Ведомством Финансов, представителем торгово-промышленного класса — И. И. Цимерманом—любопытна, как характеристика имевшего место положения и взглядов на это положение власти.

«Причины падения курса рубля,—говорит гр. Цимерман,— разные: во-первых, спекуляция, во-вторых, увеличение прожиточного минимума. Стоило только выдать июльское пособие, как курс рубля сейчас же понизился, а при об'явлении постановления совета управляющего ведомствами об увеличении ставок оплаты труда на август месяц — курс рубля начал безостановочно понижаться. Трудящимся необходимо, раз навсегда, уяснить себе, что чем больше денег они будут получать, тем менее они будут приобретать продуктов.

Я считаю,—продолжает г. Цимерман,—что принятие мер против падения курса рубля возможно при условии, если население сократит потребные расходы до минимума, — а самое главное, если откажется от прожиточного минимума. Второй мерой к улучшению курса рубля может быть увеличение производительности труда, которая в настоящее время, к большому сожалению, дошла до непозволительной ненормальности. Так, например, трудоспособность в Д. Восточном судостроительно-механическом заводе дошла от 10 до 35%, а производительность труда поденных рабочих сейчас доходит не более, чем до 8%. До тех пор, пока рабочие не поймут того, что они должны работать, а не быть нахлебниками государственного сундука, до тех пор говорить об улучшении курса рубля не приходится. Это же относится и к другим слоям населения, привыкшим все свои нужды удовлетворять за счет государственных средств, в виду ли прожиточного минимума или получения продуктов из казенных лавок, отпускающих таковые по ценам ниже себестоимости, — при полном отсутствии желания работать.

... Но все же при ограниченности территории, при проведении великодержавной политики на такой территории при наличии больших штатов служащих в казенных ведомствах, при непосильных государственных расходах и при наличии закона о денежной реформе от 5-го июня,—трудно говорить о сохранении курса рубля».[1])

Если столь безнадежно на существующее положение денежного знака смотрел глава ведомства финансов, трудно было ожидать большого оптимизма и от рынка.

Твердая ден. единица.

В течение августа, помимо радикального перелома всей судьбы денежной реформы, произошло и радикальное изменение отношения к твердой денежной единице—золотому рублю.

Под напором рынка правительство вынуждено было значительно видоизменить свои постановления о воспрещении сделок с золотым рублем.

8-го августа Советом управляющих ведомствами издано следующее обязательное постановление о разрешении оптовой торговли в золотом рубле:

«Совет управляющих ведомствами при Вр. Правительстве Дальнего Востока—Приморской Земской Управе постановил: дополнить статью 2 обязательного постановления от 7-го июня 1920 года № 1, примечанием, изложив указанное обязательное постановление следующим образом:

1) Воспрещается свободная торговля всякого рода иностранной валютой.

Примечание. Правило это не распространяется на те кредитные установления, список коих будет утвержден управляющим делами госуд. финансов.

---

[1]) Газ. «Воля» № 105, от 27 авг. 1920 года.

2) Воспрещается производство, без надлежащего разрешения, торговли всякого рода товарами с расчетом на иностранную валюту.

Примечание: а) При оптовой торговле товарами, приобретенными на заграничных рынках на иностранную валюту, разрешается совершение торговых сделок в золотом рубле с учинением расчета или золотой монетой или иностранной валютой по соглашению сторон.

б) Оптовой продажей считаются торговые сделки, по коим товары отчуждаются учреждению, предприятию, фирме или лицу, торговлей занимающимся не для потребительных целей, а для перепродажи (ст.ст. 669 и 670 уст. торг. т. XI, часть 2, св.зак.)

в) Правом совершения сделок порядком, указанным в пункте «а» сего примечания, пользуются также при оптовой продаже готовых изделий или полуфабрикатов своего производства, промышленные предприятия, перерабатывающие сырье, приобретаемое ими на иностранном рынке.

г) Право совершения операций, указанных ,в п.п. «а» и «б» сего примечания, предоставляется лишь тем учреждениям, предприятиям, фирмам и лицам, кои будут включены в список, публикуемый для всеобщего сведения управлением делами государственных финансов.

д) Управлению Делами гос. финансов предоставляется право устанавливать те правила и гарантии, в порядке которых заинтересованные учреждения, фирмы и лица могут быть включаемы в список.

3) Воспрещается взимание арендной платы за помещения торговые и для жилья с расчетом на иностранную валюту.

4) За нарушение, установленых в пункте первом сего постановления правил, виновные подвергаются в первый раз штрафу до пяти тысяч рублей, а в случае неуплаты штрафа в суточный срок—заключению в тюрьме до одного месяца; во второй раз штрафу до 15.000 рублей, а в случае неуплаты штрафа в суточный срокъ—заключению в тюрьме до трех месяцев; в третий раз штрафу до 30.000 руб. и заключению в тюрьме до трех месяцев; виновные в нарушении правил, означенных в пункте первом сего постановления, в виде промысла, подвергаются заключению в тюрьме до трех месяцев или штрафу до ста тысяч руб. и высылаются за пределы Дальнего Востока.

7) Налагаемые на лиц, виновных в нарушении сего постановления, штрафы взыскиваются в денежных знаках, установленных законом вр. пр-ва Д. В. от 5-го июня 1920 года, за № 352 и обращаются в доход казны.

8) Всякого рода сделки, заключенные с нарушением сего обязательного постановления временного правительства Д. В. от 5-го июня 1920 года за № 353, признаются ничтожными.

9) Управляющему внутренними делами вр. пр-ва Д.-Востока предписывается иметь наблюдение за исполнением сего обязательного постановления.

10) Постановление сие входит в силу со дня его распубликования».

Новая эмиссия. Несмотря на указанное нами выше обстоятельство, благоприятно отразившееся в последние дни августа на курсе денежных знаков, все же, рынок заметно нервничал и в первые дни сентября, курс медленно и равномерно понижаясь на 10 - 15 руб. в день, дошел к 9-му числу до 200 рублей.

До самого дня новой эмиссии рынок не был уверен в ней. Возвращение японцами «охранявшегося» ими после событий 4-5 апреля серебра направляло мысли в сторону возможного выпуска в обращение звонкой монеты.

Еще за неделю до нового выпуска денежных знаков владивостокские корреспонденты давали такую информацию в харбинские газеты: «Во Владивостоке курс рубля держится в пределах 135 с наклонностью к дальнейшему понижению иены; об'ясняется это тем, что правительство решило пополнить наличность денежных знаков, не прибегая к новой эмиссии, в чем иначе явилась бы настоятельная нужда, т. к. эмиссия 5-го июня, по слухам, уже совершенно исчерпана.

Проэкт имеет в виду не использование сумм от распродажи грузов, а совсем другую комбинацию.

Ведомство финансов готовится выступить на денежном рынке в качестве продавца крупной партии иен, чтобы воспользоваться ниским курсом кредитных билетов и скупить их как можно больше для покрытия бюджетных расходов.

Говорят о цифре от 100 до 200 тысяч иен. Биржевики предсказывают, что под влиянием упомянутых слухов курс иены должен упасть до 80 руб. и даже ниже. Значит, в будущем задуманная операция окажется еще менее выгодной и целесообразной для государственного казначейства. Буферные деньги кончаются. Имеются достоверные сведения о том, что в Государственном Банке осталось всего около миллиона новых буферных денег. Говорят, что в связи с этим вчера в казначействе оплачивались ассигновки только до семи тысяч».

8-го сентября на заседании Народного Собрания был подвергнут обсуждению законопроэкт о дополнительной эмиссии. Докладчик сообщил, что финансово-бюджетная комиссия по обсуждению предложения управляющего ведомством финансов о производстве дополнительной эмисии, вполне согласилась с данным предложением и по сему законопроэкту заявляет спешность. Переходя к обсуждению этого вопроса по существу, докладчик указал, что первая эмиссия на сумму 150 милл. рублей выдержала свое трехмесячное бытие. Из этой суммы правительству пришлось потратить более 30.000.000 рублей на выкуп «сибирок». 120 милл. рублей выполнили свое назначение и осуществили то, что намечалось правительством. Производство дополнительной эмиссии выдвинуто по следующим соображениям: об'единение областей вызывает необходимость иметь достаточный запас денег, т. к. нужно ожидать, как это всегда бывает, повышение и понижение курса рубля, что и нужно предусмотреть заблаговременно... Необходимо еще учесть, что наступает настоятельная необходимость в применении целого ряда финасовых реформ. Помимо печатания денег не нужно забывать и о производительности. В заключении докладчик указал, что сумма эмиссии в 500 милл. рублей что, при курсе иены 1 : 200, составляет 2.500.000 руб. золотом на четыре месяца, для края является более чем скромной.

В результате прений, Народным Собранием, единогласно, принят был *закон о производстве дополнительной эмиссии государственных кредитных билетов образца 1918 года.* Текст закона следующий:

«1) В соответствии со ст. 2-ой закона 5-го июня 20 года «о выпуске государственных кредитных билетов» и согласно наличных потребностей денежного обращения, разрешить государственному банку произвести дополнительный выпуск кредитных билетов образца 1918 года на сумму пятьсот миллионов рублей номинальных, на общих основаниях означенного выше закона.

2) Предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов определять сроки и размеры выпуска денежных знаков в счет предусмотренной предшествующей (1) статьей эмиссии в зависимости от потребности денежного обращения.

3) Настоящий закон провести в действие до обнародования его, в порядке установленном законом».

День распубликования этого закона был днем нового и на этот раз окончательного падения курса этих знаков. Красноречивее всех рассуждений будут цифры:

9-го сентября иена стоила 200 рублей. 10-го—235 р., 11-го —320 р., 12-го—290 р., 13-го—300 р., 14-го—405 р. и 15-го —450 р.

Новое вмешательство Кредитной Канцелярии в сделки,— новая скупка денежных знаков, сопутствовавшая выпуску в обращение знаков новой эмиссии, несколько улучшила курс их.

Курс был:	16-го сентября	— 420 руб.	22-го	— 360 руб.
	17 » »	— 350 »	23 »	— 350 »
	18 » »	— 360 »	24 »	— 332 »
	20 » »	— 370 »		

Но затем валютная интервенция вновь ослабевает и с 25-го сентября курс вновь обнаружил тенденцию к понижению, с 360 руб. дошел до 400 руб. к 1-му октября и пошел вниз большими прыжками:

1/X — 460 руб.	2/X — 625 руб.	4/X — 900 руб.
5/X —1100 »	6/X —1325 »	7/X —1500 »

8/X —1800 рублей — последняя цифра является тем приблизительным уровнем, на котором рубль держится в течении всего октября.

Средний курс частного рынка за ноябрь составлял 1938 рублей, за декабрь—1760 рублей. Кажущееся улучшение явилось следствием полного исчерпания в ноябре 2-ой эмиссии и полного отказа от дальнейших выпусков в обращение денежных знаков.

Оффициальные курсы Кредитной Канцелярии, которые упорно до 23-го сентября показывали стоимость иены в 9 руб. 70 коп., с 24-го сентября соответственно, хотя и не тождественно с рыночными,—отмечают курс в 303-323 рубля за последнюю неделю сентября и от 407 рублей до 1681 руб. в октябре.

Средний курс за ноябрь так же, как и за декабрь 20 года оффициально фиксируется в 1395 рублей.

Цифровые итоги Владивостокской Эмисси 1920 года.

Законом 5-го июня 1920 года эмиссия определялась в 500 миллионов рублей. В счет ея, одновременно с опубликованием закона, были выпущены в обращение кредитные билеты достоинством в 25 и 100 руб. и разм. знак в 50 коп. образца 1918

года. Все эти знаки были заказаны в Америке, Правительством адм. Колчака, подтвердившим заказ Пр-ва Керенского.

В докладной записке Министра Финансов Российского (Омского) Правительства—Фон-Гойера на имя верховного правителя—адмирала Колчака, датированной 30 октября 1919 года, имеется указание, что всего указанных знаков было заказано в Америке на сумму 12,3 миллиарда рублей и что к 1-му апреля 1920 года их ожидалось к получению на сумму 6,5 миллиарда рублей.

Фактически, к 1-му ноября 1919 года было получено во Владивостоке из Америки этих знаков всего на сумму 3,9 милл. рублей. Еще в 1919 году было переотправленно их из Владивостока в Омск на сумму 228.795 000 руб.[1]) В том же году была направлена в Харбин для переотправки в Омск, партия этих знаков на сумму 160 милл. рублей. Партия эта застряла в Харбине, где и находится до сего времени.

К 5-му июня 1920 года оставалось в наличности во Владивостоке кредитных билетов на сумму 3.511.205.000 рублей.

Государств. кред. билеты и разменные знаки.

Эмиссия 5-го июня из этой суммы извлекла в обращение 150 милл. рублей. Кредитные билеты загрифовывались, лишь подписью управляющего Госбанка—И. Иванова и кассира—И. Ковпацкого.

Недостаток мелких разменных знаков влек за собой осложнения во взаиморасчетах, и, как всегда это бывает, способствовал удорожению продуктов первой необходимости, так как торгующие «округляли» цены в сторону повышения.

Разменный знак Вр. Пр-ва Д. Востока.
г. Владивосток 1920 г.
(В натур. величину).

В спешном порядке Ведомство Финансов приступило к изготовлению разменных знаков.

11-го июня 1920 года за № 359 было опубликовано следующее постановление Временного Правительства Дальнего Востока: «*О выпуске в обращение разменных денежных знаков достоинством десять копеек.*

«В видах снабжения денежной системы, установленной на территории Временного Правительства Дальнего Востока за-

[1]) Из этой суммы, в июне 1920 года с грифом—«Временная Земская Властъ Прибайкалья», выпущено их в обращение в Верхнеудинске Правительством Д. В. Р. на сумму 228.425.950 руб. (См. главу «Д. В. Р.»).

коном 5-го июня с. г. «о выпуске государственных кредитных билетов и об обмене на них ныне имеющих обращение платежных знаков» разменными знаками, Временное Правительство Дальнего Востока — Приморская Земская Управа Постановляет: Разрешить Управляющему делами государственных финансов выпустить в обращение в счет эмиссии, установленной ст. 3-й закона 5-го июня с. г., разменные денежные знаки достоинством в 10 коп. каждый, описание коих разменных знаков приведено в приложении к настоящему постановлению. Временное Правительство Дальнего Востока — Приморская Земская Управа. Подлинный подписали: А. Медведев, А. Меньшиков, С. Афанасьев, Л. Попов». Тогда же опубликовано постановление о выпуске в обращение размен. знаков достоинством в 5 коп.

Разм. знак Вр. Пр-ва Д. Востока.
(В натур. величину).

24-го июня были выпущены в обращение денежные знаки достоинством в 30 коп., на сумму свыше пятисот тысяч рублей. Текст постановления аналогичен вышеприведенному.[1])

Выпущенные знаки были напечатаны[2]) на сетчатке, что спасло их от подделки. Выпуск этих знаков выразился в нескольких стах тысячах рублей, и существенного значения для рынка не имел, так как даже при курсе нового рубля в 10 коп. золотом, как установило правительство, знак достоинством в 30 коп. составлял 3 коп. золотом, знак в 10 коп. составлял 1 коп. зол., а знак в 5 коп. — лишь полкопейки золотом. Фактически частный рынок таких исчислений уже не знал и выпущенные денежные знаки возвращались в ту же казну через продовольственные лавки и в платежи по государственным и муниципальным сборам.

Разменный знак Вр. Пр-ва Д. Востока. г. Владивосток. 1920 г.
(Оборотная сторона. Натур. велич. 78 x 47).

8-го июля постановлением за № 433 вводилися в обращение государственные кредитные билеты достоинством *в 1 рубль.*[3])

---

[1]) См. бюллетень Циба № 318 от 11-го июня 1920 года.

[2]) См. Постановление Временного Правительства Дальнего Востока от 24-го июня 1920 года, № 419.

[3]) «Вестник Временного Правительства Дальнего Востока—Приморской Земской Управы» № 34 от 16-го июля 20 года.

Постановлением за № 438 от 9-го августа об'является о выпуске кредитных билетов достоинством *въ 10 рублей.*[1])

Эти десятирублевки вызывали большое нарекание, владивостокская пресса отмечала, что они выполнены настолько неудовлетворительно и, как видно, на спех, что вся краска лицевой стороны легко растирается и остается на руках.

Гос. кред. бил. Вр. Пр-ва Д. Востока. г. Владивосток. 1920 г.
(*Натур. величина 112 x 61 мм.*)

Само собой, это обстоятельство не могло упрочить расположения к новым знакам.

Сама техника обмена также заставляла желать лучшего. Наплыв сибзнаков, особеннно в последние дни обмена, вынудил принимать эти знаки в опечатанных пакетах, выдавая расписку с тем, чтобы впоследствии, подсчитав, заменить расписку новыми знаками.

Нет надобности доказывать, что такое из'ятие, хотя бы на короткое время, без немедленнной выдачи на руки эквивалента, не могло способствовать притоку на обмен сибзнаков. Каждый предпочитал не выпускать из рук денежных знаков, хотя и малой рыночной ценности, предполагая манипулировать с ними на рынке, нежели на неизвестное количество дней оставаться без всяких денежных знаков с тем, чтобы позже получить знаки неизвестной ценности.

(*Оборотная сторона знака в 1 рубль*).

Установившийся лаж на сибзнаки владивостокской печати— «сетчатку» также внес значительное осложнение в дело обмена, так как на рынке поддерживался курс на эти знаки. Последнее обстоятельство повело к злоупотреблениям не только на частном рынке, но даже внутри самого Государственного Банка.

---

[2]) «Вестник Временного Правительства Дальнего Востока—Приморской Земской Управы» № 40 от 9-го августа 1920 года.

Картина, выясненная предварительным обследованием, имевших место злоупотреблений, рисуется в следующем виде: по окончании официально назначенного срока обмена по закону 5-го июня, некоторые служащие конторы Госбанка, различными путями, иногда от кассиров и счетчиков, а чаще всего от клиентов, а может быть и другими путями, посредством скупки через подставных лиц у клиентов в операционном зале, получали, повидимому, в значительных суммах *«сибирские денежные знаки», в обмен на новые кредитные билеты.* Иногда эта опе-

Гос. кред. бил. Вр. Пр-ва Д. Востока. г. Владивосток 1920 г.
(*Натур. величина 140 x 87мм*).

рация на этом и заканчивалась, а в некоторых случаях она имела и продолжение... Повидимому, не всегда можно было получить от клиентов «товар» того именно сорта, который требовался и чины Банка, получившие сибирские денежные знаки омской эмиссии, обменивали их на знаки эмиссии владивостокской—на «клетчатку».

В общем Отделении кладовой Банка производилась разборка из'ятых из обращения денежных знаков В этом отделении ни в коем случае нельзя было произвести обмена новых на сибирские, но можно было один сорт из'ятых из обращения денежных знаков обменить на другой, другими словами можно было достать «клетчатку». И чины Банка эту клетчаку доставали, как это совершенно точно установлено путем опроса лиц виновных, так и других служащих конторы.

Чины конторы Госбанка, уличенные в операциях обмена, первоначально отрицали всякую возможность таких операций и только уже впоследствии, когда им были указаны совершенно определенно факты, сознались и подтвердили, что они получали именно на новые денежные знаки сибирские денежные знаки, из'ятые из обращения. Один из них об'яснял это тор-

говыми соображениями своего тестя, другой нуждами своего хозяйства на заимке, обслуживаемого китайцами и т. п., а один совершенно откровенно заявил, что сибирские знаки ему нужны были *для более выгодной покупки иен.*[1])

В силу причин, подробно излагаемых нами в другом месте, Временное Правительство вынуждено было прибегнуть к дополнительной эмиссии.

Гос. кред. бил. Вр. Пр-ва Д. Востока. г. Владивосток. 1920 г. (*Натур. величина 135 х 75 мм.*)

Постановление «*о производстве дополнительной эмиссии государственных кредитных билетов образцов 1918 года в 500 милл. рублей*» датировано 10 сентябрем 1920 г. и опубликовано за № 448.[2]) Эмиссия эта была полностью исчерпана выпуском кредитных билетов указанного образца достоинством в 25 и 100 рублей.

Несколько позже—30-го сентября было издано постановление № 452 *о выпуске в обращение государственных кредитных билетов достоинством въ 5 рублей.*[3])

(*Оборотная сторона знака в 5 рублей*).

Знаков этих было изготовлено на сумму 3.111 250 рублей, но фактически выпущено в обращение лишь на 70000 рублей и они в настоящее время совершенно отсутствуют на рынке, представляя ценность для коллекционеров.

Кредитных билетов достоинством в 10 рублей было заготовлено на сумму 11.116.000 рублей, выпущено же в обращение всего на сумму 4.846.000 рублей.

Малый выпуск кредитных билетов в 5 рублей об'ясняется тем, что в момент их изготовления они фактически потеряли

[1]) Газ. «Воля» № 93 от 1-го августа 1920 года.

[2]) Вестник Временного Правительства Дальнего Востока—Приморской Земской Управы» № 45 от 10 го сентября 1920 года.

[3]) Тоже № 48 от 2-го октября 1920 года.

всякую ценность. Еще в первых числах октября владивостокские газеты отмечали, что считая иену по курсу фондовой биржи— 1305 рублей, необходимо отметить, что бумага и изготовление в Америке наших денежных знаков, доставка и грифовка их во Владивостике стоит дороже, чем ценность, представляемая этими знаками.[1])

Ниже мы даем общую сводку выпусков денежных знаков в Приморье в течение 1920 года.

В начале 1920 года было выпущено чеков (белых) Владивостокского отделения Государственного Банка на сумму 502.050.000, позднее Госбанком выпущено было «сибирских» на сетчатке на сумму 5.437.000.223 руб.

Законом 5-го июня того же года, наряду с другими денежными знаками и суррогатами, чеки и «сетчатка» подлежали из'ятию из обращения.

На основании закона 5-го июня и 10-го сентября 1920 г. были выпущены в обращение:

Дата постановления.	Наименование.	Достоинство.	Выпущено на сумму. До 8-го июля 1920 года.	Выпущено на сумму. Всего.	Кроме того изготовлено, но не выпущено.
5 июня	Кред. билеты	в 25 и 100 р.	150.000.000		
11	Разм. ден. знак.	в 5 копеек	80.150	104.188.90	
11	»	в 10	220.500	223.810 —	
24		в 30	570.000	753.480 —	
5	»	в 50	3.524.000	4.920.000 —	
8 июля	Гос. кредитн. билеты	в 1 рубль	22.000	1.453.000 —	
9 августа	Гос. кредитн. билеты	в 10	—	4.846.000 —	6.270.000
10 сентября	Кред. билеты	в 25 и 100 р.	—	500.000.000 —	. [2])
30	Гос. кредитн. билеты	в 5 рублей	—	70.000 —	3.041.250
Итого денежных знаков разного достоинства:			154.416.650	512.370.478.90	9.311.250

Таблица эта приводит к выводу, что разрешенная указанными законами эмиссия в сумме 650 милл. рублей, оказалась превышенной почти на 17 милл. рублей, так как фактически

[1]) «Воля» № 136 от 7-го октября 1920 года.

[2]) Остается незагрифованными во Владивостоке и Харбине на сумму—3.021.205.000 рублей.

мелкие разменные денежные знаки и Государственные кредитные билеты достоинством в 1, 5 и 10 рублей были выпущены *вне нормы* разрешенной эмиссии, хотя все постановления о выпуске этих знаков предусматривали выпуск их *в счет эмисси*[1]), а выпуск знаков достоинством в 50 коп. предусмотрен самим законом 5-го июня, определявшим размер первоначальной эмиссии в 150 милл. рублей.

В заявлении, сделанном Уполномоченным Р.С.Ф.С.Р.— В. Д. Виленским о признании Совроссией денежных знаков, выпущенных на основании закона от 5-го июня, также упоминаются лишь знаки достоинством в 50 коп., 25 руб. и 100 руб.[2])

Таким образом, остается сомнительной закономерность выпуска в обращение вне нормы эмиссии разменных знаков и кредитных билетов на сумму, превышающую 650 милл. рублей.

Позже, при об'единении правительств Дальнего Востока, Правительством Д.В.Р. 15-го ноября 1920 года был издан закон, перечислявший имевшие хождение в Республике денежные знаки. Закон этот упоминал о выпущенных Владивостокским правительством купюрах в 25 и 100 руб.

И лишь закон правительства Д.В.Р. от 22-го ноября того же года[3]), пополняя текст закона 15-го ноября указанием, что кроме кредитных билетов и денежных знаков, предусмотренных пунктом первым, имеют хождение на равных с ними основаниях и «разменные знаки Владивостокского правительства».

Это как бы узаконяло «излишек» Приморской эмиссии, но до сего времени остается не устраненным другое несогласование, вызванное законодательной чересполосицей: текст законов Правительства Д.В.Р. от 15-го ноября (о владивостокских кредитных билетах в 25 р. и 100 рублей) и от 22-го ноября (о разменных знаках) не предусмотрел выпущенных в обращение Приморским (Владивостокским) Правительством «Государственных кредитных билетов» достоинством в 1 рубль, 5 рублей и 10 рублей и весь выпуск их, достигший суммы в 6.369.000 рублей остается вдвойне вне закона: сумма выпуска превысила норму эмиссии, а сами кредитные билеты не узаконены правительством Д.В.Р.

Отмечаемые нами обстоятельства не привлекли до настоящего времени внимания подлежащих учреждений и этим иллюстрируется не только плохая постановка кодификационного органа, но и спешка, свойственная финансовым актам данного периода, когда значение их было чрезвычайно кратковремен-

[1]) См. выше текст постановления Правительства № 359, от 11-го июня 1920 г. и аналогичное постановление № 419 от 24 го июня.

[2]) См. постановление Правительства от 24-го июня 1920 года, за № 420 «о принятии к сведению».

[3]) Распубликован в газ. «Д. В. Республики» № 162, от 27/XI 1920 г.

ный и аммортизировалось, не ожидая формальной отмены соответствующего закона или постановления.

Возвращаясь к самой эмиссии и технике обмена, можно отметить еще несколько шероховатостей, на которых останавливает внимание произведенная в 1921 году ревизия Владивостокской Конторы Государственного Банка.

Несмотря на подробный перечень подлежащих обмену денежных знаков, производился обмен на новые знаки и не предусмотренных законом, так-называемых «благовещенских денежных знаков».[1]) За неподсчетом до настоящего времени всех принятых к обмену знаков, точно учесть количество принятых «благовещенских» возможности не имеется.

Несмотря на точно установленный срок прекращения выпуска из'ятых из обращения знаков, констатировано, что в течение июля произведено несколько выдач этих знаков.[2])

Впоследствии—в период власти Пр-ва ген. Дитерихса—лицам, сдавшим в свое время по регистрации сибирские денежные знаки, предоставлено было получить их обратно. Менее чем за месяц до падения Пр-ва Дитерихса—30/IX 1922 года начался выем русских бумажных кредиток, сданных на хранение разными лицами.

Результаты реформы. Хотя в задание нашей работы не входит критический разбор сообщаемых фактов, но изложение обстоятельств, относящихся к Приморской денежной реформе 5 июня 1920 г., было бы неполным, если бы мы обошли некоторые, невольно сами собой напрашивающиеся, выводы. По существу выводы эти скорее будут именно перечнем результатов реформы.

Прежде всего, приходится констатировать, что в течение периода с 5-го июня по 19 октября 1920 года, т. е. в течение $4^1/_2$ месяцев, Приморское государственное образование существовало на кредитные билеты своего выпуска. Судя по опыту последних месяцев того же года месячная поглощаемость Приморьем разменного серебра выразилась в сумме 5 милл. рублей биллоном; если бы биллон, а не кредитные рубли был бы выпущен 5 июня, то по 19 октября его понадобилось бы на сумму 22,5 милл. рублей, или по приблизительному курсу 3 руб. биллоном за 1 рубль золота, потребовалось бы 7,5 милл. золотых рублей.

Принимая во внимание, что предпринятая Правительством в целях поднятия курса своих кредитных билетов валютная интервенция потребовала расход в сумме около 1 миллиона иен

---

[1]) См. § 64-й акта ревизии, произведенной 21/III—26/IV 1921 г. на основании постановления Совета Управл. Ведомств. от 28-го февраля 1921 года.

[2]) Тоже, параграф 27-ой.

можно сделать вывод, что выпуском кредитных билетов Приморское Правительство *для периода своего* функционирования, с‘экономило валюты приблизительно на 6,5 миллионов золотых рублей.

Мы подчеркиваем, что для периода *своего* функционирования, так как экономическия последствия каждой эмиссии не могут исчисляться лишь арифметическими исчислениями, сказываясь на общей экономике края.

Нельзя не признать положительный, главный быть может, результат реформы,—это—из‘ятие с рынка сибирских обязательств, этих, по удачному выражению газеты «Слово», — «безумных» денежных знаков, грозивших затопить Приморье всей наличностью, имевшейся ранее на территории всей Сибири.

Февральский 1920 года курс иены в 106 р. 78 коп. сибирскими поднялся до 159 руб.—в марте, до 352 р.—в апреле до 727 р. в мае и почти до 2500 руб.—в июне.

Падение курса за пять месяцев выразилось более чем в двадцать раз.

Если бы реформа не была предпринята, то по прошествии еще нескольких месяцев сибирские знаки, как это и произошло в Забайкалье, нулифицировались бы сами собой, и население, тем самым, потерпело бы еще большие убытки, нежели при произведенной девальвации.

В условиях, когда, фигурально выражаясь, иена подстерегала уход с рынка, хотя бы временный, русского денежного знака,—доведение денежного рынка до нулификации обращающегося знака было бы торжеством всепроникающей иены.

Быть может все манипуляции с денежной реформой в Приморье обошлись России слишком дорого, но если они пронесли российский денежный знак от прошлого к будущему, то это уже служит оправданием дороговизны.

По вопросу о необходимости денежной реформы не было разногласий между различными русскими группами, что, возможно подробнее, пытались мы доказать материалами,—разногласия были лишь по вопросу о норме реформы.

Различные проекты противоречили лишь в вопросе о том, чем заменить подлежащие из‘ятию с рынка сибзнаки: новыми ли неразменными бумажками или разменной валютой. Под новыми бумажными деньгами некоторые предполагали «сетчатку», некоторые буферки, некоторые что либо новое, но все это были лишь детали, разнящиеся в технике и коэффициенте обмена.

«Правда, некоторая часть обывателей, обладавших более или менее солидными суммами в сибирских, склонна была протестовать вообще против всякой попытки заменить этот денеж-

ный знак, но о таком наивно-зоологическом взгляде, конечно, не стоит распространяться, тем более, что, насколько помнится в печати он не выражался, ограничиваясь лишь сферой обывательских пересудов».[1])

Выпуск в обращение серебра. Ввод в денежное обращение металлической денежной единицы и иностр. валюты был подготовлен самой обстановкой Приморья. Несмотря на все запреты, иностран. валюта и русская серебряная и золотая монета проникали на рынок, и сделки на валюту фактически опережали законы правительства.

Одна из крупнейших фирм края—«Торговый Дом Кунст и Альберст»—еще в апреле перешла на торговлю на мелкое серебро, и значительное количество этой монеты сразу же стало поступать в кассу магазина.[2])

Последующие распоряжения власти, пытавшиеся сделать обязательным прием буферок фактически повели к обходу постановлений. Сделки с валютой фактически продолжались.

Отдельные муниципальные предприятия все время работали на валюту, не говоря уже о предприятиях частных лиц и иностранцев.

Менее пяти недель со дня денежной реформы правительство оставляло в силе свой закон о воспрещении сделок в валюте и купли-продажи валюты.

Уже через месяц сделки эти были разрешены банкам, затем в июне месяце появился проэкт, а потом и закон, разрешающий таковые сделки, хотя и ограничивающий их. Наконец в первых числах августа было издано обязательное постановление «о разрешении оптовой торговли в золотом рубле». Текст этого закона ранее приведен нами.

Закон легализовал уже существующий торговый обычай и явился преддверием к легализации валютных сделок вообще.

Государственные предприятия и, главным образом, продовольственные лавки все еще продолжали торговать на буферки, а железная дорога на буферки, по оффициальному курсу их, перевозила грузы и пассажиров.

Руководители правительственным аппаратом полагали, что грандиозная убыточность, проистекавшая вследствие таковой политики, компенсировалась выгодностью продолжения обращения денежных знаков.

Иначе взглянуло на это Городское Самоуправление. Городская Продовольственная Комиссия на заседании своем 17-го

---

[1]) «Известия Центросоюза». № 1, г. Владивосток. Янв. 1921 г., ст. Е. Яшнова.

[2]) Газ. «Воля»—от 29-го апреля 1920 года, № 28.

сентября постановила продавать продукты, отпускаемые из городских продлавок, в золотом рубле по курсу *фондовой биржи*, а не кредитной канцелярии.

И лишь некоторые продукты, получавшиеся для распределения от уполномоченного ведомства снабжения и продовольствия, как-то: мука, сахар, свечи и пр. подлежали продаже по правительственному курсу. Если для уяснения этого нововведения мы возьмем справку о курсе фактическом и оффициальном в этот день—17-го сентября, то узнаем, что фактический курс иены равнялся 350 руб. буферными, курс фиксированный фондовой биржей был равен 326 рублям 50 коп., а правительственный курс, установленный еще 1-го июля в 9 р. 70 коп., так и оставался без изменения.

Следовательно продукты, принадлежащие казне, продавались в соответствии с курсом дня почти в 33 раза дешевле городских, или иначе казна недополучала за них около 97%.

С 19-го сентября был переведен «на курс фондовой Биржи» городской трамвай и отпуск электрической энергии и проч. городские предприятия.

20 го сентября на заседании Совета Управляющих ведомствами было принято предложение Управл. Вед. Финансов — И. И. Цимермана о предоставлении права служащим и рабочим правительственных учреждений обменивать в пределах до 30% получаемые ими кредитные билеты на серебро.

Необходимо отметить, что расходование серебра Народным Собранием к этому времени разрешено еще не было.

В конце концов правительство пришло к выводу, что необходимо устанавливать фактическое, а не отвлеченное соотношение при фиксации кредитной канцелярией курса кредитных билетов.

Признано было целесообразным отказаться от установления обязательного паритета на кредитные билеты.

22-го сентября было издано следующее «*Распоряжение управляющего делами государственных финансов*, изданное на основании постановления Вр. правительства Д.-Востока—Приморской Областной Земской Управы от 7-го июня 1920 года за № 355.

1) Настоящим отменяется распоряжение Управл. Делами Государственных Финансов от 7-го июня 1920 года за № 1066 об установлении паритета государственных кредитных билетов, выпущенных на основании закона Вр. Правительства Дальнего Востока от 5-го июня 1920 года за № 352 в одну десятую золотого рубля. 2) В виду открытия в г. Владивостоке действий фондовой биржи (Пост. Вр. Пр-ва Д.-Востока от 14 19-го июня 1920 года, № 416) устанавливается соотношение кредитных билетов образца 1918 года к паритету золотого рубля по среднему курсу дня фондовой биржи устанавливаемому для каждого дня котировочной комиссией фондовой биржи. 3) Исчисление налогов и пошлины в кредитных билетах образца 1918 года и взимание их производится в размерах, установленных соответствующими законоположениями, впредь до изменения последних в законодательном порядке. Подлинный подписал Управл. Госуд. Финанс. И. Цимерман».

Вопрос о фактическом переводе на золотой рубль и о фактическом расходовании серебра и неприкосновенного фонда вызвал 4-го октября, как и следовало ожидать, реагирование со стороны Народного Собрания. На заседании Финансово-бюджетной комиссии Народного Собрания одним из депутатов внесено было следующее внеочередное заявление:

«Финансовое положение стало крайне тяжелым — рубль опять стремительно упал. Месяц тому назад, когда комиссия обсуждала вопрос о выпуске эмиссии, ведомство финансов категоричиски заверяло, что им намечен ряд комбинированных мероприятий, которые должны дать положительные результаты в самом близком будущем. Сведения об этих мероприятиях управл. ведомств. финансов — Цимерман отказался дать, ссылаясь на необходимость сохранения тайны, однако, до сих пор неизвестны эти мероприятия, равно не видно результатов их. В то же время с одной стороны известно, что эмиссия почти исчерпана, с другой — Совет управляющих, помимо одобрений Нар. Собран., фактически перешел на золотой рубль, также выпустил в обращение серебро. Хотя формально ответственность за действие вед. финансов лежит на Совете управляющих, однако таковую несет перед населением также Народное Собрание, в частности финансово-бюджетная комиссия. Поэтому вношу предложение о необходимости в срочном порядке получить хотя бы информационные сведения по затронутому вопросу от упр. ведомств. финансов».

Финансово-бюджетная комиссия присоединилась к сделанному заявлению.

1-я эмиссия серебра.

13-го октября Народное Собрание впервые ознакомилось с проектом о выпуске в обращение мелкого серебра на сумму 5 милл. рублей.

Докладчик Финансово-Бюджетной Комиссии доложил, что в комиссии при обсуждении этого законопроекта, явившегося для Комиссии полной неожиданностью, возник принципиальный вопрос: желательно ли выпускать серебро в качестве разменной монеты. Решено единогласно: нежелательно. Но другого выхода нет—буферки выпускать далее нельзя. Соглашаясь с душевным прискорбием на выпуск монеты, Комиссия обращает внимание на следующее обстоятельсто: когда выпускалась первая эмиссия 150 милл., то серебряный запас служил частичным обеспечением выпуска. Какое отношение имеет этот шаг (выпуск серебра) к нашей бумажной эмиссии. Что это? Девальвация? Биметаллизм или еще что? Выбрасывание серебра сразу удешевит его на рынке. Какую же сумму серебра можно выпустить на рынок? Большинство членов собрания высказалось

за выпуск 5-ти миллионов, тем более, что в ближайшие же дни предстоит израсходовать из этой эмиссии около трех миллионов. Но это только первая эмиссия в серебре.

В ответ на это Управл. Вед. Финансов г. Цимерман заявил: «Выступая с законом об эмиссии в 500 миллионов, я надеелся, что ее хватит до 1-го января. Но был намечен при этом ряд других финансовых мероприятий, которые были проведены и поэтому ясно, что эмиссии не хватило. Обстановка, курс рубля и пр. резко изменились, и выпуск серебра стал необходимым. Нужны пути, чтобы найти выход из нашего финансового тупика. 38.000.000 руб. золотом нужны нам на 3 месяца по представленным сметам. Государство с территорией до «Первой речки» не может нести расходы на верховную власть,— правительство, парламент и ряд учреждений. Мы продаем старое, но, продавая, мы сейчас же все проедаем. Так что же говорить о каком-то выходе. Дело безнадежное...

Бюджета, как такового, быть у нас не может. Одни расходы и никаких доходов».

В результате законопроект о выпуске в обращение серебра был принят всеми, при трех воздержавшихся, в следующей редакции:

Закон
о выпуске в обращение для государственных нужд 5.000.000 рублей серебра в мелкой разменной монете.

Ст. 1. В отмену, изменение и дополнение надлежащих узаконений предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов выпустить в обращение для государственных нужд (5.000.000) ПЯТЬ МИЛЛИОНОВ рублей серебра в мелкой разменной монете.

Ст. 2. Установить обязательный прием, наряду с кредитными билетами образца 1918 года, серебряной монеты без ограничения суммы, по платежам всякого рода государственных налогов, пошлин и иных сборов в казну и общественные учреждения, подлежащие отчетности перед Государственным Контролем.

Ст. 3. Установить обязательный прием серебряной монеты по платежам всякого рода, как между частными лицами, так и казною и общественными учреждениями, без ограничения суммы.

Ст. 4. Предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов, по соглашению с Советом Управлющих Ведомствами, устанавливать отношение курсов между серебряной монетой, кредитными билетами образца 1918 года и золотым рублем.

Ст. 5. Настоящий закон ввести в действие до его распубликования.

Закон был распубликован Временным Правительством Дальнего Востока—Приморской Земской Управой 19-го октября 1920 года за № 463.

Октябрь был месяцем сдачи позиций кредитных денежных знаков. Курс их упал до 1.750 рублей и фактически с момента выпуска серебра они вышли из торгово-финансового оборота.

Сознание нецелесообразности игнорировать фактическое соотношение повело к разработке вопроса о, так-называемом, переходе на золотой рубль. Еще ранее издания закона о выпуске серебра было введено взимание таможенных пошлин в золотом рубле[1]).

[1]) Постановление Вр. Пр-ва—Приморской Зем. Управы от 14/X 1920 г.; № 459.

Легализация «золотого рубля». Еще в середине октября был опубликован проект соответствующего закона. Но лишь 6-го ноября было оффициально об'явлено постановление за № 473 Вр. П-ва Д. Востока об утверждении закона «о принятии рубля золотом в основание исчисления частных и всех казенных расчетов» и был опубликован следующий, принятый Временным Народным Собранием Дальнего Востока *«закон о принятии рубля золотом в основание исчисления частных и всех казенных денежных расчетов.*

Ст. 1. В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений установить нижеследующее:

1) Разрешить заключение всяких сделок по имуществу и составление всякого рода договоров и обязательств в рубл. золотом (Ст. 3 Уст. Монетн.).

2) Расчет по сделкам, договорам и обязательствам, заключенным в золотом рубле, может быть производим по усмотрению плательщика российской золотой или серебряной монетой или кредитными билетами образца 1918 года.

Примечание: Действующие постановления (Обязательное Постановление Совета Управляющих Отделами Центрального Государственного Управления от 6-го августа с. г., № 1, 3 примечание к пункту 2), коими разрешается совершение оптовых сделок в золотом рубле с производством расчета в иностранной валюте, продолжают сохранять силу.

3) Расчет по сделкам, договорам и обязательствам, упомянутым в п. 2 сей статьи настоящего закона, производится по курсу, обусловленному договором. Если курс или способ его определения договором не предусмотрен, то расчет производится по курсу, устанавливаемому в порядке п. 5 настоящего закона.

4) Установить исчисление всех доходных и расходных государственных сметных предположений, составление смет городских и земских учреждений, а также исчисление всех налогов, пошлин, денежных повинностей и всякого рода иных казенных и общественных сборов в рубле золотом с тем, чтобы исполнение предложений и взимание всех налогов, пошлин и повинностей и всякого рода иных казенных и общественных сборов было производимо по усмотрению плательщика российской золотой или серебряной монетой или кредитными билетами образца 1918 года по курсу, установленному на основании п. 5 сей статьи и наст. закона.

Примечание: Таможенные, пошлинные и другие сборы взимаются Таможенными учреждениями на основании Постановления Вр. Пр-ва—Приморской Земской Управы от 14-го октября 1920 года за № 459.

5) Предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов, по соглашению с Советом Управляющих Отделами Центрального Государственного Управления, устанавливать по мере надобности и для казенных и общественных расчетов курс российской серебряной монеты и кредитных билетов образца 1918 года, с распубликованием его во всеобщее сведение, а равно устанавливать соотношение иностранных валют к золотому рублю.

Ст. II. Предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов в развитие сего закона издавать правила, инструкции и раз'яснения.

Ст. III. Настоящий закон ввести в действие до его распубликования».

Требование на серебро, с момента выпуска его в обращение, носило почти стихийный характер. Из-за невозможности удовлетворять сметные нужды ведомств кредитными билетами, при темпе падения курса на них,—ведомствами при выпуске серебра всеми правдами и неправдами выписывались ассигновки и изыскивались возможности оплаты их казначейством.

Необходимо отметить, что сметы ведомств, все еще продолжали составляться в буферных знаках и все еще оставались непересмотренными.

Непрекращавшиеся политические реконструкции органов Центрального Управления и персональная смена руководителей ведомств, а также чрезвычайная неопределенность как ме-

ждународного, так и внутреннего характера—служили помехой в реконструкции ведомств и в сокращении как самих ведомств, так и их штатов.

Разрешенная эмиссия в 5 миллионов рублей была исчерпана в большей своей части в первые же 2-3 недели, а через месяц к 17-му ноября была исчерпана полностью.

Из нея вне Владивостока было израсходовано почти 1,5 миллиона рублей, а именно:

Выслано в Хабаровск — 530 000 рублей.
» на Иман — 200 000 рублей.
» » Ник.-Уссур. — 600.000 рублей.

Остальная сумма была израсходована на ведомственные нужды.

За этот же период—18 октября—17 ноября поступило во Владивостокское Казначейство разного рода доходов 218.814 руб. серебром.

Как видим, общая сумма расхода и государственного дефицита почти тождественны.

II-ая эмиссия серебра. 17-го ноября финансово-экономическая комиссия Народного Собрания, а назавтра и само Народное Собрание единогласно приняло закон о дополнительной пятимиллионной эмиссии.

Закон этот был датирован 19-м ноября и за № 481 распубликован Вр. Правительством Д.-Востока.

Закон этот следующего текста:

Закон
о выпуске в обращение для государственных нужд 5.000.000 рублей в мелкой разменной серебряной монете.

Ст. 1. В дополнение закона от 19-го октября с. г. за № 463 и согласно наличных потребностей денежного обращения предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов *произвести дополнительный выпуск серебра* в мелкой разменной монете на сумму пять миллионов (5.000.000) рублей номинальных на общих основаниях означенного в сей статье закона.

Ст. 2. Предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов определять сроки и размеры выпуска серебра в разменной монете в счет предусмотренной ст. 1 сего закона суммы, в зависимости от потребностей денежного обращения.

Ст. 3. Настоящий закон ввести в действие до обнародования его в установленном порядке».

При обсуждении этого закона 18-го ноября в Народном Собрании было принято внесенное финансово-бюджетной комиссией пожелание, «чтобы Правительство незамедлительно представило Народному Собранию ведомственные сметы и бюджет на оставшийся период текущего года, а также государственную роспись на 1921 год».

Дополнительный пятимиллионный выпуск разменного серебра исчерпался так же быстро, как и первый. На этот раз дело обстояло еще печальнее с точки зрения государственной казны. Выпуск в 5 миллионов обслужил лишь одну территорию г. Владивостока с прилежащими к нему окрестностями.

Ни Никольск-Уссурийское, ни Хабаровское, ни Иманское Казначейства подкрепить не удалось, отчасти по вине японского командования, отчасти в силу действительной невозможности уделить что-либо из дополнительной эмиссии.

Настойчивая работа Ведомства Финансов по пересмотру смет и сокращению расходов результата не давали. Обстоятельства времени не позволяли Совету Управляющих согласиться на предложенное Ведомством Финансов закрытие кредитов ведомствам, уклоняющимся от сокращения расходов и пересмотра смет.

Особое упорство было проявлено Ведомством Военным.

Увеличение прожиточного минимума для правительственных служащих с 32 до 36 зол. рублей увеличивало расходную смету почти на 200 тысяч зол. рублей или почти на 600 тыс. рублей разменным серебром.

Представленные ведомствами сметные исчисления на ноябрь и декабрь 1920 года определили потребную сумму на покрытие расходов за эти два месяца в 6.750.000 зол. рублей, т. е. *около 18 милл. рублей разменным серебром.*

Но этим не исчерпывались необходимые расходы—подлежало выдать органам местного самоуправления минимум 250 тыс. зол. рублей и в подкрепление провинциальных казначейств—минимум 400 тысяч золот. рублей.

Всего, следовательно, округленно расход до конца года исчислялся в 20 милл. рублей разменным серебром, а самые оптимистические ожидания поступлений не шли далее 2,5 милл. золот. руб., т. е. 7-ми милл. рублей разменным серебром. Как увидим мы ниже, фактическое поступление было почти в два раза менее.

Приходилось сокращать ведомственные сметы, фактически производя неполную оплату представляемых ассигновок или ad hoc для данного месяца, постановлением Совета Управляющих определяя ведомственный лимит.

К 15-му декабря была исчерпана вторая эмиссия. Не считая около 1,5 милл. руб., уделенных из первой эмиссии провинции, расходы—в пределах первых двух эмиссий — распределялись по ведомствам в нижеследующем порядке:

Ведомства	I-я эмиссия в рублях	II-я эмиссия в рублях	ВСЕГО в рублях	в %%
Путей сообщения .	968.000	2.073.013	3.041.013	36,2
Военное .	692.000	777.829	1.469.829	29,2
Морское .	500.000	471.215	971.215	
Внутренних дел . .	584.665	993.410	1.578.075	18,8
Торговли и промышл.	264.800	329.828	594.628	7,1
Переселенческ. Управление . .	124.924	55.176	180.100	2,1
Финансов .	83.000	154.131	237.131	2,9
Народное Просвещ. .	91.000	102.445	193.445	2,2
Прочие .	61.611	59.850	121.461	1,5
Итого . .	3.370.000	5.016.897	8.386.897	100,0

Увеличение расходов в ноябре следует отнести к недополучению некоторыми ведомствами в октябре платежей по октябрьским ассигновкам, оплаченным лишь в ноябре.

Не следует предполагать, что указанными выше суммами ограничивались фактические расходы ведомств: во-первых, ведомства продолжали самостоятельно кредитоваться, что все, равно увеличивало государственные обязательства, а во-вторых ведомства и, главным образом, путей сообщения, морское и торговли и промышленности, несмотря на все запреты, фактически непосредственно выкрасходовали поступавшие к ним суммы.

Так например ведомство Путей Сообщения непосредственно выручало и расходовало в последние месяца 1920 года от 500 до 600 тысяч руб. разменной серебряной монетой.

Акцептование Государственным Банком чеков „серебряных“ тек. счетов.

В целях предоставления удобства при денежных взаиморасчетах, а также делая попытку удержать разменное серебро в кассе Государственного Банка, Правительство издало постановление о хождении наравне с разменным серебром акцептованных Государственным Бан-

ком чеков по текущим счетам в мелком серебре—частных лиц и учреждений в Государственном Банке.

Особо выработанные правила предполагали допуск к пользованию акцептованными чеками на первое время лишь солидных фирм.

Но опасения со стороны последних за сохранность своих денег и боязнь, что в быстром темпе расходования Правительство использует и их серебро повело к тому, что проэктировавшийся порядок не привился и имели место лишь единичные случаи пользования акцептованными чеками.

III-я эмиссия серебра. 14-го декабря экстренное заседание Народного Собрания обсуждало вопрос о выпуске вновь 5-ти миллионов рублей серебра.

Речь председателя финансово-бюджетной комиссии сводилась к немногому. Он указал, что «когда Управляющий государственными финансами представил свой прошлый законопроэкт о дополнительной эмиссии серебра в 5 миллионов рублей, то он обещал, что серебра хватит до 15-го ноября. Обещание выполнено—деньги истрачены. У правительства в настоящее время денег нет. Каким образом поправить создавшееся финансовое положение? Есть два способа: или выпустить в обращение кредитные билеты образца 1918 года, или ликвидировать остаток мелкой серебряной монеты. Для неотложных нужд требуется около 80 000 руб. золотом и если выпустить буферки и считать даже по курсу 1.500 р. за иену, то получилась бы сумма свыше трех миллиардов рублей кредитных номинально, т. е. больше, чем правительство имеет кредитных в запасе. Поэтому Управляющий государственными финансами ходатайствует о последнем выпуске серебра в ускоренном виде. Если вы разрешите выпуск серебра, то можно будет просуществовать до конца декабря текущего года. Я повторяю, что в настоящее время в казначействе никакой наличности нет, а вопрос разрешается довольно своеобразно — задерживается выплата по ассигновкам».[1])

По заслушанию этого сообщения Народным Собранием без прений, единогласно принят был следующий закон о третьей эмиссии серебра:

Закон
о выпуске в обращение для государственных нужд 5.000.000 руб. в мелкой разменной серебряной монете.

Ст. 1. В дополнение закона от 19-го сего октября 1920 г. за № 463 и закона от 19-го ноября 1920 года за № 481 и согласно наличных потребностей денежного обращения,

[1]) Цитируем по газ. «Воля» № 187 от 16 декабря 1920 г.

предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов произвести дополнительный выпуск серебра в мелкой разменной монете на сумму пять миллионов (5.000.000) рублей номинальных на общих основаниях означенного в сей статье закона.

Ст. 2. Предоставить Управляющему Делами Государственных Финансов определять сроки и размеры выпуска серебра в разменной монете в счет предусмотренной ст. 1 сего закона суммы, в зависимости от потребностей денежного обращения.

Ст. 3. Настоящий закон ввести в действие до обнародования его в установленном порядке.

Ст. 4. В виду наличия чрезвычайных обстоятельств настоящий закон ввести в действие в порядке закона 4-го декабря 1920 года за № 486.

Эмиссия эта, как на то указывала об'яснительная записка к закону о ней, имела целью покрыть неотложные государственные нужды, предоставив казначейству возможность оплатить разрешенные на декабрь кредиты.

Третья эмиссия в декабре же была исчерпана.

С 18-го октября по 31 декабря Приморьем было поглощено свыше 15 милл. рублей разм. серебра. Свыше, говорим мы, так как, хотя три эмиссии разрешали выпуск именно 15-ти миллионов рублей, но, как указали мы,—еще до первой эмиссии неприкосновенность металлического фонда была нарушена—несколько сот тысяч рублей биллонного серебра было употреблено на размен кредитных билетов.

Судьба металлического запаса, обеспечивавшего Приморскую Эмиссию.

Как помнит читатель, судьбой ценностей, обеспечивающих эмиссию 5/VI особо интересовались и консульский корпус и торгово-промышленные и финансовые круги.

Статья 4-я закона 5-го июня 1920 года за № 552 определенно указывала, что обеспечением эмиссии служит:

Золото в слитках	2.200 пудов	на сумму	50.000 000	руб.	зол.
„ „ монете		„ „	2.517.000	„	„
Платины	60 пудов	„ „	2 350 000	„	„
Разменного серебра		„ „	16 000 000	„	„

Итого следовательно общая сумма обеспечения составляла по указанию закона—70 867 000 золотых рублей.

«Означенные металлические запасы составляют неприкосновенный фонд обеспечения кредитных билетов и ни на какие иные надобности расходованы не могут быть» (ст. 4-я).

Как, в свое время, усиленно сообщило правительство—обеспечение это являлось вполне солидным для эмиссии денежных знаков, определенной в сумме 150 милл. рублей.

Но еще ранее распубликования закона 5/VI ни для кого не было секретом, что фактически значительной части об'явленного обеспечения уже нет во Владивостоке, и является большим вопросом—простирается ли власть Владивостокского правительства на увезенные ценности.

Будущее подтвердило опасения,

Что же касается остальной части ценностей, оставшихся во Владивостоке, то они оказались вне распоряжения правительства, задержанные почти в течении полугода японским командованием. Вопрос о судьбе ценностей, как оказавший значительное влияние на судьбу самой денежной реформы, заслуживает того, чтобы на нем остановиться несколько подробнее.

Ценности в Благовещенске.

В канун событий 4 — 5 апреля 1920 года, в предвидении возможности выступления японцев и захвата ими ценностей, Правительство Дальнего Востока—Приморская Земская Управа в лице Финансово-Экономического Совета признало необходимым срочно эвакуировать за зону возможных военных действий запасы ценностей, скопившихся во Владивостокском Государственном Банке, поступившие к нему в 1919 и 1920 г.г.

Ценности эти, являлись остатками средств, переотправлявшихся правительством адмирала Колчака за границу на финансовые там операции его агентов, а также остатками наличности, эвакуировавшихся на Восток из Омска Отделений Госбанка и Казначейств Евр. России и Сибири.

15-го марта и 3-го апреля в Благовещенское Отделение Государственного Банка на хранение по соображениям, указанным выше, было отправлено 718 ящиков, содержащих все количество, впоследствии упомянутых в законе 5/VI: золота в слитках (2.200 пудов) и платины (60 пудов).[1])

Все эти ценности оставались в распоряжении Владивостокского Правительства. Увоз их был произведен спешно, без осмотра содержимого ящиков и без спецификации отправляемого. Благовещенский Государственный Банк так и не подтвердил Владивостоку получение от него ценностей.

Произведенная в 1921 году ревизия Государственного Банка отметила большую небрежность в деле отправки этих ценностей и констатировала ошибочность и противоречивость расходных ордеров в отношении записи количества отправляемых ящиков, что не устраняло возможность предположения о злоупотреблении.[2])

Как бы то ни было, правительство, приступая к денежной реформе, не имело оснований сомневаться в существовании, если не во Владивостоке, то вне его, но в своем распоряжении ценностей на сумму свыше 70 миллионов рублей, коими оно и обеспечило эмиссию 5/VI.

---

[1]) Точный вес хранившейся и отправленной платины установлен не был; в числе золота находилось: чист. золото, серебристое золото, золотист серебро, золото в самородках и изделиях.

[2]) Акт ревизии Государственного Банка 2/III—26/IV 1921 г. § 126.

Обусловливая предполагаемую устойчивость новых денежных знаков, Министерство Финансов, как указывали мы, аргументировало, главным образом, обеспечением их—в размере до 40% валютными ценностями.

На этом же делал ударение текст закона 5-го июня и эта же мысль варьировалась при всех собеседованиях со всеми, сомневающимися в устойчивости нового знака.

В первом же письме—протесте Консульского Корпуса от 9-го июня было подчеркнуто, что отношение к денежной реформе и устойчивости нового денежного знака может быть определено лишь, выяснением рода гарантий, указанных в § 4-ом закона.

На эту же необходимость—«обследования гарантий» указывает и письмо Консульского Корпуса от 16-го июня.

В ответ на последнее письмо правительство предложило Консульскому Корпусу организовать специальную комиссию, состоящую из представителей консульского корпуса, для обследования, указанного в законе 5-го июня, металлического обеспечения, как в части, находящейся во Владивостоке, так и в Отделении Государственного Банка в Благовещенске.

Кроме того, правительство из‘явило готовность доставить «в г. Владивосток или в иное место металлическое обеспечение, находящееся в г. Благовещенске, *но при условии предоставления* Временному Правительству *достаточных гарантий международного характера,* обеспечивающих неприкосновенность металлического запаса как в пути следования, так и в г. Владивостоке, или ином месте хранения».[1])

На это Консульский Корпус сообщил, что он «не может дать ответа на сделанное предложение до получения инструкций от своих правительств».[2])

Таковых инструкций так и не было получено, однако это не мешало Консульскому Корпусу всячески дискредитировать денежную реформу, по причине, главным образом, малой обеспеченности, по их мнению, новых знаков, на это же указывали в своих выступлениях и иностранные резиденты.

Еще раньше их это же требование—сосредоточения во Владивостоке всего обеспечения, пред‘явили правительству 7-го июня русские торгово-промышленники и совет русских банков.

Политическая неопределенность и разнобой в вопросе об единстве буфера все более и более подтачивали веру в целостность металлического запаса. Особенно усилились опасения после об‘явления Амурским Правительством своей самостоятельности от Владивостока и его наступательных действий в борьбе за подчинение Хабаровска Амурскому Правительству.

---

1) Письмо Вр. Пр-ва—Приморск. Земск. Управы от 17-го июня 1920 г., за № 1219.
2) Письмо Консульского Корпуса от 18-го июня 1920 года, за № 103.

Пресекая проникшие на рынок слухи о захвате Амурским Правительством Владивостокских ценностей, «Руста» в конце июля сообщило: «23-го июля 1920 года Управляющего Ведомством Финансов — И. И. Цимермана посетили представители Амурской области и категорически заверили его о нахождении золотого запаса в Благовещенске всецело в распоряжении Временного Правительства—Приморской Областной Земской Управы». В эти же дни один из членов Амурской делегации дал интервью, в котором утверждал, что «в последнее время приток золота с разных амурских приисков увеличился в 200 раз. Это и служит рессурсом правительства для получения валюты»[1])

Несмотря на это, слухи о расходовании на Амуре Владивостокских ценностей не прекращались, а в августе месяце харбинская пресса определенно указывала, что в Харбине амурцами производится заготовка обмундирования и провианта для армии, при чем расплата с поставщиками производится владивостокским золотом.

Трудно было при таких обстоятельствах ожидать успеха в укреплении владивостокских денежных знаков.

10-го сентября во Владивостоке была произведена дополнительная эмиссия в сумме 500 миллионов рублей, на основе прежнего закона и, следовательно, прежнего же обеспечения.

Если бы даже все оно оставалось неприкосновенным, то и тогда ухудшившееся почти в четыре раза соотношение суммы эмиссии и обеспечения должно было способствовать падению курса нового денежного знака, но помимо этого к тому времени факт расходования Благовещенском металлического запаса стал уже секретом полишинеля.

Реализация этого запаса золота и платины совершенно открыто производилась не только в Сахаляне (на реке Амуре против г. Благовещенска), но и в г. Харбине.

Как выяснилось позже, оказывается еще на заседании Амурского Финансово-Экономического Совета 1-го сентября 20 года (т. е. еще за 10 дней до новой владивостокской эмиссии, обеспеченной все тем же металлическим фондом, было принято предложение председателя Зельника, согласно коего Финансово-Экономический Совет взял на себя ответственность за выполнение программы по снабжению армии продовольствием и зимним обмундированием, расходуя на этот предмет китайские даяны, вырученные от реализации золотых запасов, *хранящихся* в Благовещенском Отделении Государственного Банка».[2])

Интересующихся подробностями этой реализации мы отсылаем к главе о Благовещенске, где некоторые страницы мы

[1]) Газ. «Воля» № 79, от 24 июля 1920 года.

[2]) Газета «Дальне-Восточный Телеграф» № 161, 18-го февраля 22 г. г. Чита

уделяем специально этому вопросу, здесь же для того, чтобы исчерпать вопрос о судьбе владивостокского «фонда» мы приведем несколько строк из оффициоза Правительства Д. В. Р., в отчете о суде деятелей Амурского Финансово-Экономического Совета, дающего характеристику происходившего на Амуре.

Оффициоз пишет — «случайно попавшие во главу финансового управления лица производили расходы без соблюдения надлежащей экономии, *благо под руками имелся такой громадный источник.* По данным ревизии установлено, что в 1920 году выведено было в расход до 1500 пудов золота, т. е. в переводе на иностранную валюту до 16 миллионов китайских долларов».[1])

Еще определеннее резюмировал амурское действие общественный обвинитель на процессе деятелей Амурского Финансово-Экономического Совета в Высшем Кассационном Суде Д.В.Р.—он сказал: «Результатом деятельности Финансово-Экономического Совета было: из 2200 пудов золота осталось 49 фунтов и голод и холод на всем фронте».[2])

... Такова судьба отправленного из Владивостока 15-го марта и 3-го апреля 1920 года металлического запаса, оценивавшегося пунктом 4-м закона 5-го июня в сумму 70.867.000 золотых рублей.

Нужно ли после всего изложенного выше удивляться печальной судьбе денежной реформы и новых денежных знаков.

Действия амурских финансистов до сего времени не были еще подвергнуты оценке с точки зрения нарушения русских интересов в Приморье. Надо думать, что не меньшее зло, нежели иностранные резиденты, нанесли русскому денежному знаку на далекой русской окраине—те действия, об'ектом которых оказался, перевезенный в Благовещенск владивостокский «неприкосновенный» фонд.

Судьба ценностей, захваченных японским командованием.

Правительство не обманулось в предвидении возможности захвата государственных ценностей японским командованием.

4-5 апреля японские войска, нарушив нормальный ход русской жизни, «взяли на себя охрану» и русских ценностей. Конкретно это сводилось к захвату находившихся на ст. Владивосток 16 вагонов с мелким разменным серебром на сумму—16.252.000 руб. и золота: в русской монете на сумму — 1.517.100 рублей и испанской, эвакуированной из Петрограда, Омска в количестве — 104.396 альфонсов, а также 100 рупий.

[1]) Газета «Дальне-Восточный Телеграф» № 161, г. Чита 18-го февраля 22 г.
[2]) Газета «Труд» № 22, Отчет о процессе— г.Чита. 26-го февраля 1922 года.

Приставленный, в момент переворота, японский караул к Госбанку вскоре же был снят, но ценности захваченные вне банка оставались «под охраной» японовойск.

К-ра Госбанка обратилась к Вр. правительству с просьбой о сношениях с японцами по вопросу об освобождении ценностей Госбанка,[1]) но сношения эти результата не дали. Все обращения Правительства оставались без ответа.

Тогда, продолжавшая функционировать, правительственная милиция, по поручению правительства, сделала попытку взять на себя охрану ценностей в порядке предложения заменить японский караул. Но и это не дало результата.

Наблюдение милиции за вагонами выяснило, что с ними проделываются какие-то непонятные диверсии.

Так например 19-го июня областной начальник милиции сообщил, что из 15-ти вагонов, находящихся на путях ст. Владивосток два вагона за № № — 537598 и 262840 17-го июня были прицеплены к составу воинского эшалона японо-войск и отправлены в сторону города Никольск-Уссурийска, оставшиеся же вагоны были расставлены в разных местах станции Владивосток и все они охраняются японскими воинскими караулами.

Инспектор милиции тогда же возбудил вопрос о возвращении отправленных двух вагонов и о передаче охраны русским, но уже через 3-4 дня личные сношения с лицами японского командования повели к новому сообщению инспект. милиции, что «мерами милиции не представляется возможным вернуть обратно захваченные ценности».

Все дальнейшие настояния Правительства также не привели к благоприятному разрешению вопроса о ценностях и они оставались в руках японского командования.

В этом же положении оставался вопрос до момента 2-ой эмиссии—до сентября 1920 года.

В сентябре новые представления правительства повели к «освобождению от охраны» русских ценностей и все они полностью были возвращены Государственному Банку.

Приемка закончилась 7-го октября.

Сдачу производил штаб 13-ой японской дивизии. Всего было сдано и принято 16 вагонов, из коих — 14 с серебром и 2 вагона с золотом и др. ценностями.

Серебро было перевезено на склады Госбанка на Эгершельде. В средних числах декабря японское командование, поставив свою охрану у складов, вновь арестовало и прекратило выдачу серебра Государственному Банку, лишив его возможности выдавать серебро по ассигновкам, что повело к прекращению оплаты ассигновок, создав ряд затруднений.

---

[1]) Бюллетень Цаб'а от 15-го июля 1920 года.

Последовавший протест правительства повел к освобождению серебра из под ареста, но по каким то, ни кому неизвестным причинам, японское командование потребовало перевозки его с Эгершельда в Государственный Банк «в течении 24-х часов».

В этот же период возникло недоразумение с переотправкой серебра в Казначейства, подчиненные Владивостоку.

Предоставив серебро формально в распоряжение правительства, японское командование, сохраняя за собой контроль за перевозками по железной дороге, тем самым оставило под своим наблюдением передвижение серебра по области.

26-го ноября Японская дипломатическая миссия опротестовала право перевозки ценностей «в читинском направлении».

При отправке серебра в Иманское Казначейство на оплату содержания правительственным служащим японское командование отказалось выдать удостоверение на провоз, что по существу являлось отказом в перевозке.

На протест Ведомства Финансов с указанием на необходимость оплатить службу своего персонала последовал следующий не лишенный исторического интереса ответ полковника—Ямомото на бланке «Qvartier Jeneral de l'armee japonaise».

«В ответ на Ваш № 20 от 21-го декабря с. г. сообщаю, что в отношении отправки 300.000 рублей серебра Никольск-Уссурийскому Казначейству Вам будет выдано письменное удостоверение. Что касается Имана и территории к северу от него, то ввиду того, что этот район находится вне сферы управления Приморского Правительства отправка серебра в Иман и Хабаровск *до выставления Вами более основательных мотивов допущена быть не может.*

За получением удостоверения на отправку серебра в Никольск-Уссурийск прошу послать Вашего представителя».

Запрет вывоза серебра вызвал новые протесты. Помимо правительства—к японцам с просьбой разрешить вывоз обратились непосредственно заинтересованные в выплате жалования профсоюзы.

В частности, особую энергию проявил президиум первого с'езда почтово-телеграфных служащих и рабочих Приморской области.

«Японское Информационное Бюро» в своем бюллетене от 27-го декабря резонерствовало:

«В связи с задержкой японскими войсками отправленных в Хабаровский район партий металлических денег, взгляд японских властей, как нам сообщают, сводится к нижеследующему: «Территория к северу от Имана не подвластна Приморскому местному Правительству и японские войска, на основании заключенного ими с означенным правительством соглашения, не

могут допускать вывоза туда, принадлежащих последнему, металлических денег.

Запрещение это однако не настолько абсолютно, чтобы оно распространилось на те случаи, когда имеются основательные причины для подобных отправок. Недавно, когда предполагалось отправить к северу от Имана партию серебряной монеты, глава русской финансовой миссии просил японские войска разрешить безпрепятственный провоз этого груза, не указывая, однако, причин, вызвавших необходимость этой меры. Японские военные власти, отклонили эту просьбу, так как они еще раньше предупредили русские власти что, в случаях необходимости вывоза металлических денег, основания должны быть подробно об'яснены. Произошло ли в данном случае упущение по недосмотру русских властей или же по отсутствию у них достаточных оснований,—неизвестно, но ответственность за задержку падает на них».

Разрешение на вывоз так и не было дано, русские служащие, которым казна задолжала более чем за 2 месяца, так и не получили жалования.

Выводы о наличии «неприкосновенного фонда» денежных эмиссий Приморья.

Итак, к концу 1920 года из ценностей, перечисленных в ст. 4-ой закона 5-го июня 20 г. приходится считать израсходованными:

1. В Благовещенске 2200 пудов золота на сумму—50.000.000 золотых рублей. В Благовещенске 60 пудов платины на 2.350.000 золотых рублей.

2. В Владивостоке разменное серебро по I-ой, II-ой и III-ей эмиссиям на сумму—15.000 000 золотых рублей.

Следовательно, на 1921 год остаток «неприкосновенного фонда», обеспечивающего кредитные билеты, состоял из: золота в монете на сумму—2.517.000 золотых рублей и остатка разменного серебра на сумму—1.000 000 золотых рублей.

Правительство в законе 5-го июня общую оценку обеспечения, считая золотой и мелкий разменный серебр. рубль и все ценности, определяет в 70.867 тысяч золотых рублей. Как видим, стоимость остатка на 1921 г. по оценке правительства достигала лишь 3 517 тысяч рублей, а считая разменное серебро по курсу фондовой биржи—3:1, остаток «обеспечения» равнялся менее чем 3 милл. зол. рублей.

Сумма же эмиссии кредитных билетов за период 5/IV—31/XII 1920 года равнялась—662.370.478 руб. 90 коп. или, иначе говоря, обеспечение равнялось лишь 0,45%, вместо первоначально прокламированных 40%.

Нужно ли удивляться, что курс кредитных билетов на иену, вместо 10 иен, отмеченных в начале июня, был 31-го декабря

равен —1760 рублям, т. е. при ухудшении обеспечения почти в 89 раз, ухудшился в 176 раз.

Дело использования металлического фонда не ограничилось расходованием разменного серебра. В конце декабря была сделана попытка приступить к утилизации оставшагося во Владивостоке золота в монете.

По об'единению областей Дальнего Востока, из Читы, от Министра Финансов Правительства Д. В. Р. последовало распоряжение о выдаче Камчатскому эмиссару—20.000 рублей золотой монеты.

«Вопрос этот, в средних числах декабря 20 года, подвергся обсуждению в Совете Управляющих Ведомством по докладу управляющего ведомством финансов—А. И. Погребецкого, указавшего, что существующим законоположением гарантирована неприкосновенность золотого запаса и что для выдачи золота—необходимо предварительно отменить ст. 4-ую закона 5-го июня. Совет Управляющих согласился с этим и постановил—в выдаче золота отказать».[1])

Но позже—в начале 1921 года, как увидим мы ниже,—правительство приступило к вырасходованию и этой, последней части металлического фонда, и к концу января его уже не существовало.

V (финальная) эмиссия серебра и I-ая эмиссия золотой монеты.

На январь Приморское Областное Управление не располагало иными денежными знаками, кроме остатков кредитных билетов, потерявших всякую цену и котировавшихся более по инерции, нежели в действительности. Остатки металлического фонда, за выяснившейся полной безнадежностью возвратить увезенное в Благовещенск, также были незначительны и заключались в разменном серебре, русской золотой монете и испанских золотых пезетах (альфонсах) на сумму свыше 1 милл. золотых рублей.

О валютном подкреплении из Читы со стороны Центрального Правительства Д. В. Р. не могло быть и речи. Пр-во это не располагало запасом валюты да и, кроме того, декларированными им законами от *9 го ноября 1920 г. и 24-го января 1921 г.* звонкая монета подлежала из'ятию из обращения и хождению подлежали лишь кредитные билеты, выпущенные как на территории Забайкалья так и в Приморье.[2])

Правительство Д В. Республики в осуществлении из'ятия звонкой монеты не остановилось и перед распоряжением Хаба-

[1]) Газ. «Воля» № 198, от 31-го декабря 1920 года.
[2]) См. главу «Д. В. Р.».

ровскому казначейству о высылке в Читу всего остатка золотой и серебряной монеты. Распоряжение это вызвало протест Приморья и было приостановлено исполнением.

В связи с этим распоряжением Читы, Совет. Управл. Ведомствами Вр. Пр-ва. — Прим. Земск. Управы вынес 6-го ноября 1920 г. постановление, протестующее против вмешательства Читы в деятельность отдельных учреждений, впредь до достижения основного соглашения о слиянии.[1])

Как видим, иных перспектив и рессурсов, кроме содержимого в собственных кладовых, у Приморского Областного Управления в первые недели его существования не оказалось.

Правда, приходная смета обещала значительные поступления, но они были делом будущего, а настоящее—текущие расходы не ждали.

Пришлось вступить на путь использования остатков металлического запаса, о чем 8 января 1921 года состоялось соответствующее постановление.

В выписке *из протокола Президиума Совета Управляющих Отделами Приморского Областного Управления,* читали:

«Слушали:

Доклад Управляющего Отделом Финансов К. Д. Петкус - Деревкова о выпуске в обращение серебра в мелкой монете на сумму 198 000 рублей и золотой русской монеты на сумму 250.000 рублей.

Постановили:

1) Для удовлетворения нужд Областного Управления предоставить право Управляющему Отделом Финансов произвести выпуск в обращение:

а) серебра в мелкой разменной монете на сумму сто девяносто восемь тысяч руб. (198 000) номинальных и

б) золотой русской монеты на сумму двести пятьдесят тысяч (250.000) рублей номинальных.

2) Настоящее постановление ввести в действие до распубликования его в установленном порядке».

Одновременно с новым выпуском разменного серебра и золотой монеты были сделаны новые героические усилия по сокращению государственных расходов и увеличению доходов. Первое не дало сколько нибудь значительных результатов, на втором мы остановимся несколько ниже.

Но, как и прежде, смета оставалась дефицитной и новый выпуск не смог покрыть и январскую расходную смету.

[1]) См. главу «Хабаровск».

II-ая эмиссия российской золотой валюты.

Февраль 21 года Приморское Правительство жило в долг и воздерживалось от новой эмиссии, но поставленное перед необходимостью оно вынуждено было вновь прибегнуть к выпуску золотой монеты. В законах денежного обращения правильнее, нежели где-либо, утверждать, что сказав «А», не избежать и «Б». Введя в оборот твердую денежную единицу, нет сил повернуть колесо вспять и заставить рынок вновь принимать кредитные билеты.

Февральские расходы поглотили последние остатки золотой монеты.

5-го марта 1921 года по докладу Приморского Областного Управления в Приморском Областном Народном Собрании обсуждался вопрос о новой эмиссии золотой монеты. В результате прений Приморское Областное Народное Собрание постановляет принять:

«Закон

о предоставлении Приморскому Областному Управлению 1.900.000 рублей для покрытия расходов за февраль 1921 года и о выпуске в обращение российской золотой монеты в сумме 1.019.972 рубля 82 коп.

Ст. 1. Ассигновать в счет подлежащих утверждению расходов на 1921 год, в распоряжение Совета Управляющих Отделами Приморского Областного Управления один миллион девятьсот тысяч рублей из средств Государственного Казначейства на покрытие расходов за февраль 1921 года.

Ст. 2. Предоставить право Управляющему Отделом Финансов произвести в счет суммы, указанной в ст. 1 выпуск российской золотой монеты на сумму один миллион девятнадцать тысяч девятьсот семьдесят два рубля восемьдесят две коп.

Ст. 3. Предоставить Управляющему Отделом Финансов определять срок и размеры выпусков российской золотой монеты в счет, указанной в ст. 2 сего закона, суммы.

Ст. 4. Предоставить право Управляющему Отделом Финансов означенную в ст. 2 сумму полностью или в части, по его усмотрению, путем продажи обратить в иностранную валюту».

Позже была утилизирована наличность и испанской золотой монеты.

Этим был полностью исчерпан металлический «неприкосновенный» фонд, обеспечивавший две эмиссии кредитных билетов на сумму 650 милл. рублей.

Денежные поступления Приморской области.

Сметные предположения в отношении денежных поступлений в золотом рубле за период ноябрь и декабрь 1920 г. ожидались в сумме около двух миллионов рублей.

Фактически же поступило разменным серебром:

	В ноябре:	В декабре:
По Владивостокской Таможне	816 758 р.	255 923 р.
По Хабаровскому Казначейству	93.389 р.	188 942 р.
Итого . .	910.147 р.	444.865 р.

Т. е. всего, округляя, — 1 миллион 355 тысяч рублей, или в золотом рубле—около 450 тысяч рублей.

6-го ноября 1920 года за № 473 Правительством был издан одобренный Народным Собранием закон об исчислении всех налогов и сборов в рублях золотом.

Этот закон логически завершал прежние законы о разрешении сделок в валюте и о переходе в исчислениях на золотой рубль.

Прежние законы в более невыгодное положение ставили само государство, а ноябрский закон пытался предоставить и государственной казне все выгоды нового положения, когда денежной единицей признавался золотой рубль.

Как видим, результат нового закона не мог сказаться немедленно же. Он явился лишь основой, давшей возможность всем ведомствам и, главным образом, Ведомству Финансов перестроить всю политику фисков и регалий.

Но если введение в золотом рубле сборов, имеющих характер разового обложения (пошлины, акциз, фрахт и пр.) не представляло трудности и устанавливалось как бы в автоматическом порядке, то при разнообразии имевшихся на рынке за прошлое время денежных знаков, большие трудности возникали при установлении подоходных или промысловых налогов.

Ст. 543 Устава о прямых налогах обязывала плательщиков дать сведения об оборотах за истекший год.

Но истекший—1920 год был годом хождения в разное время разных денежных знаков. «Сибирки» сменились чеками, «сетчаткой», буферками, разменным серебром, золотом.

То тот, то другой денежный знак признавался обязательным к приему в платежи и в соответствии с этим торговые и другие предприятия вели свое счетоводство, так как лишь немногие сначала 1920 года сразу же вели свою отчетность в золотой валюте.

Констатируя необходимость считаться с разнообразием имевших обязательную силу денежн. знаков, Финансово-бюджетная Комиссия Народного Собрания, рассматривая в 1921 году этот вопрос и имея в виду необходимость взыскания налога именно в золотой валюте, пришла к выводу о предоставлении возможности плательщикам показывать обороты именно в тех знаках, в которых они действительно производились.

Но все эти записи и сведения должны были быть переведены на золотой рубль.

Согласно данных Особенной Канцелярии по кредитной части *один рубль золотом по среднему рыночному курсу в 1920 году был равен:*

с 1-го января по 5-е июня — 600 р. сибирскими
с 6-го июня по 1-е ноября — 430 р. буферными и
с 1-го ноября по 31-е декабря — 3 р. 50 коп. разменным серебром.

Эта курсовая стоимость и была положена Финансово-бюджетной Комиссией в основу исчисления обложения, причем в интересах плательщиков Финансово-бюджетная Комиссия нашла возможным изменить коэффициент курса при определении торговых оборотов и доходов за 1920 год, а именно был установлен:

средний курс для сибирок в 730 рублей,
" " " буферок в 540 рублей.

Приморская государственность в лице Приморского Областного Управления существовала по 26-ое мая 1921 года.

Мы имеем возможность ознакомить с денежными поступлениями по Приморью за первую треть 1921 года, т. е. по 1-е мая, за тот же период, который поглотил все наличие металлического запаса.

Таблица

доходов Приморской Области за период 1-го января — 1 мая 1921 года.

	Январь	Февраль	Март	Апрель
I. По Владивостокск. Казначейству.				
Налога подоходного .	19.872.90	31.981.98	28.056.55	38.699.45
Налога промыслового	26.537.40	10.523.34	139.302.34	13.386.50
Налога с недвиж. имущ. .	112.75	19.—	1.221.17	6.077.50
Прочих доходов .	190.940.24	202.210.38	464.158.95	535.262.17
Итого.	237.463.29	244.735,70	632.739.01	593.415.62
II. По Никольск-Уссурийскому Казначейству.				
Налога подоходного .	1.470.—	2.069.42	427.13	6.152.—
промыслового .	12.144.79	3.757.55	8.758.75	3.768.98
с недвиж. имущ.	2.10	7.13	54.44	4.589.90
Прочих доходов .	21.989 84	26.865.75	28.898.53	22.698.24
Итого.	33.606.73	32.696.85	38.138.85	37.209.12
Всего.	273.070.02	278.452.55	670.877.60	630.634.74

Хотя, как видим, среднее месячное денежное поступление доходов (около 465 тысяч золотых рублей) и превысило почти в два раза среднее месячное поступление доходов ноября и де-

кабря (около 225 тысяч золот. руб.), но, все же, сметное предположение Отдела Финансов на первую треть 1921 года было оправдано лишь на 50%.

Неисправное поступление налогов, — как отмечала одна из Владивостокских газет[1]),—об'яснялось целым рядом причин, как политического так и финансового характера.

Некоторые категории плательщиков всячески оттягивали внесение налога, в надежде на те или иные события политического характера, могущие создать более выгодную и льготную для них обстановку. Другие же в силу общей депрессии и связанных с ней финансовых затруднений лишены были возможности уплатить налоги. Кроме того за последние годы население вообще отвыкло от всяких налоговых повинностей, которые взыскивались весьма небрежно.

Небезинтересно будет отметить, что наиболее крупными и в то же время наиболее аккуратными плательщиками явились японцы.

Это служит лишним доказательством, отмеченного нами в начале главы, обстоятельства — проникновения вместе с военной интервенцией и интервенции финансово-хозяйственной, когда инициатива и функции постепенно из рук одной категории граждан-аборигенов переходят к другой категории, — временем и силой, — силы, поставленной в наиболее благоприятное положение.

Поступления от распродажи грузов.

В кругах, недостаточно осведомленных о деятельности правительственного аппарата Приморья, принято думать, что в течении всего периода владивостокского автономного существования широкой волной вливалися в государственную казну поступления за распродаваемые обще-российские грузы и что, якобы, этими поступлениями вполне можно было бы наладить денежное обращение, не прибегая к выпуску кредитных билетов.

Представление это в значительной степени ошибочно.

Как на пример фактического положения дел мы сошлемся на деятельность, учрежденной постановлением Вр. Правительства от 11/18 июня 1920 года за № 404 — комиссии по ликвидации грузов.

За весь период со дня своей организации до конца 1920 года ею были ликвидированы лишь следующие грузы:

1. Натриева селитра	1.000 тонн на сумму	40.000 иен.
2. „ „	8.500 „ „ „	340 000 „

[1]) «Дально-Восточная Трибуна» № 83, от 14-го мая 1922 года, г. Владивосток.

3. Натриева селитра	20.000	тонн на сумму	1.565 000	„
4. Цинк в чурках	1.700	„ „ „	649.695	„
5. Колючая проволока	1.000 000 пуд.	„ „	700.000	„

Итого на сумму 3.294.695 иен.

Но из этой суммы лишь 380 тысяч иен по первым двум продажам поступили наличными на подкрепление Государственного Казначейства. Остальная же сумма — по трем последним сделкам почти полностью поступила непосредственно к кредиторам—поставщикам казны, которые и приобрели грузы, видя в этом единственный возможный способ, хотя до некоторой степени, урегулировать свои расчеты с казной.

Из грузов, которые так и не удалось продать указанной комиссии, отметим: медь чушковую — 20.000 пудов, линтер — 60.000 пудов, стальной тросс — около 60.000 пудов, пикриновая кислота 11.000 пудов.

Кроме того, на территории крепости, главным образом у артиллерийского ведомства, имелись подлежащие продаже, но фактически заарестованные японцами громадные запасы медных гильз (капсюлей) и пр.

Значительными грузами, подлежащими ликвидации в порядке статьи 497 тамож. правил, располагала и Таможня.

Но общая депрессия товарного рынка лишала возможности произвести продажу товаров, что же касается грузов, принадлежащих казне, то приходится отметить, что государство вынуждено было ликвидировать их, продавая по сравнению с военными покупными ценами с убытком от 30 до 70%.

«Если кто действительно интересовался покупкою и делал вполне твердые предложения, то чаще всего те, кто предполагал купить в счет расчета за долги казны. Проявляли интерес к грузам и различные местные фирмы и лица, но их интерес чаще всего выявлялся постольку, поскольку они могли «сорвать» продажу и таким образом получить от соревнователя отступные.

Солидные же фирмы предпочитали обменивать свои залежи товаров на валюту, нежели остатки своей валюты на товары казны».[1])

Прожиточный минимум. В январе 1920 года, также как и в течение 1919 года, прожиточный минимум определялся по системе, утвержденной Министерством Труда Омского Правительства. Ставка на январь была установлена в размере 4.500 рублей при среднем курсе на Сибзнаки—130 руб.

[1]) Из конфиденциальной «докладной записки» председателя комиссии по ликвидации грузов, от 17-го декабря 1920 года.

После переворота 31-го января власть пошла на встречу трудящимся: в феврале минимум был увеличен почти на 50% — он равнялся 6.530 рублям, курс же сибзнаков улучшился— средний за февраль был равен 106 р. 75 коп. Но уже в марте, при неизмененном февральском минимуме в 6.530 рублей и при среднем курсе сибзнаков в 159 рублей бюджет служащих и рабочих значительно ухудшился.

В апреле Финансово-Экономический Совет постановил: установить на апрель прожиточный минимум для низшей категории на 50% выше мартовского минимума; для высшей на 10% и в соответственном отношении для остальных.

Минимум за апрель был установлен в 9.800 руб.; максимум в 25.200 рублей. Следует вспомнить, что курс сибзнаков в апреле держался в пределах 240—455 рублей, средний же курс за апрель равнялся 352,4 руб.

На май, при среднем курсе сибрубля в 727 руб. 50 коп. за иену, прожиточный минимум был установлен в 18.000 руб., максимум—в 65.250 руб.

В июне были выпущены в обращение новые денежные знаки. Выдача содержания служащим и рабочим происходила 25-го июня. По это число средний курс на сибзнаки составлял 2.061 руб. за иену. А за период 25—30-го июня курс новых знаков, хотя оффициально отмечался в 8 р. 25 коп., но фактически достиг уже 19 руб. 12 коп.

Прожиточный минимум, установленный на июнь во второй половине месяца,—определялся в 300 руб., максимум—в 1.200 рублей новыми знаками. Несмотря на явную недостаточность установленного минимума — общая волна поддержки денежной реформы заставила рабочих удовольствоваться этим минимумом, что они и подчеркивали в своих по этому поводу резолюциях за период июня.

Совсем иное произошло в июле. Срыв денежной реформы иностранными резидентами, хотя внешне, как будто бы, победило правительство и общественность,—повлек за собой реакцию в отношении к реформе со стороны и русских общественных кругов.

Тяжесть материального положения,—особенно ощутимая после периода июньской жертвенности,—повела к жажде бюджетного реванша.

Профорганизациями, в лице их центральных органов, были пред'явлены правительству требования о повышении минимума. Фактический средний курс на новые знаки достиг за июль — 36 руб. 70 коп., т.-е. ухудшился по отношению к июню почти на 100%. Соответственно с этим был увеличен в два раза и прожиточный минимум—определенный в 600 рублей.

Борьба за увеличение прожиточного минимума на август приняла более обострённые формы. Как пример оценки профорганизациями создавшегося положения отметим происходившее 24-го июля 1920 г. Общее Собрание Ник.-Уссур. трудового Союза служащих, которое обсуждало вопрос о несоответствии июньской и июльской выплат с дороговизной. Было отмечено, что в конце июня цены возросли по сравнению с началом июня в 5 раз. Минимум был установлен из расчета 1 зол. рубль= 10 руб. буферным, в конце же июля 1 зол. рубль стоил не менее 50—60 руб. буферными.

6-го августа Сов. Упр. Вед. вынужден был произвести выдачу пособия за июль, а 13-го августа Совет Управляющих установил прожиточный минимум на август месяц в размере 1.000 руб., на основании чего Исполнительное Бюро Палаты Труда исчислило ставки в размере: минимум—1.000 руб., максимум—3.330 руб. При чем ставки для местностей Приморской области были установлены на 10% ниже, нежели для г. Владивостока.

Вопрос о ставках в Совете Упр. Ведомств. вызвал значительные прения, так как Ведомство Труда и Палата Труда выработали ставки на август в размере 1.800 руб.—минимум и 9.000 руб.—максимум.

Содержание было выдано по ставкам, утвержденным Советом Управл. Ведомств., но этим дело не ограничилось. Настояния Проф'организаций не прекратились и под общим натиском Совет Управл. Ведомств. вынужден был установить чрезвычайно опасный прецедент—произвести доплату содержания за уже истекший месяц.

Интересно отметить, что в день определения первоначальных ставок на август,—13/VIII,—курс золотого рубля был равен 75 рублям, а в день постановления о дополнительной выдаче—9/IX—курс упал до 200 рублей. Средний курс за август был равен 84 руб. 22 коп., а за первые 9 дней сентября курс упал до 173 руб.

Борьба за доплату к августовскому минимуму велась профорганизациями одновременно с борьбой за установление на сентябрь ставок в золотом рубле с выплатой буферными ден. знаками по действительному их курсу.

В начале сентября Исполн. Бюро Профсоюзов вручило Ведомству резолюцию, отмечавшую, что: 1) своевременно перейти на исчисление заработной платы в зол. рубле; 2) выдачу заработной платы производить 2 раза в месяц—именно: 1-го и 15-го каждого месяца в русских знаках по среднему курсу золотого рубля, фиксируемому фондовой биржей.

10-го сентября Палата Труда через Ведомство Труда препроводила в Сов. Упр. Ведомствами свое постановление об ис-

числении прожиточного минимума на сентябрь в сумме—6.316 руб. 36 коп., или округленно в 6.300 руб.

Палата Труда отмечала, что в связи с резкими колебаниями ценности дензнака и непрерывным ростом цен на продукты первой необходимости, заработная плата, исчисленная в начале месяца по прожиточному минимуму,—к моменту выплаты ее (т.-е. к концу месяца) теряет свою реальную ценность от 50 до 75%. Пример: заработная плата за август месяц, исчисленная по прожиточному минимуму в 1800 руб. в день фактической выплаты содержания, т.-е. к 1—8-му сентября составила 28,5 своей реальной ценности.

14-го сентября Совет Управл. Ведомств., обсудив предложение Ведомства Труда, не нашел возможным полностью удовлетворить его и согласившись перейти на исчисление содержания в золотом рубле, установил минимум в 20 руб.

В соответствии с этим постановлением Исполнительное Бюро Областной Палаты Труда установило минимум для Владивостока в 20 руб. зол., для области—18 руб. зол. и максимум в 120 руб. зол. для Владивостока и в 102 руб. 06 к. для области. При чем Палата Труда об'явила, что уплата заработка должна быть произведена денежными знаками образца 1918 г. (т.-е. буферками) и что перевод исчисленной в зол. рубле заработной платы должен быть произведен по курсу, установленному Владивостокской Фондовой Биржей *в день фактической выдачи жалования*, а в правительственных учреждениях —в день составления ассигновки.

На заседании Совета Управл. Ведомств. 1-го октября было вынесено следующее постановление: а) прожиточный минимум на сентябрь месяц, исчисленный Палатой Труда по рыночным ценам на 7-е сентября в сумме—6.300 руб. и переведенный—по курсу 175—в 36 золотых, является нормальным прожиточным минимумом, отвечающим общему состоянию цен на рынке и могущим быть принятым за основу для установления заработной платы вообще.

Того же 1-го октября состоялось постановление Совета Управляющих об увеличении сентябрьского прожиточного минимума для Владивостока на 5 руб. и максимума на 30 руб. зол.; для области на 10% менее.

8-го октября в предвидении эмиссии серебр. монеты, Совет Управл. разрешил произвести доплату за сентябрь,—в случае, если она будет произведена после 20-го,—мелким серебром по курсу фондовой биржи.

Через несколько дней Совет Управл. Ведомств. утвердил прожиточный минимум в размере 47 р. 10 к. золотом, при чем максимум определялся в шестикратном размере. Само собой,—выплата жалования за ноябрь была произведена исключительно

мелким серебром, закон о выпуске коего в обращение был распубликован 19-го октября.

Необходимо отметить, что указанный выше минимум распространялся лишь на частные предприятия, для служащих же и рабочих правительственных учреждений минимум был определен лишь в 32 руб.

В средних числах ноября был установлен новый минимум на ноябрь в сумме 46 руб. 60 к. для Владивостока и 41 руб. 94 коп. для области и максимум—279 руб. 60 к. для города и 251 руб. 64 к.—для области.

Минимум этот был об'явлен обязательным лишь для частных контор и предприятий, тарифные же ставки для служащих и рабочих правительственных и казенных учреждений определены были в размере: минимум—36 руб., максимум —216 руб. и для области: 32 руб. 40 коп. и 194 р. 40 к.

На декабрь был установлен минимум в ноябрском размере.

Для того, чтобы исчерпать вопрос о прожиточном минимуме в период бурного денежными реформами 1920 г., мы дадим сводку устанавливавшихся минимумов в исчислении их на золотой рубль, применительно к курсу на него фактически выдававшихся денежных знаков.

Не следует упускать из вида, что этой справкой отнюдь не исчерпывается вопрос о реальной заработной плате, для суждения о которой надлежит сопоставить прожиточный минимум с кривой цен на предметы питания, жилище и на др. статьи бюджета трудящихся.

Приведенные нами ниже сведения о прожиточном минимуме правительственных служащих в золотом рубле не претендуют на точность, так как за основу исчисления мы брали курс дензнаков средний за месяц. Фактически же оплата содержания происходила после 20-го числа, что,—при неуклонной тенденции на понижение дензнаков, — давало служащему реальные золотые рубли по курсу много худшему, нежели средний месячный.

Таблица

минимальных окладов за период 1920 года.

Январь сибзнаками	4500 р., что при курсе	130 руб. равнялось	34 р. 61 к. зол.
Февраль	6530 „	106.75	61 р. 17 к. зол.
Март	6530 „	159 —	41 р. 06 к. зол.
Апрель	9800 „	352.40	27 р. 80 к. зол.
Май	15000 „	727.50	20 р. 60 к. зол.

Июнь новыми кредитн. знак.	300 р.	что при курсе	19,12 р. равнялось	15 р. 68 к. зол.
Июль „	600 „		36,70	16 р. 34 к. зол.
Август	1800 „ „	„	84,22	21 р. 37 к. зол.
Сентябрь золотом	25 р.	(выд. мелк. сер.) что		25 р. — к. зол.
Октябрь	32 р.			32 р. — к. зол.
Ноябрь	36 р.			36 р. — к. зол.
Декабрь „	36 р.	„ „ „ „	„	36 р. — к. зол.

В 1921 году финансовый кризис Приморья заставлял пойти на урезывание даже прежнего минимума. Кроме того, с об'единением Д.В.Р., явилась необходимость согласовать ставки в общегосударственном масштабе, а это для Приморья означало сокращение окладов, так как служащие Забайкалья и Амура жили значительно скромнее.

Приморское Областное Управление на январь ввело формальный прожиточный минимум в сумме 39 руб. зол., а для правительственных служащих и рабочих в сумме 20 руб. зол.[1])

Эти же ставки в 39 руб. и в 20 руб. зол. были опубликованы и на февраль, согласно постановления о том за № 22 от 11 февраля — Совета Управляющих Отделами Прим. Обл. Управления.[2])

После событий 26/V 21 г. прожиточный минимум, хотя и претерпевал ряд изменений, но, по существу, все равно оставался фиктивной отвлеченностью, так как за период власти Пр-ва Меркулова служащие и рабочие не получали жалование в течение многих месяцев, а тогда, когда им производились выдачи,—им приходилось за бесценок реализовать ассигновки на Казначейство.

После об'единения—в конце 1922 г.—Приморья с остальными областями Д.В.Р., прожиточный минимум был выравнен в обще-дальне-восточном масштабе, хотя и с некоторыми коррективами для Приморья.

Так на январь 1923 г. Отделом Труда Приморского Губревкома нормальный прожиточный минимум установлен был в 18 руб. 58 к. золотом, что, в общем, соответствовало прежним ставкам до-меркуловского периода.

Цены на товаро-продукты за 1912-1919 г. г.

Для полноты характеристики денежного рынка за последнее десятилетие, мы приведем справочные цены по Владивостоку на некоторые из главнейших товаро-продуктов:

---

1) «Вестник Приморской Области» № 2, от 20 января 1921 г. г. Владивосток.

2) Тоже № 5, от 26 февраля 1921 г.

Таблица

справочных цен по Владивостоку.[1])

1 фунт.	1912 г.	1913г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
1. Мяса	0.15	0.17	0.17	0.18	0.23	0.60	1.00
2. Рыбы свежей	0.05	0.15	0.06	0.14	0.21	0.30	0.30
3. Масла растит.	0.22	0.45	0.25	0.32	0.52	1.65	2.00
4 „ коров.	0.43	0.40	0.45	0.55	1.22	4.90	6.00
5. Картофеля. .	0.01,5	0.01,5	0.02	0.02	0.03	0.04	0.10
6. Крупы гречн.	0.05	0.04	0.04	0.06	0.09	0.20	0.30
7. Муки ржаной	0.04	0.04	0.05	0.05	0.06	0.08	0.26
8. „ крупчат.	0.07	0.07	0.09	0.09	0.10	0.15	0.60
9. Сахара	0.15	0.16	0.17	0.21	0.31	0.35	1.42
10. Соли	0.02	0.02	0.02	0.03	0.04	0.20	0.25
11. Чая. . . .	2.00	2.00	2.00	2.00	2.00	2.40	6.00
12. Яиц 10 шт.	0.21	0.20	0.20	0.20	0.38	0.70	1.60
Итого по 12-ти товаро-продукт.	3.40,5	3.71,5	3.52	3.85	5.19	11.57	19.83

Как видим, увеличение стоимости продуктов массового потребления за 7 лет достигло 580%. Процент этот не тождественен с % понижения покупательной силы русских дензнаков, но, конечно, между обоими этими соотношениями существовала громадная взаимозависимость.

Особенно ясно сказывается это на изменении цен на некоторые из тех же продуктов за 1919 г.

Справочные цены за 1919 г.

1 фунт.	Январь-Март.	Апрель.	Июнь.	Июль.	Август.	Октябрь.
1. Мяса	1.60	3.50	5.50	6.00	10.00	11.50
2. Масла коров.	7.00	7.00	7.50	12.00	18.00	40.00
3. Муки ржаной	0.35	0.40	0.40	0.70	1.00	—
4. „ крупчат.	0.60	0.70	0.84	1.00	2.00	—
5. Сахара	3.20	3.20	3.20	3.20	5.00	5.00
6. Соли	0.33	—	—	0.80	2.50	2.00
7. Чая .	14.00	—	—	16.00	18.00	24.00

За эти же 10 месяцев 1919 г.—курс «очередных» основных знаков—сибирских понизился с 5,18 руб. за иену до 72,92 руб., т. е. на 1470%—почти в 15 раз. Падение покупательной силы денег обогнало рост цен на продукты массового потребления. Повторилось явление, отмеченное уже по отношению к ассигнатам Французской Революции.

[1]) По справкам Владивостокской Городской Управы.

Справочные цены за последующие месяца 1919 г. и за начало 1920 г.. мы не приводим, так как изменение их, в общем, соответствовало дальнейшему понижению и колебанию стоимости рубля, следуя за этими колебаниями.

Приморские выпуски почтовых марок 1920-1923 г.г. На заседании Народного Собрания 26 сентября 1920 года был рассмотрен законопроект о наложении на марки прежних образцов грифов. Мотивировалась необходимость такового тем обстоятельством, что до девальвации «сибирских» многие лица «скупали на них почтовые марки и в настоящее время спекулируют на них, продолжая продавать их на новые денежные знаки. Необходимо отличительным грифом аннулировать почтовые марки прежней покупки».

В результате был принят следующий закон: «ст. 1. Из'ять из обращения во внутренних почтовых сношениях знаки почтовой оплаты существующих образцов всех достоинств. Ст. 2. Временно допустить оплату почтовых отправлений во внутренних почтовых сношениях гербовыми марками с наложением грифа «почта». Ст. 3. Оплату почтовых отправлений во внешних почтовых сношениях производить почтовыми марками общероссийского образца с грифом «Д. В. Р.». Ст 4. Предоставить Управляющему Внутр. Делами по соглашению с Управляющим Гос. Финансов определять сроки из'ятия почтовых марок прежнего образца и введение знаков почтовой оплаты, предусмотренной ст.ст. 2 и 3 настоящего закона».

3-го сентября согласно закона, утвержденного Народным Собранием и Вр. Правительством, почтовые марки общероссийского образца были из'яты из обращения и заменены такими же марками с грифом «Д. В. Р.»; общее количество почтовых и сберегательных марок с этим грифом превысило 1 милл. шт. 27-ми видов, некоторые из них выпущены в количестве всего лишь 150—500 экземпляров.

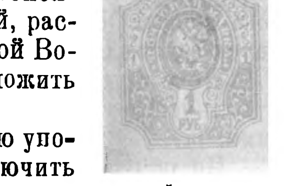

По исчерпании к 1921 г. запасов загрифованных и заготовленных почтовых марок, пр-во постановило пополнить его.

Приморским Областным Управлением 25-го января 1921 г. было издано следующее распоряжение за № 19 «о пополнении запаса знаков почтовой оплаты»: «В виду истощения запасов знаков почтовой оплаты общероссийского образца мелкого достоинства и вызывающейся потребности в таковых, постановляю: 1) Пополнить запас знаков почтовой оплаты достоинством в 2, 4, 5 и 10, путем изготовления таковых в Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг, во Владивостоке,

в количестве по мере действительной потребности, устанавливаемой Заведывающим Почтово-Телеграфным Отделом.

2) В исполнение закона от 12-го октября 1920 года наложить на тех же марках, одновременно с изготовлением их, гриф Дальневосточная Республика.

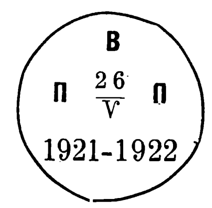
3) на потребное количество марок пополняемого запаса, потребных для учреждений, расположенных в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги и Китае, наложить общепринятый гриф «Китай».

Расход по изготовлению и грифованию упомянутых выше знаков почтовой оплаты включить в смету на текущий год по почтово-телеграфному ведомству».[1]) Марок с этим титулом — «Дальне-Восточная Республика» было выпущено 3 милл. шт.

Выпущенные Вр. Правительством Дальнего Востока — Областной Земской Управой и позже Приморским Областным Управлением почтовые марки с надписью «Дальне-Восточная Республика» продолжали иметь силу и после 26-го мая 1921 г.—дня захвата власти в крае—Приамурским (Меркуловским) Вр. Правительством. Одновременно с декларированием о непризнании Дальне-Восточной Республики и одновременно с ведением с нею военных действий — «Временное Приамурское Правительство» за период более года своего существования продолжало продажу почтовых марок с титулом «Д.В.Р.».

В годовщину своего функционирования — 26 мая 1921 г. Приамурское Временное Пр-во выпустило почтовые марки Дальне-Восточной Республики с юбилейной надпечаткой в овальном круге.

С этой надпечаткой было выпущено всего 7670 шт. марок, в том числе: 1820 шт. по 2 коп., 1850 шт. по 5 к. и по 2000 шт.—в 4 и 10 коп.[2]) Эти марки выпускались в обращение в течение всего лишь четырех дней, они совершенно почти незамеченными исчезли с рынка и почта продолжала оперировать прежними марками Д.В.Р. без всякой надпечатки.

Лишь при воеводе Приамурского Земского Края—ген. Дитерихсе, в октябре 1922 г., на девееровских почтовых марках была сделана поперечная надпечатка: «Приамурский Земский

---

[1]) «Вестник Приморской Области» № 5 от 26-го февраля 1921 года. г. Владивосток.

[2]) Марки эти зарегистрированы за № № 29—32 по каталогу Senf'а и за № № 32—35 по II-му дополнению к каталогу 1922 г. Ивера.

См. также журнал «Русский Коллекционер» № 2, 1922 г., г. Новочеркасск.

Край» и указано достоинство марки. Марки без таковой пометки были об'явлены недействительными. Этой надпечаткой были снабжены как почтовые марки с зубцами и без зубцов прежних обще-российских выпусков и выпуска «Дальне-Восточной Республики», так и марки выпуска пр-ва адм. Колчака, ранее уже огрифованные штампом «ДВР» и без таковового грифа. Общее количество огрифованных пр-вом Дитерихса марок составляет—98.150 шт.

Некоторые из этих марок были выпущены всего в количестве до 200 шт. и считаются весьма редкими.[1])

По об'единению Приморья с ДВР, — в память состоявшегося присоединения, совпавшего с пятилетием Октябрьской Революции, распоряжением Губревкома, во Владивостоке было выпущено 40.000 шт. прежних марок ДВР, в 2, 4, 5 и 10 коп с надпечаткой: 1917 7-XI 1922 В дальнейшем же почта продолжала пользоваться теми же марками что и прежде, лишь в 1923 г. из Читы появились марки с надпечаткой достоинства в копейках «золотом», а позднее—общесоветские: РСФСР и СССР.

Невыпущенные «боны Центросоюза». В перечне денежных суррогатов, появившихся или предположенных к выпуску в период 1920 г., необходимо упомянуть заготовленные в Японии Центросоюзом свои боны достоинством в 25, 50, 100 и 500 руб. за подписями Чл. Правления Центросоюза—В. Вахмистрова, Заведывающего Финансовой Частью Сибирской Конторы Центросоюза—В. Виноградова и Главного Бухгалтера—Іерусалимского.

Невыпущенный бон Центросоюза.
(Оборотная сторона. Натур. велич. 178 х 109 мм.)

[1]) См. ст. М. Н. Артамонова. Журнал «Крымский Коллекционер» № 1. 1923 г. г. Севастополь.

Боны заготовлялись в большом количестве на сумму более 10 милл. руб. Печатание их обошлось около 25.000 иен.

Выпуск был задуман чрезвычайно широко. Предполагалося боны эти одновременно выпустить в обращение по всей Сибири от Урала до Приморья. Выпуск их был согласован с Омским Министерством Финансов и сумма выпуска должна была быть обеспечена соответствующим залогом.

Невыпущенный бон Центросоюза.

(*Лицевая сторона. Натур. велич. 178 х 109 мм.*).

Предполагаемая обязательность приема бон кассами не только Центросоюза, но и кассами кооперативов I-й и II-й степеней,—фактически унифицировала бы все прежние, многообразные боны, авансовые карточки, расписки и т. п., выпущенные на протяжении предшествовавших 4—5 лет многими из кооперативов Сибири и Дальнего Востока, и тем самым ввела бы боны Центросоюза в гущу денежного рынка.

Если бы это случилось, надо полагать, современникам представилась бы возможность наблюдать два параллельно-обращающихся и конкурирующих денежных знака: правительственный— сибирские обязательства Омск. Пр-ва и центросоюзный—их боны образца 1920 года.

Омская катастрофа и последующие события приостановили осуществление этого проекта Центросоюза, и его боны по получении их во Владивостоке, так и остались не востребованными из Таможни.

Мы считаем нужным привести здесь эти краткие сведения о невыпущенных еще бонах, т. к. многие предполагают, что они были выпущены в обращение и, не успев распространиться по Сибири, якобы имели фактически хождение на территории Приморья.

На самом деле это было не так.

Апокрифические «Владивостокские деньги ген. Хорвата»

Как пример малой осведомительности о дензнаках Д. Востока, приведем выдержку из одного каталога, изданного в России за годы Революции.

Еще в январе 1918 г.—сообщает автор этой монографии,— ген. Хорват в Харбине облек себя диктаторской властью. «По переезде в свою ставку на ст. Градаково, Хорват об'явил себя —«Верховным правителем всей России». Атаманом его войск, состоявших, главным образом, из хунхузов, был Калмыков.

Ген. Хорват отпечатал свои деньги во Владивостоке — 5, 10, 30 коп. и 1 руб., а остальные были получены из Америки, приготовленные еще по заказу Керенского, но полученные уже после падения его власти: 50 к., *3, 5, 10* р., 25 р., 100 р... Все кроме 5, 10 и 30 коп. за подписями *М. Иванова* и *И. Кавлаука*».[1])

Эпоха после 26 мая 1921 года.

Возвратимся, однако, к обзору событий, отразившихся на ден. рынке Приморья за последние годы.

События эти шли своим чередом, быстро сменяясь и вызывая соответствующие изменения в экономике края.

26 мая 1921 года Приморское Областное Управление, входившее в систему Дальне-Восточной Республики, было ниспровергнуто и власть в Приморье перешла к Временному Приамурскому Правительству, возглавлявшемуся С. Меркуловым.

Финансовая политика за этот период зиждилась на трех китах:

1) на распродаже грузов и пр. обще-государственных ценностей,
2) на усилении налогового пресса, еще прошлой властью переведенного на «золотое» исчисление, и на усиление эксплоатации естественных богатств края, сдачей их в концессию,
3) на неплатеже жалованья своим служащим и рабочим.

Кроме того, конечно, были попытки и получение сумм от фактического хозяина края — японского командования, но во-первых, — он проявлял достаточную скупость, а во-вторых, — эти суммы всегда имели «специальное назначение».

В отношении ликвидации грузов предпринимались героические меры и грузы, как казенные, так и хранившиеся на таможне, составили основу финансовой политики.

Общая обстановка, в которой протекали действия власти

---

[1]) См. А. М. Браиловский — «Монография-каталог ден. знаков Русской Революции» стр. 14. г. Тифлис. 1922 г.

при благоприятствовании со стороны японцев, позволяли ей не только предполагать, как делала это предшествовавшая власть, но и фактически осуществлять ликвидацию.

Денежные поступления акциза, налогов, пошлин ввозных и вывозных также выражались в значительных суммах.

Правда, поступления налогов имели место лишь по г. Владивостоку и отчасти Никольск-Уссурийску, но центр тяжести доходной статьи был перенесен на акциз и *вывозную* пошлину. В отмену постановлений прежней власти, новая предоставила почти полную свободу вывоза, так как вся политика ее была направлена не к урегулированию хозяйственной жизни края, а к получению доходов с чего бы то ни было и в каких бы то ни было суммах. В этих целях в срочном порядке с первых же месяцев своего существования новая власть приступила к сдаче в аренду иностранцам (т. е. фактически японцам) на концессионных началах земельных и лесных участков, вне зависимости от места их расположения.

Это повело к фактическому захвату японцами береговой полосы, доступ куда им ранее был совершенно закрыт.

Наконец, совершенно оригинальной мерой на пути укрепления финансов явилось разрешение макосеяния, обложение особым налогом посевной десятины мака и установление *монополии на опиум*: его производство, торговлю им и его вывоз. Выдавались особые разрешения на право содержать опиекурильни и был введен особый институт — инспекции по делам опиума.

Несмотря на протесты Китая, нововведение продолжалось и давало Временному Приамурскому Правительству, как видно, руководствовавшемуся изречением «деньги не пахнут», постоянный источник дохода.

Но самым значительным «доходом» казны явилась, пожалуй, недовыплата содержания своим служащим. Недовыплата носила не случайный, а регулярный, систематичный характер, общая политическая обстановка и общая коммерческая депрессия не давали выхода настроению служащих и рабочих, а Правительство, пользуясь этим, позволяло себе то, что не могло позволить ни одно из предшествовавших правительств.

Денежный оборот в крае сократился до минимума—внегородское население через кооперативы и частных торговцев перешло на товарообменный способ торгового общения, почти совсем обходясь без денежного знака; городское же население перешло или на пользование иеной или сохранившемся в обороте остаткам биллонного серебра и появившегося в Приморье в довольно большом количестве банкового серебра—российской монеты в 1 р. и в 50 коп.

Спрос на эту монету был настолько значителен, что на протяжени всего 1922 года она котировалась во Владивостоке не ниже 1 иены 03 сен за рубль, в то время, как в Харбине стоимость 1 р. банковым серебром, не превышала 1 иены 1 сены, а бюллетени биржи в Харбине не отмечали курс дороже 99 сен или 1 иены за 1 рубль.

С января 1922 года Владивостокское Казначейство, за отсутствием средств, почти полностью отказывает в оплате казенных ассигновок. В связи с этим на последние устанавливается отрицательный лаж — они начинают котироваться на рынке с уценкой, доходившей—как правило, до 25—30%.

Закон о выпуске краткосрочных беспроцентных обязательств Гос. Казначейства.

Полное отсутствие средств, а также отсутствие денежных знаков, повели к тому, что Вр. Приамурское Правительство решило произвести эмиссию бумажных денежных знаков.

Соответствующее задание было дано Министерств Финансов, которое к концу июня 1922 года выработало свой проект выпуска обязательств на сумму 50.000 руб.

В конце июня правительство одобрило выработанный проект, но «осуществление его,—как услужливо сообщило «Япта» — было задержано смутой и вызванным в связи с ней финансовым ухудшением края»[1])

Через непродолжительное время—8-го июля, несмотря на продолжавшуюся «смуту и финансовое ухудшение края» Вр. Приамурское Правительство все же издало Указ по Управлению финансово-экономическим ведомством за № 165 «*о выпуске краткосрочных беспроцентных обязательств Государственного Казначейства* на общую сумму *3.600.000* золотых рублей, на следующих основаниях:

1) Выпуск обязательств производится за счет Государственного Казначейства и вносится в долговую книгу Временного Приамурского Правительства под наименованием «Обязательства Приамурского Правительства с ежемесячными тиражами погашения»

2) Обязательства выпускаются в золотом рубле на пред'явителя и имеют хождение наравне с другими денежными знаками.

3) Обязательства выпускаются достоинствами в 1, 3, 5, 10, 25, 50 и 100 руб. на сумму 3.600.000 золотых рублей, разделенными на 24 серии.

4) Обязательства полностью погашаются в течение 2-х лет со дня выпуска таковых.

5) Тиражи подлежащих погашению обязательств, а также оплата вышедших в тираж билетов, производится Владивостокскою Конторою Государственного Банка ежемесячно 1-го числа, начиная с сентября месяца сего 1922 года. В случае на день тиража приходится праздник, то тираж переносится на ближайший присутственный день.

6) Ежемесячно погашается одна серия всех достоинств равная $^1/_{24}$ части общей суммы выпущенных обязательств.

7) Выпускаемые обязательства принимаются по номинальной их стоимости:

1) в залог по казенным подрядам и поставкам,

2) в уплату казенных налогов и сборов городских и земских повинностей, а также недоимок по ним,

3) в уплату таможенных пошлин и акцизных сборов в размере не превышающем 75 процентов следуемых платежей.

---

[1]) «Япта», Владивосток, 1 июля 22 г. См. газ. «Русский Голос» № 575 от 4 июля 22 г.

8) Платежи этими обязательствами производятся только в следующих случаях:

При расчетах со служащими и рабочими за их труд по условиям, заключенным не ранее 15 дней по опубликовании указа о выпуске означенных обязательств.

9) Срок и порядок выпуска обязательств и форма таковых, а равно выработка инструкции предоставляется Управляющему Финансово-Экономическим Ведомством».[1])

Указу этому не суждено было осуществиться: 8-го августа Вр. Приамурское Правительство, до этого полуниспроверженное уже в течение почти месяца, — уступило свою власть Верховному Правителю Земского Приамурского Края — Воеводе Земской Рати—Ген. Дитерихсу.

Последнему Управляющим Финансово-Промышленным Ведомством был представлен доклад о необходимости отмены Указа № 165.

«Предполагаемым к выпуску, согласно упомянутого закона, обязательствам,—читаем мы в этом докладе,—присвоены функции денежных знаков, что знаменует собой возрождение бумажно-денежного обращения, которое влечет за собою глубоко-отрицательные, но, однако, неизбежные при бумажно-денежном обращении последствия,—в виде—неустойчивого курса этих денег и быстрого затем их обесценения.

Выпуск этих обязательств грозит совершенно разрушить с большими трудностями достигнутое ныне бюджетное равновесие, при исчислении коего за основание принималась твердая денежная единица— золотой рубль, так как учетный процент обязательств явится той брешью в земском краевом бюджете, заполнить каковую не предвидится возможным.

Выпускаемые обязательства имеют: во-первых—*ограниченный круг хождения*, и во-вторых—будучи обязательны к приему лишь служащими, рабочими и воинскими чинами по номинальной цене, независимо от рыночной стоимости их на денежном рынке, имеют в отношении к последней группе лиц, т.-е. служилого класса—*принудительный курс*.

Указанная ограниченность хождения этих денег будет способствовать неуклонному падению их курса. В то же время едва ли возможно сомневаться, что среди поставщиков не найдутся желающие заключать договора с казной на условиях обязательного расчета с ними новыми деньгами и, таким образом, все отрицательные стороны этих денежных знаков вынуждены будут нести на себе лишь служилый, военный и гражданский классы, при чем сообщение принудительного курса выпускаемым обязательствам лишь в отношении к последней указанной группе лиц—должно рассматривать не иначе, как намеренное принудительное отчуждение казной части заработка у своих служащих.

Дальнейшим следствием выпуска в обращение обязательств явится: а) сокращение до крайности наличных поступлений в казну и значительное возрастание в то же время задолженности Казначейства (до десяти миллионов рублей), каковой долг для экономически оскудевшего края является почти непосильным, б) крайние затруднения для местной торговли, так или иначе рассчитанной на обслуживание нужд служилого класса и обречение последнего на полуголодное существование.

В виду высказанных соображений и признавая, что настоящий, крайне ответственный момент реконструкции власти является совершенно не подходящим для выпуска каких бы то ни было денежных знаков, а тем более таких, обесценение коих в самый краткий срок является неизбежным, а равно считаясь с тем, что выпуск обязательств нисколько не облегчит Государственное Казначейство, а создаст лишь весьма значительное возбуждение и недовольство в широких кругах населения и, главным образом, среди служилого класса, я полагал бы с своей стороны необходимым прекратить печатание упомянутых обязательств и нарушить договор с контрагентом Горевым, принявшим на себя работу по их изготовлению».

Доклад Управляющего Финансово-Промышленным Ведомством в августе 1922 г. был одобрен Верховным Правителем,—предполагавшаяся эмиссия была признана несвоевременной и приостановлена осуществлением, хотя, формально, приведенный выше указ отменен не был.

Разменные знаки Земского Приамурского Края.

Денежное обращение, зиждившееся фактически на японском денежном знаке формальной основной единицей имело золотой рубль. Недостаток золотой монеты и банковского и биллонного серебра узаконял хождение банкнот

[1]) Газ. «Русский Край» № 354, г. Владивосток, 11 июля 1922 г.

японских банков. Но для удобства рассчетов ощущалась настоятельная нужда в мелких разменных знаках.

Приостановив выпуск краткосрочных обязательств, пр-во ген. Дитерихса в августе же решило все же произвести выпуск разменных знаков.

Сумма выпуска определена была в 50.000 зол. рублей. Особого закона о выпуске издавать не предполагалось и последний должен был быть произведен в порядке ранее предоставленного Госбанку эмиссионного права.

Невыпущенные разменные знаки Земск. Приам. Края. г. Владивосток 1923 г.
(Лицевая сторона). В натур. величину. (Оборотная сторона).

Выпускавшиеся разменные знаки обеспечивались особым золотым фондом и подлежали обмену на золото или серебро (по курсу дня), по представлению их на сумму один или пять рублей.

Напомним, что курс золотого рубля в сентябре 1922 г. был установлен равным—1 руб. банк. серебром или 1,13 иены.

Предполагалось выпустить разменные знаки купюрами в 1, 5 и 10 копеек золотом.

В первую очередь приступлено было к печатанию купюр в 1 и 5 коп. золотом.

(В натур. величину).

На лицевой стороне этих знаков было указано достоинство их—одна или пять копеек *золотом* и было напечатано—«разменивается незамедлительно в кассах Госбанка и Казначейства на звонкую монету». На обороте был изображен государственный герб — орел прежнего императорского образца и три начальные буквы—наименования государства—«З. П. К.»

«Земский Приамурский Край». Цвет знаков: достоинством в пять коп. зол. — голубовато-серый с синим гербом и достоинством в 1 коп. зол.—светло-желтый также с синим гербом.

Октябрьские события 1921 года не позволили осуществить выпуск заготовляемых знаков и они в обращении совершенно не были.

Предполагавшийся выпуск их не являлся, конечно, разрешением финансовой проблемы.

Положение края было чрезвычайно тяжелым. Изолированное от всей остальной территории русского Дальнего Востока, Приморье переживало хозяйственный кризис, а непомерные и все увеличивающиеся расходы на армию вели край к неминуемой катастрофе.

Сам Верховный Правитель в своей речи, произнесенной 15-го сентября 22 г. на открытии в Никольск-Уссурийске национального несоциалистического с'езда дал следующую характеристику хозяйственного положения края:

«Финансово-экономическое положение тяжело. Доходность составляет только лишь 300—330 тысяч в месяц.

Никаких предприятий и вообще финансовых комбинаций вести нельзя, так как нужна помощь, а от нее все отринулись.

Продажа государственных имуществ, как например—грузов,—делалась лишь из-за заботы о завтрашнем дне».[1])

Об'единение русского Дальнего Востока. Власть воеводы существовала менее трех месяцев. 25 октября 1922 г. войска Д. В. Р., войдя во Владивосток, завершили об'единение Русского Дальнего Востока. Эта дата явилась начальной для выравнивания в обще-дальневосточном масштабе всех мероприятий и в области денежного обращения.

С этого дня установленная в Д. В. Р. денежная система и существующее денежное обращение распространили свое влияние и на аванпост русского Востока—Приморье.

Но выравнивание по обще-девееровской экономике длилось не долго: через две недели после занятия Приморья—постановлением Народного Собрания Д. В. Р., последняя была упразднена и вся территория русского Д. Востока вошла в систему Р. С. Ф. С. Р.

Этот момент предопределял и дальнейшее направление финансовых мероприятий.

Существо главнейших из них мы имеем изложить в заключительной главе книги, давая общую характеристику денежного бытия Дальне-Восточной окраины за период, последовавший вслед за присоединением ее к Р. С. Ф. С. Р.

---

[1]) Газ. «Русский Голос» № 636 от 20-го сентября 1922 г. г. Харбин.

Конечно, пять лет пользования денежными суррогатами и более трех лет пользования, искустно введенной в денежный оборот, иеной—не могли не сказаться в хозяйственной жизни Приморья.

Эвакуировавшиеся на родину японские войска не увезли вместе с собой укрепившегося уже в крае значения японского денежного знака.

Прийдя в край вслед за штыками армии своей страны, иена пережила и, к сожалению, на довольно продолжительный период, пребывание экспедиционных войск на русской территории.

По утверждению одного из лиц, близко соприкасавшихся за последние годы с экономической жизнью Приморья,—последнее—«оторванное в течение нескольких лет от центра, находясь под прессом интервенции и экономически подчиненное соседним странам, естественным образом усвоило японскую иену, т. е. денежный знак, господствующий в окружающих и прилегающих районах. Японская иена или точнее—банкноты японского колониального банка—Чосен-Банка, в продолжении нескольких лет заполняли каналы денежного обращения, фактически вытеснив русскую монету и являясь основным орудием денежного оборота и обмена».[1])

Эвакуировать иену оказалось делом не совсем легким. И полностью изжить ее влияние не сразу окажется под силу российскому денежному знаку, хотя бы уже по одному тому, что за эти годы он потерял свою базу - командную высоту—рынок полосы отчуждения Кит. Вост. жел. дор. Кроме того, остаются в силе и прежние, сообщенные в начале главы, данные о бюджете Приморья,—возможность же былого подкрепления центром в значительной степени изсякла.

---

[1]) См. ст. А. Г. Майофиса «Первый год работ Дальбанка во Владивостоке». № 3—4 журнала «Экономическая Жизнь Приморья» г. Владивосток 1923 г.

ГЛАВА II.

Камчатская область.

(г. Петропавловск н/Камчатке).

Памятка событий. Калейдоскоп Приморских событий не оставался без отражения и на событиях Камчатки с ее населением в 35.000 человек. Здесь также, начиная с 1918 г. сменяется одна власть за другой, принося с собой своеобразие формы и методов управления.

Политические пертурбации начались на Камчатке с самого начала 1918 г.

Комиссар Вр. Всеросс. Пр-ва (Керенского)—гр. Емельянов был смещен автономистами, но вскоре же последние должны были уступить власть Областному Камчатскому Исполнительному Комитету Совета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов.

Силами Приморского (Владивостокского) Земства в июле 1918 г. свергается власть совета и назначается свой комиссар — К. И. Лавров. Одновременно происходит областной с'езд, избирающий Областной Комитет.

К концу 1918 г., автоматически, на Камчатскую область распространяется из Приморья власть Омского Пр-ва.

Комиссар (к тому времени гр. Добровольский) переименовывается в Управляющего Областью, во всем остальном сохраняется status quo.

В апреле 1919 г. происходит безрезультатное восстание солдат местной Камчатской Команды.

В дальнейшем—до января 1920 г. жизнь проходит без новых смен власти.

Но вот, на рубеже 1920 г. рушится власть адм. Колчака в Сибири. Камчатка, благодаря установленному радио, узнает об этом ранее, чем Приморье.

Полученное известие форсирует назревавший и здесь переворот. В ночь с 9-го на 10-ое января 1920 г. происходит новое восстание местного гарнизона, арестовываются офицеры и власть вручается Вр. Военно-Революционному Комитету Камчатской области.

Во Владивосток командируется М. П. Воловников в качестве Уполномоченного Камчатской области.

В августе 20 г. Владивостокское Пр-во назначает на Камчатку своего эмиссара; его пребывание длится более года, но роль его является чисто номинальной, фактическая власть с октября 1920 г. переходит к возглавляемому И. Е. Лариным,— «Камчатскому Областному Комитету», избранному областным с'ездом трудящихся.

Связь с Приморьем осуществляется избранием в августе 20 г. в Приморское Народное Собрание своих депутатов.

В ноябре в Чите, на конференции правительств декларируется об'единение областей в единую Д.-Восточную Республику.

В январе—феврале 1921 г. на Камчатке происходят выборы в Учредительное Собрание Д. В. Р.

Избранные депутаты из Читы по радио поддерживают связь с Камчаткой и от имени населения области в апреле 1921 г.— в день ратификации Учредительным Собранием договора ДВР., с РСФСР., оглашают декларацию о воссоединении Камчатской области с Совроссией.

Депутаты покидают Учредительное Собрание ДВР., Камч. обл. К-т входит в непосредственное подчинение РСФСР. и от имени последней осуществляет власть.

Но уже осенью 1921 г. Приморье, где в то время функционировало Пр-во Меркулова, снаряжает на Камчатку военную экспедицию.

В конце сентября Меркуловский десант занимает г. Петропавловск, вскоре отряд Бочкарева занимает Гижигу, а отряды ген. Пепеляева г. г. Охотск и Аян.

Камчатский Областной Комитет уходит в сопки и, имея местопребывание в с. Мальково, руководит партизанским движением в области.

Поздней осенью 1922 г. партизанам удается освободить Камчатку от военных отрядов и власть переходит к Ревкому, возглавляемому тем же И. Е. Лариным и командующим партизанскими отрядами—Богомоловым.

В ноябре высшая власть переходит к Читинскому Дальревкому и в последующем власть осуществляется в общем порядке управления территорией Д. Восточных областей.

Для полноты картины необходимо добавить, что на протяжении более, чем трех лет—с момента высадки во Владивостоке иностранных военных отрядов и по момент перехода власти на Камчатке к Ревкому в 1922 г.—Камчатку не покидали японские военные суда—летом флотилия миноносцев, а зимой остававшийся крейсер.

Десант высажен не был, но само присутствие, за все это время, судов, «охранявших японские интересы», фактически оказывало громадное влияние на исход происходивших событий и устанавливаемые мероприятия.

Об этом лучше всего говорит один из документов, относящийся к той эпохе: *меморандум Японского Генерального Консула во Владивостоке Приморскому Областному Управлению* от 19-го апреля 21 г.:

«В Японии для японских рыбопромышленников издано особое постановление, которым они должны руководствоваться для производства промысла на Камчатке: 1) Японское Пр-во опубликовало оповещение о разрешении русским и японским рыбопромышленникам занятия рыбным промыслом в текущем сезоне на Камчатке на прежних арендных договорных основаниях. 2) Японские рыбопромышленники обязуются вносить арендные платы в японское казначейство. 3) Невнесшие в срок платежей за аренду не будут выпускаться из Японии на Камчатку. 4) Японское пр-во гарантирует регулярность промысла. 5) На Камчатке будет военная морская охрана. 6) Проэктируется японский промысловый надзор, независимо от того — будет ли русский надзор или нет».

Особенно любопытен следующий пункт, отмечающий благосклонное отношение новых хозяев положения к прежним владельцам края.

«7) Постановлено не чинить препятствий русским рыбопромышленникам».

Общее положение в области.

Все мероприятия Приморья и, в частности, финансовые сказываются на Камчатке, с тою лишь разницею, что если смена власти в Приморье происходит ранее начала навигации на Камчатку, то последние действия ушедшей власти остаются пресеченными.

За период существования Омской власти денежное обращение на Камчатке мало чем разнилось от общесибирского. Разве что, еще острее чувствовалась недостача в денежных знаках, особенно мелких купюр.

Как и на всех далеких окраинах, население обходило недостачу денежных знаков, заменяя их продуктами местного промысла или предметами ввоза, как например, спиртом и др. товарами.

Камчатские промыслы в большинстве обслуживались пришлыми рабочими: на морских участках, в большинстве, арендуемых японцами, — японскими рабочими, а на русских промыслах—рабочими из Владивостока.

Население Камчатки не многочисленно и само производит лов рыбы, почти исключительно, в немногих речках и сдает таковую в свежем, неразделанном виде владельцам морских промыслов.

Расчеты с рабочими производились, обычно,—с русскими —во Владивостоке, с японцами—в Хакодате.

Это в значительной степени уменьшало спрос области на денежные знаки.

Сама торговля Камчатки всегда носила характер товарообмена в его наиболее примитивных формах, поэтому в процессе продолжающихся сношений с внешним рынком отсутствие денежных знаков, как орудия обмена, чувствовалось не столько местным населением, сколько служилым элементом—чиновниками и служащими правительства и разных учреждений, неимевших на что приобретать нужные им продукты и предметы личного потребления.

Камчатская эмиссия 20 г. — «Кредитные знаки Камч. Обл. Совета народного хозяйства».

После переворота — в январе 1920 г. настроение Вр. Ревкома быстро революционизировало и уже к концу января им были провозглашены советские лозунги.

Обязательное постановление № 2 Вр. Военно-Революционного Комитета определяет его отношение к частной собственности и фиску и мы приводим его, как представляющее определенный интерес.

Обязательное постановление предлагает: «произвести учет находящихся у охотников и коммерсантов предметов пушнины, морского промысла и оленеводства. Скупленное коммерсантами сырье должно быть обложено особым налогом, например: медведь белый—1000 рублей, соболь—700, лиса—200-400, песец —200, горностай—25, белка—15, волк—300, заяц—5, морж—300, китовый ус (за фунт)—10, моржовый клык (за фунт)—15 рублей и т. д.

Учет пушнины и обложение возлагается на комиссариат народной охраны г. Петропавловска, а на местах на уездные, волостные и сельские советы. Без уплаты налога пушнина и пр. к вывозу не разрешается. Чернобурые лисицы, голубые песцы, котики и морские бобры, находящиеся у коммерсантов, подлежат реквизиции по себестоимости, а у охотников-промышленников берутся на учет.

При неисполнении обнаруженное подлежит конфискации, а виновные в сокрытии этих предметов обложения и в уклонении от уплаты налогов подлежат преданию суду революционного трибунала».[1])

Кред. знак Камчатск. Обл. Совета Нар. Хоз. г. Петропавловск 1920 г.
(*Натур. велич. 108 х 65 мм.*)

Как и всякая смена власти —камчатский переворот вызвал

[1]) См «Известия Вр. Военно-Рев. К-та Камчатской Области» № 45, 1920 г. г. Петропавловск.

новые экстраординарные расходы и местная власть, поставленная перед полным отсутствием наличности в Камчатском (Петропавловском н/Камчатке) Казначействе, решила прибегнуть к эмиссии бумажных денежных знаков.

(Оборотн. сторона).
(*Натур. велич 122 х 75 мм.*)

Собравшийся 24 марта 1920 г. в г. Петропавловске Уездный с'езд Советов постановил выпустить в обращение на сумму 5½ миллионов рублей кредитных знаков достоинством в 100, 250, 500 и 1000 рублей.

Уездный с'езд Советов закончил свою работу избранием «Камчатского Областного Совета трудящихся» и установлением советского порядка управления.

Кред знак Камчатск. Обл. Совета Нар. Хоз.
г. Петропавловск. 1920 г.
(*Натур. велич. 172 х 91 мм.*)

Считая себя частью РСФСР, Совет трудящихся счел возможным на оборотной стороне своих кредитных знаков напечатать: «Российская Федеративная Советская Республика».

Выпущенные в апреле 1920 года кредитные знаки имели вышеуказанный вид.

Всего в апреле 1920 года местным Петропавловским Казначейством было выпущено кредитных знаков достоинством в 100, 250, 500 и 1000 рублей на сумму 3.486.100 руб.

Из'ятие из обращения выпущенных денежных знаков.

На конференции Д/Восточных областей в г. Чите в ноябре 1920 года участвовал делегат Камчатского Совета Трудящихся и Камчатка непосредственно, помимо Приморья, была включена в состав ДВР.

Изданные Правительством последней законы от 2/XI и 15/XI 1920 года[1]) в перечень знаков, имеющих хождение на территории ДВР, не включили кредитные знаки камчатского выпуска и тем самым знаки эти подлежали из'ятию из обращения.

При об'явленном обязательном представлении к обмену вы-

---

[1]) См. Сборник законов и постановлений по Министерству Финансов ДВР, выпуск I.

пущенных в апреле кредитных знаков, поступило их в кассу Казначейства на сумму 3.326.300 рублей.[1])

Следовательно осталось на руках у населения знаков, не пред'явленных к обмену, на 159 800 руб., т. е. всего лишь около 4,5% всей суммы Камчатской эмиссии.

Об'яснением столь высокому, нигде более не имевшему места, проценту пред'явленя к обмену является ограниченность территории хождения этих знаков и крайне узкий круг лиц, среди которых они обращались.

Приморская денежная реформа 5-го июня 1920 года на Камчатке.

В день издания во Владивостоке закона от 5-го июня 1920 г. о денежной реформе, для проведения ее на Камчатке, туда отплывает уполномоченный Камчатской области—М. П. Воловников.

Вр. Пр-во Д. Востока снабдило его денежными знаками нового выпуска на сумму свыше 10 миллионов руб.

Вследствие аварии и гибели парохода—«Капитан Беринг», уполномоченный и имевшаяся при нем сумма прибывают в Петропавловск лишь к концу июля.

Население ставится в известность о необходимости обмена, причем, помимо денежных знаков, указанных в законе от 5-го июня, населению было предложено пред'явить к обмену, на тех же основаниях, также романовские и керенские.

В г. Петропавловске обмен производился непосредственно Казначейством, по области же—особой, об'езжавшей район, комиссией.

Комиссии удалось посетить наиболее населенные пункты Петропавловского и Чукотского уездов до Гыжиги.

В самой Гыжиге и в Охотске, за наступлением зимнего времени, обмен произведен не был.

Результаты обмена выразились в сумме, не превышающей нескольких сотен миллионов руб. сибирскими.

С октября 1920 г. в денежном обороте Камчатской области номинально остались лишь кредитные билеты владивостокского выпуска 1920 г. Но фактически они в оборот не вошли, так как к этому времени все сделки по сбыту пушнины и приобретению товаров перешли уже на иены и американские доллара.

Приезжавшие торговые шхуны с американскими и японскими негоциантами привозили с собой валюту своей страны и внедряли ее в местный обиход.

Даже партизанским отрядам приходилось существовать на доллара и иены.

За отсутствием валюты население вновь перешло к примитивному товарообмену.

---

[1]) См. мою ст. в журн. «Тайфун» № 2 (5) 1923 г. г. Владивосток.

Подкрепления металлической монетой.

По настойчивому представлению камчатских депутатов, Владивостокское пр-во в октябре 1920 г. предполагало подкрепить Петропавловское казначейство, отправив ему 60.000 руб. мелким разменным серебром.

Кроме того предположена была отправка различных товаро-продуктов на несколько десятков тысяч золотых рублей.

Со сборами был упущен навигационный период.

В декабре 1920 г. читинское пр-во Д. В. Р. постановило выдать назначенному эмиссаром Камчатской области—Холодову 20.000 руб. исключительно в золотой монете.

Соглашаясь с необходимостью оказать содействие Камчатской области, Совет Управляющих Ведомствами Приморского пр-ва все же постановил отклонить распоряжение Мин. Финансов ДВР, не считая себя вправе вне законодательного порядка расходовать неприкосновенный, на основании закона 5-го июня 1920 г., золотой фонд.

Первое подкрепление Камчатской области серебряной монетой было осуществлено лишь в мае 1921 г.

Экспедиция, во главе с А. С. Якум, увезла туда на пароходе «Адм. Завойко» небольшое количество биллонного серебра.

Несколько позднее, по занятии Владивостока Пр-вом Меркулова, административным аппаратом Д. В. Р., в целях оказания помощи населению Камчатки, организована была в Шанхае особая экспедиция.

Был зафрахтован пароход под английским флагом—«Ральф Моллер», на котором в сентябре 1921 г. вновь были отправлены некоторые рессурсы.

Но пароход по пути на Камчатку — возле Мураран (Северная Япония) — подвергся обстрелу со стороны белых отрядов, занявших к тому времени Пертопавловск, после чего и вынужден был возвратиться обратно в Шанхай.

За отсутствием ден. знаков на Камчатке, еще с 1920 года были натурализированы налоги, сбор их производился почти исключительно продуктами рыбного промысла и охоты.

Но быстрая смена властей не давала возможности наладить и это мероприятие. Так, например,—назначенный в 1920 г. Камч. Област. К-том управлять Чукотским уездом, — гр. Бычков собрал налоги, но в это время Петропавловск оказался в руках др. власти.

Гр. Бычков реализовал собранный им налог пушниной на валюту, выручил 8.000 амер. долларов и увез эту сумму в Москву... через Америку.

Более, чем через три месяца налог был вручен по назначению.

Конец 1921-го и весь 1922 г. прошли для Камчатки под знаком военных действий; лишь с конца 1922 и начала 1923 г. г. понемногу жизнь стала входить в норму. Вновь установлена была связь с русским побережьем и обще-российские учреждения вновь приняли на себя заботу о населении Камчатки.

ГЛАВА III.

Сахалинская область.

(г.г. Николаевск на Амуре и Александровск на Сахалине).

Общие условия. Сахалинская область, соприкасающаяся с бассейнами: реки Амура, Амурского лимана, Охотского моря и Татарского пролива, находилась в условиях, аналогичных с Камчатской. Та же удаленность центра, та же возможность лишь сезонного общения с друг. населенными пунктами русской территории.

Война создала для области еще новые условия хозяйственного бытия, так как амурский и водный и железнодорожный транспорт были использованы для военных перевозок и усилили значение Николаевского порта.

В условиях быта между Камчатской и Сахалинской областями имелась существенная разница, непосредственно относящаяся к теме нашей работы—денежному обращению в крае.

В то время, как промыслами на Камчатке занимаются по преимуществу пришлые рабочие, лишь сезонно связанные с краем, работы в низовьях Амура обслуживаются, главным образом, туземным населением. Лишь 4-5 промыслов обслуживаются пришлыми рабочими, которые живут, не имея хозяйственной базы, и, завершив определенные обязанности (на рыбалках), заканчивают свои расчеты с краем и, уезжая, увозят и свой заработок.

Указанная особенность заставляла район Николаевска быть особенно чувствительным к перебоям в денежном обращении, сказавшимся на всей экономике края.

Наибольшей степени финансовое напряжение в промышленной жизни Сахалинской области обычно достигало к концу сезона—осенью. В этот период производятся расчеты с рабочими и с поставщиками. Производятся платежи приезжими купцами за закупленную рыбу и заготовка продуктов и товаров на долгую зиму. На этот период Отделение Государственного Банка в Николаевске на Амуре обычно сосредотачивало у себя значительные рессурсы.

Значительность денежных оборотов и кредитных операций подтверждается уже одним тем, что к концу 1919 г. в Николаевске на Амуре функционировало 7 кредитных учреждений, а именно: Отделение Государственного Казначейства, Городской Банк, Общество Взаимного Кредита и Отделения Банков: Государственного, Сибирского Торгового, Русско-Азиатского, Московского Народного.

Но, конечно, распределителем денежных знаков являлось Казначейство и Государственный Банк, и, при отсутствии кассовой наличности у них, кризис распространялся и на все остальные банки и вообще на весь район.

Первые затруднения в денежном обращении.

Уже в 1916 году недостаток денежных знаков мелких купюр внес замешательство в местную жизнь. Но замешательство это до некоторой степени было урегулировано с получением выпущенных правительством общероссийских «разменных казначейских знаков» и оставшихся неиспользованными почтовых марок нового образца и купонов от военных займов.

С наступлением 1917 года стал ощущаться недостаток в кредитных билетах. Центр подкреплял нерегулярно и незначительными суммами; деньги,—как указали мы, — в крае не залеживались, а и русскими рабочими и китайцами, по окончании сезона заготовки рыбы, увозились с собой.

Зимою 1917 года, оставшись с незначительными запасами наличности, разменная касса Николаевского н/Амуре Отделения Государственного Банка стала принимать различные меры к сокращению размена. Меры эти были чисто паллиативного характера: касса стала функционировать лишь с 10 до 12 час дня, в каждом отдельном случае была установлена определенная сумма размена, а впоследствии — разменом удовлетворялись лишь учреждения и предприятия.

Но притока средств не было, и все эти меры не могли изменить основного положения — постепенного исчезновения из края какого то бы ни было денежного знака.

В 1918 году, к моменту перехода власти к Областному Исполнительному Комитету Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, положение области еще более осложнились— общая неопределенность политического положения на Д. Востоке то и дело нарушала связь окраин с центром, а политическая черезполосица на протяжении всей территории Сибири лишала последней надежды на какую-то бы ни было помощь подкреплением из центра.

Предстоящий сезон ловли весенней рыбы вынуждал местную власть заранее озаботиться выпуском в обращение какого-

то знака обмена. Проникавшие в край областные ден. знаки Благовещенска (мухинки) и Хабаровска (краснощековки) местным населением принимались весьма неохотно. По наложению на них Николаевским н/Амуре Отделением Гос. Банка своей печати население стало брать их, но это не разрешало вопроса о недостатке ден. знаков в Сахалинской области.

Эмиссия Сахалинской области за 1918 год.

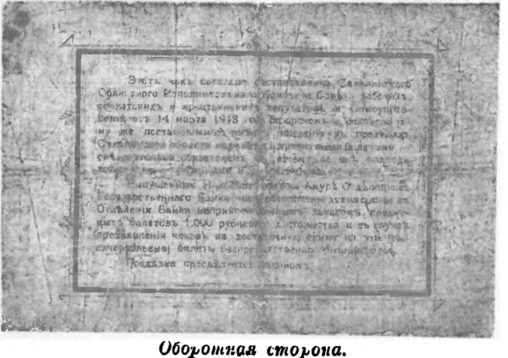
Чеки Николаевского н/Амуре Отделения Государственного Банка.

14-го марта 1918 года «Сахалинский Областной Исполнительный Комитет *Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и самоуправлений*» постановил выпустить в обращение, как денежные знаки, чеки местного—Николаевского н/Амуре отделения Государственного Банка, соответственно заштемпелевав их.

Чеки эти согласно того же постановления имели хождение в пределах Сахалинской области наравне с кредитными билетами, следовательно, были обязательны к приему во все платежи всеми лицами, фирмами и учреждениями, что и было напечатано на оборотной стороне выпущенных чеков: там же было указано, что «выпущенные Николаевским на Амуре Отделением Государственного Банка чеки обеспечены хранящимся в Отделении Банка неприкосновенным запасом кредитных билетов 1000-рублевого достоинства и в случае пред'явления чеков на достаточную сумму на эти (тысячерублевые) билеты беспрепятственно обмениваются. Подделка преследуется законом».

Лицевая сторона.
(*Натур. величина 157 x 99 мм.*).

Оборотная сторона.
Чеки Ник. н/Ам. отд. Госбанка. 1918 г.

Чеки были выпущены достоинством в 5, 25 и 100 руб. Каждый купюр был изготовлен на чеках разного цвета: пятирублевые на чеках простых текущих счетов,—серого цвета, двадцатипятирублевые на чеках специальных счетов, желтого цвета, и сторублевые на розоватых чеках условных текущих счетов.

На лицевой стороне была оттиснута печать Николаевского н/Амуре Отделения Государственного Банка, было цифрами и прописью обозначено достоинство чека (синей краской 5 руб., красной—25 руб. и зеленой—сто рублей) и были отпечатаны подписи управляющего, контролера и кассира.

(*Натур. величина 157 х 99 мм*).
Чек Ник. н/Ам. отд. Госбанка, 1918 г.

Общая сумма этой эмиссии достигла 2.000.000 рублей.

Благодаря имевшимся водяным знакам и особой формы, чеки эти почти гарантировали от подделки.

Население принимало их весьма охотно и впоследствии, когда в связи с видоизменениями политического характера денежная система подверглась ломке, спрос на чеки Отделения Государственного Банка возрос. Население предпочитало их и проникшим в край советским (Хабаровским и Благовещенским) и сибирским денежным знакам.

Первое время об'явленное обеспечение—тысячерублевые кредитные билеты—действительно имелось и хранилось в кассе Отделения, но потом по использованию эмиссии было выпущено из кассы и обеспечение—кредитные билеты.

Кредитные билеты Сахалинской области.

В связи с использованием бумажных денежных знаков и быстрым вздорожанием всех товаро-продуктов вскоре вновь стал ощущаться недостаток в денежных знаках.

Учитывая могущие произойти затруднения и недоразумения, а также возможность волнений среди рабочих при осенних работах и расчетах на рыбалках, Совет Народных Комиссаров Сахалинской области в июле того же 1918 года, т.-е. всего лишь через 4 месяца после первой эмисси, постановил выпустить в обращение «кредитные билеты Сахалинской области» 1000-рублевого достоинства, на сумму 1.000.000 рублей.

Выпуск этих билетов был возложен на Николаевское н/Амуре Отделение Государственного Банка.[1])

Кредитн. билет Сахалинск. обл. г. Никол. н/Ам. 1918 г.
(*Натур. величина 187 х 118 мм.*).

Кредитные билеты были изготовлены на актовой бумаге; на оборотной стороне был изображен двуглавый герб без короны и славянским шрифтом было обозначено достоинство— «тысяча рублей». На лицевой стороне чрезвычайно примитивно и неаккуратно было напечатано: «кредитный билет Сахалинской области. 1918 год. 1000 рублей». Кроме того обычным нумератором был поставлен № билета, были помещены те же под-

(*Оборотная сторона*).

писи управляющего, контролера и кассира, что было ранее и на чеках и было напечатано, что эти кредитные билеты «обя-

[1]) Рисунок был исполнен художником Белащенко.

зательны к обращению наравне с общегосударственными кредитными билетами и обеспечиваются всем достоянием Сахалинской области».

Каких либо печатей или указаний на учреждение, выпустившее эти билеты, и на место выпуска—не имелось, и лишь знакомые населению подписи служили доказательством выпуска этих билетов тем же Николаевским н/Амуре Отделением Государственного Банка.

Акцептованные чеки Николаевского н/Амуре О-ва Взаимного Кредита.

Вследствие отсутствия подкреплений извне быстро была исчерпана и эта эмиссия и край вновь был поставлен перед необходимостью собственными силами искать выход и вновь вынужден был итти по дороге местного деньготворчества.

За исчерпанием в самом Отделении Государственного Банка подходящего материала для печатания денежных знаков, признано было целесообразным использовать имеющиеся в большом количестве чековые книжки «Николаевского, Приморской области, Общества Взаимного Кредита».

Указанному Обществу в Отделении Государственного Банка был открыт особый текущий счет под обеспечение со стороны Общества Взаимного Кредита транспортными документами на рыбные продукты.

Чек Ник. н/Ам. О-ва Вз. Кредита.
(*Натур. велич. 158 х 108 мм.*).

На лицевой стороне чеков был впечатан № тек. счета и указание на местонахождение этого счета, в Николаевском н/Амуре Отделении Государственного Банка. Было забито штемпелем указание на то, что чек действителен в течение пяти дней, напечатаны были подписи Председателя—А. М. Люри и двух Членов Правления Общества Взаимного Кредита—Н. Н. Шильникова и Эльмень-Дубович и было указано достоинство чека—«сорок рублей»—черной краской, «сто рублей»—синей, «двести пятьдесят рублей»—зеленой и «пятьсот рублей»—красной.

На обороте чека имелась печать Николаевского н/Амуре Отделения Государственного Банка и за подписями его кон-

Чек Ник. н/Ам. О-ва Вз. Кред. 1918 г.
(*Оборотная сторона*).

тролера и бухгалтера имелся акцепт: «чек имеет хождение наравне с кредитными билетами и обеспечивается текущим счетом О-ва Взаимного Кредита № 42302 в Николаевском н/Амуре Отделении Государственного Банка».

Всего было выпущено в обращение этих чеков, указанных четырех достоинств, на сумму 1.500.000 рублей.

Чеки эти также, как ранее чеки Отделения Государственного Банка, имели широкое распространение.

Были случаи подделки их. При чем самые чеки под видом открытия тек. счета в О-ве Взаимного Кредита были подделывателями,—как клиентами, получены непосредственно в отделении и поддельными были лишь подписи, штемпель и текст чеков. Благодаря тождеству самих чеков, а также шрифтов, выкраденных из той же типографии, где печатались настоящие чеки, подделку почти не удавалось отличить, но количество выпущенных о-вом чековых книжек дает возможность предполагать, что подделка не приобрела сколько-нибудь значительных размеров.

Кооперативные и частные боны.

Продолжавшийся, несмотря на выпуски Государственного Банка, недостаток денежных знаков, особенно мелких купюр, повел к выпуску бон местными кооперативными организациями и частными фирмами. Общая заинтересованность в урегулировании денежного обращения повела (чего не наблюдалось в других местах) к согласованию фирмами между собой вопроса о взаимном приеме выпускаемых бон.

Ограниченность территории и прекрасная, по местным условиям, осведомленность о делах друг друга укрепляла доверие к выпускаемым бонам и они привились на местном рынке, заменив для населения отсутствующие мелкие купюры денежных знаков. Лишь правительственные учреждения не принимали ни в какие платежи частных бон и этим, до некоторой степени препятствовали их свободному обращению в крае.

Из частных бон особой популярностью пользовались изготовленные в Японии боны фирмы *„П. Н. Симада“* в 50 копеек, 1, 3, 5 и 10 рублей с фотографическим изображением на них местного японского старожила-предпринимателя и купца, владельца фирмы.

Кроме того, выпущены были боны в 50 коп., 1, 3, и 5 руб. фирмой *„Торг. Дом Кунст и Альберс“* и фирмой *„Гейтон-Флит“*.

Попытка в 1919 г. владельца иллюзиона «Модерн» Г. Б. Флит выпустить в обращение под видом сдачи посетителям свои марки достоинством в 50 коп. и 1 рубль—успеха не имела.

В том же 1919 году выпустили боны и местные кооперативныя организации: *«Усть-Амурский Союз Кооперативов»* достоинством в 3, 5 и 10 рублей на сумму около 25.000 рублей и *«Николаевское н/Амуре Общество Потребителей Взаимопомощь»* за подписью предс. правления Г. Ф. Верховод, достоинством в 50 коп. и 1 рубль, на сумму около 5000 рублей.

Названное общество в декабре 1919 года об'явило о выкупе своих, выпущеных бон, и все они были возвращены и и уничтожены. За отсутствием у Об-ва свободных средств для выкупа пред'явленных к обмену бон, сумма их кредитовалась счету пред'являющого, как его аванс и ему предоставлялось право постепенной выборки товаром. Держателям бон Усть-Ам. Союза Кооперативов предоставлялась возможность, как было указано на обороте этих чеков,—приобретать товары в 24 обществах потребителей, чеки эти пользовались большим доверием и охотно принимались населением.

Цены на золото за период 1915—1919 г. г. Обычно золото, добываемое в Николаевском на Амуре районе, сдавалось, как владельцами приисков, так и частными приносителями в Николаевскую золотосплавочную лабораторию.

Цена на золото зависела от % содержания чистого золота в шлихе.

Стоимость золотника (в слитке) золота приисков Амгуно-Кербинского района составляла от 4 р. 20 коп. до 5 рублей; золотник с приисков Охотского района отходил на 3 р. 20 коп.— 4 рубля. Частные скупщики принимали золото на 25—50 коп. на золотник дешевле и расплачивались наличными.

За период по 1917 г. увеличение цены на золото на кредитные билеты было незначительным.

В 1918 г. произошло значительное колебание в цене золота, вернее сказать, в курсе кредитных билетов. В этом году золото на керенские покупались по цене от 15 рублей до 40 р. (к концу года) за золотник.

В 1918 году за период советовластия в Николаевске на Амуре Горным Коллективом была организована отправка воо-

руженных рабочих на национализированные прииска, причем им вменялось в обязанность все количество добытого в течение лета золота сдавать в Горный Коллектив.

С прибытием в августе 1918 года в Николаевский район японского экспедиционного отряда—произошел переворот.

Вооруженные рабочие, захватив с собой каждый в отдельности все добытое золото, покинули прииска. Золото это они продавали на керенские по 20—25 рублей золотник, а с декабря 1918 г. с появлением в области сибзнаков на них,—по цене 30—40 рублей. Скупалося золото, преимущественно, китайцами и появившимися вслед за своими экспедиционными войсками японцами.

В 1919 году правительством адмирала Колчака была установлена цена в сибзнаках на сдаваемое в золотосплавочную лабораторию золото в 35 рублей и, кроме того, премия в 15 рублей. Не смотря на эту премию золото, фактически, в казну совершенно не сдавалось, так как уже в первую половину 1919 года частные скупщики платили за него от 50 до 100 рублей за золотник.

Во вторую половину 1919 года и по 1-ое февраля 1920 г. частные лица, преимущественно китайцы, скупали золото по цене от 150 до 260 рублей сибзнаками или же в обмен на 1 зол. золота давали 1 пуд муки или 30 фунтов муки и 20—26 фунтов масла бобового. Кооперативные организации выдавали за 1 золотник по 1 пуду муки, или 1 пуд масла бобового.

Справочные цены и минимум. Мы располагаем сведениями о ценах в Николаевске к сожалению лишь за два года—1918 и 1919-й. Правда, эти два года обнимают период наибольшого колебания курса денежных знаков и в этом отношении являются наиболее интересными.

Таблица

цен в кооперативных организациях Ник. н/Амуре в течение:

		1918 г. на керенские					1919 г. на сибирские				
Мука .	пуд	от 15	до	40	р.		от	70	до	350	руб.
Отруби	. „	„ 10	„	—	р.		„	40	„	80	руб.
Чумиза	. „	„ 18	„	20	р.		„	70	„	140	руб.
Крупа гречневая	„	„ 40	„	70	р.		„	140	„	240	руб.
Рис сайгонский	„	„ 32	„	70	р.		„	70	„	540	руб.
Овес	. „	„ 15	„	20	р.		„	25	„	120	руб.
Чай байховый.	фунт	„ 30	„	40	р.		„	40	„	60	руб.
„ кирпичный	кирп.	„ 16	„	25	р.		„	25	„	100	руб.
Масло бобовое .	. пуд	„ 12	„	20	р.		„	70		200	руб.

Макароны, вермишель ящик	от	40	до	70	р.	от	300	до	400	р.
Солонина американск. безкостная . . . пуд	„	32	„	60	р.	„	120	„	400	р.
Сало скотск., топлен. „	„	38	„	60	р.	„	120	„	240	р.
„ свиное „	„	40	„	70	р.	„	200	„	300	р.
Мясо скотское . . . „		—		—		„	800	„	1000	р.
Масло экспортное . „		—		—		„	600	„	1000	р.
Соль крупная . . „	„	15	„	18	р.	„	18	„	55	р.
„ мелкая . . . . „	„	18	„	24	р.		—		—	
Табак маньчжурский „	„	—	„	70	р.	„	120	„	240	р.
Керосин . . банка	„	20	„	30	р.	„	800	„	1500	р.
Дрова . . . . сажень	„	40	„	70	р.	„	250	„	1000	р.
Смола древесная . пуд	„	60	„	120	р.	„	120	„	240	р.
Гвозди проволочн. „	„	—	„	40	р.	„	200	„	240	р.
Дель неводная . . „	„	100	„	200	р.	„	500	„	5000	р.
Матауз неводной „	„	90	„	180	р.	„	450	„	4500	р.
Краски масл. терт. „	„	40	„	70	р.	„	—	„	400	р.
Кожа подошвенная „	„	200	„	400	р.	„	400	„	1000	р.
Кожа хромовая . фут	„	7	„	15	р.	„	15	„	30	р.
Ичиги приисков. пара	„	—	„	—	р.	„	1000	„	1250	р.
Головки ичижные „		—		—	р.		750	„	800	р.
Ботинки рабоч. американск. . пара		—		—	р.	„	240	„	400	р.
Мыло ядровое . . пуд	„	120	„	240	р.	„	600	„	1000	р.
Нитки швейн. яп. гросс	„	32	„	120	р.		120	„	180	р.
Бумазея яп. кусок 30 ярд		—		—			—		1000	р.
Ситец япон. кусок 30 ярд		—		—			—		900	р.

Отметим, что цены на вольном рынке были на 15—40% выше, нежели в кооперативных организациях, но хронологическое соотношение оставалось то же, что и в приведенной таблице.

Главным об'ектом товарных сделок являлись рыбные продукты. Улов рыбы определял спрос на рабочие руки и платежеспособность населения, как непосредственно имевшего отношение к промыслу, так и живущего в зависимости от результатов такового.

Усть Амурский Союз Кооперативов принимал рыбные продукты по ценам:

		1918 г.	1919 г.
Горбуша . .	пуд брутто	12—15 р.	60 р.
Кэта летняя .	„ „	18—21 р.	70 — 90 р.
Кэта осенняя	„	24—26 р.	138,5—150 р.

Икра кэтовая	пуд брутто — —	175 —200 р.
Балык	„ „ — —	200 —240 р.

Ниже мы приводим сравнительные цены частного рынка на рыбопродукты, кривая этих цен правильно отразит снижение курса кредитного рубля.

Цены на рыбопродукты (в рублях):

	в 1917 г.	в 1918 г.	в 1919 г.
Горбуша пласт .	7.36	15 00	55 00
„ колодка .	9.20	18.00	75 00
Кэта летняя пласт	11.50	18 00	70.00—90.00
„ „ колодка .	14.35	21.00	—
„ осенняя пласт .	10 00	21.23	125—165
„ „ колодка .	12 50	26 50	180 00
Икра кэтовая	25 30	37.50	190—250
Балык	18.00	26 50	175.00

Прожиточный минимум колебался, а именно:

		Минимум.		Максимум.
В 1918 г.	первая половина года	от 60	до	600 р.
	вторая „	от 120	до	1200 р.
В 1919 г.	первая „ „	от 750	до	3500 р.
	вторая „ „	от 1200	до	5000 р.

С 1920 г., после того, как отряд Тряпицина покинул город, разрушив его, и после прихода туда японцев вся хозяйственная жизнь перешла на японскую иену и все цены фиксировались в этой последней.

Лаж. Иностранная валюта до 1-го июля 1920 г. в районе Сахалинской области совершенно отсутствовала.

Лаж местных знаков между собой не наблюдался, но при покупке товара на романовские в 1918 и 1919 г. г. существовал лаж на последние в размере 20—30%.

Частные фирмы, по мере накопления, вывозили романовские из области, главным образом, во Владивосток на закупку товаров.

Денежное обращение Сахалинской области в 1920 г.

В апреле 1920 г. по занятии Николаевска н/Амуре партизанскими отрядами Тряпицына, «денежная система» оставалась прежней. Но вскоре исчерпалась наличность кассы Отделения Государственного Банка и Казначейства, расходы же

новой власти росли, требовалось найти рессурсы для содержания значительных партизанских отрядов и административного аппарата.

Положение и населения и власти было тем тяжелее, что с приходом партизан частная торговля была прекращена. Весь остаток золота в Государственном Банке, Казначействе и частных приисков в количестве около 140 пудов был взят на нужды отряда и на часть этого золота командование скупило у китайцев имеющиеся у них запасы товаров и продуктов по ценам мирного времени.

У частных русских торговцев и у кооперативов товары были реквизированы.

Но все же населению требовались денежные знаки, не могла без них обойтись и сама власть, за отсутствием подкрепления знаками из-вне.

В отношении имевших хождение в районе денежных знаков штаб Тряпицына вначале занял, как бы, благожелательную позицию.

Держатели денежных знаков прежних выпусков, предполагая из'ятие этих знаков из обращения, начали припрятывать их. Обеспокоенный исчезновением с рынка последних остатков денежных знаков, комиссар финансов издал следующее об'явление, напечатанное 16-го апреля 1920 года в № 11 газеты «Призыв» — органе штаба Красной армии Николаевского на Амуре округа.

«Об'явление.

Комиссариат Финансов доводит до сведения граждан и учреждений города Николаевска, что все денежные знаки, имеющиеся до настоящего времени в обращении, как-то: Николаевские кредитные билеты, керенские кредитные билеты и знаки, билеты Государственного Казначейства, облигации Займа Свободы, срочные купоны, краткосрочные обязательства Государственного Казначейства, выпущенные правительством Колчака, хотя и просроченные, кроме облигаций и купонов, вышедших в тираж, боны кооперативных организаций, а также все без исключения денежные знаки, выпущенные советской властью, остаются в обращении на прежних основаниях.

Никто не имеет права отказываться от приема по уплате и выдаче от означенных денежных знаков. Комиссар финансов Горданов».

Но опубликованное об'явление, само собой, не рассеяло сомнений и не разрешало вопрос о денежном обороте.

Новая власть, как и ее предшественники, вынуждена была прийти к выводу о необходимости местного изготовления денежных знаков, но так как на этот раз подходящего материала

(чеков, актовой бумаги и пр.) не оказалось, решено было отпечатать денежные знаки „обычным“ литографским способом.

Разменные билеты Николаевского на Амуре Отд. Государственного Банка (Тряпицинские).

30 апреля 1920 года в заседании Исполкома было постановлено:

«Принимая во внимание, что в настоящее время в г. Николаевске и вообще в Николаевском округе население ощущает острую нужду в денежных знаках в виду истощения таковых,—изготовить в типографии штаба красной армии Николаевского округа и поручить Николаевскому на Амуре Отделению Народного (Государственного) Банка выпустить в обращение разменные билеты двухсот пятидесяти рублевого достоинства на сумму десять миллионов семьсот девяносто тысяч (10.790.000) рублей по образцу, указанному в особом описании комиссариата Финансов. Упомянутые разменные билеты признать имеющими хождение наравне с государственными кредитными билетами, о чем об‘явить для всеобщего сведения и исполнения».

Одновременно с выпуском в мае 1920 г. новых «разменных билетов» Исполком об‘явил полную аннуляцию всех, имевших хождение в районе денежных знаков. Были аннулированы также романовские, керенские и сибирские. Из последних остались в обращении лишь купюры в 10, 25 и 50 рублей для сдачи.

Впоследствии помимо двухсот пятидесяти руб. были выпущены разменные билеты достоинством в 500 и 1000 рублей.

Исполнены знаки были на обыкновенной бумаге.

Во исполнение указанного выше постановления Комиссариат финансов приступил к заготовке новых денежных знаков и выпуску их в обращение, о чем было опубликовано следующее

«Об‘явление
от Окружного Исполнительн. Комитета Николаевского Округа.

Окружной Исполнительный Комитет Николаевского Округа доводит до всеобщего сведения, что для устранения недостатка в денежных знаках в настоящее время, по постановлению Исполнительного Комитета от 30 апреля 1920 года, Николаевским Отделением Народного (Государственного) Банка выпускаются в обращение разменные билеты нового образца достоинством в двести пятьдесят (250) рублей, имеющие хождение наравне с государственными кредитными билетами. Разменные билеты эти обязательны к приему всеми Правительственными и Общественными учреждениями и частными лицами».[1])

---

[1]) Газета «Призыв» №28 от 6-го мая 1920 года. г. Николаевск н/Амуре.

9-го мая Исполком постановил—кроме разменных билетов достоинством в 250 рублей, выпустить еще и купюры в 500 и 1000 рублей.

10-го мая об этом появилось об'явление:

«Окружной Исполнительный Комитет Николаевского Округа доводит до всеобщего сведения, что для устранения недостатка в денежных знаках в настоящее время, по постановлению Исполнительного Комитета от 8-го сего мая, Николаевским Отделением Народного (Государственного) Банка выпускаются в обращение разменные билеты нового образца достоинством в пятьсот (500) рублей и тысяча (1000) рублей, имеющие хождение наравне с государственными кредитными билетами.

Разменные билеты эти обязательны к приему всеми Правительственными и Общественными учреждениями и частными лицами. Председатель Исполкома Железин. Секретарь Цыганок».[1])

Одновременно с выпуском в мае 1920 года новых «разменных билетов» Исполком, несмотря на ранее опубликованное успокоительное сообщение Комиссара финансов, об'явил полную аннуляцию всех, имевших хождение в районе, денежных знаков. Были аннулированы также романовские, керенские и сибирские. Из последних остались в обращении лишь мелкие купюры для сдачи.

В № 42 газеты «Призыв» от 20-го мая 1920 года появилось следующее сообщение:

«Окружной Исполнительный Комитет в заседании 12-го мая сего года

ПОСТАНОВИЛ:

аннулировать полностью и впредь ни по каким в казну платежам не принимать денежные знаки выпусков:

1) Царского Правительства, 2) Правительства Керенского, 3) Хорвата, 4) Николаевского Общества Взаимного Кредита, 5) Советских правительств 1918 года, 6) разных местных выпусков в Николаевске на Амуре и других городов, торговых фирм и кооперативных предприятий, 7) Денежные знаки Колчаковского (Сибирского) правительства достоинством в 250 рублей, 500 рублей, 1000 рублей и 5000 рублей, 8) всякого рода почтовые и гербовые знаки, имевшие хождение наравне с денежными знаками.

В силу настоящего постановления сохраняют обязательное хождение лишь деньги советских выпусков 1920 г. и Сибирские (Колчаковские) деньги достоинством в 5 руб., 10 рублей, 25 рублей, 50 рублей и 100 рублей.

Об изложенном об'является для всеобщего сведения и не-

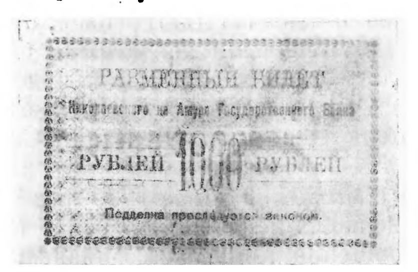
---

[1]) Газета «Призыв» № 36 от 14-го мая 1920 г. г. Николаевск на Амуре.

уклонного исполнения. Председатель Исполнительного Комитета Железин. Товарищ ПредседателяАуссем. Секретарь Цыганок».

Исполнение Ник. на Ам. разменных билетов довольно неряшливое, вид грязный. Купюры по 250 руб. имели фон кирпично-красный, по 500 руб.—сине-голубой и по 1000 рублей—зеленоватый.

На правой лицевой стороне значилось: «Разменный билет Николаевского на Амуре Государственного Банка рублей . . . рублей, подделка преследуется законом».

Разменный билет Ник. на Амуре Отд. Госбанка.
(*Натур. велич. 109 х 71 мм.*)

На оборотной стороне: «Р. С. Ф. С. Р. . . . . рублей. Николаевск на Амуре. 1920 г. Имеет хождение наравне с государственными кредитными билетами».

Разменный билет Никол. на Амуре Отд. Гос. Б-ка. 1920 г.
(*Натур. велич. 108 х 73 мм.*).

Новые знаки совершенно не принимались китайцами и были почти бесполезны для русского населения—в советской лавке на них нечего было купить, а других лавок не было. Население получало жалованье новыми знаками и не знало, что с ними делать.

Точное количество выпущенных «разменных билетов», вследствие разгрома города и за уничтожением при эвакуации Отделения Государственного Банка всех записей выпуска, выяснить не представляется возможным.

По сведениям, полученным непосредственно от администрации бывш. Отделения Государственного Банка, можно утверждать, что всего указанных билетов, получивших наименование «Тряпицынские», было выпущено на сумму около 100.000.000 рублей.

Единовременно в обращении находилось этих билетов на сумму не более 25 миллионов рублей. Из всего выпуска, путем обмена, через платежи и пр. возвратилось их в кассу банка до 60.000.000 рублей.

Билеты были выпущены в несколько приемов.

Первоначально выпускались Отделением Государственного Банка с печатью Отделения—двухглавым орлом, позже, когда Отделение перестало функционировать и было эвакуировано в Керби, «разменные билеты» выпускались в течение еще двух месяцев, в Керби, Ревштабом.

Впоследствии законом Правительства ДВР от 15 ноября 1920 года все денежные знаки, выпущенные Николаевским на Амуре Отделением Государственного Банка, были аннулированы.

31-го мая 1920 г. отряды Тряпицына и Нины Лебедевой-Киашко покинули Николаевск и отступили на север к Керби. Предварительно огню и мечу был предан весь город.

Порт и окрестные промысла были сметены с лица земли: все деревянные здания, за исключением случайно уцелевшего наиболее бедного квартала, были сожжены; каменные здания взорваны и обращены в развалины.

Разрушены все городские сооружения: электрическая станция, пристани, склады.

Постройки и оборудования большинства рыбалок были также уничтожены огнем со всеми запасами продуктов и материалов.

Что касается порта, то и он подвергся общей участи: землечерпательные машины, пароходы, краны, баржи были затоплены в разных местах Лимана; пристани и мастерские взорваны; сохранились только пять пакгаузов для склада и хранения грузов в Порте.[1])

По ведомству финансов было уничтожено: Отделение Государственного Банка (сожжено), золотосплавочная лаборатория (дома, флигеля и каменный дом—сожжены), Казначейство (взорвано), помещение Акцизного надзора и Канцелярия Податного Инспектора (сожжены).

Одно из лиц, посетивших Николаевск н/Амуре — в августе 1920 г., так описывает свои наблюдения: «Николаевск на Амуре исчез с лица земли. Казначейство взорвано, но повсюду

---

[1]) См. кн. инж. П. П. Крынин—«Николаевск на Амуре», стр. 52. Харбин, 1923 г.

внутри валяются груды бумаг: патенты, сберегательные книжки, листы с гербовыми марками, уставы, книги, ценные документы, архивы...

И все это, конечно, пропадет, ибо некому собрать, некому охранять. В этих кучах бумажного хлама роются японские солдаты, беженцы и мальчишки, выискивая деньги, ценные бумаги и марки.

Из казначейства, банков, золотосплавочной лаборатории и с приисков, а также от частных лиц было отобрано и увезено 56 пудов золота. При этом 14 пудов золота было отдано Тряпицыным китайским купцам в уплату за разные товары, купленные у них. Все остальное золото, ценности, золотые, бриллиантовые вещи, сибирские и романовские деньги были увезены в Керби на Ангунь».[1])

Кербинский выпуск бон Сахалинского Областного Народно-Революционного Комитета.

За время своего пребывания в Керби отрядом Тряпицына в том же—1920 г. — был произведен новый выпуск денежных знаков.

Выпущены были боны—«Сахалинского Областного Народно-Революционного Комитета» достоинством в 1, 3, 5, 10 и 25 рублей.

На небольшого размера белом боне примитивно, литографски, на правой стороне в рамке, по углам коей цифрами обозначено достоинство бона, напечатано: «Сахалинский Областной Народно-Революционный Комитет. № . Краткосрочный выпуск.

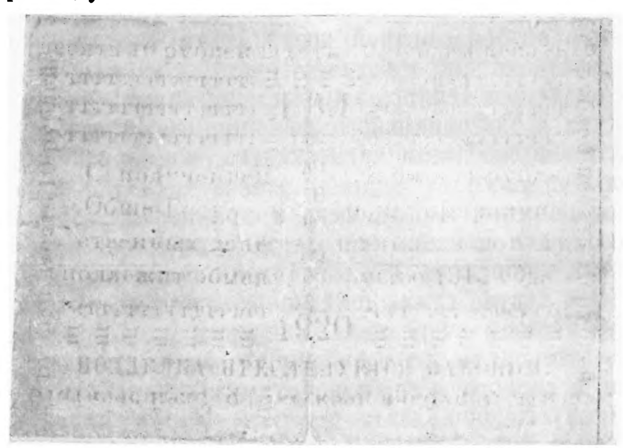

Бон краткоср. выпуска Сахал. Нар.-Рев. К-та, с. Керби. 1920 г.
(*В натур. величину*).

[1]) См. В. Эч.—„Исчезнувший город". Стр. 23. г. Владивосток, 1920 г.

Подписи исполнены чернилами от руки, нумерация произведена обычным ручным нумератором. Посредине знака перфаратором пробиты цифры—достоинство бона. В зависимости от достоинства соответственно меняется текст в надлежащей части.

На обороте бона, в рамке из обозначенного цифрами и прописью достоинства бона, напечатано: « ...рублей ...рублей. С получением обще-государственных денег подлежит. *Стоимость рубля боны приравнивается к золотому рублю 1915 года.* Подделка преследуется законом».

Бон краткоср. выпуска Сахал. Нар.-Рев. К-та, с. Кербн. 1920 г.*)
Оборотная сторона. (В натур. величину).

Каемка, помещенная внутри бона, исполнена из повторяющихся букв: «Т» «Щ».

Как видим, боны эти, выпущенные Сахалинским Народно-Революционным Комитетом в с. Керби Сахалинской области осенью 1920 г., помечены титульными буквами — «Д. В. Р.», т. е. Дальне-Восточной Республики, хотя и формально и фактически, эвакуировавшийся из Николаевска на Амуре в Кербь Сахалинский Нар.-Рев. Комитет в систему Д. В. Р. не входил и действовал совершенно сепаратно.

Сведений об общей сумме этой «эмиссии» и о количестве выпущенных в обращение этих бон—не сохранилось.

Период японской оккупации. 3-го июля 1920 года в развалины города вошли японские войска и, водрузив флаг «восходящего солнца», взяли на себя управление краем. С занятием г. Александровска на Сахалине вся Сахалинская область фактически была оккупирована японцами, о чем Правительство Японии издало следующую, датированную 3 июлем 1920 года, декларацию:

*) Бон в оригинале воспроизведен синей краской, почему клише вышло бледное.

«В течение времени с 12 марта до мая месяца сего года в Николаевске н/Амуре местными большевиками были самым жестоким образом убиты японский охраняый отряд, чины Консульства и японские жители, всего до 700 человек обоего пола и всех возрастов. Положение это превышает предел всякой жестокости и зверства.

Ради сохранения достоинства государства, императорское правительство вынуждено принять необходимые к тому меры. Однако, в данное время правительства, с коим могли бы снестись, фактически не существует, а потому императорское правительство лишено всякой возможности сделать что-либо по сему поводу.

В виду изложенного, впредь до организации законного правительства и благоприятного разрешения вопроса, будут заняты в Сахалинской области те местности, кои признаются необходимыми...».

При занятии Николаевска и при начале работ японскими войсками были найдены некоторые суммы денег—романовских, керенских, сибирских. Была найдена также часть золота и серебра. На какую сумму найдено было всего этого никто не знал, но в своем очередном об'явлении японское командование заявило, что сумма всех найденных денег равна—31.091 руб. 25 коп. и серебра и меди на сумму—209 рублей 01 коп. Согласно тому же об'явлению все эти деньги подлежали передаче особой японо-русской комиссии «для распределения их по принадлежности».[1])

Затопленные землечерпательные снаряды, катера, баржи были подняты японцами и, как военный приз, уведены в Сахалин или Японию.

С оккупацией области, административно-хозяйственное управление последней взял в свои руки штаб экспедиционных войск, при чем для связи с населением им был назначен «Городской Совет» из 8-ми лиц.

Роль Городского Совета в Николаевске сводилась к тому, чтобы быть совещательным органом при начальнике административного отдела штаба и исполнять его поручения. Было издано особое постановление о городских советах и об институте старшин в сельских местностях. И те и другие назначались японской администрацией.

Телеграфная связь с Хабаровском оборвалась. Она восстановилась лишь с первого сентября 1922 г., перед уходом японцев. Поэтому две зимы,—точнее говоря, два промежутка в семь месяцев каждый, от навигации до навигации, не существовало никакой связи. Тем временем телеграфная линия повредилась, и только в июне 1922 г. удалось восстановить сквозное сооб-

---

1) Газ. „Воля“ № 96 от 15-го августа 1920 г. См. ст. „Разрушенный город“.

шение между Хабаровском и Николаевском. Но и тогда пользование им не стало свободным, т. к. в Николаевском районе телеграфом распоряжались японцы.[1])

Административный надзор сказывался даже внешне,—на домиках, где проживало оставшееся население, всюду висели маленькие белые флажки, признак того, что в них живут русские. На каждом помещении имелась надпись японского командования и их порядковый номер с указанием числа живущих.

Каждый из жителей имел особый пропуск от японского штаба, без которого нельзя было показываться на улицах. Такой пропуск давался на одну неделю и потом заменялся новым. Ходить разрешалось только до восьми часов вечера, за позднее хождение можно было поплатиться жизнью.[2])

Нуждаясь в рабочих руках, японцы обратились с предложением итти к ним на работу, обещая мастерам-специалистам до 3-х иен в день, а чернорабочим до 2-х иен. Принимая во внимание, что в городе продуктов никаких не было, японцы в об'явлении предложили плату, всю или часть, получать продуктами по нижеследующей цене: за 1 иену: риса 5 фунтов, ячменной крупы 7 ф., пшеничной муки 9 ф., сахара $1^1/_2$ фунта.

С приходом японцев весь оборот перешел фактически на иены, так как единственными предпринимателями и покупателями оказались вначале оккупационные войска, а позже, идущие следом за ними, японские предприниматели.

Японские деньги и японскую финансовую политику,—как отмечают материалы правительств. экспедиции,—следует рассматривать, как вспомогательные средства для порабощения оккупированной русской территории. Япония била, что называется, «и дубьем и рублем».

В период оккупации в Николаевске и его районе основной денежной единицей стала японская иена, а основным денежным знаком — банкноты корейского колониального банка (Чосен Банк) в иенах, купюрами в 100, 10, 5 и 1 иену и в 50, 20 и 10 сен.

По своему курсу иена в Николаевске приравнивалась к рублю золотом и к трем рублям разменной русской серебряной монеты, а не 2 рублям 50 коп., как в Хабаровске или во Владивостоке.

Золотой русской монеты в обращении почти не встречалось.

Русская полноценная серебряная монета в 1 руб. и 50 к. ходила наравне и паритетно с японской валютой.

---

[1]) См. сборник материалов под редакц. Г. В. Гончар — «Низовья Амура накануне эвакуации», стр. 23, г. Хабаровск—1922 г.

[2]) См. В. Эч.—«Исчезнувший Город», стр. 24.

Китайские деньги — серебряные доллары (даяны) и кредитки обращались лишь между китайцами и приезжими харбинскими торговцами.

Русское разменное серебро и китайские деньги неохотно принимались местными жителями, особенно—японцами.

Городская торговля подчинялась во время оккупации, введенной японцами налоговой системе. Промысловый налог взимался по ставкам, подразделенным на 10 разрядов, в зависимости от характера предприятий, размера их оборотов и др. признаков. По 1-му разряду налог был 300 иен в год, по 2-му — 200, затем — 150, 100, 70, 50, 30, 20, 10 и 6. Особым сбором облагались освобожденные от промыслового налога киоски, разносчики, театральные и увеселительные заведения. Сбор колебался в пределах от 3-х до 12-ти иен в год. Установлен был также налог персональный с граждан, занимающихся охотой или рыболовством, как промыслом. Рыболовы подразделялись на 4 разряда и платили от 30 иен в год до 2-х, охотники же все одинаково по 5 иен.

При японцах Николаевск пользовался правами порто-франко. Не требовалось таможенных пошлин ни с ввозимых товаров, ни морем, ни по Амуру. Не существовало также акциза или каких либо других сборов с грузов импортных и экспортных. Товарообмен в районе от Николаевска до пристани Киселевки (по Амуру 327 вер.) также был освобожден от акциза.[1])

21-го июля японским командованием было издано об‘явление о том, что «при настоящем положении Николаевского района, — командование японской армией принимает на себя заведывание рыболовством в лимане реки Амура, ее низовьях на сезон сего 1920 года и делает необходимые для сего распоряжения, — т. е. производит: торги на участки, прием и хранение арендной платы и в обеспечение прав рыбопромышленности— промысловый надзор». Дальше шло перечисление условий, на коих прежние арендаторы могли заявить о своих правах.

В тот же день—21-го июля—японское командование об‘явило уже о назначении на 24-ое июля соревнования на сдачу рыболовных участков, причем в пункте 2-ом этого об‘явления перечислялись лица, имевшие право на участие в соревновании.

Таковыми признавались: а) японцы, имевшие особые удостоверения казенных или иных учреждений и б) «кроме того лица, имеющие разрешение штаба японской армии».

В 3-ем параграфе об‘явления значилось: «залог на соревнование и арендной платы: залог вносится на соревнование в половине оценочной по списку суммы за участок, причем залог и плата аренды *должны быть внесены японскими монетами*, с тем исключением, что русским предоставляется вносить

[1]) См. материалы, помещенные в указанном сб. под ред. Г. Гончар, стр. 59.

означенную плату аренды русскими деньгами по курсу, который будет указан перед началом соревнования».—Далее перечислялись прочие условия соревнования. Ко дню соревнования было издано следующее, устанавливающее курс на сибзнаки—

«Оффициальное об‘явление Военно-Административного Управления.

В дополнение к ст. 6-й приложения к правилам о выполнении приказа по сдаче в аренду рыболовных и рыбообделочных участков, опубликованных в журнале приказом по военно-административному управлению за 1921 г. за № 1-м, для лиц, коими участки были заарендованы ранее и коими уплата производилась рублями — курс одной иены, знаками японской империи или знаками корейского банка, устанавливается в 2.500 рублей за одну иену.

Начальник военно-административного управления ген.-майор И. Цуно».[1])

К сожалению, мы лишены возможности подробнее остановиться на др. моментах пребывания японцев в Николаевском районе, так как это значительно расширило бы рамки нашей работы и не имеет прямого отношения к теме.

Кратко резюмируем: с июля 1920 года район города Николаевска был оккупирован японской армией, со всеми вытекающими из сей оккупации последствиями, как политического, так и хозяйственно-финансового характера.

С момента этой оккупации говорить о денежном обращении, понимая под ним обращение в крае общероссийских или местных русских денежных знаков, не приходится.

С открытием навигации 1921 г. начался обратный приток беженцев, но общее положение оставалось прежним.—Оккупационный период продолжался в прежней форме.

Хозяйственная жизнь стала несколько оживать, но денежный кризис препятствовал ее нормальному развитию.

По причинам, остающимся непонятными, японцы почему то не открыли в Николаевске н/Амуре свой банк, хотя обычно открывали таковые почти всюду, куда проникала их армия.

В результате получилось такое положение, что—как констатирует это упомянутый сборник материалов правительственной экспедиции—всю торговлю и все денежные расчеты пришлось вести на наличные. Это создало для денежного обращения большие затруднения, требуя для торгового оборота огромного количества денежных знаков.

---

[1]) См. «Сборник Докладов Приморской Округ. Торг.-Промышл. Палаты по вопросам экономики Русского Д. Востока, представленных на Вашингтонскую Конференцию 1921 года». г. Владивосток. 1922 г.

На рыбалках было занято в сезон 1922 г. до 12 тыс. рабочих и служащих 4 месяца с жалованием, в среднем, 50 иен в месяц. Для расплаты с ними требовалось, значит, 2.400.000 иен. Нужно было купить соли на 600—700 тыс. иен и затратить на оборудование рыбалок, на ремонт катеров и шаланд, на топливо для катеров и др. материалы еще 300—400 тысяч иен. Всего же для финансирования одной только рыбопромышленности надо было иметь около $3^1/_2$ милл. иен наличными деньгами.

Искусственно созданная отсутствием банков нужда в денежных знаках толкнула николаевцев на путь меновой торговли, которая получила широкое развитие.

Меняли бревна на невода и соль, овес на икру, рыбу на хлеб, на доски, на мясо и т. п. Всякий товар шел гораздо бойчее, если предлагался не за валюту, а на обмен.

Кредит у частных лиц и фирм был почти недоступен, опять таки в силу недостатка свободных денежных знаков. Кредитовали лишь скупщики рыбы своих постоянных поставщиков, да и то не деньгами, а солью и неводами.

Магазины, лавки и базар с'естных припасов пополнялись товарами, приобретенными исключительно за наличные деньги или путем обмена, почему и они, в свою очередь, не допускали никакого кредита своим покупателям.[1])

В августе 1922 г. был предрешен вопрос об эвакуации японцами района Николаевска н/Амуре, а вскоре—в сентябре, октябре 22 г. они действительно передали город милиции, введенной ДВР., а сами эвакуировали свои войска. С того времени район Николаевска н/Амуре вновь приобщился к общедальневосточной государственной системе.

Вскоре же—с октября того же года—Николаевск н/Амуре, как и вся окраина, вошел в систему РСФСР.

Изжить японский денежный знак удалось не сразу. Лишь в навигацию 1922 г. прибыли в Николаевск н/Амуре сформированные аппараты Государственного и Дальневосточного Банков с некоторым резервом средств в российской звонкой монете. С этого года, исподволь, началась борьба с укрепившейся в крае иеной, но борьбу эту нельзя считать законченной и посейчас: слишком тесные взаимоотношения установились у Николаевска н/Амуре с внешними рынками, чтобы связи эти можно было бы нарушить внезапно. Скудность местных капиталов и понесенные ими в 1920 г. потери долго еще заставят край в своей торговой и промышленной политике опираться на заграничные связи и на внешние кредиты. Пользо-

[2]) См. сборн. материалов под ред. Г. В. Гончар «Низовья Амура накануне эвакуации» стр. 24. г. Хабаровск 1922 г.

вание же последними явится препятствием к полному изжитию влияния, завоеванного японской иеной за период интервенции и оккупации.

Почт. марки Ник. н/Амуре выпуска.

За период японской оккупации Николаевска н/Амуре, почтовым учреждением там были выпущены почтовые марки прежних обще-российских выпусков, всего 21 разновидность, с надпечаткой на них цифрами достоинства марки и с буквами «Н. на А. П. В. П.»; кроме этого на некоторых из марок помимо цифр надпечатано еще: «коп. зол.» или «к.»

Японцы на Сахалине.

Еще определеннее, нежели в Николаевске н/Амуре, сразу же поставлены были все точки над «і» японским командованием на остр. Сахалине, по занятии его японской армией.

В июне 1920 года, после изгнания японским командованием из г. Александровска и с Сахалина, вообще, Тряпицынского отряда, некоторое время еще существовала видимость административной связи с Приморьем.

5-го июля на о. Сахалин, в порт Александровск, прибыл из Владивостока пароход «Олег», привезший 80.000 рублей новых владивостокских кредитных билетов для производства обмена, на основе денежной реформы 5-го июня.

К этому времени на Сахалине в обращении были сибирские денежные знаки. Курс иены на них до прихода парохода «Олег» равнялся 1000 рублей сибзнаками, с прибытием парохода и осведомлением как об аннулировании сибзнаков в Сибири, так и о денежной реформе в Приморье,—курс на сибзнак упал более, чем в два раза—стоимость иены возросла свыше, чем до 2000 рублей.

В Александровском Казначействе к этому времени было полное безденежье.

Часть новых денежных знаков, присланных для обмена, пришлось обратить на оплату жалования чиновникам, не получавшим его за последние 2—3 месяца. Присланной суммы оказалось совершенно недостаточно для осуществления полного обмена. Новые деньги были выпущены в обращение и стали приниматься как кооперативом, так и частными лицами, хотя оффициально реформа не об'являлась.

Первое время по оккупировании Сахалина японское командование держалось несколько неопределенно, ограничиваясь лишь обще-административными и военными функциями, но 20

июля 1920 года по г. Александровску было расклеено об'явление японского командования следующего содержания:

«В ближайшем будущем Япония приступит к военному управлению русской частью Сахалина. В виду этого всем учреждениям следует передать свои дела японскому командованию с 25-го сего июля месяца.

ПРИМѢЧАНІЕ: большинство чиновников и служащих останется на своем месте по прежнему. Живущие в казенных и общественных зданиях должны уступить их с того же числа сего месяца.

Строго воспрещается унести из вышеупомянутых зданий бумаги, инструменты, приборы и т. п.

Японское командование. 14-го июля 1920 г.».

26-го июля, как писал казначей Александровского Казначейства в своей докладной записке на имя Управляющего Амурской Казенной Палатой, ему предложено было освободить помещение Казначейства.

Через несколько дней распоряжение это последовало в категорической форме: «Приказание Казначею Сахалинского Казначейства. В виду того, что занимаемое казначейством здание требуется ремонтировать, японское командование приказывает освободить таковое как можно скорее. 5-го августа 1920 года. Александровск. Полковник Томон».

Казначейство вынуждено было прекратить свои функции.

Действия японского командования не были случайным явлением самоуправства—они являлись логическим звеном общего плана экономической, а не только военной оккупации края.

Донесение начальника одного из сахалинских учреждений рисует такую картину положения, создавшегося к сентябрю 1920 года в связи с приходом японцев:

«Положение служащих на Сахалине стало уже безвыходным во-первых, за неимением наличности в Казначействе: с июля месяца уже не выплачивается содержание, а во-вторых, Сахалин *уже перешел на иены,* так что и при наличности русских денег купить положительно ничего нельзя ни в магазинах, которые здесь исключительно японские, ни на базаре у местных крестьян, отказывающихся брать наши деньги, поясняя, что на них ничего нельзя купить. 22-го августа в *местной Городской Думе* был даже поставлен на повестку вопрос о денежной единице и *обсуждалась необходимость* перехода на иены. Но окончательное разрешение этого вопроса отложено до прибытия из Владивостока следующего русского парохода».

Не прошло и полуторых месяцев со дня об'явления оккупации, как появились постановления о рыбалках, и как появилось сообщение, что служащие Чосен-Банка направились на Сахалин для открытия в г. Александровске большого Отделения названного

банка, которое должно было сосредоточить в своих руках денежное обращение области.. Банку поручалось в первую же очередь выпустить военных бон на сумму—1.600.000 иен.[1])

В дальнейшем в районе о. Сахалина было установлено японцами военно-административное управление, которое продолжится, как видно, до того времени, когда России удастся настоять все же на освобождении принадлежащей ей части территории острова.

ГЛАВА V.

г. Хабаровскъ и его район.

Общие замечания. В административном отношении Хабаровск на протяжении всего периода революции занимал весьма неопределенное положение. Являясь административным центром Приморской области, Хабаровск фактически уступил свое былое значение Владивостоку еще в годы войны. Еще тогда возникал вопрос о перенесении резиденции генерал-губернаторства во Владивосток.

После февральской революции, сменивший генерал-губернатора, Комиссар Вр. Всероссийского Правительства А. Н. Русанов сохраняет прежнюю резиденцию—Хабаровск.

Октябрский переворот в центре докатился до окраины лишь к декабрю. Созванный в г. Хабаровске комиссаром Вр. Всероссийского П-ва с'езд представителей городских и земских самоуправлений учреждает 11-го декабря 1917 г. «Земское Бюро», к которому и переходят права и функции комиссара.

12-го января 1918 года, перенесшее свою резиденцию в Благовещенск, «Земское Бюро» ликвидируется новым Земским Краевым С'ездом.

В феврале 1918 года в Хабаровске устанавливается советская власть во главе с А. М. Краснощековым, то же происходит в Благовещенске и несколько позже во Владивостоке. Хабаровск становится резиденцией «Дальне-Восточного Совета Народных Комиссаров».

Функции административного центра Хабаровск продолжает относить почти в течение полугода до 6-го сентября 1918 года, когда вновь произошел противосоветский переворот. Но еще ранее—29-го июня—земство вернуло себе власть во Владивостоке, это фактически расчленило Приморскую область и создало в ней два центра—Владивосток и Хабаровск.

---

[1]) См. «Руста». Владивосток, 6 августа 1920 года.

С конца 1918 года по 13-ое февраля 1920 года Хабаровск вновь об'единяется с Владивостоком в единую область, но с административным центром уже во Владивостоке. За этот период местная власть составляет одно из звеньев омской государственности.

С падением Омского Правительства, через пару недель после Владивостокского переворота—13-го февраля «вся полнота власти» в Хабаровске принята была на себя Городским и Земским самоуправлением; за неделю до этого — 6-го февраля— власть в Благовещенске от коалиционного совета перешла к Совету Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов в лице местного исполкома. Движение благовещенцев на Восток привело к новым изменениям в Хабаровске.

Власть здесь 16-го февраля 1920 года перешла к Революционному Штабу земских войск.

4-5 апреля произошли известные события во Владивостоке, почти одновременно—7-го апреля — произошло выступление японцев в Хабаровске. После этого «всю полноту власти» снова приняло Городское Самоуправление, но только в июле удалось достичь признания Хабаровском власти владивостокского Вр. Правительства Дальнего Востока — Приморской Земской Управы.

Но начавшаяся еще в первый период революции борьба Амура и Приморья за Хабаровск продолжалась и после этого.

После происшедшей в августе 1920 года попытки старого состава (Омского периода), так называемой, Лихойдовской городской думы в Хабаровске провозгласить «самостоятельность» и обратиться за помощью и протекторатом к Японии, вновь устанавливается власть Вр. Правительства—Приморской Областной Земской Управы, но фактически хозяевами положения оказываются амурские воинские части, и под влиянием нового нажима Амура—29-го октября 20 г. Хабаровск об'являет образование новой приамурской области и присоединяется в административном отношении к территории Амурского Правительства. Вновь между Благовещенском и Владивостоком возникает борьба за Хабаровск, — на этот раз дипломатическая,— и формально он остается как бы за Владивостоком. Но с декларацией 2-го ноября 1920 года о сконструировании в Чите Правительства Д. В. Р., Хабаровск фактически отходит к Чите, а формально, после сложения 12-го декабря 20 г. Временным Правительством во Владивостоке своих полномочий в пользу Д. В. Р.,— перестает существовать хабаровский вопрос.

В 1921 году Хабаровск живет относительно спокойно, являясь уже признанным центром вновь образованной Приамурской области.

Предпринятое зимой 1921 года Вр. Приамурским Правительством, возглавляемым С. Меркуловым, наступление в пределы вышеназванной области повело к временному захвату владивостокскими войсками Хабаровска.

Но той же зимой, в начале 1922 года, Хабаровск вновь был занят войсками Д. В. Р. и с тех пор вновь продолжалось его областное бытие, как составной части Д. В. Р., впредь до об'единения последней с РСФСР.

Вначале Хабаровск являлся областным административным центром, а осенью 1923 г. предполагалось даже сделать его резиденцией Дальревкома—административного центра Дальне-Восточной окраины РСФСР.

Предположению этому, в то время, не суждено было осуществиться,—резиденцией Дальревкома попрежнему осталась Чита, Приамурская же область была об'единена с Приморской —с административным центром в г. Владивостоке.

Последние годы войны так же, как и первый год революции, не создали в Хабаровске положения, выделявшего его из ряда пунктов Дальнего Востока.

Те же перебои в товарообороте, тот же недостаток денежных знаков, что и везде, то же постепенное выбрасывание на рынок денежных суррогатов... В 1917 году к имевшим хождение романовским и керенским прибавились, согласно распоряжений центрального правительства, % бумаги и купоны от них, наступавших сроков.

27-го декабря 1917 года декретом Центрального Советского Правительства ценные бумаги были аннулированы и сделки на них воспрещены, но декрет этот докатился до далекой восточной окраины лишь к февралю 1918 года, когда и был применен.

Гербовые марки Хабаровского Отделен. Госбанка.

Оторванность района от центров, питавших денежными подкреплениями, вынудила в 1918 г. руководителей местных финансов допустить местное своеобразие, несогласованное с мероприятиями центра.

Хабаровск. Отд.
ГОСУДАРСТВЕННОГО
БАНКА.

(*Оборотная сторона*).

В обращение, как денежные знаки, по номинальной стоимости были выпущены обще-российские гербовые марки, наклеенные на толстую бумагу с наложенным на обороте их штемпелем Хабаровского Отделения Госбанка. Марки эти были выпущены достоинством в 5, 10, 15, 20, 50 и 75 коп., в 1 руб., 1 р. 25 к., 1 р. 50 к., 2 руб., 2 р. 50 к., 3 р. и 5 руб. Общая сумма выпуска—1.246.250 р.

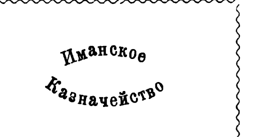
Герб. марки со штемп. Хаб. Отд. Госбанка. 1918 г. (*Натур. вел.*)

На некоторых из них штемпель поставлен — красной, на некоторых—фиолетовой краской.

Чрезвычайно неудобные для счета, они исчезли из обращения, как только другие дензнаки были выпущены на рынок.

«Эмиссия» Иманского (Приамур. обл.) Казначейства.

Следуя примеру Хабаровска, Иманское Казначейство прибегло к таковому же выпуску гербовых марок разных достоинств. Они также были наклеены на плотную бумагу и заштемпелеваны штемпелем «Иманское Казначейство».

Надпись эта была сделана овально: слово «Иманское» выгнуто вверху, — «Казначейство» внизу, выгнуто вниз.

Период Советской власти.

Пришедшая в Хабаровск в феврале 1918 года на смену «Земского Бюро» Советская власть оказалась в положении еще худшем, нежели ее предшественники: — вынужденная осуществить декреты центрального советского правительства об из'ятии из денежного оборота почти всех категорий ценных бумаг, местная власть подрубила под собой последние элементы денежного обращения.

Пожар гражданской войны изолировал район Хабаровска то от Владивостока, то от Амурской области. Запас обращавшихся в крае обще-российских кредитных билетов не пополнялся, но в то же время покупательная сила их падала; так с довоенного курса иены в 97 коп. золотом, стоимость иены на Хабаровском рынке возросла в 1917 году до 3-х рублей на романовские, т. е., иначе сказать, стоимость жизни возросла в несколько раз по сравнению с довоенным и военным периодом; соотношение это находит подтверждение в следующей таблице цен по Хабаровску в «романовских» знаках:

		За период нормальн.	За период 1917 г.	Увеличились
Хлеб печеный	1 фунт	5 коп.	25 коп.	в 5,0 раз
Мясо .	1	18 коп.	1 рубль	„ 5,5 раза
Молоко	1 бут.	10 коп.	25 коп.	„ 2,5 раза
Дрова .	1 куб.	45 рублей	200 рублей	4,4 раза

Хабаровская эмиссия 1918 г. (краснощековские).

Полное исчезновение денежных знаков с рынка повело к выпуску денежных знаков местного изготовления. В феврале 1918 года, вскоре же после начала своего функционирования «Дальне-Восточный Совет Народных Комиссаров» постановил выпустить в обращение свои денежные знаки достоинством в 10, 25 и 50 рублей. Знаки эти впоследствии получили в народе наименование «краснощековских» — по имени, помещенной на лицевой стороне их подписи Председателя Дальсовнаркома—Краснощекова. Кроме этой подписи на этих знаках имеются подписи «Ком-фина»—Г. Колмановича и «Управляющего Государственного Банка» — Фугалевича. Знаки печатались в Хабаровске, техника выпуска была поручена местному Отделению Государственного Банка. На лицевой стороне, помимо подписей, титула — «Дальне-Восточный Совет Народных Комиссаров» и указания цифрами и прописью достоинства знака (десять, двадцать пять или пятьдесят рублей)—напечатано: «подделка преследуется законом» и в виньетке «Дальний Восток» помещено изображение окутанного облаками земного полушария.

Ден. знак Дальсовнаркома. г. Хабаровск. 1918 г.

(*Натур. велич. 155 x 100 мм.*).

(*Оборотная сторона*).

Колер знака розовато-коричневый. Оборотная сторона — желтовато-зеленая. Под надписью — «обязателен к обращению в пределах Дальнего Востока» в виньетке помещены буквы— «Р.Ф.С.Р.»

Кроме того, на фоне—виднеющихся вдали труб фабрик, реки с пароходами, деревень с засеянными полями и идущего

поезда—высятся две фигуры: с одной стороны—рабочий с молотом в руке, с другой—крестьянин в руке с косою. Эта картина дала знакам другое, еще более привившееся к ним, название «косари», под которым они и известны по всему Дальнему Востоку.[1])

Хотя районом хождения выпущенных денежных знаков и об'явлена была вся советская, подчиненная дальсовнаркому область, но фактически район обращения был ограничен территорией, прилежащей к Хабаровску, так как Благовещенск, еще в 1917 году успел выпустить свои денежные знаки и продолжал в 1918 г. этот выпуск, а Сахалинская область, вскоре, выпустила свои знаки. Правда, некоторое время «краснощековки» со штемпелем Ник. н/Амуре Отдел. Государственного Банка появлялись в Николаевском на Амуре районе, но сколько-нибудь значительного обращения там не получили.

Выпуски «косарей» продолжались в течение всего периода существования Дальсовнаркома, т.е. по 6-ое сентября 1918 г.

Падение стоимости денег продолжалось по мере выпуска их; так сравнительная таблица цен 1917 года (на романовские) и 1918 года (на керенские и «косари») дает следующую картину:

	1917 год.	1918 год.
Хлеб печеный 1 фунт.	25 коп.	60 коп.
Мясо 1 фунт.	1 рубль	3 рубля
Молоко 1 бут.	25 коп.	1 рубль
Дрова . 1 куб.	200 рублей	500 рублей

Курс иены достиг в 1918 году 5-и рублей.

Общая сумма, выпущенных в Хабаровске Дальсовнаркомом денежных знаков достигла—11.396.575 рублей, т. е. по приблизительному курсу на золотой рубль составила около 2 миллионов золотых рублей, поглощенных районом Хабаровска за период, приблизительно, шести месяцев, т. е. около 350 тысяч золотых рублей в месяц.

Как указали мы, знаки эти были выпущены достоинством в 10, 25 и 50 руб., из общего количества 535.299 экземпляров этих знаков на сумму в 11.396.575 было выпущено:

[1]) Цитированный уже нами А. М. Браиловский, в своем «Каталоге», изданном в Тифлисе, сообщает о выпуске «*Командующим красными войсками* Совета Народных Комиссаров Д. Востока» Краснощековым своих денег «в 1, 5, 10, 25 и 50 р.» На самом деле денег в 1 и 5 руб. выпущено и даже предположено к выпуску не было. Кроме того, А. М. Краснощеков никогда *командующим войсками* не был, состоя в 1918 г. лишь председателем Дальсовнаркома.

в 10 рублей	—307.560	шт.	на	сумму	3 075.600	рублей
в 25 „	—122.639	„	„	„	3 065 975	„
в 50 „	—105.101	„	„	„	5.255.000	„

Акцептованные Хабаровским Отдел. Гос. Банка чеки вкладчиков.

Помимо выпуска своих денежных знаков, Дальсовнарком, в поисках срочного разрешения денежного кризиса, 27-го июля 1918 г. постановил выпустить в обращение, акцептованные Отделением Банка, чеки по текущим счетам восемнадцати местных учреждений, предварительно заполнив эти чеки указанием о сумме их.[1])

Так как главною целью выпуска являлось смягчение разменного кризиса, чеки были выпущены достоинством в: 5, 10, 15, 20, 25, 40, 50, 55, 60, 70, 75, 80, 100 рублей.

Отдельные чеки имелись еще в 125, 140, 200, 250 рублей, по одному чеку было акцептовано на сумму: 384 руб. 40 коп., 3000 рублей.

Акцептовались чеки следующих 18-ти учреждений: Управления по постройке Вост. Амурской ж. д., Контроля по постройке этой дороги, Амурской Контрольной Палаты, Ам. Об-ва Пароходства и Торговли, Хабаровского Окр. Арсенала, Хабар. Уездн. Земск. Упр., Хабаровского Город. Обществ. Упр., Окружн. Интенд. Управления, Ам. речной Флотилии, Хабар. Почтово-Телегр. Конторы, Окружн. Артилл. Управления, Хаб. Местн. Лазарета, Первой Хабар. Женской Гимназии, Хабар. Гимн. Военного Ведомства, Хабар. Реального Училища, Управл. Приам. П-тел. Ведомства, Лагеря Военнопленных Хабар. Гарнизона, Товарищества Сергиевского Винокур. завода.

Впоследствии чеки эти сами собой исчезли с рынка.

Период Омской государственности.

В сентябре власть Вр. Сибирского Правительства сменила в Хабаровске власть Дальсовнаркома.

К этому времени денежный оборот был насыщен исключительно денежными знаками местного советского выпуска.

Валюты в крае не имелось, а оставшееся к началу 1918 года незначительное количество романовских и керенских ушла из края, стекаясь к Владивостоку и Харбину, где на них устанавливался все больший и больший лаж.

Правда, с уходом советской власти на рынке появились подлежавшие из'ятию и аннулированию процентные бумаги, но одни они, конечно, не могли заменить собою в денежном обороте области «краснощековки».

---

[1]) См. Протокол заседания Д. Восточного Совета Народных Комиссаров № 218 от 27 июля 1918 г.; приказ о том же Д. В. С. Н. К. за № 162.

Временное Сибирское, а потом и Вр. Российское Правительство адмирала Колчака, приступив к выпуску своих краткосрочных обязательств, не могли удовлетворить ими потребности района Западной Сибири. Понимая это, Омское Правительство одновременно с выпуском своих «обязательств» издало постановление от 23-го сентября 1918 года «о хождении наравне с денежными знаками 5% краткосрочных обязательств и 4% серий Государственного Казначейства и некоторых облигаций 5% займа Свободы, а равно купонов всех государственных % бумаг, срочных до 1 октября 1918 года включительно».[1])

Постановлением Совета Министров от 10-го декабря того же 18 года право свободного обращения было распространено и на купоны наступавших сроков.

Но все эти постановления не разрешали вопроса для периода, последовавшего за противосоветским переворотом на Дальнем Востоке.

Как мы уже отметили, ценные бумаги и купоны от них, появившиеся на рынке, составляли незначительный денежный фонд.

По сведениям Омского Министерства Финансов всего в Приморской и Сахалинской областях, т. е. в районе, охватившем: Владивосток, Хабаровск, Николаевск на Амуре, Петропавловск, процентных бумаг, находившихся в обращении наравне с кредитными билетами, имелось:

Облигаций военных займов на сумму	583 050	руб.
„ займа Свободы с тек. купонами на сумму	1.606.450	„
Всего на сумму	2.189.500	руб.[2])

Заштемпелевание «Краснощековских»

Омское Министерство Финансов имело тенденцию своими обязательствами унифицировать денежные знаки—денежные суррогаты, но, как писал оффициоз Министерства,—«мероприятия Вр. Сибирского Правительства в этом отношении находили некоторое внутреннее сопротивление. Денежный кризис приобретал характер общего явления. Последнее вызвало постановление Административного Совета Вр. Сибирского Правительства, а также Совета Министров, которые допускали к временному хождению известные купюры местных денежных знаков, под непременным условием их заштемпелевания до фиксированного законом срока и обмена. Закон прикреплял известные денежные знаки к определенной территории».[2])

Соответствующее постановление Административного Совета Временного Сибирского Правительства в отношении денеж-

[1]) «Собрание Узаконений и Распоряжений Вр. Сиб. Пр-ва» отъ 12-го октября 1918 года за № 14, отд. I.

[2]) «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» г. Омск, 1919 г. № 7.

ных знаков, выпущенных советской властью в *Хабаровске,* Чите и в Амурской области было издано 17-го октября 1918 года.

Постановление это прикрепляло «Краснощековские» денежные знаки к району Хабаровска, а Амурские—«Мухинские» и «Алексеевские» к Благовещенску. Для заштемпелевания назначался срок до 1-го декабря 1918 года. Впредь до этого срока Сибирское Пр-во, не видя иного выхода, вынуждено было допустить к временному свободному обращению, без всякой предварительной регистрации, так называемые, советские денежные знаки.

В соответствии с этим постановлением Местным Отделением Государственного Банка была об'явлена обязательная до 1-го декабря регистрация, а позже в Хабаровских газетах было помещено об'явление:

«Хабаровское Отделение Государственного Банка
—об'являет, что—
штемпелевание Краснощековских денежных знаков 10 и 25 руб. достоинства продлено до 15-го декабря сего года включительно».

Отсрочка эта была вызвана чисто техническими причинами — отделение не смогло справиться к сроку с заштемпелеванием пред'являвшихся знаков.

Но и назначенный срок оказался недостаточным. Удаленные от казначейств районы не смогли к сроку представить имевшиеся у населения денежные знаки советского выпуска и протестовали против недостаточности предоставленного срока. Правительство вынуждено было пойти навстречу населению, тем более, что к назначенному сроку оно само не готово было к предоставлению окраинам денежн. подкреплений взамен подлежавших из'ятию знаков. После некоторых колебаний Совет Министров Вр. Российского Правительства 25-го февраля 1919 года постановил «предоставить Министру Финансов право продлить до 1-го апреля 1919 года истекший 1-го декабря 1918 года срок заштемпелевания учреждениями Государственного Банка советских денежных знаков, выпущенных в Хабаровске, Чите и в Амурской области».[1])

Но и это, как увидим ниже, было не последнее послабление в отношении денежных знаков советского выпуска.

За весь период об'явленной обязательной регистрации было пред'явлено и заштемпелевано «краснощековских» дензнаков:

10	руб.	284491	экз.	на	сумму	2.844.910	руб.
25	«	109937	«	«	«	2.748.425	«
50	«	101471	«	«	«	5.073.550	«
Итого		495899	экз.	на	сумму	10.666.885	руб.,

т. е. примерно 93% общего количества выпуска.

[1]) Собр. Узак. и Расп. Пр-ва. Омск. 15 мая 19 г. № 5, отдел I. ст. 52.

Одновременно с заштемпелеванием «Краснощековских» в Хабаровске была об'явлена обязательная сдача в Отделение Государственного Банка ранее заштемпелеванных в Отделении денежных знаков Благовещенского выпуска. Об этом состоялось постановление Междуведомственного Совещания[1]) и было опубликовано следующее об'явление:

«Настоящим доводится до сведения учреждений, торговых фирм и населения города Хабаровска и Хабаровского района, что амурские боны в 1, 3, 5, 15 и 100 руб., заштемпелеванные Хабаровским Отделением Государственного Банка, Сберегательной Кассой и земскими учреждениями Хабаровского района Приморской области, должны быть в течение двухнедельного срока (до 22 сего декабря включительно) сданы в Хабаровское Отделение Государственного Банка на текущий счет или во все сберегательные кассы Хабаровского района с тем, что оплата их будет произведена по получении банком подкрепления. Амурские боны, не штемпелеванные или со штемпелями каких-либо других учреждений, за исключением вышеуказанных, принимаются под особые расписки для отсылки на предмет обмена.

(Подлинное подписали) Председатель Окружного Междуведомственного Совещания—Н. Бурдуков. Хабар. Городской Голова—Збайков. Председат. Хабар. Уезд. Земской Управы—Долежал. Управляющий Хабар. Отд. Госбанка Фугалевич. Хабаровский Уездный Комиссар—А. Фыгин».[2])

Обмен денежных знаков советского выпуска. К обмену советских денежных знаков Омское правительство готовилось чрезвычайно медленно. Еще в марте 1919 года Харбинским Биржевым Комитетом и помощником Верховного уполномоченного Пр-ва была получена из Омска от Министра Финансов телеграмма: «изготовление денежных знаков в настоящее время дозволяет пойти навстречу пожеланиям краевого с'езда о необходимости обмена суррогатов бумажных денег на Дальнем Востоке»[3]). Несмотря на эту готовность лишь в июле 1920 года состоялось постановление Совета Министров о том, что «свободное хождение в качестве денежных знаков, заштемпелеванных учреждениями банка до 1-го апреля 1919 года Хабаровских, Читинских и Амурских советских бон оканчивается 31-го июля и не заштемпелеванные до 1-го апреля теряют силу».[4])

Комментируя эту новую отсрочку, один из Омских правительственых оффициозов, не желая сознаваться в отсутствии возможности быстрой унификации денежного обращения, утвер-

[1]) См. прот. Междуведомств. Совещ. № 20 отъ 3/XII 1918 г.
[2]) «Приморские областные известия» 8 декабря 1918 г. Хабаровскъ.
[3]) «Вестник Маньчжурии» от 12-го марта 1919 года г. Харбин.
[4]) «Правительственный Вестник» от 5-го июля 1919 года г. Омск.

ждал, что пр-во, «не желая ставить в тяжелое положение население, солдат и офицеров, вынужденных принимать советские деньги, как во время большевизма, так и после него, установило срок приема денег до 31-го июля 1919 г. За этот срок все имеющие на руках советские деньги, конечно, успеют обменять их на деньги Российского Пр-ва».[1])

К указанному сроку было пред'явлено к обмену и по паритету обменено и из'ято из обращения, т. н. краснощековских дензнаков на сумму—10.515.655 руб., т. е. 92,2% общей суммы Хабаровской эмиссии. Осталось не обмененными, застряв на руках у населения или будучи уничтоженными, этих знаков лишь на сумму—881.090 руб., т. е. 7,8% всей эмиссии.

Общая сумма заштемпелеванных *амурских* городских и др. бон достигла—5.225.000 рублей.

После произведенного обмена в обороте, до осуществления закона 1920 г. о девальвации, оставались исключительно «сибирские» дензнаки и те новые местные суррогаты, которыми пришлось «корректировать» ошибки предшествовавших мероприятий.

Акцептованные чеки Хабаровского Отделения Государственного Банка.

Недостаток денежных знаков и недостаточность имевшихся «краснощековских» купюр, слишком незначительных при продолжавшемся падении курса их, привели к выпуску Хабаровским Отделением Государственного Банка акцептованных чеков сторублевого достоинства, имевших хождение наравне с денежными знаками.

Выпущено их было на сумму—2.359.400 рублей и впоследствии они постепенно ушли с рынка, обмениваясь по паритету на другие денежные знаки.

Контрольные марки Хабаровской Почтовой Конторы.

Вслед за из'ятием денежных знаков прошлых местных выпусков, вследствие прекратившагося подкрепления из Омска, вновь стал наблюдаться денежный кризис и в борьбе с ним местной инициативе не оставалось ничего другого, как вновь приступить к выпуску денежных суррогатов. В качестве таковых на этот раз, по постановлению Междуведомственного Совещания[2]), были использованы контрольные марки, заштемпелеванные Хабаровской Почтовой Конторой. Их было выпущено в течение октября 1919 г. на сумму 1.230.000 рублей.

Марки эти были достоинством в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 100 рублей. Впоследствии они, без каких-либо особых постановлений об этом, сами собой прекратили хождение и исчезли из оборота.

---

[1]) «Бюллетень» № 8 Освед. Отд. Верх. Главнокомандующего г. Омск. 28 июля 1919 г.
[2]) См. постановление «Междуведомственного Совещания» от 19 октября 1919 года, № 18.

Квитанции минснаб-прода; кооперативные и частные боны.

В том же 1919 году недостаток денежных знаков мелких купюр вызвал выпуск разного рода бон, квитанций, авансовых карточек. В районе Хабаровска имели обращение наравне с денежными знаками, упоминавшиеся нами в главе посвященной Приморью, ордера казенных сельско-хозяйственных складов, предназначенные для Приморской, Амурской и Сахалинской областей, достоинством в 1, 3, 5, 10, 20, 40 и 100 рублей.

Местным *«Уполномоченным Министерства Снабжения и Продовольствия по Хабаровскому району»*,—в целях предоставления возможности при фактическом отсутствии на рынке мелких купюр, закупать в розницу продукты,—в 1919году были выпущены свои «Временные квитанции на получение продуктов» достоинством в 1, 3, 5 и 10 рублей, на срок до первого мая 1920 года.

Квитанция Уполном. Минист Снабж. и Продов. по Хабаровск. району. 1919 г.

(*Натуральн. велич. 112 x 79 мм.*).

Хабаровский Кооперативный Банк, совместно с Амурским Областным Кредитным Союзом в Благовещенске, выпустил боны достоинством в 1, 3, 5 и 10 руб. «Т/Д. Кунст и Альберст», как и во Владивостоке выпустил в Хабаровске свои «обязательства» в 50 коп. и 1 рубль.

Керенки и 4½% облигации.

Как и на протяжении всей Сибири и Дальнего Востока в районе Хабаровска, в течение апреля и мая 1919 года было осуществлено постановление Омского Правительства от 15 апреля 1919 года об из'ятии из обращения «Керенок», а в конце года появились в обращении, присланные из Владивостока, выпущенные на основании постановления Совета Министров (Вр. Российского Правительства)—облигации первых трех разрядов Государственного Внутреннего 4½% выигрышного займа и купоны к ним. Эти облигации и купоны принимались на рынке гораздо охотнее, нежели «Сибзнаки».

1920 год.

13-го февраля власть переходит к земству, 16-го—к Ревштабу, 7-го апреля,—в результате японского выступления,—власть вновь была возвращена городскому самоуправлению и в июле была установлена связь—подчиненность Владивостоку.

В течение первых четырех месяцев 1920 года политические пертурбации осложнили и без того неособенно блестящее продовольственное и денежное положение Хабаровска.

В апреле 1920 года Уполномоченный Министерства Снабжения и Продовольствия по Хабаровскому району об'явил, что им заключено соглашение с Обществом Потребителей «Единение» и с торговым кооперативом булочного и пекарного производства на отпуск населению печеного хлеба из муки, доставленной этим организациям уполномоченным.

Печеный хлеб должен был отпускаться по карточкам, по одному фунту на человека, по цене 12 руб. за фунт из сеянки и 20 рублей из сортовой муки.

Отсутствие денежных подкреплений из Владивостока осложнило местный денежный оборот, и нужду в денежных знаках, конечно, не удовлетворили времени. квитанции уполснабпрода, ордера сельско-хозяйственных складов и боны кооперативов.

Необходимость сохранить на рынке последние оставшиеся денежные знаки—«сибирские», в том числе даже заподозренные в происхождении обязательства Государственного Казначейства, срочные 1-го июня 1920 года, в отношении которых предпринимались меры по из'ятию во Владивостоке,—вынудило Хабаровскую, так называемую, Малую Городскую Думу, в заседании своем 26-го апреля 20 г., вынести постановление:

«Тысячерублевые краткосрочные обязательства Государственного казначейства, срочные на 1-ое июня 1920 года, должны быть представлены в Хабаровское Отделение Государственного Банка не позже 10-го мая 1920 года для перфировки, после чего они будут выпущены вновь для свободного хождения и прием будет обязателен. Все такие обязательства, непред'явленные к указанному сроку в отделение Банка, к приему не будут обязательными впредь до разрешения этого вопроса Правительством».

В том же заседании Малая Городская Дума постановила: «Чеки Владивостокского Отделения Государственного Банка тысячерублевого достоинства имеют свободное хождение».

Таким образом, впредь до осуществления в Хабаровске приморской денежной реформы 5-го июня 20 г. здесь, помимо суррогатов (бон, ордеров, квитанций), имели хождение исключительно «сибирские» денежные знаки и обращавшиеся наравне с ними, чеки Владивостокского Отделения Государственного Банка.

Курс и цены. Как мы уже указали выше—рост цен на продукты на вольном рынке и падение курса имевших хождение на рынке денежных знаков почти совпадали.

Приведем краткие сведения о ценах на местном рынке.

Сравнительная таблица цен

за период 1917—1919 г. г.

	Хлеб печеный 1 фунт	Мясо 1 фунт	Молоко 1 бутылка	Дрова 1 куб. саж.
До 17 г. (нормальн.) . .	5 к.	18 к.	10 к.	45 р.
1917 г. на романовск. .	25 к.	1 р. — к.	25 к.	200 р.
1918 г.—на краснощековские .	60 к.	3 р. — к.	1 р. — к.	500 р.
1-я половина 1919 г. — на сибирские . . .	2 р. — к	10 р. — к.	8 р. -- к.	1000 р.
2-я половина 1919 г. — на сибирские .	5 р. — к.	60 р. — к.	15 р. к.	6.000 р.
1920 г. (до июля) на сибирские	30-50 р. — к.	250-1000 р. — к.	— —	20.000-60.000 р.

Падение курса кредитного рубля началось еще в период войны. В первые годы революции стоимость 1 иены возросла:
в 1917 году до 3-х рублей,
в 1918 году до 5-ти рублей.

Затем темп падения стоимости бумажного рубля становится все стремительнее. Тенденция, однажды проявившись, неуклонно развивается, возростая в темпе.

1 иена стоила на «сибирские»:

В 1-й пол. 1919 г.	— 35 р.	До 15-го июня 1920 г.	— 690 р.
В августе „	— 90 р.	В конце июня „	—2000 р.
Во 2-й пол. „	—150 р.	В начале июля „	—2500 р.
В январе 1920 года	—175 р.	К девальвации	—3500 р.
В мае „	—365 р.		

До 1919 года фактически рынок не знал иены, лишь с 1919 года стала она проникать в местный товарооборот и укрепляться. Крупные сделки, вследствие колебания курса рубля, с конца 1919 г. начинают заключаться в иенах; не останавливает это и изданное 7-го июня 19 г. постановление Омского Правительства, воспрещающее товарные сделки на иностранную валюту.

Соотношение стоимости различных денежных знаков зафиксировано и, кажется, достаточно удачно Китайской Восточной железной дорогой и Русско-Азиатским Банком, которые при расчетах с пассажирами и клиентами в 19 г. считали, что 1 золотой рубль равен 10 руб. «романовскими» или 50-ти руб. «керенскими» или 10 руб. «сибирскими».

Соотношение это правильно и для 1918 года, приравнивая «краснощековские» денежные знаки к «сибирским».

Приморская денежная реформа по закону 5-го июня 1920 года в Хабаровске.

Проведение в Хабаровске в жизнь владивостокской денежной реформы совпало с моментом новой пертурбации местного масштаба, так называемым, «Лихойдовским» захватом города, что придало особое своеобразие процессу обмена «сибирских».

Кроме того, это «своеобразие» помогло обнаружить и степень действительного, здорового патриотизма отдельных групп городского населения.

Как было уже указано, к июлю месяцу курс сибзнаков упал до 2500 рублей за один золотой рубль и грозил дальнейшим безудержным падением.

Казалось бы, жалеть об из'ятии сибзнаков не было основания. Но слишком велика была предвзятость и по отношении к новым знакам. Это обстоятельство вызвало враждебность в подходе к денежной реформе Приморья. Надо полагать, что сказалась в этом и враждебность, проявленная иностранцами.

9-го июля состоялось заседание Хабаровской Торгово-Промышленной Палаты. По обсуждении закона 5-го июня, было вынесено постановление—*поддерживать девальвацию, но вместе с тем ходатайствовать о двухмесячной отсрочке.*

В тот же день состоялось заседание Центрального Бюро Проф. Союзов, постановившее о безоговорочной поддержке реформы. Центральное Бюро выпустило воззвание к трудящимся с призывом способствовать обмену денег.

12-го числа состоялось собрание торгово-промышленников, созванное по требованию средних и мелких торговцев. Причина созыва собрания—недовольство резолюцией, принятой Торгово-Промышленной палатой 9-го июля. В виду резкого расхождения собрания с этой резолюцией, собрание вынесло свою резолюцию о полной поддержке девальвации. Член Палаты—Городской Голова, недовольный резолюцией, демонстративно покинул собрание. Тогда же в беседе с сотрудником «Дальта» китайский консул откровенно заявил: китайские торговцы недовольны девальвацией, будут воздерживаться от приема новых знаков, такое же постановление вынесло китайское общество.[1])

Десятого начался обмен сибзнаков. Обмен первый день производился слабо, благодаря плохой осведомленности населения. Кроме банков и казначейства обмен производили и кооперативы. В первый же день уполномоченного Временного Правительства посетили китайский и японский консулы; интересовались вопросом: распространяется ли на Хабаровск со-

[1]) Телеграфное агентство «Руста», Хабаровск, 13 июля 22 года.

глашение консульского корпуса во Владивостоке относительно регистрации сибирских знаков, находящихся в руках иностранцев; уполномоченный временного правительства заявил: «Правило о регистрации действительно для всей области».[1])

К 22-му закончился обмен. Первые дни публика упорно не шла в банки, в последние пошла, но обменить не успела. Комиссия по проведению денежной реформы, вследствие этого, постановила—продлить обмен еще на 5 дней, т. е. по 27-ое июля.

По 21-ое включительно было обменено в Хабаровске — 74.530.155 р. сибирскими.

На Имане не обошлось без недоразумений: японцы вели агитацию против обмена, что вызвало справедливые протесты со стороны населения.

Это дало повод японскому осведомительному Бюро (Я.О.Б.) дать через свое агентство следующую, малограмотную, телеграфную «информацию»: «Владивосток 31-го июля. С целью обеспечить новыми русскими деньгами обращение, а также в виде возмездия за имевший во Владивостоке место бойкот русских денег иностранцами, комиссары, инкогнито пребывающие в Имане и окрестностях, инсценировали там бойкот японской валюты. Их агитация, однако, встречает мало сочувствия со стороны населения, которое хорошо понимает положение вещей, т. е. устойчивость японской валюты с одной стороны и сомнительную ценность русских денег с другой. В самом деле бойкот пока поддерживается только из боязни неприятных последствий в будущем и, очевидно, должен скоро кончиться неудачей и восстановлением нормальных условий».[2])

В самом Хабаровске иностранные резиденты избрали иной, нежели во Владивостоке, путь в борьбе с новыми денежными знаками. Об'единенным строем они подняли цены на все продукты. Это в свою очередь вызвало об'явление потребителями бойкота китайским торговцам. 27-го июля, в день окончания обмена, на базаре неподчинившимся бойкоту покупателям публика устраивала скандалы. В результате бойкотисты, преимущественно женщины, отправились к уполномоченному Временного Правительства с протестом против повышения цен.[3])

Торгово-Промышленная Палата резко высказалась против признания Владивостокской реформы. Когда от имени торговопромышленников города выборы в Нарсоб производила самоизбравшаяся Торгово-Промышленная Палата, в числе других избранных имелся и К. Т. Лихойдовъ, который въ день своего избрания внес в Палату предложение о непризнании

---

[1]) «Руста». Хабаровск, 10-го июля 20 г.
[2]) Газ. «Воля» № 86 от 1-го августа 1920 года.
[3]) «Руста» Хабаровск 27-го июля 20-го года.

денежной реформы, что Палата и приняла. Когда же было созвано общее собрание торгово-промышленников, то за предложение Палаты не голосовали даже ее члены, а о положении, в котором очутился «избранник»—Лихойдовъ, очень ярко говорит отчет о заседании, напечатанный в № 35 газеты «Наше Слово». Отчет этот отмечает, что одинъ из участников собрания, гр. Андреев, полемизируя с представителем Торгово-Промышленной Палаты, гр. Скуратомъ, заявляет: «Мы русские люди и не должны разрушать своего русского дела. Противодействовать денежной реформе—это губить других и себя. Губить русское дело на Дальнем Востоке—мы не имеем права,—пусть это делают другие, это дело иностранцев, но не дело русского» [1]).

Общее собрание торгово-промышленников, после бурных прений, единогласно приняло резолюцию: «считать необходимым денежную реформу проводить в Хабаровске в полном об'еме и в сроки, установленные законом, без всяких отступлений. Общее собрание торгово-промышленников обещает всеми мерами поддерживать обмен новых денежных знаков и тем со всеми слоями русского населения помочь укрепить русское дело на Дальнем Востоке. При этом высказывает пожелание о создании правительства на коалиционных началах с несоциалистическими группами».

Действующее на основании колчаковского закона, Хабаровское Городское Управление встретило денежную реформу также недружелюбно. 15-го июля Хабаровская Городская Дума постановила протестовать против введения денежной реформы, вместе с тем просить двухмесячной отсрочки. Одновременно городской голова воспретил отделам Управы прием новых денежных знаков.[2])

Впоследствии, на заседании Народного Собрания во Владивостоке 30-го июля, представитель Управления Внутренних Дел, давая раз'яснения о положении дел в Хабаровске, утверждал, что Хабаровская Дума фактически не отказывалась принимать новые денежные знаки, а на заседании своем вынесла лишь резолюцию с просьбой пересмотреть закон о девальвации и продлить срок обмена.

На заседании Городской Думы 3 августа Дума постановила разработать проэкт займа, «но непременно в валюте». Так как, как заявил городской голова Лихойдов, «если даже правительство и дало бы ссуду в 1200 тысяч, то это будет поздно, ибо рубль стремительно падает».

---

[1]) Газ. «Наше Слово» № 35. г. Хабаровск. 1920 г.
[2]) Хабаровск. «Руста» 17|VIII 20 года.

12-го августа в вечернем выпуске местной газеты «Голос Трудящихся» полностью была напечатана резолюция Хабаровской Городской Думы.

Составленная в резких тонах, осуждающая деятельность и действия владивостокского правительства Дальнего Востока, резолюция, между прочим, утверждала, что правительство путем девальвации разорило население, причем Хабаровский уезд пострадал более, чем на 250 миллионов рублей; правительство не в состоянии создать и укрепить финансы страны и ведет умышленно и сознательно к полному разорению и обнищанию населения, отдавая его в полную экономическую кабалу иностранцам.»

Казалось бы, что в своих мероприятиях протестующая Хабаровская Городская Дума будет соблюдать интересы русского края и населения, но перечислив вину Приморского пр-ва, Дума постановила: «1) Окончательно отказаться от подчинения этому (Владивостокскому) правительству, как неспособному возсоздать нормальную государственную жизнь, не признавать его властью государственной. 2) Вновь временно принять Городским Самоуправлением право верховной власти в пределах города и нижнего течения Амура... 4) Просить *японское командование о военной защите города* и территории уезда от всяких посягательств со стороны большевиков всяких оттенков, считая в том числе и Владивостокское правительство, до тех пор, пока в крае не появится пр-во, которое будет признано союзными державами и Японией в частности. 5) Просить у Японии заем не менее 30 миллионов иен, *по 5 миллионов ежемесячно,* под обеспечение всем достоянием города и уезда. Заем этот должен быть погашен или конвентирован тем краевым пр-вом, которое будет признано Японией. 6) *Немедленно, в виде временной меры, ввести японскую валюту*».

Постановление Хабаровской Городской Думы вызвало всеобщее негодование по всему Русскому Дальнему Востоку. Первыми реагировали на эту резолюцию профсоюзы г. Хабаровска. Конференция Профсоюзов «обсудив факт умышленной оттяжки Хабаровской Городской Думой выборов в Народное Собрание и перевыборов Городского Самоуправления, констатирует: что Хабаровская Городская Дума демонстративно реакционной политикой против об'единения Д. В., систематическим противодействием мероприятиям Вр. Пр-ва, стремлением к обесцениванию русского рубля, ведущими к политическому и экономическому закабалению города иностранцами, Хабаровская Дума вызывает рознь среди населения со всеми ее ужасными последствиями; 3) последними же своими постановлениями о заключении у иностранцев займа под обеспечение всем городским достоянием и переходе на золотую валюту по курсу иены,

городская дума отдает население Хабаровска во власть иностранного капитала, тем самым предрешая утерю русской политической самостоятельности края».

Позже конференция профсоюзов, под угрозой всеобщей стачки, потребовала сложения Городской Думой своих полномочий в пользу представителей п-ва Дальнего Востока—Приморской Земской Управы.

20-го августа всеобщая стачка была об‘явлена. 21-го августа Народное Собрание приняло закон о роспуске Хабаровской Городской Думы. Но понадобилось еще 10 дней для того, чтобы сломить упорное цепляние за власть Хабаровской Городской Думы. Лишь после того, как ее многократные обращения к японскому главному командованию ни к чему не повели—1-го сентября 1920 года «Хабаровская Городская Дума, —как сообщалось в хабаровской газете «Новая Жизнь»,—уступая внешнему давлению, сегодня прекратила свою деятельность. Городской Голова и Члены Управы с сегодняшнего дня прекращают посещения Управы.»

С устранением власти Лихойдовской Городской Думы сам собою разрешился и вопрос о денежном обращении в районе.

Денежное обращение вошло в русло приморской денежной реформы.

С установлением связи Владивостока с Хабаровском, казначейство последнего было дополнительно подкреплено новыми денежными знаками и весь административный аппарат содержался на эти знаки впредь до новой, во Владивостокѣ, эмиссии разменного серебра и присылки его в Хабаровск.

Разменное серебро. Из своей первой эмиссии разменного серебра Владивосток за период с 19-го октября по 10-ое ноября подкрепил Хабаровское Казначейство суммою в 530.000 рублей. Кроме того, в Иманское Казначейство было выслано 200.000 рублей.

Имевшая место и во Владивостоке несогласованность ведомственныхъ распоряжений об установленном в их предприятиях и учеждениях курсе па серебро—в условиях хабаровской жизни вызвала значительные затруднения и осложнила расчеты со служащими. На это обращал внимание Ведомства Финансов Уполномоченный Вр. Правительства.

В средних числах ноября он телеграфировал из Хабаровска: «курс золотого рубля в серебре для различных правительственных учреждений Хабаровска установлен Владивостоком не одинаковый, так: Государственным Банком—1 руб. 75 коп. серебром, Уполснобпродом—2 рубля; почтой, телеграфом и Уссурийской ж. д.—3 р. 50 к.

Разнообразие курса вредит установлению нормальной стоимости серебряной монеты, осложняет расчеты и, естественно, дает основания торговле держаться низкого курса серебра, нанося ущерб казне, обывателям, служащим учреждений, получающим по курсу 1 рубль 75 коп., но оплачивающих свои жизненные расходы по курсу около 4-х рублей. Ходатайствую об установлении в Хабаровском районе одного курса золотого рубля, как единого средства доведения курса серебра до его действительной стоимости».

Указанное обстоятельство вызвало выработку продовольственниками своих мер по установлению одинакового курса на серебро. Было созвано местное совещание представителей продорганизаций, кооперации, города, земства, торгово-промышленников и китайского общества. Совещанием был установлен прием серебра по курсу за один золотой—3 серебряных. Китайские торговые фирмы заявили, что они постановление совещания будут поддерживать.

Денежный кризис. Привезенное в Хабаровск количество серебра оказалось достаточным лишь на срок до 2-ой эмиссии. К концу ноября в хабаровском казначействе, почти полностью, исчерпались привезенные запасы. Они были расчитаны на покрытие неотложных текущих нужд и применительно к общеобластной добавочной эмиссии предполагалось дополнительное подкрепление Хабаровска. Но, как увидим, «не зависящие причины» вновь воспрепятствовали нормальному функционированию Хабаровского Казначейства.

Жить своими поступлениями оно, конечно, не могло. Хабаровск в течение всего 1920 года оставался фронтовым городом и предполагать нормальное поступление налогов и пр. доходов не приходилось, тем более, что к этому времени еще не были применены законы об исчислении налогов в золотом рубле и фактически никаких поступлений не было.

Расходы же предстояли немалые. Составленные всеми учреждениями Хабаровского района сметы на последнюю треть 1920 года в золотом рубле указывали, что в золотых рублях на ноябрь необходимо:

На содержание правительственн. служащих . .	170 000 р.
„ хозяйств. нужды (отопление, освещение, вода и др. расходы) . . .	150 000 р.
довольствие и содержание в области	137 000 р.
военные госпиталя	35.000 р.
Всего .	492.000 р.

или, по курсу, даже,—1 р. 75 к.,—861.000 рублей мелк. серебр. монетой.

В эту сумму не были включены расходы, потребные на вошедшие в город и охранявшие его амурские войска.

Одновременно с кризисом из-за отсутствия денежных знаков—разменной монеты, возникал другой кризис, явившийся следствием проникновения в район не признанных еще обязательными к хождению денежных знаков, выпущенных в Благовещенске, Верхнеудинске и Чите Пр-вом Д.В.Р.

Прибывшие с Амура войска были снабжены именно этими денежными знаками и требовали приема их и только ими имели возможность оплачивать расходы на свое содержание.

16-го ноября Совет Управляющих Ведомствами во Владивостоке получил от Уполномоченного Вр. Правительства из Хабаровска следующую телеграмму: «Вопрос хождения Хабаровском районе кредиток Д.В.Р. еще не разрешен, между тем, вошедшие амурские войска настоятельно в этом нуждаются, так как они имеют на руках исключительно кредитки Д. В. Р. Невозможность быстрого, коренного решения этого вопроса заставляет искать временный практический выход, в качестве которого может быть принят один из вариантов: 1) открыть командующему войсками Хабаровского района в местном Государственном Банке временный счет для учета и обмена кредиток Д.В.Р. на наши кредитки и разменное серебро, производя этот обмен; 2) обменивать кредитки—рубль за рубль с переводом на серебро по курсу Владивостокского Государственного Банка; 3) девальвация Амурской области на кредитки Д. В. Р. производилась один к 1.000, у нас один к 200, исходя из этого можно установить курс разменного серебра за 100 рублей Д. В. Р., изменяя последний в зависимости от отношения золот. рубля к установленному курсу нашего разменного серебра. Благоволите указанием мне. Милеев».

Наступившие события—конференция по об'единению правительств Дальнего Востока, вмешательство японского командования в транспортировку ценностей и пр.—так и оставили неразрешенными вопросы, поставленные этой телеграммой.

Вмешательство японцев в дело подкрепления.

Подкрепить Хабаровское Казначейство из сумм 2-ой и 3-й эмиссий разменного серебра так и не удалось, несмотря на то, что из 2-ой эмиссии для этой цели предназначалось 600.000 руб. Подробнее на препятствиях, чинимых в этом деле японским командованием мы уже останавливались в главе о Приморье. Дополним сообщенное выдержками из меморандума японской дипломатической миссии во Владивостоке, врученного 29-го ноября 1920 года г. Кикучи председателю совета управляющих Вр. Пр-ва.

«Идут слухи,—говорилось в меморандуме,—что, якобы, перевозится на читинское направление серебро, золото, ценности, кои были возвращены японским командованием.

Однако означенные предметы должны быть, согласно переговоров между заинтересованными сторонами, оставлены в пределах территории Владивостокской власти, как обеспечение местного правительства, потому японскими властями будут приняты нужные меры по приостановлению перевозки вышеупомянутых вещей на Запад.

...В случае, если означенные соглашения и прочие будут нарушены указаниями со стороны Читинской власти, то японское командование готово принять соответствующие меры непосредственно, не предупреждая о том местное пр-во заблаговременно».

Взаимоотношения Хабаровска с Читой. Настороженность японского командования в отношении вывоза «на читинское направление» явилась результатом несколько неосмотрительных и поспешных действий вновь образованного в Чите правительства Дальне-Восточной Республики и Министерства Финансов этого правительства.

Постановление Вр. Делового Президиума Читинской Конференции правительств, 2-го ноября 1920 года, об из'ятии из обращения звонкой монеты внесло замешательство в денежное обращение района Хабаровска, формально продолжавшего оставаться под властью Владивостокского Вр. Правительства, но фактически подпавшего под управление Читы. Постепенно Хабаровск эмансипировался от Владивостока и в правовом отношении.

Закон Вр. Делового Президиума Конференции в Чите, требовавший из'ятия валюты, оказался неосуществимым для Хабаровска, существовавшего исключительно на разменное серебро.

Но вслед за законом Читы от 2-го ноября последовало постановление Пр-ва Д. В. Р. от 15-го ноября, перечислявшее имевшие хождение в Республике денежные знаки; постановление это не упоминало о звонкой монете.

Одновременно, делая логический вывод из закона 2-го ноября, Министр Финансов Правительства Д. В. Р. телеграфно из Читы предписал Хабаровскому Казначейству немедленно из'ять из обращения звонкую монету и отправить ее в Читу. Распоряжение это не указывало—чем же должен заменить Хабаровск обслуживавшую район звонкую монету. О немедленном подкреплении знаками Д. В. Р. не могло быть и речи, да и знаки эти упорно не принимались рынком.

. Хабаровское Казначейство, понимая, что из'ятие звонкой монеты ударит прежде всего по трудящимся, ибо у торгово-промышленного класса останутся другие реальные ценности, которые они и задержат, не выпуская их в оборот,—запросило у Владивостокского правительства указаний, — как же поступить с распоряжением Читы. Владивосток предложил распоряжение это оставить без исполнения впредь до наступления момента, предусмотренного постановлением Совета Управляющих Ведомствами Вр. Правительства — Приморской Земской Управы от 6-го ноября 1920 года.[1])

Постановление это гласило:

«1) Впредь до достижения соглашения делегации Вр. Пр-ва, признать акты Вр. Делового президиума в Чите не имеющими обязательной силы на территории Приморского Вр. Правительства.

2) Всем учреждениям на территории Приморского Временного Правительства предложить и впредь выполнять распоряжения Совета Управляющих Ведомствами, который в свое время, по достижении соглашения на конференции и по ратификации этого соглашения Народным Собранием, не замедлит сложить свои полномочия, передав власть Центральному Правительству Дальнего Востока».

Хабаровское Казначейство вынуждено было послушаться Владивосток, а не Читу. Положение продолжало оставаться неопределенным, запасы звонкой монеты все более истощались и последние остатки ее уходили с рынка.

12-го декабря 1920 года Вр. Правительство—Приморская Земская Управа в соответствии с постановлением Народного Собрания отказалось от власти в пользу об'единенного правительства Д. В. Р. Хабаровск, который еще ранее, как сказали мы, фактически ориентировался на Читу, этим постановлением был приобщен к Чите и формально. Район Хабаровска был выделен в особую Приамурскую область.

В дальнейшем денежное обращение в этой области выравнялось по обще-девееровскому законодательству, не выделяясь из него чем-либо исключительным.

С исчезновением с рынка мелкого разменного серебра, область оставалась без денежного запаса впредь до отмены правительством Д. В. Р. своего закона об из'ятии звонкой монеты.

С отменой этого закона и казначейство, подкрепленное с Запада, и частный рынок, выбросив запрятанное—дали рынку вновь денежные знаки для оборота.

Период отсутствия денежных знаков фактически приучил

[1]) См. главу «Приморье»—стр. 118.

рынок к иностранной валюте, так как именно на нее коммерсанты, особенно наводнявшие район китайцы, производили торговлю, хотя и из под-полы.

В конце 1921 г. Хабаровск был занят войсками Вр. Приамурского (Меркуловского) Правительства.

Вошедшие в город войска и сопровождавшие их административные органы принесли с собой обращавшиеся во Владивостоке дензнаки—иены. После нескольких месяцев продолжавшегося захвата Хабаровска, последний частями армии ДВР был освобожден и с того времени — весны 1922 г.—вновь вошел в состав Дальне-Восточной Республики.

Денежное обращение последней к 1922 г. полностью перешло на золотую денежную единицу с подсобной серебряной монетой—банковской и биллонной.

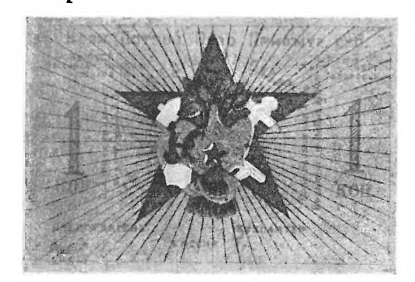
Эта же монета становится единственным орудием денежного обращения и в районе Хабаровска.

Но и при возвращении к сделкам на русскую звонкую монету, все же не переставали совершаться сделки и на иностранную валюту. Главной причиной этого явился недостаток российской монеты, в частности разменной.

Военно-кооперативные боны. Последнее обстоятельство вызвало выпуск своих бон кооперативами, обслуживающими воинские части, расквартированные в Хабаровске. Так в июле 1922 г. свои боны в 1, 2, 3 и 5 «копеек золотом» выпустило в обращение «*Военно-Кооперативное Об'единение Хабаровского Гарнизона*». Сроком погашения этих бон было указано 1-е января 1923 г.

Позднее — в марте 1923 г. были выпущены боны тех же достоинств «*Военно-Потребительским О-вом Приамурской губ.*».

Сроком обмена их было указано 1-ое января 1924 г.

Бон Военно-Потреб. О-ва Приам. губ. г. Хабаровск. 1923 г.
(*Натур. велич. 93x64 мм.*).

Несмотря на то, что на бонах выпуска как 23 г., так и 24 г., было указано, что они имеют хождение внутри данной организации, фактически, за отсутствием мелких разменных знаков, эти боны проникали в денежное обращение вольного рынка.

Об'единение областей Дальнего Востока. В октябре и ноябре 1922 г. — после присоединения Приморья к Чите и после об'единения ДВР с РСФСР происходит общее выравнивание окраинных мероприятий по существовавшим условиям бытия РСФСР.

Правда, Правительством последней было признано некоторое своеобразие условий в областях Д. Востока и это повело к временному сохранению существовавшей ранее системы денежного обращения.

В 1922—4 г.г. район Хабаровска не представлял какого-либо исключения по сравнению с другими районами Д. В. О. и мы еще вернемся к уяснению создавшейся кон'юнктуры денежного рынка.

В 1923 г. постановлением Дальревкома особо-существовавшая в течение трех лет Приамурская область, с центром в Хабаровске, «в интересах экономики края и упрощения административного управления», была об'единена с. Приморской губернией[1]). Гор. Хабаровск потерял свое административное значение, но общее значение его, как узлового пункта железнодорожной магистрали и водных путей сообщения с Ник. н/Амуре и Благовещенском, осталось прежним и, как прежде, кредитные учреждения, имеющиеся в этом городе обслуживают, особенно летним сезоном, обширный район, требующий большого запаса денежных рессурсов.

Об'единение областей не сняло с очереди перевод именно в Хабаровск центральных административных органов управления ДВО—Дальревкома и его отделов.

Избрание резиденцией Дальревкома Хабаровска вновь восстанавливает его прежнее значение.

ГЛАВА VI.

Амурская область.

(г. Благовещенск).

Амурская область наиболее полно отразила в себе всю ненормальность денежного обращения на Дальне-Восточной окраине, все перебои и все импровизации.

В течение немногих лет быстро сменялись правительства, то пользуя деньготворческую изобретательность своих предшественников, то отменяя предыдущие выпуски, из'емля уже попавшие в каналы денежного обращения знаки и предавая их сожжению.

---

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 61, от 1 сентября 1923 г., ст. 551. г. Чита.

Граница области соприкасается с границей Китая. Валюта соседней страны все время заставляет равняться по себе денежные знаки Амура. Помимо этого в амурской экономике революционного периода имеется и еще одно своеобразие, резко выделяющее область из ряда других. Своеобразие это заключается в широкой утилизации попавших в область обще-российских запасов золота и платины. Многомиллионность этих расходов, краткость времени, в течение которого происходят эти расходы и бросающееся в глаза несоответствие израсходованной суммы по отношению к площади, количеству населения и линии фронта гражданской войны—все это должно привлечь к себе особое внимание будущих исследователей-экономистов и вынуждает нас несколько подробнее задержаться на отдельных моментах описываемого периода.

Эмиссии Амурской области имели значение не для нее одной: выпускавшиеся в Амурской области денежные знаки имели хождение не только в Амурской области, но также и в соседних областях. Достигалось это таким путем: при выпуске денег в обращение Благовещенское Отделение Государственного Банка посылало в соседние Отделения Государственного Банка уведомления о выпуске, а также образцы выпущенных денежных знаков, с просьбою о беспрепятственном приеме пред‘являемых денежных знаков, с отнесением выплаченной за них другими денежными знаками суммы на счет Благовещенского Отделения Государственного Банка. В свою очередь Благовещенское Отделение Государственного беспрепятственно принимало краевые—Сахалинские, Приморские и другие денежные знаки. Впоследствии же между разногородними учреждениями Государственного Банка производился взаиный расчет.

1917 год.

Связь с центром. Обще-Российский недохват денежных знаков сказался и на Амуре. Перебои в функциях центральных аппаратов препятствовали с прежней регулярностью снабжать периферию подкреплениями. Однажды нарушенное в своем темпе денежное обращение трудно вновь привести в нормальное положение. Помимо некоторых шероховатостей в связи с центром, местный рынок острее, чем это имело место в глубине страны, ощущал падение курса российского кредитного рубля.

Производя хлебные злаки или добывая пушнину, население области желало приобрести на выручку от реализации их различные товары и орудия сельского хозяйства и промысла. Все это можно было иметь по ту сторону Амура—на китайской стороне, где имелась одна лишь твердая денежная единица—китайский доллар, так наз. «да-ян».

В течение 1917 года курс даяна на русские кредитные рубли возрос более, чем в два раза:

В марте 1917 года 1 даян стоил 2 рубля кредитными билетами
„ июне „ „ „ „ „ 3 „ „ „
„ декабре „ „ „ „ „ 4 руб. 30 к. „ „

Нужда в денежных знаках возросла пропорционально падению курса их.

Петроград в 1917 году, печатая кредитные билеты почти исключительно купюрами в 1000 рублей (так наз. «думские»), главным образом, именно этими билетами и снабжал Благовещенское отделение Государственного Банка с июня по конец октября 1917 года.

Но заполнение денежного рынка знаками исключительно крупных купюр, создало «разменный кризис».

В августе 1917 года Благовещенское отделение Госбанка получило из Петрограда телеграфное распоряжение, в целях смягчения кризиса, вызванного исчезновением с рынка мелких купюр, выпустить в обращение наравне с кредитными билетами также и купоны от правительственных процентных бумаг. Этим распоряжением было положено начало к появлению на денежном рынке «суррогатов». Однако, выпуск в обращение купонов хотя и смягчил несколько разменный кризис, но не устранил его, и уже в ноябре 1917 года Благовещенское отделение Государственного Банка, израсходовав имевшийся в его распоряжении запас купонов от процентных бумаг и не получая из Петрограда подкрепления денежными знаками, несмотря на ряд посланных центру телеграмм, вынуждено было закрыть операции своей разменной кассы за недостатком кредитных билетов мелких купюр.

Создавшийся разменный кризис и перерыв связи с центром понудил Благовещенское Городское Самоуправление приступить к выпуску в обращение Благовещенских городских разменных билетов.

1918 год.

«Благовещенские Городские разменные билеты».

Последовавший в конце года перерыв сообщения с центром углубил еще больше разменный кризис. В поисках выхода местное отделение Госбанка достигло соглашения о выпуске в обращение Благовещенским Городским Самоуправлением своих «Благовещенских городских разменных билетов» достоинством в 1 рубль и 3 руб. Изготовленные в одной из местных типо-литографий городские разменные билеты, по мере изготовления, сдавались в кассу Благовещенского отделения Государственного Банка, а этим последним вы-

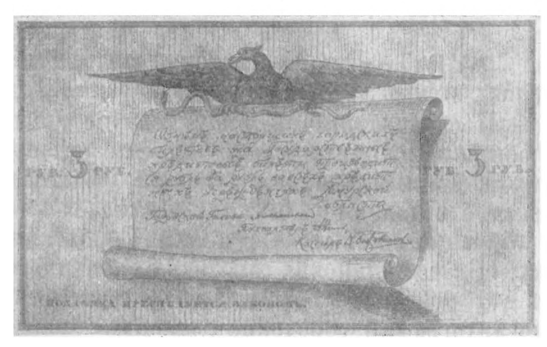
пускались в обращение наравне с общегосударственными кредитными билетами, причем в конце дня, при заключении операций, Отделение учитывало сумму выпущенных за день в обращение городских разменных билетов и равную сумму вносило 1000 рублевыми керенскими на открытый в Отделении текущий счет Городской Управы, заканчивая ежедневно таким способом свои расчеты с названной Управой. Внесенная на текущий счет 1000 рублевыми кредитными билетами сумма служила обеспечением выпущенных в обращение городских разменных билетов.

Благовещенский Городской разменный билет. 1918 г.
(*Натур. велич. 145 x 88 мм.*)

Выпуск местным самоуправлением в широкое обращение своих разменных билетов при посредстве Благовещенского Отделения Государственного Банка явился началом к совместной работе по выпуску кредитных билетов публично-правовых органов и органа обще-государственного, Благовещенского Отделения Государственного Банка, до того времени производившего свои операции исключительно на общегосударственные денежные знаки и знаки, заготовленные центром.

Постановление о выпуске городских билетов состоялось еще в конце 1917 года, тогда же было приступлено к их изготовлению. Билеты первоначальной заготовки были датированы 1917 г., но фактически выпустить их в обращение удалось лишь начиная с февраля 1918 года и этим годом датированы билеты дополнительной заготовки.

Благовещенский Городской разменный билет. 1918 г.
(*Оборотная сторона.*)

Первоначально городские билеты были выпущены еще при власти «Земского Бюро», сменившего 11-го декабря 17 г. на Краевом С'езде Самоуправлений в г. Хабаровске комиссара Вр. Правительства. Но и новая смена власти, роспуск «Земского

Бюро» земским краевым с'ездом в Благовещенске 12 января 1918 года, не остановила выпуск городск. самоуправлением разменных билетов».

Благовещенским Городским Самоуправлением было выпущено в обращение городских разменных билетов:

11-го	января	1918 года	1 руб.	достоинства	на сумму	168500 р.
26	"	"	3 "		"	600000 р.
15-го	февраля	"	1 "	"	"	207300 р.
27	"	"	3 "	"	"	330000 р.
				Итого	на сумму	1.305.800 р.

При среднем курсе даяна в феврале-марте 18 г. приблизительно в 5 руб. 25 коп. на бум. ден. знаки или в 82,4 коп. золотом, эмиссия Городского Самоуправления равнялась 301.849 зол. руб.

В феврале 1918 года власть перешла к Областному Совету Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, во главе с председателем Мухиным. Земские и городские самоуправления были об'явлены распущенными, все функции по местному и государственному управлению были сосредоточены в Исполкоме.

Недостаток разменных знаков продолжался. Курс даяна на кредитный рубль с 4 руб. 30 коп. в декабре 1917 года

возрос до	5 рублей	в январе	1918 года
и достиг	6 "	к июню	" "

Исполнительный Комитет Совета Трудящихся Амурской области, опасаясь исчезновения с рынка выпущенных разменных билетов, постановил продолжать выпуск их, сохранив прежнее клишé, заменив лишь подпись городского головы Алексеевского подписями: Председателя—Ф. Мухина, Комиссара Госбанка — С. Курочкина и Комиссара Казначейства—Тилина.

Ам. обл. разм. билет. г. Благовещенск. 1918 г.
(*Натур. велич. 145 x 88 мм.*)

Помимо прежних купюр в 1 рубль и в 3 рубля были выпущены билеты достоинством и в 10 рублей.

Всего городских разменных билетов Амурским Областным Исполкомом выпущено:

10-го	апреля	1918 г.	достоинством	в 10 р.	на сумму	504.000 р.
19-го	"		"	" 3 р.	"	642.000 р.
17-го	мая		"	" " "	" "	627.000 р.
				Итого	на	1.773.000 р.

Ниже нами приводится сводная

Таблица

выпуска *Благовещенских Городских разменных билетов* за период с 11-го января по 17-ое мая 1918 года.

Достоинством	За подписью Алексеевского	За подписью Мухина	Всего на сумму
в 1 рубль	375.800	—	375.800
„ 3 „	930.000	1.269 000	2.199.000
„ 10 „	—	504.000[1])	504.000
Итого	1.305 800	1.773.000	3.078.800

Амурские Областные разменные билеты. Одновременно с выпуском городских билетов Амурский Областной Исполком еще с апреля 1920 года начал изготовлять «Амурские областные разменные билеты», получившие общеизвестное наименование — «мухинки».

(*Лицевая сторона*). (*Оборотная сторона*).
Амурск. обл. Размен. билеты.
(*Натур. велич. 104 х 69 мм.*)

Билеты эти изготовлялись достоинств. в 5, 10, 15, 25 и 100 р.

Первыми были выпущены областные билеты достоинством в 25 рублей, для коих было использовано клише городских билетов с заменой лишь титула.

Билеты в 25 р. выпускались на бумаге грязно-сиренев. цвета.

Было выпущено:

17-го апреля	1918 г.	25	рубл. дост. на сумму	1.090.000 р.
28-го мая	„ „	5	„	1.445.000 р.
15-го июня	„	5	„	1.640.000 р.
6-го июля	„	5		2 500.000 р.
24-го июля	„	15		3.003 000 р.
2-го августа	„ „	15		960.750 р.
12 „ „	„ „	5		1.045.000 р.

[1]) В том числе и «Амурских Областных разменных билетов».

12 „	августа	1918 г.	100	рубл.	дост.	на сумму	1.468.000 р.
15 „	„	„ „	100	„	„	„ „	10.350.000 р.
17 „	„	„ „	100	„	„	„ „	1.910 000 р.
30 „	„	„ „	100	„	„	„ „	15.300.000 р.
11-го	сентября	1918 г.	100	рубл.	дост.	на сумму	18.600.000 р.
14 „	„	„ „	100		„	„ „	9.325.000 р.
						Итого на	68.636.750 р.

К октябрю курс даяна на русские кредитные знаки достиг 7 рублей.

(*Лицевая сторона*). (*Оборотная сторона*).
Амурские областн. размен. билеты.
(*Натур. велич. 105 x 58 мм.*)

Ниже мы систематизируем перечисленные выпуски «мухинок» по их достоинству.

Таблица

выпущенных в обращение «мухинок» за период 17 апреля — 14 сентября 1922 г.

достоинством в	5	рублей	на	сумму	6.630.000	руб.
„ „	15	„	„	„	3.963.750	руб.
„ „	25	„	„	„	1.090.000	руб.
„ „	100	„	„	„	56.953.000	руб.
	Итого		„	„	68.636.750	руб.

Общая сумма выпущенных Амурским Областным Исполнительным Комитетом денежных знаков за период с 10-го апреля по 14-ое сентября 1918 года выразилась в (1.773 000 + 68.636.750) 70.409.750 рублей.

Средний курс даяна на эти знаки за указанный период равнялся 6 руб. 50 коп., таким образом, эмиссия Амурского

Ам. Обл. разм. билет. г. Благовещенск. 1918 г.
Билет имеет погасительн. пробивку.
(*Натур. велич. 145 x 89 мм.*).

Областного Исполкома может быть «оценена» в сумму 10.832.269 даян или, считая средний местный курс золотой пятирублевки равным 4-м долларам 12 центам, — эмиссия в золотом рубле «оценивается» в 13.139.542 рубля.

«Сибирские кредитные билеты» на Амуре.

Но этим не исчерпывается еще количество денежных знаков, поглощенных в 1918 году Амурской областью.

С Августа 1918 года область становится убежищем эвакуировавшихся из Сибири различных советских учреждений. В период эвакуации из Иркутска, «Центро-Сибирь»—всесибирский исполком с'езда советов распорядился выпустить в обращение «Сибирские кредитные билеты» достоинством в 50 рублей (так наз. «молотки»). Билеты эти на общую сумму 20.750.000 руб. были выпущены в Чите, начиная с 29-го июля 1918 года.[1])

При продвижении советских учреждений на Амур указанными выше «Сибирскими кредитными билетами» было подкреплено Благовещенское отделение Государственного Банка, которое 5-го сентября 1918 г. выпустило в обращение этих билетов на сумму—5.255.000 рублей.

Билеты эти имели обращение наравне с Городскими и Областными билетами Амурского выпуска.

При сентябрском курсе даяна в 6 р. 50 коп. бумажными дензнаками, т. е. при курсе 1 зол. рубля в 5 р. 35,8 коп. бумажными знаками, выпуск «Сибирских кредитных билетов» был эквивалентен 980.776 зол. рублям. Распоряжением Читинского отделения Государственного Банка от 10-го октября 1918 г. за № 5423 на имя Союза служащих Благовещенского отделения Государственного Банка последний был уведомлен, что билеты эти подлежат «приему в платежи и размену».

Реализация золота.

Денежные эмиссии все же не покрывали расходов Областного Исполкома и его учреждений, несмотря на то, что—казалось бы—при существовавшем тогда курсе, выпускавшиеся денежные знаки достигали значительных сумм, исчисляя эмиссии в валюте.

Дополнительным источником существования для исполкома явились ценности, доставшиеся ему после об'явленной в области реквизиции и национализации.

Кроме того, на приисках области и в казначействах было взято некоторое количество золота в слитках и шлихе. Точных данных о количестве реализованного властью за этот период золота в нашем распоряжении нет и мы приводим, как характерную, лишь одну справку по делу реализации.

---

[1]) Подробности см. в главе «Забайкальск. обл.».

Согласно сообщения одного из деятелей Дальсовнаркома, незадолго до падения советской власти, председателем Обл'исполкома—Мухиным на приобретение оружия была реализована часть золотого запаса.[1]) Как впоследствии сообщил комиссар финансов того периода, к нему «17 сентября 1918 года, накануне падения советской власти, в Благовещенске, пришло несколько членов исполкома и предложили ему, как комиссару финансов, взять на хранение до 3-х мил. рублей, полученных от продажи партии золота китайцам в г. Алексеевске. Тогда же он узнал, что за китайцами осталось еще около 900 тысяч р., на которые имелась расписка».[2])

Как сообщил тот же комиссар финансов,—в 1920 году, после возвращения совзласти ему удалось обнаружить лиц, повинных в недовыплате этих 902 тысяч рублей. Одним из них был директор китайского банка в Сахаляне г. Мацзияма. Часть суммы—401.000 золотых рублей в 1920 г. удалось дополучить, остальные же деньги так и остались недовыданными.

Эмиссия «Вр. Амурского Правительства».

18-го сентября на смену Амурскому Областному Исполкому пришло «Вр. Амурское Правительство», — власть вновь возвратилась к земству. В наследство новой власти досталось полное безденежье, связь с Сибирью оказалась нарушенной, общее положение неопределенным, и ей не оставалось ничего иного, как вновь приступить к печатанию местных денежных знаков.

11-го сентября имел место последний выпуск «мухинок» при Мухине, а через две недели—25 сентября—эти же «мухинки» были выпущены «Вр. Амурским правительством».

Амурский Областной разменный билет. г. Благовещенск. 1918 г.

(*Оборотная сторона*).

(*Натур. величина 104 x 69 мм.*).

Всего им было выпущено:

Амурских Областных разменных билетов.

25-го сентября 1918 г.	100 рубл.	дост.	на сумму	9.115.000 р.[3]
4-го октября	"	"	"	8.918.600 р.

[1]) Газ. «Дальне-Восточный Телеграф» № 300 от 9/VIII-22 г. Показание М. И. Тайшина по делу Курочкина.

[2]) Газ. «Дальневосточный Путь» № 205 от 8/VIII 1922 г. Показание подсудимого Курочкина.

[3]) Из этой суммы на руб. 3.455.000,—было заготовлено к выпуску еще Исп. Комитетом Совета Трудящихся Амурской обл.

Амурских Городских разменных билетов.

2-го ноября 1918 г. 1 руб. достоинства на сумму 331.600 руб.

Итого на сумму 18.365.200 руб.

При среднем сентябрь-ноябрском курсе даяна в 7 рублей кред. билетами и при соотношении 5-ть рублей золотом равны 4 долларам 12 центам, — эмиссия «Вр. Амурского Правительства», исчисляя ее в валюте, составила 3.181.826 золотых рублей.

Омские финансовые мероприятия на Амуре.

Как мы уже указали, еще в августе 1917 года, распоряжением Петрограда, Благовещенское Отделение Госбанка выпустило в обращение купоны от %% бумаг. Позже были выпущены некоторые категории самих %% бумаг. Эти бумаги, а также купоны от них, впоследствии имели обращение, в соответствии с советским законодательством по этому вопросу, и все время фактически продолжали обращаться на денежном рынке.

20-го сентября 1918 года Вр. Сибирское правительство в Омске узаконило свободное обращение этих суррогатов и вскоре после распространения власти Омского правительства на Амурскую область, в Благовещенске Отделением Государственного Банка, для сведения и руководства было опубликовано следующее, изданное в Омске,

«Обязательное постановление.

Согласно закона от 20-го сентября 1918 года нижеперечисленные ценности имеют хождение по нарицательной стоимости наравне с денежными знаками и, подобно последним, обязательны к приему в платежи как в казну, так и между частными лицами, на неограниченную сумму:

1 п. Краткосрочные 5% обязательства Государственного Казначейства всех сроков и достоинств;

2 п. 4% серии Государственного Казначейства достоинством в 25, 50, 100 и 500 рублей и

3 п. 5% облигации Займа Свободы 20, 40, 50 и 100 рублевого достоинства.

Перечисленные в п.п. 1, 2 и 3 Государственные процентные бумаги имеют хождение в независимости от наличия при них купонов, а также штемпелевания их какими-либо государственными учреждениями.

4 п. Купоны от Государственных % бумаг, срочные не позже 1-го октября 1918 года включительно, по которым не истекла десятилетняя давность.

В виду этого воспрещается отказывать в приеме означенных выше ценностей при производстве платежей.

Виновные в нарушении этого обязательного постановления подвергаются, в административном порядке, по постановлениям губернских и областных комиссаров, штрафу до трех тысяч рублей или аресту на срок до 3-х месяцев.

Издавая настоящее обязательное постановление согласно полномочия, данному мне постановлением Совета Министров от 19-го октября 1918 г., об'являю, что оно вступает в силу тотчас по распубликовании.

Министр Внутренних дел Гаттенбергер. 26 ноября 1918 г. г. Омск».

Позже, постановлением Совмина от 16-го ноября 1919 г. было отменено ограничение купюр и сроков, допускавшихся к хождению наравне с деньгами купонов.

С декабря 1918 года в Амурскую область впервые проникают и выпускаются в обращение на сумму—11.350 тысяч рублей обязательства Государственного Казначейства, выпущенные в Омске. Первоначальный курс на них держался около 7,5 руб. за даян, т. е. около 6,18 руб. за 1 золотой рубль.

Эмиссионные итоги 1918 г.

Итак, в течение одного только 1918 г. Амурская область выпустила в обращение и поглотила городские разменные билеты трех выпусков — Алексеевского, Мухинского и Вр. Амурского правительств, Амурские областные разменные билеты двух выпусков: Обл'исполкома и Вр. Амурского Правительства; Сибирские Кредитные Билеты и сибирские обязательства казначейства.

В переводе на валюту общей суммы, поглощенных Амурской областью за год денежных знаков, по вышеприведенному исчислению окажется, что было выпущено:

Благовещенским Городским Самоуправлением на сумму	301.849 з. р.
Амурским Областным Исполнительн. Комитетом на сумму	13.139.542 з. р.
Вр. Амурским Правительством на сумму	3.181.826 з. р.
Кроме того:	
Знаков Центро-Сибири на сумму	980 776 з. р.
Обязательств Казначейства Омского Правительства на сумму	1.836 569 з. р.
Итого на сумму .	19.440 562 з. р.

не считая выпущенных в обращение наравне с денежными знаками % бумаг и купонов от них и не считая растраченного на местные нужды золота.

1919 год.

Обязательства Сибирского Казначейства и казначейские билеты Омского Пр-ва.

В течение 1919 г. Амурская область исправно подкреплялась Омском, выпускаемыми обязательствами государственного казначейства и сибирскими казначействами, денежными знаками.

Но подкрепление, хотя бы и систематическое, — не разрешало все же денежного кризиса, так как Омск высылал недостаточные суммы; падение курса на сибзнаки все ускорялось и ускорялось в темпе и выпускаемые в обращение в области сибзнаки не покрывали спроса денежного рынка.

Кроме того, одновременно из денежного оборота извлекались ранее выпущенные местные знаки и, как увидим ниже,— керенки,—что неблагоприятно отразилось на настроении рынка.

Сибирских краткосрочных обязательств Государственного Казначейства Благовещенским Отделением Государственного Банка было выпущено:

	в 1918 г.	в декабре	на сумму	11.350	тыс. руб.
Кроме того	в 1919	» январе	»	1.000	»
	»	» феврале	»	3.700	»
	»	» марте	»	20.000	
	»	» апреле	»	42.000	»
	»	» мае	»	18.000	»
	»	» июне	»	2.900	»
	»	» июле	»	6.500	
	»	» августе		18.000	
	»	сентябре	»	520	»
	»	» октябре	»	48.000	»
	»	» ноябре	»	17.950	»

Итого за 1918 и 1919 г. г. выпущено их на—190.820.000 руб.

Кроме того, *Сибирских Казначейских знаков* (в 1, 3, 5, 10 и 300 руб.) в Благовещенске Государственным Банком в 1919 году было выпущено в обращение на 1.889.755 рублей.

Помимо перечисленного, было выпущено бон Омского пр-ва достоинством в 50 копеек (оранжевые, американской заготовки) на сумму 330.000 рублей.

В конце 1919 года, согласно постановления Совета Министров от 19-го ноября 1919 г. Благовещенским Отделением Государственного Банка, за своим штемпелем, были выпущены в качестве денежных знаков двухсотрублевые облигации 2-го разряда Гос. внутр. $4^1/_2$% с выигрышами займа (американской заготовки) на сумму 5.800.000 руб. и купоны от этих облигаций на сумму 1.800.000 руб.

Общая сумма выпущенных в обращение в 1918—19 г. г. в Амурской области Омским правительством денежных знаков составила 198.750.000 рублей.

Курс на сибзнаки в течение 1919 года упал в двадцать раз.

Даян на сибзнаки стоил:

в январе	19 года	7 р. 50 к.	в июле	19 года	15 р.
„ апреле	„	9 р. — к.	„ августе	„	18 р.
„ мае	„	11 р. — к.	„ декабре	„	150 р.

Ясно, что при отмеченном падении курса, только в случае соответственного возрастания выпускаемой в обращение суммы сибзнаков они могли бы удовлетворить рынок, но этого не было и рынок вновь начал творить суррогаты.

В средине 1919 г., после апрельского и майского подкреплений в 42 и в 18 миллионов рублей, Омск в июне послал в область сибзнаков лишь на сумму 2.900.000 руб., а в июле лишь на 6.500.000 рублей. Одновременно 31 июля окончилось хождение местных заштемпелеванных ден. знаков. Местная общественность, обеспокоенная надвигающимся денежным кризисом, нашла нужным указать на это Омску.

13 июля 19 г. при Обл. Земской Управе состоялось финансовое совещание с участием представителей ведомств. Совещание это, как в свое время сообщало оффициозное телеграфное агентство, «признало положение области катастрофическим», совещание указало, что «советские боны котируются по 50 коп. за рубль; в связи с этим колоссальное вздорожание предметов первой необходимости: при наличии огромных запасов пшеницы, цена муки 26 руб. пуд. Из шести крупных мельниц работает одна, заводы не работают, золотопромышленники запасы на прииска везти не могут, что грозит приостановлением добычи золота летом. Неоплата переводов банками лишает возможности покупать товары. На рынке полный товарный голод. По мнению совещания необходима немедленная присылка общегосударственных знаков».[1])

%% бумаги и купоны от них.

Еще с 1917 г., как указывалось выше, Благов. Отд. Гос. Банка приступило к выпуску на рынок в качестве ден. знаков % бумаг разного наименования и купонов от них. Основанием к выпуску служили соответствующие указания центра.

В течение 1918—1919 гг. были выпущены 4% серии Госуд. Казнач., достоинством в 25, 50, 100 и 500 рублей, 5% облигации «Займа Свободы» достоинством в 20, 40, 50 и 100 рублей, с предварительным заштемпелеванием,—5½ % облигации военных займов.

[1]) Телеграмма «Р.Т.А.» Благовещенск. 14 июля 1919 г.

Кроме того, в течение 1918—1919 гг. было выпущено купонов от разных госуд. % бумаг на сумму 725.917 руб. 45 к.

Общая сумма выпущенных в обращение, перечисленных выше % бумаг не составила сколь либо значительной цифры.

Из'ятие из обращения «керенок». Утвержденное Верховным Правителем постановление омского совмина от 15-го апреля 1919 г. об из'ятии из обращения «керенок» достоинством в 20 и 40 рублей внесло, как и на протяжении всей остальной территории Сибири, большое замешательство в денежное обращение, подорвав веру в денежные знаки центральных правительств.

Благовещенск сам не делал курса, курс диктовался китайским Сахаляном, расположенным напротив Благовещенска на берегу Амура. Но Сахалян лишь варьировал курс, преподаваемый ему Харбином.

На закон об из'ятии «керенок» Харбин реагировал повышением курса на золотой рубль с 11 до 18 руб. сибзнаками.

Закон Омского правительства об из'ятии определял уплату сибзнаками рубль за рубль—на период до 15-го мая, полтинник за рубль—на период с 15-го мая по 15-ое июня с тем, чтобы второй полтинник зачислялся в 20-ти летний безпроцентный заем. При сдаче керенок после 15-го июня вводилась уценка их и др. ограничения.

Всего по Амурской области из'ято было из обращения в указанные законом сроки, «керенок» 20 и 40 рублевого достоинства на сумму—16.910.920 рублей.

Из'ятие городских и областных разменных билетов выпуска 1918 года. Сибирское временное правительство, а затем и временное Российское правительство адмирала Колчака, учитывая невозможность денежными знаками своих выпусков удовлетворить нужду населения в денежных знаках,—17-го октября 1918 года постановило сохранить свободное обращение советских денежных знаков, выпущенных в 1918 г. в Амурской области, при условии обязательного до 1-го декабря 18 г. заштемпелевания их Отделением Госбанка. Первоначальное распоряжение Омска распространяло это заштемпелевание лишь в отношении амурских бон в 1, 3, 5 и 100 руб. [1]) в дальнейшем мероприятие это было распространено и на боны в 10 и 25 рублей.

Омское распоряжение вызвало следующее циркулярное обращение Благовещенского Отделения Госбанка, направленное «*Волостным Земским Управам и Комитетам безопасности Амурской области.*

---

[1]) См. телегр. из Омска Управсиббанка—Скороходова от 19 октября 18 г. за № 105 на имя Благовещенского Отд. Госбанка.

На основании распоряжения г. Упр. Госбанком Сибири—Благовещенское Отделение Банка приступает к штемпелеванию городских и областных разменных билетов (Алексеевских и Мухинских), при чем крайним сроком штемпелевания и обмена нештемпелеванных на штемпелеванные назначает 31 Декабря с. г.

Сообщая об этом, Отделение Госбанка просит Волостные Земские Управы и Комитеты Безопасности широко оповестить о вышеизложенном население области и оказать содействие населению в деле обмена денежных знаков следующим путем:

1) Волостная Земская Управа или Комитет безопасности принимает от населения имеющиеся у него городские и областные разменые билеты, при чем при приеме ведет запись лицам, пред'явившим денежные знаки, и сумме пред'явленных ими денежных знаков.

2) Дабы не оставить население области без денежных знаков, Управам и Комитетам надлежит произвести обмен в два приема, причем в первый раз следует принять от населения не более половины имеющихся у него на руках денежных знаков.

3) Принятые от населения денежные знаки вместе с копией описи Управа или Комитет пересылает почтой или с нарочным в Отделение Госбанка для штемпелевания или обмена на штемпелеванные.

4) По получении от Отделения Банка денежных знаков в заштемпелеванном виде Управа или Комитет возвращает их населению согласно описи.

5) Выдача населению взамен принятых в первый раз к обмену нештемпелеванных ден-знаков штемпелеванными, Управа или Комитет предлагает населению сдать последние имеющиеся у него на руках городские и областные билеты и предупреждает, что дальнейшие шаги приема денежных знаков для штемпелевания и обмена не будет и что таковой будет производиться только в Отделении Госбанка в г. Благовещенске и не позднее 31-го декабря сего года.

6) На штемпелеванных билетах будет поставлен следующий штемпель: «явлен—Благовещенском Отделении Государственного Банка. Год, месяц, число. Подпись кассира Отделения», а также гербовая печать Благовещенского Отделения Государственного Банка. *Вр. Управляющий Кирилов*».

Как видим, опубликованным Отд. Госбанка предложением о заштемпелевании срок такового, по местным условиям, уже был продлен до 31-го декабря 18 г.

Но и за этот период денежный кризис не был изжит и надобность в денежных суррогатах не отпала. Центр, не имея возможности заменить местные боны своими обязательствами, вынужден был вновь продлить срок пред'явления к заштемпелеванию; постановлением Совмина от 25 февраля 19 года срок обязательного заштемпелевания был продлен до 1-го апреля 1919 года.

5-го июля 19 г. в Омском «Правительственном Вестнике» было опубликовано новое постановление Совмина об окончании 31-го июля 19 г. свободного хождения заштемпелеванных до 1 апреля советских бон. К 1-му августа 1919 года они подлежали обмену на сибирские денежные знаки по расчету рубль за рубль. На основании этого закона, всего было пред'явлено к обмену:

Амурских городских разменных билетов на сумму—1.852.664 р. т.-е. 60,1% общей суммы выпуска их.

Амурских областных разменных билетов на сумму—84.090.040 р. т.-е. 96,6% общей суммы выпуска их.

Ниже в двух таблицах мы приводим сведения о количестве из'ятых и оставшихся на руках у населения (или уничтоженных им) указанных денежных знаков с подразделением их по купюрам.

ТАБЛИЦА

из'ятых в 1919 г. из обращения амурских разменных билетов выпуска 1918 года

из'ято:

Достоинство:	Городских	Областных	ВСЕГО
	На сумму	На сумму	На сумму
В 1 рубль	269.179		269.179
3 рубля	1.102.665		1.102.665
5 рублей		5.924.020	5.924.020
10	480.820		480.820
15 „		3.764.895	3.764.895
„ 25 „		1.001.025	1.001.025
„ 100 „		73.400.100	73.400.100
Итого . .	1.852.664	84.090.040	85.942.704

Таблица

амурских разменных билетов выпуска 1918 года не пред'явленных к обмену.

Не сдано:

Амурских городских		Амурских областных	
ДОСТОИНСТВО	На сумму	ДОСТОИНСТВО	На сумму
В 1 рубль	438.221	В 5 рублей	706.000
3 рубля	1.096.335	„ 15 рублей	198.855
„ 10 рублей	23.180	„ 25 рублей	78.975
		„ 100 рублей	1.586.500
Итого .	1.557.736	Итого . .	2.570.330

Сданные населением к обмену разменные билеты были сожжены на городской электрической станции.

Сожжение амурских городских разменных бон происходило в течение 1919 года, а областных билетов—31-го октября 1920 года.

Разменные марки Амурского Областного Земства.

Казалось бы, что предпринимаемое из'ятие денежных знаков местных выпусков главной целью имело унифицирование денежной системы и пресекало возможность параллельно с происходящим процессом из'ятия производить новые выпуски в обращение денежных суррогатов.

Фактически дело обстояло совсем не так. Одной рукой устраняя с рынка денежные суррогаты, другой рукой, вследствие углублявшегося денежного кризиса, приходилось вновь насыщать рынок денежными знаками внезаконного происхождения.

Разм. марка Ам. Обл. Земства г. Благовещенск. 1919 г. *(В натур. величину)*.

Полное отсутствие в области мелких разменных денежных знаков и мелкой билонной или медной монеты вынудило Амурскую Областную Земскую Управу со средины 1919 года приступить к выпуску своих земских марок достоинством: оранжевые—в 50 копеек, коричневые—в 1 рубль, зеленые—в 3 рубля и синие—в 5 рублей.

Выпуск в обращение этих марок происходил по декабрь 19 г. Общая сумма выпуска достигла 18.000.000 рублей. Земские марки имеют форму обще-государственных гербовых марок, на оборотной стороне цифрой проставлено достоинство данной марки, а на лицевой напечатано: «Амурское Областное Земство», «почта», «сумма марки» и «выпускается на основании п. 5 ст. 2 закона 17-го июня 1917 года»; кроме того, был изображен герб области.

Марки Земства имели широкое распространение в области и охотно принимались как населением, так и торгующими китайцами.

Впоследствии при из'ятии из обращения этих марок при девальвации в 1920 году их пред'явлено было к обмену (на буферки) всего на сумму—4.952.070 рублей, т.-е. лишь 27,5% общей суммы выпуска.

Осталось их на руках у населения или было уничтожено при разных обстоятельствах на сумму около 13 миллионов рублей.

Отмечаемое явление—незначительность пред'явления к обмену—надлежит об'яснить:—во-первых, мелким достоинством этих марок, во-вторых, незначительностью курса денежных знаков в момент обмена и, наконец,—малым размером и быстротой изнашивания, что способствовало утере или приведению в негодность.

Оборотная сторона.

«Розовые чеки» Благовещенского Отделения Госбанка.

В декабре 1919 года Отделение Государственного Банка оказалось без подкрепления и, вследствие происшедшей эвакуации Омска, потеряв надежду на получение в ближайшее время знакового подкрепления, решило исполь-

зовать имевшийся в кладовой Отделения запас чековых (краснорозовых) книжек по перечислениям условных текущих счетов.

ЧЕКЪ ПРИЗНАЕТСЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ДЕСЯТИ ДНЕЙ СО ВРЕМЕНИ ЕГО ВЫДАЧИ.

Г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА. Р. 500

190 г. Прошу перечислить съ моего УСЛОВНАГО текущаго счета на

въ

Государственнаго Банка

№ 459002 № счета

ЧЕКЪ ПРИЗНАЕТСЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ДЕСЯТИ ДНЕЙ СО ВРЕМЕНИ ЕГО ВЫДАЧИ.

Чек Благ. Отд. Гообанка 1919—1920 г.
(*Натур. велич. 152 х 98 мм.*)

В декабре 1919 года и январе 1920 года Отделение выпустило их в обращение в качестве денежных знаков, снабдив штемпелем на обороте: «настоящий чек выпущен Благовещенским Отделением Государственного Банка и имеет бессрочное хождение наравне с кредитными билетами в сумме рублей».

На лицевой стороне был поставлен штемпель «обязуется уплатить пред'явителю сего» и чернилами была вписана сумма чека.

Таких чеков было выпущено:

500	рублевого достоинства	на сумму —	350.000	рублей
1000		,, ,,	1.400.000	
5000	,,	,, ,,	10.000.000	,,
		Итого.	. 11.750.000	рублей

Акцептование чеков частных вкладчиков.

Одновременно с выпуском, в качестве денег, своих чеков, Отделение Государственного Банка в декабре 1919 года, идя на встречу клиентам, чеки коих по их текущим счетам Отделение лишено было возможности оплачивать, за отсутствием в Банке наличности, ввело акцептование этих чеков, путем наложения на таковые штемпеля с указанием, что чек имеет хождение наравне с кредитными билетами в размере указанной на чеке суммы.

Таким способом отделением было акцептовано чеков всего на сумму—4.010.189 руб. 24 коп., что при декабрьском курсе даяна в 150 кредитных рублей соответствовало, примерно, 26.700 даянам, т. е. составило сумму, лишь в незначительной степени облегчавшую кризис местного денежного обращения.

Проэкт эмиссии Городского Самоуправления.

Денежный кризис конца 1919 года привел к мысли о необходимости произвести выпуск своих денежных знаков—не только Областное Земсгво, но и Благовещенское

Городское Самоуправление. Последнее возбудило перед Омским правительством ходатайство о разрешении выпуска городских бон.

После длительной телеграфной переписки, 4-го декабря 1919 года, уже из Иркутска, от заместителя Министра Финансов правительства адм. Колчака, на имя от-ния Госбанка с копией управляющему областью, последовала следующая телеграмма: «Разрешается Городскому Самоуправлению выпуск городских бонов на сумму пятьдесят миллионов рублей на условиях по соглашению с местным Упрбанком» [1])

По разработке Городской Управой проэкта выпуска бон и по согласованию этого проэкта с отделением Госбанка он был внесен на обсуждение Городской Думы.

Благовещенская Городская Дума в заседании своем 20-го декабря 1919 г. приняла нижеследующее

ПОЛОЖЕНИЕ
о выпуске бон Благовещенским Городским Самоуправлением.

1) Благовещенские городские боны выпускаются в обращение по постановлению Благовещенской Городской Думы мелкими купюрами на сумму 10 миллионов рублей.

2) Городские боны обеспечиваются всем имуществом Благовещенского Городского Самоуправления.

3) Выпуском городских бон имеется в виду удовлетворить недостаток в казначейских знаках и краткосрочных обязательствах Сибирского Временного Правительства, который ощущается на местном денежном рынке, почему выпускаемые боны заменяют собою эти денежные знаки, расцениваются городом наравне с ними, обмениваются на них рубль на рубль и, вообще, разделяют судьбу казначейских знаков и краткосрочных обязательств Сибирского Временного Правительства; при из'ятии из обращения оплачиваются знаками Сибирского Временного Правительства или теми, которыми они будут заменены, и по цене, равной сибирским знакам.

4) Городские боны выпускаются в билетах достоинством по усмотрению Городской Управы.

5) Городские боны изготовляются по образцу, утвержденному Городской Управой, за №№ и подписями городского головы, бухгалтера и кассира.

6) Подделка городских бон преследуется законом.

7) Заготовление и печатание бон производится под постоянным контролем особой комиссии, назначенной Городской Управой, и чинов Государственного Банка и Контроля; хранение и выпуск бон в обращение производится Городской Управой.

8) Городская Управа ведет особый счет выпущенных в обращение городских бон.

10) Из'ятие из обращения городских бон производится по особому постановлению Городской Думы, согласно выработанных Думой правил в указанные ею сроки, в которые держатели бон обязаны пред'явить их для обмена.

Предполагая возможно скоро произвести выпуск, Городская Управа изготовила городских бон на сумму—25 000.000 рублей, но заготовленные боны Городское Самоуправление в обращение так и не выпустило, так как боны эти были настолько плохо изготовлены, что любой типографии представилась бы возможность подделки их.

Отделение Государственного Банка в своем «совершенно секретном» отношении дает следующий отзыв об этих бонах:

«Выпуск городских бонов и прием их Отделением Государственного Банка, основываясь на распоряжении Министра

[1]) Телеграмма № 3110 заминфина Ильина из Иркутска, от 4-го декабря 1919 г.

Финансов, преследовал две цели: во первых, дать городу возможность воспользоваться беспроцентной ссудой путем выпуска бонов и во вторых, предоставить в распоряжение Отделения Государственного Банка некоторое количество городских бонов в качестве денежных знаков, в виду наблюдавшегося денежного кризиса.

Но так как изготовленные городские боны на сумму 25 миллионов рублей оказались совершенно непригодными для выпуска в обращение, в виду возможности их подделать на любой литографской машине, то они полностью были приняты Отделением Банка в свою кладовую, где и хранятся до настоящего времени.» [1])

Под внесенные в кладовую Отделения Государственного Банка свои боны Городское Самоуправление тогда же получило на равную сумму, т. е. на 25.000.000 рублей денежных знаков Благовещенского Отделения Государственного Банка, выпущенных последним в обращение в 1920 году.

Впоследствии, по издании в сентябре 1920 г. Нарревкомом закона о девальвации, указанные «городские боны» на 25 милл. рублей были взяты городским самоуправлением обратно и уничтожены.

Разрешение Омского пр-ва на выпуск денежных знаков Отделением Госбанка.

Вынужденное отказаться от унификации денежного обращения Омское пр-во широкой рукой предоставляло право выпуска все новых и новых суррогатов. В том же декабре 1919 года Центральное Управление Государственного Банка, эвакуированное в Иркутск, разрешило Благовещенскому Отделению Государственного Банка отпечатать свои денежные знаки, достоинством в 100 руб на сумму—20 миллионов рублей. Разрешением этим Отделению в 1919 году не удалось воспользоваться, и выпуск заготовленных на основании этого разрешения денежных знаков имел место уже после падения правительства адмирала Колчака—в 1920 г.

Кооперативные частные и казенные боны.

В течение 1919 года, помимо Земства, в целях облегчения разменного кризиса произвели выпуск мелких денежных знаков различные учреждения, организации и фирмы.

Особенно большую популярность завоевали кооперативные и продовольственные «авансовые карточки», выпущенные Амурским областным Кредитным Союзом, Амурским Областным Сою-

[1]) См. отношение Отд. Гос. Банка на имя Юридич. Секции при завед. Отд. Юстиции при Обл. Нарревкоме, от 12 мая 20 г. за № 1527.

зом Кооперативов, Главным Продовольственным Комитетом Амурской ж. д., «*Авансовые карточки*» *Амурского Областного Кредитного Союза*, достоинством в: 1 (желтые), 3 (зеленые), 5 (синие) и 10 (красные) рублей были выпущены ими совместно с «Хабаровским Кооперативным Банком». На карточке было указано, что она «имеет хождение между членами союзных товариществ». *Амурский Областной Союз Кооперативов—«Амурский Кооператор»* выпустил свои «авансовые карточки» в 50 копеек (палевые), в 1 рубль (серые) и 3 рубля (зеленые). На оборотной стороне карточек «Амурского Кооператора» было указано, что «настоящая авансовая карточка имеет хождение между членами потребительских обществ, входящих в союз», и что «Амурский Кооператор» «может произвести обмен авансовых карточек только от своих членов — потребительских обществ, а не отдельных лиц».

Помимо указанных, были выпущены кооперативные боны еще: Благовещенским Городским Об-вом Потребителей, а также Зейским (Ам. Обл.) Кооперативом.

На авансовых карточках «*Главного Продовольственного Комитета Амурской ж. д.*», достоинством в 1, 3 и 5 рублей, также имелись ограничительные надписи, но, как мы указали,— все эти знаки имели значительно более широкое обращение, нежели то, на которое расчитывали организации, их выпускавшие.

Аванс. карточка Гл. Продов. Комитета Ам. ж. д. 1919 г.

(*натур. велич. 101 x 73 мм.*)

Широкое распространение имели и боны «Торгового Дома Кунст и Альберст». Кроме того, имели хождение в области и ордера в 1, 3, 5, 10, 20, 40, 100 рублей «организации казенных сельско-хозяйственных скадов».

Ордера эти, как помнит читатель,[1]) были выпущены в том же 1919 году и на них было указано, что районом их хождения являются Приморская, Амурская и Сахалинская области.

Итоги 1919 года. Постоянно изменявшийся курс дензнаков на «даян» препятствует подсчитать в какой же сумме в твердой валюте выразилась эмиссии Ам. области за 1919 г., включая в нее дензнаки как местного изготовления, так и присланные извне.

С некоторой приближенностью к действительности можно, все же, сумму эту определить примерно в 18—20 милл. зол. руб.

---

[1]) См. главу «Приморье».

лей. Наиболее значительную часть ден. материала составили Сибзнаки, выпущенные в области в 1919 г. на номин. сумму свыше 18 милл. руб.

Выпуск билетов Казначейства, облигаций в 200 руб., купонов от них и от др. % бумаг и «полтинников» превысил 8 милл. руб.

Кроме того, как указано было выше, денег-марок земства выпущено было на сумму 18 милл. руб. и «розовых» чеков Благов. Отделения Госбанка почти на сумму 12 милл. руб.. Но эти местные суррогаты—марки и чеки по ср. курсу месяца их выпуска были эквивалентны всего лишь 300 тыс. зол руб.

1920 год.

Начало 1920 года ознаменовалось новым переворотом. Январь прошел тревожно, получены были сведения о падении власти адмирала Колчака в Сибири; Амурская область оставалась все же в окружении прежней власти: в Забайкалье незыблема была власть атамана Семенова, во Владивостоке все еще существовал ген. Розанов. Но 31 января пала власть последнего и немедленно же—4-го февраля, образовавшийся в Благовещенске «Временный Коалиционный Совет» принял на себя всю полноту власти по Амурской области. Просуществовал этот Коалиционный Совет ровно два дня. Власть была принята Сов. Р. и К. Депутатов, образовавших Народно-Революционный Комитет, так называемый—«Наррevком». В дальнейшем Амурская область сначала не могла некоторое время определить свою ориентировку по вопросу об организуемом Д. В. «буфере». Вначале она настаивала на непосредственном и безоговорочном присоединении к Р. С. Ф. С. Р. и ввела у себя все, предусмотренные советским законодательством, нормы.

Позже,—после провозглашения в Верхнеудинске 6-го апреля 20 года с‘ездом трудящихся Дальневосточной республики, Амурская область примкнула к Верхнеудинску и по соглашению с Приморьем помогла последнему ликвидировать в сентябре 20 г. в Хабаровске, так наз. «лихойдовщину». С этого времени и вплоть до образования, после избрания на Читинской Конференции, об‘единенного правительства Д. В. Р. и учреждения последним особо-выделенной Приамурской области (район тяготеющий к Хабаровску), Благовещенск неуклонно пытался подчинить Хабаровск себе.

После Читинской Конференции Амурская область была постепенно вводима в общее русло порядков Д. В. Р.

Падение власти адм. Колчака мало сказалось на денежном рынке Амурской области.

Напомним, что еще в ноябре 1919 года Амурская область получила из Сибири лишь половину суммы октябрского подкрепления денежными знаками.

Омская катастрофа сказалась на Амурской области еще за два месяца до своего рокового конца. Можно утверждать, что в отношении рессурсов еще за месяц до падения власти адмирала Колчака Амурская область эмансипировалась от Омского Правительства и от Сибири вообще.

В декабре, эвакуировавшийся в Иркутск «Омск», по инерции еще на что то соглашался, что то разрешал обращавшемуся за разрешениями Амуру, но жизнь последнего и его финансовая система, или, быть может правильнее сказать,—его финансовая анархия,—уже приняла самостоятельные формы. Вспомним, что в декабре Благовещенским Отделением Государственного Банка были выброшены на рынок свои «розовые» чеки и акцептованные чеки частных лиц. Тогда же состоялось постановление Городской Думы о своей эмиссии и тогда же, наконец, само Отделение Госбанка стало заготовлять для выпуска в обращение «денежные знаки» Отделения.

Денежные знаки Благовещенского Отделения Государственного Банка.

Первоначальное разрешение на выпуск этих знаков, как сказали мы, было дано Центральным Управлением Государственного Банка.

Несмотря на то, что разрешение это определяло предстоящую эмиссию Отделения в 20 миллионов рублей, Отделением уже в январе 1920 года выпущено было в обращение своих «денежных знаков» на 63 миллиона рублей.

Ден. знак Благов. Отд. Госбанка. 1920 г. (*Натур. величина 107 х 65 мм.*).

Амурский Народно-Революционный Комитет, начав свою деятельность в условиях полной изолированности области, постановил продолжать изготовление и выпуск этих знаков и они продолжали выпускаться вплоть до сентября месяца, хотя еще в июле 20 года один из членов посетившей Владивосток Амурской делегации заявил, что «денежная реформа ими мыслится целесообразной только в краевом, а не в местном масштабе. Выпуск своих знаков Амурским правительством считается не только не приемлемым, но и актом, противоречащим краевым интересам».[1])

По мере падения курса на выпускаемые знаки, они изготовлялись все более крупных купюр и все в большей сумме.

[1]) Газ. «Воля» № 79. 24 июля 1920 года. г. Владивосток.

Образец денежных знаков, несмотря на его несоответствие «духу времени», оставался прежним. Две таблицы дают представление о новой Амурской эмиссии:

А. Таблица

выпуска в обращение (по месяцам) в 1920 г. денежных знаков Благовещенского Отделения Государственного Банка. (т. н. «Куксинок»).

Выпущено в обращение:	На сумму руб. (номинальн.).	Что составило по ср. курсу мекс. долларов.
В январе 1920 г.	63.000.000	315.000
„ феврале	95.300.000	238.250
„ марте	416.360.000	520.450
„ апреле	378.200.000	189.100
„ мае .	504.000.000	126.000
„ июне	1.486.500.000	148.650
„ июле	1.169.500.000	77.966
„ августе	2 408.000.000	20.100
„ сентябре	3 197.223.000	31,972
Итого на сумму .	9.718.083 000	1.677.488

Б. Таблица.

выпущенных Благов. От-нием Госбанка в 1920 году денежных знаков *по купюрам:*

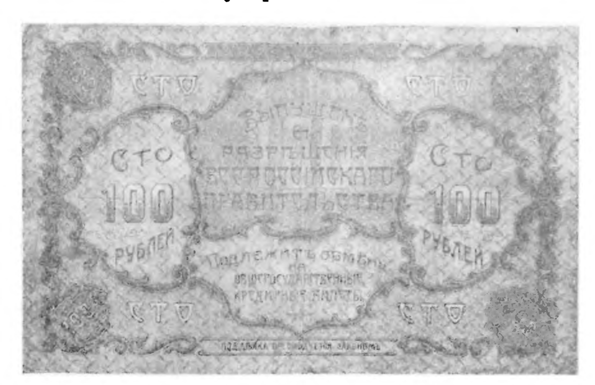
100	рублевого достоинства на сумму	20.060.000	рублей
500		153.700.000	„
1000		. 1.779.100.000	„
3000		. 3.791.223.000	„
5000		. 3.974.000.000	„
	Итого на сумму	. 9.718.083.000	рублей.

«Куксинки», получившие такое название в народе вследствие имевшейся на них подписи управляющего Благовещенским Отделением Государственного Банка—Куксинского, разделили участь сибзнаков—в сентябре 1920 года, на общих основаниях, они были девальвированы.

Общую сумму выпущенных «куксинок» можно в валюте, сообразуясь с курсом в месяца выпуска, определить примерно в сумме около полуторых миллионов зол. рублей. Приведенная таблица „А“ —дает любопытную картину падения курса, темп которого стремительно возростал, и прогрессирующая сумма эмиссии все же не могла восстановить валютный эквивалент эмиссии.

„Сибирские на сетчатке“ из Владивостока.

С установлением через Хабаровск связи с Владивостоком, Правительство последнего по просьбе Амурского Наррevкома направило подкрепление денежными знаками в Благовещенское отд. Государственного Банка. На Амур были

Дензнак Благов. Отд. Госбанка 1920 г. Оборотная сторона.
(*Натур. величина 167 x 106 мм.*).

посланы изготовлявшиеся во Владивостоке Сибирские „кратко срочные обязательства Казначейства“ купюрами в 50 руб., 250 руб., 1000 руб. и 5000 руб. на бумаге с водяными знаками сеткой.

Всего „краткосрочных обязательств Казначейства“ поступило из Владивостока и было выпущено в обращение Отделением Государственного Банка в Благовещенске:

В марте 1920 года на сумму	201.780.000	рублей
„ апреле „ „ „ „	101.000.000	„
Итого „ „	302.780.000	„

Обязательства эти имели хождение наравне с выпускавшимися в Благовещенске в 1920 г. „денежными знаками“ и рынок не делал разницы в цене между сетчаткой, благовещенскими и обычными сибирскими.

Хотя „сетчатку“ брали с большей готовностью.

Курс, цены, прожиточный минимум.

Падение курса на бумажный рубль стимулировало выпуск денежных знаков, а выпуск денежных знаков, в свою очередь, еще более ухудшал курс. Кроме того, денежные знаки местного выпуска вошли в обиход параллельно с имевшими хождение „Сибирскими“ и обращались на рынке по равному с ними курсу.

Повсеместное на Дальнем Востоке падение курса на сибзнаки, в связи с девальвацией их во Владивостоке и Верхне-

удинске и аннулированием их в Советской Сибири,—не могло не сказаться и на денежном рынке Амурской области.

Сибзнаки стремительно падали в цене, а вместе с ними теряли свою покупательную силу и „куксинки“.

Ниже нами приводится:

Таблица
стоимости 1 даяна на сибирские денежные знаки в г. Благовещенске, в 1920 г.

В январе	200 рублей	В июне	10.000 рублей
марте	800	„ июле	15.000
апреле	2.000	„ августе	80.000
мае	4.000 „	„ сентябре	100.000 „

Сопоставляя эти сведения с курсом на сибзнаки за этот же период в Харбине,—можно усмотреть, что харбинский курс был значительно благоприятнее для сибирских. Это обстоятельство можно об‘яснить: во-первых тем, что в Харбине продолжалися еще сделки на сибзнаки, в то время, как в Благовещенске они были лишь в предложении, а во-вторых теми амурскими „мероприятиями“ с золотом, которые форсировали нулификацию, имевших обращение „бумажек“.

Приводимые цифры по Благовещенску, взятые нами из оффициальных источников, несколько преуменьшают стоимость даяна, в действительности рынок в сентябре, например, давал за него более 150.000 рублей сибирскими или местными денежными знаками.

После выпуска в большом количестве местных денежных знаков достоинством в 3.000, стоимость даяна резким скачком увеличилась с 6—8 тысяч до 30—35 тысяч рублей.

Прожиточный минимум в период 1920 года подвергался столь же резким изменениям, как и падение стоимости бумажного рубля.

До февраля 1920 года минимум колебался от 700—1.500 рублей до 1.750 рублей. Затем последовательно минимум устанавливался в 7.500 рублей, 12.400 р., 15.000 р., 25.000 р., 35.000 р. и, наконец, к сентябрю минимум достиг 70.000 р., максимум был установлен в 105.000 рублей.

Был момент перед девальвацией, когда получавшие высший оклад русскими денежными знаками, служили примерно за 70—80 *центов* китайским долларом в месяц. Крестьяне совершенно отказывались брать сиб. деньги.

Цены к 20-му июня месяцу резкого перелома цен—составляли:

Мясо	1 ф.	500 р.	Сахар 1 ф.		725 р.
Конина		200 „	Хлеб белый 1 ф.		15 „
Сало		500 „	Ботинки пара		20.000
Масло	„	1.000	Сапоги	„	28.000
Соленая кэта	„	100 „	1 обед в нар. стол.		325 „

Делая попытку сбалансировать свой бюджет, Управление Амурской ж. д., постановлением от 20-го июня 20 года, ввело повышение тарифов 1917 года: малой скорости в 200 раз, для дров в 100 раз, багажа в 150 раз, пассажирск. всех классов в 150, товаро-багажа в 200 раз.

Заметного результата повышение тарифов не дало: во-первых падение курса быстро обогнало смысл введенного коэффициента, а во-вторых, об'явленная национализация частных предприятий, единственным клиентом жел.-дороги сделала те же казенные учреждения разных наименований.

Государственный баланс Амурской Области.

Мы имеем возможность привести баланс амурского хозяйства к моменту произведенной девальвации—сентябрю 1920 г. Сведения эти, быть может, не в полной мере соответствующие действительности, все же дают картину астрономических цифр, изображающих в денежном начертании положение Амурской области в канун девальвации.

Баланс

Амурского Обл. Совета Народного Хозяйства

на 1-ое сентября 1920 г.

ДЕБЕТЪ		
I. *Наличные средства.* Нар. Б-к, Сиб Б-к, Гор. Б-к, иностр. ден. % бумаг казначейств., авансов и подотч. лиц.	рб.	1.534.651.995.86
II. *Имущество и материалы.* Недвиж. и движим. имущ., материалы и накл. расх. на материалы . . .	рб.	11.320.827.240.35
III. *Дебиторы по золотой операции* . . .	рб.	19.536.027.39
IV. *Расходы по удовлетв. областн. нужд:*		
1) народн. здрав., призрению и постр. областн. зданий . .	рб.	568.697.554.80
2) расход. по разв. эконом. благосост.: по развит. с.-хоз., пушн. промысл., горн. пром., фабр.-заводск. промышл., шоссейн. дор., водн. путей.	рб.	308.579.650.70
3) областн. упр.—содерж. областн. контроля и совнархоза .	рб.	23.530.836.64
V. Расх. по упр. и эксплоат. областн. предприятий	рб.	75.355.666.69
VI. Др. статьи	рб.	2.718.129.41
Баланс .	рб.	13.853.897.101.84
КРЕДИТЪ		
I. *Кредиты*—сч. финанс. отдела	рб.	2.748.244.221.27
II. *Капиталы*—сч. капит. недвиж. имущ. и страховоч.	рб.	10.473.470.483.50
III. *Кредиторы*—разн. лица и учрежд., невыплач. содерж., суммы подлеж. зачисл. в дох. казны, ликвид. дел в казен. и обществ. учрежд. и частн. предпр., перех. суммы.	рб.	539.495.442.53
IV. *Доходы*—возвр. расх. на удовлетв. обл. нужд, карантин., судебн., с зем. угодий и т. п.	рб.	18.736.279.42
V. *Налоги—прямые*	рб.	83.967.16
косвенные	рб.	19.638.56
VI. *Доход с эксплоат. обл. предприятий*—от эксплоат. национ. флота и промышл. предприятий. . .	рб.	73.867.069.40
Баланс .	рб.	13.853.897.101.84

В приведенном балансе любопытны каждые из частей его, в частности, обращает на себя внимание мизерная сумма поступивших налогов.

Девальвация.

Мысль о необходимости предпринять из'ятие из обращения денежных знаков прежних выпусков, заняла руководителей амурской политики одно-

временно с возникновением этого вопроса в Верхнеудинске и Владивостоке. Но действительность вынуждала поступать прямо противоположно; продолжая местную эмиссию и засоряя каналы денежного обращения теми знаками, от которых впоследствие нужно будет их освободить.

Отсутствие подходящих новых денежных знаков, на которые можно было бы девальвировать (то, что благодаря наличию знаков американской заготовки, так благополучно разрешало вопрос для Верхнеудинска и Владивостока), а также отсутствие вполне определенного плана девальвации затягивало разрешение этого вопроса на Амуре.

В июле 1920 г., прибывшая во Владивосток Амурская делегация, ознакомившись с произведенной там девальвацией, заявила, что все знаки Амурского Областного Пр-ва должны быть из'яты на тех же основаниях, т.-е. за 200 рублей амурских— 1 рубль Вр. Пр-ва Д. В.[1])

13-го августа 1920 г. Нарревком издал постановление «о временном прекращении приема правительственными, кредитными и общественными учреждениями сибирских денежных знаков, следующих видов: 1) 5% обязат. Гос. Казначейства достоинством в: 100, 250, 500, 1000, 5000 и пр. высш. достоинств. 2) Казначейские знаки достоинством в 300 рублей, 3) облигации Гос. Внутренн. 4½% займа 1917 г. (американские) первых трех разрядов, цвета: зеленого, оранжевого и серого 200 рублевого достоинства (и купоны к этим облигациям в 4 р. 50 коп. тех же цветов)».

Июльский курс даяна—15000 руб. сиб. знаками, к августу скакнул до 80.000 рублей.

Недостаток денежных знаков мелких купюр заставил, все же, сохранить обязательность приема 5% обязат. Казнач. в 25, 50 и 100 рублей и казначейских знаков в 1, 3, 5 и 10 рублей, несмотря на нарушение этим общей идеи, преследуемой приведенным постановлением.

В сентябре на Амуре были получены, заготовлявшиеся Верхнеудинским правительством Д. В. Р., буферные денежные знаки и инструкции Верхнеудинска о порядке девальвации.

20-го сентября 20 г. Нарревкомом была об'явлена девальвация. Об этом издано было следующее:

Постановление
Народно-Революционного Комитета Амурской Области.

Реакционное П-во Колчака, окруженное спекуляцией русских и иностранных капиталистов, тратило миллиарды рублей на разрушительную для народного хозяйства и свободы гражданскую войну.

Для покрытия своих колоссальных расходов оно залило страну потоком бумажных денег, которые потеряли всякую ценность и вызвали к себе недоверие в населении. На падении ценности колчаковских денег наживались всевозможные дельцы и раззорялся трудовой народ.

[1]) Газ. «Воля» № 82, от 28-го июля 1920 г. г. Владивосток.

Наряду с другими разрухами Народному Правительству Дальне-Восточной Республики досталась в наследство и финансовая разруха, и оно должно принимать самые решительные меры к охране народного труда и ценностей.

Одной из мер, долженствующих улучшить финансовое положение страны, является сокращение бумажных денег путем из'ятия из обращения знаков, выпущенных сибирским пр-вом, а также и местных (Благовещенских) денежных знаков.

В целях вышеизложенного, Народно-Революционный Комитет Амурской области постановил:

1. Девальвировать: а) 5% обязательства Государственного Казначейства всех достоинств. б) Краткосрочные обязательства Государственного Казначейства всех достоинств в том числе и 1000 руб., срочные 1-го июля 1920 г. в) Денежные знаки Благовещенского Отделения Госбанка достоинством в 100, 500, 1000, 3000 и 5000 р. г) Казначейские знаки Вр. Сибирского Правительства достоинством в 1, 3, 5, 10 и 300 руб. д) Купоны всех государственных и гарантированных правительством займов, а также закладные листы Дворянского Земельного Банка и свидетельства Крестьянского Поземельного Банка, срочные с 1 декабря 1917 г. по 1 февраля 1920 г. е) Облигации 4½% внутреннего выигрышного займа (американские) 3-х разрядов (зеленого, желтого, коричневого цвет.) достоинством в 200 р. ж) Купоны к указанным в п. е) денежным знакам, достоинством в 4 р. 50 к. з) Выпущенные Благовещенским Отделением Госбанка чеки; и) % бумаги разных родов, выпущенные Благовещенским Отделением Госбанка со штемпелем, что указанные % бумаги имеют хождение наравне с кредитными билетами.

Все перечисленные денежные знаки заменяются кредитными билетами Дальне-Восточной Республики (в Верхнеудинске) из расчета—один рубль за тысячу руб. девальвируемых.

Кредитные билеты Дальне-Восточной Республики имеют беспрепятственное хождение в Советской России.

2. Девальвация распространяется: а) на все текущие счета и вклады независимо от времени открытия их, во всех кооперативных банках, казначействах и прочих кредитных учреждениях; б) на все взаимные денежные обязательства и договора денежного характера между учреждениями казенными, общественными, частными лицами, независимо от времени возникновения обязательств.

Примечание: Все числящиеся за гражданами недоимки казенные, земские и городские—вносятся в установленном размере новыми денежными знаками.

в) На все депозитные и специальные суммы.

3. Обмен денежных знаков производится в порядке, прилагаемой к постановлению, утвержденной Правительством инструкции в течение 10 дней в городах: Благовещенске, Алексеевске и Зее и 20 дней во всех остальных пунктах области, считая начальным сроком 20 сентября 1920 года.

Новых знаков в обмен на знаки, подлежащие девальвации, выданные в пропорции один за тысячу, т. е. в тысячу раз менее пред'являемой суммы, причем новых знаков выдается в обмен не свыше пятисот (500) рублей, т. е. полностью обмениваются подлежащие девальвации знаки на сумму не свыше пятисот тысяч (500.000) руб., в приеме же остальной суммы выдается установленного образца квитанция, которую Правительство обязуется погасить в 6-ти месячный срок равными частями.

5. Со дня опубликования настоящего закона о девальвации все поименованные в п. 1 денежные знаки об'являются неимеющими никакого хождения.

Настоящее постановление входит в силу со дня девальвации, т. е. с 20 сентября 1920 г.
Председатель Нар. Рев. К-та—Власов. Товарищ Председателя—Бушуев».

В Благовещенске, Алексеевске и Зее девальвация продолжалась 10 дней со дня об'явления о ней, в остальных местах области—в течение 20 дней. Как видно из постановления, по девальвации выдавалось буферных одному лицу не больше 500 рублей. На остальную сумму пред'являвшихся денежных знаков и подлежавших выдаче «буферок» выдавалась квитанция, по которой должна была быть произведена окончательная расплата в течение полугода.

По девальвации возвратилось в кассу Банка ранее выпущенных денежных знаков на сумму 8.987.469.720 рублей, из них «Куксинок» на сумму 8.976.276.220 рублей.

Извлеченные из народного оборота, подлежавшие из'ятию денежные знаки, подлежали впоследствии уничтожению.

По поводу об'явленного в Амурской области обмена «Я.О.Б.» —Японское Осведомительное Бюро дало следующую агентскую телеграфную информацию: «по сведениям из Благовещенска, местные власти издали оффициальное об'явление относительно обмена старых сибирских бумажных денег и других различных местных денежных знаков на новые рубли, так наз. Дальневосточной Республики.

Обмен ограничивается 500 р. на человека. На обмен более крупных сумм требуется особое в каждом случае разрешение правительства". [1])

Прожиточный минимум был определен при девальвации в 700 рублей и максимум в 1050 руб. новыми знаками.

В целях изоляции Амурского денежного рынка от проникновения денежных знаков, выпущенных по закону от 5-го июня 1920 года во Владивостоке, Нарревкомом было утверждено положение, согласно которого „денежные знаки Приморья в Амурской области хождения не имеют впредь до об'явления результатов переговоров с Приморским Правительством".

Упорное нежелание рынка, особенно китайцев, принимать вновь выпущенные денежные знаки, особенно по об'явленному курсу их, и начавшаяся игра на курсе новых знаков, особенно в связи с предпринятой Нарревкомом валютной интервенцией, —повели к изданию Нарревкомом 1-го октября следующего приказа „*о справедливых ценах*":

1) Иностранным купцам в отношении торговли руководствоваться справедливыми ценами.

2) Постановления финансово-экономического совета о твердых ценах остаются в силе.

3) Предлагается квартирной комиссии закрыть все китайские лавки и помещения; предложить очистить их в пятидневный срок".

Областная милиция в срочном порядке взялась за проведение этого приказа в жизнь. Издание приведенного выше приказа зиждилось на установленном Нарревкомом после девальвации 20 сентября твердом курсе на буферки: *стоимость 1 даяна устанавливалась в 50 рублей буферками.* Но, конечно, попытка фиксировать курс валюты на бумажные денежные знаки, при продолжавшемся денежном кризисе, при полном отсутствии экспорта и при фактическом хозяине валюты — Сахаляне, закончилась полной неудачей и установленный курс сам собою был забыт. Это установление курса было первым за все время выпуска Амурской областью, в течение 3-х лет, своих денежных знаков.

На требование торговать по таксе китайцы ответили закрытием своих магазинов и стремительным понижением нового рубля. В несколько дней даян возрос последовательно

[1]) «Я. О. Б.» г. Владивосток, 23 сентября 1920 года.

до: 700, 900, 1000, 1500, 2000 ,2500, 3000 рублей новыми денежными знаками.

Денежные знаки Д. В. Р.

Девальвация денежных знаков прежних выпусков производилась путем обмена их на денежные знаки, выпущенные Правительством Дальне-Восточной Республики, как в период ея Верхнеудинского бытия, так и, впоследствие, после Читинской об'единенной Конференции.

Всего в течение 1920 года Правительство Д.В.Р. подкрепило Амурскую область своими денежными знаками на сумму 572.465.195 рублей, т. е. более, чем одной восьмой частью общей суммы своей эмиссии.

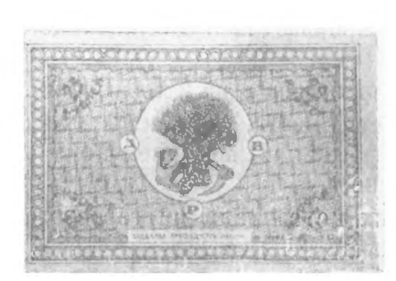
Амурские „разменные знаки Д.В.Р.“ в 25 и 50 рублей.

Присылаемое центром подкрепление, особенно первое время, не разрешало кризиса, вызванного отсутствием на денежном рынке мелких купюр. Центр присылал почти исключительно денежные знаки достоинством в 500 и 1000 рублей. Благовещенск, привыкший уже к работе типографского станка, национализированной типографии т/д. Чурин и Ко— чрезвычайно просто разрешил и вопрос отсутствия денежн. знаков мелких купюр.

Разм. зн. ДВР. г. Благовещенск. 1920 г.
(*Натур. велич. 85 x 57 мм.*)

Нарревком, одновременно с об'явлением девальвации, приступил к печатанию «расчетных денежных знаков Дальне-Восточной Республики», поставив в известность Правительство последней о предпринятой «эмиссии».

Разм. зн. ДВР. г. Благовещенск. 1920 г.
(*Оборотная сторона*).

Расчетные денежные знаки были изготовлены и выпущены в обращение достоинством в 25 и 50 р. на общую сумму 89.417.050 рублей. Знаки эти имели хождение наравне с обще-девееровскими. Изготовлены они были на простой бумаге, довольно неопрятно.

Своевременного постановления Правительства ДВР о выпуске этих знаков не было.

Закон Временного делового Президиума Правительства ДВР от 2 ноября 1920 года упустил узаконение этих знаков и лишь

в тексте закона Правительства ДВР от 15 ноября 1920 г., в перечне денежных знаков ДВР упоминаются и купюры в 25 и 50 рублей.[1])

Амурские почтовые марки. Помимо своих денежных знаков Амурская обл. выпустила в обращение и свои почтовые марки. Уже в октябре 1920 года Благовещенское Отделение Почты и Телеграфа, в виду недостатка в области в почтовых марках и значительного повышения оплаты почтовой корреспонденции, выпустило нового образца почтовые марки различной высокой ценности.

Были выпущены марки в 2, 3, 5, 15 и 30 рублей.

Марки эти имели исключительно внутреннее значение, так как главный почтовый тракт — Сахалян—их не принимал.

Валютная интервенция. Амурский Наррефком, проводя девальвацию, решил осуществить и аналогичную практиковавшейся в Приморье меру—валютную интервенцию. Запасов золота на Амуре оказалось более, чем достаточно, и Наррефком, издав вышеприведенное постановление о фиксации курса даянов в 50 рублей новыми знаками, сделал попытку удержать курс на золотом уровне.

На рынок выбрасывалась валюта и через различных лиц и учреждения скупались бумажные денежные знаки. Главной причиной понижения курса кредитных знаков явился почти явный бойкот их китайцами, протестовавшими против установленного обязательного курса.

Желая укрепить денежный знак и вовлечь его в денежный оборот, Наррефком в ноябре 1920 г. вводит для китайцев *свободный обмен бумажных денежных знаков на валюту*, из расчета за 50 р.—1 даян. Обмен этот производился для китайцев по удостоверениям их консула.

В короткий срок скуплено было буферок на 285.016 даян.

Не довольствуясь этой «компенсацией», китайский Банк удержал в обеспечение претензий китайцев по обмену около 200.000 даян, принадлежавших казне.

Идя навстречу китайцам, с них не взимали ни гербового сбора, ни промыслового налога.

Нет надобности пояснять, что производившийся китайцами обмен дал простор для самой безудержной спекуляции. Недаром, впоследствии, на судебном процессе амурских деятелей,

---

[1]) Газ. «Д.-Восточная Республика» № 154, от 17 ноября 1920 года. г. Чита.

один из свидетелей утверждал, что «нельзя назвать нормальной предпринятую *девальвацию 285 тысяч долларов*».[1])

Но предпринятая Нарревкомом «валютная интервенция» не ограничилась этой *«девальвацией долларов»*. Запретив свободное обращение золота на своей территории, власть заставила своего крестьянина за пол цены, но на твердую валюту и контрабандой продавать хлеб на китайский берег Амура — в Сахалян. В результате свой же амурский хлеб Амурское Областное Правительство вынуждено было приобретать у китайцев на валюту, т. е. через посредство тех же китайцев, оставляя в их руках значительный процент за посредничество, снабжало валютой свое же население.

Наконец, непосредственной «валютной интервенцией» явилось и снабжение крестьянства различными предметами сельского хозяйства, предоставляемыми ему против уплаты буферками. Один из крупных деятелей местной власти, на упомянутом уже нами процессе, отмечал, что «реализация золотого запаса производилась в целях помочь крестьянству необходимыми предметами обихода, *с расчетом получить от него кредитные знаки*».[2])

Судьба владивостокского золота. 1 сентября 1920 года финансово-экономический Совет при Областном Нарревкоме постановил производить заготовку продовольствия и обмундирования за счет реализации хранящегося в Благовещенском Отделении Государственного банка владивостокского золотого запаса.

Это явилось оффициальным началом расходования владивостокского «неприкосновенного фонда». Менее чем в пол года громадное количество ценностей было «с‘едено» Амуром.

Пользуясь оффициальными источниками, мы ознакомим с этим, по истине, вопиющим делом.

Обследование порядка реализации в Благовещенске золота было предпринято Правительством ДВР уже в 1921 году.

«Произведенная в мае ревизия финансовых органов—финэкосовета и его отделов установила некоторые «странности» реализации золотого запаса на сумму до 20 милл. золотых рублей, а равно и «особенности» ведения заготовок».[3]) В результате ревизии весь состав Амурского Областного Финансово-экономического Совета был предан суду.

Оффициоз правительства ДВР «Дальне-Восточный Телеграф» дает следующее резюме обвинительного акта в той его части, которая имеет отношение к интересующему нас вопросу

---

[1]) Газ. «Дальне-Восточный Телеграф» № 299, от 8 августа 1922 года. г. Чита.
[2]) Газ. «Д.-В. Телеграф» № 300 от 9 августа 20 г. Показ. свидет. Боровинского.
[3]) Газ. «Наш Голос» № 22, от 23-го февраля 1922 г. г. Чита.

о судьбе вывезенного из Приморья золота: «Заключение по обвинению обнимает об'емистую тетрадь в 18 листов с двумя приложениями, сводится оно к следующему: на заседании финэкосовета 1-го сентября 20 г. было принято предложение председателя Зельника, согласно коего Финэкосовет взял на себя ответственность за выполнение программы по снабжению армии продовольствием и зимним обмундированием, расходуя на этот предмет китайские даяны, вырученные от реализации золотых запасов, хранящихся в Благовещенском Отделении Госбанка.

То тяжелое финансовое положение, которое переживает Амурская обл. в настоящее время, может об'ясняться неумелым и неудачным использованием имевшихся наличных ценностей, доведенных до полного истощения. Случайно попавшие во главу финансового управления лица, не обладающие ни достаточным запасом финансовых знаний, ни опытом, широко воспользовались предоставленными им правами, не сдерживаемые совершенно указаниями контроля и высшей власти в области, производили расходы без соблюдения надлежащей экономии, благо под руками имелся такой громадный источник: по данным ревизии установлено, что в 1920 г. реализовано, выдано в уплату и вообще выведено в расход до 1500 пудов золота, — в переводе на иностранную валюту—в сумме до 16 милл. китайских долларов.

По делу реализации золотых запасов установлено следующее. Реализация золотых запасов носила характер частных сделок, без составления договоров и зачастую единолично комфином. Никаких бухгалтерских книг не велось и денежные операции с миллиардными цифрами велись «на память»; все счетоводство и отчетность находились в хаотическом состоянии. Золото хранилось и перевозилось в ящиках без надлежащих надписей о количестве, без опробирования и пр. При реализации золотых запасов комфин Курочкин допускал невыгодные сделки для казны в пользу китайских банков. Для скрытия своих действий старался производить реализацию вне наблюдения госконтроля, допускал преступные злоупотребления и бездеятельность по службе. Неоднократно реализация золота носила совершенно спекулятивный характер с корыстными целями».[1])

Один из свидетелей отмечал запущенность и запутанность счетоводства. При заключении договоров нельзя было соблюдать всех формальностей, благодаря условиям времени. Закупка хлеба на заграничном рынке обесценила русский рубль, вызвала недовольство крестьян, предлагавших хлеб по более низкой цене, и принесла большие убытки казне. Защита под-

[1]) «Дальне-Восточный Телеграф» № 161, 18 февраля 1922 года.

черкивает, что закон запрещал хождение валюты на русском рынке.[1])

В изложении оффициоза существо речи обвинителя сводилось к следующему: «Амур получил в наследство 2.200 пудов золота, сумму, которая никогда не была в распоряжении нашего правительства. На Амуре удалось заготовить 2.700.000 пудов зерна.

Разве можно это назвать тяжелыми об'ективными условиями. В об'ективные условия попало странное творчество Зельника: из целого ряда организаций был создан буквально винегрет, который получил название Финэксовета. Такая нелепая организация и могла только дать такие результаты: из 2200 пудов золота осталось только 49 фунтов.

Гербовый сбор и промысловый налог, почему то, не взимались с китайцев. Этих налогов хватило бы на содержание армии на несколько месяцев.

Основой финансовой политики является хранение золота и лишь в единственной в мире области—Амурской—золото это тратилось так, что все уплыло за границу.

Хлеб можно было бы купить на внутреннем рынке, но это было полезно потребителю, а не Финэксовету.

Ревком издал постановление о том, чтобы на русской территории не ходило бы золото».[2])

Для полноты картины суда приведем речи защиты и приговор суда.

Первый защитник в оправдание подзащитных заявил, что «революцию нельзя делать в перчатках, революция не только созидание, но и разрушение, нельзя же судить всех разрушавших. Подсудимые ошибались, но они не виноваты, их хотели сделать виноватыми, забрасывающие их грязью, филистеры и мещане, ждущие пока коммунисты разобьют себе голову».

Другой защитник—Бобров—говорил: «В Совроссии мы переплачивали 300-400% за тухлую рыбу и гнилую муку и кормили ими рабочих, брали детские лопатки вместо заказанных лопат—так как это нужно было с точки зрения политической. Жертвы экономической выгоды должны приноситься политической цели. И надо определенно вскрыть, что в 20 году — несмотря на все томские соглашения — был у нас определенный лозунг: 100% демократических вывесок мещанам и 100% советизации». Считая, что дело попало в суд вследствие дани мещанству, защитник полагает, что «подсудимые должны быть оправданы, их осуждения ждет улюлюкающая толпа и вы должны оправдать».[3])

---

[1]) Газ. «Дело» № 28, от 25 февраля 22 г. г. Чита.
[2]) Газ. «Дальне-Восточный Телеграф» № 167, от 26 февраля 1922 г., г. Чита.
[3]) Газ. «Труд» № 23, от 1-го марта 22 года. г. Чита.

16-го марта 1922 года в Высшем Кассационном Суде Д.В.Р. началось слушанием второе дело из той же серии амурских разоблачений. Судился б. амурский комиссар финансов и управляющий финансовым отделом—С. Курочкин.

По обвинительному акту, обвинения в общем и целом сводятся к следующим пунктам: во 1) что Курочкин, сдавая в Китайский Государственный Банк в Сахаляне первую партию золота в количестве 173п. 23 ф. 70 зол. 38 долей, получил таковую из Народного Банка и сдал в Китбанк без предварительного опробования такового в Благовещенской золотоплавочной лаборатории, 2) в бесплатной уступке в пользу Китбанка 94 п. 11 ф. 34 зол. 81 доли чистого серебра; 3) в убыточной для казны реализации золота по 2 даяна 40 цент за золотник, тогда как была предложена цена на 20 цент выше; 4) при реализации золота допустил, чтобы реализованная валюта осталась в руках Китбанка, а не была перевезена в Народный Банк, чем способствовал возможности для Китбанка при 2-3 миллионах его наличного капитала скупить золота на 16 милл. даян; 5) в недопущении госконтроля к реализации золота; 6) в выдаче валюты по чекам в сумме до 16 миллионов даян без регистрации таковых в лицевых счетах подотчетных лиц и учреждений; бухгалтерия велась из рук вон плохо; 7) неоднократно реализация велась чисто спекулятивным образом; 8) в займах в Китбанке без надлежащих постановлений; 9) в допущении обмена девальвированных „сибирок" на знаки Д.В.Р.

Дело Курочкина было направлено к доследованию и вновь слушалось в августе новым составом Высшего Кассационного Суда в Чите.

Обвинительный акт аналогичен с заслушанным в мартовском заседании суда. В своих показаниях суду подсудимый все неправильности реализации золота в 1920 году об'ясняет спешкой, требованиями политического момента и вражеского окружения, когда вплотную стояла необходимость одеть всех партизан, только во имя сохранения фронта — он решился поступиться многими формальностями.

Из-за спешки все продаваемое золото пришлось опробовать наихудшим способом с помощью кислот.[1]) Кроме того, по словам подсудимого—Амурская область и в частности г. Благовещенск постоянно находились под угрозой наступления японцев и набега белогвардейцев. Китайские власти считали власть ревкома временной, а потому не отличались особой отзывчивостью к представителям ревкома.[2])

«Я продал золото—заявляет подсудимый—по 2 рубля 40 к. за золотник, но ведь не было никаких гарантий, что золото

---

[1]) «Дальневосточный Путь» № 204, от 6-го августа 1922 г. г. Чита.
[2]) «Дальне-Восточный Телеграф» № 298, от 7-го августа 1922 г. г. Чита.

позже станет дороже, наоборот следовало предвидеть дальнейшее понижение, принимая во внимание читинскую пробку и хабаровский фронт 1920 г. Приходилось считаться, что вот-вот, не сегодня — завтра Благовещенск придется очищать. Правда, потом счастье улыбнулось — Хабаровский фронт рассосался и читинская пробка вылетела, а золото стало дорожать, но кто же мог это предвидеть.

Мне давалось задание: продать, а другим на эти деньги — *одеть и накормить* население и армию и мы свое дело делали».[1])

Один из свидетелей—г. Ведмедь, состоявший сотрудником ревизионной комиссии, утверждает, что нельзя назвать нормальной не только низкую цену золота, но и предпринятую *девальвацию* 285 тысяч долларов.[2])

Свидетель—Боровинский утверждает, что на реализацию золотого запаса Курочкин получал директивы. Реализация производилась в целях помочь крестьянству необходимыми предметами обихода *с расчетом получить от него кредитные знаки.*[3])

В своей речи обвинитель подчеркнул, что приморцами на Амур возлагались большие надежды, десятки отрядов приходили на Амур голодные и холодные, но им ничего не выдавалось. Из этого можно судить, что реализация не достигала своего прямого назначения.

Защитник, прося об оправдании своего подзащитного повторил его же аргументы об «обстоятельствах времени», кроме того, он обращал внимание суда на неподготовленность Курочкина к столь серьезному делу, как реализация золотого запаса. Подсудимый в своем последнем слове, отрицая свою вину, подчеркнул, что речь обвинителя он считает «митингованием». По его мнению прежде всего суду следует установить — „была ли Амурская область в тот момент в опасности и, исходя из этой оценки, расценивать его действия".

Постановлением Высшего Кассационного Суда Курочкин был приговорен к 6 годам общественно-принудительных работ с зачетом предварительного заключения.[4])

Золотое обращение в области.

В период обращения бумажных денежных знаков, начиная с 1917 года и до установления в Дальне-Восточной Республике золотой валюты, звонкой русской монеты в Амурской области в обращении не было. Не было ее и тогда, когда в течение второй половины 1920 года сотни пудов русского золота в монете и слитках ликвидировалися русской властью.

[1]) «Дальневосточный Путь» № 205 от 8-го августа 1922 года.
[2]) «Дальне-Восточный Телеграф» № 299 от 8-го августа 1922 г.
[3]) «Дальне-Восточный Телеграф» № 300 от 9-го августа 1922 г.
[4]) «Дальне-Восточный Телеграф» № 301 от 10-го августа 1922 г., «ДВ. Путь» №№ 207 и 208 от 10 и 11 августа 1922 года.

В области обращался лишь китайский доллар — «даян». Расценивался он по отношению к рублю в разное время — различно.

Колебания в цене имели место от 3-х до 5,5 даян за золотую монету в 5 рублей или за один золотник чистого золота (1000 проб.), золото в сыром виде (шлиховое) расценивалось на золотой рубль обычно в прямой зависимости от соотношения золотого рубля и даяна.

Расценка золота на бумажные денежные знаки соответствовала курсу их на даян. Так например с 15 июня 1920 г. цена золотн. золота установлена была в 5000 рублей сибзнаками.

Не только цена золота, но и всех продуктов потребления, сельского хозяйства и промысла—благодаря близости границы устанавливалась и все время видоизменялась в зависимости от курса кредитных знаков на даян.

Войдя как составная часть в Дальне-Восточную Республику, Амурская область с конца 1920 года перестает творить свои, независимые формы денежного обращения и последнее нивеллируется в соответствии с обще-государственными предначертаниями.

С мая 1921 года Благовещенское Отделение Государственного Банка перешло на золотую валюту, хотя номинально сохранен был прием в разные платежи и буферок из расчета 1 коп. золотом за 1000 рублей буферными.

Фактически, буферные исчезли с денежного рынка много раньше.

Лаж.

Различные денежные знаки, обращавшиеся за период с 1917 года на местном рынке, не разнились между собой в расценке при одновременном хождении в области.

Лишь «романовские» кредитные билеты, крупные «керенские» и отчасти 4% билеты Государственного Казначейства (серии) расценивались дороже других денежных знаков.

В периоды наиболее сильного падения стоимости суррогатов, например, при расценке даяна в 100.000 рублей, стоимость романовских в несколько сот раз превышала стоимость суррогатов.

«Керенские» и «серии» расценивались обычно в два или три раза дешевле романовских.

Общие выводы по Амурской области за 1917—1923 г. г.

Как мы сказали уже в начале главы—Амурская область явилась наиболее колоритной по количеству предпринимавшихся мероприятий по урегулированию денежного кризиса и разнообразию изыскивавшихся и осуществлявшихся мер.

Государство в лице Государственного Банка, административных учреждений, земского и городского самоуправления, кооперативы, железная дорога, частные фирмы—все без устали наводняли область денежными знаками своих эмиссий. Но и этого оказалось недостаточно и параллельно с бумажными денежными знаками область приступила к расходованию металлического обще-государственного фонда.

В результате денежная емкость одной Амурской области превысила емкость всех остальных областей Дальнего Востока.

Помимо импортированных из Омска и Владивостока дензнаков, область на протяжении 1917—1920 г. г. выпустила в обращение значительное количество знаков своего изделия и кроме того поглотила «в натуре» ценности в золоте, серебре и платине.

К 1921—22 г. г. Амурская область, как и все остальные районы Д. Восточной окраины, оказалась лишь с той наличностью, которой смогла подкрепить Чита. Рессурсы Читы были не велики, следовательно не велико было и подкрепление. Заключалось оно, главным образом, в банковой и биллонной серебряной монете и в незначительном количестве золотой монеты.

Последняя к средине 1923 г. почти совершенно исчезла из оборота. Золотое исчисление осталось лишь номинально, фактически в обороте было серебро по курсу, установленному уполнаркомфином на Д. Востоке.

Еще в конце 1921 г. распоряжением Минист. Финанс. ДВР. Благовещенскому Отд-нию Госбанка предложено было, прекратив на несколько дней операции с серебряной монетой, произвести точный подсчет наличности ее и в последующем производить обороты с ней в золотом исчислении.

Курс был установлен следующий: *1 зол. рубль*=1 р. 18 к. банков. серебр.=3 р. разм. сер. в покупке и 3 р. 10 к.—в продаже; *1 р. банк. сереб.*=85 к. зол.=2 р. 55 к. разм. серебр.; *1000 р. буферными*=1 к. зол.=3 к. раз. серебр.[1]). Курс на буферные был лишь номинальным, т. к. еще со средины 21 г. они перестали интересовать рынок.

Курс на серебро впоследствии претерпевал некот. изменения, так напр., он был изменен постановлением Минфин. ДВР. от 5-го октября 1922 г. и постан. Дальревкома за № 395 от 6 июля 23 г. Последнее постановление установило курс—*1 банк. руб.*=90 коп. зол.=2 р. 35 к. размен. серебр.

Примерно по этому курсу и расценивалась серебр. монета впредь до законодательных постановлений 1924 г.

Сделки на инвалюту, главным образом, на китайские доллара, необходимые при торговых сделках с находящимся на про-

[1]) См. телегр. Упр. Гос. Банка из Читы, № 557, от 21 декабря 21 г.

тивоположном берегу Амура—Сахаляном,—регламентировалися общими узаконениями по этому вопросу, установленными в СССР с коррективами, допущенными для Д. В. О.

В 1923 г. в область понемногу стал проникать новый банкнот СССР—червонец.

Денежное обращение в области выравнилось по обще-дальневосточному и мы вернемся еще к нему, когда перейдем к характеристике денежного рынка Д.В.О. в 1923—24 г. г.

ГЛАВА VII.

Забайкальская область.

(г. г. Чита, Верхнеудинск, Троицкосавск и др.)

Денежное обращение в Забайкальской области, за годы революции, также отличалось чрезвычайным многообразием. Территория сравнительно небольшой—по сибирскому масштабу—области с протяжением железно-дорожной магистрали в 988 верст, в некоторые периоды находилась под властью одновременно двух правительств, каждое из которых устанавливало свою систему денежного обращения и выпускало свои денежные знаки, причем, как например в течение некоторого периода второго полугодия 1920 г.—две части Забайкалья не имели общего денежного знака и, следовательно, не могла происходить диффузия денежного обращения, свойственная даже разноплеменным странам.

Памятка событий. В течение 1917 г. политическая власть в Забайкалье дважды переходила от комиссара Вр. Всерос. Пр-ва и Земства к Комитетам советских организаций и обратно.

1918 г. застал власть советов.

В июле 18 г. движением чехо-сибирской армии был занят Иркутск и нависла угроза над Забайкальем. Вскоре движением с Востока воинских частей, группировавшихся возле ат. Семенова, занята была Чита, являвшаяся центром Забайкальской области. Верхнеудинск, находящийся посредине между Читой и Иркутском, оказался сжатым с двух сторон; через некоторое время был занят и он; остатки красной армии и советские учреждения частью поддалися на Амур, частью через Верхнеудинск и Кяхту (Троицкосавский уезд Заб. обл.) проникли в Монголию. С августа 18 г. и по январь 1920 г. Забайкальская область полностью подчинена была Омску—сначала в лице Вр. Сиб. П-ва, позднее Вр. Российского П-ва адм. Колчака. Нахо-

дившиеся по линии жел. дор. магистрали эшелоны иностранных войск помогали Омскому Правительству удерживать свою власть.

Правда, власть Омска в отношении Забайкалья являлась в значительной степени номинальной: ат. Семенов, опираясь на поддерживавшую его иностранную державу, фактически не признавал Омска и образовал свое государство в государстве. Территория, составлявшая сферу его власти, ограничивалась восточной половиной Забайк. обл. с г. Читой.

В декабре 19 г.—к моменту эвакуации омских учреждений в Иркутск, в связи с нависшей над ними угрозой захвата при почти открыто подготовлявшемся там перевороте в пользу Земского Центра,—ат. Семенов продвинул свои части на запад и захватил Западное Забайкалье с г. Верхнеудинском.

В конце декабря 19 г. он продвинул свои войска даже до ст. Иркутск, но после двухдневного там боя с частями Народно-Революционной армии вынужден был спешно отступить обратно в Забайкалье. Вскоре его настигла Народно-Революц. Армия. Ею был занят Верхнеудинск и она продолжала теснить ат. Семенова к Чите, предполагая занять всю территорию Забайкалья. Но продвинуться далее г. Петровского Завода ей не удалось. Японские войска не допустили ее дальше и они в течение более чем полугода являлис заслоном для ат. Семенова. Многочисленные делегации и конференции ни к чему не вели. Лишь в октябре 20 г., одновременно с евакуацией из Забайкалья японовойск, Чита и все Забайкалье были заняты партизанами и частями народно-революционной армии.

За период 20 г. в Западном Забайкалье произошли следующие смены власти:

Со 2-го марта по 6 апреля 20 г. власть в Верхнеудинске и его районе принадлежала Уездной Земской Управе, присвоившей себе наименование—«Вр. Земская Власть Прибайкалья».

6 апреля 20 г. собравшийся в Верхнеудинске с'езд трудящихся декларировал образование Дальне-Восточной Республики.

По занятии Читы и по об'единении с др. областями Дальнего Востока, перенесшее свою резиденцию в Верхнеудинск Пр-во Д. В. Р. было реконструировано. Верхнеудинск сошел на прежнюю роль — провинциального центра, с той разницей, что из уездного города был переименован в областной город Прибайкальской области, образованной из уездов Западного Забайкалья.

Власть в Чите Пр-ва Д. В. Р., укрепленная созванными там сначала Учред. Собр. Д. Востока, потом двумя сессиями Народного Собрания Д. В. Р.—длилась по ноябрь 1922 г., когда декларировано было об'единение с Р. С. Ф. С. Р., после чего с 1923 г. Чита становится резиденцией Дальне-Восточного Революционного Комитета—«Дальревкома».

Таковы вкратце главные моменты политических пертурбаций, пережитых Забайкальской областью на протяжении Революционной эпохи.

1917-1918 г.г.

Период советской Власти.

Благодаря политическим пертурбациям и оторванности от административных центров на Западе—в Сибири и Европейской России, денежное обращение в Забайкалье было нарушено уже к концу 1917 года.

Принявший «всю полноту власти» Комитет Советских Организаций Забайкальской области с января 1918 года, констатируя недостаток мелких денежных знаков, предпринимает подготовительные шаги к замене их денежными суррогатами.

В области, на основании прежних распоряжений, уже имели к этому времени хождение купоны государственных процентных бумаг и займов наступивших и наступавших сроков.

В целях вовлечения этих купонов в резервуары областных финансовых органов Комитет советских организаций решил из‘ять из обращения все купоны срочные по 1-ое февраля 1918 года, предполагая, как видно, в будущем заштемпелевать их и выпустить в обращение, как местный денежный знак.

20-го (7) февраля 1918 года Комитет Советских Организаций Забайкальской Области издал следующее постановление:

«1) С 28-го числа (15) февраля месяца 1918 года прекращается выпуск из государственных и частных кредитных, торговых и промышленных учреждений и предприятий всяких купонов от процентных бумаг и займов.

II) Имеющиеся у населения на руках купоны должны быть сданы в государственный банк до 1-го апреля 1918 г. (18-го марта по старому стилю) следующим порядком и в следующие сроки:

1) От отдельных лиц государственными учреждениями купоны принимаются только в счет уплаты по следующим с этих лиц платежам и обмен кредитов купонов на кредитные билеты не производится.

2) Единоличные держатели купонов, коим не представляется возможным сдать купоны в казенные учреждения в счет уплаты по следующим с них платежам, должны сдать купоны в государственные ссудо-сберегательные кассы, а где таковых нет—в кооперативы, *в качестве вкладов или авансов (в кооперативы)*.

Выдача денежных знаков с таких вкладов производится на общем основании. Кооперативы и сберегательные кассы принимают купоны только до 25-го марта (12 марта) и передают их немедленно по принадлежности в Государственный Банк.

3) Частные учреждения и предприятия вносят купоны на текущий счет в Гос. Банк, непосредственно или через частные кредитные учреждения. Получение с текущих счетов денег этими учреждениями и предприятиями производится на общем основании. Прием Гос. Банком купонов от частных учреждений и предприятий прекращается 5-го апреля (18 марта) 1918 года.

4) Прием купонов Гос. Банком от кооперативных и продовольственных организаций прекращается 10-го апреля (23 марта) 1918 года.

5) Отдельные государственные учреждения должны сдать купоны в Гос. Банк до 15-го апреля (28-го марта) 1918 года.

III) С 15-го апреля (28 марта) 1918 года совершенно прекращается обращение в Забайкальской области купонов и таковые считаются недействительными.

IV) Приему, согласно сего постановления, подлежат лишь купоны срочные 1 (14) февраля 1918 года.

V) В случаях, когда сдача купонов лицами и учреждениями производится не лично, а путем пересылки таковых в государственный банк почтовыми пост-пакетами, приему и записыванию на текущий счет подлежат только те отправления, кои сданы на почту не позже 10 апреля (23 марта) 1918 года.

Председатель Комитета *Соколов*.
За комиссара финансового отдела *Раздобреев*».[1])

Но денежный кризис этим постановлением для данного момента ни в какой степени не разрешался, наоборот из текущего денежного оборота населения извлекались знаки, облегчавшие ему возможность взаиморасчетов.

Но если само население еще и изыскивало способы заменять отсутствовавшие знаки какими либо суррогатами, то в наихудшем положении оказалось само казначейство, не имея денежного фонда и в частности мелких купюр.

«Гербовыя марки» в качестве разменных знаков.

Читинский губернский казначей своей докладной запиской за № 2083 от 18-го марта 1918 года, обрисовывая создавшееся затруднение рекомендует произвести выпуск вместо денежных знаков гербовых марок, *наклеив их на листы чистой бумаги и заштемпелевав*.

Губернский Казначей писал: «В Читинском Казначействе *полное отсутствие казначейских знаков и кредитных билетов меньших чем 1000 рублей стоимости, в Читинском отделении Госбанка тоже самое*.

Чтобы не допускать полной остановки казначейских операций как по приходу, так и по расходу, я обращаюсь к комиссии с просьбой принять зависящие от нее меры к притоку в государственные кассы мелких кредитных билетов, казначейских знаков и купонов. С своей стороны я предлагаю использовать имеющиеся в Читинском Казначействе, правда в небольшом количестве, всего *300.000 руб. гербовые марки* в 1 р., 1 р. 25 коп., 2 р., 3 р. и 5 р. Для чего марки должны быть куплены Отделением Государственного Банка и во избежание склейки их наклеены *на лист чистой бумаги*, а на каждой из них должен быть поставлен штемпель Банка в удостоверение, что марка заменяет денежный знак.

Хождение марка имеет только в пределах области и заменяться деньгами может лишь в казначействах, под'отчетных Читинскому Отделению Гос. Банка».

Для характеристики «духа времени» не без'интересно отметить, что финансовый отдел Комитета Советских Организаций в лице комиссара по финансово-экономическим делам— П. Винокурова, получив это представление областного казначея, препроводил его на заключение *в коллектив служащих Госбанка*.

---

[1]) Газ. «Забайкальский Рабочий», 1-го марта 1918 г. г. Чита.

В своем отношении от того же 18-го марта за № 726 Финансовый Отдел писал Коллективу служащих: «Препровождая настоящую копию, Финансовый Отдел просит Коллектив служащих срочно рассмотреть данный вопрос и результаты сообщить отделу».

25-го марта коллектив Читинского Отделения Гос. Банка имел суждение по вопросу, выдвинутому Читинским Казначейством.

В протоколе № 8, указанного коллектива, находим следующую запись:

«Слушали: I) *о выпуске в обращение гербовых марок* вместо денежных знаков за недостатком таковых.

Постановили: I) признавая неотложную необходимость в разрешении вопроса, в связи с отсутствием в кассе Отделения Банка кредитных билетов 1 р., 3 и 5 рублевого достоинства и неполучением таковых из Петрограда, несмотря на неоднократные требования, Совет Отделения, констатируя факт создавшихся затруднений, испытываемых населением области, постановил:

1) Запросить по телеграфу Гос. Банк о возможности получения кредитных билетов мелких купюр и необходимости, за неимением последних, выпустить в обращение гербовые марки, с отнесением расходов по сему на счет Гос. Банка.

2) Запросить Читинского Казначея о том, будут ли приняты обратно Казначейством купленные у него Отделением Банка гербовые марки для выпуска в обращение по миновании надобности в них, а также пришедших в ветхость, с возвращением О-нию уплаченных за марки денег.

3) Впредь до выяснения вышеизложенных двух пунктов, изыскать соответствующие цели средства изготовления по наивыгоднейшей цене».

Отделение Госбанка особенно интересовалось вопросом о порядке возмещения своих расходов по приобретению гербовых марок у Казначейства и о возможности получить в возврат уплаченную сумму в случае возвращения марок. Возникшая по этому делу переписка, интересная сама по себе, является показателем той надежды на «временность» возникшего денежного кризиса, которая, как видно, имелась у руководителей местных финансов.

Отношение от 27-го марта за № 1265 Отделение Банка просит фин. комиссию советск. организаций сообщить, будут ли приняты обратно Казначейством, купленные Отделением для выпуска, гербовые марки, по миновании в них надобности, а также пришедшие в ветхость, с возвращением О-нию уплаченных за них денег.

На это 29-го марта Читинский Казначей отвечает: «Я полагаю, что гербовые марки, выпущенные взамен кредитных би-

летов, уже тем самым должны рассматриваться как кредитные билеты и разменные марки, и ветхие из них обмениваться на деньги, при соблюдении условий, установленных для обмена разменных марок (распознаваемость рисунка и наличие более половины марки), а затем отсылаться для уничтожения не в гербовое казначейство, а в Госбанк».

В дополнение к этому 1-го апреля 1918 года Читинский Казначей уведомляет Госбанк, что «гербовые марки, выпущенные взамен кредитных билетов, по миновании в них надобности, как денежных знаков, могут быть сданы Отделением Госбанка в Читинское Казначейство для обмена на деньги и уничтожения установленным для гербовых знаков порядком с уплатой по заготовительной стоимости».

Как видим, несколько недель ушло на переписку по отвлеченному вопросу о порядке внутриведомственных взаиморасчетов в будущем, и лишь 18-го апреля, после технической подготовки, была выпущена в обращение первая партия гербовых марок в 1, 2, 3 и 5 рублей, наклеенных на бумаге размером, примерно в 1/32 писчего листа. В рамке напечатано «Читинское Отделение Государственного Банка. Имеет хождение наравне с кредитными билетами в пределах Забайкальской Области».

Разм. знак Чит. Отд. Гос Банка. г. Чита, 1918 г. (*Натур. велич. 111 x 91 мм.*) г.

Вторая партия таких же наклеенных на бумагу марок была выпущена в обращение Читинским Отделением Государственного Банка 17-го июля 1918 года. Выпуски эти разнятся рисунком рамки и тем, что текст в одном случае изображен по старой орфографии, а в другом по новой. На марках печати Госбанка.

Всего выпущено было этих марок на номин. сумму 443.000 рублей.

Обязательства «Военного займа», облигации «Займа Свободы» и купоны от них.

Неполучение подкреплений из центра повлекло в дальнейшем недостачу и в крупных купюрах, денежное обращение в целом подверглось значительной депрессии.

«Совет Читинского Народного (Государственного) Банка 2-го созыва» в заседании своем 25-го июня 1918 года, «заслушав сообщение о денежном кризисе в области»,—постановил: находящиеся в портфеле 5% обязательства

Государственного Казначейства истекших сроков выпустить в обращение наравне с кредитными билетами, согласно декрету 21-го января 1918 г. Уведомить об этом Комиссара Финансов; Казначейства и национализированные частные кредитные учреждения, а также напечатать соответствующие об'явления в местных газетах».

Во исполнение этого постановления, 29-го июня, 15-го и 16-го июля и 24-го августа 1918 года Читинским Отделением Гос. Банка было выпущено в обращение, в районе Забайкалья, 5% обязательств Государственного Казначейства всех достоинств на сумму 718.000 рублей и Верхнеудинским Казначейством на сумму 132.000 рублей.

2-го и 20 июля и 1-го августа очередь дошла и до 5% облигаций „Займа Свободы" купюрами до 1000 рублей включительно; их было выпущено: в Чите—на сумму 157.160 р. и в Верхнеудинске—облигаций на 1.285.360 руб. и купонов от них,—достоинством в 50 копеек, 1 р., 2 р. 25 коп., 2 р. 50 коп. 12 р. 50 к. и 25 рублей,—на сумму 286.562 р. 25 коп.

«Контрольные марки» в качестве разм. знаков.

В средних числах июля, когда выяснилась недостаточность выпуска гербовых марок, возникла мысль дополнительно выпустить в обращение еще и контрольные марки сберегательных касс.

Всю наличность оказавшихся в Чите контрольных марок, начальник почтово-телеграфной конторы 18-го июля,[1]) согласно предписания Временного Почтово-Телеграфного Управления Забайкалья препроводил Читинскому Отделению Народного (б. Государственного) Банка. Наличность эта составляла 80.000 шт. марок на общую сумму 3.481.000 рублей. По купюрам эти марки состояли из:

5.000 шт.	достоинством в 1 рубль	17.000 шт.	достоинством в 10 рублей
7.000 „	„ „ 3 рубля	9.000 „	„ „ 25 „
12.000 „	„ „ 5 рублей	30.000 „	„ „ 100 „

Контрольные марки также, как ранее гербовые, были наклеены на белую бумагу размером примерно в 1/32 писчего листа, на бумаге в рамке напечатано: «*Читинское Отделение* Государственного Банка. Имеет хождение наравне с кредитными билетами в пределах Забайкальской области». Первые выпуски—по старой орфографии, последующие—по новой.

Все эти контрольные марки на общую сумму, как указано выше, 3.481.000 рублей в течение июля месяца были выпущены в обращение о чем, за подписью «Председателя Совета Отделения» было распубликовано следующее об'явление:

---

1) Отношение Начальника Почт.-Телеграфн. Конт. за № 8598, от 18-VII 1918 г.

«В виду перерыва сообщения с Москвою и отсутствия благодаря этому подкрепления наличности из Отдела Кредитных билетов Гос. Банка, Читинским Отделением Народного Гос. Банка выпускаются в обращение контрольные марки для сберегательных книжек, достоинством в 100, 25, 10, 5 и 3 рубл. Указанные денежные знаки будут приниматься учреждениями Гос. Банка и Казначействами в Забайкальской области во все платежи, наравне с общегосударственными кредитными билетами; по получении же из центра достаточного запаса, последние будут немедленно выкуплены Читинским Отделением Банка. Председатель Совета О-ния—*Стержнев*. Товарищ Председателя—*Борисоглебский*, за Секретаря—Богданович, Комиссар (подпись).[1])

Разм. знак Чит. Отд. Гос. Банка. 1918 г. (*Натур. величина 110 x 87 мм.*).

Впоследствии в 1921 г. согласно распор. Центр. Упр. Гос. Банка Д. В. Р. марки эти были из'яты из обращения и уничтожены. Всего к 18-му февраля 1921 было из'ято и уничтожено этих марок на сумму 2.593.928 р.—почти 74% суммы выпуска.

Эмиссии Верхнеудинского и Читинского Казначейств. В течение того же июля месяца, по распоряжению Комитета Советских организаций Забайкальской области, Верхнеудинским Казначейством были выпущены в обращение 4% билеты Государственного Казначейства (серии) достоинством в 25, 50, 100 и 500 рублей, на сумму 403/.175 рублей и купоны к ним на сумму 20.759 руб. 50 коп. Серии эти снабжены печатью казначейства и штемпелем: «выпущен Верхнеудинским казначейством».

Купоны срочные по 1918 год выпускались без штемпеля, а срочные, начиная с 1-го февраля 1918 года, со штемпелем:—«выпущен Верхнеудинским Казначейством»,

Тогда же Верхнеудинским Казначейством были выпущены в обращение с теми же штемпелями: $5^1/_2\%$ облигации военного краткосрочного займа 1915 года достоинством до 1000 рублей, на сумму—183.450 руб., купоны от них достоинством в 2 р. 75 к., 13 р. 75 к. и 27 р. 50 к. на сумму 84.056 р. 50 коп., облигации того же займа, но 1-го выпуска 1916 г. на сумму 1.339.350 р. (купюры до 1000 руб.), купоны от этих облигаций тех же достоинств, что указаны выше на сумму 629.988 р. 24 к.,

[1]) См. «Правительственный Вестник» № 54, от 21-го июля 1918 г.

облигаций того же займа и купюр 2-го выпуска 1916 года на сумму 1.135.750 руб. и купоны этих облигаций тех же достоинств, что указано выше на сумму 566.527 р. 12 к.

Всего за период с 14-го июля по 1-ое августа Верхнеудинским Казначейством было выпущено в обращение за своими штемпелями и без них: % бумаг на сумму 4.484.085 руб. и купонов от этих бумаг на сумму 1.587.892 р. 61 к., а всего на сумму — 6.071.978 руб. 61 коп.

О выпуске указанных денежных суррогатов было опубликовано следующее об'явление:

«Верхнеудинским Казначейством, согласно распоряжения Центро-Сибири, для увеличения количества разменных денежных знаков выпущены в обращение 4% билеты Государственного Казначейства достоинством в 25, 50, 100 и 500 рублей, облигации займа Свободы 1917 г. достоинством в 20, 40, 50, 100, 500 и 1000 руб., облигации 5½% военных краткосрочных займов 19[illegible] года, 1-го и 2-го выпусков 1916 года достоинством в 50, 100, 500 и 1000 руб. без купонов с печатью казначейства и подписями Казначея Темникова и бухгалтера—Агошкова.

Также выпущены и купоны от этих бумаг на следующих основаниях:

1) Купоны от всех бумаг сроком по 1918 г. имеют хождение без каких-либо штемпелей на них.

2) Купоны начиная со срока 1-го февраля 1918 года, выпускаются с печатью Казначейства и штемпелем следующего содержания: «выпущен Верхнеудинским Казначейством».

3) Все вышеуказанные купоны имеют хождение наравне с кредитными билетами и другими денежными знаками по цене указанной на купонах: от билетов Государственного Казначейства в 50 к., 1 р., 2 р., 10 р., от облигаций Займа Свободы в 50 к., 1 р, 1 р. 25 к., 2 р. 50 к., 25 р. и от облигаций 5½% военных займов в 2 р. 75 к., 13 р. 75 к. и 27 р. 50 к.

Процентные бумаги выпускаются без купонов с печатью и штемпелем Казначейства следующего содержания: «выпущена Верхнеудинским Казначейством по номинальной стоимости с отрезаными купонами» и за подписями казначея и бухгалтера.

Все учреждения и лица Забайкальской области в интересах увеличения денежных знаков и для устранения затруднений при расчетах обязаны принимать как в платежи, так и при расчетах все вышеуказанные бумаги и купоны, удовлетворяющие вышеуказанным требованиям, по цене указанной на бумагах и купонах.

Все поименованные здесь знаки, на коих отсутствуют отметки Казначейства, платежной силы не имеют и к приему не обязательны.

Комиссар К-ва *Н. Любимов*, Казначей—*Темников*, Ст. Бухгалтер—*Грывов*».

Забайкальский Областной Исполком, сменивший «Комитет Советских организаций», подтвердил все произведенные Казначействами и Госбанком области выпуски денежных знаков и издал: «*распоряжение по Финансовому Комиссариату Забайкальского Областного Исполкома* от июля 25 дня 1918 г.».

Повторив перечень всех уже выпущенных в Чите и Верхнеудинске % бумаг и купонов от них, «распоряжение» заканчивалось так:

«Кроме того, Читинским Отделением Народного (б. Государственного) Банка также выпущены в обращение гербовые марки, достоинством в 1 р., 2, 3 и 5 рублей и контрольные марки в 5 р., 10, 25 и 100 рублей с печатью этого Банка.

Все эти бумаги, купоны и денежные знаки имеют хождение наравне с кредитными билетами по номинальной их стоимости.

Все учреждения и лица Забайкальской Области, в интересах увеличения разменных денежных знаков и для устранения затруднений при расчетах приглашаются беспрепятственно принимать в платежи вышеуказанные купоны и денежные знаки (контрольные и гербовые марки), удовлетворяющие вышеизложенным требованиям.

Чинам милиции вменяется в обязанность особо следить за исполнением сего распоряжения торговцами, учреждениями и частными лицами и оказывать всяческое содействие лицам, обращающимся к ним с просьбой о понуждении уклоняющихся от приема в платежи вышепоименованных денежных знаков.

Все вышепоименованные здесь денежные знаки, на коих отсутствуют метки учреждений Народного (б. Государственного) Банка и Верхнеудинского Казначейства, платежной силы не имеют и к приему не обязательны.

Председатель Забайкальского Областного Исполкома—*Бутин*, Председатель Областного Совнаркома—*Матвеев*, Областной Комиссар Финансов—*Леднев*».

Эмиссия Кяхтинского Отд. Народн. Банка — «четвертованные» керенки.

Как и все Восточное Забайкалье, как и вся Сибирь—Прибайкалье, как указали мы, еще с конца 1917 г. ощущало недостаток мелких разменных знаков, а позже—с перерывом сообщения с западом—денежных знаков вообще.

Примыкая одним из уездов области к границе с Монголией, население которой привыкло к денежным знакам определенного образца и к золотой и серебряной валюте, Прибайкалье особенно чувствовало нарушение правильного денежного обращения.

В первые же месяцы 1918 г. краевая советская власть, столкнувшись с недостатком разменных денежных знаков, предприняла мероприятие не лишенное остроумия: не прибегая к самостоятельной эмиссии, что в те времена являлось еще новшеством, и не выпуская в обращение суррогатов денежных знаков — облигаций или купонов, власть предоставила пограничному Кяхтинскому (Троицкосавскому) Отделению Народного (бывшего Государственного) Банка выпустить «четвертованные» разменные знаки образца 1917 г.—«керенки» достоинством в 20 и 40 рублей.

Разм. знак Кяхт. Отд. Народн. Банка. 1918 г. (*Натур. велич. 108 х 88 мм.*).

На белую бумагу, примерно, в $^{1}/_{32}$ писчего листа с надписью—«*Кяхтинское Отделение Народного Банка*» наклеивалась одна четвертая часть «керенки» в 20 или 40 рублей и ставился штемпель. На листке помимо титула банка было напечатано: достоинство—«5 рублей» или «10 рублей» и «имеет хождение наравне с кредитными билетами в пределах Забайкальской области». На листке имелись подписи: «Комиссар—А. Малофеев» и «Управляющий—Ермолаев».

Знаки эти были выпущены в обращение в марте 1918 г. Хотя на них и было указано, что районом их хождения является Забайкальская область, но фактически они обращались почти исключительно в пределах одного лишь Троицкосавского уезда этой области, в редких случаях появляясь на ден. рынке соседнего—Верхнеудинского уезда. По имени подписавшего эти

«дензнаки» комиссара Малофеева, они стали именоваться рынком—«малофеевки», позднее их вспоминали, как «четвертованные керенки».

Знаки эти не долго задержались в обороте пограничного Прибайкалья. В июле 18 г. сюда проникли из Читы Сибирские кредитные билеты Центро-Сибири в 50 р., которые и стали понемногу вытеснять «малофеевки». Несколько позднее—с приходом в Верхнеудинск и Кяхту белозеленой армии и чешских отрядов—«малофеевки» окончательно исчезли из оборота.

Размен. знак Кяхт. Отд. Народн. Банка. 1918 г.
(*Натур. велич. 108 x 88 мм.*).

«Сибирские Кредитные Билеты» Центро-Сибири.

15-го июля 1918 года Иркутск был занят чехами и войсками Вр. Сибирского Правительства; несколько ранее—20-го июня во Владивостоке Земское и Городское Самоуправление сменило власть советов.

23-го июля ген. Хорват на ст. Гродеково Усс. ж. д. об‘явил себя Верховным правителем России, в это же время атаман Семенов накапливал в районе станция Борзя Забайкальской жел. дороги свои силы и прекратил сообщение Забайкалья с Маньчжурией.

Забайкалье, теснимое с Запада, сохраняло связь лишь с Амурской областью.

О какой-либо денежной поддержке со стороны не приходилось и думать, а между тем эвакуация в Забайкалье центральных сибирских органов советского управления и красной армии вызвала громадное увеличение расходов.

Денежные знаки и знаки их заменявшие, выпущенные в Верхнеудинске и Чите на сумму, как перечислено выше,— свыше 10-ти миллионов рублей, не могли утолить денежного голода; явилась необходимость выпуска одновременно большой партии денежных знаков.

Постановление 2-го Всесибирского С‘езда Советов, происходившего в Сибири, в 1918 г. предоставляло право выпуска денежных знаков местным советам, за счет Центрального Сибирского Советского Управления. Это развязало руки местным Исполкомам. Декрет «Центро-Сибири» — Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири от 4-го июля давал конкретные задания местным Исполкомам о выпуске денежных знаков.

С эвакуацией Центро-Сибири в Забайкалье, областной Комиссар Финансов—В. Леднев был назначен председателем Комиссии по изготовлению Сибирских денежных знаков.

В последних числах июля было издано следующее распоряжение:

«На основании постановления 2-го Всесибирского с'езда Советов и декрета Центрального Исполнительного Комитета Советов Сибири от 4-го июля с. г., выпускаются в обращение Сибирские кредитные билеты 50-ти рублевого достоинства образца 1918 года.

Первое время выпуск этих билетов будет производиться из Читинского Отделения Народного (б. Гос.) Банка и подотчетных ему Казначейств, а затем, по мере изготовления достаточного количества этих билетов, и из других учреждений Банка и Казначейств Сибири.

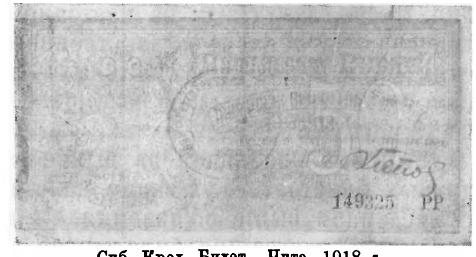
Прием в платежи и по обмену обязателен на любую сумму всеми учреждениями и лицами по всей территории Сибири и Дальнего Востока, наравне с общегосударственными кредитными билетами.

Председатель Центро-Сибири—*Яковлев*, Председатель Ком. по изготовлению Сибирских денежных знаков — *В. Леднев*».

На основании этого постановления с 29-го июля по 25-ое августа 1918 года Читинским Отделением Государственного Банка выпускались в обращение на простой бумаге «Сибирские кредитные билеты», впоследствии получившие название «Кузнецы» или «Молотки», все пятидесяти-рублевого достоинства.

Рисунок был исполнен художником Верхотуровым.

Всего было выпущено этих билетов 407 тыс. штук на номинальную сумму 20.350.000 рублей. Серии с № 360.001 по 360.079 включительно выпущены по 1000 листов каждая за одинаковыми нумерами.[1])

Сиб. Кред. Билет. Чита, 1918 г.
(Лицевая сторона).
(*Натур. велич. 142 x 72 мм.*).

На лицевой стороне билета, на фоне перекрещивающихся горного молота, лопаты и кирки указано достоинство билета — «50». Направо от рисунка напечатано: «пятьдесят рублей. Сибирский кредитный билет. Имеет хождение по всей Сибири и обеспечивается золотым запасом Сибирских Отделений Государственного Банка. Подделка преследуется законом. Предс.

---

[1]) См. раз'яснение Чит. Отд. Госбанка, от 10-го октября 1918 г. № 5423.

Эксп. Комиссии *В. Леднев*. Член Комиссии—*В. Яковенко*», рядом с этими подписями поставлен № билета и буквами указана серия выпуска.

Сиб. Кред. Билет. Чита, 1918 г. (Оборотная сторона.
(*Натур. велич.* 142 x 72 *мм.*).

На левой стороне билета — на фоне фабричных зданий с дымящимися трубами изображен рабочий с засученными рукавами, сидящий возле наковальни, с молотом в левой руке. Правой рукой он показывает на изображенного налево от него двухглавого орла с распростертыми крыльями с разбитыми и падающими с лап оковами. Вокруг орла приведенная выше надпись об основаниях выпуска и дата — «4/VII 1918 г.». В двух углах билета цифрами указано его достоинство—«50».

Курс на эти билеты вначале соответствовал курсу керенских, но с появлением на рынке в конце 1918 г. омских «сибирских»,—курс «кузнецов» выравнялся по ним, после же произведенного в 1919 г. заштемпелевания курс «кузнецов» упал еще более.

Казалось бы, что низкий курс «молотков» страховал их от подделки, но, как видно, труд также пал в цене и на рынок были «выпущены» фальшивые боны. Об этом осведомляла публикация Читинского Отделения Государственного Банка: «Доводится до всеобщего сведения, что в обращении появились фальшивые «Сибирские кредитные билеты» 50 руб. достоинства со штемпелем и печатью Отделения за подписью кассира—«И. Соколов». Особенность подделки билетов легко отличить на глаз, след.: на настоящих билетах надпись — «Читинское Отделение Государственного Банка»—набрана славянским шрифтом, а на фальшивых—гражданским, в государственном гербе значительная разница. Ободок в одну полосу, а на настоящих—в две».

Помимо появления на рынке фальшивых «Сибирских кредитных билетов» — указание на что имеется исключительно в приведенном выше об'явлении, — известно, что в обращении появились настоящие билеты, но с подложной нумерацией, а потом и с подложными штемпелями.

Дело в том, что типографией заготовлено было «Сибирских кредитных билетов» на сумму 50 милл. рублей, выпущено же их в обращение на сумму 20.350 тысяч рублей, остальные билеты этого образца не были занумерованы и хранились в кладовых Читинского Отделения Государственного Банка.

При эвакуации Читы в 1918 г. органами советской власти, некоторое количество этих незанумерованных билетов было похищено и с поддельными нумерами появились на рынке.

Позже—по истечении предельного срока для зарегистрирования и заштемпелевания «Сибирских кредитных билетов»—на рынке появились эти знаки с поддельными штемпелями о зарегистрировании.

Дополнительный выпуск облигаций.

Одновременно с выпуском «Сибирских кредитных билетов» власть не отказывалась и от использования остатков имевшихся в Государственном Банке облигаций.

1-го августа 1918 года на 21-ом заседании «Совета Читинского Отделения Государственного Банка 2-го созыва», в протоколе Совета за № 22,—читаем:

«*Слушали:* Разрешение Правлению Отделения произвести выпуск в обращение облигаций военных 5½% займов и облигаций 5% займа Свободы.

Постановили: разрешить Правлению Отделения производить выпуск в обращение облигаций 5½% военных займов и облигаций 5% займа Свободы, из числа принадлежащих Отделению».

Последние, принадлежавшие Отделению, 5% облигации Займа Свободы были выпущены в обращение еще в июле и 1-го августа имелась возможность выпустить лишь 5½% облигации военного краткосрочного займа 1916 года II-го выпуска, достоинства до 1000 р. включительно.

Выпуск их состоялся 20-го августа на мизерную сумму—37.300 рублей.

Итоги советской эмиссии за период 1918 года.

Подведем итог денежного производства Забайкальской области при Советской власти за 1918 год, вернее за период с 18-го апреля (день выпуска гербовых марок) по 23-ое августа (последний день выпуска «Сибирских кредитных билетов»—«молотков»).

В обращение было выпущено:

I. *В Чите*:	а) гербовых марок на руб. .	443.000
	б) контрольных „ „ . . .	3.481.000
	в) 5% обяз. Госуд. Казнач. на руб. . .	718.000
	г) 5% облигаций Займа Свободы на руб.	157.160
	д) 5½% облигаций военного займа 1916 г. 2-го выпуска на руб. . . .	37.300
	е) «Сибирских кредитн. билетов» на р.	20.350.000
	Всего на руб. . .	25.186.460

II. *В Верхнеудинске*: облигаций, обязательств и купонов на руб. 6.071.978.61

Итого в Забайкалье было выброшено на денежный рынок денежных знаков на сумму . . 31.258.438.61, не считая кяхтинских «четвертованных керенок».

Принимая во внимание фактически существовавший на рынке в то время курс на выпускавшиеся знаки, можно констатировать, что вся «эмиссия» указанного периода в исчислении ее в золот. рубле составила довольно почтенную сумму.

Период власти атамана Семенова.

В сентябре Чита была занята с Востока частями атамана Семенова. Временно сначала молчаливо — de facto, а потом и формально—постановлением Сибирского Правительства от 17-го октября 1918 года были узаконены все, выпущенные учреждениями Советской власти денежные знаки, в том числе и «молотки» («кузнецы»). Был об'явлен обязательный срок заштемпелевания их — 1-ое декабря того же года. Об этом 22-го октября 1918 г. Управлением Читинского Отделения Государственного Банка было опубликовано следующее постановление:

«Постановлением Административного Совета Вр. Сибирского Правительства 17/X 1918 года пятидесятирублевые боны, выпущенные ранее Отделением, допускаются к временному хождению в пределах Забайкальской области, с условием заштемпелевания в Отделении Госбанка Сибири не позднее 1-го декабря 1918 г.

Доводя об этом до всеобщего сведения, Отделение Банка приглашает держателей означенных выше бон (Сибирский кредитн. билет 50 руб. достоинства) представить таковые в Отделение для наложения на них особого штемпеля не позднее 1-го декабря 1918 г. Не представленные для штемпелевания боны права хождения иметь не будут. Первым днем приема бон для заштемпелевания назначается 29 число сего октября».

В последние месяцы 1918 года денежный рынок Забайкалья был насыщен исключительно денежными знаками «местного производства» — «молотками». Других знаков в денежном обороте не имелось. Вследствие того, что эти знаки были обязательны к приему лишь на ограниченной территории, они фактически с рынка не исчезали, но вместе с тем имели неуклонную тенденцию к понижению стоимости.

Доклад за ноябрь месяц 18 г. директора одного из местных Отделений Банка своему Правлению отмечает, что «в обращении остались, почти исключительно, «совдепки» 50-ти

рубл." достоинства, настроение публики к которым отрицательное. Торговцы берут их неохотно, а продукты первой необходимости — муку, мясо и привозные японские товары можно приобрести только на «керенки». Кооперативы вынуждены также производить отпуск мясных продуктов только при расчете керенками или старыми деньгами. Отсюда создалась в Чите погоня за знаками общегосударственного образца, с надбавкой 15—20%, при одновременном скоплении местных знаков».

Регистрация местных суррогатов. Постановлением от 23/IX 1918 г. за № 126 Административного Совета Вр. Сибирского Правительства узаконялись наравне с денежными знаками 5% краткосрочные обязательства и 4% серии Государственного Казначейства, 5% облигации Займа Свободы достоинством до 100 рублей включительно, а равно купоны всех государственных бумаг, срочных до 1-го октября 1918 года.

1-го октября 1918 года Временное Сибирское Правительство приступило к выпуску 5% краткосрочных обязательств Государственного Казначейства Сибири.

Острая нужда в денежных знаках в Западной и Восточной Сибири заставило Временное Сибирское Правительство катиться по наклонной плоскости эмиссии.

Последующие, быстро идущие одна за другой, эмиссии не могли полностью удовлетворить денежный голод даже близ лежащих к Омску административных пунктов и провинция в значительной степени была предоставлена сама себе в вопросах удовлетворения нужды в денежных знаках.

Провинции не оставалось ничего больше, как ходатайствовать в Омске о присылке подкрепления, а, пока-что, продолжать пользоваться денежными суррогатами, узаконяя в порядке лонгирования право обязательного обращения этих знаков.

Об'явленная 17-го октября 18 г. обязательность заштемпелевания до 1-го декабря 18 г. окраинных денежных знаков, в том числе и выпущенных в обращение в Чите, за дальностью расстояния и значительным радиусом обязательного для этих знаков обращения оказалась недостаточной, и истекший 1-го декабря 18 года, срок регистрации, постановлением Совета Министров 25-го февраля 1919 года, был продлен до 1-го апреля 19-го года.[1])

Фактически регистрирование путем наложения штемпеля производилось в Забайкальской области по 13-ое марта 1919 года, после какового времени за малоценностью выпущенных ранее «молотков», желающих заштемпелевать их не оказалось.

---

[1]) См. стр. 182.

По указанное число было зарегистрировано «Сибирских кредитных билетов» («молотков») на сумму 19.291.500 рублей, кроме того было из'ято их из обращения за ветхостью на 2.800 рублей.

Следовательно, не было пред'явлено к заштемпелеванию как по причине обесценения, так и вследствие уничтожения, износки и пр. этих знаков на сумму 1.061.300 рублей, т. е. 5,2% по отношению к общей сумме выпуска их.

Кроме того, значится из'ятыми из обращения за ветхостью:

а) Читинским Отделением Государственного Банка 5%% обязательств Государственного Казначейства на 1000 рублей „Контрольных марок" на 300 рублей.

б) Верхнеудинским Казначейством—5%% займа Свободы на 1000 рублей, облигаций военного краткосрочного займа 1-го и 2-го выпуска на 1.450 рублей и досрочных купонов от разных %% бумаг на номинальную сумму 137.000 руб.

„1919 год".

С марта—апреля месяца 19 года денежное обращение фактически унифицировалось обязательствами Сибирского Казначейства.

Эти денежные знаки в течение года—по март 1920 г.—составляли главную денежную единицу на денежно-товарном рынке, так как мелкие керенки достоинством в 20 и 40 рублей, как известно, постановлением Омского Совета Министров от 15-го апреля 1919 года, были из'яты из обращения, а керенские-думские в 1000 рублей и в 250 руб. в то время в широком обращении почти не имелись.

Недостаток денежных знаков на окраине и невозможность подкреплять денежными знаками окраинные казначейства вынудило Омское Правительство продлить срок свободного хождения читинских бон так же, как хабаровских и амурских. [1])

По отметкам Читинской Торгово-Промышленной Палаты в частных сделках на Читинском рынке средний курс на „Сибирские" (по отношеню к 1 рублю золотом)—был зафиксирован:

1919 г. в июле	33 р.	в ноябре	(1-ая половина)	107 р.
„ „ августе	42 „	„ „	(2-ая „)	160 р.
„ „ сентябре	52 „	декабре	(1-ая „)	163 р.
„ „ октябре	70 „	„ „	(2-ая „)	167 р.

В конце 1919 года эвакуировавшийся уже из Омска Совет Министров, постановлением своим от 19-го ноября, разрешил выпуск в обращение облигаций Государственного внутреннего 4½% выигрышн. займа 1917 года—билеты по 200 р.,

[1]) См. стр. 183.

а также купоны от них всех сроков. Облигации и купоны эти вначале первых двух разрядов (зеленый и оранжевый), а позже согласно постановления Совета Министров от 16-го декабря,— и III-го разряда (коричневый) были получены из Иркутского Отд. Госбанка и с печатями последнего, а некоторые,—Чит. Госбанка, поступили в обращение.

1920 год.

Курс на сибирские краткосрочные обязательства в начале 1920 года, после прекращения легального ввоза их из Сибири, за перерывом с января месяца регулярного, а с февраля и всякого сообщения, а также вследствие неожиданного и на первый взгляд как бы парадоксального поднятия курса их на Востоке—в Харбине и во Владивостоке, поднялся и в Чите.

Записи Читинской Торгово-Промышленной Палаты фиксируют следующий курс „Сибирских“:

1920 год	январь	I-ая	половина	—117 рублей
	„	II-ая		—110 „
„	„ февраль	I-ая		— 93 рубля
„	„ „	II-ая	„	—100 рублей

Любопытно сопоставить с курсом, отмеченным Харбинской Биржей на рынке г. Харбина: 1920 г. январь от 140 рублей до 85 рублей, февраль от 85 рублей до 128 рублей.

Начиная с марта на Востоке курс сибрубля катастрофически начинает падать по причинам, на которых подробно мы останавливаемся особо.

В марте в Читу проникают сведения как с Востока—где курс сибзнаков неудержимо падает, так и с Запада, где Совласть аннулирует сибирские денежные знаки и где Верхнеудинская «Временная Земская Власть Прибайкалья», якобы, намеревалась девальвировать „Сибирские“ в пропорции 1:10. В июне стало известно о девальвации в Верхнеудинске в пропорции в десять раз худшей, а именно, 1:100.

Позже проникают сведения о подготовляемой денежной реформе и в Приморье. Район Забайкалья, вернее сказать, город Чита с небольшим связанным с нею районом, по магистрали: на запад 385 верст до ст. Петровск. Завод и на восток 447 верст до ст. Маньчжурия наводняются и с Востока и с Запада сибзнаками, происходит новая инфляция местного рынка и к июню месяцу 1920 года создается положение, аналогичное с мартом 1919 года, когда рынок был наводнен не имеющими хождения вне Забайкалья—«Молотками», с той лишь разницей, что «Сибзнаки» до некоторой степени все же продолжали иметь хождение и в полосе отчуждения К. В. ж. д.

С марта 1920 года Читинская Торгово-Промышленная Палата отмечает следующий курс на Сибзнаки:

Март I-ая половинна	—126 р.	Май I-ая половина	—600 р.
» II-ая »	—157 »	» II-ая »	—975 «
Апрель I-ая »	—188 »	К июню курс понизился до	—1250 р.
» II-ая »	—375 »		

Эмиссия атамана Семенова.

Боны Чит. Отд. Гос. Банка „голубки“ и „воробьи“.

Но если в частном обороте и имелись хотя и обесценивавшиеся денежные знаки, все же в количестве совершенно достаточном, то совсем иное положение создавалось для казны.

С падением власти Омска—власть в меснтом Забайкальском масштабе, согласно указа Адмирала Колчака от 4-го января 1920 г. перешла к Атаману Семенову, как главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины.

Фактически уже много раньше Забайкалье было государством в государстве, падение власти Адмирала Колчака лишь формально закрепило это положение.

Государственная казна атамана Семенова не обладала собственным запасом денежных знаков и с перерывом формальной связи с Западом перед правительством Читы встал вопрос о собственной эмиссии.

После обсуждения вопроса об эмиссии в совещаниях при атамане, 30-го января 1920 года был издан закон о местной эмиссии и Читинскому Отделению Государственного Банка распоряжением правительства предложено было приступить к изготовлению и выпуску «бон Читинского Отделения Государственного Банка» достоинством в 100 и 500 рублей.

Боны эти печатались на сетчатой бумаге, заготовленной Омским Правительством в Америке и перехваченной атаманом Семеновым при следовании ее в Омск.

На бумаге этой же заготовки, в том же году, во Владивостоке Вр. Пр. Д. Востока—Прим. Земск. Упр. печатала Сибирские обязательства достоинством в 50, 250, 1000 и 5000 руб.

Боны Читинского Отделения Государственного Банка печатались на белой бумаге: пятисотки синей, или зеленоватой, или серой краской, а сотенные серой.

Впоследствии боны эти получили общеизвестное название: купюры по пятьсот рублей—«голубки» и купюры по 100 руб. —„воробьи“.

Первые, т. е. „голубки“, были выпущены в три приема, причем выпуски разнятся друг от друга литером и цветом краски: первый—синей, второй—зеленоватой и третий—серой.

Выпуск этих бон производился Читинск. Отд. Госбанка с 18-го февраля по 17-ое августа 1920 года.

О предстоящем выпуске своих бон Государственный Банк предворил население следующим об'явлением:

«Для удовлетворения потребности населения Российской Восточной Окраины в денежных знаках, Государственный Банк на днях приступает к выпуску 500 руб. казначейских знаков, разрешенных к выпуску законом 30 января с. г. и изготовленных на плотной бумаге с особыми водяными знаками, с художественно выполненными изображениями и рисунками".

В предупреждение установления лажа на Сибзнаки, атаман Семенов издал приказ об обязательности хождения бон Гос. Банка наравне с Сибирскими и установил для лиц, нарушающих это постановление, наказание: арест на 6 месяцев и штраф в 10.000 рублей.

Приказ этот остался лишь на бумаге.

Курс выпущенных атаманом Семеновым бон Госбанка сразу же был установлен рынком в два раза худший, нежели на Сибирские.

А так как выпуск этих бон совпал с моментом перелома в сторону катастрофы курса на Сибзнаки, то и боны Госбанка разделили участь Сибзнаков.

О выпуске бон первой серии от Госбанка появилось следующее об'явление:

„18-го февраля Читинское Отделение приступает к выпуску в обращение временных денежных знаков (бон) достоинством в 500 рублей. Означенные боны имеют хождение наравне с денежными знаками и обязательны к приему в платежи между частными лицами и в казну.

Отпечатаны боны на особой бумаге с водяными знаками, гарантирующими их от подделки. Вр. Управляющий Гос. Банком *Е. Годзянский*".

Бон Чит. Отд. Гос. Банка. 1920 г.
(*Натур. велич. 147 х 86 мм.*)

Первая серия выпущенных бон разошлась немедленно и вскоре состоялось утвержденное атаманом, «*постановление Помощника Главкома по гражданской части*» следующего содержания:

1. „Предоставить Читинскому Отделению Гос. Банка разрешенный ему в феврале сего года выпуск бонов Государственного Банка на сумму 500.000.000 рублей увеличить до одного миллиарда рублей.

2. Купюры бонов сохранить в 25 р., 50 р. 100 и 500 р.

3. Разверстание общей суммы бонов между купюрами предоставить Государственному Банку; ему же предоставить и установление серий выпуска, а равно номеров и литер бонов".

О выпуске бон второй серии, Отделение Государственного Банка дало следующее откровенное об'явление:

„От Государственного Банка

Доводится до всеобщего сведения, что за использованием права выпуска бонов Государственного Банка 500 рублевого достоинства первой серии, Читинскому Отделению Банка разрешено выпустить вторую серию бонов. — Боны второй серии выпускаются на такой же бумаге, как первая серия, и сохраняют полностью тот же рисунок с отличием лишь в цвете, краске, литере и нумере, именно: краска—серая, со слабым темно-зеленым оттенком, литера—„П" и № 375".

Бон Чит. Отд. Гос. Банка. 1920 г.
(*Оборотная сторона*).
(*Натур. велич.* 120 x 80 *м.м.*).

По истечении некоторого времени появилось новое об'явление:

„От Государственного Банка

Доводится до всеобщего сведения, что *за использованием права выпуска* бонов Государственного Банка 500 рублевого достоинства второй серии, Читинскому Отделению Банка разрешено выпустить третью серию бонов. Боны третьей серии выпускаются на такой же бумаге, как и первые две серии, и сохраняют полностью тот же рисунок с отличием лишь цвета краски, литеры и нумера, а именно, краска—зеленая с несколько более темным оттенком, литера «С», № 485, исполнены боны типографским способом".[1])

Указанные в постановлении помглавкома боны достоинством в 25 и 50 р.—в обращение выпущены не были и даже не заготовлялись экспедицией из-за стремительного падения курса.

Японский банк в Чите. Почти одновременно с принятием на себя ат. Семеновым полноты власти, им было допущено открытие в Чите филиала Японского Чосен Банка. Под видом вр. агентства при шта-

[1]) Газ. «Восточная Окраина» от 6 июня 1920 г. гор. Чита.

бе японских экспедиционных войск, начал функционировать филиал этого Банка на ст. Чита Забайкальской ж. д.

Второй вр. филиал был организован при ст. Маньчжурия Кит. Вост. ж. д.

Фактически деятельность этих филиалов свелась к операциям с золотом, распродаваемым ат. Семеновым, и с бум. ден. знаками разного наименования. Игнорируя семеновские боны, как не имевшие сбыта на заграничных рынках, агентура Чосен Банка проявляла некоторый интерес к «сибирским». Интерес этот был не велик, но при мертвом застое рынка и он сказывался на их курсе.

К началу апреля при курсе Сибзнаков в 175-200 рублей, семеновские боны котировались уже в 350-400 рублей[1]) и ясно было, каково будет их будущее.

Торгово-Промышленники о фин.-эконом. положении. В марте 1920 года Читинская Торгово-Промышленная Палата представила доклад «г. помощнику по гражданской части главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины».

В своем докладе Торгово-Промышленная Палата делает попытку указать власти на гибельность ее финансово-экономической политики и на абсурдность изданного атаманом обязательного постановления об уравнении курса местных бон с сибирскими обязательствами Государственного Казначейства.

«Палата находит,— читаем мы в докладе,—что обесценение выпущенных Гос. Банком бон пятисот и сторублевого достоинства произошло, помимо общей государственной разрухи, отчасти по вине самой власти. Власть, выпуская боны, удовлетворяла естественную нужду в денежных знаках в области, создавшуюся вследствие особого политического положения. Палата убеждена, что, выпуская боны, власть примет все меры против обесценения этих знаков. Между тем, в жизни наблюдалось и наблюдается обратное явление. Власть в лице отдельных ведомств, например штаба походного атамана, Управления военных сообщений и других организаций, например— Мясбюро,—своими действиями вызывают дискредитирование этого денежного знака. Эти ведомства усиленно занимаются сделками на валюту, продают иены, золото, причем всякую продажу или покупку обуславливают платежем или сибирскими знаками или какими-либо другими и отнюдь не совершают сделок на боны. *Вы можете наблюдать ежедневно в Штабе Походного Атамана картины этой безудержной торговли денежными знаками.*

Палате известно, что золото, с таким успехом расточаемое, продается потом на рынке частными лицами по повышенным ценам. Кроме сего, отдельные ведомства, как например, Управление Военных Сообщений, и отдельные продовольственные организации (Мясбюро) проводят самостоятельную финансовую политику, не об'единенную единым началом, самостоятельно и независимо от кого бы то ни было занимаются реализацией получаемой валюты (иены и золото), причем произвольно устанавливают курс обмена и только на сибирские и отказываются от всяких сделок или обмена на боны. Если власть сама, своими действиями дискредитирует выпущеные ею же боны, то, конечно, трудно и невозможно требовать уважения к выпущенным бонам со стороны населения. И ваше обязательное постановление является простым приказом, не достигающим цели. С распубликованием обязательного постановления о равноценности местных бон с сибирскими осложнилось положение торговли в худшую для населения сторону—сибирских знаков на базар не понесли, в силу чего спрос на сибирские увеличился, даж значительно повысился, а вместе с этим и поднялись до неимоверной высоты цены на товары и продукты».[2])

---

[1]) «Справочная ведомость Читинской Торгово-Промышленной Палаты» за 1920 год.

[2]) Доклад Чит. Т.-Пр. Палаты, от 31-го марта 20 г. за № 581.

Дав общую картину созданных властью и ее органами затруднений,—доклад указывает, что «из чувства самосохранения и желания дальнейшего ведения торговли, торгово-промышленники, как таковые, вынуждены были искать выхода. Таким выходом была продажа на сибирские и покупка сибирских знаков на местные боны».

Палата далее находит, что сдача золота или иен на текущий счет иностранных банков отдельными ведомствами также подрывает и служит причиной, способствующей окончательному подрыву значения бон, ибо у населения создается полное и основательное впечатление о том, что и сама власть не уверена в ценности выпущенных денег. Должны быть приняты все меры к прекращению безмерного выкачивания золотого запаса, без того уже малого, за границу на создание разного рода коммерческих предприятий военными ведомствами. Нужно притти к сознанию, да и в этом нас научили грозные события, что военному ведомству не следует заниматься коммерческими предприятиями, ибо это разлагает военную среду и отвлекает ее от прямых непосредственных задач. В этом случае мы имеем в виду Монгольскую Экспедицию генерала Бирюкова, стоющую для казны громадных средств. Между тем, эта организация, выкачивая деньги и отвлекая военное ведомство, никогда и ни при каких условиях, а в особенности при нынешних, не создаст здорового экономического влияния в Монголии, как построенная на нездоровых коммерческих промышленных началах. Помимо сего, эта организация своей политикой в корне подрывает и в будущем какое-либо влияние России на Монголию.

Резюмируя все вышеизложенное, Палата находила необходимым:

1) Принятие мер к прекращению обособленной финансовой экономической политики отдельных ведомств и согласованности таковой (продажа золота, спекуляция с денежными знаками военными ведомствами, реквизиции и коммерческие предприятия военных ведомств).

2) Выяснение возможности обеспечения выпущенных бон золотым запасом.

3) Созыв особого совещания о мерах борьбы с обеспечиванием денежных знаков с участием представителей общественности.

Мнение банков. В докладной записке одного из банков, составленной для своего Правления в первых числах апреля 20 г., дается следующая характеристика, аналогичная с приведенной в докладе Палаты:

«Первая четверть настоящего года протекла с большими колебаниями в ходе дела, благодаря политическим осложнениям и продолжению экономического развала. С самого начала года мы раз'единились с г. Иркутском, в феврале почти прекратилась корреспонденция из Владивостока, в начале марта нарушилась связь с Верхнеудинском, почтовое сообщение с Харбином неисправно, а телеграфного нет около двух недель. Оторванность Читы, в связи с происходившими военными событиями и эвакуацией военных семей, усиливала и без того нервное состояние публики. Временами замечалась полная растерянность, сыпались убедительные просьбы посоветовать — оставить деньги в банке или взять. После проникших из Ир-

кутска слухов об аннулировании сибирских знаков, началась усиленная затрата денег на нужные и ненужные предметы.

Выпуск Читинским Отделением Государственного Банка местных бон увеличил хаотическое состояние денежного рынка. При самом появлении бон установился на них обязательный лаж против сибирских на 20%, дошедший в апреле до 70%.

Наши пассивы начали болезненно пухнуть и заставили прекратить с 23-го марта начисление процентов на вновь поступающие суммы, кроме счетов мелких сбережений кооперативных организаций.

Общее положение кооперативных организаций и в данный момент является чрезвычайно затруднительным.

Цены на некоторые предметы удвоились и утроились».

Как будто идя на встречу общественности, Правительство атамана, 21-го апреля 20-го года, издает постановление за № 92 «Об утверждении положения о Краевом Народном Собрании»,[1]) но начинание это оказывается мертворожденным, так как даже провинциальный скромный парламентаризм плохо согласовался с методами правления атамана.

Советские облигации. В начале мая на читинский рынок стали проникать облигации IV и V-ой серии внутреннего с выигрышами займа, три серии коих были выпущены в Иркутске правительством адмирала Колчака, а две последних Иркутским Ревкомом в январе-феврале 1920 г. по соглашению с Р.С.Ф.С.Р. Об этом проникновении Отделение Гос. Банка ставится в известность Мин. Финансов атамана.

Главное Управление Гос. Банка пишет:

«В последнее время в Забайкалье появились американские облигации со штемпелем Советской Республики, выпущенные в г. Иркутске большевиками, в качестве денежных знаков и распространенные среди населения Забайкалья, очевидно, большевистскими войсками.

Были уже случаи пред'явления таких облигаций в кассы учреждений Государственного Банка и Казначейства.

В виду сего и в предупреждение приема указанных облигаций учреждениями Банка и Казначействами, Государственный Банк дает знать, что американские облигации со штемпелем советской республики в качестве денежных знаков Правительством Восточн. Росс. Окраины не признаны и права хождения не имеют, а посему и прием их в кассы учреждений Банка и Казначейства ни в коем случае не допустим. Об этом Отделению надлежит уведомить подотчетные Казначейства».[2])

---

1) Газ. оффициоз—«Вестник Забайкалья» № 44, от 28 апреля 20 г. г. Чита.

2) Отношение от 18 мая за № 240.

В мае курс на Читинские боны падает до 1.300 рублей в 1-ую половину и до 2.000 рублей к концу месяца.

Положение становится катастрофическим и если катастрофа еще не наступает, то лишь потому, что казна располагала запасом золота, в свое время перехваченного распоряжением атамана из транспорта, направленного Омском для валютных операций с за-границей.

Денежный тупик способствует обще-торговой и хозяйственной депрессии.

Кооператоры о положении. В мае 20 года Совет Кооперативных С'ездов Забайкальской области подает нижеприводимую докладную записку в финансовое совещание при помощнике главнокомандующего:[1])

«Хаотическое состояние нашего денежного рынка дошло до самых крайних пределов: совершенно нет хоть сколько нибудь устойчивого мерила ценностей, деньги, как орудие обмена, почти утратили свое значение и в качестве средства платежа являются невыгодными для получателей, оставаясь предметом оживленной спекуляции. Сейчас на Читинском рынке находятся в обращении: золото, серебро, иены, знаки Сибирского Правительства и боны Читинского Отделения Госбанка. Приблизительное соотношение таково: *золотой рубль оценивается в одну иену, знаки Сибирского Правительства дешевле в 500 раз., боны еще ниже на 100%, против краткосрочных обязательств и на 150% против облигаций внутренн. займов (американск), за один рубль мелкого русского серебра дают 400—450 рублей местных бон.* Каждый день меняется это соотношение и не может быть уверенности в определенной ценности даже золотого рубля. Катастрофическому падению нашего рубля, помимо общих коренных причин, неустранимых в условиях совершающихся событий, чрезвычайно способствует отсутствие какого бы то ни было регулятора с русской стороны и планомерной финансовой политики государства. Между тем, каждая деловая ошибка, связанная с денежным вопросом, при окружающей обстановке успешно содействует быстрому обесценению нашего рубля и подобные ошибки встречаются довольно часто в деятельности учреждений. Усиленный спрос на иену держит ее на несоответствующей ее действительному положению уровне. Открытые японские меняльные лавки, скупая иены по более низкому курсу, в своих интересах часто воздерживаются от продажи, чем искусственно поддерживают курс иены, который имеет значительную разницу между г. г. Владивостоком, Харбином и Читой. Случайное выбрасывание в обращение через частные руки золота лишает нас последнего влияния на денежный рынок и ведет к расхищению реальных богатств края.

В Забайкальском Кредитном Союзе положение обрисовывается так: Кредитные Товарищества отмечают избыток денег на местах, с сокращением ссудных операций. Кредитсоюз с 7-го мая перешел на безпроцентный прием вкладов, работа в области на деньги идет слабо и сосредотачивается, главным образом, на натуральном товарообмене, посреднические операции значительно уменьшились.

Большой интерес представляет справка о закупочных ценах рынка на скот:

в IV и V—19 г. . . .	. 55 — 80	рублей пуд
„ VI, VII, VIII—19 г.	. 80 —120	„ „
„ IX, X—19 г. . .	240	„ „
„ I, II—20 г.	1100	„ „

С апреля месяца, когда в распоряжении закупщиков появились Читинские знаки, цена сразу с 1300 р. поднялась на 4000 р. и учитывая теперь рыночную продажную цену мяса в 24000 р. пуд—надо считать заготовительную не ниже 10.000 рубл. пуд.

Обобщая все сказанное про крупные кооперативные организации, приходится сказать, что финансовое положение кооперации сейчас характеризуется накоплением бумажных денежных знаков, быстрым падением покупательной способности, оборотных средств и значительным уменьшением товарных запасов Анализ балансов показывает, что за огромными цифрами скрывается почти нищета, при бухгалтерски выведенных прибылях, курсовые колебания фактически приводят к большим убыткам, так как никакие наценки на товары, не говоря уже о кооперативных, не могут успевать за понижением курса рубля и ростом рыночных цен.

---

[1]) Отношение Совета Кооперативных С'ездов Заб. области от 21-V за № 546 на имя Финансового Совещания при помощнике по гражданской части главнокомандующего всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины.

На основании всего изложенного и постановления Совета Кооперативных С'ездов Забайкальской области, состоявшегося 14-го сего мая, в качестве мер, могущих облегчить создавшееся положение, возбуждаем следующие вопросы:

1) О привлечении в финансово-экономическое Совещание представителей общественности вообще и кооперации в частности.

2) О снабжении кооперативных организаций такой валютой, при которой они могли бы продолжать свою деятельность по закупкам заграницей, установив для этого соответствующий обмен имеющихся у организаций Читинских знаков».

Не смотря на крайнюю серьезность вопросов, затронутых докладной запиской кооперативов, они остались без рассмотрения.

На одном из последующих своих заседаний—11-го июня—Совет Кооперативнх С'ездов вновь обсуждал вопрос о финансовом положении Забайкальской кооперации. Докладчик Совета по этому вопросу обрисовал всю трудность финансового положения кооперативных организаций и края вообще.

Как указал докладчик—«местные правительственные круги надеются на образование в ближайшем будущем русско-японского банка с основным капиталом в 40 миллионов—(20 милл. русских и 20 японских). Но ожидать улучшения от осуществления этого проэкта нельзя. Других перспектив нет. Как пример полного обесценения обращавшихся в Чите знаков, докладчик указал на случай с ним самим, когда он был на станции Маньчжурия. Имея в своем портфеле 120.000 рублей сибирскими, совершенно новыми, знаками, он не мог на них купить никакой валюты, нужной ему на проезд в Харбин. Пришлось возвратиться в Читу.

Совершенное обесценивание бум. рубля влекло невероятно быстрый рост цен на главнейшие продукты питания. Расходы на содержание служащих увеличиваются, тогда как все кооперативные учреждения теряют свои последние реальные ценности, оставаясь перегруженными такими знаками, как например «голубки», которые потеряли всю свою ценность. Получается заколдованный круг, выхода из которого совершенно не видно.

Перед всеми нами стоит все тот же неразрешимый вопрос—как же быть дальше».

Советом С'ездов по докладу, наряду с другими положениями, было постановлено:

«Сохраняя кооперативный характер в деле расценки товаров, но имея в виду, что не останавливающееся обесценение нашего рубля не позволяет обходиться прежними приемами, так как неподвижность или малоподвижность товарных цен в кооперативах означало бы в действительности продажу по, непокрывающим себестоимость, постепенно понижающимся ценам и могла бы вызвать в самом скором времени полное разорение кооперации, следует признать необходимым:

1) Определение себестоимости товаров по курсу золотого рубля.

2) Наценка в размере не более процента, также по расчету на золотую валюту».[1])

Судьба бон.

В первой половине июня курс на читинские боны упал до 5.000 рублей. Между тем, эмиссии не предвиделось и конца, печатный станок работал без устали, не хватало лишь краски и это вынуждало менять цвет выпускаемых бон.

Одновременно расширилась брешь, внесенная еще в Омске в доверие к денежным знакам и правам держателей их. Об'явлено было, что в Чите по распоряжению омского правительства произведено будет из'ятие керенок.

Все это усиливало темп падения курса на бумажные знаки всех наименований, а особенно, конечно, местных выпусков.

25-го июня в заседании Краевого Народного Комитета в Чите была заслушана резолюция Читинской Торгово-Промышленной Палаты о финансово-экономическом положении Забайкалья. Резолюция эта гласила:

«Подвергнув всестороннему обсуждению вопрос о финансовом и экономическом положении окраины, Палата констатирует наличие явной катастрофичности в этой области жизни. Палата не видит, чтобы со стороны власти предпринимались реальные шаги к смягчению надвигающегося экономического кризиса. Общество довольствуется какими то скрытыми слухами о разных экономических совещаниях под председательством военных и с участием только военных. О каких то предполагаемых монополиях отдельным группам и т. д. Отсутствие гласности и осведомленности общества и населения о мерах экономическо-финансового характера создает тревогу в общественном мнении.

Открываются торговые предприятия под управлением военных, недостаточно компетентных в торговом деле. Палата неоднократно уже отмечала все вредные последствия вмешательства военных организаций в торгово-промышленную жизнь, и снова подтверждает, что подобного рода явления, неся моральное разложение в военную среду, препятствуют нормальному течению торговой жизни в виду наличия всякого рода привилегий организациям, находящимся под покровительством власти.

Палата обращает внимание и на то, что транспорт налажен только видимо: об'явлен свободный прием и отправка грузов, но все же необходимы особые усилия, чтобы протолкать тот или иной груз. И такое положение вещей неизбежно, пока транспорт будет находиться в распоряжении лишь одной военной организации, а не органа, созданного из представителей ведомств и организаций, заинтересованном в правильном функционировании торгового транспорта. Констатируя наличие этих фактов, Палата полагает, что власть должна найти выход из создавшегося положения, согласуя свои действия и желания с нуждами общества и населения. При чем при разработке мероприятий должны быть приняты во внимание: а) полное преобразование финансовой системы, б) обеспечение личной безопасности и собственности имущественной, торговой и промышленной, в) свобода передвижения лиц и товаров, г) заготовка достаточного количества продуктов и товаров; д) содействие к развитию торговли и промышленности установлением благоприятных к этому условий. Для обследования же этого и других вопросов, связанных с общим финансово-экономическим положением края, необходимо создать экономическое совещание с привлечением в состав его представителей компетентных учреждений и общественных организаций, и поручить этому совещанию выработать в спешном порядке план экономических мероприятий».

По заслушанию этой резолюции Член Народного Краевого Комитета Г. И. Перфильев внес заявление: «финансово-экономическая комиссия, касаясь финансового и экономического положения Забайкалья и Восточной окраины, отмечает

[1]) См. протокол заседания Совета Кооперативных С'ездов Забайкальской области от 11-го июня 20 г.

катастрофу и обесценение денежных знаков. Все мы знаем, что творится с деньгами. Иена вчера стоила 5.000 рублей, а сегодня 10.000 рублей.

Также является важным вопросом—установление правильной налоговой системы. Налоги правительству не поступают и ровно ничего не предпринимается по выработке новых законов о налогах. Система осталась прежняя».

Заявление это за поздним временем осталось без обсуждения.

Совещания при Гос. Банке. Двумя из членов «Совещания при Государственном Банке по финансово-экономическим вопросам» были представлены Совещанию доклады: «О мерах против обесценения бонов» и «о валютных операциях». Доклады эти были заслушаны на заседании совещания 1-го июля 19-го года.

Доклад, в целях поднятия курса «голубков», рекомендовал произвести валютную интервенцию.

«Одной из мер по улучшению состояния рубля—утверждал доклад—*должны быть валютные операции, взятые в надежные руки и подчиненные определенному намерению.* О том, как и где сейчас происходят валютные сделки всем известно. *Японские меняльные конторы, стоящие на страже интересов иен,* оперируют согласно с своей целью, усиливая продажу своих знаков при благоприятных обстоятельствах, сдерживая во время колебаний и прекращая при ясно обозначающейся понижательной тенденции. *Таким образом, при заботливой охране иена завоевывает права гражданства на нашем денежном рынке.* В то же время предоставленный воле стихий и чужестранных ловчих русский денежный знак переживает лихорадочное состояние с резкими колебаниями и беспредельным понижением. Базар, оплачивающий мелкое денежное маклачество, еще более осложняет положение. Запретительные меры ни к чему не приводят и не приведут, пока не будут организованы в надлежащем масштабе валютные операции кредитными учреждениями, где бы всякий мог купить или продать нужные знаки. Приходится признать, что обыденные расчеты теперь требуют иену и металл на внутреннем рынке, *поэтому нужно найти путь снабжения и населения валютой без излишнего ущерба нашему денежному знаку.* Насколько чревато вредными последствиями даже для золотого рубля выступление случайных элементов показывают последние дни. Крупное количество *выброшенного сразу на рынок золота значительно понизило курс иены, еще более золотого рубля. 26-VI в частных сделках иена расценивалась в 7 тысяч, золотой рубль в 5.800 р.* Получилось как будто улучшение положения местных бон, спрос на которые, как будто, вдруг возрос. После размещения золота по частным карманам эффект прекратится и наступит время хуже прежнего. В результате ряда подобных спорадических явлений мы очутимся без золота при убитом окончательно бумажном денежном знаке, восстановить который будет нельзя.

Работа японских контор в Чите с относительно небольшими капиталами служит ярким показателем того, как успешно можно корректировать положение на денежном рынке отдельных знаков. Курс иены здесь держится значительно выше Харбинского и Маньчжурского, тогда как положение должно быть обратное.

Изложенное приводит к заключению, что обесценивание рубля отчасти есть результат стихийного характера денежного обращения и полного отсутствия планомерных мер воздействия на рынок в предотвращение этого процесса, при известном же напряжении с русской стороны несомненно можно достигнуть улучшения курса наших бумажных денег, использовав в этом отношении валютные операции, при осмотрительном ведении которых экономно были бы утилизированы остатки финансовых сил».

«Необходимость большего влияния на рынок требует поставить дело в солидном масштабе с крупными суммами и пустить казенные средства в виде специального фонда.

Тотчас вслед за валютными операциями должны следовать другие подкрепляющие меры и на все мероприятия настоящего момента следует смотреть как только на паллиативы, улуч-

шающие положение на время, *радикальное же разрешение вопроса лежит в плоскости первой резолюции Совещания*: без коренных реформ всего дезорганизованного государственного хозяйства, пока мы только являемся распорядителями и потребителями благ, попадающих из чужих рук, пока занятые гражданской войной силы не обратятся к производительному труду,— никакие шаги не спасут, хотя бы у нас был, предположим, колоссальный запас золота, для которого при стечении известных обстоятельств неизбежна общая участь истощения и обесценения.

На основании высказанных соображений, — заканчивал автор доклада,—записка сводится к предложению внести на разрешение власти в спешном порядке вопрос о фактическом сосредоточении *валютных операций* в кредитных учреждениях с определенным заданием в указанном выше смысле и об отпуске необходимого фонда». [1])

На этом же заседании членом совещания кн. Кропоткиным был сделан доклад о выпуске *бон, обеспеченных земельным фондом Забайкалья*. Доклад этот привлек к себе общее внимание но его так и не успели рассмотреть.

Совещание это результата также не дало и потребовался еще месяц для того, чтобы власть более вдумчиво отнеслась к намечавшимся мероприятиям. Пока же власть вводила паллиативы, запрещая сделки с валютой, предполагая, что тем самым борется со спекуляцией.

5-го июля 1920 года за № 145 было опубликовано *обязательное постановление* Помощника Главкома всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины по гражданской части *о воспрещении покупки, продажи и размена валюты*, за исключением банков, меняльных контор и лавок, имеющих разрешения.

В средних числах июля 19 года Харбинская „Заря“ под заголовком—„Фабрикация „голубей“—сообщала: „для печатания Читинских „голубей“ беспрерывными сменами рабочих (круглые сутки) понадобилось реквизировать все машины частных типографий. Удовлетворение ежедневных потребностей армии и штатов чиновников требует до 30 миллионов „голубков“. Прожиточный минимум за июль достиг 140.000 рублей. Особенно способствует падению читинских знаков то, что за пределами Забайкалья эти деньги абсолютно ни кем не принимаются“.

К этому же времени относится и наиболее оживленный сговор Читы с Владивостоком, что грозило Чите той же девальвацией своих денежных знаков, что была произведена в Верхнеудинске и Владивостоке. Во Владивостокской прессе в связи с переговорами правительства с Амурской делегацией по

[1]) См. докладную записку от 28 июня 1920 г. «Совещанию при Госбанке».

вопросу о денежной реформе—сообщалось: «Председателя Приморской Комиссии по проведению денежной реформы посетил член Амурской делегации г. Кузнецов, который имел беседу относительно проведения в жизнь в Амурской области денежной реформы. Результат переговоров благоприятен: все знаки Амурского Правительства будут из‘яты из обращения на тех же основаниях, как и проводилась девальвация «сибирок», т. е., за 200 рублей амурских будет выдан 1 рубль Временного Правительства. *На таких же основаниях, как нам сообщают, будет произведена девальвация, на случай соглашения с Читинской властью «голубков»,—знаков Читинского Правительства».*

Июльский курс на боны, достигший в средине месяца пяти тысяч рублей, к концу месяца понизился до 7.800 р.

К 15-му июля до 14.000 рублей, были зафиксированы сделки по 20.000 „
„ 18-20 июля „ 13.000-15.000 руб.
„ 21-22 „ „ 18.000-20.000 „
„ 23-24 „ „ 20.500-22.000 „

Прибывший во Владивосток в первых числах августа 19 года член Читинской общественной делегации прис. поверенн.—П. П. Малых в беседе с сотрудниками газет дал следующую характеристику экономики Читы: «Экономическое положение Забайкалья крайне тяжелое: промышленность и торговля накануне полнейшего развала. Замечается упадок торговых сделок. Хлеб, мануфактуру, скот—все это достают в Маньчжурии, и только на валюту.

При от‘езде из Читы 25-го июля иена котировалась по 30.000 рублей «голубками», а когда делегация прибыла в Харбин—30-го июля, то были сведения, что иена дошла до 40.000 рублей. Прожиточный минимум был установлен на июль в 125.000 рублей, а на август—200.000, но на деньги нельзя существовать, и Правительству придется выдавать пособия. Рабочий на всем готовом получает 15.000 руб. в день. Как курьез надо отметить, что водовоз за бочку воды берет 30.000 ежедневно, что в месяц составляет 300.000 рублей. За перевозку вещей в конец ломовик берет не меньше чем 50.000 рублей. Цены: на муку — пшеницу — 20.000 руб., крупчатку 30 — 35.000 руб. за пуд. и имеют тенденцию еще повышаться. Мясо — 2.500—3.000 руб. за фунт. Золота много утекло. Теперь замечается контролирование расхода золота, но его очень много в частных руках».

«Валютная интервенция».

Под напором этой катастрофы 24-го июля под председательством Управляющего Читинским Отделением Гос. Банка было созвано частное совещание государственного и частных банков,

подвергнувшее обсуждению вопрос о предоставлении группе частных банков в Чите права производить валютные операции в целях противодействия обесценению русского бумажного рубля и облегчения денежного обращения.

„Принимая во внимание, что валютные операции необходимы не только в интересах клиентуры частных банков, которой эти операции облегчат совершение товарных сделок на заграничных рынках, но могут и должны принести существенную пользу государственным интересам в смысле противодействия обесцениванию русского рубля бумажного.—Совещание постановило:—группе частных банков в Чите (именно: Московскому Народному, Русско-Азиатскому, Сибирскому Торговому и Обществу Взаимного Кредита) *открыть теперь же валютные операции на комиссионных началах*, по поручениям их клиентов, а тем из названных банков, коим это предоставлено их уставами, и за их собственный счет. На открытие означенных операций испросить разрешение Управляющего Ведомством Финансов; обязать банки, по получении разрешения требуемого, о времени открытия операций и покупной и продажной ценах на валюту известить клиентуру, способом, который они признают наиболее удобным.

Продажа в валюте в русской золотой монете не должна превышать 25 руб. в день на одно лицо или фирму; из семьи может воспользоваться этой нормой только один член семьи.

Первоначальный курс продажи должен быть ниже рыночного не менее, как на 10%, а разница между курсом продажи и покупки в 1000 руб».[1])

Постановление совещания банков было представлено на утверждение Управляющего Ведомством Финансов, который 26 июля 20 года наложил следующую резолюцию:

«На означенных в сем протоколе основаниях, в соответствии с постановлением Совета управляющих Вед. 26 с. июня определяю: выдать четырем названным банкам по 10.000 зол. рублей для производства операций покупки с предложенными ограничениями в экстренном порядке, начиная со вторника 27-го с. июля. Упр. Вед. Фин. Б. Мономахов».

Между тем, курс на читинские боны все понижался и с 33.000 р., отмеченных 25-го июня, к 28-му упал до 34.000 руб. за 1 зол. руб.

С 28-го июля на основе состоявшегося постановления, четыре частных банка, получив от Правительства по 20 000 зол. руб. «сроком на месяц и без права затрачивать в день более 1 000 руб.», приступили к проведению в жизнь этой карликовой валютной интервенции, ограниченные в праве продавать в одни руки более 25 рублей зол.

[1]) См. протокол Совещания Банков г. Читы 24 июля 1920 г.

Валютная интервенция или проще и вернее сказать—мелочная скупка бон Государственного Банка — продолжалась в течение десяти дней и при всей своей мизерности, все же, в обстановке замкнутого рынка Читы, дала известный эффект. Но вторая неделя этого опыта совпала с начавшейся из Забайкалья, под напором окружающих Читу партизан, — эвакуацией.

Эвакуация внесла панику, Государственный Банк прекратил выдачу валютных авансов, обступившая банки публика грозила расправой, но «обменная возможность» тем не менее была нарушена.

Ниже мы приводим *курс на боны Читинского Отделения Гос. Банка—«голубки» и «воробьи»* за дни скупки их банками.

	По отметкам покупки Банками		По отметкам Торгово-Промышл. Палаты о сделках на частном Читинском рынке
	За 1 зол. рубль	За 1 иену	
28 июля	30.000	29.000	34.000
29 „	26.000	25.000	от 25.000 до 29.000
30 „	20 000	19.000	„ 19 000 „ 22.000
31 „	17 000	16 000	16.000
1 августа	—	—	16.000
2 „	15.000	14 000	14.000
3 „	13 000	12 000	—
4 „	13.000	12 000	12.000
5 „	13.000	12.000	—
6	13 000	—	—
7	12.000	—	20.000

Всего за десять дней обмена Банки, надо полагать, скупили около одного миллиарда рублей Читинских бон, так как по имеющейся у нас справке только один из них приобрел бон на сумму 200 625.000 рублей, использовав всю сумму выданной ему валюты, использовали ее и остальные банки. Должно отметить, что первоначальное ограничение о продаже в одни руки не более 25 зол. рублей в последние дни было отменено.

7-го июля был последний день обмена, дальше — катастрофа. С 8-го июля Банки, не получив от Гос. Банка дополнительной суммы валюты, прекратили обмен, а 9-го курс на вольном рынке упал до 39.000—41.000 рублей бонами.

10-го	июля	курс	был	41.000 — 42.000	руб.
11-го	„	„	„	44.000 — 46 000	„
12-го	„	„	„	58.000 — 80.000	„
13-го	„	„	„	95.000 —100.000	„

С 14-го июля, как дает справку Читинская Торгово-Промышленная Палата, «в виду малого хождения бон Читинского Отделения Гос. Банка, курс их в Палате не фиксировался, а в правительственных учреждениях боны принимались из расчета 60.000 рублей за иену или за золотой рубль».

Памятка событий. Для правильного понимания всех колебаний курса Читинских бон необходимо, хотя бы кратко, остановиться на политических пертурбациях, переживавшихся Забайкальской областью в течение 1920 года.

Январь 1920 года, как выше мы уже указали, формально эмансипировал Забайкалье от Сибири.

События 31-го января во Владивостоке изолировали Читу от русского Дальнего Востока, а также и со стороны Амура, еще ранее ушедшего из под власти адмирала Колчака.

3-го марта 1920 года войска атамана Семенова были оттеснены от Байкала войсками Народно-Революционной армии и ею был занят город Верхнеудинск. Наметилась тенденция к дальнейшему продвижению войск революционной армии, временно задержавшихся, вследствие занятия железно-дорожной магистрали еще тянущейся лентой эвакуирующихся румынских и чехо-словацких эшелонов.

После первых военных неудач Читы и начавшегося там разложения армии и разнобоя между «семеновским» и «каппелевским» командованием, все более крепла идея сговора с Земским Владивостоком. В июне 1920 года потянулись на Восток Читинские делегации: сначала правительственная, потом—общественная.

Наконец, в августе началась эвакуация из Читы японских войск, что предрешало вопрос о занятии Читы партизанами.

Вскоре началась эвакуация Читы и каппелевцами.

Если мы сопоставим приведенные выше даты политических событий с колебаниями кривой курса на выпущенные в Чите «боны Гос. Банка», то вывод напрашивается сам собой.

Золотой запас Читы. Свое начало золотой запас Читы имел в перехваченной атаманом Семеновым партии золота, направлявшегося Правительством адм. Колчака на Восток в обеспечение заключенных займов.

Атаманом Семеновым было задержано золота 721 ящик на сумму 42 миллиона зол. руб. Судя по упаковке, золото это принадлежало, главным образом, частным банкам.

В период существования Омской власти расходование из перехваченных запасов атаманом хотя и производилось, но сравнительно незначительное.

Падение Омска развязывало руки Чите, и хранящееся в Гос. Банке золото, «обеспечивающее» выпуск бон, — быстро начинает таять.

Расходование золотого запаса шло в двух направлениях: непосредственно в Чите на разного рода текущие надобности армии и ведомств и на «финансовые комбинации» внешнего порядка. Об одной из привезенных в Японию партий золота сообщала в свое время японская пресса, так, например, в заметке от 2-го июня 1920 года «Джапан Кроникль» сообщает, что «из Дайрена в Осаку привезено на пароходе «Харбин-Мару» золото ценою в 2 с половиной милл. иен. Золото направлено в Осакское Отделение Японского Банка». Газета подозревает, что это—деньги «награбленные Семеновым».

Еще определеннее информировала о судьбе читинского золотого запаса другая большая японская газета «Осака Майници». В № от 3-го июля 20 г. она сообщала:

«В связи с предстоящим падением Семенова, перед Японией встает ряд трудных вопросов. В настоящее время в Порт-Артуре Семенов держит 30.000 000 долларов золотом, в качестве залога за всевозможные продукты, получаемые со стороны Японии. Но эти деньги нельзя считать собственностью Семенова—они являются принадлежностью Областного правительства и государственным достоянием России. В виду этого нет причин возвращать Семенову вышеназванное золото. Вопрос о передаче этих денег Верхнеудинскому или Владивостокскому Правительствам также сопряжен с трудностями. С другой стороны об'явить золото принадлежащим Японии крайне трудно. Но японцы до сих пор поддерживали материально Омское правительство и Семенова, причем долг России по отношению Японии достигает свыше ста миллионов иен. Правительству предстоит решить чрезвычайно сложный вопрос: как поступить с семеновским золотом в Порт-Артуре».

Как видим, если даже приведенные цифры и не совсем соответствуют действительности, то все же сама постановка вопроса достаточно откровенна и не оставляет никаких иллюзий о судьбе обще-российского достояния, попавшего в руки «союзника».

Манипуляции с золотым запасом не могли, конечно, не волновать население Забайкалья и его деятелей. Но общая обстановка не позволяла возвысить голос протеста.

Собравшиеся в июне 1920 года Краевое Народное Собрание Забайкалья заинтересовалось судьбой золота. Председатель Народного Собрания г. Васильевский внес от себя, принятое Народным Собранием, предложение: «Внести запрос о положении финансов с указанием на существующие дефекты, в ча-

стности на способ расходования золотого запаса. Просить официального с осмотром на месте, при участии Членов Собрания, выяснения размеров золотой наличности».

Конечно, к осмотру золотой наличности представители Краевого Народного Собрания допущены не были.

По сообщению во Владивостоке члена Читинской делегации—П. П. Малых, золотой запас в Чите к 25-му июня исчислялся в 25 милл. рублей. — Так ли это — проверить не представляется возможным.

Интерпеляции Краевого Народного Собрания не изменили усвоенного властью способа расходования золота.

В первых числах августа 1920 года Харбинский «Русский Голос» — со слов прибывшего из Забайкалья, компетентного лица, сообщил, что «читинский золотой запас исчислялся, примерно, в 1200 пудов. Порядок расходования был неудовлетворителен. Поэтому золото было взято на учет военным совещанием под председательством Дитерихса, выдачи производились лишь по постановлению совещания. Когда Краевое Совещание вступило в свои права, оно взяло на себя право расходования золотого запаса, но *атаман Семенов сохранил за собой возможность выписывать самолично ассигнование золотом*, причем процедура была до крайности упрощена: помощник Управляющего Ведомством Внутренних Дел — Волгин писал записку, Семенов ее утверждал, после чего следовала выдача в присутствии начальника юнкерского училища, от коего назначался караул.

В последнее время производилось большое расходование золота, что вызвало назначение ген. Лохвицким особой комиссии под председательством ген. Космина (бывш. начальника Уфим. группы войск) для проверки наличности золотого запаса. Слухи о широком расходовании золота проникли в армию, которая через корпусных командиров выразила желание усилить надзор. По разрешению высшего командования, части ныне делегируют представителей — офицеров для наблюдения за расходованием золота. В настоящее время золото охраняется двумя караулами: юнкерами и чинами, расквартированной под Читой, кавалерийской дивизии».

12-го августа эвакуировался из Читы в Даурию штаб армии, в эти же дни целиком было препровождено из Читы на ст. Даурия хранившееся золото.

2-го сентября председатель Народного Собрания — А. А. Виноградов сообщил во Владивосток по прямому проводу: «финансовое положение Читы крайне печально. Денежные знаки не имеют никакой ценности и почти не принимаются. Рынок берет лишь валюту, об'ясняется это прежде всего отсутствием в Чите золотого запаса».

Двумя неделями позже, председатель Вр. Восточно-Забайкальского Народного Собрания — К. С. Шрейбер по проводу сообщал во Владивосток:

«Финансовое положение Читы почти катастрофично. Кассы пусты, имеются лишь, совершенно обесцененные, боны. Правительство золотым запасом совершенно не располагает, нет никаких материальных ценностей и служащие в правительственных учреждениях не удовлетворены содержанием за август; налоги, если вносятся, то только бонами. Монопольных предметов—спирта и сахара нет».

12-го сентября президиум созванного Народного Собрания вновь пред'явил правительству атамана вопрос о судьбе золотого запаса и, в частности, о хищениях на ст. Маньчжурия и в других местах, производимых начальниками военных отрядов и отдельными лицами. На это поступили ответы командования, что «к расследованию условий хищения золота приняты меры. *Золотой же запас принадлежит Российскому государству и никакие местные власти не имеют права претендовать на него.* Поскольку же этот запас находится в руках войсковых частей, борющихся за соединение единой России, он и должен остаться в руках этой армии».[1])

В сентябре ген. Вержбицкий издал приказ по армии, об'являющий, что «желая поставить армию вне зависимости от переговоров и политических соглашений, атаман Семенов приказал немедленно выдать из золотого запаса 350 пудов золота (7.000.000 рублей) на нужды полевого казначейства».

Как видим, армия не проявляла готовности выпустить из своих рук остатка золотого запаса.

До последних дней штаб армии и атаман непосредственно производили все выдачи в валюте; в октябре военное ведомство обязалось, наконец, передать остатки золота в распоряжение нового совета управляющих ведомствами. В канцелярии совета имелось об этом сообщение ген. Сыробоярского, но фактически Советом Управляющих золото это получено не было. Передачу его первоначально предполагалось произвести *по получении военным ведомством от совета управляющих ведомствами проэкта денежного обращения.*

Впоследствии, при эвакуации армии атамана Семенова из Забайкалья, долгое время еще то та, то другая партия золота привлекала общественное внимание, будучи заарестовываема китайскими властями в Харбине. С переездом атамана в Порт-Артур, а штаба армии в Приморье теряется след остатка золотого запаса.

---

[1]) См. доклад тов. предс. вр. Вост.-Забайкальского Народного Собрания—гр. Фаддеева делегации Владивостокского правительства. Сентябрь 1920 года.

Одно можно сказать с уверенностью—ни один рубль из этого запаса еще не поступил и никогда не поступит в кассу Российского государства.

Почтовые марки, выпущенные ат. Семеновым.

За период власти атамана в обращение были выпущены не только особые дензнаки, но и почтовые марки, с особым местным грифом. Этим правительство имело целью обязать отправителей корреспонденции приобретать знаки почтовой оплаты из казны по твердой расценке, а не пользоваться, приобретенными ранее за бесценок на «голубки» и сибзнаки, почтовыми марками.

По распоряжению Правительства атамана почтовое ведомство использовало марки прежнего царского выпуска 1909 года, наложив на них гриф.

Чита. 1920 г. вып. ат. Семенова.

Выпущены были марки четырех видов *в 1 руб*—на марках в 4 коп.; в *2 р. 50 к.*—на марках в 20 коп.; в *5 руб*—на марках в 5 коп. и в *10 руб.*—на 70 копеечных марках.

На марках в 4, 20 и 70 коп. наложен был вертикальный гриф, на 5-ти копеечной—горизонтальный. Марок этих выпущено было сравнительно незначительное количество и впоследствии появились подделки их.[1])

Прожиточный минимум.

Прожиточный минимум в г. Чите, установленный на сентябрь 1919 года в сумме 914 руб. 40 коп., был увеличен в соответствии с ценами, утвержденными Междуведомственной Комиссией на декабрь 1919 г. до 4720 рублей.

Совет Кооперативных С'ездов нашел эту цифру чрезмерной и для кооперативных организаций на декабрь установил минимум в 2800 рублей.

Комиссия Труда на январь 1920 года увеличила минимум до 6600 рублей, Совет Кооперативных С'ездов—до 3300 руб. В дальнейшем Комиссия Труда назначила минимум:

На февраль 1920 г. в рб.	6800	
„ март	11360	
„ апрель	. 10180	
Минимум на июнь составил около	. 30000	рублей
„ „ июль „ „	. 90000	„

В августе катастрофа бумажных денежных знаков фактически перевела все расчеты на валюту и во второй половине августа Бюро Кооперативных С'ездов установило прожиточный минимум в 20 *иен.*

[1]) См. журн. «Тайфун» № 1 (4) 1923 г. г. Владивосток. Ст. П. П. Станкова.

Комиссией при инспекторе Труда прожиточный минимум на август 1920 г. был исчислен: для города Читы в размере 2.544.000 рб. и для области в—2.566.000 рб.—читинскими бонами[1]), но и эта планетарная сумма, по существу, не имела никакой реальной ценности и, начавший к тому времени либеральничить с рабочими, атаман Семенов вынужден был произвести выдачу жалования некоторой категории рабочих валютой или продовольствием, одеждой и топливом. 16-го октября 20 г. в местных газетах появилось следующее об'явление «*от канцелярии Председателя Совета Управляющих Ведомствами.* Удовлетворяя возбужденные ходатайства, Главнокомандующий атаман Семенов приказал всем железнодорожным служащим и рабочим участка Гонгота-Маньчжурия и Сретенской ветки выдать содержание за август месяц полностью в золотой валюте.

Учитывая тяжелый труд железнодорожников и приближающиеся холода, вызывающие необходимость заготовок теплой одежды, продовольствия, топлива, содержание выдать по расчету 10% основного оклада с надбавкой 20% для линейных служащих, которое в несколько раз превысит прежние оклады[2])».

Апофеоз «семеновских». 17-го августа Гос. Банком произведен был последний выпуск «голубей» и «воробьев», фактически тогда же они исчезли с рынка. Рассказывают анекдоты, но анекдоты эти соответствуют действительности, о том, как за перевоз на базар денег, на которые намереваются купить продукты, и обратно с базара—домой купленных продуктов приходилось уплачивать извозчику такое количество «голубей», что куль с ними занимал пролетку и лишал извозчика возможности везти нового пассажира. Рассказывают, что стало обычным явлением при взносе в Банк или фирму мешков с «голубями» на сумму в несколько десятков миллионов, дополнительно, на возможный просчет, — оставлять 500.000—1.000.000 рублей этими знаками.

Фактического счета денег не велось, доверяли на слово и «взвешивали», «просчитывали»—«на глаз» и «на об'ем».

За исчезновением из оборота бон Гос. Банка и за отсутствием на рынке др. денежных знаков—денежный оборот фактически замер и лишь случайные, мелкие суммы золотой или билонной монеты или постепенная выемка обывателем припрятанных сбережений в валюте оживляли рынок. Начиная с августа все учреждения, даже правительственные, полулегально переходят на валюту.

В Читинских газетах периода Августа—Сентября—находим длинный ряд об'явлений о продаже «на валюту». Так, на-

[1]) Газ. «Забайкальская Новь» № 3537 от 5-го сентября 1920 г. г. Чита.
[2]) Тоже—№ 3544 от 16-го сентября 1920 г.

пример, Забайкальский Кредитный Кооперативный Союз об'являет о продаже «на валюту» сепараторов, Читинский лесной казенный склад—о продаже «на валюту» с аукциона принадлежащих складу лошадей. Читинская Городская Управа об'являя о продаже по карточкам на сентябрь месяц муки, «по 20 фунтов на едока» сообщает—цена за пуд: пшеничная—45.000 рубл. бонами и *15 коп.* валютой, 4-го сорта—70.000 рб. бонами и *15 коп.* валютой.[1])

Август и сентябрь были для Читы месяцами наиболее трепетного колебания политической «кривой». Распущенное атаманом Семеновым в августе краевое Народное Собрание—вновь его указом от 25-го августа было восстановлено. Одновременно им было издано знаменитое обращение, заявляющее о его нежелании быть «*болванкой*» в чуждых Чите интервентских руках. 2-го сентября Краевое Народное Собрание постановлением № 5 декларирует о принятии «всей полноты гражданской власти Краевым Народным Собранием». 8-го сентября атаман Семенов издает новый указ о созыве Восточно-Забайкальского Народного Собрания. 12-го сентября оно начинает функционировать. Быстрым темпом идет сговор об об'единении «властей» Дальнего Востока, и если раньше, при некоторой ценности Читинских бон,—слухи о возможной девальвации роняли их курс, то теперь он стоял так низко, что слухи о предстоящей, якобы, при об'единении Д. Вост. предполагаемых основаниях девальвации на наивыгоднейшей пропорции, стали поднимать курс бон и 1 золотой рубль вместо августовских 100.000 рублей в начале сентября стоил *только* 60.000 рб. читинскими бонами.[2])

Результаты Читинской эмиссии 1920 года.

Всего за весь период 1920 года было выпущено в обращение Читинским Отделением Государственного Банка бон (семеновских):

достоинством в	100	рублей на сумму	1.224.122.600 рб.
„ „	500	„ „ „	8.624.820.000 „
		Итого на сумму .	9.848.942.600 рб.

Если даже средний курс этих бон за 8 месяцев их обращения на рынке принять, примерно, в 25 тыс. руб., то общую сумму эмиссии можно условно исчислять в сумме около 0,5 милл. золотом. Но, конечно, это исчисление только приблизительное и нуждается в коррективах, так как только точная справка казначейства о фактических выпусках этих знаков по месяцам и числам и более точный, проверенный параллельными записямм курс на эти знаки могли бы дать материал для точного вывода о «стоимости» эмиссии.

[1]) См. Газ. «Забайкальская Новь» № 3545 от 17-го сентября 20 г.
[2]) Тоже — № 3537 от 5-го сентября 20 г.

Читинские казначейские знаки Сибирского Временного Правительства.

Помимо эмиссии, имевшей место в течение 1920 г., со стороны атамана было поползновение на еще одну эмиссию, которой, однако, не суждено было осуществиться.

В период, когда правительство атамана, унаследовав власть Правительства адмирала Колчака, надеялось еще на возможность сохранения этой власти и даже распространения ее из Читы на весь Восток, созрела мысль подготовить новую эмиссию, которая бы позволила заменить скомпрометировавшие себя «голубки» и «воробьи» другими денежными знаками.

Проект новой эмиссии был уже разработан и ожидал распубликования. В Читинской экспедиции заготовления государственных бумаг были уже заказаны и даже отпечатаны новые знаки.

Печатались они на той же сетчатой бумаге, что и голубки (водяной рисунок: герб орла в ромбе).

На лицевой стороне в сложных виньетках и рамках прописью и цифрами были обозначены купюры ден. знака. На

Невыпущенные «казначейск. знаки Сибирск. Вр. Пр-ва» г. Чита 1920 г.
Лицевая сторона.

(*Натуральная величина 220 x 113 мм.*).

верху рамки значилось: «казначейский знак Сибирского Временного Правительства». Внизу были подписи: «Управляющий Е. Гадзяцкий» и «Кассир Дулепов». Направо—на поле, в особой продолговатой рамке было напечатано: «казначейский знак обеспечивается всем достоянием Государства. Имеет хождение наравне с денежными знаками. Обязателен к приему всеми правительственными и частными учреждениями, а также при расчете между частными лицами. Подделка преследуется законом».

На обратной стороне, на узком поле направо прописью было напечатано достоинство знака, повторенное цифрой в сетке.

Поле занимает несколько менее 1/3 знака, остальное место занято довольно примитивно исполненной рамкой, в центре ко-

Невыпущенный «казначейск. знак Сибирск. Вр. Пр-ва» г. Чита. 1920 г. Оборотная сторона.

торой помещен двухглавый без короны орел—московского стиля, а налево от него изображена фигура женщины в кокошнике, с перекинутой через плечо косой. Внизу напечатан год выпуска «1920».

Размер знака 220×113 мм. соответствует денежному знаку—в 5000 руб., выпущенному в период власти генерала Корнилова—в 1919 г. Ростовской на Дону Конторой Гос. Банка. Любопытно отметить, что и приведенный нами текст потенциального «казначейского знака» атамана Семенова почти тождественен с этим ростовским ден. знаком.

«Казначейские знаки» так и не были выпущены в обращение.

Эпоха Д. В. Р.

В октябре Чита была занята партизанами, произошло об'единение с Верхнеудинском, узаконения Верхнеудинского правительства, в частности и о ничтожности бон, выпущенных правительством атамана Семенова, автоматически распространили свое действие на территорию Читы и Восточного Забайкалья.

Из'ятие из обращения Семеновских бон.

Конференция правительств Дальнего Востока в лице своего «Временного Делового Президиума» 2-го ноября 1920 года издала «*закон о хождении кредитных билетов и денежных знаков на территории Дальневосточной Республики*».

В перечне знаков, допущенных к хождению в Республике, мы уже не встречаем бон Читинского Отделения Гос. Банка.

Избранное Конференцией П-во Д. В. Р. ставит в этом отношении все точки над «i». 15-го ноября Правительство Д. В. Р. издает свой «закон о хождении кредитных билетов и денежных знаков на территории Дальне-Восточной Республики».

Перечисляя остающиеся в обращении денежные знаки,[1]) Правительство Д. В. Р. в пунктах 4, 5 и 6-ом указанного закона декларировало:

„4 . . . . Денежные знаки, *выпущенные Пр-вом Семенова всех достоинств*, а также денежные знаки всех видов и достоинств Сибирского Правительства к обращению не допускаются.

5. Все платежи казне, произведенные после опубликования закона от 2-го ноября 1920 года денежными знаками, не имеющими хождения (сибирскими и *семеновскими*), считать недействительными и подлежащими вторичной уплате установленными к обращению денежными знаками.

6. Текущие счета и вклады всех видов в Отделениях Гос. Банка, Казначействах и сберегательных Кассах, образовавшиеся от взносов Сибирскими и *Семеновскими* денежными знаками, считать недействительными».[2])

Закон этот не оказал никакого влияния на хождение семеновских бон, ибо еще много ранее опубликования его, как отметили мы, знаки эти перестали приниматься рынком. Лишь во взаиморасчеты казны и третьих лиц и третьих лиц между собой было внесено осложнение, но и оно являлось, главным образом, осложнением счетного порядка.

Из'ятие семеновских бон затянулось на продолжительное время. Учреждения и должностные лица не торопились сдавать числящиеся за ними суммы и авансы в семеновских и сибирских денежных знаках. Это вынудило министра финансов 4-го февраля 1921 года издать постановление за № 22 *„о сроке сдачи правительственными учреждениями и должностными лицами знаков денежных Сибирского Правительства и Читинских бон, составляющих остатки авансов и сборы“*.

Министр Финансов, напоминая статью 4-ую закона Правительства Д. В. Р. от 15/XI 20 г. и констатируя, что в результате предпринятого мероприятия «на руках правительственных учреждений и должностных лиц остались неиспользованными суммы, полученные ими указанными знаками в виде авансов и сборов», предложил остатки, имевшиеся на 16-ое ноября 20 г., а также суммы сбора в этих знаках, скопившиеся до получения на местах закона от 15-го ноября, сдать в Центральное Управление Гос. Банкав Чите,—находящимся в Чите—до 28 го

[1]) Денежной системе Д. В. Р. посвящена особая глава, здесь мы приводим лишь законы, относящиеся к ранее выпущенным в обращение денежным знакам и бонам.

[2]) Распубликовано в газете «Дальне-Восточная Республика» № 154, от 17-го ноября 1920 года.

февраля, а в провинции—не позже 30-го апреля 21-го года. По истечении этих сроков министр финансов грозил начетами в размере не сданных сумм в денежных знаках, имеющих хождение в Республике.[1])

Из'ятые из обращения знаки подлежали уничтожению и фактически уничтожались. По оффициальной справке Читинского Отделения Гос. Банка, каковое являлось по существу Центральным Управлением Государственного Банка Республики, к 18-му февраля 1921 года было из'ято и уничтожено «семеновских» бон на сумму—1.240.064.900 руб.
и с 18 февр. по 4 апреля 21 г. „ „ „ — 252.497.800 „

Итого на сумму 1.492.562.700 руб.

Следовательно, оказалось из'ятым лишь около 15°/₀/° общей суммы эмиссии и не были из'яты, оставшись на руках у держателей или уничтоженные ими при износке, боны на сумму—8.356.379.900 руб.

Кооперативные и военно-лагерные боны Заб. области.

Как и в других областях Сибири и Д. Востока, Кооперативы Забайкалья за период 1918-1920 г. г. широко применили выпуск своих бон, пытаясь этим до некоторой степени смягчить недостаток в ден. знаках. Начало кооперативной «эмиссии» Забайкалья было положено «*Читинским Городским Потребительным Обществом „Эконом“*». Это общество выпустило три серии своих авансовых карточек разного образца достоинством до 25 руб. Первая серия выпущена в 1918,—последняя в 1919 году. На обороте карточки указано, что она «имеет хождение между членами Об-ва „Эконом“».

Одновременно с выпуском этих бон были выпущены авансовые карточки разных достоинств «*Забайкальским Горным Потребительным Кооперативом*», «*Сретенским Обществом потребителей — „Эконом“*», «*Обществом потребителей служащих п. т. конторы*», «*Нерчинским Городским Обществом потребителей*» и др. Все эти боны, как в Чите, так и в г.г. Сретенске и Нерчинске, несмотря на ограничительную надпись на обороте, имели хождение не только среди членов кооператива, но отчасти проникали и на рынок, хотя сумма выпуска их не могла утолить денежного голода.

Еще ранее кооперативных, имел место выпуск бон лагерями военно-пленных; так, напр., были выпущены боны в 2 и 3 коп. *в Березовском лагере* (возле В.-Удинска), *Песчанский лагерь* (возле г. Читы) имел боны отдельно лагерей офицеров и нижних чинов, достоинством в 5, 10, 25, 50 коп. и в 1/2 р. 1, 3 и 5 руб., боны эти были выпущены еще в 1917 году,

[1]) Газ. «ДВР» № 27/215 от 11-го февраля 1921 года.

тогда же выпущены были боны в 1, 2 и 3 коп. *лагерем в Сретенске* — на карте шведского Красного Креста и *лагерем в г. Чите.*[1])

Помимо перечисленных бон, последние выпускались еще отдельными фирмами и промышленными предприятиями (для рабочих), но значение их было весьма ограниченным.

К моменту безудержного падения курса ден. знаков смысл выпуска кооперативами и др. учреждениями своих бон отпадает и, как выяснено выше,—рынок в 1920 г. остался во власти исключительно «сибирских» и «голубков».

Краткое резюме. Приведенные выше сведения о денежном обращении Забайкальской области обнимают период с 1917 по 1920 г. г.

Одна власть сменяла другую, но нечто общее было свойственно каждой из них—это полная у одних, почти полная—у других, изолированность от соседних русских областей и от самой России.

В соответствии с этим весьма локальны и все предпринимавшиеся мероприятия.

Быть может под час они и бывали весьма остроумны и, казалось, давали выход из создавшихся тупиков, но все они внутри себя таили собственную обреченность, так как слишком мизерны бывали возможности и слишком велики поставленные на разрешение задачи.

В большинстве, власть пыталася законы экономики подчинить актуальным задачам политики.

Законы денежного обращения каждый раз жестоко наказывали нарушителей.

ГЛАВА VIII.

Дальне-Восточная Республика.

I. Эпоха В.-Удинска. 1920 г.

Краткая историческая справка. В последние дни декабря 1919 года эвакуировавшееся в Иркутск правительство адмирала Колчака пало и власть перешла к так называемому, Политическому Центру. Выступившие на защиту Омского правительства, подчиненные атаману Семенову, войска были оттеснены к Байкалу и, под напором наступавших с Запада революционных войск, отходили по направлению к Верхнеудинску.

---

[1]) См. «Перечень ден. знаков», составленный Л. М. Иольсоном и Н. И. Кардаковым. Берлин. 1923 г. стр. 27-28, а также снимки некоторых из этих лагерных бон в перечне ден. знаков С. Виноградова—«Архив Русской Революции» под редакцией И. Гессена. т. VIII. Берлин. 1923 г.

Магистраль Нижнеудинск (Иркутской губ.)—Маньчжурия была занята эвакуировавшимися чехо-словацкими, румынскими и сербскими эшалонами.

В конце января 1920 года Ревком сменил в Иркутске «Политический Центр», власть была перестроена по советскому принципу. К Иркутску, под напором 5-ой советской армии, подходили многотысячные остатки отдельных, отступавших из Западной Сибири воинских частей, впоследствии известных под общим именем—армии генерала Каппеля.

В феврале войска эти обошли Иркутск и, продолжая свой «ледяной поход», по льду Байкала и тропами Кругобайкальского пути влились в Прибайкалье и, после некоторой остановки в Верхнеудинске, стягивались к Чите.

Прибайкалье, Верхнеудинск находились под властью читинского атамана Семенова, который после падения власти адмирала Колчака,—стал именоваться «главнокомандующим всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины». В средних числах февраля 20 года на происходивших в Иркутске совещаниях было предрешено, что—по ряду соображений международного характера,—Советское правительство временно отказывается претендовать на власть на территории к Востоку от Байкала.

С'организованная из различных повстанческих и добровольческих частей Народно-революционная армия под командой капитана Калашникова вступила на территорию Прибайкалья и, усиленная противо-семеновскими повстанцами, 2-го марта 1920 года заняла город Верхнеудинск, к концу марта достигла, отстоящего от Верхнеудинска на 134 версты на Восток, Петровского Завода и здесь, по причине вмешательства Японии, вынуждена была надолго приостановить свое наступление. На пространстве река Селенга—Петровский завод (протяжение 156 верст) волею событий и дипломатии образовалось самостоятельное государство, вышедшее из под власти атамана, но и не захватываемое властью Советской Республики.

Уездная Земская Управа (Прибайкалье выделено из Забайкальской области в самостоятельную область лишь с конца 1920 г.), оказалась носителем высшей власти в крае и была переименована во «*Временную Земскую власть Прибайкалья*».

Маленькое самостоятельное государство в отношении денежной системы оказалось в чрезвычайно тяжелом положении.

В самом деле: с Востока—линия фронта и денежное обращение—к этому времени почти полностью перешедшее на новые, семеновские боны Государственного Банка—«голубки»; с Запада—советская денежная система и только что произведенное аннулирование сибирских денежных знаков, наконец,

с Юга—рынок Монголии, требующий серебро и лишь в некоторой части принимающий бумажные денежные знаки, но исключительно царского и керенского образца.

Четыре уезда Прибайкалья —Бургузинский, Верхнеудинский, Троицко-Савский и Петровско-Заводский, не имея своей или общей с соседями денежной системы, оказались не в силах сами прибегать к рынкам соседей, но в то же время западный сосед—Совроссия массами выбрасывала в Прибайкалье сибирские денежные знаки, аннулированные там, но вливавшиеся в Прибайкалье широкой волной, правдами и неправдами—контрабандой и с двигавшимися на Восток полками Народной—Революционной Армии и эвакуировавшимися эшалонами чехов и румын. Рынок стал задыхаться от инфляции сибирских знаков. До некоторой степени спасала отдушина—Монголия, через которую многими делались попытки перебросить сибзнаки в Харбин и там успеть реализовать их.

«Временная Земская власть Прибайкалья» сначала существовала на полученные ею с Запада сотни миллионов сибзнаков, но в конце марта выяснилась полная невозможность покупки на них чего бы то ни было.

Не решаясь на полное аннулирование сибзнаков и не будучи подготовлено к собственной эмиссии, но в то же время не желая предоставить рынок игре случайных сил, Правительство Прибайкалья установило обязательный паритет сибирских и советских денежных знаков образца 1918-1919 г. г. Вначале отношение между ними было установлено как 1 : 15, т.-е. 1 р. сибзнаками равен был 15 советским рублям. Позже, когда выяснилось, что Монголия советских знаков совершенно не берет и даже запрещен ввоз их туда и когда получавшиеся через Ургу—Кяхту харбинские телеграммы продолжали отмечать некоторый спрос на Востоке на сибзнаки, советские денежные знаки еще более упали в цене, и в мае месяце отношение было уже как 1 5.

Верхнеудинская эмиссия 1920 года. «Вр. Земская Власть Прибайкалья».

Еще в конце марта Правительство постановило произвести самостоятельную эмиссию, преследуя ею два основных задания: 1) получить фонд денежных знаков для поддержания своего государственного существования и 2) из'ять из обращения затопившие рынок, нарушившие хозяйственный процесс—«сибирские».

Изыскивая технические возможности осуществления эмиссии, агенты Власти Прибайкалья наткнулись в Иркутске на шедшие из Владивостока в Омск и задержанные событиями в пути денежные знаки, заказанные Омским Правительством в Америке, так называемые «*кредитные билеты образца 1918 г*».

Вначале предполагалось, что они,—также как и IV и V разряд облигаций Гос. Вн. $4^1/_2$% выигрышного займа 1917 года достоинством в 200 рублей и купонов к ним по 4 руб. 50 коп.—будут заграфированы гербом РСФСР. и выпущены в обращение на советской территории Иркутским Губернским Ревкомом, но позже удалось настоять на предоставлении их Верхнеудинску.

Оборудованная в 1919 году Иркутская Экспедиция заготовления государственных бумаг приступила к огрифованию этих, американской печати, кредитных билетов достоинством в 25 и 100 рублей, и в апреле 1920 года сдала «Временной Земской Власти Прибайкалья» ея заказ. Но выпуск в обращение удалось осуществить лишь через $1^1/_2$-2 месяца.

Кред. бил. ДВР (эпохи Верхнеудинска—1920 г.)
(*Оборотная сторона* [1])
(*Натур. велич. 148 x 87 мм.*)

На кредитных билетах был наложен гриф „Временная Земская Власть Прибайкалья" на бил. в 25 р.—красной, на бил. в 100 рублей—синей краской.

Все количество оказавшихся в Иркутске кредитных билетов этого образца полностью было предоставлено Верхнеудинску.

Всего было выпущено в обращение этих билетов, с указанным грифом, на сумму 228.425.950 рублей.

Соглашение с РСФСР. об эмиссии. По вопросу о самостоятельной эмиссии Прибайкальской властью велись предварительные телеграфные переговоры с Москвой. В результате было заключено соглашение, вернее сказать, была получена телеграмма из Москвы от 26 марта 1920 года от зам. Нородного Комиссара Финансов—С. Чуцкаева, который, ссылаясь на существующее постановление Совнаркома, предоставлял право, образующемуся на Востоке от Байкала „буферу", произвести выпуск своих денежных знаков на сумму 3 миллиарда рублей, в пределах каковой суммы РСФСР. принимала на себя ответственность за выпускаемые знаки и обеспечивала их всем своим достоянием, одновременно обязывая новое государственное образование (буфер) допустить к свободному обращению на своей территории, на равных основаниях с денежными знаками своего выпуска, и денежные знаки Советской Республики.

[1]) Лицевую сторону этих билетов см. в главе II на стр 51.

На этих основаниях и были выпущены „кредитные билеты“ с грифом „Временной Земской Власти Прибайкалья“, но выпущены они были уже не этой властью, а Правительством Дальне-Восточной Республики, избранным на с‘езде Трудящихся Прибайкалья в Верхнеудинске, 6 апреля 1920 года.

Одновременно с выпуском новых денежных знаков об‘являлась девальвация на территории Прибайкалья сибирских дензнаков.

Девальвация сибзнаков. Вопрос о девальвации сибзнаков также имеет свою историю. Вначале деятели Запада настаивали на полном—по примеру Совсибири—аннулировании „белогвардейских денег“. Потом в процессе уяснения необходимости ведения в буфере особой, отличной от советской, экономической политики—пришли к выводу о необходимости лишь девальвировать сибзнаки, осложнив девальвацию для категории граждан, которые могли бы сделать из девальвации доходное предприятие.

Подготовка к девальвации началась еще в марте и велась в направлении определения:

1) сокращенного срока обмена, после коего сибзнаки фактически аннулировались бы и

2) категории граждан и учреждений, у которых сибзнаки подлежали девальвации.

Одновременно Правительство пыталось установить и обосновать коэффициент при девальвации. Стоимость сибзнаков после аннулирования их в Совсибири быстро начала падать и за короткий период понизилась с 75 до 2000 рублей за золотой рубль.

Первоначально—в марте было предрешено произвести девальвацию в пропорции 1:10, т. е. 1 р. денежн. знаками нового образца за 10 руб. сибирскими знаками.

К первым числам июня все было подготовлено к девальвации в пропорции 1:10. Были напечатаны соответствующие об‘явления и преподаны инструкции, но буквально в последнюю минуту—ночью на день девальвации получилась через Монголию телеграмма о предрешенной во Владивостоке девальвации в пропорции 1:200. Прибайкальская власть распорядилась—чернилами—„от руки“ переделать об‘явленное соотношение *1:10* на *1:100* и дополнительно дала по провинции телеграфное распоряжение об этом изменении.

С 1-го июля начался обмен сибзнаков.

Согласно условий об‘явленного обмена, немедленной оплате подлежали сибзнаки на сумму лишь 50 тысяч рублей, на остальную сумму—свыше этого выдавалась квитанция на постепенную выплату. К обмену принимались сибзнаки от лиц,

проживающих постоянно на данной территории, домохозяев, лиц, имеющих торгово-промышленные предприятия, постоянную службу и от лиц, проживающих в районе не менее трех месяцев до дня распубликования закона. Срок обмена был установлен десятидневный.

Падение курса «буферок» началось сразу же по выпуску их в обращение; главной причиной этого являлись те же обстоятельства, что и для сибзнаков за последний период, с той лишь разницей, что сибзнаки, все же, через Монголию пытались провести в Маньчжурию и это создавало видимость спроса на них, буферки же обращались на крайне незначительной территории. Предоставленное право размена их—в пределах 20.000 руб. на советские денежные знаки при в'езде в Совроссию или при пред'явлении в расчетную кассу Фин. Отдела Иркутского Губ. Исполкома (Ревкома) по существу не меняло спрос на них, так как фактически на Запад ездили исключительно по служебным советским командировкам лица, располагавшие авансами в советских денежных знаках и в буферках не нуждавшиеся.

Не предоставляя права хождения буферок в РСФСР последняя для своих денежных знаков выговорила право свободного обращения в буфере.

Купюры выпущенных кредитных билетов 25 и 100 рублей, при девальвации 1:100 соответствовали 2500 и 10000 рублей советскими—что при существовавших расценках и тарифах в меньших суммах и при отсутствии более мелких знаков, повело к автоматическому понижению курса на выпущенные знаки, вне зависимости от их рыночной котировки. Например, единица какого либо продукта, стоившая на рынке 15 или 18 или 20 рублей, „для уравнения счета“ и за отсутствием «сдачи» продавалась за 25 рублей. [1])

Монголия в лице монгол, китайцев и русских торговых фирм категорически отказалась от приема «буферных» знаков и это послужило главной причиной падения курса их.

Кредитные билеты Д. В. Р.

В течение лета 1920 года Иркутская Экспедиция или как она называлась—«Иркутская фабрика изготовления государственнных бумаг» по заданию правительства Д. В. Р. изготовляла мелкие «кредитные билеты Д. В. Р.» на простой, довольно хорошего качества бумаге, достоинством в 1 р., 3 р., 5 р. и 10 рублей.

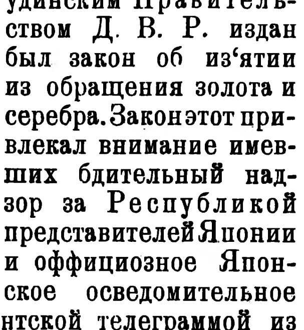
На них уже был изображен герб Д. В. Р., сноп колосьев на фоне перекрещивающихся кирки и якоря.

---

[1]) Почти в эти же дни, аналогичное явление происходило и во Владивостоке после реформы 5 июня 1920 года.

По мере изготовления, билеты выпускались в Верхнеудинске в обращение.

Позже Иркутской «фабрикой» были изготовлены и Правительством Д. В. Р. были выпущены в обращение: кредитные билеты Д. В. Р. достоинством в 500 и Гос. кред. билеты в 1000 рублей.

Кред. бил. Д. В. Р. 1920 г.
Лицевая сторона.
(*Натур. велич. 88 х 51 мм.*).

Всего этих денежных знаков образца 1920 года, перечисленных выше достоинств, выпущено было в г. Верхнеудинске в обращение на сумму *1.906.891.193 рубля.*

13 октября Верхнеудинским Правительством Д. В. Р. издан был закон об из'ятии из обращения золота и серебра. Закон этот привлекал внимание имевших бдительный надзор за Республикой представителей Японии и оффициозное Японское осведомительное Бюро (Я. О. Б.) агентской телеграммой из Читы от 16 октября сообщало:

Лицевая сторона.

«Верхнеудинское Правительство декретом от 13/X, об'явило все золото и серебро на подвластной ему территории собственностью государства. Все обладатели означенных драгоценных металлов приглашаются в течении месяца со дня издания означенного постановления внести их в казну, получая за представляемую русскую или иностранную валюту соответствующую сумму в знаках правительства. Не внесенное в срок золото или серебро конфискуется безвозмездно».

Оборотная сторона.
(*Натур. велич. 88 х 51 мм.*).

Текст соглашения ДВР с РСФСР.

Помимо телеграммы Наркомфина Р. С. Ф. С. Р. от марта 1920 г. в сентябре-октябре было подписано республиками соглашение о денежном обращении. Соглашение подписано Мин. Финансов Д. В. Р. (Верхнеудинской эпохи) 4 сентября 1920 года и вошло в законную силу со дня подписания его Наркомфином Р. С. Ф. С. Р.—19 октября 1920 года.

Ниже приводим это интересное соглашение, опуская отдельные разделы его, как имеющие исключительно счетно-бухгалтерский характер.

I.

«В согласии с постановлением Совета Народных Комиссаров Р. С. Ф. С. Р. от 26-го марта 1920 года Дальне-Восточная Республика выпускает свои денежные знаки, достоинством в один, три, пять, десять, двадцать пять, пятьдесят, сто, пятьсот и тысячу рублей на *общую сумму эмиссии три миллиарда руб.* (3.000.000.000 рублей), изготовляемые в Иркутской фабрике заготовления государственных знаков, в отношении которой Д. В. Р. является заказчиком, оплачивающим расходы по печатанию на условиях, определяемых особым соглашением, но во всяком случае не ниже себестоимости.

В счет вышеупомянутой эмиссии входят также кредитные билеты 25 и 100 рублевого достоинства американского изготовления, огрифованные Иркутской фабрикой изготовления государственных знаков для нужд Дальне-Восточной Республики грифом: «Временная Земская Власть Прибайкалья».

II.

Эмиссионное право Д. В. Р. свыше размера, указанного в ст. первой, в дальнейшем может быть расширено, для чего Д. В. Р. входит в особое соглашение с Р. С. Ф. С. Р.

III.

Министерству Финансов Д. В. Р. по мере из'ятия из обращения денежных знаков Д. В. Р., упомянутых в ст. первой, а также могущих быть выпущенными на основании ст. второй, предоставляется право замены их вновь отпечатанными денежными знаками Д. В. Р. *с тем, чтобы общая сумма этих знаков и имеющихся в обращении не превышала предельного размера установленной эмиссии.*

Примечание: уничтожение подлежащих из'ятию из обращения денежных знаков Д. В. Р. производится при непременном участии представителей Р. С. Ф. С. Р.

IV.

Выпускаемые вышеуказанным порядком денежные знаки Д. В. Р. *на территории Р. С. Ф. С. Р. хождения* в качестве денег *не имеют и в платежи не принимаются,* но в пределах Сибири могут обмениваться на денежные знаки, имеющие хождение в Р. С. Ф. С. Р.

Примечание: Денежные знаки пятидесятикопеечного достоинства американского изготовления, ныне имеющих хождение в Д. В. Р., обмену на денежные знаки Р. С. Ф. С. Р. не подлежат.

V.

Пункт обмена денежных знаков Д. В. Р. на таковые Р. С. Ф. С. Р. в пределах Сибири в первую очередь устанавливается в городе Иркутске через Расчетно-Кассовый под'отдел Иркутского Губфинотдела, причем обмен производится по номинальной цене рубль за рубль для граждан Д. В. Р. и вообще для лиц, едущих по Д. В. Р., *в пределах до двадцати тысяч рублей на одно и то же лицо.*

VI.

Обмен денежных знаков Р. С. Ф. С. Р. на таковые Д. В. Р. для граждан Р. С. Ф. С. Р. и вообще для лиц, едущих из Совроссии в Д. В. Р., производится только лишь в казначействах Д. В. Р. в пределах *не свыше* 20.000 руб.

VII.

Денежные знаки Р. С. Ф. С. Р. в пределах Д. В. Р. временно, до изменения настоящего соглашения, имеют хождение и принимаются в платежи и размен наравне с денежными знаками Д. В. Р. по номиналу.

VIII.

Все взаимные расчеты между обоими республиками по операциям, предусмотренным в ст. девятой производятся в Д. В. Р. через Гос. Банк, а в Р. С. Ф. С. Республике через Расчетно-Кассовый под'отдел Иркутского Губфинотдела.

IX.

Дебетовое сальдо по корреспондентским счетам для той и другой из устанавливающих настоящее соглашение сторон не может превышать одного миллиарда рублей; в случае же превышения задолженности одной из сторон указанного предела, производство дебетовых операций задолжавшей стороны по обмену и поручениям, по истечении льготного месяца, приостанавливается

X.

При взаимных расчетах между обоими Республиками по корреспондентским счетам производится начисление (3) трех процентов годовых обычным порядком.

XI.

Настоящее соглашение входит в законную силу с момента подписания его Министром Финансов Д. В. Р. и Народным Комиссаром Финансов Р. С. Ф. С. Р.

Против настоящего проекта соглашения со стороны Министра финансов Д. В. Р. возражений не встречается. 4 сентября 1920 года.

Заместитель Народного Комиссара Финансов Р. С. Ф. С. Р. *Сергей Чуцкаев.* Министр Финансов Д. В. Р. *Николай Ромм.* 19/X—20 г.».

II. Эпоха Читы 1920—1922 г. г.

Эмиссия Дальне-Восточной Республики Читинского периода.

После занятия партизанами Читы, в последних числах октября 1920 года и воссоединения Прибайкалья с Забайкальем и Амурской областью, печатание кредитных билетов Д. В. Р. было перенесено в Читу.

Вновь изготовляемые «буферные» того же образца, что и в Иркутске, достоинством: кредитные билеты—в 500 и Госуд. кред. билеты в 1.000 рубл. продолжали Правительством Д. В. Р. выпускаться в обращение до мая 1921 года.

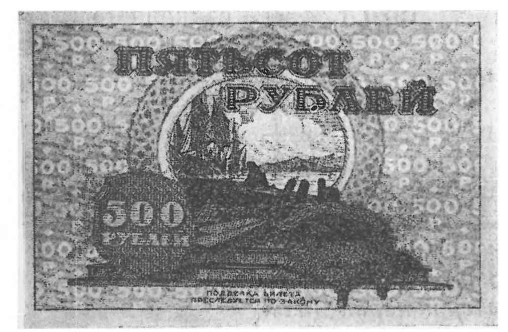

(Лицевая сторона).
Кред. билет Д. В. Р. 1920 г.
(*Натуральная величина 150 х 100 мм.*).

Всего было выпущено их в Чите, Читинским Отделением Государственного Банка на сумму 2.050.666.603 р.

Следовательно, за весь верхнеудинско-читинский период эмиссии,—включая и денежные знаки с грифом «Временная Земская Власть Прибайкалья»,—Дальне-Восточной Республикой было выпущено кредитных билетов купюрами в 1, 3, 5, 10, 25, 100, 500 и 1000 рублей, на сумму 4.185.983 746 руб.

Кроме того, при об'единении областей Дальнего Востока и образовании единого Правительства Д. В. Р. в счет общереспубликанской эмиссии был зачислен и приморский выпуск денежных знаков на сумму 650.000.000 рублей,[1]) что увеличивало сумму эмиссии Д. В.Р. до 4.835.983 746 р.

(Оборотная сторона).

Если же принять во внимание выпущенные в г. Благовещенске[2]) в сентябре-октябре того же года Народно-Революционным Комитетом Амурской области «расчетные денежные знаки Дальне-Восточной Республики» достоинством в 25 и 50

---

[1]) Хотя фактически их было выпущено на сумму свыше 662 милл. руб. См. главу II, стр. 96.

[2]) См. Главу VI, стр. 212.

рублей на сумму 69.417.050 рублей, то надлежит сделать вывод, что фактическая эмиссия Д. В. Р., превышала формально согласованную с Совнаркомом и Наркомфином РСФСР на 1.925.400.796 рублей, так как обусловленная ответственность Советской Республики была зафиксирована 20 марта 1920 года в 3 миллиарда рублей и хотя в дальнейшем и велись переговоры об увеличении права эмиссии до 8 миллиардов и это в принципе было решено, но формально оформлено не было. С точки зрения правовой представляет интерес происшедший казус, как бы освобождающий РСФСР от обусловленной ответственности.

Гос. Кред. бил. Д. В. Р. 1920 г.
(Лицевая сторона).
(*Натуральная величина 175 x 107 мм.*).

Законы и постановления о денежном обращении периода 1920 г.

По занятии Читы, сразу же состоялась конференция Дальне-Восточных Правительств и еще до момента избрания об'единенного Правительства стал функционировать Временный деловой Президиум Правительства Д. В. Р.

2 ноября 1920 года этим Президиумом был опубликован «*закон о хождении кредитных билетов и денежных знаков на территории Дальне-Восточной Республики.*

(Оборотная сторона).

Вр. Деловой Президиум об'являл:

«На всей территории Д. В. Р. имеют хождение следующие денежные знаки:

а) кредитные билеты и денежные знаки имеющие хождение в Р. С. Ф. С. Р.

б) Кредитные билеты и денежные знаки Д. В. Р., а также все денежные знаки, имеющие хождение на основании постановления Верхнеудинского Правительства.

в) Кредитные билеты, выпущенные Владивостокским Правительством.

г) Кредитные билеты и денежные знаки, имеющие хождение к 1-му ноября сего года на основании постановления Благовещенского Правительства.

д) Все кредитные билеты, выпущенные бывшим царским правительством».

По сконструировании Правительства Д. В. Р., последним 9 ноября 1920 года было издано следующее постановление за № 9 «*О порядке выдачи из Государственного Банка валюты*»:

«В целях сохранения валюты, Правительство Д. В. Р. постановило: из всех Государственных Банков и Казначейств прекратить выдачу золотой, серебряной и медной валюты без особого, в каждом отдельном случае, разрешения Правительства ДВР.

Председатель *А. Краснощеков*. Члены: *К. Бреусов*, *Иванов*, *Н. Матвеев*, *Е. Румянцев*, Управляющий делами *П. Федорец*».[1])

Если вспомним, что к этому времени Приморье и Приамурье—район Хабаровска, фактически перешли уже на валютную денежную единицу, так как еще 13-го октября 20 г. во Владивостоке был произведен первый пятимиллионный выпуск мелкого разменного серебра, станет понятно то недовольство, которое вызвал этот закон и со стороны приморско-приамурского административного аппарата и со стороны широких кругов.

В условиях Приморья, осуществление закона от 2 ноября было равносильно не только финансовой, но и политической катастрофе. Насильственное введение в обращение уже скомпрометированных и упавших в цене, более чем в двести раз буферок, было явно немыслимо.

Не могло на это решиться и Хабаровское, и Спасское, и Никольск-Уссурийское Казначейства, непосредственно от Читы получившие приказ—на ответственность руководителей, возглавлявших проведение в жизнь распоряжения,—о немедленном из'ятии из обращения всей звонкой монеты и отправке ее в Читу.

Приказ этот внес большую путаницу и повлек за собой акт уже политического значения – постановление Приморского Совета Управляющих Ведомствами от 6-го XI 20 г. о неподчинении распоряжениям Читы.[2])

Фактически валютная эмиссия в Приморье продолжалась, и Хабаровское Казначейство не только не исполнило распо-

[1]) «Собрание узаконений Правительства Д.-Восточной Республики» № 1 от 1-го декабря 1920 г.

[2]) См. Главу V, стр. 195.

ряжение Читы об отправке туда всего остатка валюты, но продолжало выпускать ее в обращение, оплачивая ассигновки.

Неопределенность текста закона *Делового Президиума* от 2 ноября, дающая возможность различно толковать, какие же именно денежные знаки имеют право хождения в Республике, заставила Правительство Д. В. Р. в отмену закона от 2 ноября издать 15-го того же ноября детализирующий денежное обращение закон под наименованием:

«Закон о хождении кредитных билетов и денежных знаков на территории ДВР».

«В целях урегулирования денежного обращения в пределах Дальне-Восточной Республики Правительство постановляет:

«1) Кредитные билеты и денежные знаки, выпущенные Правительством Д. В. Р. в купюрах 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 и 1000 рублей, билеты американского образца с грифом Временной Земской власти Забайкалья в купюрах: 25 и 100 рублей, выпущенные Владивостокским Правительством в купюрах: 25 и 100 имеют хождение наравне с звонкой монетой (золотой, серебряной и медной) и обязательны к приему всеми правительственными учреждениями должностными и частными лицами, и никто не имеет права отказаться принимать их по номинальной стоимости или требовать уплаты металлической монетой.

«2) Предложить Гос. Банку изʼять из обращения звонкую монету (золотую, серебряную и медную), сосредоточив ее в своих кладовых.

3) Денежные и расчетные знаки Р. С. Ф. С. Р. всех видов и достоинств, обращающиеся в Советской России, в силу особого договора от 4 сентября 1920 года, имеют хождение на равных условиях с перечисленными в пункте 1-м, настоящего постановления денежными знаками.

4) Денежные знаки, выпущенные правительством Семенова всех достоинств, а также денежные знаки всех видов и достоинств Сибирского Правительства к обращению не допускаются.

5) Все платежи казне, произведенные после опубликования закона 2 ноября 1920 года, денежными знаками неимеющими хождения (сибирскими и семеновскими) считать недействительными и подлежащими вторичной уплате установленными к обращению знаками.

6) Текущие счета и вклады всех видов в отделениях Гос. Банка, Казначейских и Сберегательных Кассах, образовавшиеся от взносов сибирскими и семеновскими денежными знаками, считать недействительными.

7) Действие закона от 2 ноября 1920 года о хождении денежных знаков, опубликованного Временным Деловым Президиумом Правительства, теряет свою силу с момента опубликования настоящего закона.

Правительство Д.-Восточной Республики.

Председатель *А. Краснощеков,* Члены: *Р. Румянцев, Н. Матвеев, К. Бреусов, Ф. Иванов, П. Никифоров, В. Кузнецов.* Управляющий делами *П. Федорец*».[1])

Как видно, приведенный закон составлялся в достаточно спешном порядке, ибо в перечне знаков, имеющих хождение,— оказался пропуск. Вследствие сего было дополнительно издано:

«*Постановление Правительства Д. В. Р.*

22 ноября 1920 г.

О дополнении закона от 15 ноября 1920 года о хождении кредитных билетов и денежных знаков на территории Д.-Восточной Республики.

«Кроме указанных в п. I 15 ноября 1920 г., опубликованного в № 154 газеты «Дальне-Восточная Республика», кредитных билетов и денежных знаков, выпущенных правительством Д. В. Р., имеют хождение на равных с ними основаниях, кредитные билеты, выпущенные тем же правительством, 500 рублевого достоинства, а также разменные знаки Владивостокского Правительства.

Председатель Правительства *А. Краснощеков.* Управляющий делами Правительства *П. Федорец*».[2])

3-го января 1921 года Правительство Д. В. Р., в виду загромождения кладовых Мин. Финансов бумажными денежными знаками, как изʼятыми из обращения, так и имеющими хождение, но пришедшими в ветхость и непригодность, — постановило: «разрешить Министерству Финансов уничтожить пу-

---

[1]) Газ. Дальне-Восточная Республика» № 154 от 17-XI 20 г. г. Чита.

[2]) Тоже, от 27 ноября.

тем сожжения упомянутые денежные знаки, причем из'ятые из обращения денежные знаки уничтожаются в их настоящем виде, а ветхие и не пригодные к обращению—с применением предварительной пробивки».[1])

Фактически к уничтожению этих знаков приступили лишь на Амуре.

Проект новой эмиссии. В течение ноября 1920 года Правительство под напором чрезвычайного спроса на денежные знаки со стороны всех областей, об'единяемых Республикой, постановило вновь огрифовать во Владивостоке и выпустить в обращение в Республике кредитные билеты американского изготовления.

Приводим текст этого постановления.

«*О выпуске в обращение в счет разрешенной эмиссии американских денежных знаков образца 1918 года.*

В виду затруднительного финансового положения Д. В. Р. и невозможности удовлетворить имеющимися в распоряжении Минфина средствами потребности в денежных знаках, Правительство постановило:

1) Выпустить в обращение в счет разрешенной эмиссии в 8 миллиардов рублей кредитные билеты американского изготовления образца 1918 года, имеющиеся во Владивостоке, на сумму в три миллиарда рублей.

Выпускаются в обращение знаки не ниже 25 рублевого достоинства.

3) Каждый знак огрифовывается гербом Д. В. Р. на том месте, где значится двуглавый орел, с надписью кругом «Дальне-Восточная Республика». Кроме указанного грифа кредитки грифуются подписью управляющего и кассира, на что уполномачивается Управляющий Владивостокским Отделением Госбанка и старший кассир того же Банка.

Помимо того цифра «1918» на лицевой стороне кредитного знака закрывается черной краской.

4) Выполнить технически работу по огрифованию возлагается на Владивостокское Отделение Госбанка».

Постановлению этому не суждено было осуществиться по причине, как выяснилось во Владивостоке, полной нецелесообразности производить огрифование, оплачивая краску и работу валютой, по сравнительно дорогим местным ставкам и ценам с тем, чтобы в результате получить денежный знак стоимостью по курсу рынка не менее 2000 кред. руб. за золотой рубль. По справке Владивостокского Госбанка *огрифование этих знаков*, купюры коих были лишь в 25 и 100 руб., *обошлось бы* по *3 коп. зол.* за экземпляр, *а курс* сторублевки *равнялся*, примерно, *5 зол. копейкам*, имея тенденцию к понижению.

Закон «об округлении сумм». Отсутствие мелких денежных знаков создавало большие осложнения при необходимости точного копеечного исчисления при разных подсчетах. Это вызвало следующее постановление правительства Д. В. Р. от 29 ноября 1920 года.

«*Об округлении денежных сумм при исчислении содержания пенсий, пособий и иных денежных выдач и поступлений.*

Вследствие недостатка в кассах и в обращении мелких денежных знаков, предоставить правительственным и общественным учреждениям и должностным лицам при исчислении содержания служащим, пенсий, пособий и иных денежных выдач или поступлений, или иных

[1]) Газ. «Д.-Вост. Республика», № 17/205, от 27 янв. 1921 г.

расчетов, округлять окончательную цифру следуемой к выдаче или получению денежной суммы, отбрасывая сумму копеек, следующих к выдаче или получению на превышающую 50 коп., и принимая сумму копеек, превышающую 50 коп.—за один рубль».[1])

Этот, упрощающий по существу взаиморасчеты закон, несмотря на рыночную ничтожность округляемых «концов», нес в себе лишнее доказательство условности «реальной стоимости» государственных денежных знаков. Результатом его, как это всегда и бывает,—явилось явочное округление рынком не только копеек, но и рублей, и счет пошел лишь на круглые цифры.

Цены стремительно повысились.

Одним из главных стимулов падения курса буферок—на ряду с общими причинами этого явления,—явилось массовое, бессистемное выбрасывание их на рынок всеми казенными распорядителями средств. В целях локализации этого бесхозяйственного самоподрыва, Правительством был принят паллиатив—издано постановление от 26 ноября.

«*О порядке расходования министерствами и учреждениями Республики*».

«В виду того, что все министерства и учреждения Республики снабжаются всем необходимым нопосредственно Министерством Продовольствия и Торговли, разрешить министерствам и учреждениям право производства самостоятельных закупок, по рыночным ценам, бумажными денежными знаками, лишь в случаях отказа Министерства Продовольствия и Торговли, в удовлетворении их требований и при наличии согласия последнего на производство самостоятельных закупок».[2])

Естественно, что без установления единства кассы, что собственно должно было предшествовать всем иным мероприятиям,—нельзя было бы добиться выполнения указанного постановления, и 16 декабря 1920 года Правительство издало постановление «*о соблюдении единства кассы*».

Из'ятие звонкой монеты. Логическим завершением мероприятий по регламентировке бумажного денежного обращения и стремления искусственно перевести все народное хозяйство на бумажно-денежный расчет—явилось издание Правительством Д. В. Р. 24-го января 1921 года, в соответствии с прецендентом, установленным 13 окт. 1920 года в Верхнеудинске, закона «*об из'ятии из обращения звонкой монеты*». Приводим текст этого закона:

«В виду тяжелого финансово-экономического положения Дальне-Восточной Республики и крайней необходимости сосредоточить в распоряжении правительства все рессурсы Республики, правительство постановило—

1) Со дня издания настоящего закона вся звонкая монета (золотая, серебряная и медная) об'является исключительной собственностью Республики; совершенно из'емлется из обращения и подлежит сдаче в кассы Республики (Гос. Банк, Казначейство) в течение двух недель со дня распубликования настоящего закона на местах.

2) Все запасы звонкой монеты, обнаруженные у кого бы то ни было после окончательного срока, подлежат немедленной конфискации, а владельцы этих запасов привлечению к ответственности по закону, как спекуляцию.

Примечание: Разрешается хранение звонкой монеты, не свыше 25 рублей на дно лицо.

3) Министерство Финансов должно произвести расчет за сданную в Государственные кассы звонкую монету на общих основаниях с оплатой золота, серебра и меди, сдаваемых промышленниками».[3])

---

[1]) Газ. «Д.-Восточная Республика» № 167, от 4 декабря 1920 года.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже, от 27-го января 21 г. № 17/205.

Постановление Министерства Финансов от 8-го февраля 21 г. № 23, так поясняло последний пункт закона 24-го января: «сдаваемую, в силу означенного закона, в правительственные кассы звонкую монету записывать на приход в чрезвычайные доходы казны, с оплатой, как указано в законе, бумажными дензнаками Д. В. Р.; в виду же того, что размер платы за золото, серебро и медь, сдаваемые промышленниками, еще не установлен, сдаваемую монету впредь до установления этой платы записывать на счет переходных сумм».

Вышеприведенный закон, по существу, сковывал всю хозяйственную жизнь и на первый взгляд, как бы облегчая «тяжелое финансово-экономическое положение» Республики и ставя ее на внутреннем рынке в равные условия с частным предпринимателем,—по последствиям—осложнял еще более создавшееся положение, надолго убил частную инициативу и совершенно прекратил приток валютных-налоговых и др. поступлений.

Борьба против этого закона началась почти одновременно с опубликованием его. Причем должно отметить, что борьба велась не только со стороны, но и в среде самого правительства.

Впоследствии, пытаясь обосновать изданный закон, Министр Финансов в своем докладе Учредительному Собранию Д. В. Р. сообщил, что «Правительство должно было пойти на этот закон, так как бумажные деньги настолько обесценились на валюту, что дальнейшее их печатание являлось предприятием явно убыточным. Вместе с тем правительство приняло меры к оплате труда контр-валютой—продуктами».[1])

Об‘яснение это вряд ли можно признать убедительным, а принимая во внимание, что оно было дано всего лишь через месяц после издания закона,—можно утверждать, что оно мало могло способствовать упрочению об‘явленного порядка.

Кроме того, указание на предпринятую оплату правительственных служащих и рабочих товаро-продуктами вскрывает и финансовую бессмысленность введенного закона, лишившего государство реальных доходов, но не избавившего его от реальных расходов, каковые являлись особенно ощутительными в условиях окружения Забайкалья границей, ввоз продуктов из за которой должен был оплачиваться исключительно валютой.

Понимая внутреннее противоречие между целью, преследовавшейся законом, и фактическими последствиями его, Правительство, вслед за распубликованием закона 24-го января 21 г. стало искать паллиативов для смягчения его гибельных последствий.

---

[1])Цитируем речь Мин. Финансов по отчету в газ. «Д. В. Р». от 2-го марта 1921 года, № 35/223.

Незавершенный проект.

По заданию правительства в первые же числа февраля Мин. Финансов изготовило проект нового постановления «*об урегулировании в Д. В. Р. бумажных денежных знаков и об установлении курса на эти знаки по отношению к золотому рублю при всех денежных расчетах*».

Постановлению этому так и не удалось увидеть свет по причинам, которых мы коснемся ниже.

Но проект постановления не лишен исторического интереса, как характеризующий направление финансовой мысли известной эпохи.

Суть этого, нигде неопубликованного, громоздкого проекта сводилась к нижеследующему:

«В виду закона 24-го января 21 года и необходимости, в связи с этим законом, приведения к однообразной денежной единице всех расчетов Д. В. Р. с рабочими и служащими, а также по заготовкам и распределению предметов потребления и продуктов продовольствия и по взиманию пошлин и налогов, Правительство постановляет:

1) Все внутренние в Д. В. Р. денежные расчеты производить в допущенных законом 15-го ноября 20 года в обращение бумажных денежных знаках, по одному для всех этих знаков курсу, установленному по отношению к золотому рублю и об'являемому периодически Мин. Финансов.

2) Поручить Мин. Финансов устанавливать и об'являть населению Республики периодически общий курс для всех, допущенных в обращение в Республике, бумажных денежных знаков по отношению к золотому рублю, при чем размер курса должен исчисляться в соответствии с определяющимися на торгово-промышленном рынке продажными ценами на предметы потребления и продукты продовольствия.

3) Все правительственные учреждения Республики обязуются установить тарифные ставки в золотом рубле для расчетов как правительственных учреждений Республики с ра бочими и служащими, так и при товаро-обмене в торговых и промышленных предприятиях, а также для расчетов Республики денежно-имущественного характера с частными лицами, и производить вышеозначенные расчеты бумажными денежными знаками в размере, определенном помножением тарифных ставок в золотом рубле на об'являемую Министром Финансов числовую величину, определяющую курс бумажных денежных знаков.

4) Все тарифные ставки государственных пошлин разного рода, сборов (как гербовый, почтово-телеграфный, железно-дорожный и другие) и налогов—прямых и косвенных (акцизов) должны быть переработаны в ставки, единые для всей Республики на золотой рубль, с учетом для прямых и косвенных налогов соответствующей средней рыночной расценке товаров и предметов обложения и в соответствии с состоянием торгово-промышленной жизни Республики. Оплата всех этих налогов, пошлин и сборов должна производиться в государственные кассы *бумажными денежными знаками* по курсу этих последних и порядком исчисления, указанным в ст. 3 постановления».

Не ясно ли, что проект Министра Финансов, при его же одновременном утверждении, что «печатание денег являлось явно убыточным предприятием» также являлся предприятием, лишенным смысла. Но поиски выхода были неизбежны при тупике, в который завело установление курса на бумажные денежные знаки al pari со звонкой монетой и из'ятие последней.

В своем конфиденциальном отзыве по представленному проекту, Гос. Контроль, указывая, что с его стороны «не имеется принципиальных возражений против установления оффициального курса на ден. знаки Д. В. Р. и считая это мероприятие совершенно необходимым», останавливал внимание авторов проекта на следующих моментах:

1) Установление курса на денежные знаки вследствие отсутствия биржи и постоянно колеблющихся рыночных цен сопряжено с большими затруднениями. Поэтому при настоящих условиях установление курса, по мнению Гос. Контроля, не может быть предоставлено едино-

личному и никем не санкционируемому усмотрению Мин. Финансов и требует предварительного соглашения с Гос. Контролем.

2) Статья 3-я, по мнению Гос. Контроля, редактирована была таким образом, что по буквальному ее смыслу «все правительственные учреждения» имеют теперь же «установить тарифные ставки в золотом рубле» для всех возможных расчетов и принять эти ставки к руководству при расчетах. Очевидно совсем не это имелось в виду авторами законопроекта, так как подобный порядок ничего, кроме хаоса, не повлек бы за собой. Вероятно проект закона имеет в виду необходимость для учреждений и должностных лиц, на обязанности которых по закону лежит выработка тарифных ставок, твердых цен и т. п.,—пересмотр таких ставок и цен и установления их в зол. рубле с тем, чтобы выработанные компетентным учреждением ставки и цены в зол. рубле, принимались к руководству всеми учреждениями и переводились на бумажные денежные знаки по оффициальному курсу. Таким образом, указанная статья закона нуждается в коренном изменении ее редакции.

3) В ст. 4 Гос. Контроль, имея в виду, проектируемый Министерством Продовольствия и Торговли, закон о взыскании таможенного сбора золотой валютой, полагал ввести исключение для указанного сбора».[1])

Как видим, отзыв Гос. Контроля, хотя и не затрагивает основных недостатков проектируемого постановления, которые заключались, главным образом, в его паллиативности и внутренней противоречивости, но все же отмечает некоторые слабые стороны даже этого паллиатива.

Отзыв Гос. Контроля заключает в себе также «предчувствие» грядущего, быть может, частичного, но все же неотвратимого перехода на фактическую зототую валюту, а не только на формальное исчисление в номинальном золотом рубле.

Борьба за отмену закона об из'ятии звонкой монеты.

Помимо Министерства Торговли и Промышленности, поисками выхода из безвалютного положения были заняты буквально все остальные ведомства, пытавшиеся «хозяйственными мероприятиями» смягчить свой финансовый кризис.

Особую остроту принял вопрос о необходимости отменить закон 24-го января,—с момента обсуждения докладов Совета Министров Учредительным Собранием Д. В. Р., собравшимся в Чите в феврале 1921 г.

Руководители правительства о финансовом положении Республики.

В своем докладе Учредительному Собранию Минфин, в уже цитированной нами речи, дает такую оценку общего положения правительственных финансовых мероприятий и перспектив:

«К моменту образования Читинского правительства на конференции, Чита и Владивосток имели звонкую монету. У вновь организованного правительства не было ее в наличности в таком количестве, чтобы установить ее хождение по всей Республике.

Воспользоваться же рессурсами Благовещенска и Владивостока не представлялось возможным из-за тех же японцев, которые препятствовали распространению его власти на весь Дальний Восток. Отсюда — Закон о хождении денежных знаков всех областных правительств Дальнего Востока. Он имел

[1]) Отношение Гос. Контроля Д. В. Р. за № 3440, от 5 февраля 1921 года.

целью аннулирование семеновских и колчаковских денежных знаков, как денег, правительств, враждебных нам. Другой целью этого закона было установить хождение бумажных денежных знаков революционных правительств».

Минфин считает ошибкой допущенное в этом законе номинальное уравнение бумажных денег валюте, а не предоставление установления курса бумажного рубля рынку».[1])

Доклад Минфина встретил резкую оценку в речах и декларациях ораторов различных фракций. Общей, для всех высказывавшихся, была отрицательная оценка закона 24-го января и указание на необходимость радикального изменения денежно-финансовой системы государства.

Правительство, не возражая против отмены указанного закона, все же, во имя престижа власти, не решалось отменить его формально, но находило возможным «в розницу» отменять его, «раз'ясняя» закон различными ведомственными инструкциями, фактически вводящими золотое обращение.

Между тем, финансовое положение Республики становилось все более и более критическим, поступления иссякли, кредитные билеты Д. В. Р. фактически перестали обращаться на рынке, отдельные ведомства производили авансовые выдачи в валюте и требовали валютных ассигнований, угрожая прекращением функционирования своих деловых аппаратов.

Правительство понимало создавшееся положение и искало выхода.

Из материалов, неопубликованных до сего времени, заслуживает внимания доклад председателя Правительства ДВР. А. М. Краснощекова, сделанный им на заседании финансово-экономической комиссии Учредительного Собрания ДВР., 30 марта 1921 г.

«Наш денежный знак, — говорит докладчик, — ничего не стоит, фиксировать его стоимость нельзя, так как обеспечить его нечем. Можно говорить лишь об обеспечении кредитом. В настоящее время мы проедаем и валюту, не сохраняя, а проедая и приобретенные на нее ценности. Нужно организовать кредитный оборот за-границей, обеспеченный фондом ценностей. Где же достать основной капитал? Внутри ДВР. или вне? Внутри—пусто. Следовательно, остается лишь внешний заем. Основой остается помощь Совроссии. Ее поддержка может идти двумя путями: а) выдачей валюты, б) предоставлением продуктов. Взять валюту для того, чтобы проесть, было бы хищничеством, но взять и сохранить, как реальное обеспечение — допустимо и целесообразно. К упрочению ден. системы нужно будет обратиться после общего упрочения ДВР. Выпуск де-

[1]) Учред. Собрание ДВР. засед. 26 февр. 1921 г., газ. «Д. В. Р.» от 2 марта 1921 г. № 35/223.

нежных знаков должен быть ограничен, т. к. курс их обратно пропорционален сумме выпуска. В целях сокращения эмиссии необходимо натурализовать хотя бы часть заработной платы. Поднятие курса может быть достигнуто и введением налогов в бумажн. ден. знаках. Это создаст спрос на них, поднимет их курс».

Положение Республики продолжало оставаться на долгое время таким, каким нарисовал его глава Правительства. Планы о натурализации заработной платы были осуществлены, но это, не улучшив курса ден. знаков, истощало последние фонды государства.

В своем докладе финансово-экономической комиссии Народного Собрания Минпродторг—М. И. Полетаев—более чем через пол-года после доклада А. М. Краснощекова — 25 ноября 1921 года указывал, что его «Министерство по условиям времени выполняет функции казначейства. За период времени с 1-го января по 1-ое июля министерство, при общем количестве населения ДВР. в 1.800.000 человек, использовало на оплату труда и по отделу социального обеспечения продуктов свыше, чем на 5,3 милл. руб. золотом. Причем, несмотря на столь значительн. сумму, процент удовлетворяемости был равен лишь 36. За период по 1-ое ноября 1921 г. от Совроссии Министерством было получено товаропродуктов на 1.156.000 зол. рублей».[1])

Как видим, натурализация не помогла упрочению ресурсов. В сообщении, сделанном тогда же—21 ноября 1921 г. финансово-эконом. комиссии, Министр финансов вынужден был констатировать, что «при ожидаемых поступлениях в казну за период IX — XII 1921 г. в сумме 6,5 милл. руб., расходная смета предусматривает за этот же период потребности в сумме 22 милл. руб., 86°/о бюджета составляют расходы на армию и 17,5°/о—расходы по транспорту».

Вот каково было положение ДВР к началу второго года ее существования.

Но возвратимся к последовательному рассмотрению финансовых мероприятий, имевших место после опубликования приведенного выше закона 24-го января 1921 г., борьба с которым в недрах самого же правительства началась, как указали уже мы, почти одновременно с его распубликованием.

21-го апреля на заседании правительства был рассмотрен доклад комиссии по изысканию средств для существования Д. В. Р.

В докладе был намечен целый ряд тезисов: об отмене закона пр-ва Д.В.Р. от 24-го января об из'ятии валюты, о вве-

---

[1]) Все эти сообщения цитирую по своим личным записям.

дении в обращение полноценного рубля, о введении прямых и косвенных налогов в золотом рубле, о заключении займа под обеспечение естественными богатствами Республики и т. д.

Правительство Д.В.Р. постановило учредить несколько комиссий для проведения реформы денежной системы Республики, развития производственных сил, проведения налоговых сборов, внутреннего займа и привлечения иностранного капитала. К работам комиссии были привлечены представители общественных и кооперативных организаций, профсоюзов и специалисты.[1])

Закон об урегулировании денежного обращения в Д. В. Р.

Но понадобился еще месяц, прежде нежели был отменен злополучный закон: *16-го мая* правительством Д.В.Р. был издан следующий закон «*Об урегулировании денежного обращения в Д.В.Р*».

«1) В отмену закона 24-го января 1921 г. «Об из'ятии из обращения звонкой монеты» и в изменение закона 15-го ноября 1920 г. «О хождении кредитных билетов и денежных знаков на территории Д. В. Р.» и дополнение этого закона, от 22-го ноября 1920 г., устанавливается хождение российской звонкой монеты—золотой, серебряной, медной и бумажных денежных знаков, указанных в ст. ст. 1-ой и 3-ей закона 15-го ноября 1920 г. и в дополнение этого закона от 22-го ноября 1920 г. на основаниях, указанных в следующих пунктах:

2) Все денежные рассчеты ДВР., как правительственных учреждений, так и при товаро-обмене в торговых и промышленных предприятиях, а также рассчеты Республики денежно-имущественного характера с частными лицами и частных лиц между собою и казной, производить в допущенных в ст. 1-ой сего закона денежных знаках, причем, в целях приведения в Республике денежной системы к твердой и устойчивой денежной единице, принимается основанием при всех рассчетах казны с частными лицами и частных лиц с казной—российский золотой рубль; бумажные же денежные знаки, а также разменная звонкая монета принимается по курсу, устанавливаемому для всей территории Республики по отношению к золотому рублю и об'являемому периодически министром финансов.

3) Предоставляется Министру Финансов устанавливать периодически единый для всей Республики курс допущенных к обращению бумажных денежных знаков и разменной звонкой монеты по отношению к золотому рублю в соответствии с их платежной способностью на торгово-промышленном рынке.

4) Все ставки государственных пошлин, разного рода сборов и налогов прямых и косвенных определяются соответственными правительственными учреждениями указанным в законе порядком в золотом рубле.

Таким же порядком определяются разного рода платежи в пользу местных самоуправлений.

Примечание: Министру Финансов предоставляется, с утверждения Совета Министров, устанавливать взимание таможенных пошлин, а равно и некоторых других сборов, исключительно в Российской звонкой монете.

5) Порядок и основания перечисления на золотой рубль по недоимкам и обязательствам частных лиц к казне и местным самоуправлениям, а равно и обязательствам казны и самоуправлений к частным лицам определяются особым законом».[2])

Как мы уже отметили, закон 24 января самой жизнью был отменен много ранее распубликования закона 16-го мая, но не следует умалять значения последнего. Легализуя свободу обращения звонкой монеты, закон 16-го мая раскрепостил торговый оборот и создал реальную базу для производительной инициативы.

В дальнейшем, хотя и продолжало применяться обязательное фиксирование курса кредитных билетов, но это не

[1]) Газ. «Жизнь» № 59, от 23 апреля 1921 г. г. Чита.

[2]) Газета «Д.-В. Республика», от 20-го мая 1921 г. № 95/283.

препятствовало развитию основ свободного финансового и товаропосреднического оборота, и естественным завершением свободы валютного обращения явился, изданный правительством 26 сентября, через четыре месяца после первого, закон «*О свободном обращении золота.* Новым законом правительство установило, что:

«Скупка, хранение, перевозка и продажа золота рассыпного и в слитках как опробованных, так и не опробованных, свободны на всей территории республики, за исключением приисков».[1])

Курс «буферных» кредитных билетов и совзнаков. По об'единении Верхнеудинска и Читы, в районе последней в течение некоторого времени, несмотря на ноябрские 1920 года ограничительные законы, продолжала иметь обращение звонкая монета, главным образом, мелкое билонное серебро, но закон 15-го ноября, декретировавший хождение «кредитных билетов *наравне* со звонкой монетой (золотой, серебряной и медной)» не смог фактически произвести ни уравнения в цене кредитных билетов и звонкой монеты, ни уравнения последней, разного наименования, между собой. К началу января 1921 года курс на буферные «кредитные билеты Д. В. Р.» был установлен рынком в 15 коп. мелким серебром за 1000 рублей буферных, т. е., при соотношении того времени золота и мелкого серебра—1:2,5,—одна тысяча р. буферными стоила, примерно, 6 коп. золотом. После распубликования закона 24-го января 21 г. об из'ятии звонкой монеты, казалось бы, на буферные должен был увеличиться спрос и они должны были подняться в цене. Действительно, зрительно, курс буферных, как будто бы увеличился, цена их на мелкое серебро к 27 января поднялась до 20 коп. за тысячу, но, на самом деле, за эти дни возрасло в цене с 2.50 до 3.30 за 1 рубль золотом мелкое серебро, следовательно, цена буферных по курсу золотого рубля осталась прежняя—рынок в этом отношении не реагировал на закон 24 января.

В дальнейшем, как это будет видно из нижеприводимой таблицы, курс буферных неуклонно продолжал падать и они постепенно нулифицировались.

Судьбу кредитных билетов Д. В. Р. разделяли и денежные знаки Р. С. Ф. С. Р. Правда, Забайкальский-девееровский рынок все время котировал их несколько выше буферных, но тенденция оставалась та же—курс совзнаков неуклонно падал. Временами, под влиянием чисто случайных причин, главным образом, случайного спроса на рынке, курс на совзнаки также, как

[1]) Газ. «Дальне-Восточный Телеграф» № 50, от 2-го октября 21 г. Закон этот утвержден Нарсобом Д. В. Р. 30 ноября 21 г.

будто бы, улучшался, так, например, вместо 20 коп. биллоном в январе,—за 1000 руб. совзнаками в мае просили 32 коп. биллоном, но применительно к соотношению золота и мелкого серебра в этом случае январская стоимость 1000 руб. совзнаками на золото—в 8 коп., случайно, на несколько дней мая возрасла лишь до 9 копеек.

Пользуясь записями Читинской Торгово-Промышленной Палаты за 1921 год, можно составить следующую

Таблицу

стоимости 1000 рублей денежными знаками Р. С. Ф. С. Р. и кредитными билетами Д. В. Р. *на мелкую, биллонную разменную монету в гор. Чите в 1921 году.*

Месяц и число.	1000 рублей		Месяц и число.	1000 рублей	
	Совзнаками.	Буферными.		Совзнаками.	Буферными.
	На биллон.			На биллон.	
10 января	0.20 к.	0.15 к.	4 Мая	0.29 „	0.08 к.
17 „	0.20 „	0.17 „	16	0.32 „	0.06 „
27 „	0.20 „	0.20 „	22 „	0.19 „	0.04 „
1 Февраля	0.22 „	0.18 „	31 „	0.19 „	0.03 „
7 „	0.23 „	0.17 „	1 Июня	0.19 „	0.02 „
28 „	0.23 „	0.13 „	7 „	0.22 „	0.02 „
8 Марта	0.20 „	0.13 „	16 „	0.19 „	0.04 „
15 „	0.20 „	0.11 „	30 „	0.19 „	0.04 „
22 „	0.15 „	0.10 „	1 Июля	0.19 „	0.03 „
1 Апреля	0.17 „	0.11 „	7	0.18 „	0.04 „
15 „	0.18 „	0.09 „	13	0.17 „	0.03 „
22 „	0.28 „	0.09 „	20	0.17 „	0.04 „
28 „	0.27 „	0.08 „	30	0.18 „	0.04 „

После июля, за полным исчезновением с рынка буферных и лишь случайным спросом на советские, в записях Торгово-Промышленной Палаты мы не находим отметок о курсе этих знаков.

Лаж на совзнаки. Из приведенной таблицы видно, что курс на совзнаки постоянно превышал курс на буферные, разница в цене их колебалась от 25 до 85°/о°/о в пользу советских.

Особенно значительной разницы достиг курс к средним числам мая, когда стоимость советских превысил стоимость буферных почти в 6 раз.

Хотя приведенное нами выше соглашение Д. В. Р. и Р. С. Ф. С. Р. уравнивало курс денежных знаков этих Республик, но на установление рынком разницы в стоимости их

влияли два обстоятельства: во-первых, непрекращавшийся спрос на совзнаки со стороны лиц, ехавших на Запад, в то время, как спрос на местные знаки совершенно прекратился и во-вторых, спекуляция с этими знаками, так как при одинаковом правительственном курсе на совзнаки и буферки, имело большой смысл обменять буферки на советские, а затем продать советские на буферки с тем, чтобы вновь произвести повторный обмен и т. д.

В целях борьбы с замеченной спекуляцией Министр Финансов ДВР 17-го мая 1921 г. издал следующее

постановление № 85: «на основании заключенного с РСФСР Республикой договора 4 сентября / 19 октября 1920 года, согласно которому обмен буферных дензнаков на советские бумажные дензнаки должен производиться только в Иркутске и притом исключительно для граждан, едущих из Д.В.Р. в Советскую Россию, и в целях ослабления спекуляции с бумажными денежными знаками, развившейся на почве установившейся на рынке разной расценки денежных знаков Д.В.Р. и Советской России, постановляю: обмен бумажных денежных знаков Д. В. Р. на такие же знаки Советской России прекратить во всех Правительственных кассах. Распоряжение М-ва Финансов от 29 января 1921 года о свободном обмене денежных знаков, имеющих хождение на территории Д. В. Р. отменяется в части, касающейся обмена буферных на советские дензнаки, и остается в силе в отношении обмена советских на буферные».

Издание этого постановления, прекратив невольное соучастие казны в спекуляции с денежными знаками, не устранило игру рынка на курсе, поскольку разница в последнем была следствием не только спекулятивных действий.

Нулифицирование буферных денежных знаков.

Понизившись к августу 21 года до 1 коп. золотом за 1000 рублей, курс буферных постепенно сводился на нет, что вынуждено было признать само правительство Д. В. Р.

На основании п. 3 закона 16-го мая 21 года об урегулировании денежного обращения, того же числа Министром Финансов, впредь до изменения, был установлен курс на буферные денежные знаки в 5 коп. разменным серебром за 1000 р. буферными.

Курс этот, несмотря на фактическое ухудшение, вновь был повторен постановлением Мин. Финансов от 24-го июня и 26-го июля, но постановлением от 24-го сентября, курс был изменен до 3 коп. мелким серебром за 1000 руб., каковое соотношение вторично фиксировалось постановлением от 20-го декабря 21 г. [1])

Но фактически к концу года курс на буферные денежные знаки был еще ниже, нежели об'явленный, т. е. менее 1 коп. золотом за тысячу. К этому же времени Министерство Финансов по переводам на Р.С.Ф.С.Р. фиксировало курс *совзнаков* в 5 коп. золотом за тысячу, но курс и этих знаков упал до дробной части зол. коп. за 1000 рублей.

[1]) Постановления Минфина за №№ 87, 104, 117, 132, 164, распубликованы в газ. «Д.В. Республика» в №№ 91/283 и 310 от 20 мая и 29 июня и в газ. «Д.В. Телеграф» в №№ 47 и 116 от 29 сентября и 23 декабря 1921 г.

С полным правом можно сделать вывод, что к началу 1922 года бумажные денежные знаки в пределах Д. В. Р., без особых на этот предмет узаконений, нулифицировались в естественном процессе денежного обращения.

В отчете одного из банков, продолжавшем в 1921 году интересоваться рынком Забайкалья, мы находим следующее, не лишенное интереса показание современника: «С момента введения правительством Д. В. Р. в обращение звонкой монеты (май 1921 г.) бумажных, буферных денег никто не стал брать и их стали употреблять на завертку валюты».

Керенские кредитные билеты. Недостаток в денежных знаках и необходимость обойти постановление об из'ятии валюты, вынудили рынок прибегнуть как к денежной единице—к денежным знакам прежних общероссийских выпусков. Выход из создавшегося положения искал не только частный рынок, заключая отдельные торговые сделки на «керенские»—зеленые, но и само ведомство финансов, реализуя в течение 1921 года сохранившиеся в Государственном Банке и вновь привезенные из Р. С. Ф. С. Р. керенские—тысячные и 250 рублевые.

Таблица

курса керенских тысячных на золотой рубль в 1921 году.

1000 руб. керенские (думские) на Читинском рынке стоили:

17 января	— 78 коп.	30 июня	— 1 р. 60 коп.
27 »	— 96 »	7 июля	— 1 » 50 »
1 февраля	— 95 »	13 »	— 1 » 10 »
16 июня	— 1 р. 60 коп.	1 ноября	— 1 » 65 »

Романовские, хотя и отмечаются Читинской Торгово-Промышленной Палатой в бюллетенях от ноября 1921 года, но фактически они в денежном обороте Забайкалья не имелись. Не было их и в местном обороте Прибайкалья. Хотя в справке Прибайкальской Торгово-Промышленной Палаты за 1921 г. отмечаются курсы романовских: *крупные:* июнь—4.25, июль—3.30, август—2.65, октябрь—3.30, ноябрь—4.20, декабрь—4.80 за тысячу; *мелкие:* июнь—4.25, август—1.65.

Банковское и биллонное серебро. Нами уже было отмечено, что после об'единения Верхнеудинска и Читы, в районе последней некоторое время имело свободное обращение серебро, первые месяца, почти исключительно, разменное, так называемое биллонное.

Колебание курса этого серебра было значительным.

Таблица

курса 1 золотого рубля на биллонное серебро. Рынок Читы. 1920—1922 г. г.

Месяц / Год	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
1920											1.20	2.—
1921	2.85	3.35	3.45	3.85	3.60	3.50	3.05	2.70	2.90	3.05	3.10	3.05
1922	2 95	2.97	3.—	3.—	3.—	3.—	3.—	3.—	3.—	2.85		

Примерно, в этих же пределах происходили колебания курса мелкого серебра и на рынке Западного Забайкалья в Верхнеудинске. На 15-ое число июня и последующих месяцев 1921 года, курс мелкого серебра на золотой рубль был: 3 р. 50 к., 2.90, 3.00, 3.05, 3.00, 3.10, 3.10.[1])

За этот же период банковское серебро на золотой рубль стоило в Чите:

В сентябре 1920 г. 1.00 р.з.	В январе-мае 1922 г. 0.85 к. з.
„ ноябре 1921 „ 0.83 к.з.	„ октябре „ „ 0.95 к. з.[2])

Котировка рынком банковой серебряной монеты ниже золотой создавала обстановку, благоприятную для спекуляции с серебряным рублем, принимавшимся казной наравне с золотом.

Эго вызвало *Постановление Министра Финансов от 7-го июня 1921 года*:

«Правительственные кассы принимают в платежи полноценную (банковую) серебряную монету наравне с золотом, рынок же расценивает эту монету ниже золотой и, таким образом, создает основание для спекуляции. В целях ослабления спекуляции и в предупреждение наплыва в кассы серебряной банковой монеты вместо золота постановляю: прием кассами ведомства Министерства Финансов серебряной банковой монеты в платежи и во вклады, для переводов, кредитов и в др. случаях ограничить суммами менее пяти (5) рублей по отдельному платежу или операции, при чем, когда одним и тем же лицом в один и тот же день делается несколько взносов, последние суммируются и банковым серебром принимается лишь сумма менее пяти рублей».[3])

12-го декабря 21 г. Народное Собрание Д. В. Р., утвердив изданный Пр-вом 16 мая того же года закон об урегулировании денежного обращения в Д. В. Республике, нашло нужным добавить в редакции такового указание, что в отношении банкового серебра так же, как денежных знаков, должны быть установлены обязательные *единые для всей Республики* курсы.

Эго добавление было вызвано выяснившимися из прений в Народн. Собрании сведениями о спекуляции с банко-

---

[1]) Справка Прибайк. Торг.-Промышленной Палаты за 1921 год.

[2]) Справка Читинск. Торг.-Промышл. Палаты за 1920—22 г.г.

[3]) Газ. «Дальне-Восточная Республика» № 299, от 11-го июня 1921 года. Постановление № 95.

вым серебром, в виду практиковавшегося установления разного курса на него в разных городах. Так, например, спекулянты закупали банковое серебро в Хабаровске и сбывали его в Чите, где курс был выше.

На основании нового текста закона 16 мая 21 г. Минфин 20 декабря 21 г. установил новый единый для всей Республики *курс золотого рубля* в 1 руб. 18 к. *банковым* серебром и в 3 руб. *разменным.*

Некоторое изменение в установленный курс было внесено постановлением Мин. Финансов от 5 октября 1922 г.

Последующее постановление Дальревкома от 6-го июля 1923 г. за № 395 установило курс: *1 банк. рубль* равен 90 к *золотом* или 2 р. 35 к. *разменной* серебряной монетой.

Почтовые марки на Д. В.

После занятия Читы в октябре 1920 года, оплата почтовой корреспонденции производилась на недостаточно твердых основаниях. Продолжали иметь обязательную силу прежние знаки почтовой оплаты, но таковые приобретались отправителями не в учреждениях почтового ведомства, а со стороны, и это было явным убытком для казны. Почтовые учреждения стали взимать кассовую доплату при отправлениях, положение это было закреплено 27-го января 1921 г. следующим постановлением правительства Д. В. Р. «*Об установлении оплаты внутренней почтовой корреспонденции наличными деньгами.*

«В виду острого недостатка в учреждениях народной связи знаков почтовой оплаты и невозможности произвести в настоящее время заготовку таковых, правительство постановило:

Установить оплату всей внутренней корреспонденции наличными деньгами, произведя отметку об оплате посредством накладывания на корреспонденцию особых штемпелей.»[1])

Неудобство установленного порядка не замедлило сказаться, и Ведомство Народной Связи приступило к изготовлению, по мере возможности, почтовых марок в «Читинской экспедиции изготовления государственн. бумаг». Задача эта значительно облегчилась с момента прекращения печатания буферных знаков, и к июлю 21 года был заготовлен достаточный фонд почтовых марок Д. В. Р. с изображением государственного герба.

5-го августа 1921 г. был распубликован закон правительства Д. В. Р. от 25-го июля «*О выпуске новых знаков оплаты почтовых отправлений*». В порядке ст. 43 Основного Закона Правительство Д. В. Р. постановило:

[1]) «Собр. Узаконений и Распоряж. Пр-ва Д.В.Р.», от 31 января 1921 г. № 1 (5), ст. 42.

«*Ст. 1.* Для оплаты сборов с почтовых отправлений выпустить марки следующих достоинств: 1, 3, 4, 5, 10, 15, 20, 30 и 50 коп.; 1, 3 руб.

Ст. 2. С изданием настоящего закона все марки почтовой оплаты прежних образцов считать недействительными и неподлежащими приему для оплаты почтовых сборов.

Ст. 3. Впредь до выпуска новых марок почтовой оплаты, оплату сборов с почтовых отправлений производить наличными деньгами, согласно правил, установленных Министром Почт и Телеграфов».[1])

1-го Сентября того же года был издан новый закон, постановивший «в дополнение закона от 25 июля 1921 г. о выпуске перечисленных в законе почтовых марок добавить марки достоинством в 7 копеек».[2])

Марки нового образца продолжали иметь силу в течение всего времени существования Д. В. Р. и, даже, в течение некоторого времени и при об'единении ДВР с РСФСР.

По мере снабжения центром дальне-восточных областей знаками почтовой оплаты обще-республиканского образца, таковые применялись и на Д. Востоке после об'единения его с РСФСР.

Но так как на ДВО[3]) сохранено было золотое обращение, то обще-российские почтовые марки РСФСР выпускались лишь после огрифования их надпечаткой:

Д. В.
коп. . . коп.
золотом.

Впоследствии, при установлении на ДВО исчисления в червонном рубле, учреждения Комиссариата Народной Связи были снабжены знаками почтовой оплаты образца 1923 г. выпуска СССР.

Эти марки с 1924 г. заменили все ранее применявшиеся.

Финансовый кризис ДВР и проект новой эмиссии.

Перейдя на золотую валюту,—что, как указали мы, немедленно же повело к полному исчезновению с рынка бумажных денежных знаков, — правительство не могло не задуматься о финансовых перспективах республики, государственный баланс которой был чрезвычайно неблагоприятен.

Почти параллельно с выпуском в обращение собственных остатков и присланной из Москвы золотой монеты возникла и начала варьироваться мысль о новой «твердой» эмиссии, обес-

[1]) «Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства Д. В. Р.», от 11-го августа 1921 г., № 3 (9), ст. 56.

[2]) «Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства Д. В. Р.» № 4 (10), от 8-го Сент. 1921 г., ст. 104.

[3]) Дальневосточная Область РСФСР.

печенной чем либо осязаемым, реальным, а не только прежним «общим достоянием республики».

На заседании президиума Д.В.С.П.С.—Дальне-Восточного Совета Професс. Союзов—новый Министр Финансов Б. М. Берлацкий, обрисовав печальное финансовое положение государства, указал, что для изжития этого положения совмином:

«а) Намечена выработка законов *об эмиссионных* и промышленных банках с участием в них государства, капиталистов и населения для субсидирования торговли и промышленности; б) приняты меры к восстановлению налогового и таможенного аппаратов; в) составлен приказ о введении акциза; г) *проэктируется выпуск твердых бумажных денежных знаков*; д) созданы комиссии по учету имущества и ценностей; е) за последнее время проведены два опыта составления ведомственных смет с целью разграничения хозяйственных функций центра с местами; ж) предполагается на ближайшем заседании совета министров пересмотреть план сокращения отдельных ведомств, департаментов и их задач; з) установлен новый порядок рассмотрения (советом министров) всех договоров, заключаемых министерствами; и и) разработан ряд мероприятий по отношению к золотопромышленности и другим отраслям хозяйства.

Доклад признан был Дальпрофсоветом «содержащим здравые тенденции».[1])

Как видим, одним из ударных моментов являлась мысль о новом выпуске «твердых бумажных денежных знаков».

Правительственный оффициоз так характеризовал создавшуюся к осени 21 года обстановку на денежном рынке:

«Ясно, что обслуживать всецело, хотя только один внутренний рынок, нашими скромными денежными рессурсами мы пока не в состоянии. Сколько бы мы не выпускали валюты на внутренний рынок, он будет безвозвратно поглощать ее, не создавая, однако, ни прочности нашему рублю, ни упорядочивая спутанное в данный момент денежное обращение. Нам приходится изыскать такие гибкие способы обращения, которые придали бы нашему золотому рублю определенную устойчивость и, вместе с тем, не изнуряли бы бесконечно нашу центральную государственную кассу. Этой мерой является, несомненно, *выпуск бумажных разменных денег, обеспеченных золотою валютою*—этим способом мы предохраним себя от излишнего выпуска золотой валюты и создадим известный курс нашего рубля.

К этому способу необходимо было прибегнуть уже давно, — тогда не получилось бы концентрации нашего золота в немногих руках, что вело очень часто к сознательному понижению курса рубля».[2])

Созданное при Министерстве Финансов особое Совещание, после обсуждения вопроса о выпуске разменных знаков, пришло к выводу о необходимости *обеспечить их золотым запасом в размере 100%*, при чем предполагалось, что казна, принимая эти знаки в платежи, сама не будет производить ими платежи. Этим предполагалось создать действительно свободное хождение их и укрепить на них твердый курс, паритетный золотому рублю.

Предположения совещания так и не были осуществлены в силу разного рода причин, главные из коих заключались в полном отсутствии наличности для фонда и в отказе Совроссии предоставить суммы для этого фонда.

Постановление Министерства финансов от 26 августа 21 г. за № 126 „*о приеме вкладов на хранение*", как нельзя лучше несколькими вводными фразами, характеризует рессурсы того периода Д. В. Республики. «При современном состоянии кассы Государственного Банка, — говорится в постановлении, — когда запасы государственных средств истощены, поступления

---

[1]) Газ. «ДВ. Телеграф» № 24, от 31 августа 1921 года. г. Чита.

[2]) Тоже, № 30, от 7 сентября 1921 г.

текущих доходов не покрывают пред'являемых к кассе требований,—необходимо самое точное отграничение государственных средств от частных, иначе, при единстве кассы, неизбежны отпуска на государственные потребности из сумм, казне не принадлежащих». — Ясно, что при этом положении не могло быть речи об осуществлении проекта выпуска «твердых разменных знаков, обеспеченных в 100% зол. запасом».

Собравшееся в ноябре 1921 г. Народное Собрание Д.В.Р., учитывая общую финансовую ситуацию, не могло найти радикального разрешения вопроса и в своих мероприятиях лишь штамповало ранее изданные Правительством законы; так 12 декабря 21 г. Народное Собрание утвердило закон от 16 мая того же года «об урегулировании денежного обращения в Д.В.Р.», отменивший из'ятие из обращения звонкой монеты.

Винная монополия.

В поисках мер местного значения, которые могли бы смягчить государственный финансовый кризис, Министерство Финансов за несколько месяцев до слияния Республик—в августе 1922 года разработало проэкт закона о введении в Забайкальской и Прибайкальских областях казенной винной монополии. Согласно этого проэкта исключительное право на продажу винных изделий принадлежит казне. Продажа оплаченных акцизом напитков составляла предмет вольного промысла. Воспрещалось тайное изготовление винных продуктов, их ввоз и тайный выпуск с заводов. В сельских районах надзор за тайным производством и его преследование возлагался на сельское управление. Недопускался ввоз спирта частными лицами свыше $^{1}/_{10}$ ведра. Заводчикам предоставлялось право вывоза спиртных изделий за пределы казенной винной монополии.

После многократных дебатов по существу этого законопроэкта, как внутри ведомства, так и в Совете Министров и Правительстве, он, в виду безнадежного состояния государственных финансов и за отсутствием др. источников доходов, был принят и в несколько измененном виде был распубликован 11-го августа 22 г. под наименованием: „*Закон о казенной винной монополии*". В развитие этого закона 4 ноября того же года был распубликован новый закон „*Об установлении особого положения о свободной продаже спирта, вина (водки) и водочных изделий на потребление*".

«Банк Д.В.Р.» и его эмиссионные функции.

Вместе с тем, необходимость урегулирования денежного обращения заставляла все же искать какой либо выход. В поисках его пришли к выводу о целесообразности создания особого правительственно-акционерного Банка.

После большой подготовительной работы 7 марта 1922 г. был утвержден устав «Банка Дальне-Восточной Республики», так называемого *„Дальбанка“*. Один из параграфов его устава — 36-ой — предусматривал эмиссионное право Банка, т. е. *право выпуска бумажных денежных знаков*, оговаривая, что таковые должны быть обеспечены в размере 60% золотом в слитках и монете, а в остальной части — в 40 процентах — краткосрочными коммерческими векселями солидных торгово-промышленных фирм.

Организация и деятельность Дальбанка явилась чрезвычайно значительным явлением в экономике Дальнего Востока. Мы не имеем возможности здесь полностью осветить всю важность и все последствия этой деятельности для урегулирования денежного обращения на Д. В., но необходимо все же отметить одно обстоятельство: значение Дальбанка сказалось совсем в иных формах, нежели ожидали это его инициаторы.

Урегулирование денежного обращения — предполагалось ими в значительной мере путем использования предоставленного Банку права эмиссии.

Правительственный орган печати, еще до открытия действий Дальбанка, ознакомляя читателей с предстоящими его функциями и остановившись на изложении § 36-го, заявлял: «таким образом в общем и целом после проведения в жизнь организации акционерного банка Республики мы перейдем на правильное денежное обращение.

До данного момента мы позволяли себе роскошь иметь только исключительно золотое и серебряное обращение, тогда как вся Западная Европа вместе с Америкой держит в своих подвалах золотое обеспечение и в обращении мы видим лишь банкноты.

В переходе на такую систему мы и полагаем всю задачу нашей финансовой политики».[1])

Несколько позже один из членов Правительства в помещенной им статье о деятельности Пр-ва, излагая установленную в Республике налоговую систему, отмечал, что

«отсутствие устойчивого бумажного денежного знака, хождение золотой и серебряной монеты вместо кредитных билетов, крайний недостаток этого валютного фонда, все время при том утекающего за-границу, — при общей материальной разрухе и мизерных доходах, — все это создавало и создает такое положение, что ведомства буквально едва перебивались от месяца к месяцу. — По его мнению наряду с сокращением расходов, введением налогов, — одной из мер к упорядочению финансового положения Республики должно явиться урегулирование денежного обращения, что достигается созданием Дальбанка, который может сыграть крупную роль в деле финансового возрождения края. Он же впоследствии имеет в виду выпуск бумажных денежных знаков».[2])

---

[1]) Газ. «Д. В. Телеграф» № 179, от 12-го марта 1922 года. г. Чита.
[2]) Ст. Д. Шилова, газ. «Д. В. Путь» № 166, от 25 июня 1922 г. г. Чита.

Предположенные к выпуску «Банковые билеты» Дальбанка.

В течение 1922 г. Дальбанк проделал большую работу по осуществлению своего права эмиссии.

Вопрос о предстоящем выпуске банкнот был согласован с правительством Д. В. Р., а также с Народным Комиссаром Финансов и Госбанком РСФСР.

На усмотрение Пр-ва ДВР был представлен ниже приводимый проэкт закона о предоставлении Банку выпуска банкнот:

«1. Разрешить Банку Д. В. Р. на основании §§ 36—41 его Устава выпустить в обращение банковые билеты достоинством 5, 10, 20 и 50 к. и 1, 3, 5, 10 и 25 рублей на сумму в один миллион рублей.

2. Количество билетов установить . . . . .

3. Порядок изготовления билетов, время и порядок выпуска билетов в обращение (§ 41 Устава Банка) предоставляется установить Правлению Банка, однако, выпуск разрешается не иначе, как при наличии обеспечения, предусмотренного § 36 Уст. Банка.

4. Билеты Банка Д. В. Р. обязательны, наравне с золотою и серебряною монетою, к приему во всех гос. кассах в казенные платежи по их номинальной стоимости.

5. Билеты Банка Д. В. Р. допускаются к приему в залог по казенным подрядам и поставкам, а также по обеспечениям таможенных пошлин и акцизных сборов по их номинальной стоимости.

6. Порядок обмена и уничтожения банк. билетов предоставляется Пр-нию Банка.

7. Образцы билетов предоставлено утвердить Мин. Финансов.

8. Закон ввести в действие по его распубликованию».

Издание закона было предрешено и Банк Д. В. Р. приступил к заготовке своих банкнот.

Но момент предположенного выпуска их совпал с ноябрским 22 г. об'единением ДВР с РСФСР.

(Лицевая сторона).

(Оборотн. сторона).

НЕВЫПУЩЕННЫЕ «Банков. билеты» Дальбанка. 1922 г. г. Чита.
(*Натур. велич. 90 х 50 мм.*).

Новое обстоятельство повлекло за собой пересмотр многих вопросов дальне-восточной экономики, в том числе и вопроса о допустимости местной эмиссии, которая как бы конкурировала с предпринятым Госбанком РСФСР выпуском банкнот—червонцев. Однако Правление Банка Д. В. Р., переименованного в «Дальне-Восточный Банк», не склонно было отказаться от выпуска своих банкнот и в конце 1922 г. вновь возбудило перед Народн. Комисс. Финансов РСФСР вопрос о своей эмиссии.

Доводы Правления Банка сводились к следующему:

Банковые билеты прежде всего в качестве вспомогательного денежного средства могут восполнить тот пробел в этом отношении, которым страдает денежная система Дальнего Востока, и сочетанием металлического и биллонного элементов придать ей ту структуру, которой должна обладать всякая денежная система, построенная на выработанных экономической наукой и проверенных жизнью основных принципах денежного обращения.

Чисто металлическая циркуляция вследствие своей громоздкости представляет значительные технические неудобства, а по своей дороговизне представляется с экономической точки зрения нецелесообразной, а для нашей бедной окраины, какой является Дальний Восток, совершенно недопустимой. Банковые билеты и в этом отношении оказали бы стране незаменимую услугу.

Банковые билеты пополнили бы количество средств обращения, недостаток которых из-за утечки золотой монеты из обращения и медлительности товарообмена на Дальнем Востоке с его огромными расстояниями, редким населением при слабо развитых путях и средствах сообщения, дает себя знать с каждым днем все более и более чувствительным образом и, кроме того, могли бы заменить в обороте золотую монету.

Ближайшим благоприятным результатом выпуска банкнот явилось бы, в наших экономических условиях, устранение количественного недостатка денег, утоление денежного голода.

Выпуск банкнот дал бы возможность сократить количество золотой монеты в обращении до того минимума, который определяется фактическим поддержанием беспрепятственного и непрерывного размена банкнот на золото и производством заграничных рассчетов, часть каковых также могла бы перейти на банкноты, как только они укрепятся во внутреннем деловом обороте.

Выпущенные Дальбанком разменные банкноты, прочно войдя во внутренний оборот, найдут выход и на внешний рынок, что позволило бы нам сократить вывоз за-границу не только золотой монеты, но и золота в слитках, которое могло бы быть, таким образом, использовано центром для возобновления чеканки русской золотой монеты.

...Приложение капитала к разработке естественных рессурсов Дальнего Востока при широком развитии здесь кредита и при урегулировании денежного обращения, могло бы радикально изменить экономическую роль этой окраины, которая вместо дефицита могла бы давать Российскому народному хозяйству значительный чистый доход.

Однако широкое развитие кредита, потребность в котором создается недостатком денежных средств, в свою очередь невозможно при том остром недостатке орудий обращения и капиталов, и при создавшихся условиях возможно лишь путем эмиссии банковых билетов.

Банкноты мыслятся не иначе, как банкноты, разменные на золото. Только при обеспечении непрерывного и беспрепятственного размена банкнот на золото, обусловленного не только наличием достаточного фонда обеспечения, но и выпуском банкнот в количестве, строго ограниченном потребностями денежного обращения, — покупательная сила их может поддерживаться на первоначальном уровне.

В этом отношении Дальний Восток имеет свой собственный интересный и поучительный опыт, которого мы не можем не учитывать.

Мы опасаемся, что такая же судьба может постигнуть и всякие другие неразменные денежные знаки, которые будут выпущены в обращение на Дальнем Востоке, хотя бы и под наименованием банковых билетов или банкнот.

В то же время мы полагаем, что банкноты Дальбанка, будучи фактически разменными и имея поэтому весьма серьезные данные привиться не только во внутреннем обороте, но и на соседних иностранных рынках, могли бы впоследствии проложить путь и банкнотам Госбанка.

Одной из основных задач, возложенных на Дальневосточный Банк законом 7-го марта 1922 г., изданным правительством быв. Дальневосточной Республики, является регулирование денежного обращения и упрочение денежной системы Дальнего Востока.

Рассматривая выпуск банкнот, как одно из наиболее чрезвычайно назревших здесь средств к урегулированию денежного обращения, Правление Дальневосточного Банка с первых же шагов своей деятельности поставило вопрос об эмиссии на практическую почву. Получив принципиальное согласие Наркомфина и Правления Госбанка РСФСР на эмиссию банковых билетов, Правление Банка приняло целый ряд подготовительных мер, которые давали полную возможность приступить уже в настоящее время к фактическому выпуску банковых билетов.

Однако, с изменением политических условий на Дальнем Востоке и с установлением на территории быв. Д. В. Р. Советской власти вопрос о выпуске Дальбанком банкнот встретился с неожиданными препятствиями и в настоящее время находится в стадии пересмотра, принявшего затяжной характер.[1])

Свой доклад Правление Дальбанка заканчивало выражением уверенности, что проэкт выпуска банкнот встретит одобрение и утверждение Наркомфина.

---

[1]) Цитируем в выдержках.

Последний, однако, не нашел возможным одобрить представленный проэкт. Главным препятствием послужила, как указано было выше,—боязнь параллельного обращения на Дальнем Востоке местных банкнот и обще-государственных червонцев.

Последние, являясь временно неразменными, оказались бы на Д. В. в положении худшем, нежели разменные банковые билеты Дальбанка.

Билеты Дальбанка так и не были выпущены.

Бюджет Д.В.Р. Дефицитность бюджета Д. В. Р. все время тяжелыми путами лежала на всех мероприятиях правительства. Опыт прошлого показывал, что даже в условиях мирного времени не было возможности свести без дефицита окраинную смету.

Довоенные доходы и расходы областей, вошедших в состав Д.В.Р., составляли:

	В миллионах рублей		
	Доходы.	Расходы.	Дефицит.
По *Забайкальской* области	10,0	44,0	34,0
„ *Амурской* и *Приморской* обл.	16,9	95,7	78,8
Итого	26,9	139,7	112,8

Следовательно, доходы составляли лишь 19% суммы расходов и последние покрывались за счет ассигнований центра.[1])

Нет ничего удивительного в том, что не удавалось свести бюджет без дефицита и Д.В.Р., унаследовавшей разруху, денежный кризис и общее обеднение.

Доходы и расходы Д.В.Р. дают следующие цифры (*в золотом рубле*, причем указаны *только* доходы и расходы в монете, разл. бумажные деньги не приняты во внимание).[2])

Год.	Доходы.	Расходы.	Дефицитная сумма.	% по отнош. к расход.
1921	1.864.070	8.755.595	6.891.525	79,0
1922	15.056.000	26.788.000	11.732.000	42,0
Итого	16.920.070	35.543.595	18.623.525	

Как видим, два года существования Д.В.Р. обошлись более, чем в 18,6 милл. зол. руб. Сумма эта почти полностью была покрыта, как и прежде, дотациями центра.

---

1) См. «Прибайкальский Календарь» стр. 33. г. Верхнеудинск. 1922 г.

2) См. Сборник под. ред. С. Ф. Суховия.—«Советский Дальний Восток». г. Чита. 1923 г.

Фактические расходы Д.В.Р. превышали сметные предположения, так, например, общие расходы государства на 1922 г. Министерство Финансов определяло в сумме 22 милл. руб., т. е. по 11,9 руб. на каждого жителя Д.В.Р. Доходы же исчисляло в сумме 15 милл. руб. Дефицит ожидался в сумме — 7 милл. руб. Фактически же дефицит за 1922 г., как указано выше, превысил 11,7 милл. руб.

Сами ожидаемые доходы в значительной степени носили ирреальный характер, так, напр., из общей суммы ожидаемого в течение 1922 г. дохода по Мин. Транспорта—7.775 тыс. руб. предполагалось денежных поступлений всего лишь 2.700 тыс. руб., остальную же сумму — 5.075 тыс. руб. составляли воинские и хозяйственные перевозки.[1]) Значительную часть расходов, почти половину общей суммы их, составляли расходы по содержанию армии и ведению военных действий.

Приведенные краткие справки в полной мере дают об'яснение тому тяжелому финансовому положению, в котором оказалась Д.В.Р. к концу второго года своего существования.

Вне дотаций из вне—от Москвы—не мыслимо было само существование окраинной Республики и происшедшее в ноябре 1922 г. об'единение ее с РСФСР, по существу, с точки зрения бюджета не внесло ничего нового.

Новое заключалось в тех методах и мероприятиях, которые были предприняты в последующем—в направлении перехода ден. хозяйства Д. В. области на обще-советские начала. К этому вопросу мы вернемся в особой главе, предварительно же необходимо остановиться на судьбе российских денежных знаков на соседних рынках Сев. Маньчжурии и Китая. Уяснив себе сложившуюся там кон'юнктуру к моменту завершения об'единения областей Дальнего Востока, легче будет уяснить то положение, в котором очутились эти области и их ден. рынок в новом окружении иностранной валюты.

ГЛАВА IX.

Русский рубль в Сев. Маньчжурии и Китае.

Памятка событий. Торговые взаимоотношения России и Китая, а следовательно и их валютно-расчетные операции насчитывают уже более чем двухсотлетнюю давность. 27-го августа 1689 г. в г. Нерчинске был заключен первый договор, который вообще когда либо имел место между Китаем и иностранным государством. Договор этот предоставлял право подданным обоих государств «приезжать и уезжать по

[1]) См. газ. «Д.-В. Телеграф» № 315, от 27 августа 22 г. г. Чита.

своим частным делам и вести торговлю». Второй traite de paix был заключен в Кяхте 24 октября 1724 г. и оставался в силе по 1858 г., явившись, как пишет один из исследователей, «одним из самых долговечных договоров в истории документов». Этим договором вновь определялись границы государств и Россия получала право посылать один раз в три года торговую экспедицию в Пекин. Дополнительное положение, регулирующее торговлю в Кяхте и постоянные торговые сношения между русскими и китайцами, было подписано в 1792 г.[1])

В 1896 г. было заключено соглашение о постройке и эксплоатации Кит. Вост. ж. д., включая в эту сеть и участок Чань-чунь—Порт-Артур и Дальний. Участок этот позднее—в 1905 году по Портсмутскому договору отошел от России к Японии и получил наименование Южно-Маньчжурской жел. дор.

С самого начала постройки КВжд Россия фактически осуществляла независимое администрирование полосы отчуждения, представлявшей наиболее населенную и обработанную часть Сев. Маньчжурии.

Положение это с некоторыми изменениями, предусмотренными Пекинским соглашением, сохраняло силу до 1920 г.

Годы революции 1917—1919 г.г. проходили в полосе отчуждения достаточно бурно, но происходившие «сдвиги» касались лишь русской администрации и общественности, не затрагивая русско-китайских взаимоотношений.

За эти годы центр Сев. Маньчжурии—г. Харбин явился городом, «давшим» Омску — адм. Колчака, Чите — атам. Семенова и приютившим разнородные «комитеты» политических прожектерств.

После падения связи с центром в июле 1918 г. Управляющий КВжд ген. Хорват провозгласил себя Верховным Правителем России, но вскоре же подчинился Вр. Сиб. Правительству, а позднее Вр. Российскому Правительству адм. Колчака, продолжая относить свои прежние функции по управлению дорогой. Вскоре после падения власти адм. Колчака в январе 1920 г. демократическ. организации полосы отчуждения КВжд сделали попытку взять административную власть в полосе отчуждения в свои руки. Попытка эта не увенчалась успехом.

19 марта 20 г. в полосу отчуждения были введены китайские войска и с этого момента начинается эпоха постоянной китаизации административных органов полосы отчуждения.

С изданием 23 сентября 1920 г. декрета Президента Китайской Республики об упразднении старых царских посольства и консульств и с изданием дополнительных декретов о лишении русских граждан прав экстерриториальности, — были

---

[1]) См. труд д-ра межд. права Дяо—«Положение иностранцев в Китае», стр. 5 журнал «Вестник Азии» № 46, 1918 г.

упразднены и расформированы русский суд, полиция, войсковые части и др. учреждения.

...В прошлом торговые сношения России и Китая расчетной единицей имели серебро.

В последние десятилетия, особенно за годы войны, расчет по закупке чаев на юге Китая понемногу стал переходить на западно-европейскую валюту — фунты стерлингов. Монгольские заготовки хотя и сохранили базой серебро, но фактически в значительной степени были переведены на российскую монету и даже кредитные билеты, принимавшиеся более охотно, нежели металлическая монета или слитковое серебро.[1])

Но наиболее значительным пунктом установления котировки российских кредитных билетов — на протяжении всех лет войны и революции необходимо признать район полосы отчуждения КВжд, в частности рынок г. Харбина.

Конечно, устанавливаемая здесь котировка русского рубля также являлась отражением котировки его на мировых рынках, но тем не менее по отношению к рынкам внутреннего Китая именно Сев. Маньчжурия устанавливала свою расценку, так как именно она была фактическим потребителем русского рубля.

К исследованию, главным образом, этого рынка мы в дальнейшем и перейдем.

Одновременно с упрочением с начала 900-х годов русского влияния в районе полосы отчуждения К. В. ж. д., упрочивавшегося по мере постройки и развития эксплоатации жел. дороги,—укреплялось и положение русского рубля, т. е., иначе говоря, тех знаков металлических и бумажных, которыми он был представлен.

Рубль в золотой или серебряной монете расценивался рынком одинаково с рублем в государственных кредитных билетах. Наблюдалось, как это имело место в Монголии, что туземное население предпочитало бумажный денежный знак монете: во-первых, по причине большей портативности «бумажек», а во-вторых, вследствие имевшей место подделки металлической монеты в большем количестве, нежели кредитных билетов.

Так было до войны.

Война нарушила былые соотношения как внутри страны, так и вне.

Еще в первые дни войны, в целях сохранения и сосредоточения в пределах Государства и у самого Государства золотого запаса, в июне 1914 года приостановлен был размен кредитных билетов на золото.

---

[1]) См. И. Майский—«Современная Монголия», стр. 177. Иркутск. 1921 г.

Позже введен был разрешительный порядок сделок на золото и воспрещен вывоз, как золота, так и денежных знаков из пределов Государства.

Законы и постановления по этому вопросу варьировались, но тенденция оставалась все та же и выявлялась в соответствующих актах, как Российского Императорского, так и Всероссийского Временного (Керенского), а затем и Сибирского и Временного Российского Правительств и органов местной власти—вплоть до приморского командования войсками в лице ген. Розанова.

Подробнее мы останавливались уже на этом вопросе в начале книги.

Как мы там уже отметили — обязательное постановление № 54, изданное в ноябре 1919 года ген. Розановым, оставляло вопрос о денежно-валютном обороте столь же далеким от разрешения, каким он был и ранее.

Одновременно, пожиная лишь выгоды войны, Япония укрепляла свой денежный знак и паритетное соотношение иены и рубля—96,86 к 100—уже со второго года войны стало изменяться в пользу иены.

Во Владивостоке уже к январю 1916 года курс иены на кредитные рубли достиг 1 руб. 75 коп., к январю 1917 года — 1 р. 77 коп.

Рынок Харбина в 1917—1918 годах.

Примерно на этом же уровне держался курс и в Харбине, где в январе 1917 г. иена на кредитные билеты расценивалась рынком в 1 р. 83 к.

И во Владивостоке и в Харбине к месяцу Русской Февральской Революции курс иены возрастает до 1 р. 84 коп. на кредитные билеты и с этого момента начинается неуклонное падение курса российских кредитных билетов.

В течение всего марта курс рубля на Д. Востоке оставался без изменения, некоторое колебание имело место в начале апреля, а затем—со второй половины апреля—обнаружилась тенденция к падению курса.

Курс кредитного рубля упал до 2.30 за иену к концу апреля и до 2.95—к концу мая. Несколько приостанавливаясь в процессе падения в июне и сентябре, что Харбинский Биржевой Комитет склонен об'яснить попытками укрепить власть в Петрограде, рубль—за пять дней сентября—с 8-го по 13-ое падает с 3.50 до 4.30 за иену. Октябрские дни понижают его за период с 1-го по 26-ое с 4.20 до 5.80 за иену, а в течение первых же четырех дней Октябрского переворота рынок Харбина реагирует новым понижением с 5.80 до 9 рублей за иену; этот курс и закрепился за рублем на Харбинском рынке до конца 1917 года.

Та же тенденция, но с меньшими скачками, обнаружилась и по отношению к китайской валюте: с 1200 рублей за 100 лан— в начале октября, курс упал к концу года до 2140 рублей.

Для уяснения себе надвигавшегося на Харбин денежного кризиса, повлекшего за собой полное устранение с рынка русской денежной единицы,—необходимо не забывать того обстоятельства, что в административном и международном отношении Харбин все время находился в положении весьма двойственном.

Упомянутые нами выше законы 1914 года и последующие о воспрещении денежных переводов за-границу, как будто бы, не относились к денежным трассировкам на Харбин.

Во всяком случае филиалы российских банков, находившиеся в Харбине, получали и чем дальше, тем все большее количество платежных поручений и в оплате их им никто не чинил препятствий.

Харбин, еще в период войны, а позже и в первый период Революции явился, как бы амбразурой для всей России, легально и беспрепятственно обходившей законы и постановления центрального правительства.

Последнее подкрепление центром единственного в то время банковского учреждения в Харбине—Русско-Азиатского Банка, относившего функции и Государственного Банка и Гос. Казначейства—получено было из Петрограда в 1917 году, в сумме около десяти миллионов романовскими.

При оборотах того времени, особенно в силу отмеченного уже нами обстоятельства—нахлынувшим на Харбин переводным поручениям,—сумма эта являлась весьма незначительной и рынок сразу же остро стал ощущать недостаток денежных знаков.

Иностранцы, особенно китайцы, получая в свое распоряжение русские кредитные билеты, фактически убирали их с рынка, вбирая в фуцзядянский оборот или в банки внутрь Китая. Отчет Харбинской Биржи за 1917 г. склонен определить сумму утечки русских денежных знаков в Фуцзядян[1]) в течеиние июня 1917 г. до 2 миллионов рублей *ежедневно*.

Местные торгово-промышленные круги начали приходить к выводу о необходимости введения в местное денежное обращение суррогатов. 17 июня 1917 г. Особое Совещание при Харбинской Бирже, обсудив создавшееся положение, постановило:

1. Предложить банкам обсудить техническую возможность выпуска бон или чеков;

2. Платежи, причитающиеся дороге, рекомендовать взимать при отправках;

3. Рекомендовать развить отправку грузов — преимущественно европейцами.

---

[1]) Китайск. город возле Харбина, но вне зоны полосы отчуждения К. В. ж. д.

Между тем Китайская Восточная жел. дорога также стала испытывать недостаток денежных знаков.

Общий темп перевозок, в связи с общероссийским положением, был нарушен, расходы неуклонно возрастали, а доходность понижалась, как по указанным причинам—эксплоатационного порядка, так и в силу падения курса поступавших в кассу дороги кредитных рублей.

9 июня 1917 г. циркулярной телеграммой за № 2619 управляющий К. В. ж. д.—ген. Хорват об'явил по линии о распоряжении Министра Путей Сообщения об увеличении значительной категории железнодорожных тарифов на 50%. Но увеличение тарифов коснулось лишь той части их, которая причиталась российским, в том числе — Уссурийской жел. дороги. Ставки Восточно-Китайской оставались прежними, между тем, ее положение было не лучшим.

И вот дополнительной телеграммой Управляющего дорогой № 2629 от 10 июня 1917 г. сообщается по линии, что вследствие полученной раз'яснительной телеграммы Правления дороги с 10 июня подлежат увеличению тарифы и Восточной Кит. жел. дороги, а именно: пассажирские и багажные—в полтора раза, а грузовые— в три раза.

Но падение стоимости кредитного рубля неуклонно продолжалось, и в погоне за реальной рыночной стоимостью его, 15-го июня того же—1917 г. телеграммой № 3052, Управление К. В. ж. д., в соответствии с полученным из Петрограда указанием своего Правления, вновь увеличило на 50% действовавшие к тому моменту (т.-е. уже увеличенные) багажный и пассажирский тарифы и *вдвое*—грузовые местного сообщения, за исключением некоторых категорий грузов. Грузовые тарифы русско-китайского сообщения в ввозном и вывозном направлениях увеличивались—*втрое*.

Но и это, как увидим ниже, устроило дорогу лишь на непродолжительное время.

В поисках радикального разрешения денежного кризиса, дорога остановила мысль на выпуске своих местных бон.

Повторное Совещание на Бирже 22 июля того же года выяснило, что К. В. ж. д. испытывает недостаток в средствах и дорога вынуждена будет выпустить свои боны, в качестве местной платежной единицы. Впредь до этого, как паллиативная мера, дорогой вводился прием, наравне с денежными знаками, серий Гос. Казначейства.

Совещание при Бирже, полагая, что увеличение перевозок естественно вызовет приток в кассу жел. дор. денежных знаков, постановило:

1) Просить увеличить подачу вагонов для экспортных грузов, оказывая предпочтение русским гражданам. 2) По вопро-

су о выпуске денежных знаков образовать совещание с управляющим дорогой. 3) Созвать совещание с представителями китайских банков, с целью убедить их—восстановить свободный прием серий. 4) В этих же целях издать брошюры на китайском языке, об'ясняющие выгодность серий.

Конечно, все эти, также паллиативного характера меры, при общей дезорганизации денежного обращения в стране,—результата не дали и положение продолжало оставаться прежним.

Политический агент Русско-Азиатского Банка в Пекине—Л. В. фон-Гойер в ответ на сообщение отделения своего банка о создавшихся условиях, дал заверение, что после предпринятых им шагов, японский Министр Финансов, бывший главный директор Чосен Банка, отдал распоряжение последнему оказывать содействие Русско-Азиатскому Банку в деле устранения денежного кризиса. Подобные же инструкции должен был получить и Спеши Банк в Харбине.

Но, как констатирует отчет Биржевого Комитета за 1917 год, помощь иностранных банков явилась недостаточной, кроме того практикуя скупку рублей, они сами ухудшали, а не улучшали положение.

Создавшееся в Харбине положение подвергнуто было обсуждению на Московском с'езде биржевых деятелей под председательством т-ща Министра Торговли и Промышленности—25 сентября 1917 г. В результате постановлено было учредить при Харбинской Бирже валютную комиссию.

Но реального результата не было: как и прежде, подкреплений из центра не поступало.

Денежный кризис нарушал общий ход жизни.

По вопросу о затруднениях с денежными знаками, в Пекине, в помещении Русско-Азиатского Банка, в ноябре 1917 г. состоялось особое совещание представителей Русского посольства в Китае: кн. Н. А. Кудашева и В. В. Граве, представителей Вост. Кит. ж. д.—П. А. Чистякова, Р. М. Зарина и представителей Русско-Азиатского Банка—Н. А. Коновалова, Л. В. фон-Гойера, гр. Езерского и др. На совещании этом были высказаны следующие соображения: установление твердых цен на продукты в Харбине не может иметь применения, так как продукты сразу же уйдут из под контроля. Приобретение валюты на рубли к концу года стало почти невозможным. Рубль стал терять свое значение в денежном обращении Маньчжурии и постепенно вытесняется др. местными валютами. Иена, вводимая по неуклонно-проводимой Ю. М. ж. д. схеме, угрожает полным вытеснением рубля.

Пекинское совещание пришло к следующим выводам:

1) Переход К.В.ж.д. на серебряную валюту признается преждевременным. Учитывая опасность дальнейшего падения курса рубля и возможность окончательного вытеснения его из торгового оборота Маньчжурии, совещание рекомендует К. В. ж. д. в целях сокращения про-

изводимого покрытия эксплоатационных расходов ввозом кредитных рублей,—перестроить тарифные расчеты ж. д. по перевозкам пассажиров и грузов (в первую очередь заграничными потребителями) на основании курсовой *расценки зол. рубля,* устанавливаемой по соглашению К. В. ж. д. с Р.-А. Банком. *Такая система,* по мнению совещания, *представит для ж. д. наиболее удобный* (в формальном отношении) *способ увеличения тарифов и облегчит переход К. В. ж. д.* на непосредственные *расчеты в иностранной валюте,* в случае полного обесценения рубля в Маньчжурии.

2) В виду недостатка мелких денежных знаков в Маньчжурии,—Совещание *признает желательным выпуск бон Р. Аз. Банком и К. В. ж. д.* совместно. Осуществимость этой меры подлежит обсуждению самими названными учреждениями.

3) По выяснению политического положения России—Совещание должно собраться вновь для более широкого освещения затронутых вопросов.

Между тем прекращение денежных подкреплений из России повело к тому, что постепенно с рынка исчезали и выпущенные в обращение серии. В конце года в обращении появились казначейские знаки в 20 и 40 руб., «керенки», а также кредитные билеты нового образца 1917 г. в 250 и 1000 руб., «керенские» или «думские», «зеленые». Но и они не могли удовлетворить спрос рынка на денежные знаки, и с декабря 1917 г. Банк вынужден был ввести ограничительные выдачи с текущих счетов.

Первые суррогаты— «акцептованные переводные билеты на себя» Р.-Аз. Банка.

Выпуск банкнот Русско - Азиатским Банком встретил формальные препятствия, проистекшие вследствие все той же неопределенности в международном положении Харбина. Выпуск банкнот уставом был предоставлен лишь заграничным отделениям Банка, Харбинское Отделение не было включено в эту категорию и тем самым устав не позволял произвести выпуск своих бон.

Переводный Билетъ

По предъявленіи сего благоволите заплатить

Рублей

и поставьте въ счетъ

при увѣдомленіи

Русско-Китайскій Банкъ

Русско-Китайскій Банкъ — Banque Russo-Chinoise

№ #9652

Акцептованные «перев. билеты на себя» Р.-Аз. Банка. гор. Харбин. 1917 г. (*Натур. величина 230 х 141 мм.*)

В поисках приближения устава к требованиям рынка— Русско-Азиатский Банк в Харбине, испытывавший, в связи с

нахлынувшими переводами из России, большое затруднение в денежных знаках, в августе 1917 года пришел к мысли выпустить в денежный оборот свои же, на самих себя, переводные билеты. Билеты эти, выполнявшие роль, как бы, акцептованных чеков, что имело место в других районах,—выдавались вместо денежных знаков как получателям переводов, так и другим клиентам Банка.

Доверие, которым пользовался Банк, упрочало спрос на эти переводные билеты и они охотно принимались клиентурой. Круг обращения их был довольно значителен, так как их принимала в платежи и К. В. ж. д. Выписаны они были в сумме 500, 1000, 2000, 3000 и 5000 руб. Выпущено в обращение этих переводн. билетов было на сумму более 1 милл. рублей.

Особенного значения все же выпуск их не имел и они появлялись на рынке всего лишь в течение двух-трех месяцев— VIII-X 1917 года.

Колебание курса рубля.

Как мы уже отметили, курс русского кредитного рубля в течение 1917 г. претерпел значительное понижательное колебание: с перебоями, промедлением в падении и новым стремительным падением, он с 1 р. 83 коп. за иену понизился к декабрю месяцу до 8 р. 60 к., т. е. иначе говоря ухудшился в 4,7 раза. Средний годовой курс иены на кредитные рубли за 1917 год составил—3 р. 76 коп.

Курс кредитного рубля на золотой понизился с 1 р. 89 к. —в январе до 8 р. 95 к. к концу года.

Падение в 1917 г. покупательной силы кредитного рубля станет очевидным из приводимой ниже сравнительной таблицы цен на несколько главных продуктов сельского хозяйства и промышленности Маньчжурии.

Дабы не загромоздить книгу таблицами, мы приведем лишь *июльские* цены за четыре года. Цены этого месяца наиболее показательны, так как они не были подвержены еще влиянию случайных обстоятельств, обычно происходивших поздней осенью или ранней весной.

Таблица

движения цен в Харбине (*в кредитных билетах*) в июле месяце:

Наименование	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.
Пшеница . .	0,67	0.45	0.92	1.10
Мука 1-ый сорт	8.00	10.70	14.50	22.00
Спирт	2.60	1.94	7.92	10.00
Мясо	4.70	5.50	5.95	9.53
Ср. по этим 4 продук.	15.97	18.59	29.30	42.63

Как видим, уже к июлю 1917 года курс кредитного рубля понизился почти в три раза по отношению к довоенному своему положению на рынке Маньчжурии.[1])

Побуждаемая падением курса рубля Кит. Вост. жел. дорога вынуждена была вновь, в поисках эквивалента прежних тарифных ставок, прибегнуть к пересмотру тарифов.

Вновь вводился коэффициент, на который надлежало умножать прежние ставки, чем обходилась необходимость принимать кредитные рубли по курсу их на золотую монету.

В декабре 1917 г. ген. Хорват издал следующее распоряжение: „ввиду крайнего вздорожания эксплоатационных расходов дороги, предлагаю с 19 сего декабря все тарифы К. В. ж.д. и дополнительные сборы, как рассчитанные ранее в золотой валюте, увеличить впредь до изменения в семь раз при оплате русскими кредитными знаками в соответствии с понижением курса кредитного рубля на местных рынках“.[2]) Вместе с тем отменялись прежние распоряжения от 15 июля и с 19 декабря того же года, восстанавливались нормальные тарифы, действовавшие ранее до их июньского повышения. Впредь „надлежало руководствоваться нормальными тарифами, помножая их на семь“.

Это распоряжение Управления К. В. ж. д. впервые вводило формальное разграничение курсов золотого и кредитного рубля и по существу являлось предтечей, приобретшего широкую известность, приказа № 212, появившегося почти два года спустя. Декабрьское 1917 г. постановление К. В. ж. д., фиксирующее падение стоимости кредитного рубля всего лишь в семь раз, хотя и было, как будто бы, благоприятным по отношению к кредитному рублю, фактически понизившемуся в цене более чем в восемь с половиной раз, по существу—до некоторой степени, явилось стимулом дальнейшего понижения рынком курса кредитного рубля, что находило формальное оправдание в указанном распоряжении Управления дороги.

1918 год дал некоторое улучшение положения.

Возобновившееся подкрепление центром Д. Востока денежными знаками, почти исключительно керенскими, несколько облегчило денежный кризис. Одновременно улучшается транзит на Запад, рынок потребления расширяется и русский кредитный рубль несколько крепнет: иена с 7 р. 70 к.—в январе 1918 года понижается до 6 р. 40 к.—в феврале, до 4 р 11к. —в марте, 3 р. 47 к.—в апреле. Затем новый—волжский разрыв общения с центром вызывает новый перелом в курсе рубля на Д. Востоке: в мае иена повышается до 4 р. 58 к. За

[1]) Соотношение таблицы отражает не только изменение курса, но и изменение самых цен.

[2]) Циркулярная телеграмма „Н“ от 13 декабря 1917 г. № 5126.

период пяти последующих месяцев курс на иену колебался в пределах — 5.80—5.65 рубл.

Осенние события 1918 г. в Сибири, интервентская волна, вызванный этим оптимизм определенных кругов, а главное, связанное с оживлением фронта—оживление торговой жизни, вновь улучшают курс рубля: иена с 5 р. 65 к.—в октябре понижается до 4 р. 06 к.—в ноябре и до 4 р. 86 к.—в декабре. Но все же, средний годовой курс иены за 1918 г. составил 5 р. 32 к., т. е. ухудшился более чем на 41% по отношению к предшествовавшему 1917 г.

Это же соотношение имело место по отношению к курсу кредитных билетов на золотой рубль: средний курс 1917 г. на золотой рубль—3 р. 83 к. кредитными билетами понизился в 1918 г. до 5 р. 51 к., т. е. также упал, приблизительно, на 43%.

1919 год.

В своем отчете за 1919 г. Харбинская Биржа справедливо делит события и состояние рынка в 1919 г. на три периода.

Начало года совпадает со стремительным движением товаров на Сибирь, курс рубля достаточно устойчив и высок. Начиная с Пасхи—второй период—обнаруживается финансовая неустойчивость государственности. Происходит резкое падение курса рубля.

С осени—третий период — период спекуляции, — стремительного падения курса рубля, приостановки сделок на Сибирь.

Конец года знаменуется падением Омской Государственности, что вместе с тем предрешало и судьбу выпущенных в Сибири денежных знаков.

Недостаток денежных знаков. Некоторое облегчение, происшедшее на денежном рынке вследствие имевших место в 1919 г. подкреплений «керенскими» и «керенками», к концу года сменилось почти полным исчезновением с рынка денежных знаков. Денежный кризис сказывался на железной дороге и на всей хозяйственной жизни района.

18-19 апреля 1919 г., по инициативе Биржевого Комитета, состоялось многолюдное, привлекшее свыше 1000 человек и продолжавшееся два дня, собрание торгово-промышленников, вынесшее следующую резолюцию:

1) Поручить Биржевому Комитету ходатайствовать перед Управлением К. В. ж. д. и вступить в переговоры с местными русскими банками о беспрепятственном приеме кассами дороги и названных банков казначейских знаков и обязательств Российского Правительства наравне с российскими кредитными билетами.

Ходатайствовать перед Главноначальствующим Полосы Отчуждения К. В. ж. д. о закрытии спекулятивных бирж и о запрещении сборищ на улицах для спекуляции и операции менялам как в Новом Городе, так и на Пристани.

Настаивать перед Правлением Общества К. В. ж. д., чтобы были приняты самые энергичные меры к усилению экспорта из Маньчжурии вообще, и в особенности — на Эгершельд.

2) Поручить Харбинскому Биржевому Комитету ходатайствовать перед правительством: а) выслать для обмена керенок в Полосе Отчуждения К. В. ж. д. денежные знаки Российского Правительства, в сумме 15.000.000 рублей, в количествах: 5 р.—2 м. р., 10 р.—3 м. р., 25 р.—5 м. р., 50 р.—5 м. р. и б) разрешить Русско-Азиатскому Банку дополнительно выпустить свои боны на сумму в 20.000.000 рублей.

Просить Главноначальствующего Полосы Отчуждения К. В. ж. д. ген. Плешкова переговорить с Даоинем[1]) об издании обращения к китайскому населению г. г. Харбина и Фуцзядяна с раз'яснением денежных реформ.

Как сообщает отчет Биржи, означенные постановления были направлены почтой и по телеграфу: Председателю Совета Министров, Министру Финансов, Министру Торговли, ген. Хорвату и в Совет С'ездов Торговли и Промышленности. Однако, практического результата кроме того, что дорога через несколько дней стала принимать сибирские деньги в свои кассы, что в то время было уже значительной победой общественности, не получилось.

Нужда в денежных знаках не могла быть удовлетворенной скудными подкреплениями сибирскими обязательствами, направлявшимися из Омска.

В поисках хотя бы паллиативного разрешения денежного кризиса, рынок вступил на путь выпуска суррогатов.

Начало этому было положено Русско-Азиатским Банком, «эмиссия» коего явилась наиболее значительной.

Боны Русско-Азиатского Банка, так наз. «Хорватовки». Зародившаяся еще ранее идея выпуска бон Русско-Азиатским Банком совместно с К. В. ж. д. не была оставлена Банком.

После Харбинских и Пекинских Совещаний 1917 года Банк неоднократно обсуждал возможность выпуска своих банкнот.

Проезжавший в начале 1918 года через Харбин председатель Правления Банка—А. И. Путилов отнесся к предположенному выпуску вполне положительно и по приезде в Шанхай совместно с дирекцией азиатских отделений Русско-Азиатского Банка окончательно разрешил вопрос о выпуске Банком своих бон.

По согласовании вопроса о выпуске с Управлением К. В. ж. д., в средине 1918 г. Русско-Азиатским Банком было заказано в Америке у известной фирмы по изготовлению банкнот «American Bank Note Company» бон на сумму 20 миллионов рублей.

Из них достоинст. в 100 рублей . .	на сумму	12.000.000 р.
„ „ 50 копеек . . .	„ „	500.000 р.
„ „ 1, 3 и 10 руб.	„ „	7.500.000 р.

Техника выпуска была поручена Харбинскому Отделению Банка, куда заготовленные боны и поступили к концу 1918 г.

[1]) Китайским губернатором.

Помимо помещенных на бонах в 1, 3, 10 и 100 рублей подписей Председателя Правления Банка—А. И. Путилова и Управляющего К. В. ж. д. — ген. Хорват, боны, уже в самом Харбине штемпелевались, литографским способом, подписью Управляющего Харбинским Отделением Банка — И. К. Пименова, с каковой целью в помещении самого Банка были установлены две машины. Не грифовались этой подписью лишь боны в 50 копеек.

Боны достоинством в 100 рублей, помимо указанных трех подписей, снабжались еще собственноручной подписью, чернилами, одного из доверенных Р.-Азиатского Банка: г.г. С. О. Волкова, Н. Н. Павлова, Б. М. Попова, М. Ф. Матеуса, С. А. Тюленева, В. В. Химикуса.

Этим лицам пришлось собственноручно подписать 120 тысяч экз. бон достоинством в 100 рублей. Работа потребовала более двух месяцев времени.

Бон Русско-Аз. Банка. г. Харбин. 1919 г.
Оборотная сторона.
(*Натур. велич. 172 х 93 мм.*)

Лишь между 15-20 декабря 1918 года первые боны были заприходованы в кассу Банка и были зачислены на особый счет.

Боны всех достоинств занумерованы особым для каждого купюра порядковым нумером.

Бонам Русско-Азиатского Банка, получившим широкое распространение и охотно принимавшимся рынком, было дано на рынке наименование «хорватовских».

Постановление Кит. Вост. ж. дороги о выпуске Банком, по соглашению с дорогой, своих бон последовало в январе 1919 г.

Дорогой был опубликован нижеследующий

Приказ № 7.

Января 13-го дня 1919 года.

По Китайской Восточной железной дороге о выпуске Русско-Азиатским Банком бон.

Недостаток мелких кредитных билетов в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, ставивший банки, Управление дороги, торговые предприятия и проч. учреждения, а также и все население в затруднительное положение при денежных расчетах, привел к необходимости Русско-Азиатский Банк, по соглашению с Управлением дороги, выпустить разменные боны—50 к., 1 р., 3 р., 10 р. и 100 р. достоинства.

Означенные боны предназначены к обращению в пределах полосы отчуждения К. В. ж. д. наравне с государственными кредитными билетами образцов, выпущенных до 1917 г. включительно.

Прием платежей этими бонами, обмен и размен их на государственные кредитные билеты производится беспрепятственно в отделениях Русско-Азиатского Банка в Харбине, Маньчжурии, Хайларе и Куаньченцзы.

Об'являя об этом, предлагаю:

1) Принимать означенные боны в кассы дороги беспрепятственно и без ограничения суммы в уплату сборов дороги и проч. взносов.

2) Производить, по возможности, беспрепятственный размен бон при производстве платежей на государственные кредитные билеты и обратно.

Основания выпуска подробно изложены в рассылаемых при сем плакатах, каковые надлежит вывесить на видных местах при кассах, для осведомления публики. *Вр. Управляющий дорогою В. Лачинов Главный Бухгалтер Н. Астахов*».

Бон Русско-Аз. Банка. г. Харбин. 1919 г.
(*Натур. величина 47 х 81 мм.*)

Исполнены боны очень тщательно и качество их вполне гарантирует от подделки.

На лицевой стороне, помимо приведенных выше подписей, значится указание о достоинстве бона и нумер и напечатано: «Русско-Азиатский Банк. Харбин. Настоящий бон принимается во всех кассах К. В. жел. дороги, равно как в отделениях Р.-Азиатского Банка в Харбине, Хайларе и Куаньченцзы, наравне с государственными кредитными билетами образцов, находящихся в обращении до 1917 года включительно. Подделка преследуется законом». На оборотной стороне цифрами и прописью указано достоинство бона и напечатано: «Русско-Азиатский Банк. Харбин» и изображен поезд с паровозом с дымящейся трубою.

Бон Русско-Аз. Банка. г. Харбин. 1919 г.
(*Натур. величина 124 х 77 мм.*)

На бонах в 50 копеек подписи Хорвата и Путилова напечатаны на оборотной стороне.

Спрос на боны был большой, выпускались они Банком крайне осторожно, небольшим партиями, а под конец — в течение второй половины 1919 года — Банк выпускал их лишь по особому — каждый раз — разрешению лиц высшей администрации Банка.

Надлежит обратить внимание, что понимая, что выпуск бон может быть истолкован как нарушение устава Банка, — Банк и его руководители пожелали внешне, как бы, устранить признаки кредитной операции от своего мероприятия по выпуску бон.

Последние не были обеспечены в требуемой пропорции металлом и не являлись обязательными к приему, но вместе с тем на них отсутствовала и надпись — обязательство Банка производить размен их на какие-либо другие денежные знаки. Приведенная выше надпись на боне говорит лишь о том, что «настоящий бон *принимается* кассами отделений Банка и жел. дор.

наравне с государственными кредитными билетами образца до 1917 года включительно».

Как видим, текст самих бон отнюдь не соответствует обещанию приказа № 7 об «обмене и размене бон на государственные кредитные билеты». Банк оказался осторожнее железной дороги, хотя тот же приказ № 7 тоже достаточно осторожно предлагал кассам дороги «производить, *по возможности*, беспрепятственный размен бон».

На практике — обмен своих бон Банк производил только на зеленые—«керенские» ден. знаки и лишь разницу—рубли, не умещавшиеся в керенские кредитные в 1000 или 250 руб.,— выдавал мелкими романовскими.

Курс на «хорватовские» денежные знаки был установлен рынком почти тождественный с «романовскими», что видно из нижеприводимой справки.

Таблица

среднего курса иены в 1919 г.

	на хорватовские.	на романовские.		на хорватовские.	на романовские.
В июле	8.—	8.—	в октябре	10.95	10.30
„ августе	9.77	9.48	„ ноябре	13.40	12.00
„ сентябр	10.—	10.15	„ декабре	12.40	10.23
Ср. курс иены за II-ое полугодие 1919 г.				10.75	10.19

За 1920 г. средний курс 1 зол. рубля на «романовские» равен был 10 р., а на «хорватовские»—11 рублям.

Возникавший еще в 1919 г. вопрос о дополнительном выпуске «хорватовских» отпал сам собою, после того как к концу года выяснился постепенный перевод жел. дороги своих расчетов на валюту. Начиная с 1920 г. «хорватовские» постепенно стягиваются жел. дорогой в свою кассу и вновь не выпускаются на рынок. Все это производится в естественном порядке, постепенно и без каких-либо особых об'явлений дороги или Банка.

Одновременно дорога устанавливает обязательный курс на эти ден. знаки на золотой рубль и постепенно без шума и протестов отучает смотреть на них, как на действительное платежное средство.

К середине 1920 г. «хорватовскими» денежными знаками рынок перестает интересоваться.

Майский 1920 г. приказ № 170 Управляющего К. В. жел. дор. ограничивает прием в кассы дороги кредитных билетов, не делая исключения и для своих бон.

Впоследствии—на протяжении последних лет—курс хорватовских хотя и фиксировался еще некоторое время биржей, но являлся номинальным, так как сделок на них не происходило.

Наблюдалось иное явление — случайные обстоятельства: слух о том или ином событии, связанном с К. В. ж. д., немедленно вызывал охотников поставить ставку на «хорватовки», так, например, в январе 1924 г. в связи с муссировавшимися слухами о возврате на дорогу ген. Хорвата, началась усиленная скупка «хорватовок»—в чаянии обмена их на валюту.[1])

Позднее—в марте 1924 г. некие владельцы этих бон сделали попытку пред'явить в китайском Окружном Суде Особ. Района Вост. Провинции Китайск. Республ. — иск к Русско-Азиатскому Банку, требуя оплаты имеющихся у них «хорватовок» из расчета—1 руб. зол. за 5 р. хорватовскими.

«Истцы в своем исковом прошении указывают, что они не могут признать за Русско-Азиатском Банком, как за частным кредитным установлением и при том для Китая—иностранном, права выпуска в обращение в Китае денежных знаков.

Боны Банка могут рассматриваться лишь, как частные обязательства Банка, выпущенные в русских денежных знаках.

Истцы считают, что держатели бонов, выпущенных Русско-Азиатским Банком, имеют право требовать возврата им банком денежных знаков той же ценности, которую имели бумажные русские рубли в период выпуска в обращение бонов Банка».[2])

Дело это и по сие время находится в судебном производстве, и на удовлетворение иска расчитывать трудно, но сам факт иска поднял интерес к хорватовским и держатели не проявляли желания расстаться с ними.

Не располагая точными сведениями о количестве возвращенных обратно бон Русско-Азиатского Банка, можно все же полагать, что «эмиссия» эта дала Банку возможность содержать в течение полуторых лет весь свой аппарат и, кроме того, помогла ему сохранить свою валютную наличность, сохранить которую при иных обстоятельствах ему вряд-ли удалось бы.

Боны Ханьдаохедзского Общества Взаимного Кредита.

В еще большей степени, нежели в крупных центрах, сказался денежный кризис в различных пунктах, расположенных вдоль линии железной дороги.

Являясь торговыми центрами местного значения, пункты эти вели оживленные товаро-посреднические и сырьевые операции.

---

[1]) См. журн. «Коммерческий Телеграф» от января 1924 г. г. Харбин.
[2]) См. газ. «Новости Жизни» № 52 от 7-го матра 1924 г. г. Харбин.

Сбалансирование взаиморасчетов и удовлетворение потребностей служащих и населения требовало наличия денежных знаков вообще, мелких — в частности, но к началу 1919 года, как и в Харбине, они совершенно исчезли с рынка.

Установившийся лаж на кредитные билеты «царских» выпусков разных достоинств и сортов, вынуждал особенно ценить и искать знаки высшей котировки, каковыми являлись мелкие «романовские» I-го сорта, т. е. совершенно новые. Но их менее всего сохранилось на рынке.

В целях замены их каким либо условным денежным знаком *Ханьдаохедзское Общество Взаимного Кредита*, находящееся в поселке Ханьдаохецзы при станции Кит. Вост. жел. дор. того же названия, между станциями Пограничной и Харбином, в 255 верстах от последнего, решило выпустить свои боны мелкого достоинства.

В начале 1919 года Обществом было испрошено на этот выпуск разрешение Гражданского Управления при Управлении Кит. Вост. жел. дор. По получении разрешения было заказано и изготовлено бон Общества, достоинством в 1, 3, и 5 рублей на сумму 32.000 рублей.

Как мы указали, боны были изготовлены трех достоинств в 1, 3 и 5 руб. на коричневой литографской сетке, в рамке коричневого цвета—рублевые, зеленого цвета—трехрублевые и синего—пятирублевые.

На простой полукартонной бумаге в форме чека был напечатан—№ бона, литер серии («А», «Б», «В») и далее:

«Ханьдаохедзкое Общество Взаимного Кредита ст. Ханьдаохедзы . . . . рублей. Настоящий бон имеет хождение на ст. Ханьдаохедзы, обменивается на знаки общегосударственные в банке Ханьдаохедзского Общества Взаимного Кредита. Подделка преследуется законом».

Бон Ханьдаохедзского Об-ва Вз. Кредита. 1919 г
(Натур. величина 145 x 82 мм.).

Кроме того имеются подписи и проставленный красной краской штемпель Общества на русском и китайском языках.

Подписи указанных лиц проставлены чернилами от руки.

Выпуск бон состоялся 17-го июня 1919 года.

Всего выпущено было их в обращение на сумму 13.500 рублей.

Об'явлениями, распространенными по поселку, а также особым текстом на обороте бон первых выпусков, Общество заверяло население в том, что «боны обеспечены мелкими рома-

новскими, купюрами до 10 руб. достоинства, хорошего качества и обмениваются в банке Ханьдаохедзского Общества Взаимного Кредита по пред'явлению на неограниченную сумму».

Бон Ханьдаохедзского О-ва Вз. Кредита. 1919 г. (Оборотная сторона).

Местное население отнеслось к выпуску бон благожелательно; первое время они действительно без задержки обменивались на «романовские» хорошего качества и тем, естественно, имели большое преимущество перед другими знаками, особенно появившимися на рынке «сибирскими».

Но так как резерва в мелких романовских в кассе Общества не имелось, то при повторных пред'явлениях бон к обмену Обществу приходилось задерживать обмен, впредь до притока в кассу первосортных романовских. Позже приток «романовских» совершенно прекратился и Общество стало производить обмен своих чеков на «сибзнаки».

Тем самым боны потеряли на рынке всякое значение.

Учитывая это обстоятельство Правление Общества об'явило, что «все выпущенные Обществом боны должны быть представлены в кассу для обмена на сибзнаки до 1-го Сентября 1919 года, после какового срока обмен производиться не будет».

К назначенному сроку было пред'явлено к обмену бон Общества на сумму 11.730 рублей.

Невозвращенная сумма бон—1.770 рублей была Обществом зачислена в покрытие расходов по печатанию бон.

Таким образом, боны имели обращение на местном рынке в течение менее $2^1/_2$ месяцев 1919 г. и, хотя и внесли в первые недели после выпуска некоторое облегчение во взаиморасчетах, но особого значения это не имело, ибо применительно к июньскому 1919 года курсу иены на мелкие романовские в 8 руб. 65 коп., вся «эмиссия» Ханьдаохедзского Общества Взаимного Кредита, в сумме 13.500 рублей, была эквивалентна всего лишь, приблизительно, 1.560 иенам.

Сибирские (омские) обязательства гос. казначейства и казначейские знаки.

С марта 1919 года на Харбинском рынке появляются денежные знаки омского выпуска, так называемые, «сибирские обязательства».

К этому времени омская эмиссия достигла уже трех миллиардов рублей и на Западе—в Сибири—эти знаки постепенно вытесняли знаки прежних выпусков.

С 24-го апреля, после предшествовавших этому длительных переговоров ген. Хорвата с Омским Правительством и после усиленных настояний последнего—Сибирские обязательства начинают приниматься Кит. Вост. железной дорогой, наравне с кредитными билетами прежних выпусков—«романовскими» и «керенскими».

Впервые фиксируемый Биржей в апреле 1919 г. курс «сибирских» показывает, что они вначале были приняты, как будто бы, достаточно благоприятно: средний апрельский курс иены был: на мелкие «романовские»—9 руб., на «керенские»—10 р. 64 к., на «сибирские»—11 р. 96 к.

Но, как увидим ниже, почти сразу же вслед за появлением на харбинском рынке сибзнаков рынок проявил тенденцию к понижению курса их.

Потребовалось вмешательство административных властей для того, чтобы способствовать проникновению омских обязательств в денежный оборот полосы отчуждения.

«Осторожное» отношение к этим обязательствам торгового мира вызвало следующее опубликованное 3-го июня 1919 г. «обязательное постановление № 16 от 31-го мая 1919 года», изданное главноначальствующим в полосе отчуждения Кит. Вост. жел. дор. генералом Плешковым:

«В полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги все, принадлежащие российским гражданам, торговые и промышленные предприятия и все вообще российские граждане обязаны беспрепятственно принимать во все платежи по номинальной цене краткосрочные обязательства Государственного Казначейства и казначейские знаки.

На основании статей 8 и 9 постановления Временного Сибирского Правительства от 15-го июля 1918 г. о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, приказа Управляющего Военным Министерством от 1-го ноября 1918 г. за № 121, и приказов Верховного Уполномоченного Российского Правительства на Дальнем Востоке от 23-го января с. г. за №№ 11 и 8, виновные в нарушении настоящего обязательного постановления будут подвергаемы мною в административном порядке денежному взысканию до трех тысяч рублей или заключению в тюрьме до трех месяцев».

Главным фактором, благоприятствовавшим приятию рынком сибирских обязательств, явился, конечно, не приведенный выше приказ, а то обстоятельство, что Китайская Вост. жел. дорога, еще с 24-го апреля 19 года, стала принимать их в платеж и тем самым установила котировку их. Кроме того, с 15-го мая их начали принимать и русские банки в Сев. Маньчжурии.

Но события шли своим путем. Общее недоверие к Сибирским денежным знакам и чрезвычайно плохое качество их постепенно и неуклонно понижали их расценку рынком.

Не прошел бесследно и омский закон об из‘ятии «керенок». Рынок реагировал понижением курса на сибзнаки: иена в начале апреля расценивавшаяся в 9 руб. сибзнаками, к 15-му числу этого месяца достигла 13 рублей, а к концу месяца стоила уже 17 рублей. Само из‘ятие «керенок» было проведено в Маньчжурии 7-го мая 1919 г.

Характеризуя общее неблагоприятное отношение к сибирским денежным знакам, Харбинский Биржевой Комитет указывает, что «обращает на себя внимание то обстоятельство, что Омское Правительство, как будто, не понимало, что плохо изготовленный денежный знак неминуемо внесет расстройство в денежное обращение. Затем, Правительство не только увеличивало массы обращающихся в стране негодных и вызвавших глумление иностранцев денежных знаков, но и применяло давление на те территории, которые не имели еще этого денежного знака и не испытывали особых затруднений на денежном рынке. Оно добилось, что «сибирские» стали обязательны к приему на всем Дальнем Востоке, но в то же время не озаботилось ни улучшением их качества, чтобы парализовать усилия фальшивомонетчиков, ни присылкой нужных количеств их в дальневосточные города. Неудивительно, что с натурализацией «сибирских» на Дальнем Востоке, денежное обращение здесь стало быстро ухудшаться, что сразу же обнаружилось в сильнейшем росте цен на предметы первой необходимости».

В середине 1919 г., под влиянием успехов сибирской армии на зауральских фронтах, сибирский рубль несколько крепнет: средний курс иены в мае в 17 р. 42 коп. сибзнаками снижается до 16 р. 63 коп. Вслед за этим курс вновь понижается.

Все ухудшавшийся курс русских денежных знаков вынудил Кит. Вост. ж. д. вновь приступить к пересмотру своих тарифов, изыскивая способы сократить эксплоатационные недоборы.

В результате, циркулярной телеграммой Управляющего К. В. ж. д. от 20-го мая 1919 г. за № 945 с 1-го июня был введен новый тарифный коэффициент.

Вместо прежнего увеличения нормальных тарифов *в семь раз*, вводилось *умножение* пассажирских тарифов *на десять*, а грузовых и багажных *на пятнадцать*.

Как видим, новое падение курса русского рубля за период, истекший с 13 декабря 1917 года, — с момента издания прежнего циркуляра ген. Хорвата, определялось Кит. Вост. ж. д. почти в 80%.

Можно утверждать, что на самом деле это не совсем соответствовало соотношению курсов к тому моменту. Курс иены в декабре 1917 года был равен 9-ти рублям, в мае 1919 года курс иены равнялся: на «романовские» — 11 рублям, на «керенские» — 14 р. 79 к. и на «сибирские»—17 р. 42 к., следовательно в среднем за указанный период курс рубля упал на 60%.

Распоряжение К. В. ж. д., наряду с другими факторами, неуклонно снижало курс кредитных знаков, в частности, сибирского рубля.

События на фронте, а потом и внутренние сибирские события форсировали эту понижательную тенденцию.

Прямой провод Харбин—Омск. Но и само финансовое положение К. В. ж. д. продолжало все более и более ухудшаться. Перед дорогой вновь возник вопрос о переводе тарифов на валюту.

6 августа 1919 г. ген. Хорват направляет в Омск Министру Финансов следующую телеграмму:

«Я всегда считал, что пульсом денежного обращения Дальнего Востока является Харбин. Я отдаю себе ясный отчет, что нам необходимо во что бы то ни стало удержать в Маньчжурии господство наших денег, так как благодаря этому мы там можем получать на наши деньги реальные ценности. Я до последней крайности буду бороться за удержание нашей валюты в Маньчжурии, и если дороге будут даны обещанные Вами 15 миллионов романовских, то мы продержимся до середины сентября, не переходя на тарифы в иной валюте, чем казначейские обязательства. Если этого получить нельзя, то придется позаимствовать у китайского правительства необходимую сумму *в долларах, при помощи которых можно будет обменивать* служащим и рабочим *казначейские обязательства по фиксированному курсу*».

В ответ на предположения ген. Хорвата Министр Иностр. Дел Омского Пр-ва — Сукин телеграфирует в Харбин Советнику Мин. Ин. Дел—Клемму:

«Министр Финансов просит передать Хорвату: Предлагаемый Вами в связи с тяжелым положением денежного обращения в Харбине переход в деле взыскания тарифов и уплаты содержания служащим и рабочим Китайской Восточной жел. дор. в иностранной валюте немедленно повлек бы за собой полное вытеснение рубля с рынков Маньчжурии, является для нас самих крайним исходом, о каковом можно было бы думать лишь по исчерпании всех имеющихся в нашем распоряжении средств борьбы с создавшимся кризисом.

Все вредные последствия такой меры в настоящее время весьма трудно поддаются учету. Не говоря уже о политическом значении замены рубля иностранной валютой в Маньчжурии,—это самым пагубным образом отразилось бы на нашем расчетном балансе.

Между тем, изменение создавшейся тяжелой обстановки к лучшему является вопросом *ближайшего будущего*

С одной стороны улучшение общего положения на фронте должно благоприятно отразиться на курсе рубля, с другой стороны в результате переговоров с Моррисом удалось добиться возможности снабжать Правление Китайской ж. д. новыми кредитными билетами, изготовленными в Америке, купюр 25 и 100 рублей, достаточное количество каковых будет предоставляться ежемесячно. Новые кредитные билеты несомненно будут пользоваться полным доверием в глазах населения и беспрепятственно приниматься китайцами наравне с романовскими и керенскими.

...Прошу Вас употребить все Ваше большое влияние на Востоке с тем, чтобы дать нам возможность выиграть известный срок, *измеряющийся не месяцами, а лишь несколькими неделями*».

Отказ К. В. ж. д. от приема сибирских. Омск ожидал улучшения положения в течение «*нескольких недель*». Но время шло и положение все ухудшалось и ухудшалось. Дефицитность работы вынуждала К. В. ж. д. пересмотреть свое отношение к сибирским обязательствам и вообще к русским бумажным ден. знакам.

В докладной записке, представленной в августе 1919 г. Финансовым Отделом Правлению О-ва К. В. ж. д., находим следующие вполне определенные на этот счет утверждения.

«Сибирские знаки совершенно теряют право гражданства в полосе отчуждения. Следом за ними неизбежно сходят со сцены и старые кредитные билеты, допустить приток которых в кассы было бы, пожалуй, не менее опрометчиво, чем было допустить сибирские обязательства, в виду их резко колеблющегося курса, ветхости, разной расценки купюр, и

образцов и возможности злоупотребления служащих». Доклад усиленно повторял, что для дороги является неотложным обеспечить себя какой-то устойчивой валютой, но вместе с тем предположение, что такой валютой могут явиться сибирские обязательства, было неправильным и надлежит прямо и теперь же сознаться в допущенной в этом отношении в марте с. г. ошибке. Сибирские знаки есть орудие обращения военного времени, предназначенное удовлетворять преимущественно военные нужды, меновое значение их едва ли переходит за границы наличного обмена продуктами и услугами в известном определенном районе, значение их, как меры ценностей, неизбежно условно.

«В наших глазах,—говорит доклад,— за ними политическое и экономическое будущее России, их внутреннее достоинство равнозначущее идее неделимой, великой России, руководящей властью, от имени коей выпускаются означенные обязательства, и всеми нами. Достаточны ли подобные невесомые данные, чтобы сообщить сибирским обязательствам неот'емлемое внутреннее достоинство в глазах инородцев и иностранцев на свободном рынке Дальнего Востока, тесно скованном с чужими странами и, наоборот, очень мало связанном с западом—да и то исключительно по дебету.

Рассуждая об'ективно, практически и искренно признаем, что нет особых вполне реальных оснований ожидать, чтобы наши сибирские обязательства могли сами по себе завоевать большие права гражданства на Дальнем Востоке».[1])

Приказ по К. В. ж. д. № 212.

С мая по октябрь 19 года сибирские обязательства упали в цене с 17 р. 42 к. (в мае) до 48 р. 40 к. за иену в сентябре.

Октябрь ознаменовался об'явлением Кит. Вост. жел. дор. столь в свое время нашумевшего и бурно принятого приказа № 212 от 16 октября. Правление усвоило прогнозы приведенного выше августовского доклада и встало на путь эмансипации от влияния русских ден. знаков на бюджет дороги.

В приказе этом, наименованном—«о восстановлении на Кит. Вост. жел. дор. действия нормальных тарифов, расчитанных в русском золотом рубле», об'являлось, что

«Вследствие стремительного падения курса рубля, отказа туземного населения полосы отчуждения Кит. Вост. жел. дор. принимать обязательства казначейства (так называемые сибирские деньги) и установления на местных рынках различной расценки прочих русских денежных знаков—романовских и выпуска правительства Керенского, Правление Общества дороги, с разрешения Министра Финансов, предложило Управлению дороги восстановить с первого ноября текущего года действие нормальных тарифов этой дороги, расчитанных в золотом рубле. В зависимости от этого,—во всех случаях, где пунктами отправления или прибытия пассажиров или грузов являются станции Китайской Восточной жел. дороги, тарифные платы и все дополнительные сборы будут взиматься: или золотыми русскими монетами по ставкам нормальных тарифов дороги, или же по курсу, устанавливаемому периодически Управлением дороги: русскими кредитками образца до 1917 г. (романовскими), разменными бонами дороги и Русско-Азиатского Банка и полтинниками, отпечатанными в Америке.

После 1-го ноября сего года поступления в станционные кассы дороги иных видов денежных знаков (сибирских и керенских) должно прекратиться»...

На появление приказа за № 212 рынок реагировал понижением курса рубля: иена, стоившая на сибзнаки 8-9 октября —60 рублей, возрасла к 26-му до 94 рублей.

Приказ встретил энергичный и решительный, но безрезультатный протест ген. Розанова, угрожавшего из Владивостока прийти и расправиться, если приказ не будет отменен. Одновременно торгово-промышленники Харбина выносят ряд своих протестов, после двухдневного заседания вынес свой протест и Харбинский Биржевой Комитет.

---

[1]) См. докладную записку от 9-го VIII 1919 г. Заведывающего Счетно-Финансовым Отделом Правления К. В. ж. д.—Р. М. Зарина «Ден. знаки в полосе отчуждения К. В. ж. д. и на Д. Востоке вообще».

Впоследствии последний отмечал, что он «убежден, что приказ № 212 сыграл роковую роль в падении курса рубля, что в свою очередь могло иметь и, вероятно, имело более ощутительные последствия, чем торговые потери харбинских коммерсантов и харбинского населения. Можно утверждать, что жизненные затруднения, вызванные приказом, отчасти революционировали местное русское общество, которое увидело, что в отличие от прежнего времени его интересы уже не составляют заботы власти...

Курс рубля был окончательно добит приказом № 212. Представители К. В. ж. д. в свое время старались доказать, что курс рубля упал в ноябре под влиянием политических событий, что приказ № 212 почти не оказал влияния на курс рубля, но по мнению Биржевого Комитета,—хотя действительно в это время пал г. Омск и армия Колчака оказалась в весьма тяжелом положении, и эти обстоятельства безусловно усилили падение курса рубля, тем неменее отказ жел. дороги от приема «сибирских» был правильно истолкован рынком, как частичное аннулирование их, и это явилось началом гибели на Дальнем Востоке русского рубля. Предостережение и протесты торгово-промышленного класса не помогли».[1])

Но если Биржа считала ошибкой отказ в приеме сибирских знаков, то в противоположность этому—деятели К. В. ж. д. считали, что ошибкой было в свое время выраженное согласие на прием этих знаков.

Ден. рынок к концу 1919 г.

На ряду с отказом дороги принимать сибирские знаки, соответственная тенденция выявлялась и местными банками, в частности, Русско-Азиатским, являвшимся фактически хозяином валютного рынка.

С сентября 1919 года банки прекратили продажу валюты на сибзнаки, благодаря этому покупка валюты стала возможной лишь через мелкие банкирские конторы и отдельных маклеров, что вызвало еще более резкое падение курса этих знаков.

В нашем распоряжении имеется весьма интересный документ—копия секретного доклада войсковому атаману Сибирского Казачьего Войска—Начальника Войскового Осведомительного Отдела. Начальник Отдела, не жалея красок, дает характеристику создавшегося к сентябрю 1919 г. в Харбине безнадежного для сибирских знаков положения. Согласно утверждений этого доклада, можно думать, что приказ № 212 явился плодом совместных действий К. В. ж. д., Р.-Аз. Банка и пекинского посла—кн. Кудашева.

[1]) См. отчет Харб. Бирж. Комитета за 1919 год.

Как бы то ни было, курс сибирского рубля неуклонно понижался, и ничто не могло уже изменить его судьбу.

Впоследствии—уже в декабре 1919 г. циркуляром № 1724 от 15-го числа этого месяца Управление Дороги, вынужденное полным исчезновением с рынка мелких денежных знаков, вновь разрешило прием не только сибирских полтинников американской заготовки, но и других сибирских знаков мелких купюр в сумме не более одной трети причитавшегося платежа и исключительно по грузовым операциям дороги. Сам *тариф* по товарным и багажным отправкам, *при платеже бумажными денежными знаками, с 18-го декабря 19 г. увеличивался в шестьдесят раз.* Пассажирский тариф при оплате бумажными знаками увеличивался *в двадцать раз*, при чем в платеж, по прежнему, не принимались ни сибирские, ни керенские денежные знаки.

Частичный допуск сибзнаков совпал с наблюдавшимся в декабре 19 г. некоторым улучшением курса их, но вряд ли явился причиной этого улучшения, вызванного обстоятельствами более значительными.

К концу 1919 года и в январе и феврале 1920 года курс сибирского рубля улучшился, как бы, наперекор событиям. Казалось, разрушавшаяся и к тому времени разрушенная Омская государственность должна была вызвать, в отношении сибрубля, явление прямо противоположное.

Аналогичное явление наблюдалось и в Приморье. В главе о Приморье, касаясь катастрофы сибзнаков, мы уже с возможной полнотой попытались обрисовать все те обстоятельства, которые, по нашему мнению, вызвали временное—в течение трех месяцев—парадоксальное повышение курса сибирского рубля, прежде нежели наступила его агония.

Причины эти были тождественны и для Харбина, и мы не будем вновь повторять их; скажем лишь, что остро чувствовавшееся в Приморье отсутствие на рынке сибирских обязательств, еще острее давало себя знать в Харбине, где в валютных и товарных сделках на сибирский рубль главными участниками были не только русские, но и иностранцы.

Резкие колебания курса сибрубля вызвали жесточайшую спекуляцию с ним и, конечно, таковая мало могла уменьшиться от такого, например, постановления Харбинской Биржи, как запрет появления спекулянтов за конторками биржевых маклеров.[1]) Оценивая тот период, Биржевой Комитет дает следующую интересную характеристику «эпохи»: целям спекулянтов одинаково служили: политические фантазии, фальсифицированные документы и газетные сенсации, источник которых был весьма

[1]) См. постановление Харбинского Биржевого Комитета от 29/1—20 г.

подозрителен. По мере надобности, они или роняли курс рубля или поднимали его, хотя об'ективная обстановка была исключительно неблагоприятной для рубля.

«Расписки» Город. Совета Харб. Общ. Управления. Помимо появления на рынке Харбина в 1919 г. сибирских обязательств и «хорватовских бон», наблюдалось изобилие суррогатов.

Примеру Русско-Азиатского Банка по выпуску своих бон последовало и Харбинское Общественное Управление, боны которого приходится особо отметить в перечне местных выпусков.[1])

Харбинское Общественное Управление в своих поисках денежных знаков мелких купюр исходило из желания сохранить в Харбине именно русскую денежную единицу—рубль, на который совершались все сделки и исчислялись все сметы Городского Управления, вот почему Х. О. У. не могло довольствоваться разнообразием имевшихся на рынке китайских и японских денежных знаков, в том числе и мелких.

Общие мероприятия Биржи и К. В. ж. д. по привлечению в район полосы отчуждения денежных подкреплений результата не дали. Разменный кризис углублялся. В начале 1919-го года под председательством Начальника Земельного Отдела Упр. К. В. ж. д. Н. Л. Гондатти состоялось заседание комиссии по борьбе с дороговизной, на котором было постановлено просить Городское О. У. выпустить в обращение свои мелкие расписки. После этого в заседании Гор. Совета был заслушан доклад Председателя Гор. Совета П. С. Тишенко, который, ссылаясь на отсутствие мелких денежных знаков и создавшееся в связи с этим затруднение в денежном обращении, указал, что было бы целесообразно «выпустить для обращения в городских продовольственных лавках мелкие денежные расписки Городского Общественного Управления».

По мнению докладчика, «мера эта являлась бы безусловно полезной для населения, так как представила бы ему возможность приобретения из городских лавок хотя бы продуктов первой необходимости без переплаты некоторого процента, при покупке продуктов на крупные купюры у китайских торговцев и, кроме того, хотя бы отчасти устранила необходимость обращения населения за разменом денег к китайским менялам, взимающим за эту операцию произвольный процент».

Достаточной суммой «эмиссии» для удовлетворения потребности городских продовольственных лавок, докладчик признавал 200 тысяч рублей.

В обеспечение оплаты «расписок» предлагалось открыть в Харбинском отделении Русско-Азиатского банка особый теку-

[1]) См. мою статью в № 3 «Известий О-ва Изуч. Манчж. Края»—Іюнь, 1923 г. г. Харбин.

щий счет на всю сумму выпуска, т.-е., на 200 тысяч рублей.

Городской Совет постановил одобрить доклад и предпринять меры к выяснению техники и стоимости выпуска[1]).

В середине мая Городской Совет принял дополнительное постановление об изготовлении предположенных к выпуску 112 000 знаков на сумму 200 тысяч рублей, на что было ассигновано 15.904 рубля[2]), после чего было приступлено к изготовлению предположенных к выпуску знаков, постановления же Гор. Совета, как о выпуске, так и об ассигновании потребной на расходы по изготовлению «расписок» суммы, были утверждены Собранием Уполномоченных Х. О. У., лишь 7-го Октября 1919 года.[3])

Выпуск же, изготовленных Городским Советом расписок Х. О. У. состоялся 26-го Іюня 1919 года.

Несмотря на постановление о выпуске всего 112.000 шт. расписок на сумму 200.000 рублей и несмотря на обеспечение срочным вкладом в Русско-Азиатский Банк именно этой суммы,— было выпущено 115.514 «расписок» на сумму 211.368 рублей в том числе:

достоинством	в 1 рубль	с № 1 до 80 844	включ.	на р. 80.844
„	в 3 рубля	с № 1 до 21.413	включ.	на р. 64.239
„	в 5 рублей	с № 1 до 13.257	включ.	на р. 66.285

Расписки, как уже указано, были выпущены трех достоинств: в 1, 3 и 5 рублей; разнятся они лишь по проставленному цифрами и прописью указанию достоинства и по цвету: Рублевые—желтые, в 3 рубля—зеленые и в 5 руб.—синие.

На лицевой стороне в форме полукруга имелась надпись: «Харбинское Общественное Управление». Затем, в виньетке из двух симметрично расположенных драконов, было напечатано: «Расписка Городского Совета. По пред'явлении уплачивается в кассе Городского Совета . рублей кредитными билетами».

Расписки Харб. Общ. Упр. 1919 г.
(*Натур. велич. 125 х 80 мм.*).

По обе стороны виньетки цифрой и прописью было обозначено достоинство расписки. Под цифрой: на левой стороне напечатано: «Серия А» (или Б., В), на правой «№ . . .» Внизу расписки подписи: «*Председатель Городского Совета П. Тишенко*» «*Заведывающий финансовым Отделом Усов*».

На оборотной стороне на-

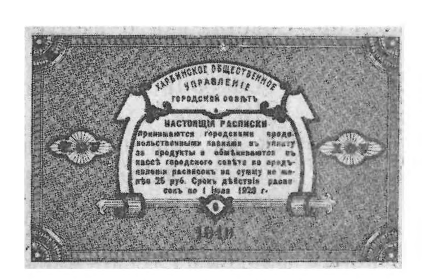
1) Журнал Городского Совета Х. О. У. № 53, от 3 мая 1919 года.

2) Тоже, № 56, от 16 мая 1919 года.

3) См. Протокол заседания Уполномочных Х. О. У. № 5.

печатано по бокам «Х. О. У», внизу год выпуска — «1919», в середине в рамке на белом фоне: «Харбинское Общественное Управление Городской Совет. Настоящие расписки принимаются городскими продовольственными лавками в уплату за продукты и обмениваются в кассе Городского Совета по пред'явлении расписок на сумму не менее 25 рублей. Срок действия расписок по 1 июля 1920 г.».

Подписи г. г. Тишенко и Усова на всех расписках литографированы, хотя утвержденный Городским Советом доклад предполагал, что литографским способом обе подписи будут воспроизведены лишь на расписках в 1 рубль, на расписках же в 3 рубля одну из подписей предполагалось проставлять от руки, а на расписках в 5 рублей— обе подписи должны были быть проставлены от руки.

Расписки Харб. Общ. Упр. 1919 г.
(*Оборотная сторона*).
(*Натур. велич. 125 x 80*).

Технически это оказалось невыполнимым.

Изображенные на лицевой стороне расписки «драконы», дали основание горожанам назвать эти денежные знаки «собаками», каковое наименование стало и общеизвестным и общеупотребительным среди населения, особенно в разговорах с китайскими торговцами.

Расписки напечатаны на простой, но достаточно плотной и прочной бумаге.

Быть может, если бы сумма выпуска Х. О. У. своих бон была более значительной, они и заняли бы особое место на денежной бирже, но двухсот тысячная эмиссия г. Харбина составила ничтожную часть общей суммы, наводнивших Северную Маньчжурию «сибирок» и растворилась в общей массе их.

Рынок и население Харбина охотно принимало знаки Х.О.У. и они имели интенсивное обращение.

Выпущенные в июне 1919 года, при курсе иены приблизительно в 17 рублей сибирскими, городские «расписки», котируясь наравне с сибирскими, последовательно понижались в курсе.

Июнь был последним месяцем обращения на местном рынке городских «расписок», срок коим истекал к 1-му июля 1920 г.

За период своего обращения на рынке—с июня 1919 года по июль 1920 года—городские «расписки» упали в цене с 17 рублей до 2454,4 рубля за иену, т.-е. более чем в 144 раза.

Если бы они имели хождение и дальше,—их ждал тот же конец, что и «сибирки», т.-е,—постепенная и естественная нулификация.

Обмен „расписок“ на обязательства казначейства производился по пред‘явлении их в кассу Городского Совета на сумму не менее 25 рублей, но к обмену эти знаки, особенно в первые месяцы своего хождения,—не пред‘являлись. Они на общих основаниях попадали в кассу Городского Совета и его предприятий и вновь выпускались последними в оборот.

Все же, к моменту окончания об‘явленного срока действия, т. е. к 1-му июля 1920 года, в кассе Гор. Совета оказалось возвращенных расписок всего 22 780 штук на сумму 49060 руб., из них достоинством в 1 р. 13.452 штук на 13.452 руб., дост. в 3 руб.—5516 шт. на 16.548 руб. и дост. в 5 р.—3.812 шт. на 19060 руб.

Впоследствии—3 декабря 1920 года все количество возвращенных бон было сожжено. Остальное количество—92.724 шт. «расписок» разных достоинств остались на руках у держателей, либо,—в некоторой своей части, уничтожены за период пользования ими.

Не было возвращено в кассу Городского Совета «расписок» на сумму 162.308 рублей.

Таковы цифровые итоги Харбинской муниципальной эмиссии 1919 года.

Попытаемся определить действительный доход Х. О. У. от предпринятой им «эмиссии».

Выпуск расписок состоялся 26-го июня 1919 года; если даже для определения в валюте суммы этого выпуска, мы примем не средний курс иены,— в июне 1919 года в 16 руб. 63 коп. сибирками, а наихудший в июне, по справкам Биржи, курс—18 руб. 50 коп., то и тогда рыночная стоимость выпущенных «расписок» равна была, приблизительно, 11.425 иенам.

За вычетом расходов по изготовлению, которые достигли 22.614 руб. 44 коп., или по тому же курсу—выразились в валюте в сумме 1.222 иены,—реальный выпуск был равен 10.203 иенам.

К 1 июля 1920 года возвращено было расписок на сумму 49.060 руб., т. е. по курсу иены в июне 1920 г. возвращенная сумма «расписок» — была эквивалентна всего лишь 20 иенам.

Таким образом доход Х.О.У. от своей «эмиссии» превысил 10 тысяч иен.

Но, конечно, нельзя не принять во внимание и то обстоятельство, что выпуск «расписок» своевременно Х. О. У. был обеспечен срочным вкладом равным сумме эмиссии. Естествен-

но, — вклад этот обесценивался по мере падения курса на сибирки и это как бы умаляло реальный результат от непредставления к обмену «расписок» Городского Совета.

Сам Городской Совет, невозвращенную сумму «расписок» 162.308 рублей за вычетом 22.614 руб. 44 коп. — расходов по изготовлению бон распорядился «записать в приход Х.О.У.».

Этим завершилась муниципальная «эмиссия».

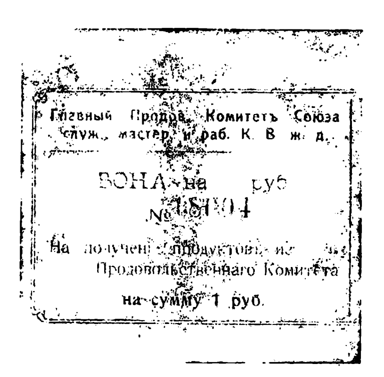
Кооперативные, железнодорожные и частные «эмиссии». Помимо муниципальных и банковских бон, денежный рынок Харбина изобиловал и денежными суррогатами частного происхождения.

На протяжении 1919 года, в целях смягчения денежного кризиса, были выпущены боны целым рядом магазинов, промышленных предприятий, культурных обществ, клубов, кооперативов и др. фирм и ассоциаций.

Перечень всех известных бон занял бы слишком много места, — отметим лишь главнейшие, наиболее распространенные в этот период боны:

В 1919 г. выпустил свои боны *«Главный Продовольственный Комитет союза служащих, мастеровых и рабочих Кит. Вост. ж. д.»*, эти боны в 5, 10, 20, 50 и 60 к. и в 1 рубль имели хождение не только в городе Харбине, но и на протяжении всей линии жел. дор.

Боны, выпущенные *«Харбинским Обществом Потребителей»*, достоинством в 1, 3, 5 и 10 рублей особого значения не имели, в виду незначительного круга лиц, обслуживавшихся этим кооперативом. Это относится также и к «распискам» *«Ссудо-сберегательной и Вспомогат. кассы служ. Х.О.У.»*.

Бон Главн. Прод. Ком. Союза служ., маст. и раб. К.В.ж.д. г. Харбина. 1919 г. (*Натур. велич. 84 х 80 мм.*).

Наиболее распространены были боны японского универсального магазина — *«Торг. Дом Мацуура»*. Боны эти выпущены были фирмой несколькими выпусками. Японские фирмы: *«Умехара»*, *«Нитто»*, *«Восходящее Солнце»* и др. также выпустили свои боны в рублях (сибирскими).

Помимо этого на рынке «курсировали» боны: *«Клуба О-ва Служащих»*, *«Харб. Железнодор. Собрания»*, *«Циклодрома Харб. О-ва Спортсменов»*. *«Клуба Харб. О-ва Спортсменов»*, *«Еврейск. муз.-лит. драмат. О-ва»*, *«Харб. офицерск. гарнизон. Собрания»*, *«Харб. Евр. Общ. хлебопекарни»*, Концертн. зала *«Палермо»*,

«Аполло», *«Трудового Т-ва оффициантов»*; магазинов: *«Бр. Эскиных»*, *«Ростор»*, *«Д. Ламбадис»*, *А. Агишева* и мн. др.; расписки *«Акц. О-ва Соединен. Маньчж. Мельниц»*. Последние вначале были выпущены в сиб. рублях, но позднее перештемпелеваны на японские иены и сены.

Указанным перечнем не исчерпываются все обращавшиеся в частном обиходе боны и другие суррогаты, но все же приведенные выше сведения дают картину того денежного сумбура, которым ознаменовался харбинский денежный рынок 1919 года.

1920 год.

Начиная с марта 20 года Харбин, как и Приморье, наводняется десятками и сотнями миллионов сибирских обязательств, проникавших из Забайкалья с беженцами и, главным образом, с чехами и агентами бывшего правительства и через Монголию из Сибири, откуда обязательства эти экспортировались целыми караванами. Одновременно становится известно об аннулировании этих денег в Советской Сибири и о предстоящем не то аннулировании, не то девальвации в Западном Забайкалье и в Приморье.

Вместе с тем еще с конца 1919 года прекращаются новые сделки на сибирские рубли в полосе отчуждения.

Все это вместе взятое вновь, и на этот раз уже окончательно, влечет понижение курса на сибзнаки.

Достигши 118 р. 65 к. за иену в январе 20 г. и 102 р. 96 к. в феврале, курс сибирского рубля падает до 162 руб. в марте, снижается до 363 р. 88 коп.—в апреле и 715 р. 41 к. в мае.

Одновременно изменяется и общая обстановка политического бытия полосы отчуждения.

После известной попытки ген. Хорвата в январе 1920 г. принять на себя полноту государственной власти в полосе отчуждения и после закончившейся неудачей мартовской забастовки железно-дорожных служащих и рабочих К.В.ж.д. 19-го марта 1920 г. на дорогу были введены китайские войска, ген. Хорват был смещен и началась усиленная китаизация Сев. Маньчжурии, вскоре переименованной в «особый район трех восточных провинций Китайской Республики». В сентябре 20 года был издан декрет президента Китайской Республики, отказавшийся признавать в дальнейшем права б. русского посланника в Китае и русских консулов и заявивший о принятии на себя защиты жизни и имущества русских в Китае.

Вскоре после этого последовала отмена юрисдикции и прав экстерриториальности по отношению к русским гражданам

в полосе отчуждения, одновременно было прекращено функционирование русских судебных и правительственных учреждений.

На этом обще-политическом фоне каждое колебание курса русских денег становилось для них уже катастрофическим, так как нельзя было расчитывать на какую бы то ни было поддержку со стороны, тем более, что постепенно, в силу дальневосточных событий, терялась связь полосы отчуждения с др. областями. В этой — мало благоприятной и мало обещавшей обстановке—приморская власть сделала свою, обреченную на неудачу, попытку из‘ять из обращения сибирские обязательства, заменив их кредитными билетами своего выпуска.

Приморская денежная реформа 5-го июня 1920 г. в полосе отчуждения К. В. ж. д.

К июню 20 года полоса отчуждения К. В. ж. д. оказалась в административном положении совершенно не связанной с общероссийским аппаратом. Правда, все еще оставались российские консульские учреждения, но они существовали лишь в порядке исторической инерции, по существу не имея связи с российской территорией. Поползновение на представительство России в полосе отчуждения продолжалось как со стороны упомянутых консульских учреждений, так и со стороны представителей гражданской и военной власти Приморья и Забайкалья.

Вр. Правительство Д. Востока—Приморская Земская Управа—также имело в Харбине своего представителя, влияние которого было в период средины 1920 года, пожалуй, наибольшим в ряду других представителей, но все же недостаточно авторитетным, особенно в силу проявленной китайскими властями общей тенденции к китаизации.

Общие условия денежного обращения в полосе отчуждения К. В. ж. д. были аналогичны с условиями Приморья: то же переобременение рынка сибзнаками, тот же лаж на романовские и керенские денежные знаки, тот же курсовой ажиотаж и тенденция к понижению рынком всех русских кредитных знаков, особенно сибирских, в борьбу с которыми вступило своим приказом № 212 само управление К. В. ж. д.

Майский курс золотого рубля на сибирки—715 рублей к июню резко возрос до 2.500 руб. Рынок через Монголию и Забайкалье продолжал наводняться этими, аннулированными и в Сибири и в районе Верхнеудинска, денежными знаками.

Своей реформой 5-го июня Приморье предполагало радикально разрешить проблему искоренения сибзнаков, поэтому

совершенно обязательным считалось проведение этого обмена и в Харбине. Успех обмена в Харбине предрешал результат самой реформы.

В этих целях одновременно с конструированием в г. Владивостоке «Комиссии по проведению денежной реформы по закону 5-го июня 1920 года» таковая же комиссия под председательством уполномоченного правительства, была сконструирована и в городе Харбине.[1])

Отношение Банков. 9 го июня представители русских банков в Харбине обсуждали условия, на коих они могли бы принять поручение обмена. Единогласно присутствующие пришли к следующим заключениям:

«Кассирам банков предоставляется принимать сибзнаки по обычным признакам их, за деньги, оказавшиеся фальшивыми, банки не отвечают. Для окончательного определения сомнительных денег должна быть создана Правительственная Комиссия. Обмен производится лишь в круглых сотнях.

Все об'явления и информацию населения Вр. Правительство производит своими средствами и от своего имени».[2])

Комиссией заявленные условия были признаны приемлемыми.

Но 18 июня при вторичном согласовании с банками порядка обмена, они заявили новое требование — *отмену принудительности обмена* вкладов и предоставление клиентам *права* в течение пяти дней *обмена востребовать свои вклады в сибзнаках.*

Эти требования, как в корне нарушающие закон 5-го июня, комиссией были отвергнуты и о создавшемся положении было сообщено во Владивосток. 22 июня из Владивостока было получено согласие на условия, выставленные банками. Следует помнить, что к этому моменту во Владивостоке первоначальная непримиримость под влиянием столкновений с консульским корпусом сменилась уступчивостью.

23 июня, по согласованию с банками деталей техники, комиссией было принято постановление о сроке обмена в течение 10 дней по г. Харбину—с 24 июня по 3 июля. В течение первых пяти дней обмена вкладчикам предоставлялось востребовать принадлежавшие им суммы сибзнаками, по истечении пяти дней невостребованные суммы подлежали автоматическому перечислению на новые дензнаки.

По линии жел. дороги обмен был назначен в течение 20 дней начиная с 30 июня, условия оставались те же. Помимо Харбина обмен был об'явлен в Хайларе и в поселке Ханьдао-

[1]) См. об'явление политического уполномоченного во всех Харбинских газетах от 20-го июня 1920 г.

[2]) См. протокол совещания Банков г. Харбина, 9-го июня 1920 г.

хэцзы. От обмена на ст. Маньчжурии «по соображениям политического характера» решено было отказаться. Соображения эти заключались в полной невозможности, вследствие наводнения ст. Маньчжурия чинами армии атамана Семенова, приступить к выполнению приморского закона.

Отношение биржи, торговопромышленников и рынка.

Реформу встретило чрезвычайно недоброжелательное отношение. Распыленное недоброжелательство было оформлено постановлением Биржевого Комитета, расширенное заседание которого приняло резолюцию протеста против обязательности обмена.

Биржевой Комитет свой «решительный протест против выпуска на русском Дальнем Востоке новых бумажных денежных знаков с одновременной девальвацией сибирского рубля» об'ясняет «желанием защиты интересов торговли и промышленности, так как этот выпуск при создавшемся положении на Дальнем Востоке и в Сибири может повести лишь к новым массовым выпускам кредиток и, вследствие этого,— к новым огромным материальным потерям коммерсантов».[1])

Некоторые из коммерсантов стремились убедить Биржевой Комитет высказаться за прием в обращение и для расчетов этих денежных знаков. Но,—как отмечает отчет, — Биржевой Комитет не только воздержался от такого шага, который мог быть истолкован, как прямой призыв к новой спекуляции, в результате чего не малое число коммерсантов могло бы пострадать, но и высказался против владивостокской реформы.

Предостережение Биржевого К-та нашло отклик в среде коммерсантов г. Харбина. 10 июля было собрано многолюдное собрание коммерсантов, которое огромным большинством встало на точку зрения Бирж. К-та. «Это выступление коммерсантов, — по отзыву Отчета, — оказало благотворное влияние на местное положение. Новые знаки не были приняты в Харбине и не имели хождения». По мнению Бирж. К-та его «осторожность совершенно оправдалась, так как владивостокские деньги скоро сошли со сцены в самом Владивостоке, где население не стало принимать их не только для расчетов, но и в виде заработной платы».[2])

Денежная реформа в Харбине не гладко начала осуществляться, изобиловал шероховатостями и весь процесс ее осуществления.

Судя по материалам «Харбинской Комиссии по проведению денежной реформы», первые два-три дня обмена во всех банках прошли без инцидентов, хотя по настроению всех кли-

---

[1]) См. «Отчет Харбинского Биржевого Комитета за 1920 год».
[2]) Тоже.

ентов и по массовым выемкам с текущих счетов прежними знаками, было видно, что реформа встречена более чем несочувственно, что и выразилось во всех банках в цифрах обмена, сравнительно ничтожных, если принять во внимание грандиозную запруженность местного денежного рынка сибирскими знаками. Но чем ближе подходил срок к автоматическому девальвированию остающихся в банках сумм на новые денежные знаки (28 июня), тем настроение клиентов становилось все более и более оппозиционным и атмосфера вокруг реформы делалась накаленной до опасения возможности очень крупных скандалов в самих банках. К последнему дню, перед назначенной девальвацией текущих счетов банки, особенно Народный, были завалены письменными извещениями клиентов не только о нежелании девальвировать, но и о непризнании за банками права вообще производить какие бы то ни было действия над вложенными средствами, напр. снимать на хранение и т. д., с угрозами пред'явить иски в суде, в гражданском порядке, об убытках и пр.

В эти же первые дни реформы, помимо биржи, резкими противниками ее выступили правительственные учреждения, связанные с еще нераз'ясненным Российским Генеральным Консулом и сам консул. Отношение последнего станет ясным, если мы приведем нижеследующее письмо его на имя одного из русских банков:

«Находящиеся на текущих счетах в Вашем отделении суммы правительственных учрежд. и должностных лиц бывшего правительства, являясь депозитами, должны оставаться неприкосновенными и не могут быть обмениваемы, ни изменяемы в своей номинальной стоимости.

Вследствие сего Генеральное Консульство покорнейше просит Вас *не производить обмена* согласно закону, изданному 5-го июня сего г., всех сумм, находящихся на текущих счетах правительственных учреждений и должностных лиц бывш. правительства, а также депозитов казны и сумм, находящихся на счетах агентов Государственного Казначейства. *Управляющий Генеральным Консульством Попов*».

Отношение иностранцев.

Одновременно протестовал и Японский Консул, указывая, что по его сведениям, во Владивостоке по соглашению Консульского Корпуса с Правительством для иностранцев сделаны некоторые послабления. В беседе с сотрудником одной газеты директор Іокогама Спеши Банка заявил: «отношение японских коммерческих кругов полосы отчуждения к девальвации сиб. рубля выжидательное и пассивное. В частности наш Банк обмена не производит».

Протестовала и Английская Колония. От имени Великобританской Торг. Палаты в Харбине Комиссии был вручен следующий меморандум на английском языке:

«Имеем честь обратить ваше внимание на следующую резолюцию, вынесенную единогласно в экстраординарном общем собрании в Британской торговой Палате в Харбине 26 июня. *Постановили*: что должны просить Великобританского Консула Его Величества протестовать надлежащим путем (образом) против принудительного превращения сибирских рублей, имеющихся у великобританских коммерсантов или лиц, в новые американские денежные знаки по курсу—200 сибирских за 1 р. новый. Вследствие этого прошу любезно отсрочить делать какие бы то ни было действия, сделки относительно английских держателей сибирских рублей в настоящее время».

Не оставались пассивными и китайские держатели сибирских денежных знаков; как образец многочисленных протестов со стороны китайцев, мы приведем одно из писем, врученных вкладчиком—китайским подданным одному из русских Банков: «М. Г. Мне известно, что именуемым себя временным приморским правительством во Владивостоке, никакой из держав еще не признанным, издан так называемый закон об обмене, находящихся в Банках денег на новые деньги этого правительства из расчета 200 руб. за один новый рубль.

Закону этому, как подданный Китайской Республики, я не желаю подчиниться и считаю своим долгом предупредить Вас, что если этим законом будет причинен ущерб моим интересам, то Банк, как держатель моих денег, будет ответственен предо мной по законам Китайской Республики».

Отмена обязательности обмена.

Возбуждение, поднятое вокруг денежной реформы, еще более поднялось после убийства на площади 27-го июня толпою студента Чернявского и явно уже принимало политическую окраску. Создавшееся настроение чрезмерно нервировало публику и грозило самыми нежелательными последствиями даже для ни в чем неповинных служащих банков.

В общем, не преувеличивая, можно было сказать, что в это время единственным органом Временного Правительства в городе Харбине оказалась Комиссия по проведению денежной реформы, конечно, необладавшая никакой реальной силой, которая и сосредоточила на себе, как в фокусе, все недоброжелательство многочисленных противников принудительной девальвации.[1]) Общая неуверенность, что день 29 июня, когда балансы в банках будут перестроены на новые знаки, пройдет

[1]) Доклад Харб. Комиссии от 11 июня 1920 г.

благополучно, вынудила представителей банков созвать 28 июня экстренное общее совещание, на котором окончательно выявилась твердая решимость банков, под угрозой возможных эксцессов, *отказаться от принудительного девальвирования* оставшихся на счетах сумм и предоставить возможность клиентам беспрепятственного снятия сумм на весь период, об'явленный комиссией в г. Харбине для обмена. После всестороннего обсуждения создавшейся обстановки банки решили составить соответственно с вышеизложенным об'явление для немедленного опубликования от имени всех банков.

29 июня во всех харбинских газетах, от имени всех банков, появилось следующее об'явление: «в виду протестов со стороны клиентов, а также местных правительственных лиц и учреждений против автоматического перечисления всех активов и пассивов в сибирских деньгах на американские денежные знаки, согласно закона 5 июня 1920 г., и в виду невозможности для иногородних клиентов за краткостью срока сделать заявления о желании обмена,—...банки во изменение своего об'явления в местных газетах об'являют, что *обмен будет производиться лишь по заявлениям клиентов о желании обмена*, а все суммы по вкладам, текущим счетам и пр. пассивам, в отношении которых до 3 июля с. г. не поступит от клиентов заявлений о желании произвести обмен, будут оставлены на хранение в обязательствах Государственного Казначейства и др. ден. знаках. б. омск. пр-ва».

В № от 30-го июня харбинская «Заря» сообщала: «на Бирже „бум“ из за об'явления банков о добровольном, а не принудительном обмене денег. Сегодня с утра толкуют о назревающем столкновениии Б-ков с правит. комиссией по провед. ден. реформы. Передают, что ближайшие дни грозят новыми осложнениями. Как ожидается, комиссия выступит оффициально против „самоуправства“ Банков».

Об'явление Банков, по существу, явилось, конечно, полным отказом от проведения реформы и она, с первых же дней обреченная в Харбине на неудачу, фактически была завершена этим об'явлением. Правда, комиссия, обсудив текст банковского об'явления, нашла необходимым опротестовать его и в газетах от 30-го июня об'явила, что «напечатанное в №№ местных газет за 29 сего июня об'явление от имени русских банков г. Харбина относительно изменения порядка обмена текущих счетов, вкладов и проч. пассивов на новые знаки, установленного Комиссией, противоречит закону 5-го июня 1920 года и выпущено без указаний Вр. Правительства. Об изложенном Комиссия доводит до всеобщего сведения». Несмотря на предупреждение Комиссии о незаконности самовольного изменения банками порядка обмена, последний до 3-го июля включительно

производился способом, об'явленным банками, т. е. без принудительной девальвации и со снятием в последний день со счетов на хранение всех сумм в прежних знаках, если от распорядителей не поступало никаких заявлений. Еще до выпуска контр-об'явления комиссия со сведующими лицами обсуждала создавшееся для банков положение, при чем было выяснено, что хотя в данном случае все исключительно зависит от политического момента, тем не менее «банкам, при проведении принудительной девальвации, безусловно грозит массовое вчинение гражданских исков со стороны клиентов об убытках и если иски будут по подсудности рассматриваться Смешанным Консульским Судом (когда клиент китаец или передал право иска китайцу, что часто практикуется, а в данном случае было-бы наверняка), то при особенностях Суда и сложившихся обстоятельствах удовлетворение таких исков более чем вероятно. Таким образом, нельзя не признать, что банки были поставлены в безвыходное положение и вынуждены были так или иначе гарантировать себя от эксцессов и возможных убытков, хотя бы и в сторону наименьшого сопротивления, ссылаясь, и не без оснований, на особенности полосы отчуждения в государственно-правовом отношении.

В результате, в виду измененного порядка девальвации сумм по счетам банков и оппозиционного настроения большинства против реформы, обмен подлежащих из'ятию знаков прошел по Харбину, в общем, очень неудовлетворительно, при чем, большею частью, обмен производился приходящею публикою, клиентура же банков почти сплошь перечислила свои средства в прежних знаках на хранение.

Такое отношение к реформе даже для банков, работавших только отчасти на русской валюте, создавало очень тяжелое положение, в виду необходимости мобилизовать денежную наличность в чрезвычайных суммах для одновременного покрытия всех пассивов. *Для этой цели некоторым банкам пришлось часть иностранной валюты обратить на экстренную скупку сибирских денег».*[1])

Неожиданное требование на Сибзнаки, порожденное в результате закона об из'ятии их,—невольно несколько улучшало их курс и тем самым принижало интерес к обмену их на новые знаки.

Процесс обмена В одной из харбинских газет находим следующее описание первых дней обмена в Харбине: Здешним держателям сибирских реформа только бередит раны. Все примирились с грошевостью своих кип и пачек, никто не оперировал ими в расчетах бюджета или тор-

[1]) Доклад Харбинской Комиссии от 11-го июля 1920 г.

говых оборотов. Обмен взбудоражил умы, начались подсчеты, комбинации и выводы. Напр., в одном из банков держатель 300 тыс. сибирских отбирал вчера свой вклад обратно.—На бирже,—пояснил он,—я без труда выручу за них 100 иен. От обмена на американки мне досталось бы 1.500 новых рублей, а при курсе их 20 за иену это всего 75 иен.

В банках часто наводили справки об условиях обмена «желтых» полтинников. Обменный курс был—за 1 грифованный полтинник—200 негрифованных. Держатели негрифованных открыто заявляли, что в Фуцзядяне наложат гриф «не хуже владивостокского, но, конечно, по более подходящему курсу».

Как отмечали газеты,—с каждым поездом, пассажиром, газетой, письмом в Харбин докатывались из Приморья неблагоприятные сведения о покупательной силе и устойчивости нового знака. И если приморцы принуждены были неизбежно оперировать этим зыбким рублем, то для полосы отчуждения обмен одной зыби на другую не вызывался практической необходимостью, кроме того играла роль и привычка к длинным, громким цифрам: сотни, тысячи, миллионы... У кое-кого брезжила неясная надежда на какое нибудь политическое «авось», которое вдруг еще оживит сибирские. Выемка сибирских такими держателями переплеталась с политическими причинами: не хотели поддерживать «приморский» Владивосток. Не лишено интереса конфиденциальное письмо, датированное 30 м июня на имя Центральной Комиссии от лица, близко стоящего к проведению денежной реформы в Харбине. Он писал: «Проведение в Харбине реформы протекает в условиях сплошной агитации против этого закона. Агитируют решительно все. Управление дороги не намерено итти навстречу в данном вопросе; биржевые круги и торговый мир всех наций наиболее ажиотажирован, протестует и выносит резолюции; учреждения и должностные лица негодуют и заявляют о нежелании подчиниться обязательному автоматическому обмену своих сбережений и средств. В отделение банка поступают заявления с угрозами о вчинении исков. В местную комиссию являются лица, наносящие всяческие оскорбления последней».

Обмен по линии жел. дороги. Не лучше, нежели в самом Харбине обстояло дело и по линии ж. д.. Отделение Русско-Азиатского Банка в *Хайларе* письмом от 2 июля осведомляло Харбинскую Комиссию, что «местное население к новым денежным знакам относится пока в высшей степени индиферентно, так как торговля в Хайларе на рубли вообще прекратилась давно, а имевшиеся у обывателей и коммерсантов крупные суммы сибирских перебрасываются обратно в Забайкалье, где покупается на них все, что имеет какую либо ценность. Хотя население и оповещено о возмож-

ности обмена сибирских на новые знаки, по попрежнему продолжает выбирать с тек. счетов в сибирских. До половины остатков т. сч. в сибирск., полагаем выберут до 5-VII, а остальные придется перенести, согласно об'явления банков в Харбине от 29-VI с. г. на хранение в сибирск. валюте, хотя на эту операцию банков со стороны публики нареканий и претензий не меньше, чем на автоматическую девальвацию. Вообще отношение населения к новым денежным знакам, несмотря на их техническое достоинство и высокие цели, в высшей степени неблагоприятное по причинам как общего, так и местного характера».

В *г. Маньчжурии*, как указали мы, обмен не производился вовсе.

Настроение по отношению к реформе и здесь было неблагоприятное.

Сообщая об об'явленном в Харбине обмене, местная газета под заголовком «неудачная реформа» писала: «денежная реформа Владивостокского Правительства в Харбине встречена несочувствием. Крупные вкладчики выбирают свои вклады в сибирских денежных знаках. В последние дни были случаи получения сибирских денежных знаков по несколько миллионов. Биржей новые знаки не котируются. Были ничтожные сделки на новые знаки по курсу 15—20 рублей за иену. Торговцы принимать денежные знаки Владивостокского Правительства отказываются».[1])

Вследствие беспокойства клиентуры Маньчжурское Общество Взаимного Кредита 16 июля об'явило: «В виду появления в газетах об'явлений Харбинских банков и комиссий по проведению денежной реформы на территории К. В. ж. д. Банк Маньчжурского О-ва Вз. Кредита сим об'являет для сведения вкладчиков и всех г. г. клиентов, что за неполучением по сему вопросу прямых указаний, Банк никаких мер по обмену денежных знаков не принимает и слагает с себя перед вкладчиками всякую ответственность за последствия».[2])

Регистрация сибзнаков у иностранцев. Об'явленный срок обмена истекал в г. Харбине 4-го июля, а по линии—19 июля. К этому времени в самом Владивостоке обмен уже закончился и вместо него была, по протесту Консульского Корпуса, об'явлена лишь обязательная с 2-го июля регистрация подлежавших из'ятию денежных знаков, принадлежавших иностранным подданным.

Как мы видели выше, самый обмен в полосе отчуждения К. В. ж. д. сведен был на нет. В начале настойчивое и неу-

[1]) Газ. «Вестник Азии» № 595, 16 го июля 1920 года, г. Маньчжурия.
[2]) Тоже.

ступчивое отношение органов, ведавших проведением реформы— под влиянием окружавшей обстановки—смягчилось и комиссии, как центральная, так и местная, поставленные перед фактом отказа и банков и торгово-промышленного класса от обмена, вынуждены были пойти на компромиссы, сводящие на нет смысл реформы и ее возможные результаты.

В своем обращении к Харбинской Комиссии, Центральная—так определяет свое отношение к создавшейся в полосе отчуждения обстановке:

«В виду особых условий, в которых находится полоса отчуждения Китайской Восточной ж. д., производство в ней обмена денежных знаков должно производиться в отношении как иностранных подданных, так и русского населения, с особой осторожностью и по возможности без создания инцидентов. В отношении иностранных подданных надлежит держаться порядка, установленного во Владивостоке по соглашению с местным Консульским Корпусом.

Что же касается русского населения, то тем лицам, кои не согласны на обмен принадлежащих им сумм на новые кредитные билеты,—следует предлагать взять означенные суммы из подлежащих кредитных учреждений, предваряя, что по истечении срока обмена все, не из'ятые из учреждений, суммы будут перечислены на новые кредитные билеты. Востребование сумм в сибирских знаках должно быть разрешено до последнего дня обмена. При выдаче сумм, внесенных в романовских и керенских деньгах и обезличенных, выдача должна производиться в сибирских знаках на общем основании.

Что касается прежних правительственных вкладов, относительно коих заявлен протест местным русским консульским представительством, надлежит войти с этим представительством в сношение, с указанием на неудобство создаваемого его протестом положения и предложить ему, в случае настояния на протесте, получить обратно подлежащие суммы в сибирских знаках до истечения срока обмена».

Как видим, Владивосток учел Харбинскую обстановку и более полагался на добрые намерения лиц и учреждений, кои должны были обменять или зарегистрировать свои денежные знаки, нежели на их формальную обязанность сделать это.

В соответствии с владивостокским соглашением Харбинская Комиссия об'явила регистрацию иностранными подданными подлежащих из'ятию денежных знаков по Харбину с 28-го июля по 5-е августа и по линии ж. д. с 1-го по 9-ое августа включительно.

27-го июля соответствующее постановление Вр. Правительства и обращение Харбинской Комиссии было опубликовано в Харбинской прессе.

К этому времени уже закончилась регистрация по Приморью и, конечно, малый успех ее не мог способствовать авторитету об'явленной регистрации в полосе отчуждения. И действительно, последующие цифры покажут нам, как мизерны были результаты обмена в Сев. Маньчжурии.

Цифровые итоги обмена и регистрации.

14-го июля 20 года из Владивостока было препровождено Государственным Банком в Харбин в фонд обмена, новых знаков, образца 1918 года, на сумму 5.000.000 рублей, из них: 100 рублевого достоинства на 3 000.000 руб.; 25 руб.—на сумму 1.950.000; 50 коп.—на сумму 48.000; 10 коп.—на сумму 2.000 руб.

За весь период обмена удалось выврасходовать менее 10% этой суммы, а именно — 481.485 рублей новыми знаками.

Было обменено подлежавших из'ятию по закону 5-го июня денежных знаков, почти исключительно сибирских краткосрочных обязательств Государственного Казначейства:

Московским Народным Банком на сумму—61.313.078 рублей, Сибирским Торговым Банком—18.402.045 р. 80 коп., Русско-Азиатским Банком—13.283.020 р. 20 коп., Харбинским Общест. Вз. Кр-та—4.812.140. Всего, следовательно, по г. Харбину было пред'явлено сибзнаков на сумму 97.810.284 руб.

Кроме того было обменено по линии Кит. Вост. ж. д.: Ханьдаохэдзским Об. Взаимн. Кредита на сумму—106.820 руб.; Хайларским Отдел. Русско-Азиатского Банка — 279.620. Итого на сумму — 386.440 руб.

Общий итог из'ятых сибирских превысил 98 миллионов рублей.[1])

Кроме того пред'явлено было к регистрации иностранными подданными, на условиях, об'явленных Правительством Д. Востока по соглашению с Консульским Корпусом:

В Харбине—в отд. Московского Народного Банка на сумму — 89.100.879-27, Сибирского Торг. — 50.784.759-06, Общ. Вз. Кредита—6.386.899-45, Отд. Русско-Азиатского Банка—21 562.914-88, в Хайларе—279.620-00, в Ханьдаохецзы—Общ. Взаимного Кредита—482.334. Всего было пред'явлено к регистрации на сумму—168.597.406-66.

Итак, — исключая сумму зарегистрированных знаков, как остававшихся в фактическом распоряжении их владельцев, результат обмена выражался в валюте в сумме 25.000 — 30 000 иен, считая: новые знаки, примерно, по рыночному курсу на них в Харбине в дни обмена 17—25 руб. за иену, а сибзнаки — по курсу на них в эти дни, примерно, в 3 000—3.500 рублей.

Причины неудачи проведения денежной реформы в полосе отчуждения.

Прежде, чем перечислять обстоятельства, повлекшие к неудаче проведения денежной реформы в полосе отчуждения КВжд., мы хотели бы поставить вопрос несколько иначе:

Какие, собственнно, были основания ожидать удачу в Харбине, после всего того, что обнаружилось в процессе осуществления реформы в Приморье, где все же был единый административный центр и возможность установить обязательность, хотя бы, для некоторых категорий своих граждан?

Если бы даже Харбинский Торгово-промышленный класс, в лице своей Биржи, проявил иное отношение к денежной реформе, это не спасло бы ее от неуспеха в полосе отчуждения,

---

[1]) Было принято сибзнаков на 1.620.104 руб. более, чем надлежало принять против выданных 481.485 р. новыми знаками. Сумма эта составила врученный «лащек» на просчет и на замену возможных фальшивок.

при условии вполне определившегося враждебного отношения иностранцев.

Главными держателями «сибирских» миллионов были не русские граждане.

Обнаружившаяся в первые же дни появления в Приморье новых знаков тенденция падения их курса не могла укрепить веру в них и желание ими заменить «сибирские», имевшие уже за собой некоторую, хотя и не совсем блестящую, давность.

Под натиском враждебно настроенных к реформе иностранцев Вр. Правительство не могло быть настойчивым, колебания были естественны, но колебания эти порождали новые натиски и необходимость новых уступок. Отсутствие твердости в учреждениях, выполняющих предначертания закона, также дезорганизующе действовало на рынок. Мы уже отмечали, что отказ Харбинских Банков от обязательств, первоначально ими принятых на себя, был тяжелым ударом реформе.

В оценке этого факта сходятся органы различного направления.

«Об'явление Банков, — сообщала одна из Харбинских газет,— вызванное протестом держателей вкладов против насилия, учиняемого в отношении их Владивостоком, фактически низвело реформу к нулю и поставило комиссию по проведению денежной реформы в безвыходное положение. Напечатанное в газетах вслед за этим об'явление комиссии с протестом против об'явления Банков показывает, насколько безпомощна и неуверенна была в своих действиях и решениях Комиссия».[1])

«Обмен проходит вяло,—сообщала другая газета,—решение Банков не производить автоматического перечисления в значительной степени отозвалось на обмене в смысле его неуспеха».[2])

Касаясь причин неудачи реформы, Харбинская пресса отмечала, что толстосумный коммерческий Харбин еще в средине июня выявил свое враждебное отношение к девальвации. По мнению газет этим отношением руководили не идеалистические начала (политика и пр.), а простой коммерческий расчет, так как иметь на счету «сибирки» просто-напросто выгоднее, чем соответствующее количество «американок».

Сама Харбинская Комиссия, в своей,—уже цитированной нами докладной записке,—так резюмирует свои соображения «по поводу выявившейся уже неудачи реформы»: «значительная доля в твердом нежелании менять деньги на новые знаки у клиентов сложилась под влиянием полной невозможности обращать кредитные билеты в валюту, хотя бы, по приблизительно приемлемому курсу,—с первых же дней обмена держатели новых знаков с трудом покупали иены и то в весьма незначительном

---

[1]) Газ. «Русский Голос» № 6 от 7 июля 1920 г. г. Харбин.
[2]) Газ. «Новости Жизни» № 135 от 2 июля 1920 г. г. Харбин.

количестве, за 17—20 руб., затем курс на новые знаки упал до 27—30 руб., при возможности приобретать иены на сибирские за 4.000 руб.

Если бы Банки располагали правительственной валютой для поддержания курса новых денег—оптимистически мечтает доклад,—то вполне возможно предположить, что это оказало бы большую услугу в отношении доверия к реформе и обмен несомненно закончился бы с более благоприятными результатами».

В правильности оптимистического предположения Харбинской Комиссии можно усомниться. Если валютная интервенция поглотила во Владивостоке около 1 милл. иен, нетрудно сделать вывод, что в условиях вольного, спекулятивного рынка Харбина, при его «емкости», эта валютная интервенция обошлась бы Вр. Правительству во много миллионов.

«Опыт» этот, к счастью, проделан не был.

Окончательный отказ К. В. ж. д. от приема сибзнаков.

Как помнит читатель, категоричность приказа № 212 была смягчена циркуляром К. В. ж. д. от 15-го декабря 1919 года, допускавшим прием сибзнаков в платеж по грузовым перевозкам в размере не более 1/3 суммы взноса.

В связи с постепенным падением курса сибрубля, Управление дороги вновь пришло к выводу о необходимости полного отказа от приема их.

Майская 920 г. циркулярная телеграмма «Н» за № 170, предоставляя кассам дороги с 9-го мая принимать половину причитающегося платежа «романовскими», «керенскими» и бонами Русско-Азиатского Банка по курсам, особо установленным дорогой, об'являет, что «уплата сибирскими знаками исключается».

Нулификация сибзнаков.

Начиная с июня, сибзнаки, упав в цене до 2478 р. 84 коп за иену, стремительно нулифицируются, совершенно переставая интересовать рынок. Курс иены на эти знаки падает до 3453 р. 84 к.—в июле, 4362 р. 50 коп.—в августе, 5619 р.—в сентябре и до 10000 руб.—в октябре, каковой курс, по справкам Биржи и Управления К. В. ж. д., остается для них и на последующее время 1920-1921 г.г., будучи лишь номинальным, так как фактически сделки на сибзнаки совершенно не производились и рынок постепенно забывал их.

С конца 1922 года Биржа прекращает публикование в своих бюллетенях курса сибирских обязательств.

В последующем спрос на эти обязательства проявлялся лишь со стороны либо коллекционеров, либо фирм, пытавшихся свои рассчеты друг с другом за прежние годы ликвидировать депонированием в судебные или нотариальные учреждения тех или иных сумм этими обязательствами.

О «курсе» их можно судить по сообщенной прессой «сделке» Харбинского Городского Совета.

Последний из остатков своей кассы в октябре 1923 года продал около трех миллионов рублей по цене: 1 иена за 100.000 руб. сибирскими обязательствами.[1])

В ответ на советы своих коллег—обождать с продажей,—заведывающий финансовым отделом Горсовета заявил: бумажки только загромождают шкаф и книги, а тридцать иен—это месячное жалование сторожу.[2])

«Царские» и «керенские» денежные знаки.

Как читатель мог уже уяснить из предшествующего,—падению стоимости сибзнаков неуклонно сопутствовало падение курса денежных знаков прежних—общероссийских выпусков.

Правда, нет данных для того, чтобы утверждать, что падение курса этих знаков являлось именно следствием падения курса сибзнаков.

Кривая курса денежных знаков обоих этих категорий на протяжении почти двух лет идет почти под одним углом, но можно предположить, что курс «романовских» и «керенских» понижался под влиянием не только местных, но и обще-мировых причин.

1917 год не знал какого-либо подразделения российских кредитных рублей и все они, как таковые, в силу причин военного характера, стали расцениваться рынком дешевле, нежели золотой рубль.

По сравкам Гл. Бухгалтерии Кит. Вост. ж. д.—курс одного *золотого рубля на кредитные билеты* был равен:

	1917 г.	1918 г.		1917 г.	1918 г.
В январе .	1 р. 89 к.	7 р. 97,1 к.	В июле	2 р. 78,5 к	5 р. 77,9 к.
„ феврале	1 „ 91,7 „	6 „ 70,4 „	„ августе	3 „ 07,3 „	5 „ 34,7 „
„ марте	1 „ 90,7 „	4 „ 25,6 „	„ сентябре	4 „ 70,6 „	5 „ 98,8 „
„ апреле	1 „ 90,5 „	3 „ 60, „	„ октябре	6 „ 05,5 „	5 „ 85,5 „
„ мае	2 „ 00 „	4 „ 74,9 „	„ ноябре	8 „ 39,6 „	4 „ 81,3 „
„ июне	2 „ 36 „	6 „ 01,4 „	„ декабре	8 „ 94,7 „	5 „ 06,6 „
			Средний курс за год:	3 р. 82,8 к.	5 р. 51,1 к.

По отметкам Харбинской Биржи средний курс *одной иены* на кредитные билеты составлял:

За 1917 год—3 руб. 76,9 коп.
За 1918 год—5 руб. 32,1 коп.

---

[1]) Квит. Гор. Совета № 13724 от 25 окт. 1923 года.
[2]) Газ. «Заря» № 250, от 27-го октября 1923 г., гор. Харбин.

И в 1917 и в 1918 годах рынок не подразделял еще кредитных билетов по выпускам и сортам. Как видим, положение курса ухудшилось за 1918 год, по отношению к предшествовавшему году, в 1,41-1,43 раза.

Но курс кредитного рубля *за 1918 год* не только не ухудшился, но еще и окреп.

Лаж. Начало 1919 года, помимо указанного нами недостатка в денежных знаках, ознаменовалось установлением рынком лажа на кредитные билеты разных выпусков. В начале лаж этот имел место по отношению к кредитным билетам разных выпусков,—вне зависимости от купюр и степени новизны их.

В январе 1919 года рынок сразу же установил лаж почти в 10% между „романовскими" и „керенскими".

Соотношение курса этих двух категорий кредитных билетов можно уяснить из следующей

Таблицы

курса одного золотого рубля в 1919 г.

Месяц	На «романовские»	На «керенские»	Месяц	На «романовские»	На «керенские»
Январь	5 р. 08 к.	5 р. 62 к.	Іюль	8 р. 44 к.	18 р. 04 к.
Февраль	5 „ 44 „	5 „ 99 „	Август	10 „ 07 „	22 „ 89 „
Март	6 „ 96 „	7 „ 69 „	Сентябрь	10 „ 29 „	23 „ 27 „
Апрель	9 „ 17 „	10 „ 85 „	Октябрь	11 „ 26	41 „ 27 „
Май	10 „ 32 „	15 „ 10 „	Ноябрь	12 „ 33 „	63 „ 57 „
Іюнь	8 „ 06 „	13 „ 74 „	Декабрь	11 „ 11 „	64 „ 82 „
			Ср. курс за 1919 год	9 р. 04,45 к.	24 р. 40,4 к.

Ниже мы помещаем

Таблицу

среднего курса иены на эти же знаки за 1919 год.

Месяц	«Романовские» мелкие	«Керенские»	Месяц	«Романовские» мелкие	«Керенские»
Январь	4 р. 88 к.	5 р. 42 к.	Іюль	8 р. 00 к.	—
Февраль	5 „ 21 „	5 „ 75 „	Август	9 „ 48 „	22 „ 15 „
Март	6 „ 71 „	7 „ 47 „	Сентябрь	10 „ 15 „	22 „ 48 „
Апрель	9 „ 00 „	10 „ 64 „	Октябрь	10 „ 30 „	39 „ 94 „
Май	11 „ 00 „	14 „ 79 „	Ноябрь	12 „ 00 „	60 „ 94 „
Іюнь	8 „ 65 „	13 „ 31 „	Декабрь	10 „ 23 „	56 „ 92 „
			Ср. курс за 1919 г.	8 р. 80,08 к.	21 р. 65,08 к.

По сведениям Харбинской Биржи за 1919 год **при размене у харбинских менял давали «сибирских» краткосрочных обязательств:**

Месяц	За 1000 р. «зеленых»	За 1000 р. «романовск.» мелких	Месяц	За 1000 р. «зеленых»	За 1000 р. «романовск.» мелких
В Апреле	1.180 р. сиб.	1.370 р. сиб.	В Августе	1.935 р. сиб.	4.000 р. сиб.
„ Мае	1.150 „ „	1.900 „ „	„ Сентябре	2.500 „ „	5.140 „ „
„ Июне	1.250 „ „	2.190 „	„ Октябре	2.200 „ „	6.810 „ „
„ Июле	1.725 „ „	3.120 „ „	„ Ноябре	3.000 „ „	12.090 „ „
			„ Декабре	2.850 „ „	14.660 „ „

По отметкам Коммерческой Части Управления К. В. ж. д. на местном рынке в 1919 г. **давали при размене:**

Месяц	1.000 р. «зелеными» на *«романовские»*.	1.000 р. «сибирскими» на *«романовские»*	1.000 р. «сибирскими» на *«зеленые»*
30 июня .	770 рублей	550 рублей	750 рублей
30 июля . .	700 „	360	488
30 августа .	520 „	250	500
30 сентября	390 „	160	400
31 октября .	290 „	140	500 „

Приведенные таблицы дают совершенно достаточный материал для того, чтобы сделать некоторые выводы.

Можно констатировать, что «сибирские», вначале котировавшиеся по отношению к «зеленым» (керенским) с лажем около 20% и по отношению к «романовским» с лажем около 35%, к концу года отстали в курсе от «керенских» более, чем на 100% и от «романовских»—почти в 11 раз.

Одновременно возрастала разница в курсе «керенских» по отношению к «романовским»: лаж между ними, составлявший в начале года лишь около 10%, достиг к концу года, почти,— 500%.

Нельзя оставить без внимания и то обстоятельство, что более или менее равномерное увеличение лажа на «керенские» в октябре 1919 г. делает резкий скачек. Бюллетени Харбинской Биржи наивысший курс «керенских» на иену отмечают: 2-го октября—26,80 руб., а наинизший—20-го октября—65 р.

Об'яснение октябрскому 19 г. понижению на харбинском рынке курса „керенских“ приходится искать в факте опубликования уже упоминавшегося нами приказа № 212 Кит. Вост. жел. дор. от 16-го октября 19 г., который, констатируя „установление на местных рынках различной расценки русских денежных знаков—романовских и выпуска правительства Керенского“, вводил с 1-го ноября 19-го года оплату тарифов золотыми русскими монетами или же „русскими кредитками образца

до 1917 года (романовскими), разменными бонами дороги и Р.-Аз. Банка и полтинниками, отпечатанными в Америке". В конце приказа указывалось, что после 1-го ноября прием керенских прекращается, за исключением взносов русской пошлины на станциях отправления и сумм, причитающихся дороге за грузы, принятые к перевозке до 1-го ноября.

Циркулярная телеграмма Управляющего Кит. Вост. ж. д. от 15-го декабря 1919 г. за № 1724 вводила некоторые послабления в правила, установленные приказом № 212, а именно: — разрешался прием при оплате грузового тарифа одной трети вносимой суммы «керенскими», но вместе с тем циркуляр узаконял введенный рынком лаж за ветхость.

«В виду того, что выручка, поступающая в кассы дороги — говорил циркуляр, — является для нея оборотными средствами, *станции должны отказывать в приеме черезчур ветхих знаков*, которые не могут быть вновь выпущены в обращение».

Поступающую выручку станциям предлагалось отсылать «в рассортированном виде», при чем на пачках должны быть обозначены: «станция, сумма, дата поступления и фамилия ответственного по кассе агента».

Вполне понятно — какой простор для произвола и «личного усмотрения» давался этим циркуляром, фактически узаконявшим лаж.

«Не происходило ни одной сделки, — читаем мы в отчете Харбинской биржи за 1919 год,—без того, чтобы все денежные знаки не были пересмотрены на свет, при чем браковались не только такие, на которых были разрывы и надрывы, но и самые ничтожные проколы булавкой. В конце концов, стали приниматься к платежам преимущественно совершенно новые денежные знаки как романовские, так и государственные кредитные билеты выпуска Керенского. С этим же большим лажем (от 15 до 25%) стали приниматься боны Русско-Азиатского Банка («хорватовские») и крупные «романовские», начиная с 25 рублевых. В мелкой же торговле они совсем не принимались уже с средины октября месяца 1919 года. Облигации 4½% государственного займа сперва были приняты рынком с доверием. Но затем рынок стал уклоняться и от них, установив лаж в 3-4%. Рынок стал воздерживаться от приема так же разных займовых билетов («заем свободы») и др., принимая их сперва по курсу крупных «романовских», а затем с лажем».

Омское правительство, бессильное способствовать установлению устойчивого курса на свои обязательства, бессильно было и устранить спекуляцию на лаже. Оно вынуждено было лишь констатировать это новое явление в процессе денежного обращения.

«Меновой оборот встретил появление новых денег, — читаем мы в оффициальном органе Омского Министерства Финансов,—установлением различия в оценке старых «хороших» и новых—«худых» бумажных денег. „Хорошие" деньги ушли из оборота, „худые" остались, и в конце концов, кроме лажа на металлическую валюту, мы имеем теперь разнообразные виды бумажных денежных знаков, несвязанных между собою постоянным и неизменным соотношением ценности, мы имеем

не только один лаж на золото, но целую систему разнообразных лажей и ничтожную покупательную ценность «худших» денег».[1])

Правда, министр финансов, с целью борьбы со спекуляцией на лаже, издал постановление о воспрещении банкам принимать на хранение и на особые текущие счета романовские и зеленые—керенские, но банки и во Владивостоке и в Харбине открыто нарушали это обязательное постановление. Как в свое время утверждал один из обосновавшихся на Дальнем Востоке экономистов, «вытеснение мелких керенок с рынка еще более увеличило интерес к зеленым, не говоря уже о романовских.

Лаж доходил до 120—200 процентов. Спекулянтам и банкам открылись новые пути спекуляции. Можно ожидать, что лаж будет доведен до геркулесовых размеров».[2])

1920 год принес еще большую изощренность рынка в установлении лажа на тот или иной вид каждого из денежных знаков.

Биржа, боровшаяся с этим новым методом спекуляции, все же вынуждена была сама в своих бюллетенях, равняясь по курсам Кит. Вост. жел. дор. и сделкам рынка,—вести особую котировку «зеленых» 1-го и 2-го сорта, романовских 1 и 2 сорта и крупных. Разница курса между «зелеными» (керенскими тысячными) 2-го сорта, т. е. несколько помятыми и с почти незаметными дырочками на сгибах, и «романовскими» 1-го сорта устанавливается более, чем в 6 раз; так например в январе 1920 г. одна иена расценивалась: в 60 руб. 35 коп. на «керенские» 2-го сорта и в 9 руб. 28 коп. на «романовские» 1-го сорта.

«Русски деньги починяйла». Нет ничего удивительного в том, что в Харбине и особенно в Фуцзядяне — китайском городе возле Харбина — появился новый вид «промышленности»—*починка* старых денежных знаков. Проходя по улицам, можно было на китайских фанзах встретить об‘явления: «русски деньги починяй», «руска ломайла деньга исправляй» и т. п.

Все эти «мастера» тщательно «стирали» и выутюживали русские денежные знаки, старательно заделывали имевшиеся на них дырочки и проделывали прочие манипуляции, благодаря которым «починенная» бумажка переходила в высший разряд и поднималась в цене чуть ли не в два раза.

---

[1]) См. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли» № 15. Статья Б. Э Торгуд. г. Омск. Май 1919 г.

[2]) См. «Русский Экономист» № 16. Ст. Гана (Гутмана). г. Владивосток. 1919 г.

Приказ ген. Бао-Гуй-Цына.

После перехода власти в полосе отчуждения к китайским должностным лицам,—новый главный начальник района и председатель Правления О-ва К. В. ж. д.—ген. Бао-Гуй-Цын решил во что бы то ни стало прекратить игру на лаже русских денежных знаков.

2-го апреля 1920 г. состоялось совещание членов Правления К.В.ж.д. с представителями китайской власти во главе с даоинем (губернатором).

Член Правления д-р Хе-жоу-шень, осведомив о предстоящей борьбе с лажем, указал, что ген. Бао полагает, что признание в одном лишь Харбине ветхих денег не разрешает вопроса. Необходимо одновременно установить обязательность их приема в Мукденской и Цицикарской провинциях, что уже и исполнено ген. Бао, телеграфно предложившим принять все меры, чтобы ветхие деньги получили там полные права гражданства.

17-го апреля 20 г. ген. Бао опубликовал свой знаменитый приказ об обязательном приеме ветхих денег.

Излагая затруднения с ветхими деньгами, ген. пишет, что «при обсуждении вопроса были представители иностранных банков и торговых предприятий и было решено одинаково принимать и расценивать романовские и керенские ден. знаки независимо от степени изношенности (новые и ношенные — с дырочками и краевыми трещинами) только при наличии на них достаточно ясной цифры, № и подписи. Выработанное мероприятие решено провести в жизнь с 21/IV с. г., как со стороны Правления дороги, так и со стороны китайцев и иностранцев.

По соглашению моему с Управлением дороги, — пишет далее ген. Бао,—со стороны последнего будет сделано циркулярное распоряжение к сведению и руководству выработанного порядка приема романовских станциями по линии дороги о принятии и непринятии дензнаков. И одновременно об этом будут поставлены в известность комиссаром по иностранным делам иностранные банки через надлежащих консулов на предмет одинакового принятия вышеупомянутых и опубликованных дензнаков.

Выпуская для общего сведения коммерческого и гражданского населения настоящее об'явление с наклеенными в конце его образцами романовских и керенских дензнаков, годных для приема, я категорически предупреждаю, что виновные в дальнейшей разборчивости в дензнаках, опубликованных в этом об'явлении, будут привлекаться к строгой ответственности без всякого снисхождения».

С 21-го апреля приказ вступил в силу. Но по условиям времени и места он повлек за собой еще большую спекуляцию на лаже.

Это явление отмечалось всеми наблюдателями денежного рынка того периода, это же находит подтверждение и в отметках курса Биржею.

Как отмечали газеты—„Мелкие торговцы зеленью и продуктами упорно уклонялись от приема каких бы то ни было, как романовских, так и хорватовских знаков, требуя оплаты иенами. Недоразумения эти решались полицией таким образом: торговцы и покупатели задерживались, тут же всем им связывались веревочкой назад руки и целой толпой направлялись в полицию.

Большей частью этой участи подвергались торговцы разносчики, что же касается продавцев мелких лавочек, то там стали приниматься „романовские" деньги разного качества, но за то цены на все взвинчены были до небывалых размеров: масло, например, вздорожало с 25 р. до 60 р. фунт к 23 апреля. Такие же бешеные скачки наблюдались и в крупных магазинах».[1])

Телеграфное агентство „Руста" в апреле 20 г. сообщало из Харбина: „Приказ Бао-Гуй-Цына вызвал появление на рынке огромного количества рваных кредиток. Менялы — китайцы и японцы, нарушая приказ, установили новый лаж—старые знаки вдвое дешевле против новых".

Аналогичное мнение о последствиях этого приказа высказывал и Харбинский Биржевой Комитет: „Приказ ген. Бао-Гуй-Цына, — читаем в отчете Биржи, за 1920 год, — угрожавший населению г. Харбина наказанием за отказ от приема при купле-продаже товаров ветхих русских денежных знаков, оказал обратное действие и не только не улучшил положения русских денежных знаков, но привел к полному отказу населения от приема этих денежных знаков. После этого на местном рынке окончательно восторжествовали валютные денежные знаки. Русский же рубль превратился в ничего не стоющую бумажку, и уже с апреля месяца отчетного года товарные сделки перестали совершаться в русском бумажном рубле. В дальнейшем сделки с русским бумажным рублем уже носят частный характер и биржевого значения не имели".

Положение во внутреннем Китае и на юге.

В нашем распоряжении имеется «дневник» экспедиции одной из российских организаций, провезшей из России через Монголию летом 1920 года транспорт «царских» и «керенских» кредитных билетов для реализации их в Китае.

---

[1]) См. газ. «Новости Жизни» № 80, от 24-го апреля 1920 г. г. Харбин.

Сотрудники этой экспедиции на протяжении июля—ноября 1920 г. детально обследовали денежный рынок Шанхая, Пекина, Тяньцзина, Мукдена, Чань-Чуня и Харбина.

Данные этого обследования представляют весьма большой интерес.

В виду этого, а также и безусловной достоверности этих, нигде еще неопубликованных «дневников», мы позволяем себе привести из них некоторые, самые краткие выдержки, относящиеся к семи наиболее крупным хозяйственным центрам Северного Китая и Северной Маньчжурии. Выдержки эти охватывают время с 3 июля по 2 октября 1920 года:

—*Пекин*, 3—VII 1920 г. Спроса нет. С трудом продано по 100 тыс. руб. Курс 1000 рублевых—9 мекс. долларов, 250-ти рублевых—7.25 мекс. дол. От дальнейших покупок воздерживаются.

—*Шанхай*, 28—VII. Спрос на керенские, как и на царские отсутствует. Говорят, что это наблюдается еще с апреля с. г., отдельные «менялки» соглашаются покупать, но лишь десятками тысяч. За эти три дня продали, соблюдая полную осторожность, не навязываясь и не посещая по второму разу—полтора миллиона тысячных по цене 7.75—7.65 и 7.50 и сто тысяч 250-ти рублевых по цене 6.25—5.90 на доллар. Газеты отмечают неуклонное понижение.

—*Чань-Чунь*, 30—VII. Каждая меняльная лавка, а их тут сотни, имеет свой курс для «зеленых». Некоторые менялы с грубостью отказывались от покупки. Видно, русский рубль, разоривший не одного китайского меняху, восстановил его против русских денег.

Было случайное предложение—продать 1 миллион двухсотпятидесяти—рублевками по цене 5 мексиканских долларов за 1000 рублей.

—*Тяньцзин*, 31—VII. С большим трудом продали 100.000 по 250 р. по цене 5.90 мекс. дол., вчера была сделка по 6 дол.

—*Чань-Чунь*, 2—VIII. С керенскими окончательно плохо. Купившие вчера жалуются что переплатили и что несут убытки». За весь день продали всего 12 тысяч рублей по совершенно непонятному курсу: 10 тысяч по 6 м. долл. 30 цент за тысячу, а 2 тысячи по 8 м. долл. 50 цент.

—*Фуцзядян*. (возле Харбина) 17—VIII. Полное нежелание брать зеленые, порою выражающееся в резких фразах и жестах отвращения. Обидно за русские деньги. Не хочется продавать по такой цене, но завтра и в ней откажут.

—*Харбин*, 20—VIII. Продано полмиллиона «тысячных» по 7,6 мекс. доллара. Спроса нет. Боязнь дальнейшего падения курса заставляет менял быть осторожными. За кредитные билеты по 250 р дают не более 5,13 мекс. долларов.

—*Чань-Чунь*, 26—VIII. Купюры по 250 рублей идут по 5.15 мекс. долларов. Продать более ста—двухсот тысяч руб. нельзя.

—*Мукден*, 27—VIII. Курс все падает. Судя по условным телеграммам Тяньцзина и Харбина—это явление общее.

— *Харбин*, 10—IX. За «думские» (1000 р.) дают не более 6.2) м. долл. Спрос лишь на мелкие партии.

—*Тоже*, 16—IX. Управление К.В.ж.д. курс на 1000 руб., купюрами по 250 руб., установило в 4.75, несмотря на это удалось продать 625000 руб. по 5.20

—*Тоже*, 19—IX. Везде равнодушие, полное нежелание приобретать зеленые по причине неожиданного падения, снова введшего в убыток многих китайцев.

—*Мукден*. 1—X. Курс на тысячные—5.30, на 250-ти рублевики—3.60 за тысячу.

—*Харбин*, 2—X. Мелкие 3.50 за тысячу, спроса нет.

Выписки из этих «дневников» можно было продлить, но и приведенных достаточно для уяснения того постепенного обесценения русских денежных знаков, которое наблюдалось на протяжении всего 1920 года.

Установление лажа наблюдалось на протяжении всего Китая.

Курс *шанхайского лана* так же, как и *тяньцзинского доллара*, на русские кредитные билеты устанавливался в зависимости от образца и сорта этих знаков. Курс этой валюты претерпел следующие изменения:

Наименов. дензнаков	Год	*Шанхайский лан*	*Тяньцзинский долл.*
На романовские	1915	От 1,3 р. до 2,2 р.	От 1,0 р. до 1,4 р.
» »	1916	» 2,2 » » 3,2 »	» 1,4 » » 2,2 »
» »	1917	» 3,2 » » 10,8 »	» 2,2 » » 7,4 »
» »	1918	» 10,8 » » 11,6 »	» 7,4 » » 8,2 »
» »	I-IV 1919	» 11,6 » » 19,4 »	» 8,2 » » 14,4 »
» »	V-IV »	» 26,0 » » 24,8 »	» 10,0 » » 17,2 »
» зеленые	» » »	» 36,4 » » 35,2 »	» 27,0 » » 26,4 »
» сибирские	» » »	» 48,4 » » 46,4 »	» 35,6 » » 34,6 »

После некоторого улучшения курса к июню 20 г. вновь начинается сильное, неостанавливающееся падение курса на русск. бумажн. рубли всех наименований.

При заготовках скота, особенно в пунктах, близ лежащих от полосы отчуждения, весовое серебро—лан постепенно вытесняло русск. кред. рубль со всех рынков, где ранее заметно было преобладание рубля. Причем, опасаясь дальнейшего падения курса кред. рублей, цены на скот назначали в рублях в два-три раза более высокие, нежели соответствовали биржевой расценке кред. рубля в тот момент.[1])

Отметим, что Харбинское Самоуправление летом 1920 г. «принимало царские дороже „керенских" в 3-4 раза, что в общем соответствовало и соотношению в странах Западной Европы. Так, например, в июле—августе 1920 года Стокгольм отметил: «царские (100-500 р.)—200 крон; «думские»—90 крон за одну тысячу рублей.[2]) В Сербии за 1000 руб. николаевскими—давали 300 динаров, за 1000 руб. «думских»—90 динаров.

Разница в курсе керенских и романовских уменьшалась одновременно с падением курса как тех, так и других.

Китайские боны в керенских рублях. Любопытное явление произошло в 1919 году на денежном рынке Харбина

Не доверяя вновь появившимся „сибирским", но в то же время ощущая разменный кризис из-за отсутствия—после изъятия „керенок"—денежных знаков мелких

[1]) См. А. С. Мещерский—„Монгольская Эксп. по загот. мяса для действующих армий. Маньчжурско-Владивостокский район" стр. 78. гор. Харбин, 1920 г. Книга снабжена таблицами курсов лана и тяньцзин. доллара

[2]) См. «Бюллетень Лондонской Конторы Центросоюза». № 16, от 1-IX 1920 г.

купюр, китайские коммерческие о-ва в Харбине и Фудцзядяне выпустили в 19 г. свои боны.

На лицевой сторонѣ бона «Харб. Гл. Комм. О-ва» значилось:

«Временный бон . . руб. Настоящие боны обмениваются на основании § 2 положения о выпуске бон». На оборотной стороне было напечатано: «*Положение о выпуске бон Харб. Гл. Комм. О-ва*»—:§ 1. Вследствие недостатка на рынке мелких бумажных ден. знаков для сдачи, О-во постановило выпустить вр. боны 5-ти видов: в 50 коп., 1, 3, 5 и 10 руб. § 2. При накоплении наст. бон в сумме 250 или 1000 руб. таковые обмениваются на русские рубли (керенские). § 3. Замасленные, потрепанные боны за невозможностью установить действительны они или поддельны обмениваться не будут. § 4. Виновные в подделке будут направляться к властям для наказания. *Май 8 год Китайской Республики*».

Бон китайск. Гл. «Харбинского Комм. Общества» в керенских рублях. г. Харбин 1919 г. (*Натур. велич. 120 х 73 мм.*)

На бонах Бинцзянского Кит. Комм. О-ва (в гор. Фуцзядяне) было напечатано: на лицевой стороне: «Временный бон . руб. выпущены Бинцзянским Комм. О-вом. Настоящие боны обмениваются на 250 и 1000 достоинства русские рубли»; на оборотной: «О-во в целях урегулирования денежного обращения на рынке с разрешения властей выпускает врем. боны 4-х видов: в 1, 3, 5 и 10 руб. Виновные в подделке бон по обнаружения их будут направляться к властям для наказания».

(*Оборотная сторона*)

Боны эти выпущены на китайском языке без русского текста и имели хождение исключительно среди китайских торговцев. Но уже к концу 19 года по мере внедрения на рынке сибирских казначейских знаков и «оранжевых» полтинников, а также с развитием спекуляции на мелкие «романовские» — боны китайских коммерческих обществ совершенно исчезли с рынка.

Хайларские банкноты в рублях Монгольского Банка.

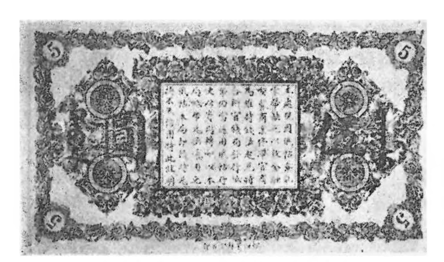
Еще ранее выпуска рублевых бон китайскими учреждениями Харбина в 1917 г., вследствие недостатка романовских кредитных билетов, в момент начавшегося падения курса их—Монгольский Банк в гор. Хайларе (в 180 верстах от российской границы, в 700 верстах от Харбина) выпустил свои *рублевые* банкноты, достоинством в 50 к., 1, 3, 5, 10, 25 и 100 руб. Они вначале имели хождение наравне с романовским рублем. Выпуск их обеспечивался запасом серебра хранящимся в Банке.

Бон Бин-цзянского Китайск. Комм. Общества в керенских рублях. г. Фуцзядян 1919 г. (*Натур. велич. 148 х 79 мм.*)

На лицевой стороне бона было указано:

«Выпущены *Хулун-Буирской Правительственной Банкирской Конторой.* Ходят наравне с русскими бумажными рублями». На оборотной стороне: «Вследствие недостатка мелких бумажных русских рублей наша контора, в целях урегулирования денежн. обращения на рынке, выпускает настоящие боны в русских бум. рублях и по пред'явлении обменивает на русские бумажные рубли».

Банкнот Монгольского Банка в г. Хайларе.
(*Натур. велич. 143 x 81*)

Соблазн увеличения эмиссии был весьма велик, вместе с тем курс банкнот падал, тем более, что обеспечивающее выпуск серебро также было пущено в оборот. Падение курса романовских также влекло за собой постепенную нулификацию банкнот Монгольского Банка. Последний, спасая положение их на рынке, об'явил твердый курс на них.

На бонах, выпущенных в декабре 8 года Кит. Республики (1919 г.), на лицевой стороне было уже указано:

«Каждый рубль принимается за 1 фэнь серебра», а на обороте: «Ранее вследствие недостатка мелк. бум. русск. рублей, нашей конторой были выпущены для урегулирования ден. обр. на рынке боны в русск. рублях. Ныне же, вследствие падения ценности этих рублей наша контора взамен их выпускает настоящие рубли, обеспечивая каждый рубль по номиналу 1-им фэнем серебра».

В последующем был об'явлен новый твердый курс: *75 руб. банкнотами* за *1 сер. китайский долл.* Обмен банк производит в наст. время ежемесячно в «первый день каждой луны», в течение одних полных суток. По протекции можно произвести размен и в друг. день.

Приблизительно, по этому курсу они продолжают и до настоящего времени обращаться в Хайларском районе, но значение их весьма ограничено.

Банкнот Монгольского Банка в г. Хайларе. 1917 г.
(*Натур. велич. 155 x 91*)

Далее Барги в Монголию они не проникали. Выпуск этих банкнот любопытен, как показатель существовавшего в свое время «стандарта», русского рубля, являвшегося расчетной единицей в приграничных районах.

Курс в Харбине. Тенденцию Харбинского денежного рынка в 1920 г. можно проследить по нижеследующим двум таблицам.

I. Таблица.

ср. курса иены на бумажные денежные знаки за 1920 год.
(по справкам Харбинской Биржи).

	Зеленые 1 сорта.	Зеленые 2 сорта.	Романовск. 1 сорта.	Романовск. 2 сорта.	Романовск. крупные.
Январь .	45-48	60-35	9-28	9-80	24-35
Февраль . .	25-88	34-86	8-00	11-27	20-20
Март .	31-19	44-96	7-42	10-87	21-00
Апрель .	47-59	62-45	13-33	14-10	29-63
Май	71-90	91-00	24-85	45-76	55-72
Июнь . .	87-54	169 61	55-96	71-50	73-84
Июль . .	81-53	144-61	59-23	84-54	60-00
Август .	80-20	144-37	52-08	68-60	45-00
Сентябрь .	92-09	118-13	41-95	47-63	42-50
Октябрь . .	141-65	210-41	54-00	58-37	58-26
Ноябрь .	233-75	254-92	96-76	100-09	99-52
Декабрь	294 42	369-42	185-20	200-60	178-65
Ср. курс за год:	102 р. 77 к.	142 р. 09 к.	56 р. 67 к.	60 р. 26 к.	59 р. 06 к.

II. Таблица.

ср. курса золотого рубля на бумажные денежные знаки за 1920 г.
(по справкам Главной Бухгалтерии Кит. Вост. ж. д.)

	Романовск	Зеленые.		Романовск.	Зеленые.
Январь.	9.55	52.20	Июль. .	97.13	148.68
Февраль .	8.17	32.21	Август . .	68.30	144.07
Март. .	7 66	38.02	Сентябрь . .	46.37	110.57
Апрель . .	12.63	56.78	Октябрь .	58.05	182.71
Май . .	43.69	85.83	Ноябрь. .	102.41	262.63
Июнь .	82.87	134.—	Декабрь . . .	206.80	354.88
			средний курс за 1920-й год	61 р. 97 к.	133 р. 55 к.

Как видим, с мая месяца наблюдается резкое падение «зеленых», им сопутствовало и падение курса «романовских».

Июль—сентябрь дают временное повышение курса этих кредитных билетов, но после этого вновь выявляется катастрофическое падение курса.

Одновременно все увеличивается лаж „на качество“ знаков одного образца. Этому не мало способствовала и КВжд, которая, как мы выше видели, закрепила лаж, введя особый курс на «тарифные» — поношенные знаки. Временное повышение курса находит об'яснение в усиленной спекуляции и в муссировавшихся в июне—августе в периодической прессе слухах о предстоящей, якобы, регистрации этих денежных зна-

ков Китайским Правительством на предмет пред'явления вместе с другими государствами требований к России о возмещении убытков, а также в предположении именно ими произвести выкуп К. В. ж. д.

Но спекуляция на «лаже» вынуждала коммерческий мир перевести свои хозяйственные расчеты на какую то иную, более твердую денежную единицу.

Приказ № 170, изданный в мае 1920 г. Управлением КВжд, ограничивал прием романовских, керенских и хорватовских денежных знаков в платежи за провоз грузов половиной суммы, вносимой в кассу дороги. Остальную половину требовалось внести русской золотой или серебряной монетой или полноценными китайскими долларами, допущенными к приему.

Эти же правила, приказом № 204 от 25 мая 1920 года, были распространены и на тариф по перевозкам пассажиров.

Постепенно вся торгово-промышленная жизнь также стала переходить на твердую валюту. С июня 1920 года Русско-Азиатский Банк, как в Харбине так и в Маньчжурии, начал прием на текущие счета иен и долларов.

Резкое понижение курса кредитных билетов постепенно выводило их из денежного оборота Сев. Маньчжурии. Окончательный удар был нанесен им новым приказом Управления КВжд о прекращении, начиная с 4-го декабря 1920 года, приема романовских, керенских и хорватовских кредитных билетов в платежи по грузовым перевозкам, прием был сохранен лишь по оплате пассажирских перевозок.

Распоряжение это, как можно усмотреть из приведенных таблиц, вызвало резкое, почти на 100%, падение курса.

С 1-го января 1921 года Кит. Вост. жел. дор. прекратила прием русских бумажных денежных знаков также и по пассажирским перевозкам. Это предопределило судьбу указанных знаков.

Правда «романовские», упав до 180—200 руб. за иену к концу 1920 года и до 250 руб. к февралю 1921 года—в марте 1921 года неожиданно поднялись до 90—100 руб. Но это улучшение носило временный характер и совпало с усиленными слухами о предстоящем „признании старых денег", в связи с заключенным торговым соглашением Совроссии с Англией.

Курс «керенских» некоторое время держался на уровне 400—450 руб. за иену. Биржа отмечала некоторые, довольно значительные сделки на эти знаки, привозимые из Забайкалья.

Часть этих знаков не была снабжена последовательными нумерами, что вызывало постоянные недоразумения при сделках и повлекло даже особое предупреждение Харбинского Китайского Коммерческого Общества, опубликовавшего специальное об'явление в китайских газетах.

Большая часть закупленных в начале 21 г. „романовских" и „керенских" переотправлялась в Европу, а после отмены запрещения ввоза русских денег, и в Америку.

С мая месяца 21 года интерес рынка к „старым" денежным знакам слабеет. Мелкие романовские упали до 225—250 руб. за иену, крупные — до 150 руб. Еще значительнее было падение курса зеленых и первосортных с 175 до 475, а «ветхих» с 725 руб. до 1.150 руб. за иену. Июнь приносит новое понижение, главным образом для зеленых , продолжающих поступать на рынок с запада, — курс первосортных понижается до 850 руб., а ветхих — до 1.500 руб. за иену. В июле крупные романовские расценивались уже в 170 руб., мелкие в 360 руб. за иену.

Зеленые I сорта удержались на прежнем уровне, а II сорта—упали в цене до 2.300 руб. за иену.

В последние месяцы 1921 года Биржа фиксировала на эти знаки еще более низкий курс, а именно:

	В октябре.	В ноябре.	В декабре.
На романовские I сорта .	285.00	440.00	420.00
II „	280.00	420.00	420.00
„ „ крупные .	208.00	280.00	405.00
На керенские I сорта .	780.00	1730.00	1865.00
II	3.450.00	3140.00	4010.00

К началу 1922 года говорить о сделках на эти денежные знаки не приходилось. Имели место лишь отдельные, казалось ничем не об'яснимые, сделки, которые бессильны были улучшить курс этих знаков.

Если и происходило иногда некоторое изменение в сторону повышения курса, то об'яснялось оно исключительно муссировавшимися слухами,—в связи с Генуэзской или Лозанской конференциями и др. событиями дипломатического порядка о предстоящем признании Совроссией долгов и денежных знаков прежних выпусков. Как увидим ниже, это явление при аналогичных обстоятельствах повторилось и в 1924 г.

Эти колебания курса всегда вызывали некоторую спекулятивную игру, создавшую *видимость* сделок.

Харбинская Биржа продолжала в течение как 1922 г., так и 1923 и 1924 г. г. отмечать курс «романовских» и «керенских».

За период времени с января по июнь 1922 г. наблюдалось следующее колебание курса на эти денежные знаки (по отношению к иене):

Романовск. мелк. I сорт—600 р.—720 р.
„ „ II „ 600 р.—720 р.
„ крупные 375 р.—375 р.

Керенские I сорт—1000 р.—1435 р.
„ II „ 4550 р.—6470 р.

На этом же, примерно, уровне держался курс упомянутых знаков в течение второй половины 1922 г. и первой половины 1923 г. г.

К июлю 1923 г. курс достиг как бы устойчивого равновесия: «романовскими» и «керенскими» рынок перестал интересоваться, их перестали предлагать за безнадежностью сбыта, и Биржа в своих бюллетенях продолжала показывать один и тот же курс на них с тем редким исключением, что в некоторые дни, при какой либо случайной сделке, Биржа несколько видоизменяла ранее указанный курс, но на завтра вновь возстанавливала прежнее показание. Это вполне подтверждается приводимой ниже справкой.

В 1923 г. курс на «*романовские*» мелк. 1-го сорта повысился к июлю до 630 р. за иену, но к концу года вновь достиг 720 р.; в этой же цене были и «мелкие II-го сорта». Крупные, улучшившись к июню до 720 р., начиная с июля держатся на уровне—840 р.. «*Керенские*»—I-го сорта, понизившись к июлю 23 г. до 2.500 руб., вновь к январю 1924 г. выправляются до 2.000 р., курс II-го сорта все время держался на уровне—5 000 р.

Этот же курс: 720, 720, 840, 2.000 и 5.000 руб. держался и в первые месяцы 24 г. до 16-го марта.

Март 24 г. дал новый взрыв ажиотажа. Лица, заинтересованные в игре на курсе, воспользовались ведшимися русско-китайскими переговорами и предварительным соглашением, подписанным в Пекине 14-го марта 24 г. чрезполпредом СССР.— Л. М. Караханом и представителем китайского правительства д-ром—С. Т. Ван.

Текст этого соглашения предусматривал обсуждение на предстоящей русско-китайской конференции вопросов об убытках, понесенных китайскими гражданами в результате Русской Революции. Конечно, само согласие России на включение в общий перечень подлежащих обсуждению вопросов и этого отнюдь не предрешало возможные формы его разрешения и даже те моменты, которые будут признаны как «убытки».

Но так как для ажиотажа не было надобности в твердой формулировке «оснований», а так как обычно падение курса кредитных билетов прежних выпусков принято было всецело относить на Революцию и ее последствия,—спекулирующий рынок быстро использовал положение и начал усиленно муссировать слухи о предстоящей регистрации китайским пр-вом принадлежащих кит. гражданами «царских» и «керенских» с тем, чтобы требовать от СССР. обмена их на золото по прежнему курсу. Китайская Биржа в Тяньцзине, Пекине и др. городах начала котировать эти знаки. Спекуляция перекинулась и на Харбин.

скую китайскую Биржу, также начавшую с 31-го марта отмечать их курс.[1])

В результате создался громадный ажиотаж,—одна из газет так описывает «события» 2-го апреля 24 г. на улице, где помещаются менялы: «улица представляет собой необычайное зрелище. Около витрин магазинов, у дверей меняльных лавок, на всем протяжении улицы толпами стояли, двигались и отчаянно жестикулировали люди, которых обыкновенно видели около черной Биржи. Почти у каждого в руках пачки романовских и зеленых, курс на которые все время прыгал вверх и вниз. Меняльные лавки «играли», покупали, перепродавали и тем самым увеличивали общее возбуждение. Около лавок внезапно появилась целая туча китайцев — уличных менял с своими парусиновыми мешечками, охотно охотившиеся за романовскими и керенскими».[2])

Назавтра ажиотаж повторился, но проявился уже не столь лихорадочно. Китайская газета «Го-цзи-се-бао», приводя подробности действий приезжих с юга агентов, занятых заботой о поднятии курса прежних русских ден. знаков, предупреждала своих читателей не верить всяким вздорным слухам и не поддаваться ажиотажу.

Чтобы втянуть в биржевую игру непосвященных—дельцы, пустившие слух о предстоящем восстановлении ценности романовских, применили обычный прием: начали первоначально играть друг с другом, повышая курс ден. знаков с целью вовлечь в этот провокационный ажиотаж китайских купцов.[3]) Это давало возможность в процессе биржевой игры сбыть ранее подкопленные, доставшиеся за бесценок кредитки.

За несколько дней спекуляции Биржа отметила следующие курсы иены:

1924 год / Наименование	Март					Апрель				
	15	16	20	25	31	1	2	3	5	11
На романовск. мелк.										
„ „ I сорт	720	675	335	400	315	200	120	250	340	500
„ „ II „	720	675	400	400	315	200	135	300	340	500
„ „ крупн.	840	500	335	170	200	110	120	250	250	500
„ керенск. I сорт	2000	2000	1440	1000	500	355	170	340	420	670
„ „ II „	5000	5000	2000	2550	2200	720	400	1120	1120	2000

[1]) Газ. «Речь» № 106, от 3-го апреля 1924 г. г. Харбин.
[2]) Газ. «Новости Жизни» № 73, от 3 апреля 1924 г. г. Харбин.
[3]) Газета «Трибуна» № 72 (471), от 4-го апреля 1924 г. г. Харбин.

В последующем, курс постепенно стал возвращаться к прежним доажиотажным пределам. Игра потеряла смысл. «Романовские» и «керенские», проснувшись на момент от своей курсовой летаргии, вновь замерли до приуроченной к каким-либо новым обстоятельствам, чьей-либо новой попытки «сделать дело» с залежавшимся товаром, когда то именовавшимся денежными знаками.

Российская золотая и серебряная монета.

Золотой рубль. Казалось бы, если с рынка постепенно уходили кредитные билеты и др. бум. денежные знаки разных российских и окраинных правительств,— то совсем иной должна бы была быть судьба российской золотой монеты, имеющей незыблемый паритет и неподверженной курсовым колебаниям.

На самом деле это было не так, и российская золотая монета разделила судьбу бумажных денежных знаков. Ранее спрос на золотую монету в полосе отчуждения К. В. ж. д. обусловливался приемом ее в кассы Упр. ж. д. за тарифы и аренду зем. участков и Гор. Советом в разные платежи и налоги, кроме того, принимали эту золотую монету в платежи и функционировавшие до сентября 1920 г. русские административные учреждения.

Реальной золотой монеты, как таковой, на рынке Китая и Северной Маньчжурии не имелось в достаточном количестве еще с момента начала войны, когда был прекращен свободный размен кредитных билетов.

Октябрский 1919 г. приказ № 212 по К. В. ж. д. подтвердил обязательность уплаты золотой монетой, по отношению к которой и устанавливались курсы др. знаков, при чем 1 тарифный рубль приравнивался к одному рублю золотом.

С этого момента резко нарушается паритетное соотношение российской золотой монеты и золотой иены. Соотношение это— 10 руб. зол. равно 10,323228 зол. иен—стало колебаться в зависимости от фактического наличия зол. рублей и выгодности или невыгодности именно ими оплачивать тарифы. Так, например, К. В. ж. д. в феврале 1920 г., удвоив тарифы при оплате их кредитными билетами (по курсу), сохранила прежние ставки при оплате золотом. Курс десятки немедленно возрос до 18,5 иен и только исправление К. В. ж. д. допущенной ошибки ввело курс золотого рубля в прежние нормы. Отсутствие на рынке достаточного количества зол. рублей способствовало внедрению иностранной золотой иены и иеновых банкнот японских банков. Главный контингент торгово-промышленников—русские привыкли расчетной основой иметь именно золотую денежную единицу и не научились еще к тому времени оперировать серебр. расч. единицей.

Эта причина явилась главной в числе других, способствовавших переходу финансовых операций именно на японскую зол. иену, а не на китайский серебряный даян. К тому же, курс последнего, следуя за мировой котировкой серебра, дал в течение II-го полугодия 1920 года значительное, можно сказать, катастрофическое падение, это не могло располагать к переходу торговой жизни на серебряную денежную единицу.

1920 г. дал Харбину давно уже ненаблюдавшийся приток рубля в зол. монете.

Золото появилось: от беженцев и чехо-войск, эвакуирующихся из Сибири и привезших с собой свои сбережения.

Из Владивостока, где после июньской 1920 г. реформы и сентябрского выпуска в обращение серебра, денежный оборот перешел на зол. монету, в том числе и на имевшееся у частных лиц и казны золото.

Из Читы, где правительство ат. Семенова спешно ликвидировало свой «золотой фонд» — щедро именно им расплачиваясь с поставщиками армии.

Из Благовещенска (через Сахалян), где не менее спешно, чем в Чите, ликвидировали привезенный из Владивостока «неприкосновенный фонд».

Только значительный спрос рынка поддерживал курс золотой монеты на более или менее значительной высоте, хотя временами курс ее падал ниже паритета и доходил до 9.70-9.90 иен за 10 руб. зол.

Слухи о исчерпании семеновских и амурских запасов несколько подняли курс зол. десятки, затем вновь стоимость ее пала. Тождественна была и судьба золота в слитках. Паритетный курс 1 золотника чистого золота равен 5,68 иены; несмотря на это, благодаря массовому предложению, цена золотн. золота в течение II-го полугодия 20 года установилась всего лишь в 5,5 иен.

В течение 1921 г. подвоз золотой монеты с запада—из Читы имел место, но в сравнительно небольшой сумме, так как дотации из Москвы поступали, главным образом, не в золотой монете, а своею Д.В.Р. не располагала.

То же повторилось и в течение 1922 года.

Продолжавшиеся торговые сношения с Д.В.Р. поддерживали спрос на зол. монету, тем более, что переводы на запад на платежи там налогов и по закупаемой там пушнине производились в золотом рубле.

В течение 1921 и 1922 г.г. завязывается борьба за пере-

ход К. В. ж. д. в исчислении тарифов с зол. расчетной единицы на серебряную.

В силу ряда причин политического и финансового порядка вопрос этот формально все еще продолжает оставаться неразрешенным, фактически же основной денежной единицей, вливавшейся с 1922 г. в кассы дороги за исчезновением с рынка зол. рубля, становится именно китайский доллар.

Постановлением Правления К. В. ж. д. с 1-го марта 1923 года для пассажирских и багажных операций *местного* сообщения принимается в качестве основной денежной единицы китайский серебряный доллар. В случае уплаты золотом, последнее принимается по особоустанавливаемому курсу.

С 15-го апреля 1924 г. К. В. ж. д. установила твердый курс на китайские доллара за перевозки в местном сообщении. Один зол. рубль был приравнен к 107 центам кит. доллара.

Фактически это вводило, как бы, биметаллическую систему одновременно и долларовых и рублевых тарифов, но формально исчисление тарифов и смет оставалось по прежнему в золотом рубле.

Но самого зол. рубля в кассы дороги почти уже не попадало.

Подвоз золотой монеты с запада совершенно прекратился со II-ой половины 1923 г.

К этому же времени Дальревкомом устанавливаются ограничительные правила для ввоза зол. монеты в Совроссию.

В общем можно констатировать, что с конца 1923 г. зол. монета перестает быть расчетной ден. единицей и превращается в товар, на который рынок устанавливает цены в зависимости от котировки золота, как металла, и в зависимости от случайного спроса рынка.

Переход Х. О. У. с золот. рубля на сер. доллар.

В июле 1923 г. по инициативе Китайского Харбинского Коммерческого О-ва, управление по делам поселкового и городского хозяйства Ос. Района Восточных Провинций Китая обсуждало вопрос о необходимости перехода городских расчетных операций с зол. рубля на кит. доллар. В результате Управление предложило Харб. Гор. Совету «немедленно и в срочном порядке» осуществить этот переход на сер. доллар. Городской Совет указал на неудобство такого перехода в средине отчетного года и согласился осуществить его с 1-го января 1924 г. Управление ответило, что оно согласно на это с тем, однако, чтобы с 1-го января долларовый расчет был обязательно введен «без каких либо оговорок».[1])

[1]) Газ. «Новости Жизни» № 237, от 21-го октября 1923 г.

19-го октября 23 г. Городской Совет заслушал доклад заведывающего финансовым отделом. Последний указал, что «реформу, предлагаемую Управлением по делам городского и поселкового хозяйства, можно считать вполне своевременной. Переход с бумажного на золотой рубль состоялся в 1920 г. В конце 1919 г. и в начале 1920 г. курс серебряного доллара стоял очень высоко, доходя до 2,70 зол. иен за 1 доллар. Было ясно, что цена на серебро пойдет быстро вниз. По этим соображениям Городской Совет в 1920 г. нашел несвоевременным переходить на доллар, как на мало устойчивую в то время монетную единицу. Следует еще указать, что в 1920 г. русские золотые рубли были на рынке в изобилии, тогда как доллар только начал входить в обращение. В настоящее время курс даяна (доллара) стал более устойчив и даян вытесняет на местном рынке другие валюты, а золотой рубль перестал иметь обращение и является уже почти фикцией, т. к. никакие местные сделки на эту валюту не совершаются».[1])

Городской Совет согласился с доводами доклада и предоставил его на усмотрение Собранию Уполномоченных, последнее в ноябре 23 г. приняло следующее постановление—«доклад принять и разрешить Городскому Совету перейти в счетоводстве с 1-го января 1924 г. с золотого рубля на китайский серебряный доллар».[2])

С 1-го января 24 г. прием золотого рубля даже по курсу его на китайский доллар был прекращен. Касса Х.О.У., кроме китайского доллара, стала принимать лишь японские иены.

Колебание курса золота на серебро испытало значительные, стопроцентные отклонения. Уяснить их можно из следующей

Таблицы

курса золотого рубля на мекс. доллар.

(в центах)

(по справкам гл. Бухгалтерии К. В. ж. д.)

Месяц. / Год.	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентяб.	октябрь	ноябрь	декабрь	Средний за год.
1918	74	75,1	69	68,1	70,9	68,6	66	67,9	57,7	59,6	61,6	63,1	66,8
1919	57,7	60,9	64,3	62,7	57	54,5	55,1	47,4	50,9	49,1	45,8	41,2	53,8
1920	42,6	42,4	44,4	51,2	62,6	70,9	70,2	65,5	62,2	76,8	82,3	94.4	63,8

Более устойчив и показателен курс зол. рубля на иены. По справкам Харбинской Биржи имел место следующий:

---

[1]) См. доклад Гор. Совета Х. О. У. Собранию Уполн. № 54, от 19|X 23 г.

[2]) См. постановл. Собр. Уполном. № 26 за 1923 г.

Курс

10 руб. российской золотой монетой на японские иены (округляя до 0,1).

Месяц. / Год.	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1920		16,5	11,9	10,4	9,9	10,0	10,3	10,3	10,0	10,0	10,1	10,1
1921	10,2	10,2	10,2	10,3	10,2	10,3	10,3	10,4	10,5	10,4	10,7	10,8
1922	10,6	10,4	10,5	10,5	10,4	10,4	10,5	10,4	10,5	10,4	10,5	11,2
1923	11,1	10,9	11,2	11,5	12,1	12,1	12,4	12,4	13,1	12,2	12,0	12,0
1924[1])	12,8	12,4	13,3									

Нужно иметь в виду, что курсы в сентябре 23 г., январе и марте 24 г, до известной степени, явились результатом японской катастрофы: землетрясения в сентябре 23-го г. и январе 24 года.

Котировка последних месяцев 23-го г. и первых 24-го г. является номинальной, так как фактических *торговых* сделок на зол. рубль рынок уже не знал, имели место отдельные партионные сделки, в которых рубль был таким же об'ектом, как всякий другой товар, с той лишь разницей, что цену на него диктовал не мировой курс золота, как металла, а местные ажиотажные обстоятельства.

Фактически вся ранее импортированная с русской территории золотая монета частью была возвращена туда же, большей же частью была увезена из Харбина в Шанхай и Японию, где была сплавлена в слитки или перечеканена на зол. иены. Расчитывать на возврат зол. рубля прежнего чекана на рынок Сев. Маньчжурии нет никаких оснований.

В наличности в Харбине остались лишь те немногие сотни тысяч, которые как сбережения сохраняются на руках у владельцев.

Русский зол. рубль как монета исчез с рынка полосы отчуждения, а как расчетная единица номинально продолжает еще фигурировать в расчетах и тарифах К. В. ж. д.

Серебряная монета банковая и биллонная. Та же участь исчезновения с рынка постигла и российскую серебряную монету. До войны и во время войны она имела хождение al pari с золотом, но фактически во время войны серебро выпало из денежного обращения, уйдя либо обратно в Россию, либо во внутренний Китай на сплав. Биллонная монета вновь появилась в Харбине в октябре 20 г. в связи с выпуском ее в обращение во Владивостоке. Первоначально она котировалась по цене 1 р. 30 коп. за иену, т.-е.

1) Курс средний между ценами при партионных сделках и мелочных.

гораздо выше своей весовой стоимости. Произошло это вследствие высокой расценки ее Владивостоком; позднее—с понижением курса там, а также с усилением подвоза в Харбин—курс понизился до 2 р. 80 коп. за иену.

В дальнейшем наплыв разменного серебра временами понижал курс его до 3 руб. 25 к.

Владивосток выбросил разменного серебра на номинальную сумму свыше 16 милл. руб. Почти все это серебро поступило в Шанхай, частью—непосредственно—морем, часть—через Харбин, где в течение 1920—1921 г. г. усиленную скупку его производил, главным образом, Русско-Азиатский Банк.

В 1921 г. поступление серебра в монете продолжалось, но уже из Читы и сравнительно небольшими партиями. Можно считать, что оттуда за 21 и 22 г. г. поступило не более 3-х миллионов рублей.

Это серебро, также не задерживаясь в Харбине, скупалось и переотправлялось во внутренний Китай, где и поступало частью в рафинаж, а главным образом на монетные дворы Тяньцзина, Кантона, Нанкина, Шанхая и др. Крупным покупателем русского серебра явилась шанхайская китайская ассоциация торговцев изделиями из благородных металлов.

Курс биллонного серебра претерпевал следующие изменения.

Таблица

ср. месячного курса иены на разменную серебр. монету (биллон).

Месяц. / Год.	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1920											2,56	2,88
1921	2,83	2,87	3,36	3,22	3,00	2,89	2,89	2,84	2,62	2,45	2,54	2,45
1922	2,57	2,66	2,70	2,61	2,57	2,51	2,45	2,49	2,47	2,57	2,62	2,51
1923	2,47	2,58	2,57	2,55	2,57	2,57	2,73	2,83	2,79	2,85	2,75	2,71

В январе 1924 г. иена на биллон стоила 2 р. 65 к. После этого, под влиянием сообщения из Читы и Владивостока об установленном там с 16-го февраля новом курсе на разменное серебро, приравнявшем 1 червонный рубль одному рублю 60 коп. биллоном, цена на него в Харбине резко повышается и дает курс за последнюю неделю февраля в 1 руб. 74 к. за иену, ср. за март—1 р. 63 к.

К.В.ж.д. и русская серебр. монета.

После перехода К. В. ж. д. в ноябре 19 г. приказом № 212 на нормальные тарифы, серебряная разменная монета вначале принималась кассами ж. д. наравне с золотой.

Распоряжение Управляющего К. В. ж. д. от 3-го января 20 г. подтвердило обязательность приема русской зол. монеты из расчета—один зол. рубль за один рубль норм. тарифа, дополнительное распоряжение «Н» за № 30 от 17-го января 20 года вводило первое ограничение для приема российской серебр. монеты: рубль нормальн. тарифа приравнивался к *двум* рублям русского серебра.

Это же распоряжение прием разменной монеты-биллона ограничивало суммой в 5 рублей при каждом платеже. Но и эта норма была урезана.

Циркулярная телеграмма «Н» № 256 от 25-го июня 20 г. вводила прием разменного серебра «только ограничиваясь следуемыми по документам золотыми копейками». Новая телеграмма № 429 от 2-го декабря того же года, пресекая наблюдавшуюся спекуляцию, сумму допустимого к приему *разменного серебра* ограничивала 95-ю копейками, а *банкового серебра*—4 р. 75 к. Общая же сумма серебряных русских монет в каждом платеже не должна была превышать 4 р. 95 к.

Наплыв в конце 20 г. из Приморья разменного серебра и наблюдавшееся понижение его курса повел к полному отказу К. В. ж. д. от приема разменного серебра в какой бы то ни было сумме.

Соответствующее распоряжение за № 18 издано было Упр. К. В. ж. д. 10-го января 1921 г.

С этого времени было допущено к приему в платежи лишь банковое серебро на прежних основаниях, т.-е. в сумме не свыше 4 р. 75 коп. и по курсу 2 руб. за 1 рубль тарифа.

Но колебание цены этих монет, несоответствующее изменениям курса золотого рубля, вынудило К. В. ж. д., во избежание курсовых потерь—ввести с 5-го октября 1923 г. прием банкового серебра по особо-установленному дорогой курсу в соответствии с рыночным. Предельная сумма оставалась прежней—4 р. 75 к. Курс банковского серебра был установлен в 1 р. 30 к. за 1 зол. рубль.

Это распоряжение и устанавливаемые курсы фактически пресекли дальнейшие поступления на дорогу банк. серебра.

Курс банк. серебра. Приток на рынок Сев. Маньчжурии банкового серебра был менее значителен, нежели биллонного. Оно было привезено в Харбин в 1920—1921 г. г. частью из Приморья, частью из Забайкалья. В 1922 году Д. В. Р. из сумм, полученных ею по дотациям из центра, перебросила в Харбин несколько сот тысяч рублей для реализации их на инвалюту.

Таблицы

Курса банкового серебр. рубля в 1920—1924 г. г. на иены.

Год \ Месяц.	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
1920											1,11	1,22
1921	1,27	1,26	1,40	1,29	1,20	1,10	1,03	1,04	1,06	1,10	1,06	1,04
1922	1,04	1,04	1,05	1,04	1,03	1,05	1,02	0,99	1,00	0,98	1,00	1,07
1923	1,06	1,04	1,05	1,07	1,05	1,06	0,97	0,85	0,88	0,86	0,88	0,89
1924	0,92											

В феврале ср. курс на банк. серебро в Харбине за период времени до издания Дальревкомом своего постановления об установлении с 16-го фераля 24 г. на ДВО нового курса, коим 1 банк. рубль приравнен был к ,96,2 коп., установился в 93 сены за один банк. рубль, на последующий же период февраля ср. курс составил 98 сен, а за март — 96 сен.

Особого значения для рынка закон не имел, так как остатка банк. сер. монеты на рынках Сев. Маньчжурии не имелось: как и биллонное серебро эта монета по мере привоза ее из России скупалась китайскими фирмами и экспортировалась на юг Китая, где и поступала в перечеканку на «Ю-ань-ши-каи» —кит. сер. доллара, или же попадала на сплав в слитки—«сайси» и ювелирные изделия.

К концу 23 г. на рынке Харбина бывали еще сделки на банк. монету в сумме нескольких десятков тыс. рублей, но к марту-апрелю 24 г. за исчерпанием на рынке банк. серебра, не имело места сделок на сумму более одной-двух тысяч рублей. В дальнейшем они прекратились, так как вся монета была вывезена либо в Россию, либо на юг Китая.

Этим как бы заканчивалось былое, доминирующее положение на рынке российской расчетной денежной единицы— сначала в кредитных рублях, а затем в золотой или серебряной монете. Но полное изолирование от ден. рынка России являлось уже невозможным. И вот, одновременно с «уходом» прежних ден. знаков, началось постепенное проникновение нового денежного знака—червонца.

Червонец в Китае и его особом Районе Восточн. Провинций.

Впервые реальный червонец появился в Харбине в августе 1923 г., приблизительно тогда же проник он и на ст. Маньчжурия.

Первое знакомство Харбина с червонцем произошло в порядке переводных операций на Совроссию. Дальне-Восточный Банк в Харбине с сентября об'явил о выплате переводов в городах Совроссии (кроме Д. В. О.) червонцами и установил курс их на местную валюту—доллара и иены.

С 29-го сентября 23 г. Харбинская Биржа впервые начинает отмечать курс червонца, оговаривая, что курс проставляется по отметкам Д.-В. Банка. Эта оговорка как бы подчеркивала, что рынок не знает сделок на червонцы. Первое время это действительно было так.

С ноября интерес к червонцу, под влиянием все большего и большего проникновения его в хозяйственную жизнь Д. В. О., крепнет и в Харбине.

В интервью с представителями прессы,—местные финансовые деятели в XI 23 г. по вопросу о возможности внедрения червонцев на местном денежн. рынке дали различные ответы, главные из них сводились к указанию о необходимости раскрепостить экспортно-импортные торговые сделки с Совроссией, без чего, по их мнению, трудно было ожидать реальных сделок на червонцы.[1])

Отношение китайск. администр. и прессы. Интерес прессы к червонцам привлек внимание и китайских властей. Непосредственным фактом, обратившим их внимание, явилось об'явление русской станционной кассы в Маньчжурии об оплате пасс. билетов на запад—червонцами. Об этом «происшествии» главноначальствующий Ос. Района Вост. Провинций Китая—ген. Чжу-Цин-Лань телеграфировал в Мукден маршалу Чжанцзолину и в Пекин Министерству Ин. Дел:

«Билетная касса Чит. ж. д. на ст. Мчж. вывесила об'явление, согласно которого все пасс. билеты должны покупаться только на вновь выпущенные деньги Совроссии. Ввиду непредупреждения населения об этом заранее, самовольно вывешенное об'явление было предложено снять впредь до получения надлежащих указаний свыше. Главное полицейское управление находит, что вновь выпущенные бум. деньги красного пр-ва безусловно должны быть не допущены на нашу территорию во избежание в будущем от них вреда и просит моих указаний. Я нахожу, что Россия с момента революции неоднократно выпускала свои бумажные деньги, от которых наше население и коммерсанты понесли весьма большие убытки. Ныне Россия вновь выпустила бумажные деньги, на каковые и принуждает пассажиров покупать билеты. Означенные деньги не имеют никакого обеспечения и доверия.

Если допустить нашим китайцам покупать проездные билеты на упомянутые деньги, то безусловно таковые деньги, путем обмена, будут перенесены и на территорию Китая.

Таким образом, выпуска и обращение названных бумажных денег на нашей территории не может быть допущено.

А посему, кроме начатых мною здесь переговоров с русским представителем, я дал приказание военным и полицейским учреждениям совместно с коммерсантами и населением препятствовать проникновению этих денег, и считаю своим долгом просить почтенное министерство начать энергичные переговоры с российским представителем в Пекине о невмешательстве в наш денежный порядок, обращая должное внимание на суверинитет Китая».

Осведомляя о телеграмме ген. Чжу, пекинская газета со своей стороны отмечает: «бывшие русские рубли уже нанесли нашему государству большой ущерб. В будущем нашему пра-

[1]) Газ. „Вечерняя Заря“ № 182, от 16|XI 1923 г. гор. Харбин.

вительству надлежит обратить внимание на вливание на нашу территорию иностранных бумажных ден. знаков.»[1])

Телеграмма ген. Чжу дала агентству «Фета» повод сообщить: «из японских источников осведомляют, что согласно приказания маршала Чжан-Цзо-Лина, в пределах трех восточных провинций воспрещен прием банкнот русского Госбанка—мера эта явилась следствием телеграммы ген. Чжу, предупреждающей, что не существует никакого золотого фонда или других ценностей, гарантирующих, что Госбанк может по требованию уплатить за эти банкноты золотом».[2]) Вопрос об обеспечении и порядке выпуска червонцев вызвал весьма далекие от действительности толкования в кит. обществе и даже в китайских административных кругах, казалось бы, имевших возможность получить более достоверные материалы. Осведомляя о взволновавшем китайское население проникновении червонцев в О. Р. В. П., китайская газета „Дун-Сянь-шен-ша-бао" в № от 21/XI 23 г. пишет:

«В виду того, что в настоящее время как раз идет подготовка к русско-китайской конференции, министерство нашло, что этот вопрос (о червонцах) должен вестись управлением дубаня по русско-китайским делам и обратилось к нему с следующим отношением: «По телеграфному сообщению мукденского главнокомандующего Чжанцзолина русские в настоящее время выпустили в трех восточных провинциях кредитные билеты в 1, 5 и 10 руб., каковые обращаются в трех восточных провинциях.

Согласно ответу финансовой палаты, эти кредитные билеты выпущены в Урге, при чем русские в настоящее время проектируют учредить в г. Маньчжурии контору для размена их.

Дело это касается суверенных прав в отношении денежной системы и Чжанцзолин настоятельно просит войти в решительные сношения о запрещении выпуска кредитных билетов для обращения в Маньчжурии».

Тогда же др. кит. газета „Чень-гуан-бао" сообщала, что биньцзянским даоинем получена из управления цицикарского губернатора особая инструкция относительно выпущенных правительством С.С.С.Р. червонцев.

В инструкции указывается, что по донесению Хэйхэзского даоиня центральным правительством России отдан приказ финансовой палате Амурской области о повсеместном хождении на Дальнем Востоке с 1-го ноября бумажных червонцев.

Далее в инструкции имеется следующее раз'яснение: «на том основании, что количество обращавшихся ранее в рех восточных провинциях русских кредиток было слишком велико и, благодаря их резкому падению, убытки, понесенные китайскими гражданами, были огромны, управление дуцзюня, находя, что в связи с выпуском в России новых денежных знаков может повториться то же самое, нашло необходимым строго воспретить их хождение и сообщило об этом в управление Хэйхэзского даоиня, предписав ему в то же время распорядиться о выполнении этого приказа и уведомило о вышеизложенном различные оффициальные учреждения».

---

[1]) Кит. газ. «И-Ши-Бао» № 3, от 24 января 24 г. гор. Пекин.

[2]) Газ. «Копейка» № 194, от 24-XI г. гор. Харбин.

В результате этой инструкции, Биньцзянское коммерческое общество 17-го ноября уведомило всех коммерсантов о том, чтобы они, во избежание потерь, ни в коем случае не пользовались бы новыми русскими кредитками.

Аналогичная инструкция была получена и гиринским даоинем, в результате чего Харбинское Китайское Коммерческое О-во оповестило всех своих членов о том, чтобы они ни в коем случае не пользовались русскими червонцами.

Изданным ген. Чжу распоряжением запрещено было хождение червонцев в ОРВП. Распоряжение это запрещало прием и размен червонцев как в правительственных и общественнных учреждениях, так и в частных фирмах.[1]) Соответствующие инструкции даны были Главн. Полиц. Управлению и железнодорожной полиции.[2]) Позже выяснилось, что действие этого запрещения в Харбине и вообще во всем Особом Районе распространялось только на китайское население.

На основании указанных выше распоряжений, 27-го декабря 23 г. со стороны начальника V-го Огд. Гл. Полиц. Упр. О. Р. В. П. последовал приказ с запрещением, в интересах китайских граждан, производить какие бы то ни было операции с червонцем. Приказ отмечал, что он издан с целью оградить интересы китайских граждан на случай возможной девальвации русских бумажных денежных знаков, указывая гл. образом на то, что примеры этому были в прошлом, когда с упразднением романовских, керенских и сибирских ден. знаков, многие из китайских коммерсантов совершенно разорились. За нарушение приказа китайские граждане подлежали строгой ответственности в виде ден. штрафа в десятикратном размере с суммы совершенной сделки, считая один червонец за 10 зол. руб.

Как отмечалось, Маньчжурский рынок после этого приказа стал избегать совершать сделки на червонцы, хотя из под полы китайские менялы и продолжали операции по скупке-продаже их.

Русский протест против запрета.

Китайская газета «Го-цзи-се-бао» в № от 24-го января 24 г. сообщает «об удивительно настойчивом требовании русского представителя относительно русских новых ден. знаков в пределах Китая». Со стороны представительства НКИД. СССР., действительно, по вопросу о запрете сделок с червонцами, последовало энергичное опротестование позиции, занятой китайской администрацией.

Последняя, в лице гиринско-биньцзянского даоиня (в Харбине) направила 5-го января 1924 г. свое представление осо-

[1]) См. газ. «Речь» № 45-13, от 18 янв. 24 г. г. Харбин.
[2]) Тоже № 88, от 12 марта 24 г.

боуполномоченному НКИД. СССР., настаивая на воспрете допуска червонцев на китайскую территорию.

В своем представлении даоинь, останавливаясь на прежних неоднократных выпусках в России разных бумажных денег, констатирует, что китайский народ получил в результате этого крупные убытки.

По этой причине китайские власти не могут разрешить вновь допуск на китайскую территорию новых «бумажных денег, не имеющих обеспечения».

Даоинь осведомлял, что администрацией дано распоряжение своим агентам на местах воспрещать допуск этих денег, не дозволять обращение таковых, вывешенное Чит. ж. д. об'явление убрать. Распоряжение это, как сообщал даоинь, предлагало военным учреждениям, полиции, всем гражданам и населению общими силами препятствовать проникновению таких ден. знаков, дабы вторично не понести убытков, как это уже было ранее.

Китайская администрация, осведомляя о предпринятых ею мерах, настаивала вместе с тем на принятии и русским представителем мер к недопуску в Китай червонцев, в частности на отмене Чит. ж. д. приема на ст. Маньчжурия червонцев в платежи за перезд по Чит. ж д.

В своем ответном протесте особоуполномоченный НКИД. СССР. — М. Я. Ракитин — энергично отстаивая право русских учреждений (в данном случае станционной кассы Чит. ж. д) оперировать своими ден. знаками, отмечал, что мероприятие кит. властей является актом явно недружелюбным по отношению к соседнему государству — СССР.

Сопоставляя факт воспрета допуска вполне обеспеченных и имеющих мировую котировку червонцев с фактом продолжающейся оффициальной котировкой биржами в Китае обесцененных бум. ден. знаков—«романовских, керенских и сибирских»,— русский уполномоченный делал из этого вполне логичный вывод о том, что предпринятое мероприятие—недопуск червонцев под видом охраны интересов кит. народа, скрывает совсем иные побуждения.

Свой протест особоуполномоченный СССР. заканчивал требованием отмены предпринятых ограничительных мер и наказанием китайского чиновника, самовольно воспретившего русскому учреждению продавать на русскую валюту билеты для перезда по русской ж. д.

Этот то протест и дал повод указанной нами выше кит. газете—«Го-цзи-се-бао»—писать об «удивительно настойчивых, требованиях» о допуске червонцев в Китае.

В своем новом представлении, последовавшем в Марте 24 г. кит. администрация вновь настаивала перед русским Особоупол-

номоченным на правильности своих прежних действий, явившихся ответом на об'явление вывешенное Чит. ж. д. без предварительного предупреждения кит. пр-ва, которое, не зная, имеют ли данные бум. деньги надлежащее обеспечение, во избежание убытков кит. народу, — считает себя вынужденным принять надлежащие меры против вливания этих знаков на рынки Китая.

Новое представление вызвало новый протест.

Не менее энергично протестовал против запрета сделок с червонцами и член Дальревкома—Кубяк, при проезде его в марте 24 г. через Харбин,—в имевшей место беседе с ген. Чжу. Последний заверил гр. Кубяка, что вопрос этот в ближайшее же время будет разрешен благоприятно.[1])

Пока издавались приказы и в ответ на них направлялись протесты, жизнь шла своей дорогой и «нелегальный» червонец постепенно проникал на рынки Китая, при чем проводниками его являлись сами китайские менялы, начинавшие свою «охоту» на червонцы уже на самой ст. Маньчжурия при прибытии туда пассажирских поездов с запада.

Как и всякая валюта, имеющая арбитраж, червонцы привлекали к себе менял и посредников, и приказы оставались неосуществленными. Это вынуждены были констатировать и китайские газеты. Одна из них, напоминая о факте уничтожения злополучного об'явления Чит. ж. д. о приеме червонцев и о запрете ген. Чжу операций с червонцами, пишет: «после этого мы полагали, что с того времени на китайской территории не будет и следа тех русских бум. денег, однако мы ошиблись, ибо большая партия их проникла в Харбин и была обменена даже китайскими коммерсантами, которые пожадничали благодаря низкого их курса». Далее газета подробно описывала имевшую место сделку в конторе на улице Ань-бу-цзе (Фуцзядян) и так заканчивала свою заметку — «мы очень беспокоимся, что подобное допускается беспрепятсвенно и что впоследствии, влившиеся в наш Китай, такие бум. деньги будут мешать положению нашего ден. рынка. Если надлежащие власти не примут по сему строгих мер, то вновь выпущенные русские деньги последуют примеру бывшего русского рубля и вновь принесут нам вред».[2])

Другая китайская газета также, отмечая факт проникновения червонца в Китай, пишет: «За последнее время курс русских новых бумажных денежных знаков в Париже вдруг повысился. Вся пресса по этому поводу пишет, что последнее может послужить экономической связью Франции с Совроссией, а затем естественно и признание Францией Совроссии.

---

[1]) См. газ. «Нов Жизни» № 67, от 27 марта 1924 г. г. Харбин.

[2]) Кит. газ. «Дун-шан-Бао» № 4, от 19 января 1924 г. г. Харбин.

Здесь в г. Харбине курс этих денежных знаков Советской России, день ото дня, все крепнет и крепнет. Согласно определившегося биржевого курса, таких десять рублей золотых равняются двенадцати с лишним японским золотым иенам, следовательно разница на 5 коп. в рубле. Китайские и иностранные коммерсанты, видя такое быстрое повышение упомянутых денежных знаков, все этому очень удивляются».[1])

Рынки Китая. На рынки внутреннего и южного Китая червонцы в 23 г. и начале 24 г. не поступали, хотя, начиная с 26-го февраля 1924 г. *в Шанхае* в газ.—«Чайна Пресс», Русско-Азиатский Банк начинает опубликовывать курс на червонец. На мексиканские доллара курс отмечается: 26-го февраля—10.32; 27—10.40; 29—10.50. Примерно в этих пределах отмечался курс и в марте.

Но фактических сделок на червонец и реальных червонцев на рынке Шанхая не имелось, и курс имел лишь номинальное значение при переводах из Шанхая (через Харбин) на Совроссию. Шанхайское представительство Д.-В Банка в Харбине, с января 24 г., также начало прием переводов на Совроссию в червонцах, оценивая последние от 5-ти до 5.25 амер. доллара.

В Пекин, Тяньцзин и др. центры Китая червонец к началу 24 г. еще не успел проникнуть, так как отсутствовали фактически товарные сделки с Совроссией.

Сделки с червонцем и курс в ОРВП. Отсутствие фактического товарооборота с Россией препятствовало внедрению червонца и в ОРВП. — б. полосе отчуждения КВжд. Это обстоятельство оказывало большее влияние, нежели приказы кит. администрации.

Проникновение в 1923 и начале 1924 г. в Маньчжурию и Харбин червонцев носило случайный характер—их привозили либо пассажиры, либо лица, имевшие коммерческие сделки с городами Совроссии и предпочитавшие вырученные суммы везти обратно в наличных червонцах, нежели делать дорого-стоющие переводы через банки. Но коммерческие сделки носили случайный характер, таковой же характер имел и привоз червонцев.

Привозимые червонцы не оставались в денежном обороте Харбина—их немедленно же приобретали либо пассажиры, уезжавшие в Совроссию и предпочитавшие свои средства везти без риска в червонцах, нежели рисковать нарушить декрет Совнаркома от 9/VIII 1922 г., провозя наличную золотую монету или др. валюту, — либо экспортеры и фирмы, имевшие дело с Приморьем, в частности Эгершельдом и Усс. ж. д.

[1]) Кит. газ. «Го-цзи-се-бао» № 1, от 17 января 1924 г. г. Харбин.

Последняя, в лице своего Комм. Агентства в Харбине, также явилась крупным покупателем червонцев, так как курс на них здесь был ниже Владивостокского, и Усс. ж. д. имело больший смысл реализовать в Харбине на червонцы свои поступления от К. В. ж. д. в инвалюте, нежели перебрасывать таковую в Приморье, где она все более и более обесценивалась.

Курс червонцев на протяжении первого полугодия их появления в О. Р. В. П. все время испытывал некоторые колебания, что зависело, во-первых, от спроса и предложения их, а во-вторых, от колебания курса иены, наблюдавшегося в связи с землетрясениями в Японии.

В общем наблюдалась такая тенденция: вольный рынок скупал червонцы от пассажиров, руководствуясь не биржевой котировкой червонца, а степенью растерянности и нужды пассажиров, у которых происходила скупка наличных червонцев.

В противовес этому, Банк, устанавливая курс червонца, руководствовался стоимостью себе червонцев при партионной покупке их в России у Госбанка СССР и курсом червонца на инвалюту по московской котировке.

Вольный же рынок Харбина и Маньчжурии проходил мимо этих факторов и, не имея здоровых торговых партионных сделок на червонцы, устанавливал курс не на червонец вообще, а на те конкретные десятки и сотни реальных червонцев, которые с уценкой, в порядке спешки, скупались менялами на вокзалах Харбина и Маньчжурии и которые с наценкой в 5-10 сен немедленно же перепродавались и вслед за этим вновь увозились в пределы СССР.

Разница двух курсов почти все время держалась в пределах 50 сен на червонец, т. е. составляла почти 5%. Сред. банковский курс червонца за период времени с октября 1923 г. по январь 1924 г. был установлен в 11 иен 50 сен, падение курса иен вынудило повысить курс червонца в январе 24 г. до 11 иен 80 сен, в феврале улучшение иены понизило курс до 11 иен 60 сен, но начиная с марта курс иены вновь упал, червонец же стал повышаться даже на твердую валюту—фунты стерлингов и ам. доллара.

В результате ср курс за март достиг 11 иен 95 сен, а апрельский курс превысил 12 иен 35 сен, что по курсу дня соответствовало почти 8,6 черв. рублей за 1 фунт стерлингов, при московском курсе, примерно, в 9 черв. рублей.

Это повышение курса в Харбине соответствовало повышению курса в Москве и во Владивостоке.

Частные розничные сделки, держась на уровне на 40-50 сен ниже, проделали тот же сдвиг, и червонец у менял в

Харбине с 10 иен 70 сен в сентябре 23 г. повысился до 11 иен 90 сен в апреле 24 г.

Покупной курс червонца в г. Маньчжурии с 9 кит. дол. в ноябре 23 г. повысился к апрелю 24 г. до 10,5 кит. долларовъ. В соответствии с этим, продажный курс возрос с 9,5 кит. долларов (примерно, 10,2 иены) до 11 кит. дол. (по курсу дня примерно 12 иен).[1])

В города Хайлар и Цицикар червонцы почти не поступали.

Общее количество проникших в сев. Маньчжурию за период VIII/23 г.—IV/24 г. червонцев с приблизительной точностью можно определить в 10,000 шт., т. е. примерно на сумму не более 110 тысяч иен. Из этого количества не менее трех четвертей было увезено во Владивосток, остальные были приобретены для запада, а частью оставались в разменном обороте у менял и банков Харбина и Маньчжурии.

Перспективы. Можно предполагать, что исчезновение с рынка др. российских ден. знаков и серебряной и золотой монеты, на которые происходили легальные и контрабандные сношения с русской территорией, — повлечет за собой не только спекулятивный — «меняльный», но и коммерческий интерес к червонному рублю, и последний при развитии торговых сношений с Россией займет, как и всякая др. инвалюта, падлежащее место на ден. рынке бывш. полосы отчуждения КВжд.

Рост значения русского червонного рубля будет пропорционален росту и темпу торговых сношений России с Китаем.

В этом отношении был вполне прав руководитель Госбанка СССР, утверждавший, что «для создания за границей обстановки, благоприятной для наших банкнот, прежде всего требуется, чтобы на заграничном рынке существовал спрос на эти новые деньги». По его мнению, — подготовляя почву для котировки банкнот заграницей, «нет надобности слишком торопиться с этим делом, ибо с каждым днем укрепляется доверие к банкнотам внутри страны и растет интерес к ним со стороны заграницы, так что сама жизнь вынесет их за пределы Сов. России и сделает котирование их на заграничных рынках неизбежным».[2])

Каков бы не оказался темп проникновения червонца в Китай, несомненно одно: разница в положении русского рубля в Сев. Маньчжурии в 1918-19 г.г. и в 1924-25 г.г. будет чрез-

---

[1]) См. газ. «Живое Слово» г. Маньчжурия. №№ за 1924 г.

[2]) См. беседу с Предс. Правл. Госбанка — А. Л. Шейманом. Цитируем по № 7 «Бюллет. Читинск. Товарн. Биржи» от 24 июля 23 г.

вычайно велика. В прежнее время русский рубль был расчетной единицей, по отношению к которой определялась биржевая котировка всех остальных иностранных денежных знаков, причем местные китайские доллара в банкнотах и серебряной монете были также подсобным ден. материалом.

Теперь же русский рубль, перестав служить расчетной единицей, сам переходит в категорию «иностранной валюты» и сможет претендовать лишь на подсобное значение для местного ден. рынка.

Конечно, то или иное разрешение проблемы Кит. Вост. жел. дороги сможет усилить или ослабить значение русского рубля в Сев. Маньчжурии, но трудно все же расчитывать, чтобы полностью было восстановлено его прежнее положение ден. знака, доминирующего над всеми остальными иностранными валютами.

На ряду с другими причинами, необходимо не забывать, что за последнее пятилетие происходило усиленное вливание в Сев. Маньчжурию китайских долларов и японских иен, сумма последних в ден. обороте Сев. Маньчжурии к 1924 г. исчислялась не менее, чем в 8 милл. иен. Сумма же китайск. монеты и банкнот, обращавшихся в Сев. Маньчжурии, возросла к 1924 г. почти до 6 милл. долларов.[1])

Как видим, каналы денежного обращения, за период ухода с рынка русского рубля, оказались достаточно насыщенными другой валютой и для проникновения российской денежной единицы нет прежнего простора и прежних возможностей.

ГЛАВА X.

Дальне-Восточная область Р.С.Ф.С.Р.

(*1922-1924 г.г.*)

Эпоха советизации б. Д.В.Р. С момента приобщения Д.В.Р. к общей государственной системе Р.С.Ф.С.Р., т. е. с ноября 1922 г., когда постановлением Народного Собрания Д.В.Р., Дальне-Восточная Республика прекратила свое автономное государственное бытие, вопрос о какой бы то ни было самостоятельной эмиссии отпал окончательно.

Сохранив на Д.В. окраине золотое обращение, административные органы окраины искали разрешение финансово-экономических затруднений в выравнивании всей прежней системы в соответствии с общегосударственными мероприятиями.

[1]) См. сведения вице-директора Чосен-Банка в Харбине — г. Ханно, газ. «Коммерч. Тел.» № 166 от 17-III 24 г. г. Харбин.

В своей первой же декларации, опубликованной вслед за присоединением Д. Востока к Р.С.Ф.С.Р., Дальревком об'явил действующими

«все законы и обязательства Д.В.Р. в области финансовой и экономической *поскольку они не противоречат* новой экономике Р.С.Ф.С.Р. В частности Дальревком об'являет действующим на прежних основаниях бывший банк Д.В. Республики, переименованный в Дальне-Восточный Банк, и *об'являет сохранение свободы золотого обращения* на нашей Дальне-Восточной окраине.

Действие остальных демократических законов Д.В.Р., отпавших вместе с падением самой демократической Республики, сохраняет силу лишь в тех случаях, когда они не противоречат революционному социалистическому правосознанию рабочих и крестьян и лишь до тех пор, пока на местах не будут получены обязательные постановления Дальревкома или, окончательно заменяющие их, кодексы законов Р.С.Ф.С.Р.».[1])

Общие вехи декларацией были намечены.

Трудность коренной ломки сознавалась всеми деятелями советских органов Дальнего Востока, в частности сознавалась и трудность изжития иены; представители новой власти понимали, что иена надолго еще останется в денежном обороте Приморья.

В ноябре 1922 г. на заседании Владивостокского Совета рабочих и крестьянских депутатов председатель Губревкома— Бельский на вопрос — какие деньги будут иметь хождение на Дальнем Востоке, заявил:

«Те же, что и до сих пор. Даже и по присоединении края к Советской России, эта область останется на особом положении и советские денежные знаки введены не будут. Здесь все закупки производятся за границей, а там купить можно только на валюту. *До тех пор пока Советская Россия не укрепится здесь экономически,* пока не будет снабжать край необходимыми продуктами, советские денежные знаки здесь вводиться не будут. Будет ходить русская валюта: золото и разменное серебро. *Запретить хождение иены мы не можем и она будет приниматься по соответствующему курсу».*[2])

Вопросы о судьбе хозяйственного уклада на Д. Востоке, сразу же по присоединению его к РСФСР., серьезно заняли и центральные органы Республики.

В центре было создано особое межведомственное совещание по вопросам, относящимся к экономике Д. Востока.

Особое «Совещание по вопросу о планировании и регулировании внешней торговли на Д. Востоке» было образовано и при Нар. Ком. Внешней Торговли.

На первом же заседании этого Совещания – в конце ноября 1922 г., докладчик Н. К. В. Т.—А. В. Пригарин указал, что «в области обще-экономической политики на Д. Востоке Н. К. В. Т. не предполагает проводить жестокую линию и считает невозможным в данный момент производить коренную ломку.

Что касается *денежной системы* на Д. В., то Н. К. В. Т. считает необходимым *временно* ее сохранить, вводя, однако, обязательное хождение советских знаков наравне с существовавшей в ДВР. денежной системой».

---

[1]) См. декларацию Дальревкома «Сборник постановлений Дальне-Вост. Революц. Комитета» № 1, г. Чита. 7-го декабря 1922 г.

[2]) Цитируем по газ. „Новости Жизни“ № 258, от 18 ноября 1922 г.

Присутствовавшие на совещании разделили точку зрения Н. К. В. Т. и принципиально согласны были с выдвигавшимися в докладе мероприятиями. Один из пунктов принятого Совещанием постановления гласил—„считать невозможной коренную ломку существующей в настоящее время экономической политики ДВР. *с тем, что по мере постепенного усиления экономического влияния РСФСР.*, система норм, регулирующих народное хозяйство, должна максимально приближаться к общесоветским нормам».[1])

Прибывший из Москвы в Читу в январе 1923 г. Уполномоченный Наркомфина—Карклин, ознакомленный со взглядами центра, в интервью с представителями прессы сообщил, что «местный бюджет должен быть сведен без дефицита, так как расчитывать на какие бы то ни было дотации центра совершенно не приходится и что возможный бюджетный дефицит мыслится только как ссуда чисто восстановительного характера. *Говорить об искусственном внедрении бумажных денег на Д. Востоке не приходится.* Единственно о чем может быть речь в настоящее время —это о хождении банкнот-червонцев, обеспеченных золотом, особенно мелких купюр в качестве разменной единицы, заменяющей кредитные билеты довоенного времени».[2]) Эта же мысль о сохранении для Д. В. О. золотого обращения была повторена гр. Карклиным и на совещании во Владивостоке—7-го февраля 1923 г.

Совещание это в своем постановлении, подтвердив положения о необходимости сохранения золотого обращения, отметило, вместе с тем, необходимость внедрения на Д. В. О. червонцев, что, по мнению Совещания, должно было способствовать вытеснению иностранной валюты, главным образом, иен. По существу постановлений, принятых Совещанием, Приморская Торгово-Пром. Палата подала Уполнаркомфину особую докладную записку, в которой, оценивая пожелание Совещания о внедрении червонцев, предваряла, что если будет установлен размен их на золото, то «несомненно золотое обеспечение уйдет за-границу, а в кассах Госбанка останутся одни бумажки, если же будут выпущены банкноты без размена их на золото, то, конечно, они фактически будут иметь хождение лишь частичное—в обязательных сношениях с казной, но частные лица, несомненно, будут воздерживаться от приема банкнот и жизнь будет идти по прежнему, главным образом, на иену».[3])

Владивостокское Совещание, открыв собою эру организуемой борьбы с засильем иностранного денежного знака, в це-

---

[1]) Цитир. по газ. „Далекая Окраина“ № 67, от 15 декабря 1922 г.

[2]) Тел. а-во «Дальроста». г. Чита. 16 января 1923 г.

[3]) См. «Вестник Приморск. Окр. Т.-Пр. Палаты» № 19, 19 мая 1923 г. г. Владивосток.

лях ослабления его позиции, выдвинуло ряд положений, вводящих в русло надзора деятельность иностранных банков.

Высказавшись за сохранение в Приморье этих банков, совещание, вместе с тем, высказалось за установление для иностранных банков обязательности обмена бумажной иностранной валюты на золото. Требование это в свое время вызвало большое волнение иностранцев. Приведенная нами выше докладная записка Прим. Торгово-Промышленной Палаты, расценивая это постановление Совещания, считала его совершенно невыполнимым, так как, по мнению Палаты, «заставить иностранные банки производить обмен нельзя никакими мерами, кроме запрещения им продолжать свою деятельность, т. е. кроме закрытия их, так как заранее можно сказать, что банки предпочтут закрыться, чем производить обмен бумажных денег на золотую валюту. Следовательно, заранее ставить им такое условие,—значит фактически принять решение о закрытии иностр. банков, что, однако, признано нежелательным».[1])

В предвидении стеснения иностр. банков и в предположении введения с 1-го июля обязательного перевода всех операций на зол. рубль, иностранцы забили тревогу. Японское телеграфное агентство настойчиво и многократно подчеркивало, что вследствие этих предположений «банки встречают большие затруднения и изучают этот вопрос».[2])

Изменение для Д. В. в гражданском кодексе Р. С. Ф. С. Р. и в др. узаконениях.

15 марта 1923 г. в Москве при Комвнуторге состоялось заседание комиссии по делам Д. Востока, образованной постановлением СТО.

Представитель Н. К. В. Т., давая обзор дальне-восточной экономики, высказался за, хотя бы, временное сохранение на Д. В. золотого обращения. На это же обратил внимание один из недавних деятелей Д. Востока — Я. Д. Янсон, рекомендовавший: «до конца отчетного года в финансовую область никаких изменений не вносить и к разрешению вопроса о бумажном обращении подходить постепенно».[3])

Это мнение было разделено и Наркомфином, вследствие чего, опубликовывая 29 марта 1923 г. свое постановление о введении в действие на территории б. Д. В. Р. Гражданского Кодекса Р. С. Ф. С. Р.,—Дальревком оговорил, что надлежит «в связи с сохранением на Д. Востоке золотого обращения приостановить действие ст. 24 и примечания к ст. 181 Гражданского Кодекса и указанных в них специальных узаконе-

[1]) См „Вестн. Прим. Окр. Т.-Пр. Палаты“ № 19, 1923 г.
[2]) Телеграмма а-ва «Тохо». Токио, 21 мая 1923 г.
[3]) «Торгово-Промышленная Газета» № 60. Москва. Март 1923 г.

ний, сохранив в силе законы быв. Д. В. Р. о денежном обращении и об обращении золота и изменяющие их постановления Дальревкома».[1])

Аналогичную оговорку о применении не полностью общесоветских законоположений сделал Дальревком, опубликовывая и декрет Совнаркома от 9/VIII 22 г. «О ввозе ценностей из-за-границы».

Дальревком постановил «в виду сохранения на Д. В. свободы золотого обращения временно оставить без применения примечание к ст. 2 декрета С.Н.К. от 9/VIII 22 г.[2])». Примечание это предлагало сдавать в таможенные учреждения, для внесения на тек. счет в Госбанке, обнаруживаемые у приезжавших, суммы свыше 500 руб. золотом по курсу Госбанка.

Проявляя известную осторожность в порядке осуществления обще-советских норм, Дальревком полагал все же, что четырех-месячная подготовка Д.В. к полной советизации приближает момент полного применения декретов Совнаркома. Это предположение повело к изданию Дальревкомом 29 марта 1923 г. постановления о порядке применения обще-советских декретов.

Дальревком, «принимая во внимание, что большинство важнейших декретов Р.С.Ф.С.Р. в настоящее время уже проведены на Д. В., во изменение постановления своего от 15 ноября 1922 г.» постановил:

1) Все декреты и постановления, изданные и издаваемые центральной властью после 1-го января 1923 г., подлежат автоматическому распределению на территории Д.В. путем простого их опубликования (п. 1) за исключением случаев, когда по местным условиям является необходимым внести в эти декреты какие-либо изменения.

2) Декреты и постановления, изданные центральной властью до 1-го января 1923 г., не введенные до настоящего времени в действие на территории Д.В., если они не требуют внесения в них каких-либо изменений, опубликовываются тем же порядком, в противном случае сохраняется прежний порядок введения их в действие.

3) Законы быв. Д.В.Р. отменяются постановлением Дальревкома.

Отделам Дальревкома было предложено в срочном порядке сделать представления о подлежащих отмене законах Д.В.Р. и о желательных изменениях и дополнениях законоположений Р.С.Ф.С.Р., как уже изданных, так и имеющих быть изданными по мере получения из центра[3]).

Вопросы о порядке применения на Д.В. обще-советских законоположений весьма внимательно обсуждались в учрежденном в Москве Совещании по делам Д.В. Не меньшее внимание к этому вопросу уделено было прессой и различными заседаниями экономистов и хозяйственников.

---

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 28 от 16 апреля 23 г. Ст. 189, п. 6.

Напомним, что ст. 24-ой Гражд. Кодекса Р. С. Ф. С. Р. предусматривалось, что «золот. и серебр. монета и иностранн. валюта могут быть предметом сделок лишь в порядке и пределах. указанных специальными узаконениями».

[2]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 39. Постановление № 279, от 24 апреля 23 года.

[3]) Тоже,—№ 31, от 23 апреля 23 г. ст. 199.

На ряду с другими появившимися в печати взглядами по вопросу о денежном обращении на Д.В. заслуживает внимания статья С. Чалхушьян в московском «Вестнике Финансов». Автор утверждал, что

«действующее ныне (в марте 23 г.) на территории б. Д.В.Р. золотое обращение представляет значительную угрозу советскому рублю, приучая Сибирь понемногу ориентироваться на Д.В.Р и золото. В связи с этим является необходимым и своевременным начать борьбу против идущего из б. Д.В.Р. наступления золота и за внедрение там нашего (советского) денежного знака».

Автор полагал, что наиболее радикальным разрешением вопроса было бы «руководствуясь законом Грэшама, в видах обратного внедрения в денежный оборот Д.В.Р. бумажных денег, попытаться восстановить там систему полного принудительного равнохождения, наиболее благоприятную для худших, в данном случае, бумажных денег. Если бы только это было возможно, мы бы очень скоро разрешили проблему денежного обращения Д.В.Р. и там снова стали бы ходить бумажные деньги взамен золотых».

Но, понимая особенности Д.В. экономики, он оговаривался, что «если даже в центре не является еще возможным установление системы полного принудительного равнохождения, то подавно невозможно это на Д.В., так тесно связанным торговыми отношениями с внешним миром. На Д.В., как и в центре, сейчас возможно установление только системы неполного принудительного равнохождения бумажных и золотых денег.

Вторым шагом по внедрению в оборот бум. денег,—по мнению автора—должно было служить установление всех налогов и сборов в рублях бумажных, хотя бы и с меняющимися периодически соразмерно падению курсу рубля ставками, как это имеет место в настоящее время в центре. Переход к такому установлению всех налогов и сборов в рублях бумажных упрочит систему неполного принудительного равнохождения».

Кроме того, необходим был еще «ряд мер экономического характера, подводящий базу под советский рубль на Д.В. и облегчающий советскому рублю борьбу с наступающим из Д.В. золотом в пограничных с Д.В. районах».

Как полагал автор, «согласуя мероприятия экономического характера с мерами чисто денежной политики, можно было бы добиться весьма существенных результатов в деле внедрения советского знака в обращение на территории Д. В., а главное, можно будет предупредить ту опасность, которую представляет золотое обращение Д.В. для рубля сначала в Сибири, а потом и во всей Советской Федерации»[1]).

Примерно тогда же в Москве в Российско-Восточной Торговой Палате под председательством М. П. Павловича состоялось совещание представителей хозорганов, банков, кооперации по вопросу о денежном обращении на Д. Востоке. Совещание, заслушав доклад по этому вопросу представителя Дальне-Восточного Банка—гр. Смургиса, приняло резолюцию *о необходимости скорейшего введения банкнотов* в денежном обращении на Д. В. и открытия там товарных бирж с фондовыми отделами при них и поручило палате выработать вместе с представителями Госбанка и Дальбанка условия переводных операций, выгодных для развития торговли с Д. Востоком.

Червонцы на Д.-Востоке. 20 марта 1923 г. Дальревком постановил ввести в действие на территории быв. ДВР. постановление СНК «о выпуске банковых билетов», распубликованное в Известиях ВЦИК № 230, от 12 октября 1922 г.[2])

Как известно, указанное постановление СНК в интересах урегулирования ден. обращения предоставляло Госбанку право выпуска в обращение банковых билетов, каковые—согласно ст.

[1]) См. «Вестник Финансов» № 13, от 30 марта 1923 г. г. Москва. Ст. С. Челхушьян — «Денежная реформа в Д.В.Р» стр. 15—18.

[2]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 31, от 31 апреля 23 г. ст. 195.

6—подлежали приему «по их нарицательной цене в уплату государственных сборов и платежей (таможенных пошлин, налогов, жел. дор. расплат и т. д.) *в тех случаях, когда по закону платежи взимаются в золоте*».

Как видим, постановление Дальревкома радикально подходило к разрешению денежной проблемы в ДВО, узаконяя хождение червонцев *наравне* с золотой монетой, составлявшей базу дальне-восточного денежного обращения.

В читинском «Рабочем Пути» находим следующую беседу с Уполнаркомфином на ДВ—гр. Карклиным, поясняющую предпринятую меру.

Для облегчения финансовой связи с Совроссией—указал гр. Карклин,—на Д. Востоке будут постепенно, естественным путем, введены червонцы, а так как червонцы все достоинством в 10 рублей золотом, то в качестве разменной монеты остается серебро.

Перехода на обычные советские дензнаки не будет, но переход на банкноты госбанка, именуемые червонцами, диктуется самой жизнью.

Резкое разнообразие в денежной системе Совроссии и Д. В. до сих пор сильно препятствует торговым сношениям нашим с Совроссией и значительно удорожает прибывающие к нам из России товары.

Опасений за хождение червонца на Д. В. быть не может, ибо, поскольку мы освободились от засилия иностранной торговли и связались с Совроссией, постольку нет сомнений в возможности приобретения новых товаров на червонцы, вырученные от продажи прежних запасов; и торговцам нет причин к предпочтению звонкой валюты, очень громоздкой и все же требующей обмена на червонцы для пополнения запасов.

Также, понятно, червонцы будут приниматься по твердому курсу, одинаковому с рыночным, и казной в платежи всех налогов и сборов. Введение червонцев на Д. Востоке является вполне назревшим мероприятием.

Такой же, примерно, был подход к денежной реформе и со стороны финансовых работников ДВО, первый с'езд которых состоялся в Чите в июле 23 г.

С'езд этот, заслушав доклад гр. Карклина «О денежном обращении на Д. Востоке и путях к его упорядочению»,—принял следующую резолюцию:

«с'езд финработников считает нужным, прежде всего, отметить, что практикуемый до последнего времени со стороны центра осторожный подход к разрешению проблемы денежного обращения на Д. В. вполне отвечает той финансово экономической кон'юнктуре, которая сложилась там и требует значительного времени для ориентировки в ней и изучения.

Однако, такое положение, при котором ни один из денежных знаков центральной России не имеет обращения на территории Д. В., с'езд считает ненормальным, а потому признает весьма желательным ввести в обращение в ближайшее время червонец-банкнот Госбанка.

Вместе с тем с'езд полагает, что появление червонца в каналах денежного обращения нисколько не нарушит установленной на Д. В. системы денежного исчисления в золотом рубле, так как сами банкноты являются выражением стоимости золота на мировом рынке.

Для того, чтобы червонец на Д. В. мог наиболее успешно оправдать возлагаемые на него надежды, с'езд полагает необходимым вводить его на территорию Д. В. Р. в порядке постепенности и в меру действительной, вызываемой товарооборотом с центром, потребности».

Вместе с тем с'езд констатировал недостаток имевшихся в обращении денежных знаков, что вынудило его и рекомендовать привлечь кооперацию в качестве закупочных органов тех товаропродуктов, которые население вынуждено будет сдавать в уплату единого сельско-хозяйственного налога, не располагая на уплату его ден. знаками.

Недостаток ден. знаков отмечался всеми наблюдателями ден. рынка Д. В. того времени.

В докладе, сообщенном 31-го мая 23 г. в Деловом Клубе в Москве, быв. председатель Дальревкома—И. К. Кобозев утверждал, что хотя золотое обращение и пустило глубокие корни на ДВ, но Окраина способна воспринять и бумажные деньги, *поскольку они будут обеспечиваться* реальным товарным фондом, ввозимым на территорию Д. В. О. Отсутствие совзнаков и банкнотов – по наблюдению И. К. Кобозева — в значительной степени затрудняло торговый оборот с Совроссией.

Между тем, утверждал докладчик, — «инфляция банкнот в ДВО обратила бы последние из неразменных в разменные и выравняла бы валютные курсы».[1])

Формальная легализация червонца в ден. обращении ДВО была закреплена постановлением Дальревкома от 10-го июля 1923 года.

В целях регулирования на ДВ денежного обращения Дальревком постановил:

1. Выпущенные в обращение Гос. Банком банковые билеты различных достоинств в червонцах наравне с имеющей на ДВ хождение Российской золотой монетой *должны беспрепятственно приниматься на ДВ* как кассами Н. К. Ф. так и кассами друг. ведомств и учреждений, состоящих на государственном бюджете или переведенных на хозяйственный расчет, равно как и кассами кооперативных организаций и коммунальных хозяйств.

2. Банковые билеты должны приниматься помянутыми кассами в уплату всех государственных и местных денежных налогов, а также всех видов прямого и косвенного обложения, равно как и по взаимным между ними расчетам.

3. Перечисленные кассы могут выдавать кредиторам казны в счет причитающихся им платежей, частью или в полной сумме получения, банковые билеты *по курсу дня при согласии на то получателей.*

4. Банковые билеты принимаются и выдаются кассами по курсу, установленному по соглашению с Уполнаркомфином Фондовым Отделом при Товарной Бирже.

5. Поручить Уполнаркомфину дать надлежащие указания по финансовым органам о порядке приема банковых билетов.

6. Настоящее постановление ввести в действие со дня опубликования.[2])

Одновременно Уполнаркомфин на ДВ. опубликовал свои курсы червонца и советских ден. знаков. Курс червонца на *золото* был определен в соответствии с номиналом в 10 зол. руб., что фактически сводило на нет постановление от 10 июля, предполагавшее установление на банкноты какого то особого курса.

Постановление ЦИК. и СНК. СССР. о ден. обращ. на ДВ.

Это же указание на обязательность приема червонцев *не по их рыночной котировке, а по золотому номиналу*, было подтверждено следующим, постановлением ЦИК и СНК СССР., от 3-го августа 1923 г. «*О денежном обращении на Д. Востоке*»:

В целях урегулирования денежного обращения на территории ДВО., ЦИК и СНК Союза СССР. постановляют:

1. В уплату государственных и местных налогов и сборов, таможенных и иных пошлин и железнодорожных тарифов на территории Советского ДВ принимаются советские денежные знаки РСФСР. по официальному курсу на золото.

2. Гос, коммунальные и кооперативные учреждения и предприятия принимают по всем платежам Советские денежные знаки РСФСР по официальному курсу на золото.

---

[1]) См. «Бюллетень Читинской Товарной Биржи» № 3, от 26 июля 23 г.

[2]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 57, от 10 августа 1923 г. ст. 484.

3. Прием гос., коммунальными и кооперативными учреждениями и предприятиями серебряной банковой и разменной монеты производится во все платежи по оффициальному курсу на золото.

4. Банкноты Госбанка СССР. принимаются в уплату всех гос. и местных налогов и сборов, таможенных и иных пошлин и железнодорожных тарифов, а также по всем платежам коммунальных учреждений и предприятий на территории ДВ *по золотому номиналу*.

5. Государственным и коммунальным предприятиям и учреждениям и кооперативам воспрещается производство и прием платежей иностранной валютой, за исключением случаев совершения сделок с предприятиями, находящимися за границей.[1])

Осуществление этого постановления, особенно в той части, которая делала обязательным прием незнакомых Д. Востоку совзнаков, встретило значительные затруднения и Дальревком не нашел возможным немедленно же, без предварительной подготовки, ввести в действие указанное постановление.

Вопросу о встретившихся затруднениях было посвящено, имевшее место в начале сентября, заседание московского «Особого Совещания по делам Д. Востока». Экономическая Комиссия этого совещания признала, что

постановление ЦИК и СНК СССР о денежном обращении на ДВ отменено быть не может, но что вместе с тем необходимо издание НКФ в самом срочном порядке особой инструкции о порядке и сроках проведения в жизнь этого постановления.

В случае дотаций для ДВ, НКФ обязан производить таковые преимущественно в червонцах. В виду тяжелого положения местной кооперации необходимо временно совершенно освободить ее от обязательного приема совзнаков.[2]).

Совещание признало, что внедрение совзнаков должно производиться с известной постепенностью; на первое время нужно установить прием их только учреждениями, находящимися на госбюджете. После можно будет распространить прием совзнаков и на другие учреждения и торговые организации.

Что касается до внедрения червонца, то всеми участниками Совещания было признано, что червонец уже распространяется на Д. Востоке, главным образом, как средство расчета.[3])

Введение в действие постановления ЦИК и СНК было ускорено стихийными событиями, происшедшими в сентябре 23 г. в Японии.

Японская катастрофа, вызвав необычайное напряжение финансовых рессурсов Японии, до некоторой степени пресекла ее агрессивность в ее дальневосточной политике. Это облегчало для русского Д. Востока замену проникшей в край иены своими ден. знаками.

Новый Уполнаркомфин на ДВ — гр. Барышников в средних числах сентября 23 г. проездом через Харбин—заявил:

«Катастрофа в Японии сильно повлияла на положение иены на нашем денежном рынке, что, несомненно, благоприятно отразится на русской денежной единице. Настоящий момент является самым удобным для проведения крупной финансовой реформы».[4])

---

[1]) См. «Известия ВЦИК» № 176, от 8 августа 1923 г. г. Москва.
[2]) См. «Бюллетень Владивостокской Товарной Биржи» № 14, от 4-го октября 1923 г.
[3]) См. газ. «Экономическая Жизнь» № 203, сентябрь 1923 г. г. Москва.
[4]) Газ. «Заря» № 134, от 18 сентября 1923 г. г. Харбин.

Вскоре после этого—20-го сентября 23 г. Дальревком постановил «*ввести в действие на территории ДВО постановление ЦИК и СНК СССР от 3-го августа 1923 г.*»[1])

Информируя о стоящих перед властью задачах в связи с опубликованием указанного постановления, Уполнаркомфин констатировал, что

декрет этот внес в существующее денежное обращение несомненное изменение. По мнению Уполнаркомфина, хотя введенные в ден. обращение червонцы и являются валютой вполне устойчивой, но это не давало право сделать вывод, что к существующей на Д. В. в обращении валюте можно относиться пренебрежительно.

В декрете совершенно отсутствуют элементы какой-либо принудительности, поскольку названные в законе валюты об'являются обязательными к приему *только по линии гос. организаций.* Населению предоставлено время свободно разобраться и самому убедиться в полезности принятых государством мер.[2])

Как увидим дальше, общая обстановка действительно потребовала внести некоторые послабляющие декрет оговорки, применяя его в Приморье.

Госбанк и Фонд. Отделы Товарн. Бирж. Нет сомнения, что осуществление тех или иных мероприятий в области ден. обращения стало возможным только благодаря систематическому и организационному содействию финансовых учреждений Д. Востока. В этом отношении наибольшее значение имело содействие, оказанное Дальбанком с его вполне окрепшими и во многих местах учрежденными филиалами и Госбанком СССР. Отделение последнего было открыто в Чите в конце 22 г., вскоре после присоединения ДВР к РСФСР, в марте 23 г. начала функционировать Д. Восточная Краевая Контора Госбанка во Владивостоке, открывшая в течение 23 года свои филиалы во многих пунктах ДВО.

Одновременно с проведением законоположений о внедрении червонцев и совзнаков, постановлениями СНК и Дальревкома были учреждены Фондовые Отделы при ранее организованных Тов. Биржах в Чите и Владивостоке, а также с'организована котировочная комиссия при Уполнаркомфине на ДВ.

Согласованные мероприятия всех этих органов и учреждений, особенно устанавливаемые ими курсы, открываемые кредиты в червонцах и производившаяся выписка товаров из Совроссии, способствовали приучению к пользованию червонцами.

Иностранные Банки. В противовес предпринимавшимися русскими банками мероприятиям по урегулированию ден. обращения, филиалы иностранных банков были заинтересованы в возможно более длительном сохранении в ден. обороте иностранной валюты и возможно более высоком курсе ее.

---

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 68, от 7-го октября 23 г., ст. 618.
[2]) См. газ. «Нов. Жизни» № 244, от 30 октября 1923 г. г. Харбин.

Говоря об иностранных банках, мы имеем в виду функционировавшие во Владивостоке с конца 1918 г. отделения банков: японских—Спеши и Чосен и английского—Гонконг-Шанхайского.

Других иностранных банков на ДВО не имелось. Указанные три банка не имели разрешения на открытие своих операций, начав таковые в явочном порядке. Вопрос об открытии во Владивостоке иностранных банков возбуждался еще до Революции, но был категорически отвергнут.[1])

Указанные три банка, особенно два японских, за период усилившегося влияния яп. иен—являлись проводниками ее на местный рынок и, тесно связавшись с делом экспорта через Эгершельд, оказались чрезвычайно нужными для русских учреждений, впредь до полной эмансипации последних от влияния инвалюты.

Это сознание зависимости не позволяло, во избежание полной ликвидации иностранных банков, предпринять по отношению к ним мер, диктуемых буквой советского законодательства. Создалось весьма неопределенное и подчас пародоксальное положение.

В свое время постановление о размене иностранных банкнот опубликовано не было и вопрос об иностранных банках на время снят был с обсуждения.

Но осенью, после опубликования Дальревкомом своего сентябрского постановления о применении декрета СНК от 3-го августа, вновь возник вопрос о порядке регламентировки производимых иностранными банками сделок с инвалютой.

В начале сентября 23 г. Уполнаркомфин — гр. Барышников рекомендовал иностранным банкам оформить свое существование применительно к действующим в Совроссии законам.

Иностранные банки не подвергались правительственному контролю, не облагались налогами и вообще находились вне пределов досягаемости. Такое нелегализованное внезаконное существование, по мнению Уполнаркомфина, не могло продолжаться неопределенное время и надлежало возможно скорее ввести их работу в нормы закона.

Директора Владивостокских банков заверили гр. Барышникова и вслед затем подтвердили письменно свое *желание быть лойяльными в отношении советской власти.*[2])

В изложении японского телегр. агентства—сделанное иностранным банкам предложение было изображено таким образом:

---

[1]) См. ст. А. Д. Орлова—«Финансовое положение Приморья». Сборник Примгубвыстбюро. 1923 г. г. Владивосток.

[2]) См. К. К. «Письмо из Владивостока» Газ «Трибуна» № 260, от 24—XI 23 г.

«Конфликт между советской администрацией и иностранными банками выясняется в следующем виде: представители советского правительства потребовали от банков подчинения декрету об иностранных банках в России, согласно которому банки обязаны вносить в депозит государственного банка 5% с основного капитала в виде гарантии.

Таким образом, Спеши банк вынужден был бы внести 5.000.000 золотых рублей, а Чосен—4.000.000.

По сведениям, Спеши предпочитает закрыть свое отделение, но так как большое количество кредитных билетов Чосен банка циркулирует в Приморской и Амурской областях, то положение этого банка представляется несколько более затруднительным.

Поэтому возможно его переформирование в новый банк, состоящий под совместным управлением русских и японцев, что даст банку возможность избегнуть применения к нему декрета об иностранных банках, или же банк вернется к старому наименованию „Мацуда банк“ с основным капиталом в один миллион иен.

Последние два выхода находятся в данное время в стадии обсуждения Правления банка с представителями министерства финансов в Токио».[1])

Происшедшая заминка в работе иностранных банков и на этот раз разрешилась достаточно благоприятно для них—функционирование их временно было сохранено на прежних основаниях, сделки с валютой продолжались вполне свободно, банкам было лишь вменено в обязанность представлять в губфин'отдел свою отчетность.

В статье известного на Д. Востоке экономиста—К. К. Куртеева—«Японские банки во Владивостоке» находим балансы этих банков на 1-ое октября 23 г. Сводный баланс отделений японских банков был таков:

(в тысячах иен)

Актив.		*Пассив.*	
Касса	717	Капитал Отделений	800
Ссуды	1323	Вклады	2438
Правление и Отдел. .	1583		
Пр. активы	305	Пр. пассивы . . .	690
Итого	3928	Итого	3928

Выводы К. К. Куртеева таковы: резкое сокращение операций обоих отделений яп. банков является следствием ликвидации яп. военной интервенции и связанного с нею ослабление роли японцев в экономической жизни Приморья. Японские банки не внесли в край новых капиталов, напротив они превратились в насосы, выкачивающие местные денежные средства за-границу, больше половины этих средств снято с владив. ден. рынка и отправлено в Японию и Маньчжурию.[2])

Конечно, в отдельные моменты—в период экспортной кампании банки вновь мобилизовали для местной работы свои средства, но, как правило, к концу 23 г. вследствие неопределенных перспектив дальнейшей деятельности иностранных банков, с их стороны выявилась вполне определенная тенденция перебрасывать за-границу все свободные средства, работая исключительно за счет местных вкладов.

---

[1]) Телеграмма а-ва «Тохо». г. Токио. 7 декабря 1923 г.

[2]) См. ст. К. К. Куртеева в «Экономич. жизни Д. Востока» № 2, Декабрь 1923 г.

Одновременно, по мере укрепления на местном рынке червонцев, иностранным банкам пришлось вступить на путь работы с червонцем, так как иначе для них отпала бы возможность обслуживать русско-японский экспорт. Чосен Банк получил в Дальбанке кредит в червонцах под обеспечение в иенах. Это позволяло ему получить червонцы, спрос на которые со стороны его клиентов все увеличивался. Яп. Банк вынужден даже был открыть прием червонцев на тек. счета, производя по таковым обычное начисление процентов.[1])

Но в в общем следует признать, что судьба иностранных банков во Владивостоке все еще продолжает оставаться неопределенной.

Надо полагать, что общие интересы банков и их клиентов, а также органов краевой власти и гос. учреждений позволят найти и на будущее достаточно приемлемый выход.

Иены в Приморье. Особенностью приморского ден. рынка являлось не только функционирование там иностранных банков, но и проникновение во все поры ден. обращения иностранной валюты — японских иен, главным образом, в банкнотах Чосен Банка. В начале книги мы уже указывали, что общее количество иен, имевшихся в обращении в районе Приморья, за 1918—1922 г. г. достигло суммы, примерно, в 10 миллионов.

Население приучилось к иене, как денежному знаку, не претерпевавшему особых колебаний курса.

Как констатирует один из наблюдателей—«по произведенному в апреле 23 г. обследованию выяснилось, что запасы русской золотой монеты в Приморье и в частности во Владивостоке крайне ограничены, не превышая 1$^{1}/_{2}$ милл. рублей, считая в том числе и запасы банков. Вся сумма серебряной монеты в то же время не превышала одного миллиона золотых рублей. Между тем, потребность торгового оборота составляла от 15 до 20 миллионов ден. знаков и на всю эту сумму имелись в обращении иены.

Таким образом, фактически ден. знаком в Приморье была японская иена, серебряная русская монета являлась монетой подсобной, а золотая монета, не играя роли в денежном обращении, превратилась в товар».[2])

Уяснение значения, которое приобрела иена в ден. обращении Приморья, делает понятными те послабления в осуществлении постановления ЦИК и СНК от 3-го VIII. 23 г., на

---

[1]) См. газ. «Рупор» № 752, от 21--XI 23 г. г. Харбинъ. Корресп. из Владивостока.

[2]) См. ст. А. Г. Майофиса в № 3--4 журн. «Экономическая Жизнь Приморья» XI—XII 1923 г. г. Владивосток.

которые власть вынуждена была пойти сразу же вслед за распубликованием этого постановления.

С 1-го октября 23 г. оно было введено в действие в Приморской губ., а 9-го октября Дальревком, «учитывая, что у населения Приморской и Камчатской губерний, особенно в сельских местностях и в отдаленных промысловых районах, сохранилось некоторое количество японских иен, постановил: в из'ятие указанного пункта пятого *разрешить государственным, коммунальным и кооперативным кассам Приморской и Камчатской губерний прием и выдачу японских иен* по курсу котировальной комиссии при уполнаркомфине *до 1-го декабря т. г.*».

Одновременно Уполнаркомфином на ДВ был установлен курс на червонец или на 10 руб. золотом в 11 иен 80 сен.

Опубликовывая постановление Дальревкома, Приморский Губисполком предупреждал, что «после первого декабря 23 г. прием иен безусловно воспрещается».[1]) Комментируя постановление Губисполкома, оффициальный орган «Красное Знамя» писал:

«Постановление Приморского Губисполкома, о ден. обращении в нашем крае ставит точку над «і», подводя окончательный итог дальневосточным событиям за последние шесть лет.

1-го декабря оканчивается последний этап борьбы за независимость русского ДВ. В первых числах апреля 23 г. ушло из Владивостока последнее японское судно, стоявшее на нашем рейде со дня фактического начала интервенции. Этим заканчивалась последняя страница истории закрепления японского влияния при помощи вооруженной силы.

Попытки борьбы с ден. интервенцией, проводимые на ДВ.,—введение буферных денег и разменного серебра потерпели в свое время неудачу и были вытеснены японской бумажной валютой. Это об'яснялось экономической слабостью ДВ; но одна из главных причин наших неудач крылась в присутствии нескольких японских дивизий и в том, что японское правительство выбрасывало на наш. ден. рынок сотни миллионов иен в уплату за содержание войск и как жалование этим войскам.

Ни одно пр-во в мире, желающее быть независимым и свободно распоряжающимся на своей территории, не могло согласиться на свободное хождение иностранной валюты в своей стране. У нас же на ДВ иена ходила не только свободно, но и заменила собой государственный платежный знак, внедряясь в глубокие массы и доходя до самой отдаленной крестьянской хаты.

Чтобы быть независимым политически, чтобы иметь возможность бороться с чужеземным экономическим влиянием, в целях охранения достоинства государства и его суверинитета,—необходимо было покончить с ден. интервенцией.

Это заставило советскую власть и ее хозяйственные и финансовые органы с'уживать зону распространения иен для того, чтобы окончательно вытеснить ее с внутреннего рынка».

Столь же оптимистично оценили это постановление и деятели влад. Фондового Отдела при Тов. Бирже.

«Если до сих пор иностранная валюта свободно обращалась здесь в качестве денег,—читаем в бюллетенях Биржи,—то теперь эта роль валюты считается конченной. В частности циркулирующая в каналах ден. обращения иена, которая еще недавно была заместительницей зол. рубля, должна будет вернуться к первобытному своему состоянию чужой валюты, предназначенной исключительно для расчетов по внешней торговле. С 1-го декабря правительственные учреждения и кооперативы совершенно перестанут принимать иену».[2])

[1]) См. газ. «Красное Знамя», № от 17 окт. 23 г., г. Владивосток.
[2]) См. «Бюллетень Влад. Тов. Биржи» № 16 от 18 окт. 23 года.

Не смотря на столь решительное постановление Губисполкома и на установленный невыгодный курс в 11 иен 80 сен за червонец, выяснилось, что изжитие из ден. обращения Приморья иен—является делом, требующим значительно более длительного времени, нежели предположенныя срок в 2 месяца.

Решительное постановление сразу сказалось на экспортном транзите Эгершельда: экспортеры, работая в Харбине и имея аккредитивы исключительно в иенах, стали уклоняться от экспортирования грузов через Владивосток (Эгершельд), направляя таковые на Дайрен.

В результате Дальревком вынужден был, войдя в соглашение с Уполнаркомфином, разрешить Уссур. ж. д. в отношении экспортных перевозок не приводить в действие постановления о неприеме иен после 1-го декабря с г.. Харбинскому Коммерч. А-ву Уссур. ж. д. было предоставлено выдавать банкам и экспортным фирмам соответствующие письменные гарантии.

Во исполнение нового предписания Х. К. А. Усс. ж. д. дало следующее об‘явление:

«Уссурийская ж. д. об‘являет, что ею и *после 1-го декабря с. г.* будут приниматься японские иены в платежи по всем экспортным перевозкам через Эгершельд, при чем прием иен обеспечен на все время экспортной компании».[1])

Открывая Фонд Отдел. Владив. Биржи, Уполнаркомфин также вынужден был отметить, что «японская иена отнюдь не вытесняется окончательно, но она будет обращаться не как узаконенный знак, а как иностранная валюта. Всякий может ее хранить где ему угодно у себя или в банке на счете валюты».

Послабление, допущенное для Уссур. ж. д., впоследствии пришлось распространить и на др. учреждения, так как край несмотря на осуществленную лицензионную политику власти, продолжал все же свои коммерческие сношения с районами, работавшими на японские иены; последними же производилась оплата таможенных пошлин и аренды по сдаваемым японским гражданам рыболовным участкам.

Власть, вынужденная принимать иены, предприняла по отношению к ним регламентировку курса: вместо прежнего курса червонца (или золот. десятки) в 11 иен 30 сен и установленного в октябре 23 г. курса в 11 иен 80 сен, с 20 марта 1924 г. «для приема японской иены таможенными учреждениями и кассами НКФ в предусмотренных законом случаях» установлен был новый курс—12 иен 50 сен.[2])

Фактический курс иены на рынке был выше.

По справке бюллетеней Биржи — курс червонца на иену (при оффициальном курсе в 11 иен 80 сен) был:

[1]) См. харбинские газеты от 16-го ноября 23 г.
[2]) См. «Бюллетень Владивост. Тов. Биржи» № 39, от 29 марта 23 г.

1 января	11.50	21 февраля	11.62
24 „	11 50	28 „	11.68
14 февраля	11 57	6 марта	11.62

Справки о курсе при частных сделках дают следующие отметки:

6 декабря .	. 11 иен 08 сен.	5 января	. 11 иен 17 сен.
22 „	11 „ 16 „	9 „	11 „ 30 „
24 декабря	11 „ 18 „	28 „	11 35

25 февраля	11 иен 70 сен.
26 „	11 „ 70 „
8 марта	. 11 „ 70 „

Средний курс при частных сделках за 12 марта составил 11 иен 37 сен.

При оффициальном курсе с 20 марта в 12 иен 50 сен Бюллетень Биржи отмечает курс рынка 20-го марта—11 иен 84 сены, а 3-го апреля—12 иен 12 сен.

Из приведенных справок ясна имевшая место невыгодность производства взносов в кассы госучреждений иенами. Последние, оказавшись под финансовым ударом власти, постепенно—по мере перехода народн. хозяйства края на свою русскую расчетную единицу—будут постепенно уходить из ден. оборота, теряя на рынке свое прежнее доминирующее положение.

Бюджет ДВО. На ряду с др. факторами, способствовавшими постепенной эмансипации от иностр. валюты, несомненно значение и тех мер, которые предпринимались краевой властью по сокращению краевых расходов и импорта.

Пассивный в отношении Востока расчетный баланс б. ДВР грозил продолжением выкачивания из края всех денежных ресурсов. Не меньшей угрозой являлась и дефицитность бюджета требовавшая бесконечных дотаций центра.

Можно констатировать, что на протяжении 1923—1924 г. г. был предпринят ряд мер, давших положительные результаты для благоприятного разрешения обоих, указанных выше, больных вопросов Д. Востока.

Нет сомнения, что запрет ввоза товаров из Маньчжурии и заградительные таможенные ставки на товары, разрешенные к ввозу,—вынудили дальне-восточного потребителя пользоваться более дорого—стоющими московскими товарами.

В пределах известного времени это вынужденное пользование товарами российского производства было как будто-бы невыгодно, но в процессе времени несомненно эта невыгода будет компенсирована той выгодой, которую получит население, укрепив внешне-расчетную стоимость своих денежных знаков.

Положительные данные расчетного баланса с Востоком до некоторой степени колеблются сведениями о существующей контрабанде. Читинская газета «Дальневосточный Путь», пользуясь оффициальными данными таможенного ведомства, констатирует, «что усиление контрабанды достигло огромных размеров. По приблизительному подсчету за 1923 г. контрабанды просочилось *минимум на 13 милл. зол. руб.* и только 5% всей контрабанды было задержано. Главными предметами котрабанды из-за границы является мануфактура, спирт и табак. Раньше на первом месте стоял спирт, теперь первенство перешло к мануфактуре. Причина роста контрабанды—малочисленность пограничной охраны, а главным образом —большая разница цен между дешевыми заграничными товарами и дорогими российскими».

Как правильно отмечает газета, «для борьбы с контрабандой необходим ряд мер прежде всего *экономического* характера: снижение цен на товары советской продукции».

В настоящее время в этом направлении приняты соответствующие меры—будущее покажет результат их.

Нет сомнения, что тот или иной результат соответственно скажется на денежном обращении ДВО.

Касаясь бюджета ДВР (см. стр. 311) мы уже отмечали дефицитность его, потребовавшую за двухлетний период существования ДВР «доплаты» в сумме свыше 18,6 милл. руб.

По присоединению ДВР к РСФСР, Дальревком опубликовал бюджет на ноябрь-декабрь 23 г., бюджет этот предусматривал доходы в сумме 525 тыс. руб., расходы—1.208 тыс. руб.—дефицит около 700 тыс. руб.

Утвержденный Дальревкомом в мае 23 г. новый бюджет на период 1 сентября 23 г. предусматривал:[1])

	Доходы	Расходы	Превыш. дох.	Дефицит.
1. Все гос'органы без ж. д.	19.469.466	15.126.938	4.342.528	2.990.476
2. Жел. дор. .	12.088.611	15.079.187		
Итого.	31.558.077	30.206.125	3.342.528	2.990.476

Таким образом, вместо былого дефицита по смете на 23 г. в сумме 11 с лишним милл. рублей, новый бюджет предусматривал доход почти в 1,5 милл. руб.. Нужно иметь в виду, что прежний бюджет обнимал только 4 области: Прибайкальскую, Забайкальскую, Амурскую и Приамурскую, и если взять бюджет на 23 г. этих четырех районов, то все же он окажется дефи-

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 44, от 8 июня 23 г. ст. 346.

цитным на 2.365 тыс. руб.. Отсюда ясно, что бездефицитность бюджета ДВ на 23 г. достигается главным образом—присоединением Приморья и Камчатки.[1]) Но и помимо этой причины нельзя отрицать, что имело место значительное сокращение разн. статей расходной сметы.

Бюджет ДВО на 1923—1924 г. г. (по 1-ое октября) выражается в след. цифрах:

	Доходы	Расходы	Превыш. дох.	Дефицит.
1. Все гос'органы без. ж. д.	23.273.912	23.273 912	— —	
2. Жел. дор. .	15.073.700	16.273.700	— —	1.200.000
Итого.	38.347.612	39.547.612	— —	1 200.000

Из общей суммы доходов в 23,2 милл. руб. ожидается к поступлению прямых и косвенных налогов и пошлин свыше 15,3 милл, т. е. более 66%. Средняя сумма обложения выразится в 10 р. 76 к на единицу населения.

Как констатируют руководители дальне-восточного нар. хозяйства—

«достигнутое бюджетное благополучие области не следует переоценивать. Это благополучие твердо стоит лишь на одном устое—на обложении. Это только устой, а не фундамент. Чтобы завершить постройку твердого фундамента, нужно торопиться с созданием второго устоя. Материалом для него может в ближайшие же годы послужить добывающая промышленность, возможность развития которой обуславливается наличием природных богатств. Бюджетное благополучие будет надежным и устойчивым при наличии указанных двух опор. До этого бюджетное благополучие может быть опрокинуто простой случайностью.

Завершение постройки бюджетного фундамента должно быть поставлено важнейшей задачей ближайших лет. Иначе возможен возврат к прежнему довоенному положению, когда ДВО опять вынуждена будет протянуть руку к центру за дотациями».[2])

Приведенным как нельзя лучше характеризуется положение бюджета ДВО.

Устойчивость ден. обращения на ДВ стоит в прямой зависимости от бюджетного благополучия, будем думать, что последнее останется непоколебимым.

Золотая и серебряная монета на Д. Востоке. Еще к концу 1922 г. реальная зол. монета стала исчезать из ден. обращения ДВР. Ден. рынок постепенно перешел на пользование исключительно банковой и биллонной монетой.

С прекращением дотаций из центра в зол. монете, остатки ее с ДВ постепенно уходили—либо на запад—в Россию, либо на восток—в Маньчжурию на оплату закупаемых там товаров.

[1]) См. «Вестник Финансов» № 31, от 31 августа 23 г. стр. 41.

[2]) См. сборник под редакцией С. Ф. Суховия—«Советский Д. Восток» стр. 147.

В результате, как констатируют многие наблюдатели, золотая монета потеряла свое значение основы учета ценностей и превратилась в товар.

Каналы ден. обращения заполнились дешевым в то время в Москве банковым и биллонным серебром, именно последнее и осталось в обращении с принудительным курсом сравнительно высоким, благодаря чему не прекращался прилив его и с востока и, главным образом, с запада.

Вследствие притока серебра, несмотря на исчезновение золота,—острого недостатка в средствах обращения не чувствовалось.[1])

В целях сохранения в ден. обр ДВО серебр. монеты и в то же время предупреждения ввоза ее в целях спекуляции с востока и запада, на протяжении 1923—1924 г. г. предпринимался ряд мероприятий. 24 апр. 23 г., приняв постановление о введении в действие на территории ДВ декрета СНК от 9 августа 22 г. о разрешении провоза в пределы РСФСР изделий из драгоценных металлов, золотой и серебряной монеты, иностранной валюты и росс. бум. денежн. знаков,—Дальревком временно оставил без применения примечание к ст. 2 декрета, ограничивающее право свободного ввоза монеты суммой в 500 рублей.

Но вскоре вслед за этим—14-го мая—Уполнаркомфин вошел вновь в Дальревком с проэктом постановления *о воспрещении ввоза серебряной монеты.* Заслушав это постановление, Дальревком постановил: «В целях предотвращения спекуляции с серебряной монетой, поручить Уполнаркомфину по телеграфу возбудить ходатайство перед НКФ о срочном проведении постановления следующего содержания:

1. Воспретить ввоз на территорию ДВ из-за границы и прилегающих к ней местностей РСФСР серебряной, как мелкой разменной, так и полноценной монеты на сумму свыше 25 руб. банковым и 10 рублевым разменным серебром на одно лицо.

Примечание: настоящее постановление не распространяется на золотую монету.

2. Означенное запрещение распространяется на все государственные, кооперативные и частные учреждения, организации и отдельных лиц.

3. Право ввоза серебряной монеты свыше указанной в п. 1-м настоящего постановления суммы принадлежат НКФ и может быть предоставлено в каждом отдельном случае учреждениям, организациям и лицам по особому разрешению органов НКФ.

4. Нарушение настоящего постановления карается на основании 10 ст. Уг. Кодекса по 97 и 138 ст. того же кодекса.[2])

15-го июня мнение Дальревкома было облечено в форму постановления[3].)

13-го июля того же года Дальревком, в изменение своего предыдущего постановления, постановил, что право вывоза серебряной монеты свыше указанной в ст. 1-ой суммы может быть предоставлено в каждом отдельном случае учреждениям,

---

[1]) См. ст. П. Котцова—«На путях к червонцу», № 1 журнала «Экономическая Жизнь ДВ» ноябрь 23 г., г. Чита.

[2]) См. протокол № 59 заседания Распоряд. Бюро Дальревкома 25 мая 23 г.

[3]) Тоже № 64, от 15 июня 23 года.

организациям и лицам по особым разрешениям, выдаваемым Валютным Управлением НКФ на вывоз серебряной монеты из пределов СССР и уполномоченными НКФ на Д. Востоке на ввоз той же монеты из за границы.[1])

Одновременно происходившее в Чите ДВосточн. Фин. Совещание, обсудив вопрос о порядке вывоза из ДВО валютных ценностей (инвалюты, золот. и *серебр* монеты), пришло к выводу о своевременности введения на ДВ декрета СНК от 19 апреля 23 г., ограничивающего право вывоза нормой в 200 руб. по оффициальному курсу на одно лицо и 100 руб. на каждого члена семьи.[2]) Соответствующее узаконение было принято Дальревкомом 7 авг. 23 г., постановившим ввести в действие на территории ДВ «Правила о порядке пропуска через таможенные учреждения НКВТ и НКФ 26 октября 22 г.», причем общую сумму разрешенных, п. «д» ст. 12-ой «Правил» к свободному вывозу ценностей решено было повысить до указанной выше нормы.[3])

Полугодичный опыт привел Дальревком к несколько иным выводам о целесообразном порядке разрешения ввоза серебряной монеты на территорию ДВО, вследствие чего 27-го ноября 23 г. Дальревком постановил:

Изменить первый пункт своего постановления от 15-го июня 23 г. (Бюлл. ДРК № 48, ст. 413) следующим образом: а) *ввоз на территорию ДВ из за-границы серебряной монеты*, как мелкой разменной, так и полноценной, имеющей хождение в ден. обращении ДВР., *разрешить без всякого ограничения*. б) Ввоз той же монеты *из* прилегающих местностей *РСФСР ограничить* суммою 25 руб. банковым и 10 руб. разменным серебром.

Примечание: Настоящее постановление *не распространяется* на зол монету.[4])

7-го декабря 23 г. Дальревком постановил *отменить закон б. ДВР «О свободном обращении золота»* и ввести ряд декретов СНК, касающихся: чеканки зол. червонцев, вкладных операций, валютных операций и т. п. По отношению к некоторым из вводимых в ДВО законов постановлено было ввести частичные дополнения или из'ятия; так, напр., постановлено было—

«приостановить действие примечания к ст. 1 декрета СНК и ВЦИК от 15 февраля 23 г. в отношении сделок на росс. золот. и серебр. монету, предоставив право для гос., кооперат. и частн. предприятий приема платежей росс. золот. и серебр. монетой, а равно и производство таких платежей».

Резюмируя имевшие место законоположения о порядке ввоза и вывоза зол. и серебр. монеты, приходим к выводу, что *в отношении ввоза зол. монеты* не было установлено *никаких ограничений*, в отношении же *серебр. монеты* был *разрешен свободный ввоз ее из за границы* и *ограничительный* из за Байкала— *из Совроссии*. В отношении *вывоза в Совроссию* как *зол., так и серебр. монеты ограничений не существовало, вывоз* же этой монеты *за границу был ограничен* указанной выше нормой в 200 и 100 руб. по курсу.

---

[1]) См. «Бюллетень ДРК» № 57.
[2]) См. протокол № 27 «ДВосточн. Краев. Заседания», от 12 июля 23 г.
[3]) См. газ. «ДВост. Путь» № 188, от 22 августа 23 г. Постановл. № 421 ст. ст. 1 и 4.
[4]) См. «Бюллетень ДРК» № 81, от 23 декабря 23 г. ст. 770, п. 4 «в».

Надо полагать, что вопрос о свободном ввозе монеты из за-границы в ближайшее время будет пересмотрен, так в марте 24 г. Валютное Управление НКФ вошло уже в Дальревком с представлением о необходимости срочной отмены его разрешения на ввоз из-за границы серебр. монеты, так как согласно постановления СНК СССР *«ввозимая зол. и серебр. монета дореволюционного образца подлежит сдаче в таможенные учреждения»*.[1]) Причем предполагалось, что отбираемая монета подлежит обмену по оффициальному курсу на имевшие хождение внутри страны ден. знаки.

Регулирование обращавшейся на рынке серебр. монеты имело место не только путем регламентировки ее ввоза и вывоза, но и путем установления оффициального, принудительного курса, что позволяло, сообразуясь с курсом соседних рынков, способствовать или ограничивать приток этой монеты в ДВО.

В развитие прежних законоположений ДВР, коими 5 октября 22 г. был установлен курс *банк. рубля* в 95 коп. зол. в Заб., Приб. и Амурск. обл. и в 1 руб. зол. в Приам. обл., а курс 1 зол. руб. на биллон в 2 р. 80 к. в Заб. и Приб. обл., в 2 р. 70 к. в Ам. обл. и в 2 руб. 60 коп. в Приам. обл.,— Дальревком 6-го июля 23 г. постановил: установить оффициальный курс по всему ДВ следующий: а) *за 1 зол. руб.— 2 р. 60 к. биллонным серебром* (разменн. сер.); б) *за 1 серебр. банков. рубль—90 к. золотом или 2 р. 35 к. биллонным серебр.*[2])

Следовательно, 1 зол. рубль приравнивался к 1 р. 11 к. банк. серебра.

В 1924 г. на ден. рынок ДВО, на общих основаниях с другими территориями СССР, было направлено серебро нового советского чекана. В предвидении выпуска в обращение этого серебра, имевшего хождение наравне с зол. монетой и червонцем, Дальревком резко изменил ранее установленный курс на серебр. монету прежнего чекана и, приближая ее курс к курсу новочеканной, установил *с 16-го февраля 1924 г.* новый курс дореволюционной серебр. монеты.: *один червонный или золотой рубль равен 1 р. 60 к. билл. серебр.; 1 руб. банков. серебр. равен 1 р. 44 к. биллон. серебр.*, следовательно, 1 зол. руб., как и прежде, приравнивался к 1 р. 11 к. банков. серебр., т. е., 1 банк. рубль, как и прежде, приравнивался к 90 коп. золотом.[3])

В конце апреля 24 г. Уполнаркомфином на Д. В., в целях постепенного выведения из оборота серебр. монеты прежнего чекана, установлен был новый курс: *1 рубль биллона* приравнивался—*40 коп. зол; 1 рубль банк.* серебра—*75 коп. золотом,* т. е. *1 зол. рубль* об'являлся равным *2 руб. 50 к. биллоном* или *1 р. 33 коп. банк.* серебром.

---

1) См. «Бюллетень Читинской Тов. Биржи» № 41, от 18 марта 1924 г.

2) Тоже, № 5, от 10 июля 1923 г.

3) На стр. 378 надлежит внести исправление, проставив вместо 96,2 зол. коп.—*90 зол. коп.*

Об этом было опубликовано следующее постановление Дальревкома:

«В соответствии с мероприятиями, ЦИК и СНК СССР, направленными к созданию устойчивых денег на территории Союза СССР, а также к осуществлению унификации денежных систем, ДВО и СССР в целях полного прекращения потерь, которые несут трудящиеся массы, а также народное хозяйство ДВО, в силу особенностей денежного обращения, затрудняющих товарооборот с центральными областями Союза,—Дальревком постановил:

1) Декрет ЦИК, а также СНК СССР от 22 февраля, «О чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты» ввести на территории ДВО на следующих основаниях:

а) Оффициальный курс серебряной и медной монеты старой чеканки в пределах ДВО установить, начиная *с 28 сего апреля* следующий: оффициальный курс: 1 рубль банковым (крупным серебром) равен 75 червонным (золотым) копейкам, 1 рубль билонным (разменным) серебром, а также медной монетой равен 40 червонным (золотым) копейкам;

б) Указанный в пункте «а» сего постановления оффициальный курс об'явить курсом, по которому в ДВО в дальнейшем будет производиться из'ятие из обращения серебряной и медной монеты стар го образца, путем выкупа таковой государственной казной, на общие союзные твердые девзнаки—банкноты, червонцы, казначейские билеты, а также серебряную и медную монету советской чеканки. Сроки, а равно и порядок вышеуказанного выкупа устанавливается по соглашению с Дальревкомом и Наркомфином СССР особыми постановлениями Дальревкома.

До момента окончательного из'ятия из обращения серебряной и медной монеты старого образца, последняя имеет оффициальное хождение в ДВО на основаниях, указанных статьей четвертой постановления Дальревкома от 7-го декабря прошлого года, предусматривающей прием и производство ею платежей всеми государственными, коммунальными, кооперативными, общественными и частными учреждениями и лицами.

2) Наблюдение за выполнением сего постановления, а равно принятие мер по обеспечению успешности и безболезненности его проведения в жизнь, возложить на управление уполнаркомфина ДВО.

3) Подтвердить постановления Дальревкома от 16-го сего февраля об исчислении товарных цен в червонных рублях, с двадцатого сего апреля и об обязательном вывешивании цен в торговых помещениях и возложить на губисполкомы наблюдения за неуклонным выполнением указанных постановлений.

4) Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу.

Преддальревкома *Павлов*, уполнаркомфин ДВО *Измайлов*, секретарь Дальревкома *Копытин*».

Значение для ДВО приведенного постановления пояснено было одновременно опубликованной особой декларацией Дальревкома.

Можно предполагать, что прежнее изменение курса не отражалось на притоке сер. монеты в пределы ДВО.

Опасность контрабандного, а впредь до отмены ограничения ввоза и легального, ввоза биллона из за-границы не существует, так как, как подробно указали мы в главе о русском рубле в Маньчжурии и Китае, там сер. росс. монеты в наличности в сколько-нибудь значительном количестве не имеется.

Золотая же монета там хотя и имеется, но распылена у отдельных лиц, как сбережения, и трудно предполагать, что держатели выпустят ее на рынок.

Конечно, запасы русской золотой менеты, и в достаточно большом количестве, имеются в кассах государственных банков отдельных стран, особенно Соединен. Штатов Сев. Америки, но трудно предполагать переброску этой монеты именно на Восток, тем более, при отсутствии коммерческого спроса на эту монету и при нецелесообразности ввоза ее в ДВО при установленном там номинальном курсе червонца в 10 руб. золотом.

Из'ятие ден. знаков и суррогатов прежних выпусков.

Одновременно с внедрением червонцев и формальным установлением права на обращение совзнаков, были приняты меры к из'ятию «прежних» ден. знаков. Об этом 24 октября 1924 г. состоялось следующее постановление Дальревкома:

«В целях сосредоточения в кассах НКФ *аннулированных бумажных ден знаков, процентных и дивидентных бумаг, а равно и других, утративших всякую ценность, обязательств, векселей и проч. и для разгрузки ведомственных касс от излишнего баласта,* ДРК постановил:

1. Всем правительственным учреждениям и отделам коммунальных хозяйств на ДВ: а) бумажные ден. знаки выпуска прежних правительств, так называемые: *романовские, керенки, думские* и проч.; б) все процентные и дивидентные бумаги, выпущенные до октябрской Революции российским царским пра-вом и Вр. пр-вом, выпущенные частными обществами и компаниями, за тот же период времени и как гарантированные пр-вом, так и не гарантивованные пр-вом, различные паи, а также обесцененные векселя и чеки *сдавать в соответствующие кассы Наркомфина.*

2. Настоящее постановление ввести в действие со дня его распубликования и *закончить исполнением в месячный срок».*[1])

Как видим, постановление, предлагая «разгрузить» — правительственные и коммунальные кассы «от излишнего баласта» — не покушалось на остатки ден. знаков прежних выпусков и др. обязательства, находившиеся в кассах частных, кооперативных и общественных учреждений.

Одновременно с частичным из'ятием ден. знаков прежних выпусков было введено в действие постановление СТО, под страхом строгой ответственности воспрещающее всем частным, казенным, кооперативным, муниципальным и др. учреждениям выпускать в обращение свои «боны», «авансовые карточки», «расписки», и др. какие бы то ни было суррогаты, носящие характер расчетных знаков. Этим как бы завершался многолетний период эпидемии выбрасывания на рынок кажд. учреждением своих «ден. знаков».

Денежный материал ДВО в 1924 г.

Многочисленность относящихся к ден. обращению на ДВ постановлений, декретов, раз'яснений, правил и т. п. вынудила Управление Уполнаркомфина на ДВО «в целях осведомления широких слоев населени» опубликовать особое «*Раз'яснение*» о имеющих обращение на ДВО гос. кред. билетах и серебр. монете. «*Раз'яснение*» указывало, что:

«*Государственные казначейские билеты* (образцы коих имеются во всех кассах НКФ) не следует смеш. с совдензнаками; первые обязательны к приему для всех учреждений и лиц С.С.С.Р, в том числе и в *ДВО по золотому их номиналу* (как 1, 3 и 5 рублей золотом), вторые— совдензнаки—принимаются по всем платежам во все кассы НКФ, впредь до их выкупа и из'ятия из обращения, по курсу котировальной комиссии при Управлении Уполнаркомфина.

---

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 74, от 6 ноября 23 г. ст. 691.

Серебряная монета советской чеканки, как банковая, так и разменная, обязательна к приему на всей территории СССР по номиналу.

Старая серебряная монета (царской чеканки) имеет хождение в пределах ДВО по курсу, ныне действующему и публикуемому ежедневно котировальной комиссий при Уполнаркомфине».[1])

Само собой, помимо этого имела хождение росс. зол. монета (царского чекана) и, как основной ден. знак,—червонцы.

Серебряная монета нового чекана стала поступать в денежное обращение ДВО начиная с марта 24 г.

Постановление СНК от 7-го марта 24 г. установило твердый выкупной курс совзнаков и порядок из'ятия их из обращения.

Как известно, обязательный прием совзнаков кассами НКФ и Госбанка по установленному курсу закончился 30-го апреля 24 г. С этого времени в ден. обращении ДВО остается золотая и серебряная монеты, гос. казнач. билеты и червонцы.

Как было уже указано выше, зол. монета фактически исчезла из оборота; серебр. монета нового чекана проникает в оборот достаточно медленно, так как снабжение ею ДВО поставлено во вторую очередь, следовательно, фактически ден. оборот обслуживается серебром прежних выпусков, билетами гос. казн. и червонцами.

Переход на червонное исчисление. Полное исчезновение с рынка зол. монеты при сохранившейся зол. основе исчисления как бы оставило без базы циркулировавшее в ден. обороте серебро, исчислявшееся в золотом рубле и по существу являвшееся разменным материалом.

Пустующее место «абстрактного» золота в порядке постепенности было заполнено червонцем, ставшим основой золотого исчисления и, в общественном сознании, как бы заменившим золотую десятку.

Конечно, на пути внедрения червонца имели место и шероховатости, органам власти неоднократно приходилось пресекать нежелание принимать червонцы, особенно в обмен на звонкую монету. Любопытно отметить, что об обязательности приема червонцев приходилось напоминать не только частным лицам, но и гос'учреждениям. Так напр. уже в ноябре 23 г., т. е. по прошествии четырех месяцев со дня опубликования июльского постановления Дальревкома, Приморский Губфинотдел издал следующее постановление:

«Предлагается всем государственным, коммунальным, общественным и частным учреждениям и предприятиям и отдельным лицам *принимать червонцы безпрепятственно* и без

---

[1]) См. «Бюллетень Владив. Товарн. Биржи» № 38, от 22 марта 24 г.

ограничения суммы. Кроме того предлагается во всех случаях, когда приходится сдавать сдачу банковым и разменным серебром, *принимать червонцы свободно и сдавать сдачу.*

Граждане приглашаются в случае отказа в приеме червонцев под предлогом отсутствия разменных денег составлять об этом протоколы и заявлять в милицию. Учреждения и предприятия в случае недостатка разменных денег могут обращаться в губ. прих.-расх. кассу или Губфинотдел».[1])

Весьма вероятно, что уклонение от приема червонцев отчасти происходило и по той причине, что обязательный курс, приравнивавший их к зол. десятке, по местным условиям, был достаточно высок.

Краевая К-ра Госбанка во Владивостоке установила операции в червонцах с 16-го июля 23 г. Ею было об'явлено, что с этого числа она «*параллельно с существующим ден. обращением* будет производить все операции *в червонцах*, причем *активные* операции будет производить *исключительно в* червонцах, за исключением операций, связанных с иностран. валютой за-границей. Все обязательства, представляемые в банк по активным операциям должны быть выписаны только *в червонцах*».

Одновременно открыли операции в червонцах и филиалы Дальбанка.

С 18-го июля 23 г. Котиров. Комиссия Владив. Тов. Биржи ввела котировку червонца в свои «Бюллетени».

Котировальная комиссия при Уполнаркомфине на ДВ—в Чите стала опубликовывать свои курсы с 1-го окт. 23 г.

Ниже мы приводим справки об отмечавшемся во Владивостоке курсе *червонца на зол. рубль* за период с 18 июля по 1-ое октября 23 г., с какового времени червонец былъ приравнен к 10 руб. золотом.

18-VII	25-VII	31-VII	7-VIII	14-VIII	21-VIII	28-VIII	4-IX	11-IX	18-IX	25-IX	2-X
8.62	8.67	8.73	9.05	9.12	9.18	9.21	9.23	9.26	9.28	9.31	10.–

Курс червонца на иену отмечен Биржей 25 июля—в 9 иен 80 сен, 21 августа—в 10 иен 37 сен, параллельно с этим биржевым курсом, согласно постановления Приморского Губвоенревкома от 25 ноября 1922 г. (см. протокол № 15, пункт 11) действовал еще оффициальный курс зол. десятки в 11 иен 30 сен, с 1-го же октября Бюллетени, вместо рыночного курса 25 сентября в 10 иен 70 сен, стали отмечать новый оффициальный курс в 11 иен 80 сен. Оффициальный курс *с 20 марта 24 г.* был установлен в 12 иен 50 сен, рыночный же курс иены 10 апреля отмечен в 12 иен 12 сен за червонец. В конце апреля 24 г. был установлен новый оффициальный курс в 13 иен за червонец.

Интересно сопоставить *курс фунта стерлингов на червонные рубли*, по отметкам Владивостокских Бюллетеней, с московским курсом этой валюты на червонец, примерно в эти же числа.

---

[1]) См. «Бюллетень Владив. Тов. Биржи» № 21, от 24 ноября 23 г.

1923—1924 г. г.

	18-VII	21-VIII	25-IX	30-X	20-XI	16-XII	24-I	21-II	6-III	20-III	10-IV
Владивосток	9.67	8 96	8.48	8.21	8.22	8.58	8.80	8 50	8.50	8.50	8.60
Москва.	9 49	9 50	9.39	9.28	9.30	9 39	9.18	9.26	8.86	8 40	8.36

Как видим, курс, случайно установленный в первый день котировки, в последующем резко изменился в сторону удорожания червонца и последний впредь до начала марта 1924 г. расценивался во Владивостоке почти на 10% выше, нежели в Москве. В марте происходит перелом, Москва быстро улучшает курс червонца, во Владивостоке же курс замер на одном уровне.

Об'яснением указанного несоответствия можно признать: во-первых—крайний недостаток в червонцах на ДВ, особенно во Владивостоке, где курс их для платежей казне все время был искусственно высок; во-вторых, усиленный темп торговых сношений ДВО с центральной Россией, по отношению к которой баланс ДВО несомненно оказался пассивным.

Недостаток в червонцах подтверждается и фактом имевшейся в первой половине 24 г. возможности делать более или менее значительные переводы из Харбина во Владивосток *только* в иенах, т. к. за отсутствием во Владивостоке в наличности червонцев Банки не брали на себя обязательство производить оплату червонцами, предлагая выплату *лишь иенами*.

Недостаток червонцев, создавший ненормальные условия в ден. обращении Приморья, повел к изданию Дальревкомом следующего постановления:

«Вследствие отсутствия в обращении в районе Советской Гавани российской валюты, имеющей оффициальное хождение в ДВО, и вследствие невозможности до весенней навигации снабдить означенную местность русской валютой, ДРК постановил:

1. Действие постановления ДРК от 9 октября 1923 г. за № 503, *до 1 декабря 1923 г.* допускавшего прием и выдачу иностранной валюты государственными, коммунальными и кооперативными кассами, находящимися в пределах Приморской и Камчатской губернии, *продлить в отношении вышеуказанной Советской Гавани до 1 мая 1924 г.*

2. Управлению Уполнаркомфина с начала навигации принять все меры к ликвидации вышеуказанного явления в Советской Гавани».[1])

Таким образом, хождение иен узаконялось *по 1-ое мая 24 г.* Несоответствие курсов оставалось прежнее.

Как бы то ни было, несомненно, что с течением времени должна произойти нивеллировка курсов и тогда возможны будут лишь случайные и незначительные несоответствия, об'яснимые чисто местными, подчас сезонными причинами.

Червонец постепенно внедрялся не только в ден. обращение ДВО, но и в основу исчислений там.

12-го ноября 23 г. Дальревком, на основании постановления СТО от 14-го сен. того же года, постановил отменить свое

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 5 (88), от 29 февраля 24 г ст. 44.

прежнее распоряжение об установлении окладов гербового сбора в золотом исчислении и установить таковые на ДВ с 20-го ноября 23 г. в червонном исчислении.[1])

7-го декабря 23 г. Дальревком ввел в действие приведенные выше постановления об учете в червонцах сделок с инвалютой,[2]) о вкладных операциях и др.

Наконец, 11 февраля 1924 г. Дальревком опубликовал свое «*Постановление о переходе на золотой (червонный) расчет*»:

«В виду применения на всей территории СССР в качестве счетной единицы золотого (червонного) рубля и наличия применения в ДВО различных денежных счетных единиц (золотой, банковый и биллонный рубль) при установлении цен на товары и материалы в практике, как госорганов, так и частных предприятий и лиц — ДРК, на основании декрета ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 г., постановил:

1. Обязательной счетной денежной единицей для всех операций государственных, коммунальных, кооперативных и частных учреждений, предприятий и лиц установить золотой (червонный) рубль.

2. Обязать как государственные, коммунальные и кооперативные учреждения и лица расчеты всех своих операций, расценку товаров и все бухгалтерские и торговые книги вести исключительно в золотых (червонных) рублях.

3. За неисполнение настоящего постановления виновные в том, если не подлежат преданию уголовному суду, подвергаются в административном порядке: принудительным работам на срок до 3-х месяцев или денежному штрафу на сумму до 300 рубл. зол.

4. Настоящее постановление ввести в действие по телеграфу *сроком на один год. Вр. Преддальревкома Павлов. Секретарь Дальревкома Копытин*» [3])

Переход на золотое (червонное) исчисление—вызвал попытку переценить товары в сторону повышения цен; это явление в свою очередь вызвало постановление ДРК, от 19 февраля 24 г., в котором констатировалось обнаружение случаев «ничем не вызываемого искусственного повышения частными предприятиями и лицами цен на товары при переходе к обязательной ден. единице» и возлагалось на Губисполкомы

«строгое наблюдение и ответственность за точное и в полном об'еме проведение в жизнь вышеуказанного постановления Дальревкома, поставив во главу их внимания в этом вопросе следующее:

а) при переходе на единую счетную денежную единицу — золотой (червонный) рубль — отнюдь не должно иметь места искусственное повышение цен на товары;

б) все договора и обязательства, заключенные до издания постановления Дальревкома от 12 февраля с. г. государственными учреждениями и предприятиями между собой или с частными лицами и учреждениями, а также между последними по тем или иным причинам в банковом или билонном (разменном) серебре, должны быть также переведены в золотое (червонное) исчисление по курсу дня их фактического заключения».[4])

Прибывший из Москвы на ДВ в марте 24 г. новый Уполнаркомфин — С. М. Измайлов и сопровождавшие его эксперты Нар. Комиссариата Финансов СССР застали ДВО почти уже вполне ассимилированной в общей системе советского денежн. хозяйства.

Нивеллировка ден. систем ДВО и СССР.

Некоторые из последующих мероприятий, как напр., приведенное нами апрельское 24 г. постановление об изменении курса

---

[1]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 79, от 6 декабря 23 г. ст. 739.

[2]) О сделках с инвалютой в Приморье, Прим. Губфинотделом 2-го января 24 г. издано было особое *постановление* за № 7492. См. «Бюллетень Владив. Тов. Биржи» № 28 от 12-го января 1924 г.

[3]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 5 (88), от 29 февраля 24 г. ст. 45.

[4]) См. «Бюллетень Дальревкома» № 6 (89), от 26 марта 24 г. ст. 57.

сер. монеты прежнего чекана, завершали подготовительные мероприятия по нивеллировке ден. системы ДВО и СССР.

Упомянутая нами выше декларация Дальревкома опубликованная одновременно с апрельским постановлением отмечала, что постановление это надлежит рассматривать, как завершение политического и хозяйственно-экономического об'единения ДВО с СССР, что соответствует интересам народного хозяйства ДВО, а также широких масс. Единая расценка червонцев и казначейских билетов СССР, даст возможность нормальных расчетов с Союзом за ввозимые оттуда товары, что приведет к снижению товарных цен и в силу этого прекратится приток увезенного белыми за-границу серебра, что в свою очередь воспрепятствует расхищению в порядке контрабандного ввоза основных богатств ДВО—пушнины и золота. Отпадает стимул прилива серебра на территории СССР, что пресечет спекуляцию при разнице цен серебра за счет населения.

Декларация указывала, что старое серебро будет иметь хождение на прежних основаниях по новому курсу, пока не поступит в порядке платежей и выкупа в кассы наркомфина, откуда вновь выпускаться не будет.

Как отмечала декларация,—изменение курса старого серебра не отразится на интересах трудового населения, ибо зар. плата и цены товаро-продуктов исчисляются в золотом рубле. Крестьянство также не должно пострадать, ибо уплата сельскохозналога уже произведена серебром по прежнему курсу. Снижение цен на городские товары укрепить смычку города с деревней. В заключение декларация отмечала принятие Дальревкомом всех мер, необходимых для безболезненного перехода к денежному обращению и соблюдению интересов рабочих и крестьян.

Одновременно в связи с приводимой на ДВО реформой денежного обращения и переводом на единую общесоюзную денежную систему, Дальэкосо постановило:

1) обязать все госучреждения, коммунальные, кооперативные и торговые организации срочно пересмотреть системы калькуляции, а также цены местного Губкомвнуторга; 2) обязать Далькомвнуторг в кратчайший срок разработать и представить на утверждение Дальэкосо основные положения, определяющие калькуляцию, 3) впредь до утверждения Далькомвнуторгом или Губкомвнуторгами новых товарных цен воспретить всем государственным, коммунальным и кооперативным организациям повышение цен, существовавших на двадцатое сего апреля.

Этими постановлениями, как бы, под'итоживалась предшествующая, длившаяся более года эпоха постепенной советизации денежного обращения ДВО.

Конечно, проникшая во все каналы денежн. обращения серебр. монета и еще не полностью изжитые в Приморье и на Камчатке иены, а также общее пригараничное местонахождение ДВО будут еще некоторое время вызывать те или иные, чисто местные мероприятия краевой власти, но в общем и целом можно констатировать, что былые различия денежных систем ДВО и РСФСР изжиты.

Заключение.

...Круг завершен.

Эпоха территориального распада отошла в прошлое. Центробежный период дальневосточной жизни закончен и сменился новым центростремительным порывом.

Мы не квалифицируем ту или иную эпоху, те или иные побуждения и мероприятия, для нас важно сохранить для последующих исследователей все те мелочи повседневного хозяйственного бытия Дальнего Востока, которые имели место

на протяжении истекшего десятилетия эпохи Войны и Революции.

Нас интересовала специальная область—денежное обращение на территории Русского Д. Востока и в прилегающей к нему Сев. Маньчжурии, находившейся ранее в сфере влияния России.

Сфера влияния России за эти годы сократилась и вместо былой международной денежной диффузии,—в настоящее время денежное обращение ДВ Окраины упирается в свои границы с Китаем, сохраняя прежнее влияние лишь в Монголии, которая за эти годы также в значительно большей степени, нежели ранее, приобщилась к мировым валютным рынкам и к вне-российской валюте.

В этих условиях дело денежного обращения на ДВ приобретает особую важность, и необходимее, чем когда-либо, выравнивать внутренние мероприятия, сообразуясь с окружающей обстановкой внешних денежно-валютных рынков.

На лишне вспомнить зоркость, проявленную к нашему рынку нашими соседями.

В годовом отчете за 1919 г. Правление Chosen Bank'а указывало акционерам, что «предугадать будущее Сибири трудно, но мы должны зорко следить за развитием положения и быть всегда готовыми к встрече событий, могущих там произойти». В отчете за 1920 г. Правление Банка смогло уже констатировать,—как вполне уместно напоминали материалы представленные русскими т.-промышленниками на Вашингтонскую конференцию,—что Банк зорко следил за положением и извлек из него ту выгоду, что сфера обращения новых банкнот Банка постепенно расширялась за счет обращения рубля и что и Владивосток и Харбин вовлечены уже в сферу их обращения. Тем же чувством удовлетворения по поводу расширения сферы обращения иеновых банкнот в русских пределах, проникнут доклад Правления Чосен Банка и за 1921 г.

Приведенные сведения не нуждаются в комментариях.

Но сделать из них вывод столь же необходимо, как и из всего того, что прошло перед нами, когда, перелистывая предшествующие страницы этой книги, мы вместе с тем приобщались к недавним страницам истории денежного обращения на ДВ.

На протяжении последних лет на территории и в отдельных уголках территории Дальнего Востока—одна власть сменяла другую. Различны были стимулы, руководившие каждой из «властей», различны были методы управления и преследуемые цели,—сходство было лишь в одном—всем им сопутствовал финансовый и, в частности, денежный кризис и все

они в поисках выхода прибегали к помощи печатного типографского станка.

...Нет необходимости подбивать итоги эмиссий,—не все ли равно—на пол миллиарда или на миллиард зол. рублей эммитировано было органами и организациями разных наименований своих, разно наименованных, денежных знаков.

Важно охватить общую *тенденцию эпохи* и из частных фактов с'уметь сделать общие выводы, которые помогут преодолевать довлеющие дневи вопросы текущей практики.

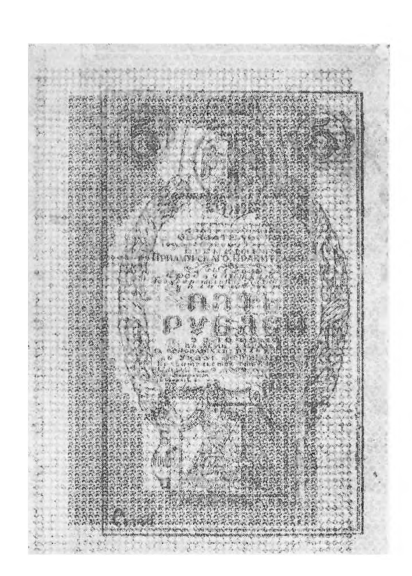
Пора перестать быть об'ектом чужой «зоркости».

Замеченные ошибки и опечатки.

Стр.	Строка: сверху	снизу	Напечатано:	Следует читать:
1	—	6	париретных	паритетных.
3	—	4	(в калонке—Камчатка)—ДВР.	РСФСР
14	—	10	22-го апреля	22-го апреля 1920 г.
15	—	15	выражалась	выражалось
28	12	—	кофейная.	кофейной Зазунова.
30	—	4	выше	ниже
32	—	2	ведомствами	ведомств
35	9	—	денежных знаков	денежные з
38	—	1	(выноска)—в 1922 г.	в 1921 г.
45	24	—	1-го января	31-го января.
46	17	—	мидлиардов	миллиардов
55	—	28	нисским	низким
62	13	—	издании	издании
65	27	—	обмену	обмен
73	—	16	понянто	понятно.
84	—	15	денженой	денежной
89	5	—	нисским	низким
96	—	16	(в таблице) 150.000.000 ¦ — —	150.000.000 ¦ 150.000.000
»	—	4	» » 512.370.478.90	662.370.478.90
»	—	1	почти 17 милл. рублей	свыше чем на 12 милл. руб.
99	—	11	норме	форме
102	2		и неприкосновенного	из неприкосновенного
103	7	—	которые были	которые *не* были
112	—	9	фондом	фондом)
117	23	—	V (финальная)	IV (финальная)
118	19	—	читали	читаем
135	—	3	остаткам	остатком
»	—	»	появившегося	появившемся
»	—	2	банкового серебра	банковым серебром
»		1	монеты	монетой
136	18	—	министерств	министерству
137	2	—	но	не
138	2	—	(под клише)- *лицевая сторона*	оборотная сторона
138	—	—	» » *оборотная сторона*	лицевая сторона
140	1	—	ГЛАВА II.	ГВАВА III
148	1		ГЛАВА III.	ГЛАВА IV
156	16	—	не смотря	несмотря
165	7	—	подлежит	подлежит обмену
187	—	10	«Дальта»	«Руста»
190	6	—	что Правительство	что «правительство
198	26	—	Государственного	Государственного Банка
202	—		(в таблице) за подписью	за период
237	22	—	являлис	являлися
»	24	—	евакуацией	эвакуацией
»	—	12	в Верхнеудинск	в Читу
254	12	—	меснтом	местном
256	—	20	лабым	слабым
262	10	—	об‘явлено было	, когда в 19 г. об‘явлено было
265	—	10	300.000 рублей	900 000 рублей.
274	19	—	на наивыгоднейшей	по наивыгоднейшей
276	—	21	генерала Корнилова	генерала Краснова
281	5	—	Троицко-Савский	Троицкосавский
286	32	—	имеющих хождение	имеющие хождение
»	42	—	по ДВР	из ДВР

297	—	14	86%	66%
300	—	5	превысил	превысила
316		19	вельсма	весьма
369	—	9	а так как	и так как
333	1	-	что для	что «для
341	—	14	в явнаре	в январе
363	12	-	(в таблице) V—IV 1919 г.	V—VI 1919 г.
364	—	9	в 1917 г.	в 1918 г.
369	—	9	, а так как	и так как
371	—	5	иены и не новых	иены и иеновых
378	4	—	(после таблицы) к, 96,2 коп.	*к 90 коп. зол.*
380	—	9	в рех	в трех
391	25	--	распределению	распространению
401	5	—	предположенныя	предположенный
409	5	—	1924 г.	1923 г.
414	24	—	приводимой	проводимой

В перечень ден. знаков Амурской области не включены чеки, выпущенные Зейским Казначейством.

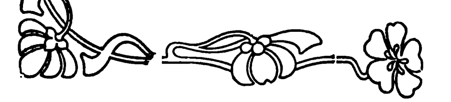
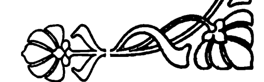

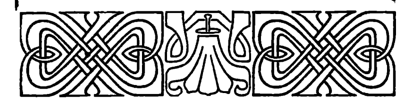
Невыпущенное *безпроцентное краткосрочное обязательство Гос. К-ва Вр. Приамурскаго пр-ва* (Меркуловского). г. Владивосток. 1923 г.

(Натур. велич. 150 х 90 мм.).

Цвет синий, рисунок и текст на желтой сетке.

(См. стр. 136).

АДРЕС Музея Общества изучения Маньчжурского Края.

Харбин, Новый Город, Московские Торговые ряды, 11, 17, 9 и 10.

Список изданий Общества изучения Маньчжурского Края:

1. Устав Общества изучения Маньчжурского Края, ХРБ., 1922 г. цена 10 сен. (на русском языке).
2. Устав Общества изучения Маньчжурского Края, ХРБ., 1923 г. цена 10 сен. (на китайском языке).
3. Известия Общества изучения Маньчжурского Края, № 1, ноябрь 1922, ХРБ., (на русском языке) . . . . цена 30 сен.
4. Известия Общества изучения Маньчжурского Края, № 2, январь 1923, ХРБ., (на русском языке). . . . . цена 30 сен.
5. Известия Общества изучения Маньчжурского Края, № 3, июнь, 1923, ХРБ. (на русском языке с китайск. вклад.) . . . . цена 30 сен.
6. Бюллетень Музея Общества Изучения Маньчжурского Края и Юбилейной Выставки К. В. ж. д., № 1, ХРБ., 1923 (на русском языке) . . . . цена 30 сен.
7. Бюллетень Музея Общества изучения Маньчжурского Края и Юбилейной Выставки К. В. ж. д., № 2, ХРБ, 1923, (на русском языке) . . . . цена 30 сен.
8. Известия Общества изучения Маньчжурского Края (на китайском языке) № 1, 15 июля 1923, ХРБ . . . . цена 20 сен.
9. Известия Общества изучения Маньчжурского Края. Истор.-Этнограф. Секция, № 4, ХРБ, 1924 . . . . цена 30 сен.
10. Известия Общества изучения Маньчжурского Края, Торгово-Промышленная Секция, № 5, Май, 1924, ХРБ . . . . цена 40 сен.
11. Премированная промышленность и торговля С. Маньчжурии ХРБ, 1923 . . . . цена 60 сен.
12. А. И. Погребецкий. Денежное обращение и денежные знаки на Дальнем Востоке за период войны и революции (1914—1924 г.г.) ХРБ, 1924. Издано совместно с Ак. Т-вом „Книжное Дело“. . — — —

Библиотека Торговопромышленной Секции О. И. М. К.

13. № 1. Леса и лесная промышленность Северной Маньчжурии, ХРБ, 1923, (на русском языке) . . . . цена 40 сен.
14. № 2. Хлебная торговля и мукомольная промышленность в Северной Маньчжурии, ХРБ, 1923, (на русском языке) . . . . цена 30 сен.
15. № 3. Каменный уголь на Маньчжурском рынке, ХРБ, 1924 . . цена 10 сен.
16. № 4. Восточная Монголия и монгольское сырье. Сборник статей, ХРБ, 1924 г. . . . . цена 40 сен.
17. № 5. Молочное хозяйство в Китае и в С. Маньчжурии . . . . цена 30 сен.
18. № 6. Ассортименты товаров в китайской торговле, ХРБ, 1924 г. цена 30 сен.

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Общество изучения Маньчжурского Края, Харбин, Новый Город, Моск. Торг. Ряды, № 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ.